

ВЕСТНИК
ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

СНГ

REVUE
D'HISTOIRE
ANCIENNE

4(5)

ОГНІС СОЦІАЛІЗ 1938

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE D'HISTOIRE ANCIENNE

4 (5)

Генкер

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1938

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Выход «Краткого курса истории ВКП(б)», одобренного ЦК ВКП(б), является выдающимся событием в жизни партии и всей страны. Лучшим доказательством этому является тот факт, что изучение истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) сразу стало в центре внимания всех партийных организаций, комсомола, всей массы советской интеллигенции, рабочего и колхозного актива страны.

Эта книга, появление которой трудно переоценить, поднимает на огромную высоту значение марксистско-ленинской теории. «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно»,—говорил Ленин. Марксистско-ленинская теория есть «то оружие, при помощи которого она (партия—А. М.) познает настоящее и предвидит будущее» («Краткий курс», гл. II). Понятно, что овладение большевизмом, марксистско-ленинской теорией в связи с выходом сталинской «Истории ВКП(б)» знаменует небывалый подъем теоретической мысли в стране. Обсуждение задач, путей перестройки работы в области устной и печатной пропаганды всколыхнули теоретические силы партии, научных работников во всех областях человеческого знания, в особенности в области гуманитарных наук. Философы, экономисты, историки, специалисты литературоведения и языкознания,—все поставили своей задачей разработку гигантского исторического опыта большевистской партии, основных знаний марксизма-ленинизма. Исходя из указаний, данных в «Кратком курсе», несомненно ученые оплодотворят науку своей специальностью, усовершенствуют приложении диалектического метода в своей области знания и тем самым двинут вперед марксистско-ленинскую теорию, обогатят ее новыми данными, новыми выводами.

Особенно велики и ответственны задачи перед той когортой армии теоретического фронта, которая имеет дело непосредственно с историческим материалом, с историческим его исследованием, с историческим обобщением опыта прошлого человеческой истории в свете марксистско-ленинского учения. Историки-марксисты, специалисты самых различных областей исторического знания, прекрасно отдают себе отчет в том, что в «Кратком курсе» по их адресу дается ряд непосредственных указаний, и поэтому сознают, что партия и страна требуют от историков создания подлинной, соответствующей нашей героической эпохе, исторической науки.

Одним из самых ярких свидетельств того огромного значения, которое наша партия придает теории, ее разработке и овладению ею для практи-

ческой работы, является IV глава сталинской «Истории ВКП(б)». Эта глава замечательна тем, что она полно, ярко и со сталинской четкостью излагает философские основы марксизма-ленинизма. Очень трудно кратко передать богатейшее содержание этой главы. Каждое положение, каждая мысль, любая фраза и даже каждое отдельное слово здесь взвешены, продуманы, отточены и в необычайно сжатой форме выражены. Поэтому работники теоретического фронта, и историки в том числе, особенно должны глубоко изучить, тщательно продумать, неторопливо освоить все содержание этой главы в целом.

Для работников исторического фронта особое внимание вызывают сформулированные в IV главе задачи применения диалектического метода в историческом исследовании и изложение марксистско-ленинской теории исторического процесса.

Характеристика диалектического метода дается в изложении этой главы путем установления основных его признаков.

I. Первое, что является важным в характеристике диалектики—это рассмотрение природы, как связного, единого целого, и изучение каждого явления «в его неразрывной связи с окружающими явлениями, в его обусловленности от окружающих его явлений». Такой взгляд прямо противоположен метафизике.

II. Второе—диалектический метод рассматривает природу в состоянии непрерывного движения и изменения, непрерывного обновления и развития. Таким образом, каждое явление необходимо изучать с точки зрения его возникновения и отмирания. И при этом важно здесь не то, что уже возникло и начинает уже отмирать, а то, что еще только возникает и развивается. Такой взгляд прямо противоположен метафизике.

III. Третье—диалектический метод рассматривает процесс развития не как процесс роста количественных изменений, а как качественное и скачкообразное развитие, как развитие не по кругу, а как поступательное, от простого к сложному, от низшего к высшему. Диалектика утверждает не принципы эволюции, а революции. Такой взгляд прямо противоположен метафизике.

IV. Четвертое—диалектический метод рассматривает развитие природы и ее отдельных явлений не в порядке гармонического развертывания явлений, а в порядке раскрытия противоречий, свойственных явлениям, в порядке «борьбы» противоположных тенденций, действующих на основе этих противоречий. Такой взгляд прямо противоположен метафизике.

Таковы четыре основные черты диалектического метода. Нечего говорить о том исключительном значении, какое имеет распространение положений диалектического метода на изучение мира общественных явлений, на изучение исторического процесса развития общества и практической деятельности партии пролетариата.

В IV главе даются прекрасные примеры применения всех сторон диалектического метода к истории общества. Рассмотрим применение этих сторон, как это дается в «Кратком курсе». Это требует специального рассмотрения, а затем и разработки потому, что здесь вокруг применения этих сторон диалектического метода, на конкретных примерах их применения к истории общества формулируются предмет и метод марксистской исторической науки.

I. «Если нет в мире изолированных явлений, если все явления связаны между собою и обуславливают друг друга, то ясно, что каждый общественный строй и каждое общественное движение в истории надо расценивать

не с точки зрения «вечной справедливости» или другой какой-либо предвзятой идеи, как это делают нередко историки, а с точки зрения тех условий, которые породили этот строй и это общественное движение и с которыми они связаны». «Все зависит от условий, места и времени». В этом первом и основном примере применения диалектического метода выражена вся сущность и с т о р и ч е с к о г о подхода к миру общественных явлений. Без такого подхода не может и существовать наука об истории. Всякий иной подход или с точки зрения «вечной справедливости» в буржуазной истории, или с точки зрения «сегодняшнего дня» у «школы» Покровского превращает историческую науку «в хаос случайностей и в груду нелепейших ошибок».

Таким образом, и с т о р и ч е с к и й подход—это первое требование к марксистской исторической науке. Без выполнения этого требования не может быть истории, как науки, а историка, как ученого.

II. «Если мир находится в непрерывном движении и развитии, если отмирание старого и нарастание нового является законом развития, то ясно, что нет больше «незыблемых» общественных порядков, «вечных принципов» частной собственности и эксплуатации, «вечных идей» подчинения крестьян помещикам, рабочих капиталистам». Отсюда другое требование к марксистской исторической науке—рассматривать смену форм общественного развития, одного строя другим, как з а к о н истории общества, показавший себя как в прошлом (например смена феодализма капитализмом), так и в настоящем (смена капитализма социализмом). Закон этот имеет исключительное значение для партии рабочего класса, ибо он заставляет смотреть вперед, а не назад,—главное условие, чтобы не ошибиться в политике. Историк-марксист должен помнить, что этот закон смены общественных форм требует от него, чтобы он подходил к историческому исследованию, как революционер-большевик, а не как реформист.

III. «Если переход медленных количественных изменений в быстрые и внезапные качественные изменения составляет закон развития, то ясно, что революционные перевороты, совершаемые угнетенными классами, представляют совершенно естественное и неизбежное явление». Отсюда, следовательно, вытекает третье требование к марксистской исторической науке — изучать переход медленных количественных изменений в качественные, процесс возникновения нового общественного строя путем р е в о л ю ц и о н н ы х п е р е в о р о т о в. Значение этого закона громадно для партии рабочего класса, ибо он учит, что переход от капитализма к социализму возможен не путем реформ, а путем революции. И, чтобы не ошибиться в политике, надо быть не реформистом, а революционером.

Таким образом, историк-марксист, изучая переход количества в качество в истории общества, не только правдиво раскрывает исторический процесс, но, вместе с тем, раскрывает закон падения капитализма, утверждает неизбежность перехода к социализму путем революции.

IV. «Если развитие происходит в порядке раскрытия внутренних противоречий, в порядке столкновений противоположных сил на базе этих противоречий, с тем, чтобы преодолеть эти противоречия, то ясно, что классовая борьба пролетариата является совершенно естественным и неизбежным явлением». Следовательно, закон к л а с с о в о й б о р ь б ы—неизбежное явление всех антагонистических общественных формаций. Таким образом, четвертое требование к марксистской исторической науке заключается в изучении классовой борьбы, столкновения противоположных

сил на базе классовых противоречий, ибо только путем столкновения этих сил достигается преодоление противоречий. Громадное значение этого закона для партии рабочего класса заключается в том, что он учит не замалчивать классовые противоречия, а вскрывать их и доводить классовую борьбу до конца.

Таким образом, историк-марксист, изучая классовую борьбу в истории, законы ее развития, ставит историческую науку на службу социализму, ибо историк показывает историческую правду, именно, что только социализм может преодолеть все противоречия капиталистического общества и вывести человечество в счастливую фазу своего развития.

Таково применение четырех основных сторон диалектического метода к историческим явлениям, таковы те четыре закона общественного развития, которые отсюда вытекают, и таковы те четыре требования к марксистской исторической науке, без выполнения которых не может быть выполнено научно, правдиво, т. е. марксистско-ленински, ни одно историческое исследование.

Все значение истории, как науки, поднимается во весь свой рост в результате применения диалектического метода. История становится в ряд точных наук, она вооружает человека практическим опытом, знанием законов общественного развития. Как явления в природе связаны между собою закономерностью развития природы, так и взаимная обусловленность явлений общественной жизни представляет собою закономерности развития общества. И дело историка-марксиста — исследовать и открывать эти закономерности.

Как наши знания о законах развития природы являются достоверными знаниями, так и общественная жизнь познаваема. Следовательно, данные исторической науки о законах развития общества являются также достоверными данными, имеющими значение объективных истин. И дело историка-марксиста установить эти объективные истины и вооружить ими массы народа. В этом задача служения исторической науки народу.

Как природа, бытие или материальный мир является* первичным, а сознание, мышление—вторичным, так и материальная жизнь общества, его бытие является основным, а духовная жизнь людей—производным. Материальная жизнь общества есть объективная реальность, существующая независимо от воли людей, а духовная жизнь есть производное, она есть отражение этой объективной реальности. Отсюда задача историка-марксиста искать источники формирования идей, теорий, учреждений не в самих идеях, теориях, учреждениях, а в материальных условиях жизни общества. Колоссальное значение этого факта в том, что он учит партию рабочего класса исходить в своей политике не из мечтаний, не из отвлеченных принципов, не из пожеланий «великих людей», а из реальных потребностей материальной жизни общества.

«Сила и жизненность марксизма-ленинизма состоит в том, что он опирается в своей практической деятельности именно на потребности развития материальной жизни общества, никогда не отрываясь от реальной жизни общества».

Все эти положения марксизма-ленинизма поднимают роль исторического знания, назначение исторической науки и подчеркивают практическое применение исторических законов для социалистического строительства.

«Значит, наука об истории общества,—читаем мы в «Кратком курсе»,—несмотря на всю сложность явлений общественной жизни, может стать такой же точной наукой, как, скажем, биология, способной использовать законы развития общества для практического применения».

Краткое изложение этой части IV главы показывает, какие новые задачи ставятся теперь перед передовой, марксистской исторической наукой. Историки нашей страны должны подняться до уровня этих задач, взяться за глубокое изучение прошлого человеческой истории, вскрыть законы развития общества, передать это массам, вооружить их для социалистического строительства и тем самым оправдать назначение истории, как науки.

*

Далее в IV главе излагается то необычайно важное для историка, что может быть названо марксистско-ленинской схемой исторического процесса.

Если «условия материальной жизни общества» определяют в конечном счете физиономию общества, то спрашивается, что надлежит подразумевать под ними?

В «условия материальной жизни общества» входит географическая среда, т. е. окружающая общество природа. Это очень важный момент при историческом изучении общества и совершенно неоправдываемо со стороны историков пренебрежение этим моментом. Но каким бы важным моментом ни являлась географическая среда, она не может служить определяющей причиной общественного развития. Много происходило социальных переворотов в Европе в течение последних трех тысяч лет, тогда как за этот период изменений географических условий в Европе или совсем не было или они были незначительны. Следовательно, причины переворотов вовсе не в географической среде.

В понятие «условий материальной жизни общества» входит и рост народонаселения и та или иная плотность населения. В историческом анализе общества историк не имеет права пренебрегать и этим моментом. Но и этот момент не может служить определяющей причиной развития общества. Плотность, например, населения Бельгии выше, чем в США, и еще больше, чем в СССР. Однако Бельгия отстала от США, а от СССР Бельгия отстала на целую историческую эпоху.

Главной силой в системе материальных условий жизни общества и определяющей физиономию общества является не географическая среда, не народонаселение, а способ добывания средств к жизни, способ производства материальных благ.

Одну сторону способа производства составляют производительные силы: орудия производства, люди, приводящие в движение эти орудия, и производственный опыт, навыки к труду.

Другую сторону способа производства составляют производственные отношения людей в процессе производства материальных благ.

И производительные силы и производственные отношения охватываются в способе производства, как воплощение некоего единства.

В историческом процессе, как он представляется марксистско-ленинской теорией, три особенности материального базиса общества бросаются в глаза историку-исследователю.

Первая особенность состоит в том, что производство никогда не застывает на одной точке и находится в состоянии изменения и развития, причем изменение в способе производства неизбежно вызывает изменение всего общественного строя, общественных идей, политических учреждений. На различных ступенях развития люди пользуются различными способами производства. В соответствии с этим и общественный строй людей, их духовная жизнь, их взгляды, политические учреждения бывают различные.

Следовательно, историку ключ к изучению законов развития общества надо искать не в головах людей, не во взглядах и идеях общества, а в способе производства, который господствует в каждый данный исторический период.

«Значит, первой задачей исторической науки является изучение и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества» («Курс истории ВКП(б)», стр. 116).

Вторая особенность производства состоит в том, что производительные силы или наиболее подвижный и революционный элемент производства определяют собою все изменения производственных отношений. Это не значит, что производственные отношения—пассивный элемент; нет, они сами могут активно действовать на производительные силы, ускоряя или замедляя их развитие. Производственные отношения могут в определенные периоды отставать от развития производительных сил, и тогда появляется несоответствие между тем и другим, что в классовых обществах преодолевается путем социальных революций. Производственные отношения не должны отставать от производительных сил и поэтому после переворотов они вступают вновь в соответствие с уровнем производительных сил. Таким образом, назначение социальной революции состоит в том, чтобы разрушить старые, отсталые производственные отношения и создать новые, соответствующие характеру производительных сил.

Третья особенность производства состоит в том, что «возникновение новых производительных сил и соответствующих им производственных отношений происходит не отдельно от старого строя, не после исчезновения старого строя, а в недрах старого строя, происходит не в результате преднамеренной, сознательной деятельности людей, а стихийно, бессознательно, независимо от воли людей» (стр. 123). Так получается потому, что люди не свободны в выборе того или иного способа производства; ведь способ производства зависит от исторической ступени развития производительных сил. Так получается еще и потому, что, улучшая то или иное орудие труда, «люди не сознают, не понимают и не задумываются над тем, к каким общест-венным результатам должны привести эти улучшения...» (стр. 124). «Это, однако, не значит, что изменения производственных отношений и переход от старых производственных отношений к новым протекает гладко, без конфликтов, без потрясений. Наоборот, такой переход происходит обычно путем революционного свержения старых производственных отношений и утверждения новых» (стр. 126).

Из характеристики этих трех особенностей производства видно, что диалектика производственного процесса, развития способов производства, смены одного общественного строя другим в результате социальных переворотов образует собою сущность исторического процесса. Эта сущность

исторического процесса прекрасно может быть прослежена на конкретных примерах развития тех ступеней в истории общества, которые известны, как пять основных типов производственных отношений.

В IV главе дается схема исторического процесса в соответствии с этими пятью основными типами производственных отношений: первобытно-общинный строй, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический, как ступени развития человечества.

Первобытно-общинный строй—это первая ступень или форма общества. Появление ее связано с происхождением человека, с возникновением первого человеческого коллектива на базе весьма низкого уровня производительных сил: главным образом, каменных орудий труда. Общий труд здесь вел к общей собственности на средства производства. Здесь нет эксплуатации, нет классов. В истории людей нельзя недооценивать все значение этой первой ступени в развитии производственных отношений. «Процесс труда начинается только с изготовления орудий» (Энгельс), с изобретения впервые орудий труда, и этот именно процесс сопутствовал очеловечению обезьяны. Связанная с происхождением человека, с возникновением общества первая ступень истории людей—первобытно-общинный строй—требует марксистского изучения, причем это должно быть в центре работы археологов, этнографов и историков первобытного общества.

По мере развития орудий труда, роста производительных сил возникает рабовладельческий способ производства. Появляется частная собственность на средства производства, а также на работника производства—раба, которого рабовладелец может продать, купить, убить, как скотину.

«Здесь нет уже общего и свободного труда всех членов общества в процессе производства,—здесь господствует принудительный труд рабов, эксплуатируемых нетрудящимися рабовладельцами». «Здесь рабовладелец является первым и основным полноценным собственником». «Богатые и бедные, эксплуататоры и эксплуатируемые—полноправные и бесправные, жестокая классовая борьба между ними—такова картина рабовладельческого строя» («Курс истории ВКП(б)», стр. 119—120).

В историческом процессе рабовладельческий строй был неизбежной и прогрессивной фазой в развитии общества. «Даже для рабов это было прогрессом»,—говорит Энгельс, ибо раньше военнопленные убивались, теперь они, как правило, использовались в производстве на положении рабов. В эту эпоху стало возможным накопление богатств, средств производства в руках отдельных лиц, и для той эпохи это способствовало подъему производительных сил. На базе этого более высокого, по сравнению с первобытно-общинным, рабовладельческого строя создавалась и более сложная и богатая культура, примеры которой известны нам из истории древних Греции и Рима по преимуществу.

Все закономерности общественного развития при рабовладельческом способе производства принимают совершенно иной характер, чем при первобытно-общинном строе. Специфический характер частной собственности, которая включила в себя и собственность на человека, своеобразный характер торгового обмена, преимущественно внешнего («мирового», по выражению Маркса), а не внутреннего, особая роль войны, как средства приобретения рабов и богатств, своеобразная форма демократии, только для свободных и в целях господства над рабами, и, наконец, особая форма революции рабов, изменявшая эксплуатацию, но не отменявшая ее,—все

это те специфические явления рабовладельческого строя, которые историк-марксист должен смело, глубоко научно поставить и исследовать в свете указаний «Краткого курса».

Следующей прогрессивной ступенью в историческом процессе явился с т р о й ф е о д а л и з м а. Дальнейшее развитие техники производства, накопление производственного опыта, подъем производительных сил в целом требовали, «чтобы у работника была какая-нибудь инициатива в производстве, склонность к труду, заинтересованность в труде. Поэтому феодал покидает раба, как незаинтересованного в труде и совершенно неинициативного работника, и предпочитает иметь дело с крепостным, у которого есть свое хозяйство, свои орудия производства и который имеет некоторую заинтересованность в труде, необходимую для того, чтобы обрабатывать землю и выплачивать феодалу натурой из своего урожая». Крепостного феодал уже не мог убить, но мог продать, купить его.

Возникший новый, феодальный способ производства обеспечивал дальнейшее развитие частной собственности, форм производительного труда, накопление богатств, подъем производительных сил.

«Частная собственность получает здесь дальнейшее развитие. Эксплуатация почти такая же жестокая, как при рабстве,—она только несколько смягчена. Классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя» (стр. 120).

На базе этого способа производства складываются новые закономерности общественного развития, отличные от таковых при рабстве. Иная техника, новые виды ремесла в городах, другие типы сельскохозяйственных латифундий, новые классы и новый характер классовой борьбы, совершенно другая культура, другой комплекс идей, теорий и даже религиозных представлений, — все это явилось уже на базе феодального способа производства и в результате закономерностей его развития.

Четвертым типом производственных отношений в поступательном развитии человечества явился к а п и т а л и с т и ч е с к и й с т р о й.

«При капиталистическом строе основой производственных отношений является капиталистическая собственность на средства производства при отсутствии собственности на работников производства—наемных рабочих, которых капиталист не может ни убить, ни продать, ибо они свободны от личной зависимости, но которые лишены средств производства и, чтобы не умереть с голоду, вынуждены продавать свою рабочую силу капиталисту и нести на шею ярмо эксплуатации».

На этой ступени развития производительных сил появились невиданные ранее грандиозные фабрики и заводы, вооруженные сложнейшими машинами, появились крупные капиталистические экономии с применением агротехники и сельскохозяйственных машин. Работники производства стали более культурными и понятливыми, чем забитые и темные крепостные, способными понять машину и правильно обращаться с ней. Вот почему «капиталисты предпочитают иметь дело со свободными от крепостных уз наемными рабочими» (стр. 121).

В связи с этим возникают новые закономерности в историческом процессе. Новое производство, новые классы, новый характер классовой борьбы, новая, более высокая техника, наука и культура в целом,—все это резко отличает капиталистическое общество от предшествующих обществ и требовало от историков, экономистов, философов специального изучения этого общества. И громадную роль в изучении этого общества, в раскрытии его закономерностей сыграли Маркс и Энгельс.

Основоположники марксизма отметили главное в развитии капиталистического строя—именно противоречие между его общественным характером производства (требующим и общественной собственности) и частной собственностью на средства производства. Это противоречие дает о себе знать в периодические кризисы перепроизводства, «когда капиталисты, не находя платежеспособного спроса ввиду ими же учиненного разорения массы населения, вынуждены сжигать продукты, уничтожать готовые товары, приостанавливать производство, разрушать производительные силы». «Это значит, что капитализм чреват революцией, призванной заменить нынешнюю капиталистическую собственность на средства производства социалистической собственностью» (стр. 121).

Пятым типом производственных отношений является социалистический строй, осуществленный пока что только в СССР.

Во всемирно-историческом процессе—это высшая ступень развития, это—подлинное завоевание человечества.

«Здесь уже нет ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых. Произведенные продукты распределяются по труду, согласно принципу: «кто не работает, тот не ест». Взаимные отношения людей характеризуются здесь, как отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации работников. Здесь производственные отношения находятся в полном соответствии с состоянием производительных сил, ибо общественный характер процесса производства подкрепляется общественной собственностью на средства производства».

Эта новая, поистине счастливая ступень человеческого развития не знает нелепостей перепроизводства, классовых антагонизмов, каких-либо препятствий к новому, еще большему подъему производительных сил, она создает все условия для творческого развития всех и каждого в отдельности; она создает новую, невиданную по своему богатству, культуру.

Исторический процесс развития человечества приводит к новой фазе всемирной истории. Таков неизбежный и закономерный результат социальной борьбы на той ступени, «на которой эксплуатируемый и угнетенный класс (пролетариат) не может уже освободиться от эксплуатирующего и угнетающего его класса (буржуазии), не освобождая в то же время всего общества навсегда от эксплуатации, угнетения и классовой борьбы...» (Из предисловия Энгельса к немецкому изданию «Манифеста коммунистической партии»).

Такова в общих чертах схема исторического процесса, как она рисуется марксистско-ленинской теорией и как она изложена в IV главе «Краткого курса истории ВКП(б)».

Нечего говорить о том, какова познавательная сила марксистско-ленинской теории исторического процесса. Она ориентирует в прошлом, вооружает для борьбы в настоящем, дает знания для предвидения будущего. Следовательно, велика не только познавательная сила, но и сила практического применения марксистско-ленинской теории в жизни.

Марксистско-ленинская теория исторического процесса ставит перед работниками теоретического фронта ряд больших и ответственных задач. И в особенности перед историками нашей страны. Данные в IV главе указания необходимо применить к обширному историческому материалу, разработать этот материал, вскрыть закономерности развития самых различных сторон человеческой истории, оплодотворить марксистскую схему исторического процесса новыми выводами, новыми положениями,

вооружить ими массы советского народа и тем самым двинуть вперед самую марксистско-ленинскую теорию.

В процессе социалистического строительства велика роль исторической науки. Выход «Краткого курса истории ВКП(б)»—лучшее тому доказательство. Изучение боевого опыта большевистской партии, страстная жажда овладения большевизмом, упорная работа советской интеллигенции над изучением прошлого для теоретического марксистского вооружения, без которого немислима творческая созидательная работа на любом участке социалистического строительства,—лучшая оценка исторической науки в стране Советов.

Около 20 лет тому назад В. И. Ленин особенно подчеркивал значение разработки, усвоения и овладения различными завоеваниями в истории человечества. «Только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру—без такого понимания нам этой задачи не разрешить» (Соч., т. XXV, стр. 387).

Именно эта задача, поставленная еще Лениным, требовала создания великой исторической науки в нашей социалистической стране. Выход сталинского «Курса истории ВКП(б)» является основой для дальнейшего развития великой исторической науки в СССР. За историками-марксистами теперь остается—на этом гранитном фундаменте большевизма строить прекрасное здание исторической науки, творить марксистские исследования во всех областях исторического знания.

Полная сталинской глубины, изложенная в IV главе схема исторического процесса двигает историческую науку вперед, открывает для историков увлекательные перспективы их работы, ставит историческую науку на службу счастливому советскому народу, перед которым не скроются никакие тайны природы, не устоят никакие враждебные поступательному ходу истории силы в человеческом обществе.

А. Мишулин

РУССКОЕ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ, ЕГО ПРОШЛОЕ, ЕГО ЗАДАЧИ В СОВЕТСКОЙ НАУКЕ

Акад. С. А. Жебелев

Если на Западе византиноведение, как самодовлеющая дисциплина, считает своим родоначальником Дюканжа (1610—1688), то у нас это место должно быть отведено В. Г. Васильевскому (1838—1899)¹.

Подобно многим из наших византологов, Васильевский перешел к занятиям Византией не с начала своей научной деятельности. Тема его магистерской диссертации («Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка», СПб, 1869) относится к области древнегреческой истории (реформы Агиса и Клеомена). Когда Васильевский в 1870 г. вступил в число преподавателей СПб университета, ему было поручено чтение лекций по средневековой истории, и первый курс, который он читал в университете, был посвящен обзору источников Первого крестового похода. А два года спустя появилась работа Васильевского—«Византия и печенеги», где были представлены в совершенно новом свете события, предшествовавшие Первому крестовому походу, поводы к нему, выяснена роль печенегов в истории Византии, связь их с сельджуками и пр. За этой статьей последовала в 1876 г. статья «Из истории Византии XII в.», имеющая отношение к истории Второго

¹ О Дюканже см. в книге Васильевского—«Обозрение трудов по византийской истории», СПб, 1890, 116—140. Книга содержит, как может показаться с первого взгляда, не обозрение источников византийской истории, но обзор трудов по изданию и непосредственному объяснению источников, начиная с эпохи итальянского Возрождения и до конца XVIII в.; предполагавшееся продолжение, где должен был быть затронут XIX в., не появилось, и благодарной задачей было бы неоконченную работу Васильевского продолжить и довести ее до современного состояния византиноведения на Западе и у нас. Сам Васильевский называл «патриархом» византийских занятий у нас профессора СПб университета Г. С. Дестуниса (1818—1895), который, будучи филологом-классиком, ввел в университете преподавание византийских древностей и литературы, а также издал переводы, исполненные его отцом и им «поновленные», трактатов Прокопия Кесарийского о войнах римлян с персами, вандалами и готами, сказаний Приска Панийского, снабдив эти переводы предисловиями и комментариями. Дестунис-сын издал несколько византийских текстов и исследований на историко-литературные темы из византийской истории. О Дестунисе см. «Биографический словарь профессоров и преподавателей СПб университета за третью четверть века его существования», СПб, 1896, 1, 232 сл. В том же словаре, при краткой автобиографии Васильевского, помещен список его ученых трудов (стр. 121), дополненный в некрологе Васильевского, составленном П. В. Безобразовым [«Виз. Временник», VI (1899)]. Наиболее подробная оценка трудов Васильевского по византиноведению принадлежит Ф. И. Успенскому в составленном им его некрологе, ЖМНП, 1899, октябрь.

крестового похода. Эти первые работы Васильевского, касающиеся Византии и имеющие очень важное значение, открывают длинный ряд работ его, относящихся к византийской истории вообще и к начальному периоду русской (а также болгарской) истории в частности. Все эти работы, объединенные в четырех томах его «Трудов», изданных Академией наук (1908—1930), основаны были как на изучении материалов ранее известных, но объясненных по-новому и приведших автора к выводам, прочно теперь усвоенным наукой, так и на привлечении материалов, впервые пущенных им в научный обиход. Все эти работы вызвали восхищение уже при их появлении и снискали Васильевскому громкую славу не только у нас, но и за границей; более того, именно работы Васильевского заставили зарубежных византологов учиться русскому языку, и не только потому, что эти работы содержали в себе важные результаты, но и потому, что результаты эти были получены благодаря образцовой методике исследования. И теперь еще ни одна работа Васильевского не устарела, не утратила своей актуальности. По ним все последующие поколения византологов учились, а будущие должны учиться.

В числе слушателей первого университетского курса Васильевского был и Ф. И. Успенский (1845—1928), тогда студент IV курса. Успенский, не менее, чем Васильевский,—громкое имя в истории византиноведения¹. Успенский был долгое время профессором в Одессе, затем директором основанного по его инициативе Русского археологического института в Константинополе. Многочисленные труды Успенского, при видимом их разнообразии, представляют, до некоторой степени, единое целое. В центре их стоит Ближний Восток, изучение греко-славянского мира в средние века и Византии. Главное внимание Успенского привлекали вопросы, касающиеся землевладения и положения сельского населения в Византии, отношения между социальными классами, вопросы церковно-религиозные и философские, умственное движение в Византии, славянские древности. Уже на склоне дней своих Успенский издал труд синтетического характера—«История Византийской империи». Первый том его (в нем изложение доведено до 717 г.) вышел в свет в 1913 г.; в 1926 г. вышла первая часть второго тома, прерывающаяся на «всемирно-историческом значении Кирилло-Мефодиевского вопроса»; вторая часть второго тома, где изложение должно было быть доведено до 1081 г., и третий том, завершающийся взятием Константинополя, не увидели света. Чтобы судить о том, как разнообразны были научные интересы Успенского, достаточно припомнить его наиболее обширные труды: «Византийский писатель Никита Акоминат из Хон» (СПБ, 1874), «Образование второго Болгарского царства» (Одесса, 1879), «Очерки по истории византийской образованности» (СПБ, 1892), «Очерки по истории Трапезундской империи» (Л., 1929) и др. Судьба послала Успенскому более долгий век, чем Васильевскому, и до конца дней своих он не переставал интересоваться византиноведением и трудиться на пользу его. Свое отношение к византинизму Успенский хорошо оттенил в своей речи при открытии Археологического института в Константинополе. С общенаучной точки зрения, указывал Успенский, византинизм имеет важное значение для тех народов, которые входили в сферу влияния Восточной империи, но влияние византинизма распространялось и на Западе. Хотя с национально-рус-

¹ Общий очерк научной деятельности Успенского и список его ученых работ см. в брошюре «Памяти академика Ф. И. Успенского», изданной Академией наук в 1929 г.

ской точки зрения Византия—«реальный предмет, важный для познания своей собственной истории», но еще важнее освободить византиноведение от того служебного положения, в каком оно очутилось, и усматривать в нем самодовлеющую научную дисциплину.

В последние годы своей жизни Успенский отдавал много энергии образованной по его инициативе при Академии наук Русско-византийской комиссии, самое название которой показывает, что Успенскому, как и Васильевскому, были близки связи византийской истории с историей русской. Было бы очень желательно, чтобы статьи Успенского, рассеянные по различным периодическим изданиям, были, по примеру «Трудов» Васильевского, объединены в одно целое.

Третий столп нашего византиноведения, Н. П. Кондаков (1844—1925), был воспитанником Московского университета, где занимался под руководством, главным образом, Буслаева; затем он был профессором по кафедре истории и теории искусств сначала в Одессе, затем в СПб.

Во всех почти областях истории искусства и археологии работал Кондаков; в каждой из них он показал себя глубоким знатоком и тонким исследователем трактуемых им вопросов, большим мастером в деле стилистического анализа памятников, ведущим все свои разыскания на широкой исторической основе. Кондаковым введен был в научный обиход и тщательно обследован ряд памятников материальной культуры, ранее неизвестных вовсе или неправильно оцененных. Весь этот новый материал был добыт Кондаковым в результате его археологических поездок по Грузии для изучения архитектуры грузинских церквей, на Синай—для изучения древностей Синайского монастыря и рукописей его библиотеки, в Константинополь—для изучения его памятников, на Кавказ—с целью описания ризниц монастырей Мегрелии, Имеретии и Грузии, в Сирию и Палестину—для изучения тамошних древностей, на Афон и в Македонию и т. д. Главным предметом научно-исследовательской работы Кондакова была история византийского и в связи с ним древнерусского искусства. Своего рода эпоху составило появление докторской диссертации Кондакова—«Истории византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей» (Одесса, 1876), переведенной затем на французский язык. Это была первая систематическая история византийской миниатюры. За исследованием византийской миниатюры последовали «Мозаики мечети Кахрие-Джами в Константинополе» (Одесса, 1881), «Византийские церкви и памятники Константинополя» (Одесса, 1887), «Византийские эмали» (СПб, 1892) и мн. др. Хорошо всем знакомы давно уже исчезнувшие с книжного рынка предпринятые Кондаковым совместно с И. И. Толстым «Русские древности в памятниках искусства» (шесть выпусков, СПб, 1889—1899 гг.; первые три выпуска имеются во французском издании, 1891—1893). Не впадая в преувеличение, а лишь воздавая должное, можно утверждать, что история византийского и древнерусского искусства Кондаковым была впервые создана и научно обоснована.

В лице Васильевского, Успенского и Кондакова византиноведение поднято было у нас на такую высоту, как едва ли какая другая из исторических дисциплин. Вся европейская наука преклонилась перед этими именами, а мы этими именами вправе гордиться. Само собой разумеется, что такие могучие умы, такие знатоки своего дела, такие первоклассные исследователи должны были привлекать к себе учеников, создавать свои «школы». И правда, все историки-византиноведы и историки-медиевисты

старшего поколения, были ли они непосредственными учениками Васильевского и Успенского или учились по их трудам, не откажутся засвидетельствовать, сколь многим они обязаны Васильевскому и Успенскому; более того, петербургские историки России, современники Васильевского, считали себя его учениками.

Я не имею возможности проследить, как развивалось у нас византиноведение за последние хотя бы 50 лет, назвать имена наших византиноведов, перечислить труды их. Мне хотелось бы только остановиться на главнейших этапах развития нашего византиноведения, наметить основные линии, по которым это развитие шло. Предварительно, однако, я должен кратко упомянуть о византологических работах профессора Казанского университета Д. Ф. Беляева (1846—1901), бывшего почти сверстником основоположников нашего византиноведения. Беляев прошел в СПб университете прекрасную школу по классической филологии и обратился к византиноведению лишь с 90-х годов прошлого века, когда он тщательно стал изучать такой важный памятник, каким является сочинение Константина Багрянородного—«О церемониях византийского двора». В результате этого изучения Беляев под общим заглавием «Byzantina» дал ряд образцово-поучительных очерков и заметок по византийским бытовым древностям и топографии Константинополя. При жизни Беляева вышли два тома «Byzantina» (СПБ, 1891—1893), посвященные обзору главных частей большого дворца византийских царей и ежедневным их приемам и праздничным выходам в храм Софии; третий том, вышедший в свет в 1906 г., после смерти автора, содержит исследование о так наз. средней улице Константинополя и об одном из его предместий, Евдоме, а также трактует о выходах и выездах византийских царей в городские и пригородные храмы. Труд Беляева дает своего рода исторический и археологический комментарий к «Церемониям» Константина и указывает, в каком направлении и по какому методу этот важнейший памятник должен быть изучаем. Было бы очень желательно, чтобы поданный Беляевым пример нашел подражателей; в этом заинтересованы в равной мере как византиноведы, так и историки древнего периода истории СССР.

Семена, посеянные нашими византологами старшего поколения, дали прекрасные всходы, и за время, истекшее, примерно, с 1880 по 1930 г., появилось много и большею частью хороших, не утративших по сие время значения работ в различных областях и отраслях византиноведения. Среди них все же преобладают, главным образом, сочинения по истории Византии и истории византийского искусства и археологии; менее представлено было византийское литературоведение, если не считать образцовых работ покойного В. М. Истрина в области переводной древнерусской литературы; слишком недостаточно уделено было внимания византийскому, точнее среднегреческому языку. За указанные годы пущено было в обращение большое число неизвестных до того византийских текстов, извлеченных из рукописных собраний как наших, так и зарубежных рукописных сокровищ. В числе этого нового материала львиную долю занимали тексты агиографические, имеющие в некоторых случаях, как это на многих примерах показал Васильевский, чрезвычайно важное значение для истории Византии, а также и древней Руси. На поприще издания агиографических текстов много было сделано покойным А. И. Пападопуло-Керамевсом, ученым греком, переселившимся к нам в 1890 г. и преподававшим в СПб университете новогреческий язык (еще в 1887 г. Московский университет удостоил Пападопуло-Керамевса степени доктора

honoris causa). Изданием агиографических текстов занимались также В. В. Латышев, Х. М. Лопарев, А. А. Дмитриевский и др. Издавались, впрочем, не одни только агиографические тексты. В. Э. Регель и Н. И. Новосадский дали издание некоторых политических речей византийских ораторов XII в. (СПБ, 1892); Ю. А. Кулаковский издал «Стратегику императора Никифора» (СПБ, 1908), находящуюся в той же рукописи, где сохранилась и «Стратегика Кекавмена», и его трактат— «О царских обязанностях», давший в свое время материал для исследования Васильевского— «Советы и рассказы византийского боярина XI в.». «Кекавмен» был издан в 1896 г. Васильевским и В. К. Ернштедтом. Последнему принадлежат также издания: «Забывшие греческие (средневековые) пословицы», «Речения Эзопа» (то и другое напечатано у V. J e r n s t e d t ' a—Oruscula, СПБ, 1907) и большой труд, вышедший в свет после смерти автора (в 1902 г.) под заглавием «Liber Syp-tiraе». Труд этот важен как для византийской, так и для многих других отраслей историко-филологической науки. Предмет его составляет знаменитая своей большой распространенностью среди народов Востока и Запада и своим историко-литературным значением народная книга «Синтипа», или «Повесть о семи мудрецах». П. В. Никитин (ум. в 1916 г.) дал, предпринятое по инициативе Васильевского, образцовое издание с обстоятельным комментарием «сказаний о 42 аморийских мучениках» (СПБ, 1905)—очень важный источник для истории иконоборческого царя Феофила. Покойным юрьевским профессором М. Н. Крашенинниковым предпринято было новое большое издание сочинений Прокопия Кесарийского. Произведено было сличение чуть ли не всех рукописей Прокопия, но обработка издания затянулась, а тем временем стало появляться новое издание Прокопия в обработке немецкого ученого Хаури. Крашенинников охладел к своей работе, стоившей ему большого труда, и из грандиозного предприятия появилась только «Тайная история» Прокопия. Столь же много энергии было затрачено Крашенинниковым для изучения рукописного предания, так наз. Константиновых эксцерптов; результаты этого исследования опубликованы были им в многочисленных и очень обстоятельных статьях, напечатанных в «Византийском Временнике» и в «Журнале мин. нар. просвещения».

Из исследований на историко-литературные темы должно упомянуть работы А. П. Дьяконова («Иоанн Эфесский и его исторический труд», СПБ, 1908), С. Д. Пападимитриу («Феодор Продром», Одесса, 1905), В. Барвинка («Никифор Блеммид и его произведения», Киев, 1911), П. В. Безобразова («Византийский писатель Михаил Пселл», М., 1890) и др.

Потребовалось бы много места, чтобы перечислить труды—будут ли это монографии или статьи—по византийской и русско-византийской археологии. Кто интересуется узнать главные из них, благоволит обратиться к моему «Введению в археологию» (I, Л., 1923, 159 сл.), где они указаны и кратко охарактеризованы. Здесь я должен ограничиться только указанием их основной тематики. Одни из этих трудов посвящены изучению и объяснению неизвестных до того времени памятников материальной культуры, полученных или в результате раскопок или хранящихся в наших и зарубежных музеях; другие охватывают ряд памятников однородного характера, например мозаики Равенны или фресковую роспись Киевской Софии, новгородских церквей; третьи ставят на разрешение вопросы принципиального характера, например об эллинистических основах

византийского искусства, о характерных свойствах византийской живописи XIV в.; четвертые охватывают те или иные иконографические циклы и т. д. Такое руководство, каким является в настоящее время «Manuel d'art byzantin» Шарля Дилия, полно ссылок на труды русских ученых. Византийская нумизматика нашла себе у нас первоклассного знатока в этой области в лице покойного И. И. Толстого, большой труд которого «Византийские монеты», вышедший в девяти выпусках в 1912—1914 гг., остался, к сожалению, за смертью автора, доведенным лишь до середины IX в.

Еще труднее было бы привести перечень отдельных работ, касающихся истории Византии в строгом смысле. Достаточно сказать, что они охватывают все стороны этой истории, и политическую, и социально-экономическую, и культурно-бытовую, а также вопросы, связанные с изучением византийского права. Некоторые из этих трудов базируются на привлечении источников, написанных не только по-гречески и по-латыни, но и на восточных языках, например, арабском, армянском, грузинском и пр. Благой почин в этом отношении дан был археологом всего нашего прошлого востоковедения, В. Р. Розеном, издавшим в 1883 г. свой труд—«Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского». Далее должна быть отмечена работа Н. Г. Адонца «Армения в эпоху Юстиниана» (1908), Н. Н. Медникова о Палестине до арабского завоевания (4 тома), или А. А. Васильева «Византия и арабы» (взаимоотношения Византии и арабов за время аморийской и македонской династий, СПб, 1902—1904; первый том этой работы недавно появился во французском переводе). Перечень наиболее важных работ в области истории Византии можно найти в 4-м выпуске «Очерков по истории Византии» (П., 1915), а также в общем труде Васильева, о котором ниже. Мы видим, таким образом, что в области византиноведения трудились у нас не только специалисты-византологи, но и античники и востоковеды. Так, будем надеяться, будет продолжаться и впредь, ибо только совместными усилиями специалистов мы сможем создать марксистскую науку о Византии.

Выше была упомянута «История Византийской империи» Успенского. Это была не первая попытка дать связную историю Византии. Ей предшествовало появление двух трудов обобщающего характера. В 1910—1915 гг. вышли в свет три тома «Истории Византии» киевского профессора Ю. А. Кулаковского, где изложение доведено до 717 г., т. е. до эпохи иконоборства. Изложение Кулаковского, основанное на источниках греческих, латинских и восточных (последние в переводах), с привлечением литературы предмета, касается почти исключительно внешней истории; явления внутренней истории отступают на задний план. В 1913 г. казанский профессор, ученик Беляева, С. П. Шестаков издал «Лекции по истории Византии»; в них излагаются события, начиная с движения варварского мира в пределы Западной Римской империи и кончая коронаванием Карла в 800 г. Книга дает немало сведений о внешних делах и внутренней жизни Византии, историографию и литературу предмета. В 1917 г. появился первый том «Лекций по истории Византии» ученика Васильевского, А. А. Васильева. В этом сочинении, после краткого очерка разработки истории Византии, излагаются события от правления Константина и до эпохи крестовых походов. Второй том труда Васильева появился в 1923—1925 гг. тремя отдельными выпусками: 1) «Византия и крестоносцы» (эпоха Комнинов и Ангелов), 2) «Латинское владычество

на Востоке» (эпоха Никейской и Латинской империи), 3) «Падение Византии» (эпоха Палеологов). Таким образом, единственно в труде Васильева мы имеем полностью всю историю Византии на русском языке, причем в сравнительно сжатой форме автору удалось полностью изложить основные явления византийской истории, как внутренней, так и внешней. Ценность книге придают и библиографические указания, приложенные к каждой из глав всего сочинения¹.

Византиноведение, давшее в трудах наших ученых столь блестящие результаты, развивалось, надо сказать, при неблагоприятных внешних условиях. Из них самым главным было то, что до революции в наших университетах не существовало специальной кафедры византиноведения, которое было отнесено, таким образом, к числу так наз. необязательных предметов и к тому же далеко не во всех университетах преподавалось. Поэтому и занятия византиноведением носили до известной степени случайный характер. Тем более заслуживает удивления, что византиноведение у нас все же продолжало развиваться и крепнуть, и это должно приписать исключительно тем ученым, которые возглавляли его и умели поставить на такую высоту. Важным фактором было, впрочем, то, что, начиная с 1894 г., при Академии наук стал издаваться специальный журнал по византиноведению—«Византийский Временник», главным руководителем которого был Васильевский, а его помощником—В. Э. Регель, ставший редактором после смерти Васильевского. С переездом в 1914 г. в Петербург Успенского, последний стал редактором «Византийского Временника», Регель же, получивший в 1915 г. кафедру в Юрьевском университете, стал издавать там «Византийское обозрение», вышедшее в количестве трех томов. Что же касается «Византийского Временника», то за время его существования до 1930 г. он вышел в количестве 25 томов, причем в журнале, кроме статей исследовательского характера, прекрасно был поставлен отдел критики и библиографии, куда входили не только работы, появлявшиеся у нас и на Западе, но также обращено было особое внимание на славянские земли и страны ближнего Востока. Когда в 1894 г. был основан Русский археологический институт в Константинополе, при нем, под редакцией Успенского, издавались «Известия» института, вышедшие до 1914 г. в количестве 16 томов с массой ученого материала по византиноведению, во многих случаях впервые издаваемого. Помимо перечисленных периодических изданий, много работ по византиноведению помещалось в «Журнале министерства народного просвещения» и в трудах духовных академий—петербургской, московской и киевской. То же нужно сказать и об основанном по инициативе покойного акад. Н. Я. Марра и им редактированном журнале «Христианский Восток», в шести томах которого (1912—1922) помещено много ценных работ по византийской «периферии». Все эти факты являются непреложными свидетелями того, насколько прочно укоренилось у нас ви-

¹ В 1928—1929 гг. труд Васильева появился в двух томах, в переработанном и дополненном виде, в английском переводе, а в 1932 г., снова в переработанном и дополненном виде, во французском переводе «Histoire de l'empire Byzantin». В предисловии Шарля Дилья, предваряющем французское издание, глава современного византиноведения указывает, что если для некоторых периодов византийской истории Васильев имел ценных руководителей, то для эпохи Никейской империи и эпохи Палеологов, т. е. для XIII—XV вв., столь недостаточной еще изученных, задача Васильева требовала большого труда, и что автор оказал большую услугу, внося в эту запутанную эпоху порядок, точность и ясность. Такой книги, какую дал Васильев, у византиноведов до сих пор не было, говорит Диль.

зантиноведение. За границей к появлявшимся у нас работам в области византиноведения чутко прислушивались и с ними считались (в руководящем органе—«Byzantinische Zeitschrift», созданном в 1892 г. Крумбахером, постоянно давались рецензии и отчеты о русских работах по византиноведению).

Итак, за полвека ученая продукция по византиноведению у нас накоплена богатая. Задачей советской библиографии является составление списка имеющихся налицо изданий текстов, книг, статей и заметок по византиноведению, с разбивкой всего материала по группам, подобно той работе, что сделана была в свое время Прозоровым для греческой филологии (СПБ, 1898). Тогда получилась бы наглядная картина, какие отделы, какие вопросы византиноведения привлекали наших ученых по преимуществу, какие проблемы оказались вовсе незатронутыми или мало затронутыми. Подводить от времени до времени итоги тому, что сделано, всегда бывает полезно и поучительно, для византиноведения же это было бы как раз кстати именно теперь, когда оно у нас в СССР стоит на пути возрождения в связи с актуализацией исследования русско-византийских отношений и вопросов древнего периода истории СССР.

Теперь нет нужды трогать слова на доказательство того, что византиноведение имеет все права быть вполне самостоятельной дисциплиной: своим прошлым оно доказало это, доказало задолго до того, как это было осознано на Западе. После того как византиноведение приобрело право на то, чтобы занимать свое место в ряду прочих общественных наук, стала все более и более выясняться историческая роль византинизма преимущественно в культурных влияниях на народы Юго-восточной Европы—болгар, сербов, румын, русских, в Азии—на армян и грузин. По словам Успенского, «все эти народы не только приняли из Византии христианское просвещение, плоды умственной производительности, но брали у нее образцы для своего внутреннего устройства»¹. К этому нужно прибавить еще ту роль, какую сыграла Византия в деле сохранения культурных ценностей античного мира.

Еще в 1850 г. Грановский, память которого недавно чтит советская наука, писал: «Нужно ли говорить о важности византийской истории для нас, русских? Мы приняли от Царьграда... начатки образования. Восточная империя ввела молодую Русь в среду христианских народов. Но, кроме этих отношений, нас связывает с судьбой Византии уже то, что мы—славяне. Последнее обстоятельство не было, да и не могло быть по достоинству оценено иностранными учеными... На нас лежит некоторого рода обязанность оценить явление (т. е. византизм), которому мы так многим обязаны»².

Но чтобы правильно оценить византизм и оказанное им влияние, его надо хорошо знать. Поэтому и выяснение взаимоотношений Византии и Руси, касаются ли они истории, права, языка, литературы, материальной культуры, быта и пр., требует основательного знакомства с Византией, как таковой. Лишь тогда наши специальные интересы найдут вполне удовлетворительное разрешение, когда последнее будет построено на солидной общей базе, а таковой и должна быть сама Византия, сам византизм.

¹ Статья «Византия» в X томе Нового энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, 462.

² Собрание сочинений, 4-е изд., М., 1900, стр. 378 сл.

Всякое историческое исследование покоится на источниках, изданных по всем правилам филологической науки. В этом отношении для византиноведения предстоит еще очень большая работа. Боннское издание византийских писателей, давно сделанное и являющееся в отношении большинства авторов единственным, нуждается во многих частях в обновлении, которое соответствовало бы современным научным требованиям. Но можно быть уверенным, что в рукописных собраниях наших библиотек найдутся и такие произведения византийской письменности, которые никогда не были изданы. В этом отношении поиски неизданного материала сулят большие результаты, как то показали работы Васильевского и других наших ученых. Начатые им работы типа его «Русско-византийских исследований» и «Русско-византийских отрывков» ждут своего продолжения. Поскольку наши историки СССР, занимающиеся специально отношениями византийско-русскими, несомненно, заинтересованы в том, чтобы иметь под руками все те тексты, которые нужны при их занятиях,— полезно было бы все эти тексты с сопровождающим их русским переводом собрать воедино, короче говоря, дать то, что дал в свое время Латышев в известном его сборнике «Scythica et Caucasica»¹. Так как сочинение Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора» имеет, во многих отношениях, очень важное значение для начальной поры русской истории, то следовало бы, в конце концов, перевести его целиком. Да и вообще было бы не худо, при обилии появляющихся у нас переводов памятников греческой и римской литературы, включить в эту переводческую серию и некоторые с толком выбранные памятники литературы византийской. Наконец, полезно было бы составить хотя бы краткий, но живой очерк истории византийской литературы ориентирующего характера, совершенно у нас отсутствующий.

Впрочем, я не имею в виду, да и не имею на то права, излагать нечто вроде программы работ в области византиноведения. Она выяснится сама собою после того, как работы эти примут более или менее планомерный характер. Мне хотелось лишь наметить такого рода предприятия первоочередной важности, которые вызываются нашими насущными интересами и которые, по их сложности, могут быть осуществлены лишь коллективным, а не индивидуальным трудом. Для последнего выбор тем должен быть предоставлен инициативе, влечению и степени подготовленности самих авторов этих индивидуальных работ.

Но я считаю своим долгом со всею определенностью подчеркнуть, что занятия в любой области византиноведения требуют основательного знакомства с греческим и латинским языками, особенно с греческим, так как на нем написано большинство византийских источников. Пользоваться последними при помощи переводов, если бы они существовали даже для большого количества византийских произведений и были бы выполнены с достаточным совершенством, значило бы покушаться на занятия в области византиноведения с негодными средствами: всякий, даже хорошо исполненный, перевод при исследовательской работе может служить лишь подспорьем при пользовании тем или другим источником, но он не должен заменять его. Отсюда сам собой напрашивается вывод: в наших университетах, на их исторических и филологических факультетах, должно быть организовано не только чтение курсов по истории

¹ Латышев предполагал в свое время издать нечто вроде «Byzantino-Rossica», но от этого предприятия сохранились в научном наследстве Латышева лишь немногие *disiecta membra*, так что осуществлять все предприятие пришлось бы *ab ovo*.

Византии и по истории византийской литературы, с соответствующими семинарскими занятиями, но и преподавание греческого и латинского языков, не только «классических», но и средневековых—последних, по крайней мере, для желающих. Вопрос о византиноведческих кадрах заслуживает самого серьезного внимания, так как от притока этих кадров зависит будущее нашего советского византиноведения.

Ф. И. Успенский тридцать лет назад писал, что «недостаточная успешность изучения Византии зависит, главным образом, от состояния текстов изданных писателей, от неприведения в известность всего рукописного материала и, наконец, от отсутствия общей руководящей программы и центрального органа для византиноведения». Последний, т. е. этот орган, он пробовал создать, и не без успеха, в организованной им при ООИ АН СССР Русско-византийской комиссии. Комиссия прекратила свою деятельность со смертью ее основателя. Может быть, было бы преждевременно поднимать вопрос о возрождении этой комиссии, но своевременно было бы к числу секторов, существующих уже в Институте истории Академии наук, присоединить сектор византиноведения. Разработка истории СССР, в особенности начального периода Русского государства, актуализирует сейчас проблемы византиноведения. Русской наукой много сделано в этой области, и советская исследовательская работа, несомненно, учтет достижения прошлого византиноведения.

В разработке советского византиноведения встают, таким образом, те задачи, которые, как было выше сказано, связаны с подготовкой кадров, с постановкой в университетском образовании курсов по истории Византии, с изданием переводов византийских источников и соответствующей исследовательской работой по ним.

Задача создания советского византиноведения—одна из серьезных задач в строительстве марксистской исторической науки. Институт истории Академии наук СССР в первую голову должен будет сделать практические шаги в этом направлении.

ВИЗАНТИЯ И СЛАВЯНЕ В VI—VII ВЕКАХ

М. В. Левченко

История Византии, так же как древнейшая история славян, почти не изучалась историками-марксистами. Они еще в этой области не вели в достаточной мере борьбы со спекуляциями фашистских лжеученых, высокомерно трактующих славянство, как низшую расу, беззастенчиво извращающих исторические события для обоснования своей человеконенавистнической расовой теории, признающей право исторического существования только за «германской расой».

После Великой Октябрьской социалистической революции сделалась ненужной и навсегда отпала и большая часть той излюбленной тематики, которой занималось русское буржуазное византиноведение, обслуживая задания царизма. Но это отнюдь не значит, что трудящиеся массы нашей страны не заинтересованы в научном и марксистском изучении истории византийского общества и государства и неразрывно с ней связанной древнейшей истории славян. Товарищ Димитров указывал на VII конгрессе Коминтерна, что в борьбе с фашистской и буржуазной идеологической заразой всякий важный вопрос не только настоящего и будущего, но и прошлого всего человечества и отдельных стран касается пролетариата.

А история Византии, несомненно, является важным историческим вопросом, так как в период раннего средневековья Византийское государство играло крупнейшую роль в истории Западной и особенно Восточной Европы, а также Передней Азии. Нельзя забывать, что «религия и цивилизация России—византийского происхождения»¹, что было время, когда некоторые части территории нашего Союза, как, например, Крым, Армения, Грузия, в той или другой своей части непосредственно входили в состав Византийского государства, что те же Грузия, Армения, Киевская и Московская Русь подвергались длительному и мощному воздействию византийской культуры. Ясно, что трудящиеся массы нашей страны вправе заинтересоваться основными событиями византийской истории, а советский историк должен удовлетворить эту любознательность и дать научную историю Византии, построенную на основе марксистско-ленинской методологии.

Не получил до настоящего времени правильного освещения в буржуазной исторической литературе и первый момент появления славян на истори-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, 1933, стр. 439.

ческую сцену в VI в. н. э.—факт чрезвычайно мощной экспансии славян в Западную Европу в VI—VII вв., когда они покрывают своими поселениями значительную часть Германии, территорию довоенной Австро-Венгерской империи и Балканского полуострова. Обычно колонизацию этих стран принято характеризовать, как колонизацию ползучую и незаметную, при которой славяне продвигались вперед не густыми массами, преодолевая организованное сопротивление, а отдельными поселениями, так что трудно обозначить момент, когда тот или другой край сделался славянским. Эту точку зрения мы можем найти не только в построениях фашистских лежучих, но и в наиболее солидных буржуазных руководствах по всеобщей истории, как, например, в «Кембриджской средневековой истории». В этой истории Пейскер после многоречивой болтовни «о политической и военной неспособности славян» (of the political and military incapacity of the Slavs), делающей их будто бы в течение веков беспомощными жертвами германцев и алтайцев, смело утверждает, что «невоинственные обитатели болот не могут ничего завоевывать, а могут лишь распространяться там, где они не встречают никакого сопротивления»¹.

Разумеется, подобные утверждения являются фальсификацией исторической действительности. В действительности, уже первое появление славян на историческую арену, колонизация ими Балканского полуострова, преодолевшая упорное сопротивление могущественной Восточноримской империи, является наглядным опровержением беспочвенных рассуждений Пейскера и подобных ему фальсификаторов истории.

Английский византист Бьюри вынужден признать, что великие славянские вторжения в пределы Восточноримской империи в VI—VII вв. представляют значительное сходство с германскими вторжениями на территорию Западной Европы в IV—V вв.² Бьюри правильно отмечает, что сходство это не случайно, а вытекает из естественного хода вещей—из столкновения между одряхлевшей цивилизацией и полным сил варварством. После длительной ожесточенной борьбы и германцы и славяне прорываются в пределы империи. Здесь вначале они признают номинальный суверенитет империи, но стремятся к полной самостоятельности и этим разлагают ее изнутри. Восточная империя так же пытается использовать славян, как наемников, в своей армии, как Западная—германцев. Сходство это еще увеличивается аналогичной ролью, сыгранной во время этих вторжений кочевыми гуннами и аварами. Как внедрение германцев на территорию Западной империи было осложнено образованием могущественной державы Аттилы в равнинах современной Венгрии, точно так же славянское внедрение на Балканский полуостров было осложнено образованием аварского военного союза во второй половине VI в. «Держава» гуннов после кратковременной бурной жизни быстро исчезла, получив удар на Каталаунских полях, точно так же после короткого промежутка времени было ликвидировано славянами господство аваров. Благодаря этому был расчищен путь для беспрепятственной колонизации славянами Придунайских стран и Балканского полуострова. Это значительное сходство германских и славянских вторжений на территорию империи признавали и основоположники марксизма. Так, Энгельс в «Диалектике природы», характеризуя положение мира в конце древности, говорит об узкой культурной полосе «вдоль побережья Средиземного моря, которая спора-

¹ СМН, v. II, p. 426.

² Bury—A History of the later Roman Empire from Arcadius to Irene, v. II, p. 114.

дически вытягивала ветви во внутренность материка до Атлантического побережья Испании, Франции и Англии и которая поэтому могла быть разорвана и смята немцами и славянами с севера и арабами с юго-востока»¹.

Задача настоящей статьи и заключается в том, чтобы уяснить, каким образом произошло внедрение славян на Балканский полуостров. Уяснить же этот исторический факт, очевидно, невозможно без ознакомления с внутренним состоянием как Восточноримской империи, ставшей жертвой славянских вторжений, так и славянских племен, на нее нападавших.

I

Славяне появляются на историческую арену сравнительно очень поздно. Только источники VI в.—греческие и латинские—начинают говорить о славянах ясно и определенно, по крайней мере, о южных славянах. Это не значит, что о них не упоминают античные авторы. Но упоминания Плиния, Тацита, Птолемея о венедах настолько кратки и неопределенны, что позволяют нам сделать только один вывод, а именно, что древнейшие известия греческих и римских писателей не знают славян на запад от Вислы и на юг от Карпат². Правый берег Вислы и Карпаты можно считать самыми крайними, известными античным авторам, пунктами распространения славян на запад Европы.

В настоящее время можно также считать установленным, что история славянства раскрывается перед нами тут же в Европе. Старая теория переселения славян в Европу не имеет за собой убедительных доказательств. Славяне не пришли из Азии в готовом виде, а появились в Европе в итоге длительного общения между собой различных племен и народов, расселяясь на огромных пространствах Восточной Европы. Шахматов правильно связывает факт мощного движения славян на запад и на юг Европы в V—VI—VII вв. с великим переселением народов. Мы не знаем, когда произошла колонизация славянами бассейна Одера и Эльбы, а также Богемии. Во всяком случае, мало вероятно, чтобы это заселение началось ранее V в. Позднее произошло заселение славянами Штирии, Каринтии и Крайны. По крайней мере, лангобарды, ушедшие в Италию в 568 г., ничего не помнили о том, чтобы за ними следовали славяне. Первое упоминание о хорутанских славянах мы встречаем только в конце VI в. О том, что эта мощная экспансия славян стояла в тесной связи с переселением германских племен внутрь Римской империи, определенно говорит Энгельс. Говоря о столкновении римлян с германцами при Августе, Энгельс пишет: «Эти передвижения германцев представляют первый акт того переселения народов, которое сдерживалось римским сопротивлением в течение трех столетий, но к концу III в. с непреодолимой силой прорвалось через обе пограничные реки, наводнило Южную Европу и Северную Африку и приостановилось только с завоеванием Италии лангобардами в 568 г.,—приостановилось, поскольку речь идет о германцах, но не о славянах, которые и после них еще долгое время находились в движении»³.

Если мы не знаем, когда произошло заселение славянами бассейна

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 440.

² P l i n.—Historia Naturalis, IV, 27; T a c.—Germania, с. 46; P t o l e m.—Geographia, III, 5.

³ Э н г е л ь с—К истории древних германцев. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 344.

Одера и Эльбы, а также Богемии, Моравии и Силезии, то совершенно иначе обстоит дело с внедрением славян на Балканский полуостров.

До VI в. источники ничего не говорят о пребывании славян к северу от Балканского хребта. Иордан, составлявший в 551 г. свою готскую историю, прямо говорит, что славяне в его время занимают огромное пространство от Вислы и Днепра до Карпат. Показания этого писателя и других упоминают о нашествии славян за Дунай только с начала VI в.

К началу VI в.—к моменту начала наступления славян на Византию—мы можем констатировать следующее расположение варварских племен вдоль северных границ Восточноримской империи. На Верхней Саве, излучине Дуная и Нижней Тиссе жило германское племя гепидов. Владея Сирмием, гепиды имели также переправы на Дунае и за деньги перевозили на византийскую сторону других варваров¹. Византийское правительство разжигало вражду между гепидами и лангобардами, жившими северо-западнее гепидов. Оно включило лангобардов в разряд союзников, выдавало им денежные субсидии и предоставило для поселения территорию Норика и Паннонии с обязательством охраны границ. Ближайшими соседями гепидов к востоку вдоль Дуная до самого устья реки являлись славяне, которые в начале VI в. уже прочно осели по всей равнине левого берега Дуная. Они жили попеременно с гуннами, которые, по свидетельству Прокопия, оказывали большое влияние на их образ жизни и нравы. В черноморских степях кочевали гуннские племена: кутургуры, утургуры и савиры. Эти же гунны кочевали и за Дунаем, причем для задунайских гуннов уже тогда возобладало имя болгар. В сидящих на Дунае славянах мы видим предков восточных и южных славян, которые, еще не разделившись, в конце V в. покинули Привислинье и прошли в Дунайскую равнину².

О времени общей жизни восточных и южных славян говорит ряд особенностей, сближающих русский язык с южнославянскими, в отличие от языков западнославянских. Неизвестные нам причины вызвали раскол этих славян на две группы: южную и восточную.

Только в VI в. два историка впервые с полной определенностью говорят о славянах. Это византиец Прокопий и готский историк Иордан. Прокопий и Иордан точно и без больших противоречий между собой указывают нам территории, принадлежавшие этой группе славян. В V главе «Готской истории», посвященной географии Скифии, Иордан говорит: «Хотя теперь имена венедов изменяются по различию племен и жизни, однако они преимущественно называются склафинами и антами. Склафины обитают на восток по Днестру, а на север—по Висле. Анты же, считающиеся наиболее мужественными между ними, живут в окрестностях Понта от Днестра до Днепра»³.

Готский историк здесь ясно указывает на произошедшее расселение и исчезновение общеплеменного имени. Прокопий указывает, что прежде славяне и анты имели одно имя, называет антов соседями славян и отступает от Иордана, главным образом, в том, что отодвигает пределы антов

¹ Procop., De bello Goth., 4, 25, 10—15.

² Это движение славян к Дунаю, по всей вероятности, не могло не стоять в связи с гуннским движением V в., разгромом ими аланов и готов. Можно считать вероятным предположение, что славянские отряды принимали участие в походах гуннов на Средний Дунай, хотя для доказательства присутствия славян в гуннском племенном союзе мы можем привести только несколько слов, дошедших из гуннского языка и звучащих по-славянски. См. HGM, 300, ed. Bonn., 1933; Iord., с. 49.

³ Quorum (Venetharum) nomina licet nunc per varias familias et loca mutantur, principaliter tamen Sclaveni et Antes nominantur,—гл. V.

гораздо дальше на восток и на север. «Меотийский залив,—говорил он,—впадает в Эвксинский Понг. Тамошние жители, известные под именем киммериян, теперь называются утургуры. Дальнейшие края на север занимают бесчисленные племена антов»¹. Германского названия славян Прокопий не употребляет. Вместе с Иорданом он придает имя склавинов как раз южной группе, которая колонизовала Балканский полуостров, а восточных называет антами. Если имя склавины (словене), как и имя сербы, есть племенное название, которое давали себе сами славяне, то имя анты не встречается в племенных названиях славян и легко может быть признано иностранным.

Деление славян на собственно славян и антов, продержавшееся в византийских источниках целый век (550—630), пробовали объяснять разными причинами. Старое предположение Куника, утверждавшего, что «анты по происхождению своему не были действительно славянами, а лишь династами азиатского происхождения, подчинившими себе черноморских славян в VI столетии», подхваченное Пейскером в «Кембриджской средневековой истории» для доказательства его излюбленного положения о неспособности славян к самостоятельной политической жизни, совершенно безосновательно. Ни о каких династах антов ни одним словом не упоминается в наших источниках. Наоборот, Прокопий прямо подчеркивает, что славяне и анты живут одинаково демократическим строем². То же подтверждает Псевдо-Маврикий³. Но отношения между склавиновыми и антами в VI в. были не всегда мирными. Прокопий в «Готской войне» сообщает о враждебных столкновениях в 30—40-х годах между склавиновыми и антами, которые закончились победой склавинов. Очевидно, анты подвигались на запад от Днестра и теснили своих западных соседей, словен, что и явилось причиной столкновений.

Иордан дает некоторые сведения по истории антов IV в.

Удрученный усилением и экспансией славян в VI в., он утешает себя воспоминаниями о славных для остготов времен Германриха. «Хотя ныне,—говорит он,—за грехи наши венецы везде свирепствуют, но тогда (в 332—350 гг.) [они все] были подвластны владычеству Германриха»⁴.

II

С бытом и жизнью славян VI в. нас знакомят, главным образом, византийский историк Прокопий и византийский военный трактат конца VI—начала VII в., раньше приписываемый императору Маврикию. Прокопий является самым выдающимся византийским историком VI в. Советник и секретарь по юридической части знаменитого полководца Велизария, дослужившийся, по свидетельству лексикографа Свида, до высших ступеней правительственной администрации, Прокопий в своей «Истории» в 8 книгах, в трактате «О постройках» и в «Тайной истории» сообщает очень много важных сведений по внутренней истории Византии и по истории войн с вандалами, готами, персами и славянами, особенно в III книге «Готской войны». Он очень хорошо осведомлен в событиях и является добросо-

¹ De bello Gothico, IV, 4.

² De bello Gothico, III, 14.

³ Русский перевод, стр. 180.

⁴ Iord., с. 23, «Qui quamvis nunc ita facientibus peccatis nostris ubique desaeviunt tamen tunc omnes Hermanarici imperiis servierunt».

вестным с своей классовой точки зрения историком. Он знал, по свидетельству младшего современника Агафия, «неимоверно много предметов и, так сказать, перерыл всю историю»¹. К сожалению, по условиям своей службы он находился вдалеке от дунайской границы, и, таким образом, события на Дунае становились ему известными из вторых рук. А из того, что ему было известно, Прокопий рассказывает в своей истории готской войны лишь факты, имеющие отношение к главному предмету его произведения. Поэтому, естественно, и сведения, сообщаемые им о славянах, отрывочны и случайны.

Ценным дополнением к сведениям, сообщаемым Прокопием, служит «Стратегикон»—военный трактат, раньше приписываемый императору Маврикию, относящийся к концу VI—началу VII в., написанный хорошим военным специалистом, изучившим практически лучшие способы ведения войны со славянами. Этому вопросу специально посвящена пятая глава XI книги трактата. Но автора, как и следовало ожидать, главным образом, интересуют военные порядки у славян, и по этому вопросу в трактате собраны довольно хорошие сведения.

Однако, как бы ни были отрывочны и случайны эти сведения, они характеризуют общественный строй, напоминающий общественный строй германцев времени Тацита: народ, только что перешедший со средней на высшую ступень варварства; народ, только частью осевший на землю, а частью отыскивающий новые места поселения. Быт славян определяется его связью с хозяйством страны, обильной лесом и водой. Поэтому он характеризовался большим значением охоты, рыболовства, бортничества наряду с трудным и менее благодарным подсечным земледелием. Но и земледелие к концу VI в. достигло заметных успехов. По крайней мере, «Стратегикон» отмечает наличие у славян «многочисленного скота и большого количества произведенной земли, в особенности пшена и проса»².

Мы мало осведомлены о других видах производства у славян, но византийцы сообщают, что славяне быстро овладевали всеми тайнами восточноримской военной техники и быстро научились изготавливать самые разнообразные стенобитные орудия. Они во множестве изготавливают легкие суда как для аварского хана, так и для собственных смелых набегов на острова Эгейского моря.

Прокопий говорит об их высоком росте и необычайной силе; о том, что в бой они идут, главным образом, пешими, держа в руках щит и дротики, нагрудников же никогда не надевают. Об одежде их тот же Прокопий говорит, что некоторые из них не имеют ни рубахи, ни плаща и вступают в бой в одних портах³. Деньги они употребляли редко и мало и притом, главным образом, восточноримские, но деньги уже были известны славянам, как это видно из рассказа Прокопия о вторжении славян в 553 г.⁴

«Стратегикон» отмечает, что славяне расселялись в лесах или около рек, болот и озер—вообще в местах трудно доступных. Расселение слишком крупными поселками в таких условиях было невозможно, так как примитивные условия эксплуатации природных богатств требовали значительного простора для каждого хозяйства. Проф. Пресняков правильно указывает, что «условия хозяйства предопределяли не только известный ма-

¹ A g a t h., 264.

² Русский перевод, стр. 181.

³ De bello Gothico, 3, 14.

⁴ De bello Gothico, IV. 25.

ксимум, за который не мог переходить размер поселка, но и определенный минимум рук, ниже которого нельзя было обойтись»¹.

Византийцы отмечали отсутствие у славян крупных поселений. Прокопий изображает их жилье жалкими хижинами, разбросанными далеко друг от друга.

Но если эти славянские дворища и казались культурному византийцу жалкими, то объем их всецело определялся бытовыми потребностями сотрудничества и самозащиты.

В этом дворище жила группа, состоящая из отца с 2—3 взрослыми сыновьями и их семьями, 3—4 братьев, совместно ведущих безраздельное хозяйство. Эта группа—основная общественная организация древних славян,—объединенная общим хозяйством и общей работой, создающая общее имущество, принадлежащее всей группе, являлась большой семейной общиной, или, по терминологии южных славян, где эта бытовая форма сохранила жизненное значение до новейшего времени—куча, дружество, задруга.

Энгельс отмечает, что «патриархальная большая семья, которую мы теперь еще встречаем в Сербии и Болгарии, явилась переходной формой от семьи, возникшей из группового брака, основанной на материнском праве, к индивидуальной семье современного типа»².

Он дает классическое описание этой общественной организации: «Южнославянская задруга,—говорит он,—представляет собой наилучший живой образец такой семейной общины. Она охватывает несколько поколений потомков одного отца с их женами, причем все они живут в одном дворе, сообща обрабатывают свое поле, питаются и одеваются из общих запасов и сообща владеют излишком дохода. Община находится под высшим управлением домохозяина (домочина), который представляет ее перед внешним миром... Он избирается и отнюдь не обязательно должен быть старейшим»³.

Энгельс указывает, что эта патриархальная большая семья с общим землевладением и совместной обработкой «была необходимой переходной формой, из которой в дальнейшем развилась сельская община, или марка, с индивидуальной обработкой и с первоначально периодическим, а затем окончательным переделом пахотной земли и лугов»⁴.

Часть племени, занявшая под хозяйство своих дворищ определенную, хотя, конечно, не строго ограниченную, территорию, образовала соседскую общину (вервь, чешское ополе, братства в Сербии). По отношению к другим союзам соседская община, или братство, выступала как единое целое.

Наконец, несколько соседних общин, или братств, образовывали племя. Каждое племя занимало особый округ, который у всех южных и западных славян носил название жупы.

Высшей степени варварства соответствовал и общественный строй славян. Повсеместно существовал совет старейшин, который частью сам решал дела, частью подготовлял их для народного собрания.

Прокопий дает представление об общественном устройстве славян. «Народ этот,—говорит он,—не управляется одним человеком, но истари

¹ Пресняков—Лекции по русской истории, стр. 52.

² «Происхождение семьи, частной собственности и государства», Соч., т. XVI, ч. I, стр. 42.

³ Там же, стр. 42.

⁴ Там же.

живет в демократии. Поэтому все, что для них полезно или вредно, они обсуждают сообща»¹.

Из этого византийские политики выводили, что на славян нельзя полагаться в международных отношениях. «Они,—говорит «Стратегикон»,— совершенно ненадежны в переговорах, так как при столкновении противоположных мнений ни на что не соглашаются, или же согласие одних тотчас нарушается несогласием других» (стр. 185).

У славян, так же как и у германцев, создавались частные объединения для ведения войны за свой страх и риск. Военный вождь, приобретавший славу, собирал вокруг себя толпу жаждавшей добычи молодежи и вторгался в пределы Восточноримской империи. Появлялись счастливые узурпаторы, так же, как и в Германии во время Тацита, добивавшиеся власти и иногда ее достигавшие. Феофилакт Симокатта называет одну славянскую область по имени ее вождя *ἡ ἀμφὶ τὸν Ἀρδάγαστον χώρα*. Такие узурпаторы еще не являлись неограниченными властителями, но они уже начинали подрывать основы родового строя.

Некоторые из них обещаниями и богатыми подарками могли быть привлечены на сторону Византии. Псевдо-Маврикий (стр. 185) пишет: «Так как у них много князей, и они между собой не согласны, то выгодно некоторых из них привлечь на свою сторону или посредством обещаний, или богатыми подарками, в особенности тех, которые по соседству с нами и имеют сношения с другими, чтобы они не соединились вместе и не поступили под начальство одного».

Славяне VI в. обладали всеми достоинствами и недостатками варваров. Византийские писатели признавали храбрость, свободолюбие славян, их честность, демократический инстинкт, видевший во всех общественных делах свое собственное дело,—качества, утраченные одинаково и восточными и западными римлянами, их гостеприимство, целомудрие женщин, их мягкое обращение с рабами-военнопленными, которым по прошествии нескольких лет предоставлялась свобода. В то же время византийские авторы не жалеют слов, описывая жестокость и варварство славян на войне. В этом отношении славяне были не хуже и не лучше других варваров.

Личная храбрость и свирепость заменяли славянам то, что им нехватало в военном искусстве и вооружении. Против хорошо вооруженных восточноримских войск они сражались с крайне недостаточным вооружением.

Придвинувшись к Дунаю, славяне не могли оставаться пассивными зрителями нападений на Восточную империю различных степных племен, кочующих в черноморских степях, по распадениям государства Атиллы. Их так же, как и других варваров, жажда добычи неудержимо влекла на юг в богатые и культурные страны Восточного Рима.

III

В процессе внедрения славян на Балканский полуостров следует различать два периода: первый продолжался с конца V в. до начала VII в., точнее до восшествия на престол Фоки (602 г.). В этот период восточноримское правительство оказывает упорное сопротивление варварским нашествиям. Славяне в это столетие проникают на Балканы скорее с целью грабежа, чем колонизации полуострова, хотя к концу этого столетия можно констатировать уже несомненное наличие значительных масс славян внутри полуострова.

¹ P g o s o p.—De bello Gothico, 3, 4.

С начала VII в. сопротивление Византии слабеет. Дунай уже перестает представлять преграду славянским вторжениям и служить этнографической границей между славянами и ромеями. Начинается второй период внедрения славян на Балканы, когда славяне переходят Дунай огромными массами и, заняв известную область, уже не покидают ее, унося с собой все, что можно взять, а водворяются в ней навсегда.

Перипетии борьбы и изменения в ее характере и результатах нельзя понять без рассмотрения внутреннего состояния Восточной империи в VI—VII вв.

«Византийский вопрос» в буржуазной историографии разбирается уже давно и переживает любопытную эволюцию. Буржуазная историческая наука на Западе, напуганная пролетарской революцией, склонна все более высоко расценивать роль средневековой Византии, как оплота порядка, культуры, законности.

В этом отношении любопытно сравнить характеристику Византии в буржуазной историографии XVIII—XIX вв. с характеристикой буржуазных историков эпохи всеобщего кризиса капитализма. Идеологи буржуазии XVIII в. Монтескье и Вольтер с величайшим презрением характеризуют византийскую историю, как самый затхлый и ужасный участок времени средневекового варварства, как «позор для человеческого ума». С особенной яркостью и убедительностью изобразил историю Византии, как безнадежное разложение и неуклонное умирание, знаменитый английский историк конца XVIII в. Гиббон¹.

Эта характеристика в эпоху пролетарских революций сменяется диаметрально противоположной. Англичанин Рамзэй, давший ряд ценных исследований по эпиграфике и исторической географии Малой Азии, заявляет, что накануне арабских вторжений «население Восточноримской империи было лучше управляемо и пользовалось большим довольством, чем население всякого другого современного государства»².

Такую же идеализацию Византии мы находим у Гарди, Шнебеля, белоэмигранта Острогорского.

Однако ни один из этих новейших панегиристов Византии не может дать вразумительного ответа на вопрос, почему же эта «счастливая», «процветающая» империя в VII в. претерпела жестокий военный разгром от арабов и славян, лишилась половины своей территории, а население Египта, Сирии, Месопотамии и Балкан нисколько не сожалело об утрате византийского суверенитета. Нельзя, конечно, отрицать, что в период раннего средневековья Византия по отношению к востоку и западу Европы была носителем более высокой культуры, что принесенное из Византии христианство было шагом вперед по сравнению с язычеством славян и, в частности, для русских, поскольку вместе с христианством среди славян распространилась более высокая греческая культура и образованность. Но буржуазные историки умалчивают об оборотной стороне медали—о Византии, как оплоте деспотизма, церковности, усовершенствованного механизма эксплуатации трудящихся масс.

На эту сторону дела неоднократно обращал внимание Маркс.

Основоположники марксизма в немногих гениальных высказываниях ярко и метко определили историческую роль Византии. Маркс не отрицал крупной роли, какую играли Византия и византийская культура в период

¹ «The History of the decline and fall of the Roman Empire», V, 1908, p. 170.

² «Studies in the History and Art of the Eastern Provinces of the Roman Empire», p. 293.

раннего средневековья, факта подчинения громадных территорий Восточной Европы и Передней Азии византийской религии и цивилизации, но он подчеркивал реакционность Византии, указывая на «ужасные и насильственные формы гибельного могущества Византии»¹. «Византийское государство было самым худшим государством»².

«Константинополь,—писал Маркс,—это вечный город, это Рим Востока. Западная цивилизация и восточное варварство при греческих императорах, восточное варварство и западная цивилизация при господстве турок так тесно переплелись между собой, что этот центр теократической империи стал настоящей преградой для распространения европейского прогресса»³.

Основоположники марксизма раньше, чем кто-либо из буржуазных историков, правильно указали и одну из важнейших причин «живучести» Восточноримской империи, причину, почему грандиозная катастрофа, которая включает историю античной империи, сказалась в меньшей степени на Востоке, чем на Западе. Энгельс отмечает «уцелевшие остатки торговли, как отличие Восточной империи от Западной»⁴. Маркс указывал, что Константинополь в дальнейшем «до открытия прямого пути в Индию... был огромным торговым рынком»⁵.

Характеризуя вытекающее отсюда богатство средневековой Византии, Маркс называет Константинополь «золотым мостом между Востоком и Западом»⁶.

Уцелевшая на Востоке промышленность, торговля, а также виртуозно разработанный финансовый аппарат позволяли правительству Восточноримской империи выжимать из своих подданных очень крупные по тому времени денежные ресурсы. О размерах их дает некоторое представление свидетельство византийского историка Прокопия, что казначейство Восточноримской империи к концу правления императора Анастасия (491—518) обладало денежной наличностью в 320 тыс. фунтов золота, т. е. около 130—140 млн. рублей золотом⁷.

Эти крупные средства давали возможность центральной власти подавлять всякие центробежные стремления, бороться с наступающими варварами или от них откупаться, подавлять восстания угнетенных народных низов. Большое значение для сохранения Восточной империи имело, несомненно, также то обстоятельство, что она имела в V в. обеспеченный тыл, так как мир с Персией, ослабленной внутренними противоречиями, не нарушался почти в течение всего этого века, за исключением коротких и малозначительных столкновений.

Сам Константинополь, с трех сторон окруженный морем, был с моря недоступен для варваров, не имевших флота, а с суши его охраняли мощные стены.

Напуганный катастрофой, постигшей Западную империю, правящий класс Восточной империи вел отчаянную борьбу за сохранение и укрепление своего классового господства. Была уменьшена поголовная подать, а в некоторых провинциях совершенно снята, как, например, во Фракийском диоцезе (Cod. Theod. 11, 52, de col. Thracensibus). В 498 г. при Ана-

¹ Соч., т. VIII, стр. 128.

² Соч., т. I, стр. 206.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 440.

⁴ Ф. Энгельс—Происхождение семьи..., стр. 149.

⁵ К. Маркс—Действительный спорный пункт в Турции, Соч., т. IX, стр. 382.

⁶ К. Маркс—Традиционная политика России, Соч., т. IX, стр. 441.

⁷ P r o s o p i i—Historia Arcana, 19. 7—8.

стасии был отменен крайне тяжелый налог на промышленное население городов, так называемый хрисаргир; предпринимались неоднократные попытки устранить продажу административных должностей и упорядочить судопроизводство. В V—VI вв. правительство предпринимало неоднократные попытки поддержать еще уцелевшие крестьянские хозяйства.

Но целый ряд обстоятельств: необеспеченность провинций от варварских набегов, насилия магнатов, тяжесть налогов—вызывают уменьшение земледельческого населения, стремившегося в крупные города, монастыри. Увеличение площади заброшенных земель осязательным образом отражалось на поступлениях государственного казначейства. Поэтому все земельное законодательство империи V—VI вв. является бесконечной сетью мероприятий, ставящих своей целью во что бы то ни стало привязать колона к земле или его заместить, если ему все-таки удалось убежать.

В течение IV—V вв. правительство издает ряд эдиктов, которыми все более стесняется свобода колонов в их переходе с места на место, и фактическое закрепощение колонов в IV—V вв. получает юридическую санкцию. Этот процесс завершается при Анастасии. Согласно С1, XI, 48, 23, свободные колоны, еще сохранившие свободу передвижения, если они в течение 30 лет являются арендаторами какого-либо участка, теряют право его покинуть, хотя и считаются свободными.

В целях обеспечения единства этой разноплеменной империи византийское правительство заключает в V—VI вв. самый тесный союз с христианской церковью. Этот союз был настолько тесен, что Маркс справедливо назвал Византию настоящим центром теократической империи¹. За счет правительства и общества церковь быстро становится чрезвычайно богатой, и в этом отношении V—VI вв. являются золотым веком для восточной церкви.

В награду за свои услуги церковь получает у правительства крупные земельные владения, широкие права и привилегии. Императорская власть поручает церковникам заведывание целым рядом государственных и муниципальных дел.

Боевым отрядом церковного фанатизма в эти века являлось монашество, «плодотворная» деятельность которого выражалась в том, что монахи с яростью крушили и уничтожали античные храмы, статуи, библиотеки, произведения искусства и культуры предшествующих поколений и жестоко расправлялись со всеми, кто осмеливался не подчиняться общеобязательной церковной доктрине и кто имел несчастье вызвать гнев их вожakov.

Монастыри также быстро обзаводились богатствами, землями, рабами, колонами. Как быстро на территории империи шло развитие этого учреждения, показывает тот факт, что в начале VII в. на 6—7 млн. населения византийского Египта в нем, по вычислению Масперо, насчитывалось до 500 тыс. монахов и монахинь². Быстро размножались монастыри и монахи и в других провинциях империи.

Идеологическая опора правительства—православная церковь—стоила очень дорого и причиняла массу трудностей своей политикой фанатизма и нетерпимости. Еще хуже обстояло дело с материальной опорой—войском, которое уже в период Римской империи, по характеристике Энгель-

¹ К. Маркс, Соч., т. IX, стр. 440.

² «Histoire des patriarches d'Alexandrie», p. 55.

са, гораздо более походило на армию ландскнехтов, чем на староримское крестьянское войско¹. К концу IV в. положение с армией еще более изменилось к худшему: она также уже давно сделалась кастой. Со времен Галлиена был закрыт доступ в армию сенаторам, как потенциальным претендентам на императорский престол². Доступ в армию был закрыт также куриалам и их детям, так как они все свое время должны были отдавать курии—собирать налоги и выполнять разные другие повинности. Также и по тем же основаниям в армию не допускались ремесленники и торговцы. Само собой разумеется, в армию не допускались рабы.

Таким образом, только самые низшие элементы городского населения, не обязанные государству какими-либо повинностями, могли вступать в армию. Но трудности, долгий срок службы, скудное вознаграждение отталкивали от военной службы и люмпен-пролетариат. Оставалась конскрипция—повинность, лежащая на крупных и средних собственниках. По требованию правительства крупный земельный собственник должен был выставить одного или нескольких рекрутов из людей, живущих на территории его имения. Само собой разумеется, землевладельцы старались сбыть рекрутским агентам, каковыми являлись те же декурионы,—самых негодных и малоценных своих людей. Правительство предпочитало нанимать варваров, взыскивая с земельных собственников от 25 до 36 аолидов за голову рекрута.

Зачисленных рекрутов клеймили, заставляли приносить присягу и обязывали к военной службе до истощения сил (20—25 лет). Военнослужащие могли вступать в брак. Дети их подлежали обязательному зачислению в армию.

Военная годность подобным образом комплектуемой армии все более уменьшалась. Империя все больше должна была базироваться на наемных варварских силах. Уже в IV в. римская армия считалась тем более боеспособной, чем больше в ней было варваров и чем меньше в ней было туземных, «римских» элементов.

Решительный сдвиг к варваризации армии произошел в 80-х годах IV в. после разгрома готами, аланами и восставшими рабами восточноримской армии в 378 г. в битве под Адрианополем, где погибли сам император Валент, оба магистра, 35 командиров отдельных частей и $\frac{2}{3}$ армии.

Новый восточный император Феодосий I должен был прибегнуть к дипломатии, привлекая на свою сторону отдельные отряды готов, и при их помощи водворить относительный «порядок» на Балканском полуострове. Готам была предоставлена земля во Фракийской провинции; вожди их и дружины были зачислены в римскую армию на положении федератов. Спустя 10 лет после битвы под Адрианополем Феодосий уже имел сорок тысяч готов на своей службе. Они образовали привилегированную часть его армии и притом получали лучшее содержание, чем туземные, «римские» войска.

Но с политической точки зрения эксперимент Феодосия навлекал на Восточную империю очень серьезную опасность.

События 399 и 400 гг. и восстания Трибигильда и Гайны показали правительству Восточноримской империи всю опасность такой системы. Правительство должно было учесть этот урок и в дальнейшем избегать повторения эксперимента Феодосия I, хотя создать боеспособную тузем-

¹ Ф. Энгельс—Бруно Бауэр и раннее христианство, Соч., т. XV, стр. 606.

² Снова сенаторское сословие получило это право при Константине. См. Ch. L'écrivain—Le Sénat Romain, p. 55.

ную армию ему еще долго не удавалось, так же, как не удавалось освободиться от необходимости пополнения армии варварами-федератами.

Эта задача получила частично разрешение только при императоре Льве (457—474), который для ликвидации опасного влияния алана Аспара решил противопоставить готам исавров, которые считались подданными империи. Лев создал из исавров несколько военных частей в армии Востока, сформировал из них особый военный отряд, носивший имя экскувитов, для своей личной охраны, породнился с одним из исаврских вождей Тарасикодиссой, переименовав его в Зинона и удостоив консульского звания.

Преемник Льва исавр Зинон (474—491) продолжал его политику по части создания туземного войска. Он создал императорскую гвардию из своих одноплеменников, начал усиленный набор в армию армян, подданных империи. В результате он оставил своему преемнику войско, в котором варварские элементы, теперь составленные из готов и гуннов в равном количестве, уже уступали туземным элементам.

После ухода остроготов с Балкан в 488 г. исавры стали не нужны, и политическое преобладание их было ликвидировано Анастасием (491—518) после семилетней гражданской войны, но исавры продолжали и в дальнейшем давать основные кадры для туземной армии. Таким образом, Восточная империя сравнительно благополучно пережила кризис V в. и крах Западной империи, сохранив все свои владения в Европе, Азии и Африке, хотя восточноримская армия в многочисленных войнах V в. с варварами не могла похвалиться победными лаврами. Неоднократные попытки прийти на помощь погибавшей Западной империи, которая официально продолжала составлять одно целое с Восточной, кончились самым плачевным фиаско.

Особенно крупной неудачей была катастрофа, постигшая экспедицию Василиска в 465 г. против вандалов, экспедицию, обошедшуюся константинопольскому казначейству в 64 тыс. фунтов золота и 700 тыс. фунтов серебра, т. е. около 30 млн. рублей золотом¹. Анастасий (491—518), по-видимому, примирился с совершившимися на Западе фактами. В церковном вопросе он был сторонником «восточной» ориентации, идя на уступки монофизитам, учитывая их силу на Востоке и то обстоятельство, что восточные провинции являлись экономическим центром империи.

При Юстине I и Юстиниане политика восточноримского правительства круто меняется. Часть сенаторской аристократии, военноварварские группировки Иллирика и Фракии, боровшиеся с оружием в руках против Анастасия, все сторонники халкидонского вероисповедания, значительная часть константинопольского населения, руководимая димом «голубых», были недовольны осторожной восточной политикой Анастасия, мирившегося с водворением германских варваров на Западе. При Юстиниане Восточноримская империя переходит от обороны к наступлению и производит отчаянную попытку «реставрации» старых порядков на Западе.

Ф. Энгельс указывал, что в IX в. на Западе «беспольные воспоминания и тщетная борьба» «гибнущего римского мира уже умерли и были погребены»².

Но для правящей верхушки Восточной империи VI в. воспоминания о старой единой империи не казались бесполезными, и борьба за восстано-

¹ I o h a n n L y d.—De mag., 3, 44.

² «Происхождение семьи...», т. XVI, ч. I, стр. 131.

вление старых порядков на Западе не представлялась тщетной. Толпы беглецов с Запада наполнили восточные провинции и призывали восточное правительство к вмешательству в западные дела. На это толкали правительство Восточной империи одинаково усердно и сенаторская аристократия, и фанатическое духовенство, проповедовавшее крестовый поход против ариан.

В 519 г. были восстановлены церковные связи с папой, поддержка которого была необходима для реставрации империи на Западе, и в связи с этим правительство возобновляет преследование монофизитов.

С 533 г. Византия обрушивается на варварские королевства на Западе, и в течение десятков лет на это бросаются лучшие военные средства и силы империи.

Хотя правительству Юстиниана не удалось восстановить империю в прежнем объеме, но достигнутые результаты к концу его правления с внешней стороны были достаточно велики.

Не говоря о Лазике, стране цаннов и других приобретениях в бассейне Черного моря, власть восточноримских императоров распространилась на ряд территорий на Западе: Далмацию, Италию, восточную часть Северной Африки (Тунис и часть современного Алжира), юго-восток Испании, Сицилию, Сардинию, Корсику, Балеарские острова. Территория империи по пространству почти удвоилась. Границы империи снова простирались от Гибралтара до Евфрата, а Средиземное море снова являлось «римским» озером.

Но эти внешние блестящие успехи были куплены дорогой ценой. Военные предприятия на Западе не вызывались жизненными интересами империи, центр которой лежал на Востоке. Удлинив в гигантских размерах ее границы от Херсонеса в Крыму до Гибралтара, завоевания Юстиниана крайне затруднили все дело обороны империи. При этом трудящиеся массы воссоединенных стран, которым реставрация принесла только большее закабаление, не имели никаких оснований поддерживать византийское правительство, а недостаток средств, повлекший за собой уменьшение численности войска, не позволил правительству укрепиться как следует в отвоеванных странах, результаты чего быстро сказались при преемниках Юстиниана.

Далее, завоевания на Западе были куплены ценой разорения Востока. Средств, несомненно, значительных, которыми располагало восточноримское правительство, все же не хватало для осуществления дорогостоящих планов Юстиниана. Сбережения Анастасия были израсходованы уже в первые годы правления Юстиниана. А дальше, в течение всего правления Юстиниана, противоречие между гигантскими претензиями правительства и положением финансовых средств все больше нарастало, и трудности покрытия дефицита непрерывно увеличивались. Для добывания средств правительство пошло по линии наименьшего сопротивления, все ту же завинчивая налоговый пресс на трудящиеся массы. Юстиниан обратился к тем мерам, которые сам строго запрещал в своих первых указах: продаже должностей и введению новых налогов. Чтобы заставить население платить налоги за земли, опустевшие и брошенные, Юстиниан пустил в ход старые средства: так называемую прикидку (*ἐπιβολή*), когда брошенный кем-либо участок передавался казной соседу, который из урожая возделанной им земли должен уплачивать сборы и за оставленный участок. Эту надбавку Прокопий называет «чумой, внезапно падающей на земледельца и лишающей его всякой надежды на спасение» (Hist. arc., 113).

Неудивительно, что Восточноримская империя являлась ареной ожесточенной классовой борьбы, проявлявшейся в частых восстаниях городских димов в Константинополе и других крупных городах, восстаниях колонов и рабов, восстаниях в армии, появлении многочисленных ересей, выражавших протест против существующих социальных порядков, в борьбе против официального православия, как опоры и санкции существующего строя. На всех этапах истории Византии ход классовой борьбы определял исторические судьбы империи.

Гениальные высказывания И. В. Сталина на съезде колхозников-ударников, ярко и четко выявив действительные причины грандиозного краха Западноримской империи,—вопрос, который никак не могла решить буржуазная историография,—помогают нам уяснить и ход исторического процесса в Восточноримской империи.

«Блестящее» царствование Юстиниана подготовило громадный взрыв классовой борьбы начала VII в. и страшный кризис, пережитый империей в первой половине VII в. Буржуазные историки (Бьюри, Штейн) обычно очень упрощенно объясняют причины этого кризиса, поставившего Восточноримскую империю на край гибели. По мнению Бьюри, этой причиной являлась военная слабость Византии, обусловленная великодержавной политикой Юстиниана¹. Этого же мнения придерживается и Штейн². И тот и другой смазывают роль и значение ожесточенной классовой борьбы, восстаний народных низов в начале VII в., являвшихся непосредственным развитием и продолжением революции рабов, ликвидировавшей Западноримскую империю;

IV

Первые вторжения славян на территории Балканского полуострова, можно предполагать, относятся к концу правления Анастасия, когда на северо-западной границе империи появился новый враг, к которому в то время применяли старое имя «геты». Этот новый враг надвинулся в 517 г. в направлении Иллирика. Полчища варваров, по сообщению хронистов, прошли по той самой дороге, по которой ходил на разорение империи Аттила, опустошили Македонию, Фессалию, на юге дошли до Фермопил, а на западе—до старого Эпира. Ими было захвачено огромное количество пленных, и Анастасий был вынужден послать тысячу фунтов золота префекту претория Иллирика на выкуп пленных.

Так как византийские историки (Феофилакт Симокатта) в дальнейшем неоднократно называли славян гетами, то вполне вероятно предположение, что этот новый враг Византии были славяне³. Но систематические нападения славян на Балканский полуостров начинаются при Юстине и Юстиниане и продолжаются в течение всего долгого 39-летнего правления последнего. По крайней мере Прокопий в «Тайной истории» утверждает, что «с самого начала правления Юстиниана (527 г.) гунны (болгары), склавины и анты почти каждый год страшно опустошали Иллирию и всю Фракию, все земли от Ионического моря до константинопольских предместий, Элладу и Херсонес».

Правительство Восточноримской империи применяет для борьбы с новыми врагами все старые средства римской политики. Излюбленным

¹ Ев, XIX, 934.

² Ernst Stein—Studien zur Geschichte des Byzantinischen Reiches, 2.

³ Дринов («Заселение Балканского полуострова славянами», М. 1873) считает

методом его является натравливание одних варваров на других: утургуров на кутургуров, лангобардов на гепидов, антов на славян, авар на славян.

Оно сооружает многочисленные укрепления для прикрытия дунайской границы. Количество их было умножено до такой степени, что, по словам Прокопия, «всякое имение на Балканах оказалось либо превращенным в мощный замок, либо находилось вблизи укрепленного поста» (P r o c o p.—De aed., 268). Позади первой линии старых, еще римских укреплений на Дунае Юстиниан создал вторую и третью линию укреплений в Дакии, Дардании и Мизии и на юге—в Эпире, Македонии, Фракии, которые должны были создать два новых барьера против варварских вторжений, прикрывать горные проходы и пункты стратегического значения, давать убежище населению. Для предотвращения славянских набегов восточно-римское правительство проводит карательные экспедиции на собственной территории славян. Одновременно с этим оно пытается применить к славянам ту форму отношений к варварам, которая действовала в отношении германцев. Оно включает славян в качестве федератов и в войска империи. Мы встречаем антов и славян во время войны Восточной империи с остроготами в 536 г. в византийской армии в Италии (P r o c o p., I, 26; III, 22). При этом славяне являются не только рядовыми наемниками. Их мы встречаем на высших должностях, как, например, Доброгоза, анта-таксиарха (554—555) или полководцев Юстиниана в Персидской войне 555 г. (Οὐσιγάρδος и Σουαρούνας Σχλάβος ἀνὴρ, Всеград, Сварун). В 545 г. Юстиниан предложил антам занять старый заброшенный город на левом берегу Дуная Туррис с тем, чтобы они приняли на себя обязательство охраны Дуная в тех местностях от гуннов.

Во Фракий Юстин привлек на свою сторону выдающегося вождя антов Хильвуда, сделав его магистром армии Фракии и преемником Германа. В течение 3 лет—с 530 по 533 г.—Хильвуд оказывал мужественный отпор всем нападениям славян на Мизию, но в 534 г. он со слабыми силами переправился через Дунай, был подавлен численным превосходством славян и убит.

Этот момент Прокопий считает поворотным в истории Балканского полуострова в том смысле, что после смерти Хильвуда Дунай уже не являлся преградой для вражеских вторжений. Но дело, конечно, было не в Хильвуде. Неблагоприятный для Византии поворот дел на Балканах был вызван другими, более существенными причинами. С 533 г. правительство Юстиниана приступило к осуществлению своего грандиозного плана—реставрации старых порядков в Западной Европе и ликвидации возникших там германских королевств. В течение двух десятков лет на это предприятие бросались лучшие военные силы и средства империи. Это неизбежно неблагоприятно должно было отразиться на обороне Балканского полуострова. Положение еще более осложнялось начавшейся в 540 г. войной с Персией. В результате дунайская линия укреплений оказалась не в состоянии задержать набеги гуннов и славян. В своем сочинении «О постройках» Прокопий упоминает, что славяне нередко занимали дороги к югу от Доростола (Силистрии), грабили путников и делали весьма затруднительным сообщение в тех местах. В Скифии (Добрудже) они уничтожили укрепление Ультиму и в течение некоторого времени жили в преде-

их славянами; Müllenhoff (DA, II, 383—384) и А. Васильев («Византийский Временник», т. V, 1898, 407—408) предпочитают видеть в «гетах» болгар и славян вместе.

лах этой провинции, как в своей земле. В 540 г. зарегистрирован крупный набег гуннов и славян, опустошавших ряд местностей от Адриатики до Эгейского моря.

В 545 г. Нарзес повел на вербованных им для войны с остроготами герулов на зимние квартиры во Фракию. Но вместо остроготов герулам пришлось иметь дело со вторгшимися во Фракию славянами. Герулам, по словам Прокопия, удалось победить славян и перехватить добычу и пленных¹. Но в дальнейшем вторгшиеся на территорию империи славянские дружины становились все более многочисленными, и борьба с ними была все менее успешной. Об этом ясно говорит сообщение Прокопия о славянском набеге 548 г. Славяне перешли Дунай в 547 г., опустошили огнем и мечом весь Иллирик до Диррахия, не встречая нигде сопротивления. Они жестоко грабили и разоряли население, уводили людей в рабство, захватили несколько укреплений. Хотя военачальники Иллирика имели в своем распоряжении 15-тысячное войско, они не осмелились противостоять славянам и ограничились тем, что следили за славянами, не решаясь дать им отпор².

В следующем, 549 г. на Балканы вторгся небольшой отряд славян. Дойдя до Гебра, он разделился, одновременно опустошая Иллирик и Фракию. Им был разбит ряд византийских воинских частей, пытавшихся помешать его опустошениям. Прокопий рассказывает, что предводитель одной из кавалерийских частей, разбитых славянами, был захвачен и сожжен живым³. В 549 г. славяне почувствовали себя достаточно сильными, чтобы осаждать города и укрепленные места. Они взяли приступом город Топир, расположенный на расстоянии 12 дней пути от столицы, перебили там всех мужчин, а женщин и детей взяли в плен⁴. Никем не тревожимые, они благополучно возвратились за Дунай с своей добычей. Неудивительно, что еще более крупный набег славян повторился в 550 г. В этом году Герман собирал войско у Сардики, чтобы вести его опять-таки в Италию. В то же время славянское ополчение невиданной раньше величины переправилось через Дунай и появилось у Наисса (Ниша). Через взятых у славян пленных было установлено, что предполагаемым объектом нападения на этот раз должен явиться главный город Иллирика Фессалоники. Обеспокоенное этим сообщением правительство отдало приказ Герману выступить против славян. Славяне, однако, узнав, что Герман ведет против них крупные военные силы, уклонились от нападения и удалились через Иллирийские горы в Далмацию⁵. Осенью 550 г. Герман умер, а его войско—вместо преследования славян—начала располагаться на зимние квартиры, а затем отправляется в Италию. Славяне благодаря этому получили возможность перезимовать на территории империи и усилиться новыми подкреплениями. Когда навстречу им выступило византийское войско под начальством евнуха Схоластика, оно было разгромлено славянами, причем было отнято и войсковое знамя. После этого славяне совершенно безнаказанно разграбили расположенную недалеко от длинных стен область Астику, с давних пор не подвергавшуюся опустошению, и безнаказанно вернулись за Дунай. Византийское правительство могло только утешать себя ничтожной уда-

¹ Р г о с о р.,—De bello Gothico, III, 13.

² Т а м ж е, III, 29, 1—3.

³ Т а м ж е, III, 38.

⁴ Т а м ж е.

⁵ Т а м ж е, III, 40, 1—7.

грабили и разоряли Элладу, т. е. Македонию и Фессалию, как тогда называли эти области¹.

Не имея достаточно сил для отражения этого нашествия, Тиверий был вынужден обратиться к аварам с просьбой напасть на славян в их собственных жилищах. Каган согласился исполнить эту просьбу. У него были свои причины для мести славянам, обитающим на левом берегу Дуная в пределах древней Дакии. Считая их в числе своих данников, он незадолго перед этим отправил к ним посольство с требованием уплаты дани. Но славянский вождь Добрит—*Dobritas*—презрительно отверг его требование, заявив, по словам Менандра: «Кто из людей, согрешаемых лучами солнца, может подчинить себе нашу силу? Мы привыкли покорять себе других и властвовать над ними, а не поддаваться им; при этом и остаемся, пока на свете будут существовать война и меч»².

Горячие объяснения с послами дошли до схватки, в которой послы кагана были перебиты. Поэтому Баян, пробравшись по южному берегу Дуная до низовьев, в Доростоле (Силистрии) был перевезен византийцами на левую сторону, разорил несколько славянских поселений, награбил добычу. Но этим дело и кончилось. Прочной помощи от аваров Византия ожидать не могла, так как эти кочевники при первом удобном случае сами стремились пограбить Византийскую империю и уже в 582 г., в нарушение договоров, овладели важной пограничной крепостью Сирмием, требуя нового увеличения дани.

Диверсия аваров в собственную страну славян, предпринятая ими по просьбе византийского правительства, не облегчила положения империи и не заставила вторгшихся на Балканский полуостров славян вернуться обратно³. Источники прямо нам свидетельствуют, что славяне остались на территории империи и в 581 г. причинили, повидимому, особенно значительные опустошения.

По крайней мере, современник этих событий Иоанн Эфесский занес в свое повествование под 583 г. следующее замечание: «Будучи весьма слабо вооружены двумя-тремя метательными копьями, славяне взяли много укрепленных городов на своем пути, обосновались на захваченной территории, обжились на новых местах, владеют большими стадами, стали богаты, имеют золото и серебро, обзавелись оружием, которым научились владеть лучше, чем римляне»⁴.

В этом известии особенно важно признание византийских авторов, что славяне оказались способными учениками и быстро усваивали все тонкости военной техники того времени, единственное, чего им раньше не хватало для победы над Восточноримской империей.

Не менее важны показания источников, что отдельные славянские отряды уже оседали на территории империи.

Известия Иоанна подтверждаются свидетельством другого современника. Феофилакт Симокатта (I, 6, 6, 7) пишет, что славяне, вторгнувшись в империю при императоре Маврикии, заняли обширную ее часть и проникли до длинных стен.

Полководцу Маврикия Коментиолу посчастливилось нанести им значительное поражение на реке Эргинии. Он успешно сражался с ними и под Адрианополем, где над славянами начальствовал вождь Ардагаст, очистил

¹ Menandri, 47.

² Menandri, ed. Bonn., 406.

³ Menandri, fr. 43.

⁴ Iohann Ephes., 6, 25, 84, 285.

от славян Астику, местность к северу от реки Гэбра (Марицы) между Адрианополем и Филиппополем¹. Если Феофилакт говорит, что эти славяне были подговорены аварами, то более осведомленный современник Менандр сообщает, что отношения дакийских славян и аваров в то время были самые неприязненные. Около этого времени, по словам Менандра, каган замыслил поход против дакийских славян, для чего и отправляет посла в Константинополь, прося у константинопольского правительства позволения провести свои войска против них прежней дорогой, через Иллирию и Мизию. На обратном пути посол этот был захвачен и убит славянами где-то в Иллирии.

Несмотря на успехи Коментиола, очистившего от славян ближайшие к столице области, сил Византии, очевидно, не хватало для очищения всего Балканского полуострова. Поэтому византийское правительство, применяя свою излюбленную тактику, побуждает антов, чтобы они произвели диверсию в склавинские земли. Анты напали действительно на страну склавинов и, по сообщению хроники Михаила Сирийца, причинили ей значительный ущерб². Но это опять-таки мало помогло Византии.

По сообщению церковного историка Евагрия³, подкрепляемому официальными византийскими документами, в 589 г. славяне добрались до самого Пелопоннеса. Фальмерайер отсюда вывел заключение, что этот год явился началом постепенного заселения славянами Пелопоннеса и Греции, причем все греческое население было скоро целиком истреблено оружием и эпидемиями. Это заключение было опровергнуто Карлом Гопфом, который доказал, что греческий элемент в Элладе продолжал существовать в VI—VII вв. и в последующие века, но он не мог опровергнуть самого факта вторжения славян в Грецию и заселения ими здесь ряда местностей.

Византийские историки объясняли хозяйничанье славян на Балканском полуострове тем обстоятельством, что большая часть военных сил империи была в это время брошена на войну с Персией. В 591 г. эта война, наконец, была доведена Византией до благополучного конца. После этого войска были переброшены на Балканский полуостров. Маврикий пытается отбить у славян охоту от вторжений на Балканы путем нападения на их собственные земли за Дунаем. В течение 9 лет он ведет продолжительную и трудную войну с аварами и славянами. В 593 г. под предводительством лучшего полководца Восточной империи в то время—Приска византийские войска направляются через Дунай, и византийские реляции сообщают, что Приск нанес сильное поражение стоявшему тут славянскому отряду, которым предводительствовал Радагаст, вождь одной из прибрежных областей.

Услуги какого-то гепида, изменившего славянам, облегчили Приску вторжение и в другую славянскую область, вождь которой Мусокий вместе со многими старейшинами был взят в плен⁴.

По словам Феофилакта, у славян была взята большая добыча. Лучшую часть добычи полководец послал в Константинополь в дар императору, но на шестой день пути в горах Восточных Балкан посланец Приска—Татимер, подвергся внезапному нападению славян, очевидно, уже осевших внутри страны. Ему удалось отбить нападение и захватить пленных.

¹ Theophyl., I, 7.

² «Chronique de Michel le Syrien», éditée par Chabot, II, p. 361.

³ Evagrii—Historia ecclesiastica, VI ed., Bidez et Parmantier, p. 227.

⁴ Theophyl.—Hist., VI, 7, 1—5.

Возвращаясь обратно, он привез приказ императора зимовать внутри неприязельской страны. Приск его не осуществил, боясь крайнего недовольства войск, и перевел войска обратно через Дунай, за что был лишен командования, которое было передано брату императора Петру. В то же время славянские отряды снова стали переходить Дунай и продолжать свои опустошения на южном берегу Дуная. На один из таких отрядов, возвращавшийся с богатой добычей, награбленной в городах Залдапе, Акисе и Скописе в Нижней Мизии, наткнулся новый полководец. При приближении восточных римлян славяне загородились обозом телег, перебили всех пленных и погибли до одного в храбром бою¹. Петр не мог в 596 г. переправиться через Дунай. Его задержало само правительство, озабоченное слухами о подготавливаемом нападении славян на самый Константинополь.

В 597 г. Петр переправляется через Дунай около впадения в него реки Осмы, но при переправе потерпел чувствительную неудачу. Один из отрядов его войска, численностью в тысячу человек, был совершенно истреблен славянским вождем Пирогостом, защищавшим переправу. Хотя восточным римлянам и удалось рассеять славянскую охрану переправы (причем Пирогост был убит) и высадиться на левом берегу Дуная, но вскоре они вынуждены были возвратиться, не причинив славянам существенного вреда².

Но в то время, как византийские войска пытались проникнуть в собственную землю славян, славяне в 597 г. предпринимают осаду большого и укрепленного города Фессалоник, центра административного управления префектуры Иллирика. В сентябре 597 г., неожиданно явившись огромной массой под стены города, славяне обложили Фессалоники по всему протяжению стен от моря и до моря и начали правильную осаду. По сообщению источников, эта осада характерна тем, что славяне пользовались всеми осадными машинами того времени: огромными орудиями для метания камней, железными таранами, так называемыми черепахами (*testudo*), покрыв их сырыми кожами. Очевидно, в ту пору вся территория Иллирика от Сингидона до Фессалоник пришла в величайшее запустение и была широко открыта для славянских вторжений. Осада эта кончилась неудачей, но византийское оружие в 597 г. не могло похвалиться какими-либо другими удачами.

Маврикий был вынужден отнять у своего брата командование и снова передать его Приску. В 598—599 гг. центр военных действий переносится на войну с аварами, довольно неудачную для Византии. В 599 г. Баян нанес сильное поражение византийскому полководцу Коменлиоту и приказал перебить 12 тысяч военнопленных, которых Маврикий отказался выкупить. В 600 г. Византия и авары заключили мир. Границей между аварским каганатом и империей был назначен Дунай, который восточным римлянам разрешалось переходить только для войны со славянами³. Несмотря на неудачу предшествующих попыток обуздания дакийских славян и утверждения власти империи на левом берегу Дуная, Маврикий упорно продолжает свою политику в этом направлении, стремясь одновременно отомстить аварам за поражение 599 г. Перевес в борьбе в следующем году решительно переходит на сторону Восточной империи. Ей

¹ Там же, VII, 2, 2—10.

² Там же, VII, 2—5.

³ Там же, VII, 15.

удается к началу VII в. восстановить дунайскую границу. В 601 г. византийский полководец Приск одерживает над аварами большую победу, сначала под Виминацием, а затем на берегу Тиссы в бывшей области гепидов. В числе взятых пленных, по византийским реляциям, было 3 тысячи аваров, 6 тысяч других варваров и 8 тысяч славян. В 602 г. византийская армия снова переправляется через Дунай и проводит карательную экспедицию на собственной территории славян.

В связи с византийскими походами на Дунай мы встречаем одно из последних упоминаний в византийских источниках об антах. Во время войны 602 г., когда брат императора Петр приготовлялся к походу против находившихся в то время в союзе с аварами славянских племен, аварский каган отправил войско, «чтобы уничтожить антский народ, бывший в союзе с ромеями». Но из аварского войска масса начала перебегать к византийцам. Встревоженный каган был принужден принимать всякие меры к тому, чтобы прекратить дезертирство, и поход, повидимому, не состоялся.

Что касается византийского похода на славян в 602 г., то он закончился восстанием византийской армии против правительства. Делая отчаянную попытку отвлечь славян от нападений на Балканский полуостров путем нападения на их собственные земли за Дунаем, Маврикий стремился прочно занять левый берег Дуная и потому настаивал на зимних походах, так как зимой было легче переправиться через Дунай и преследовать славян в лесах, их обычных убежищах. Но эти расчеты наткнулись на решительное сопротивление ромейского войска, измученного долгой и бесплодной борьбой и давно уже враждебно настроенного к правительству.

Если военное положение империи к началу VII в. несколько улучшилось, то классовые противоречия в Восточной империи все более обостряются, приводя к созданию единого фронта армии, городских димов, городского плебса, колоннов и рабов.

Юстин II был послушным орудием сената, который снова выступает на первый план в конце VI в. Все более возрастающая роль и значение крупных земельных собственников подчеркиваются новеллой Юстина II в 569 г., узаконившей захват местной земельной знатью правительственного аппарата во всех провинциях империи. По этой новелле епископам, крупным землевладельцам, предоставлялось право намечать кандидатов на должность презида, начальника провинции, причем император обещает их утверждать безвозмездно. В соответствии с этим правительство Юстина заняло твердую, неуступчивую политику по отношению к димам, сокращая государственные расходы на раздачу анноны и зрелища для константинопольского плебса. Летописец сообщает, что в 568 г. Юстин лично заявил «голубым»: «Царь Юстиниан для вас умер», а «зеленым»: «Царь Юстиниан для вас жив», и что, поняв угрозу, димоты присмирели¹.

В церковных делах, уступая давлению могущественного и фанатического духовенства, Юстин возобновил преследование монофизитов, что довершило отчуждение от империи Сирии, Месопотамии, Египта и усилило сепаратистские тенденции этих провинций. Тиверий, учитывая грозный рост недовольства масс, делает слабую попытку изменить правительственный курс, опереться на димы, чтобы ограничить растущие претензии знати; уничтожает налог, введенный Юстином на получающих хлебный паек в столице, но при Маврикии правительство возвращается

¹ Theophan., 243, 4—9,

к старому курсу. Маврикий снова является сенатским императором, стремится ликвидировать финансовые затруднения империи за счет сокращения солдатского жалования и бесплатных раздач константинопольскому плебсу, а также усиления налогового гнета. Реакция низов против слишком ярко выраженной классовой политики правительства проявлялась в частых восстаниях в провинции, в бурных выступлениях димов и в солдатских бунтах. Иоанн Никиусский сообщает о крупном восстании в Египте в округе Айкела, где восставшие собрали большие отряды вооруженных людей, перехватывали транспорты с хлебом, направляемые в Александрию, а один из главарей восстания Исаак занялся пиратством на море и ограбил остров Кипр. Августин Иоанн для подавления восстания должен был стянуть войска Александрии, Египта и Нубии¹. Не успело правительство справиться с восстанием Айкела, как ему пришлось подавлять движение народных низов в округе Акмиле, где вождь Азария собрал вокруг себя большое количество рабов и колонов. Движение было настолько серьезным, что против Азарии пришлось двинуть значительный отряд войска. Повстанцы, окруженные войсками, предпочли умереть с голоду, чем сдаться.

Уже в 588 г. нашествие аваров, приблизившихся к Константинополю, вызвало резкие манифестации столичных димов против императора.

Но с особой силой революционные настроения проявлялись в армии. Армия при преемниках Юстиниана подверглась значительным изменениям. Роль варваров в ней значительно уменьшается. Войска каждой провинции теперь набираются, главным образом, из местного населения. Отряды федератов и оптиматов, продолжая оставаться лучшими и наиболее надежными частями армии, теперь являются ее интегральной частью и резко отличаются от инородцев (*ἔθνηκοί*). Армия имеет характер ополчения, которое собирается по мере надобности и по приказу правительства в определенном месте. Солдаты имели земельную собственность и являлись землевладельцами—посессорами городского округа, только занесенными в военные списки, и должны были являться на сбор с конем и оружием. Таким образом, эволюция господствовавших в армии порядков сближала положение солдат с положением земледельческого населения. Вместе с этим менялись и самый характер и значение солдатских выступлений и восстаний. Сохраняя в значительной мере профессиональный характер, эти движения в то же время обнаруживают более определенную социальную направленность. Правительство Маврикия стремится укрепить обороноспособность империи решительным переходом к созданию территориальной армии, пополняемой туземным населением. Оно стремится сократить расходы на армию, сократить солдатское содержание, восстановить в армии древнеримскую дисциплину. Но армия, зараженная общим недовольством населения, рассматривает эти реформы, как тягости, нарочито придуманные для ее утеснения чуждой и враждебной властью, и оказывает ожесточенное сопротивление. Волнения в армии вспыхивают одно за другим. В 588 г. взбунтовавшаяся армия, воевавшая с персами, заставила своего военачальника Приска и командный состав бежать из лагеря, низвергла статуи императора, называла его торгашом. В 602 г. дело дошло до решительной развязки. Войска на Дунае подняли открытое восстание под предводительством центуриона Фоки, когда им было приказано зимовать за Дунаем во вражде-

¹ «Chronique de Jean évêque de Nikiou», p. 412.

ской стране,* и двинулись походом на Константинополь для расправы с Маврикием. Восстание армии встретило полную поддержку константинопольских димов и плебса. Маврикий, его сыновья и наиболее ненавистные армии представители правительства были казнены. Политический переворот 602 г., движущими силами которого были армия и константинопольский плебс, сбросил правительство крупных земельных собственников, пытавшееся урегулировать финансовые затруднения за счет армии и константинопольского плебса.

Но выдвинутое армией правительство Фоки с самого начала встретилось с ожесточенной оппозицией сената и крупных земельных собственников, значительной части военной и гражданской администрации и было втянуто в новую войну с Персией. Врагам правительства удалось разжечь гражданскую войну в Киликии, родине Маврикия, Сирии, Палестине, Малой Азии, Египте. Эта гражданская война, в которой на первый план выступают партии «зеленых» и «голубых», была борьбой не только династической, но и социальной, религиозной, племенной и велась со страшным ожесточением. Об этой гражданской войне, которую обычно затушевывают буржуазные историки, ясно и недвусмысленно свидетельствуют византийские историки и хронисты. Феофилакт Симокатта говорит о борьбе партий, как о причине, от которой едва не погибла Римская держава¹.

Объективное значение революционных массовых выступлений народных низов, восстававших против двойного гнета—империи и непосредственной эксплуатации со стороны крупных землевладельцев,—сводилось только к расшатыванию и ослаблению центральной правительственной власти. Расшатывая центральную власть, революционное движение масс оказалось бессильным вывести общественную жизнь из тупика. Правительство Фоки боролось с византийской знатью применением беспощадного террора, но оно не могло ей противопоставить творческой программы, улучшить положение народных масс и привлечь прочно на сторону солдатского правительства димы и кресьянство.

Гражданская война дезорганизовала окончательно византийскую армию и административный аппарат, и несмотря на то, что Фока сосредоточил все свои военные силы на Востоке, откупившись от аваров повышенной данью, он не мог отразить натиска персов, которые захватывали одну за другой области империи.

Наконец, сенатская партия заручилась поддержкой экзарха Африки Ираклия, поднявшего восстание против Фоки. В 609 г. при поддержке африканской армии против Фоки подняли восстание крупные землевладельцы в Египте, к которым присоединилась партия «зеленых». Спротивление правительственных войск и администрации было сломлено, и Египет отложился от Фоки, что обрекало население столицы на голод. В то же время африканский флот, всюду встречая поддержку партии «зеленых», двинулся прямо на Константинополь и в 610 г. сверг правительство Фоки и восстановил власть крупных земельных собственников.

Потрепанная террористическим режимом Фоки сенаторская аристократия восстанавливает свое господство в Византии в 610 г., поставив у власти императора Ираклия.

Но Ираклию приходится напрягать все силы для борьбы с Персией, захватившей богатые восточные провинции. Византии после долгой и ожесточенной борьбы еще удалось нанести Персии сокрушительный

¹ The o p h y l.—Hist., VIII, 17.

удар, но не успела она освободиться от этого врага, как ей пришлось выдерживать натиск еще более опасного врага—арабов.

В результате в течение всей первой половины VII в. Восточная империя не имела достаточно сил и средств для борьбы со славянами на Балканском полуострове.

Самые сообщения византийских источников о событиях на Балканском полуострове в VII в. становятся крайне скудными. Благодаря этому VII и VIII вв. в истории как самой Византии, так и славян, поселившихся в ее пределах, являются наиболее темным периодом, наименее освещенным современными историческими свидетельствами. Связный исторический рассказ современников прекращается до конца VIII в., до появления известной хронографии Феофана. Для времени Ираклия (610—641) сохранились лишь скудные известия современников и несколько стихотворных панегирических произведений Георгия Писиды, имеющих весьма малое историческое значение. Скудные сведения об этих веках черпаются, главным образом, у позднейших писателей—Феофана, патриарха Никифора и Константина Порфирородного. Из них, однако, мы узнаем, что в правление Фоки и Ираклия славяне продолжали опустошать Фракию, Македонию и Грецию. В 611 г., по сообщению Павла Диакона, славяне страшно опустошили Истрию¹. К первым годам правления Ираклия относятся следующие слова Исидора Севильского: «В самом начале царствования Ираклия, на пятом году этого царствования, славяне отняли у римлян Грецию, персы же — Сирию, Египет и многие другие области»².

Свидетельство Исидора подкрепляется сообщением Феофана, что «Ираклий, приняв власть, нашел империю сильно потрясенной. Европу сделали пустыней варвары; всю Азию переворотили персы».

Эти сообщения дают нам право сделать вывод, что Дунай в VII в. уже перестал представлять какую-либо преграду славянским вторжениям, и начался второй период внедрения славян на Балканы, охватывающий время от начала VII в. до образования на полуострове первых славянских государств, когда славяне покрывают своими поселениями почти всю территорию Балканского полуострова.

Славяне утверждаются на морском побережье и предпринимают частые набеги на острова Эгейского моря. Датированные свидетельства об этом имеются от 20-х годов VII в., но весьма вероятно, что морские набеги начались еще раньше. В 623 г. славяне на своих ладьях проникли до отдаленного Крита, который и подвергся их ограблению. Ожесточенным варварским нападениям подвергаются главные центры Восточной империи на Балканском полуострове: Фессалоники и самый Константинополь. В период 623—641 гг. славяне предпринимают новые настойчивые попытки овладеть Фессалониками.

Славяне представляют в VII в. уже прочно сидящее оседлое население Балканского полуострова. Во второй половине VIII в., кроме разрозненных владений на западе, Византия сохраняла за собой Малую Азию, Константинополь и Фракию. Она продолжала рассматривать, как подвластные ей, обширные области Балканского полуострова, но на самом деле она сохранила в них лишь некоторое количество опорных пунктов на морском побережье.

Современное свидетельство, сохранившееся в одном агиографическом

¹ Pauli Dias., 4, 24, 40.

² См. E b e r t—Allgemeine Geschichte der Litteratur des Mittelalters im Abendland bis zum Beginne des XI Jahrhunderts, I, S. 588—602.

памятнике, показывает, что в 60-х годах VII в. такие близкие к столице города, как Бизия, Силимврия, Месемврия, считались пограничными.

Отсюда приходится заключить, что территория старых провинций империи: Фракии, Эмимонта, Родопы, не говоря уже о более северных, к этому времени окончательно вышла из подчинения империи.

Родовой строй славян оказался очень живучим и на новых местах их обитания, особенно у сербо-хорватов, заселивших Иллирик. Даже в X в., по сообщению Константина Порфирородного, сербы, хорваты, захлумцы, тервуняне, конавляне, диоклейцы, нарентане не имели других правителей, кроме своих жупанов (πλὴν Ζουπάνας γέροντας καθὼς καὶ αἱ λοιπαὶ Σκλαβίαι ἐχουσι τύπον). Гораздо раньше возникает государство у семи славянских племен, заселивших Мизию. Западноболгарская орда под предводительством Аспаруха, поселившаяся около 670 г. за Дунаем, основывает болгарское по имени, славянское в действительности, государство, где болгары через несколько поколений совершенно растворяются в массе славянского населения.

Славяне наводнили и оставшиеся за Византией области Балканского полуострова. Даже в Малую Азию они переселялись десятками и сотнями тысяч. Количество их было так велико, что Юстиниан II мог из славян, переселенных в Малую Азию, сформировать большой военный корпус, численность которого источники определяют в 30 тысяч. По свидетельству Феофана, в Малую Азию в 762 г. добровольно выселилась славянская колония, численность которой доходила до 208 тысяч. В связи с этим массовым внедрением на оставшуюся за Византией территорию славян, армян, мардаитов и с обстановкой постоянного осадного положения, в котором находились эти территории, господствующий класс Византии не был в состоянии сохранить старые формы эксплуатации земледельческого населения.

В так называемом «земледельческом законе», появление которого всего вероятнее приурочивать к VIII в., мы не встречаем никаких упоминаний о колонате, прикреплении крестьян к земле, патронате крупных землевладельцев.

«Земледельческий закон» свидетельствует о существовании крестьян, которые обрабатывают не свои собственные участки, но не прикреплены к земле и обладают правом свободного перехода. Наиболее важная часть аграрных отношений, как их изображает «земледельческий закон»,—это широкое распространение общины и общинного землевладения в византийской деревне. То, что в Западной Европе произошло в V в., на территории Византии, где, как показывают эпиграфические и папирологические данные, еще сохранялись в отдельных провинциях остатки общинного землевладения, имело место в VI—VII вв. Нахлынувшие в империю варвары принесли с собой «осколок настоящего родового строя в форме сельских общин (марок) и этим дали угнетенному классу, крестьянам, даже в период жесточайшего средневекового крепостного права территориальную сплоченность и средство сопротивления, каких в готовом виде не нашли ни древние рабы, ни современные пролетарии»¹.

¹ Э н г е л ь с — Происхождение семьи..., Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 132.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОПРОСА ОБ ЭТРУСКАХ¹

(Извлечение из доклада, прочитанного на заседании исторической секции Академии наук СССР в Ленинграде 16 декабря 1937 г.)

Ганс Мюлештейн

(доктор философии, Цюрих)

«Но не следует в тех случаях, когда люди, передавшие историю местностей, разноречат между собой, тотчас отказываться от всей истории. Иногда даже тем лучше удается доказать все в целом».

(Стр а б о н, 1, 2, 13)

Введение

Вопрос об этрусках не является узкоспециальным или частным вопросом. Он принадлежит к широкому кругу вопросов происхождения до-«индоевропейских», автохтонных народностей Средиземноморского бассейна и истории их культуры. Этот вопрос соединяет доисторию и историю и должен выяснить крайне важную стадию развития всего западного человечества. Кроме того, он устанавливает основные моменты для понимания культуры древнего Рима.

«Происхождение» этрусков и «начало» их культуры, известной из истории, это — не тождественные вопросы. Поэтому оба эти вопроса должны быть изучены независимо один от другого. Что касается вопроса о происхождении этрусков, то приходится, правда, обращаться к строго-«историческим» приемам (изучение источников), причем, кроме классических и египетских источников, должны быть привлечены также библейские источники. Однако даже для этой цели исторические источники оказываются недостаточными. Здесь приходится прибегать также к доистории и истории культуры, в частности к изучению доисторических письмен и языков. Что касается происхождения этрусской культуры, то выяснение этого вопроса совершенно невозможно без широкого привлечения доисторических и культурно-исторических моментов. Наконец, для выяснения всего комплекса вопросов безусловно необходимо также учитывать факты естественно-исторического порядка.

Вопрос о «происхождении» этрусков изучался более ста лет (со времени выхода в свет книги К. О. М ю л л е р а — «Этрусски», 1828, на нем. языке) в слишком узком аспекте ближайших связей; такой односторонний подход постоянно вел здесь к ошибочным заключениям. Крупнейшее препятствие к разрешению этого вопроса создали известные старые немецкие историки от Нибура через Моммзена до Эд. Мейера (в его работах до 1928 г.), прежде всего своим общим разлагающе-скептическим отношением к вопросу. Моммзен договорился даже до того, что происхож-

¹ Редакция помещает данную статью цюрихского профессора Г. Мюленштейна по дискуссионному вопросу об этрусках ввиду исключительной актуальности этой, еще не решенной наукой, проблемы. Вместе с тем, редакция призывает также и советских историков принять участие в научной дискуссии по этой проблеме.

дение этрусков «недоступно нашему познанию, да и вообще не стоит его»; достойной параллелью к этим словам Моммзена является высказывание Эд. Мейера от 1893 г.: «Сообщения древних о происхождении этрусков не имеют никакой цены». Это скептическое отношение родилось на почве политически небезынтересного самоотождествления немецких историков с римскими победителями этрусков; таким образом, эти историки исходили из слишком поздних и пристрастных сообщений об этрусках, как народе, уже вычеркнутом из истории в политическом отношении. Для оправдания скептицизма нарочно прибегали к Дионисию Галикарнасскому (1, 17, 20, 27—30), источнику тоже очень позднему, в котором риторика преобладает над историческим изложением. В угоду этому скептицизму просто-напросто отметали всю прочную многоголосую традицию античного мира, в том числе такие старые и первоклассные источники, как Гелланик и Геродот.

Большой вред изучению этрусской проблемы нанесло создание злополучной специфически-немецкой (тевтонской) «ретийской» гипотезы, с которой с самого начала резко разошлись не только сообщения всех серьезных античных источников, но также вся археологическая наука (Денникс, Ноэльде-Вержер и др. и все итальянцы), включая и немецкую (например даже Гельбих). Еще Эд. Мейер в течение 35 лет (1893—1928), отделяющих первое от второго издания второго тома его «Истории древнего мира», придерживался «ретийской» теории, причем она мешала ему оценить полностью самые древние и важнейшие источники об этрусках, а именно египетские источники о «турша», хотя они были открыты Руже еще в 1867 г. Эта теория поставила также археолога Шухарта в неразрешимое противоречие с результатами его собственных археологических изысканий (например о «западном» происхождении могильника с атриумом).

Это столетнее заблуждение надо считать окончательно ликвидированным со времени выхода в свет второго издания «Истории древнего мира» Эд. Мейера (том II, часть 1) в 1928 г. и признания Эд. Мейером всего исторического значения источников о «турша»—стелы Мернепта I, XIX династии, в Карнаке и Атрибис—о происшествии с «приморскими народами» в 1227 г. до н. э., а также стелы Рамсеса III, XX династии, о событиях в 1196 г. (1193 г.), 1193 г. (1190 г.) и 1190 г. (1187 г.) до н. э. в храме Аммона в Мединет-Хабу. Впрочем, кроме вынужденного признания этих источников, которое уже давно назрело, Эд. Мейер тоже не внес ничего положительного в выяснение вопроса о происхождении этрусков.

В тот самый момент, когда Эд. Мейер, наконец, отказался от столетнего заблуждения, выступили итальянец Луиджи Парети и группа молодых «ученых», заядлых фашистов. Они выступили на I Национальном итальянском конгрессе этрускологов во Флоренции в 1926 г. и затем на I Международном конгрессе этрускологов во Флоренции и в Болонье в 1928 г. При этом преследовалась цель доказать стопроцентную *italianità* всего этрусского, т. е. непрерывную расовую преемственность «индоевропейцев» от эпохи Вилланова через этрусков до латинян и римлян. Что касается «восточного налета» у этрусков (в точности по Марта, де-Санкти и Этторе Паис), то его объясняли исключительно влияниями торговых сношений и «моды». Эта попытка аннексировать этрусков для вящей славы Рима кончилась крахом, так как натолкнулась на решительное сопротивление всех авторитетных ученых, в том числе и лучших итальянских. Однако исключение составило большинство немецких ученых (кото-

тые еще ничего не знали о перемене взглядов Эд. Мейера), кроме маститого Фридриха Дуна. На обоих конгрессах я лично внес свою лепту в борьбу с упомянутой тенденцией.

I

Можно считать, что сообщение Геродота (I, 94) и традиция всего древнего мира относительно этрусков восстановлены в своих правах. Однако в настоящее время это оказывается для нас уже недостаточным. Это сообщение, эта традиция говорят только о последней стадии возможных миграций и культурной экспансии «этрусков» до их существования в Италии. Да и эту стадию можно мыслить не в том виде, в каком она является у Геродота.

Уже со времени расшифрования Руше в 1867 г. египетских источников о «приморских народах» (RA, 1867) стало не только возможно, но даже необходимо расширить наши представления о связи между народами; она восходила уже в глубь II тысячелетия, причем охватывала также этрусков. Она охватывает, согласно египетским источникам, все народы, которые, примерно, в 1200 г. до н. э. селились или странствовали в бассейне Эгейского моря и даже всей восточной части Средиземного моря. Такими народами были: «кафти» (критяне или кафторы), «пурста» или «пуирста» (филистимляне), «лукка» (ликийцы) и наряду с ними ахеяне, как-то «данауна» (данайцы) и «акайваша» (ахеяне). Но этот комплекс гораздо шире; он охватывает вместе с «шакаруша» также «шакальша» (быть может, сикулы) и «шердана» (быть может, сардиняне); те и другие оказываются вместе с «турша» (этруски) в числе египетских «приморских народов». Весьма вероятно, что этот комплекс простирается также на Южную Италию, Сицилию и Сардинию, стало быть, на западный Средиземноморский бассейн. Мало того, другой такой «приморский народ», «машауаша» (макси, или массивийцы, массэсильцы) может с помощью перечня африканских народов у Геродота (IV, 191) быть локализован севернее озера Тритон (т. е. нынешнего Шотт-эль-Джерид в Южном Тунисе). Это один из главных народов, царь его Машвеш является в египетских источниках в качестве «ливийского» организатора вторжения приморских народов в Египет. Итак, комплекс народов во II тысячелетии, охватывавший этрусков, простирался также и на Северо-западную Африку, причем там был ведущий центр.

Таким образом, сообщение Геродота о «лидийском» происхождении этрусков оказывается лишь сохранившимся изолированно обломком более древней, более обширной, догреческой и до-индоевропейской традиции. Как Геродот, так и все следовавшие за ним историки вплоть до нашего времени односторонне раздули этот обломок традиции, объявляя «этрусков» выходцами из «Лидии». Если мы восстановим традицию более широкого комплекса, то можно установить с достоверностью лишь этническую и культурную связь, правда, бесспорную, между «Лидией» (Малая Азия) и культурным центром в Северо-западной Африке.

При этом «турша» («этруски», «тирсены») играют какую-то роль по отношению к Малоазийскому материку и островам перед ним (например Имбросу и Лемносу). В известном смысле эта роль «этрусков» простирается еще до халдов, «калародиев» Геродота (III, 94; VII, 79), народа, положившего начало культуре в позднейшей Армянской области (халды — побежденные ассирийцами «урарту»). Однако эта роль никак не тожде-

ственна с той ролью этрусков, которая известна нам из истории; она коренится, в общем, в гораздо более древнем и всеохватывающем комплексе этнических и культурных связей, центр которого мы должны искать в Северо-западной Африке (мы находим этот комплекс и в греческой традиции под именем «пеласгов»). Вопрос о происхождении «этрусков» может быть окончательно выяснен лишь тогда, когда нам удастся восстановить этот комплекс по всем имеющимся источникам и с помощью методов как исторических, так и принятых для изучения доисторических времен.

II

Центр постулируемого здесь этнического и культурного комплекса находился в Северо-западной Африке, а именно у «озера Тритон», т. е. у нынешнего Шотт-эль-Джерид в Южном Тунисе, к югу от восточных отрогов Атласских гор, недалеко от Малого Сирта, нынешнего залива Габес. Вероятность этого вытекает уже из следующих античных источников.

Геродот (IV, 180 и 188 сл.) сообщает, что еще в его время ливийские девушки ежегодно праздновали на берегах озера Тритон праздник Афины; здесь считалась древнейшая родина как Афины-Паллады, так и ее отца, Посейдона. Укажем также, что Каллимах (у Плиния, NH, V, 28) называет озеро Тритон также «озером Паллантиады», тогда как еще Птолемей называет его просто «озером Паллады», но понимает под этим именем только озеро, образуемое устьем реки Тритон. В сообщении Геродота центральный греческий культ выдающегося культурного значения сводится к искомому нами до-«индоевропейскому» центру и устанавливается первостепенная роль этого центра. По тому же Геродоту (IV, 191), у озера Тритон жили максии, т. е. «машауаша» египетских источников, — ведущий народ в великом «ливийском» движении «приморских народов»; в тех же египетских источниках в тесной связи с машауаша выступают «турша», т. е. «тирсены» — «этруски». Отсюда следует, что эти «первоначальные этруски» в той или другой форме участвуют в этой культурной доминанте.

Согласно Диодору (III, 55; Страбон, XI, 505), «царица амазонок» Мирина пришла с озера Тритон и основала в Малой Азии города Мирину, Киме, Питану, Приену, Эфес и Смирну. Это тоже указывает на выдающуюся культурную роль какого-то тритонского народа, причем в той («ливийской») области Малой Азии, из которой, по Геродоту, «происходят» этруски. Упоминание об «амазонках» свидетельствует о том, что у этого народа господствовал матриархат. Ибо, согласно И. И. Бахофену, сказания об амазонках отражают последнюю стадию матриархата. Этрусская народность была организована по материнскому праву во все время своего исторического существования. Согласно Диодору (цит. место), по смерти Мирины «амазонки» возвращаются к озеру Тритон; это означает не что иное, как уничтожение матриархата греками, организованными по отцовскому праву. Однако у ликийцев в их изолированной горной родине матриархат сохранился до времен римлян. Диодор (III, 58 сл.) подчеркивает тесное родство «тритонского» учения о богах с «фригийским» и сообщает (III, 67 сл.), что «фракийские» и «фригийские» певцы прославляли богов и героев озера Тритон уже вскоре после Троянской войны. Это означает обратное культурное влияние из Малой Азии на культурный центр в Северо-западной Африке. Так как этот центр, как доказано, должен охватывать также этрусков, то, быть может, этим объясняется то обстоятельство, что в исторической культуре этрусков встре-

чается так много малоазийских культурных и, быть может, также языковых моментов («лидийские», «фракийские» и «фригийские»).

Диодор называет столицей «атлантиев» и «амазонок» Тартесс (III, 53, 6), разрушенный землетрясением. В связи с нашим изложением замечательно, что одно из названий Афины-Паллады—«Тарсо» (Схол. к Ил., V, 2) и точно так же одно из названий Аполлона—«Тарсийский». По мнению Альберта Германна («Die Erdkarte der Urbibel», Berlin, 1931, см. ниже), который первый указал на эти моменты, первоначальной формой имени «Тартесс» вероятно является «Тарсия», так как *-есс* или *-ис* в *Тарсис*, библ. «Таршиш»,—малоазийские суффиксы. Основной слог *Тарс*, как собственно этнический признак, встречается в имени этрусского божества «Тарсу»; этот слог отождествляется Германном с корнем *турс* в «тирсеной». Таким образом, «Тартесс», т. е. имя искомого культурного центра, означает не что иное, как «город Тарса» (родит. падеж) или «Турс», т. е. «город этрусков» (Schulte n—Tartessos, S. 391). К тому же, согласно В. Шульце («Geschichte der lateinischen Eigennamen», Göttingen, 1904), тартессские собственные имена принадлежат к этрусскому языку; так, например, «Мирина»—этруская «Мурина», «Аргантониос» равно этрусскому «аркнти» и т. д. Я не решаюсь высказать свое суждение обо всех этих сближениях имен, так как не являюсь лингвистом.

Из всего изложения у Диодора вытекает, что «столица атлантиев и амазонок», о которой у него идет речь (значит Тартесс), может находиться только на озере Тритон. А согласно Геродоту (IV, 191), максии, очевидно, являются ведущими среди тритонских народов; они одни среди них занимались земледелием и жили в городах; в качестве ведущего народа они являются уже также в египетских источниках; они являются «собственно движущим началом в движении в Северной Африке», говорит Эд. Мейер (II, 1, стр. 589). Таким образом, максии оказываются собственно тартессцами, хотя Геродот (цит. место) сообщает, что они пришли из «Трои» на их исторические седища его времени, т. е. на север от озера Тритон; сообщение Диодора (III, 53, 6) о землетрясении, быть может, указывает на причину этой миграции. В связи со всем этим получают особое значение отдельные сообщения о некоторых общих моментах материальной культуры у максиев и этрусков. Так, например, у тех и других известно было столь специальное дело, как изготовление киновари из ругти и употребление киновари в качестве мази. Геродот сообщает это о максиях, Плиний (XXXIII, 3) говорит это о «предках римлян», которыми могли быть только этруски, и вместе с тем об «эфиопах» Северной Африки. Точно так же о тех и других, максиях (тартессцах) и этрусках, сообщается, что они делили между собой славу горного дела (этруски славились им во все время своего исторического существования).

Относительно географического положения Тартесса, т. е. искомого нами культурного центра, мы говорим в главе III. Однако на мой взгляд, уже те классические источники, которые мы цитировали выше, единогласно указывают, что Тартесс следует искать в Северо-западной Африке, в области атлантиев и амазонок, т. е. у озера Тритон, которое еще незадолго до Геродота, вероятно, соединено было с Малым Сиртом судходным, хотя уже очень заиленным протоком. Во всяком случае, только при таком предположении становится понятным сообщение Геродота, что греки VII и VI вв. еще сто лет продолжали находиться в торговых сношениях с тартессцами. Точно так же становится понятным и другое сообщение, что фокейцы во время своих смелых поездок посетили также последнего

царя Тартесса, Аргантония, были радушно приняты им и основали в его царстве колонию Майнаке. Эта колония, вероятно, находилась несколько километров севернее от нынешнего Габеса, т. е. несколько километров южнее от высохшего ныне протока от озера Тритон к Малому Сирту. Сюда относится также сообщение о самосском мореплавателе Колайосе, который около 660 г. до н. э. на пути в Египет был заброшен бурей на запад и в результате попал через «Геркулесовы столбы» в Тартесс. Разумеется, трудно допустить, что парусное судно, находившееся на пути из Греции в Египет, было отнесено бурей до самого Гибралтарского пролива. Следовательно, приходится искать первоначальные «Геркулесовы столбы» где-нибудь в другом месте. Так как они упоминаются в неразрывной связи с Тартессом, то искать их следует там, где мы искали этот культурный центр: в области Малого Сирта, который является естественной гаванью для корабля, отнесенного на пути в Египет бурей на запад.

III

После выхода в свет книги географа древности Альберта Германна— «Die Erdkarte der Urbibel», Berlin, 1931—необходимо для выяснения до-«индоевропейского» этнического и культурного комплекса с центром в Северо-западной Африке использовать не только классические греческие источники и египетские сообщения о «приморских народах», но также древнебиблейские и даже ассирийские источники. К упомянутому комплексу принадлежат также «турша»—этруски. Так как книга Германна в настоящее время для меня совершенно недоступна, я привожу в дальнейшем его аргументацию только на память и по тем немногим заметкам, которые я внес в свои карты. Я не в состоянии цитировать его точные указания источников. Однако там, где он цитирует классические источники, они, конечно, совпадают с теми, которые я использовал самостоятельно от Германна. Выше приведены самые важные из них.

Этнологические и географические сообщения апокрифов к Ветхому завету дают гораздо более обширную и более полную карту земли, чем этот последний. В некоторых отношениях они превосходят также классические источники, а именно, что касается Переднего Востока, Северной Африки и—в одном, существенном отношении—даже островов Средиземного моря. Германн установил по древнебиблейским¹ источникам два момента, имеющие решающее значение для нашей проблемы: 1) точное местоположение библейского «Таршиша», т. е. искомого нами культурного центра Тартесса, в котором, как показано выше, должны были уже участвовать «первоначальные этруски» («турша»); 2) заселение четырех «лежащих перед Яфетом», т. е. перед европейскими берегами Средиземного моря, главных островов—Корсики, Сардинии, Сицилии и Крита; это заселение произошло во время Соломона, т. е., примерно, в 950 г. до н. э., и осуществлено было родственными между собой племенами под единым древнебиблейским названием «Тирас».

К пункту 1. «Таршиш» давно известен из ветхозаветных источников, как страна, добывавшая и вывозившая серебро. Царь Соломон посылал «Таршиш» свои знаменитые экспедиции за серебром, которым он украсил храм Сиона. Впрочем, из «Таршиша» ввозились в Передний Восток

¹ Автор, повидимому, имеет в виду библейский псевдэпиграф—«Кн. юбилеев», написанную, вероятно, в конце II в. до н. э.—*Ред.*

также золото, олово, медь и слоновая кость. На двух ассирийских надписях фигурирует страна олова «Тартиси», принадлежащая царю Западного моря. Критские серебряные кинжалы, а также серебряные кубки из второго слоя раскопок в Трое, по всей вероятности, тоже изготовлены из «таршишского» серебра. Согласно апокрифам к Ветхому завету, царство или город «Таршиш» лежит в стране «Хама», т. е. в Северной Африке, по соседству с царством «Ханаан»; последнее охватывало, примерно, Алжир и Марокко. Уже эти данные наводят на мысль искать «Таршиш» в области Туниса. Далее, по апокрифам к Ветхому завету, «Таршиш» лежит у озера или моря по имени «Атель». В этом имени мы легко находим тот же корень, что в имени гор «Атласа». Оно, следовательно, означает не что иное, как «атлантическое» озеро или «атлантическое» море. Согласно Германну, это озеро или море никак не океан, который мы ныне называем Атлантическим, а не что иное, как озеро, которое греки называли Тритон и которое лежит у юго-восточных отрогов Атласских гор (нынешний Шотт-эль-Джерид). Название «атлантический» переместилось на запад во время всеобщего передвижения географических имен у позднейших греков, согласно их расширенной картине мира. Точно таким же образом переместились на запад многие другие имена, например также название «Геркулесовы столбы», за которыми все известные источники помещают Тартесс. Все ученые, искавшие Тартесс, начиная от античных и до нынешних, стали жертвой этой передвижки имен у греков. В том числе также Адольф Шультен. Следуя всеобщему предубеждению, он искал Тартесс у устья Гвадалквивира, но после двадцатилетних раскопок, проведенных в трех кампаниях, он нашел лишь остатки римской рыбацкой деревни и, изолированно, одно-единственное магическое кольцо из меди с архаической греческой надписью VI в. Воистину, это не оправдывало ни громадных затрат на эту «научную» кампанию, ни объемистой книги, которую Шультен написал по этому поводу. Германн наглядно показывает на геологических картах дельты Гвадалквивира, что этой работы впустую можно было бы избежать, если бы ученый археолог не поленился ознакомиться с самыми элементарными данными геологии. Дельта Гвадалквивира, на которой производились раскопки Шультена, представляла в то время, когда Шультен предполагал здесь расцвет и чуть ли не основание Тартесса,—не что иное, как болото, подвергавшееся медленному процессу высыхания. Даже те остатки римской рыбацкой деревни, которые были найдены Шультенем, стояли на образовавшейся тем временем отмели! Не говорим уже о непреодолимом разномое в расстояниях между «Геркулесовыми столбами» и Тартессом, а также между «Геркулесовыми столбами» и промежуточным пунктом «Эритейя»; в сообщениях древних эти расстояния, несмотря на передвижку имен, всегда остаются одинаковыми вплоть до Страбона и даже до Periplus Авиена в 400 г. н. э. Не говорим также о том, что в Гибралтарском проливе, шириной в 22 километра, совершенно не существует «плоских скалистых островов» на расстоянии 30 стадий, или 5,6 километров, как это единодушно утверждают античные источники относительно «Геркулесовых столбов». Эти острова не могли также стать «опасными для судоходства» вследствие «прогрессирующего заиления», как это утверждает теми же источниками относительно подступа к Тартессу.

Зато географические и геологические данные, которые Германн обильно и со знанием дела использует при толковании античных и ветхозаветных источников, напротив, с импонирующим постоянством говорят в пользу

германновской и моей теории, которую я считал возможным вывести уже из одних классических источников. С геологической точки зрения решающее значение здесь имеют три следующих основных факта естественно-исторического порядка:

1. Прогрессирующее высыхание всей этой области, начиная от периода дождей ледниковой эпохи до нынешнего времени, когда южнотунисский ландшафт носит характер степей и пустыни. При этом погибла вся та флора и фауна, свидетелем которой был еще капсийский человек, увековечивший себя на бесчисленных наскальных рисунках в области Атласа.

2. Сильное землетрясение, произошедшее, как можно установить с помощью геологических данных, в области Южного Туниса приблизительно после середины II тысячелетия до н. э. Оно сопровождалось более или менее повсеместным разрушением каналов и повело к быстрому понижению уровня почвенных вод.

3. Прогрессирующее поднятие всей территории, на которой находится нынешний Тунис. Оно составляет на западе (быть может, со времени упомянутого землетрясения) 15 метров, на востоке (у побережья Малого Сирта)—33 метра. Это поднятие территории необходимо вело к росту заболочиванию и окончательному высыханию дельты у моря «Атель», или озера Тритон. Поднятия территории и снижение уровня почвенных вод привели к тому, что некогда обширная водная поверхность приблизительно в 6 100 кв. километров (в ранней древности) сократилась до 4 410 кв. километров,—цифры нынешнего Шотт-эль-Джерид.

Эти три основных естественно-исторических фактора, с одной стороны, обусловили возможность очень раннего в истории человечества расцвета культуры в этой области. Страбон пишет, что уже за «600 лет» до его времени Тартесс позаботился о том, чтобы были записаны в стихах судьбы его народа. С другой стороны, упомянутые факторы объясняют прогрессирующее вымирание и окончательное исчезновение этой культуры, причем представители ее уходят в другие места, имеют место экспансия и завоевания. Очень возможно, что выступлению «приморских народов» против Египта в начале XII столетия до н. э. дало толчок катастрофическое ухудшение естественных условий, вызванное в XIV или XV столетии землетрясением и разрушением каналов. Упомянутые геологические факторы полностью объясняют нам фрагментарные греческие известия о гибели Тартесса в результате землетрясения, об опасном заилении судоходного пути к Тартессу и т. д. Легендарная и фрагментарная форма этих известий объясняется тем, что между временем их первого письменного зафиксирования и катастрофическими последствиями указанных естественно-исторических факторов протекли уже столетия, в которые Северная Африка вообще еще не вошла в поле зрения греков.

Остается еще вопрос: объяснять ли с помощью геологических данных о Южном Тунисе также особые утверждения библейских и греческих источников о богатстве «Таршиша», или Тартесса, серебром? Поскольку мне известно, этот вопрос должен еще остаться открытым. Впрочем, одно обстоятельство указывает, пожалуй, на возможность положительного ответа на этот вопрос. Река, впадающая в озеро Тритон, т. е. в Шотт-эль-Джерид, а именно: та река, у устья которой Германн, по археологическим соображениям, предполагает городской холм Тартесса, Уэд Мела, принимает в 15 километрах вверх от устья название Уэд Ниесриф, что на нынешнем берберийском языке означает: «Серебряная река». Замечательно, что греческий поэт Стесихор, рассказывая о приключении Геракла с царем

Герионом в Эритейе (промежуточный пункт на морском пути в Тартесс), говорит о реке «Тартесс», которая «вытекает из одной серебряной горы». Аристотель тоже упоминает про «серебряную гору» в Северной Африке, лежащую у стечения двух рек; правда, он говорит здесь о Верхнем Ниле, но река впадает у него в западное Средиземное море.

И другие географические факты категорически говорят в пользу нашего тезиса. В первую очередь укажем следующее. Там, где озеро Тритон соединялось с Малым Сиртом, Германн действительно нашел два «плоских скалистых острова» (северный называется Мела, южный—Ауина), расстояние между которыми в точности соответствует указываемому древними расстоянию между обоими «Геркулесовыми столбами»: 30 стадий, т. е. 5,6 километров! Эти острова найдены Германном на «солено-глинистой площадке», вдающейся теперь на 4 километра в материк. Это открытие приобретает особое значение в связи с другим открытием Германна. Он установил, что и другие расстояния, указываемые древними, а именно: расстояние между обоими «Геркулесовыми столбами» и промежуточным пунктом «Эритейей» (один день пути=340 стадий=63 км) и расстояние между «Эритейей» и Тартессом (два дня пути=680 стадий=126 км) прекрасно подходят к действительным условиям на нынешнем Шотт-эль-Джериде. Первое из указанных расстояний более или менее соответствует расстоянию между обоими скалистыми островками Мела и Ауина и холмом развалин, находящимся на острове у въезда в Шотт-эль-Джерид и, очень возможно, бывшим в свое время городским холмом Эритейи. Второе, двойное расстояние столь же точно соответствует остающемуся пути в Тартесс. Этот путь объезжал мыс и вел в бухту, образуемую устьем Уэд Мела, «реки Тартесс». На предполагаемом берегу последней, в нескольких километрах на юго-восток от местечка Кабили, Германн нашел большой холм развалин, занесенный песком. Итак, здесь, в этом холме, скрывается тайна искомого нами культурного центра Тартесс!

Замечательно, что, не доходя одного километра до устья Уэд Мела, Германн нашел небольшой необитаемый оазис. Туземное имя этого оазиса— по французской транскрипции—«Терракия»; это, возможно, производное от «Таршиш» или от предполагаемой первоначальной формы имени «Тартесс», а именно от «Тарсия». «Терракия» внесена во французскую карту: Тунис, № XXXIX, лист 12; 1 : 100 000.

Окончательную разгадку всех этих вопросов может принести только заступ археолога. Последнему предстоит на этой еще совершенно нетронутой почве, по всем признакам, огромная работа. Она сулит заманчивые перспективы. Несколько южнее от Тартесса, покоящегося еще под своим песчаным покровом, повидимому, находится также огромный некрополь из мегалитических могильников. Он тоже спит еще под покровом пустыни, но может служить свидетельством, что здесь находился культурный центр высокого значения. Некрополь из мегалитических могильников, повидимому, тянется по верхнему течению Уэд-эль-Халлуф, бывшей «реки Тритон», вплоть до гор Матмата, где берет свое начало. Река Уэд-эль-Халлуф протекает несколько южнее реки Уэд Мела; дельта ее состоит из трех рукавов.

К пункту 2. Чрезвычайно важно для ранней истории этрусков открытие, сделанное Альбертом Германном в апокрифах к Ветхому завету. Оно заключается в следующем. Еврейская традиция сохранила воспоминание, что приблизительно в 950 г. до н. э. «четыре больших острова перед Яфетом», т. е. Корсика, Сардиния, Сицилия и Крит, некогда были

заселены людьми, которых эти источники называют единым именем «Тирас», или находились под их владычеством. Я считаю, что в имени «тирас», несомненно, содержится этнический признак этрусков—*т-р-с*. Значит, это известие утверждает, что упомянутые четыре острова находились некогда под властью «этрусков». Другими словами: здесь зафиксирована историческая ситуация, которую можно считать естественной предварительной ступенью к переходу этрусков на их исторические поселения в самой Италии. Более того, если брать упомянутое известие дословно и включать также Крит, то оно является также промежуточным звеном в миграции «тирренов» из «Лидии» в «страну умбров», миграции, о которой сообщает Геродот (I, 94).

Однако для критического исследования проблема заключается именно в том, можно ли принимать дословно это известие апокрифов к Ветхому завету. На их карте мира носит единое обобщающее имя также многое другое, о котором у авторов апокрифов не было конкретных сведений; укажем только на объединение народов Северной и Восточной Европы под обоими мифическими именами «Гог и Магог».

Действительно, нынешние сведения о карте народностей Средиземного моря во II и I тысячелетиях до н. э. исключают возможность того, что в X в. до н. э. Корсика, Сардиния, Сицилия и Крит были заселены одними и теми же «этрусками» в нашем историческом смысле или хотя бы находились под единым владычеством. Но весьма вероятно, что в это время на всех четырех островах жили наряду со многими племенами различного происхождения также некоторые родственные между собой племена; возможно даже, что они отчасти господствовали над другими племенами. Имя «тирас», которое дает библейский источник, возможно, выражает общее происхождение этих родственных племен. Я имею в виду те племена, которые мы встречаем уже в египетских источниках в тесной связи с «турша»; это—группа «приморских народов» под «ливийским» руководством (если не считать «индоевропейских» участников). Возможно, что на западе произошли от «шердана» известные нам в истории сарды, давшие свое имя Сардинии, точно так же, как от «сакаруса» (и «шакалша») произошли сикулы, давшие свое имя Сицилии. На востоке, т. е. на острове Крите, положение в это время следующее: «лукка» (ликийцы) и «пуирста» (филистимляне), тоже принадлежащие к упомянутой группе, уже давно ушли на Азиатский материк, на свои исторические поселения, причем произошло это в результате самого же движения «приморских народов»,—ход этого движения определило в числе других факторов также одновременное занятие Крита дорянами. Однако еще вплоть до поздних времен греки говорят о «пеласгических» жителях Крита, точно так же, как о карийских или лелегийских «пеласагах» юго-западного побережья Малой Азии или о «пеласагах» целого ряда островов, например Имброса и Лемноса.

Под сводным греческим именем «пеласги» понимались все чуждые грекам элементы в этих краях. На то, какие это элементы, возможно, проливают свет следующие две археологические находки. В восьмидесятых годах прошлого столетия найдена была на о. Лемносе надпись на камне на архаическом этрусском языке; письмена ее—тоже архаические этрусские (см. K. P a u l i—Altital. Forschungen, II, 1886, S. 227 f.); эту надпись считал «этрусской» даже Эд. Мейер в первом издании своего труда «Geschichte des Altertums», II, I Aufl., 1893, S. 300. Затем в 1926 г. Алессандро делла Сета откопал богатый «тирренский некрополь» еще от IX—VIII

столетия до н. э., тоже на Лемносе (см. его отчет в «*Messenger d'Athènes*», от 3 января 1927 г.). Эти находки дали также «многие элементы микенского искусства» и «заставляют предполагать, что тирренцы или пеласги на Лемносе происходят от этой культуры» (A. Neppi-Modona, *Rassegna di Etruscologia*, s. a., см. также февральскую книжку «*Rassegna Nazionale*», 1928, стр. 4 сл.).

Итак, в настоящее время нет никаких оснований сомневаться в возможности и даже вероятности следующего: на острове Крите еще долгое время после ухода ликийцев и филистимлян жили люди, принадлежавшие к той же группе народов,—мы доказали ее «тритонский» или «атлантический» характер,—будь то оставшиеся на острове «лукка» и «пуирста» или же другие, до сих пор не опознанные еще «приморские народы», как-то «цаккари», «уасес» или «кахак».

Чрезвычайно вероятно следующая историческая ситуация: народы с этническим признаком *т-р-с*, т. е. народы, неразрывно связанные с культурным центром «Таршиш»=Тартесс у озера «Атель»=Тритон, селятся большим полукругом вокруг Италии и Греции от Корсики до Крита и дальше до Лемноса во Фракийском море. Что касается западной части этого полукруга, то это, действительно, ситуация, естественно предшествовавшая переходу Тиренского побережья в руки исторических «этрусков». Все сказанное становится еще более убедительным в связи с тем, что устанавливает Фритц Шахермейер в своей работе «*Frühges chichte der Etrusker*», 1929. Совершенно независимо от библейских источников и не зная их, он с чрезвычайно точной аргументацией устанавливает время «первой волны» иммиграции этрусков в Среднюю Италию, а именно: 970 г. до н. э., что на деле совпадает со временем царя Соломона.

Кроме того, эта схематическая картина, наименование «Тирас» для «четырех больших островов перед Яфетом», делает, на мой взгляд, уже совершенно ненужной гипотезу о прямой иммиграции «тирренов»=«этрусков» из Лидии в «страну умбров» по Геродоту (1,94). Однако это несколько не лишает значения те культурные и языковые аргументы, которые приводились до сих пор в защиту этой гипотезы. Напротив, эти культурные и языковые сближения освобождаются теперь от натяжек, должныствующих объяснить акциденциальное передвижение народов. Отныне эти доводы выражают постоянную культурную связь между народами *т-р-с* («тирас») от Малой Азии через «четыре больших острова» и до Средней Италии. В конечном счете эта культурная связь коренится в великом культурном центре у озера «Атель»=Тритон в Северо-западной Африке, в «Тартессе». Эта непреходящая культурная связь, а не акциденциальная миграция (даже если она имела место, как о ней говорит Геродот), является источником «лидийских», «фракийских» и «фригийских» элементов в исторической культуре этрусков.

IV

Поставленные выше проблемы доказывают особую историческую важность вопроса об этрусках, даже если предположить, что открытый на основе классических и библейских источников до-«индоевропейский» культурный центр в Северо-западной Африке вместе с его наименованием («Тарсия»=«Таршиш»=«Тартес») должен оставаться еще чисто-гипотетическим, пока обширные раскопки не дадут археологического доказательства его существования. Разумеется, географические и геологические

момента, установленные Альбертом Германном, очень убедительные, покоящиеся на личном знакомстве с местностью, не могут служить заменой археологического доказательства. Подчеркнем, что из всех затронутых выше проблем каждая теснейшим образом связана с попыткой разрешения вопроса об этрусках. Наши предположения в этом направлении не идут по каждой из этих проблем дальше древнейшего достоверного свидетельства исторического существования этрусков, а именно: дальше источников о «турша» при XIX и XX египетских династиях.

Вопрос об этрусках выдвигает также дальнейшие проблемы.

Мы укажем здесь только некоторые из них, причем умышленно в виде вопроса, чтобы подчеркнуть их проблематический и гипотетический характер.

1. Не являются ли предшественники «приморских народов», т. е. народов «Тритона»—«Атель» с этническим признаком *m-p-c* («тирас»—«турша», следовательно возможна также прямая связь «тирсены»—«этруски»),—разрушителями дворцовой культуры на острове Крите около 1400 г. до н. э., которых до сих пор тщетно искали ученые? Если упомянутое выше катастрофическое землетрясение действительно произошло в области Южного Туниса уже в XV столетии, то естественнее всего, что, как более или менее прямое последствие этого, уже около 1400 г. до н. э. народы из области Тритон у Малого Сирта сели на корабли и пытались завоевать себе новые поселения на северных цветущих островах. К тому же уже в то время сказывалась климатическая тенденция прогрессирующего высыхания Северной Африки; она служила постоянным стимулом для ухода населения в более благодатные страны. Во всяком случае, не подлежит сомнению и знаменательно, что около 1227 г. до н. э., когда возникло движение «приморских народов» (ему предшествовали другие подобные движения, согласно египетским источникам), на Крите уже жили ликийцы и филистимляне. Это были, несомненно, народы из до-«индоевропейского» комплекса народов в Северо-западной Африке; ликийцы принадлежали к нему в частности по признаку матриархата, который они сохраняли вплоть до времен Римской империи, так же, как этруски. Ликийцы и филистимляне либо были вытеснены из Крита в результате вторжения дорян, либо же потерпели неудачу при нападении на Египет и пытались вернуться на Крит, но этому помешали пришедшие лишь теперь доряне. На свои исторические поселения в Малой Азии и Палестине ликийцы и филистимляне попали лишь во время движения «приморских народов». Слава «смелых морских разбойников», которой «тирренские пеласги» пользовались у греков, является параллелью к той роли завоевателей и разрушителей, с которой народы этой семьи, возможно, впервые вошли в кругозор ахейцев, примерно, в 1400 г. до н. э. на острове Крите. И возможно, что вторжение дорян на этот остров около 1200 г. до н. э. и захват его дорянами были уже мерой предупреждения против угрожающей экспансии этих чужеземных народов. Это вторжение навсегда отрезало бы народы *m-p-c* от их культурного центра в Северо-западной Африке; возможно, что они уже тогда проникли далеко на север Эгейского моря, а также в Малую Азию (в сказочных походах амазонок). Кроме «халдов», о которых сейчас будет речь, последними историческими свидетелями этого были бы «тирренцы», которые оставались на Лемносе и Имбросе до VI в. негретизированными, а также ликийцы, оставшиеся изолированными в своих горах на южном берегу Малой Азии.

2. Быть может, в походе народов *m-p-c* из Северо-западной Африки

против дворцовой культуры Крита около 1400 г. до н. э. участвовали уже также халды? Позднее, в начале I тысячелетия до н. э., они мигрируют с запада в страну армян. К. Ф. Леманн-Гаупт расшифровал их, как «урарту» ассирийских источников и «алародиев» Геродота (III, 94; VII, 79). Или же халды во всяком случае пришли в Малую Азию не позже движения «приморских народов» около 1200 г. до н. э., т. е. вместе с ливийцами? По Леманн-Гаупту («Armenien einst und jetzt», II, 2, S. 679 *passim*), халды пришли на свои исторические места поселения, несомненно, из западной части Малой Азии, вероятно, из будущей Ликии или из ее непосредственного соседства; стало быть, они двигались по направлению с юго-запада на северо-восток, продолжая, таким образом, общее направление экспансии до-«индоевропейских», «пеласгических»=эгейских народностей, к которым принадлежат также «тирренцы» на Лемносе и Имбросе, равно как и ликийцы.

Только в том случае, если нам удастся свести халдов и существенные черты их культуры к тому же этническому и культурному центру, к которому, как мы показали, должны были с самого начала принадлежать этруски, только тогда можно будет дать удовлетворительное объяснение тому поразительному факту, на который я специально указал уже десять лет назад (см. мою работу «Ueber die Herkunft der Etrusker», Berlin, 1929, Exkurs II: «Chaldeen und Etrusker», S. 64 f.). Я указывал на этот факт в связи с изысканиями Леманн-Гаупта. Он заключается в воистину поразительном параллелизме культурно-исторических достижений обоих народов, живших столь далеко друг от друга и тем не менее процветавших в истории в точности в одно и то же время. Я тогда еще не сводил вопрос о происхождении этрусков конкретно к семье народов у озера Тритон—«Атель». Однако уже тогда был составлен перечень черт культурной близости между халдами и этрусками. Как халды, так и этруски—воинственные и властные народы; оба они в высокой степени принадлежат к культурному кругу наскальной скульптуры (как, впрочем, и ликийцы). Оба они славятся своей выделкой оружия и в особенности художественными коваными изделиями из бронзы и железа; отчасти они производят совершенно одинаковые изделия, например большие ритуальные сосуды и подставки для жбанов (об этрусских объектах см. мой труд «Die Kunst der Etrusker», илл. 107—109, 119), треножники и канделябры с животными мотивами (позднейшие эпохи этрусков), троны, обитые бронзой (илл. 126, 138—141), и др. В эту позднюю эпоху от конца VIII до начала VI столетия до н. э. искусство этрусков носит восточный налет. Хотя к этому времени оба народа уже давно разъединены географически, в их производстве продолжают встречаться общие обоим, а отчасти также совершенно тождественные объекты. Это предполагает торговые и культурные сношения между Этрурией и страной халдов на юге от Понта. При этом приходилось преодолевать все расцветшее тем временем греческое культурное пространство и удавалось даже оплодотворить его (ср. бронзы из Олимпии).

Стиль этрусского и халдского искусства тоже обнаруживает чрезвычайные совпадения: безусловное предпочтение пожирающих добычу хищных зверей на краях сосудов и предметов мебели (см. мою работу «Die Kunst der Etrusker», илл. 138—141, 35—37; ср. Lehmann-Haupt—Armenien einst und jetzt, II, 2, илл. на стр. 470, 471, 473); или противоестественные гривы на спинах животных, особенно у львов и быков,—мотив, встречающийся только у обоих этих народов (см. мою работу «Die Kunst der Etrusker», илл. 21, 22, 110, 128 наверху слева), а также извест-

ные примеры капиголийской волчицы и аретинской химеры и раскрашенные быки из Tomba dei Tori в Тарквиниях (ср. с этим иллюстрация у Леманн-Гаупта на стр. 742, 744, 745, 747); или же предпочтение фантастических образов (ср., например, бородатых сфинксов-птиц в моей работе «Die Kunst der Etrusker», илл. 100—110, с быком-херувимом, или «ламассу», у Леманн-Гаупта, стр. 748).

Кроме того, как халды, так и этруски весьма искусны в кованных изделиях из золота и серебра, что, возможно, связано с тем, что первоначальная общая родина обоих народов изобиловала золотом и серебром. Так, например, этруски являются изобретателями техники филигранной работы (см. мою работу «Die Kunst der Etrusker», стр. 42, прим. 1, а также илл. 85—87 и описания к ним) и мастерами грануляционной техники (см. там же, илл. 78 и многие другие в отделе золотых работ, а также описание техники к илл. 73 и текст к илл. 58—59; из них следует, что изобретение грануляции является заслугой древнеэгейской культуры, и древнейшие грануляционные работы известны нам из Крита и Трои II). Далее халды являются изобретателями техники накладных работ по металлу, называемой ныне «Тульской»; впоследствии она прославилась в Грузии и затем в Южной России, где она процветает по сию пору. Этрускам тоже знакомы накладные работы по металлу (см. «Die Kunst der Etrusker», илл. 114—115; соответственно раннему железному веку, железные фигурки инкрустированы здесь, словно драгоценные камни, в материал из бронзы). Будущие изыскания, надо полагать, установят весь диапазон культурного влияния халдов на народы Кавказа и особенно на ведущий здесь грузинский народ и—далее—на огромный по своему протяжению культурный круг «скифского» искусства, а с ним и на всю Россию и Среднюю Азию. При этом окажется, что влияние халдов было здесь столь же значительным, как влияние этрусков на итальянские и европейские народы вплоть до итальянского Ренессанса; через Ренессанс этруски воздействовали, таким образом, на всю европейскую культуру.

В своей работе «Ueber die Herkunft der Etrusker» я следующим образом резюмирую сопоставление халдов и этрусков: «Оба народа являются отпрысками одного корня, хотя (географически) далеко разошлись друг с другом. Оба сумели сохранить свою связь... с расцветом своей семьи народов, с крито-микенской эпохой. Они сохранили ее еще темным для нас, под-историческим (unterhistorisch) путем, через темную эпоху греческого средневековья» (стр. 65). «Важнее всего следующее: сравнительный критический анализ культуры обоих народов совершенно бесспорно устанавливает во всех существенных чертах (даже в архитектуре и письменах) общий корень—крито-минойскую культуру! Если считать эту последнюю выросшей на почве древнейшей традиции Западного Средиземноморья, то халдская культура является поздним, последним побегом критской культуры в том направлении, в котором она двигалась при своем возникновении, тогда как этруская культура является одновременным, но ввиду западно-восточного генезиса средиземноморской культуры, направленным в обратную сторону (rückläufig) разветвлением общего корня» (стр. 69—70).

В настоящее время я считаю возможным утверждать на основании доводов, приведенных в главах II и III, следующее: обе культуры, этрусков и халдов, являются последними историческими побегами одной общей культуры, а именно культуры до-«индоевропейского» культурного и этнического комплекса.

Первоначальный культурный центр этого комплекса находится у озера Тритон, или «Атель», в Южном Тунисе («Таршиш»—«Таргесс»). Халды отделились от этого культурного центра уже до движения «приморских народов», вероятно, с той волной, которая повела к разрушению дворцовой культуры на Крите и затем проникла в Малую Азию. Под каким именем халды отделились тогда от культурного центра, нам еще неизвестно. Что касается этрусков («турша»), то доказано, что они еще принимали участие в движении «приморских народов», а потом жили на одном или нескольких из «четырёх больших островов перед Яфетом», как одно из племен «тирас» библейских источников. В самом начале I тысячелетия до н. э. они перешли в Италию.

В этой гипотезе содержится еще дальнейшая проблема:

3. Не является ли вся догреческая, крито-микенская («минойская»), древнеэгейская и древнемалоазийская культура (со включением Трои II) во всем ее объеме уже историческим достижением—главным культурным достижением наряду с позднейшим этрусским—западномедитерранской, «тритонской» или «атлантической» группы народов с первоначальным, еще из каменного века, центром в Южнотунисской области Северо-западной Африки?

Уже всю свою книгу «Die Kunst der Etrusker», 1 Band: «Die Ursprünge» (Berlin, 1929), я построил на доказательстве того, что «рождение этрусского искусства, его самобытного ядра, несмотря на восточный налет и последующую эллинскую маскировку, является не чем иным, как художественным возрождением того же первоначального этнического единства, которое создало древнеэгейскую (крито-микенскую и древнемалоазийскую) культуру» (стр. 94—95). Я уже тогда писал: «При дальнейших изысканиях может, однако, оказаться, что существенные элементы древнеэгейского и особенно критского искусства и культуры (как это уже доказано для Египта) берут свое начало в западной части Средиземноморья. Наше изложение не исключает этой возможности, и последняя ничего не изменит в нем. Прибавится лишь следующее: появление «тирренцев» в западной части Средиземного моря может быть истолковано отчасти, как возвращение культурного достояния на свою первоначальную родину, Западное Средиземноморье» (стр. 95).

Я первый ввел в историю искусства древности принцип «автохтонно-средиземноморского» начала. С помощью подробных доказательств эмпирически и логически провел резкую грань между этим началом и «восточным» (включая позднейший Египет) и «индоевропейским» («классическим», греческим). Затем я в отдельной подробной главе (стр. 66—97) доказал, в частности, автохтонно-средиземноморскую самобытность этрусского искусства, его тесное родство с крито-микенским искусством и принадлежность его к доэллиническому, малоазийскому кругу. При этом я исходил из множества общих у них культурных моментов и исторических форм. Здесь я могу лишь суммарно указать на них: матриархат, отсутствие государственной централизации, курганные могильники (tholoi) и могилы-камеры, похоронные маски для усопших, каноны (урны с изображением лица, Троя II), похоронные щиты, жертвенный и погребальный ритуал, символ матриархата—двойная секира (лабрис), как культовый и военный знак (она была также военным знаком «амазонок!»), жилище с атриумом и могильник с атриумом. Все это было общим у тех и других из выше-названных народов. С другой стороны, у них одинаково отсутствует строительство настоящих храмов, они не воздвигают также больших статуй,

и всем им свойственен антинормативный (анти-«классический»), не идеально-статический, а скорее биологическо-динамический стиль в искусстве, затем—предпочтение живописи и т. д.

В настоящее время я не колеблясь утверждаю, что все эти моменты сходства между этрусской и древнеэгейской культурой следует считать доказательствами общего происхождения от одного и того же этнического и культурного комплекса, «тритонского», с центром в Северо-западной Африке. Здесь область самой древней культуры, которая нам вообще известна, а именно палеолитической: культура наскальных изображений в горах Атласа и даже в многочисленных горных оазисах нашего времени в сердце Сахары, капсийская культура, сказавшаяся в тысячах произведений рук человека. Эта культура возникла в ледниковый период, который в Северной Африке был временем дождей со всеми атрибутами умеренного климата и, вероятно, создал здесь один из самых цветущих уголков человечества. Так как эту культуру наскальных изображений можно проследить без перебоев через все эпохи неолита, то нет оснований сомневаться, что в этом крае существовал важный культурный центр человечества (*wesentlich menschheitliches Kulturzentrum*) и продержался здесь до того времени, когда естественные условия жизни человека и его культуры начали катастрофически изменяться, как это изложено в главе III. Очень возможно, что это тяжелое положение наступило уже в IV или III тысячелетии до н. э., так что не приходится сомневаться в возможности ухода населения в Средиземное море уже в это время. Ближайшими и естественными целями для этой миграции были лежащие концентрически к культурному центру в Северо-западной Африке (в Тунисе) «четыре больших острова»: Корсика, Сардиния, Сицилия и Крит вместе с другими островами: Балеарскими, Мальтой и пр. Последние соединяет с материком Северо-западной Африки еще с древнейших времен единая культура наскальных скульптурных изображений и мегалита в V—III тысячелетиях.

СТОИМОСТЬ РАБА В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

Проф. И. М. Лурье

В 1935 г. проф. А. Гардинер опубликовал папирус¹, найденный во время раскопок фиванской гробницы Аменемхета-Сурера, производившихся Метрополитанским музеем еще в 1914—1915 гг.², и являющийся протоколом процесса, связанного с приобретением рабыни и раба.

Значение текста в том, что это первый юридический документ, касающийся покупки раба³ в Египте.

Текст, к сожалению, сохранился не полностью, но содержание все же ясно: это—часть протокола процесса по обвинению горожанки Иринефер в том, что она присвоила чужих рабыню и раба.

Вот перевод этого текста:

«[1] ... сказано горожанкой Иринефер [2] ... и я пришла, чтобы жить в его доме, и я работала ... [3] я заботилась о моих одеждах. И вот, в 15 году 7 лет после того как я вошла в дом начальника округа Самут, [4] пришел ко мне торговец (*šwtj*) Раиа с рабыней (*hm. t*)—сирийкой Геменхериментет—она была девушка, и он [5] сказал мне: «купи эту девушку и дай мне ее цену», так сказал он мне. И я взяла эту девушку и я дала ему цену [6] ее и вот я говорю цену, которую я дала за нее перед Серами:

Передник верхнеегипетской материи 1, составляет серебра 5 кит [7], простыня верхнеегипетской материи 1, составляет серебра 3 $\frac{1}{3}$ кит, платье *dꜣjt* верхнеегипетской материи 1, составляет серебра 4 кит, одеяния *šdj* лучшей верхнеегипетской материи 3, составляют серебра 5 кит [8], одежда *dꜣjw* лучшей верхнеегипетской материи 1, составляет серебра 5 кит.

¹ A. Gardiner—A Lawsuit arising from the purchas of two slaves. JEA, XXI, p. 140.

² «The Egyptian Expedition 1914—1915». The Metropolitan Museum of Art. Bulletin X, 1915, p. 232.

³ Я здесь не учитываю группу юридических папирусов XVIII династии, из Кахуна, изданную А. Гардинером (Four papyrǫ of the 18 Dyn. from Kahun, ZAS, V, 43, S. 27 f.), в которых идет речь о найме, повидимому, рабынь, ибо характер работы, для которой нанимают женщин, совершенно не ясен.

Принесено горожанкой Кафи: бронзовый сосуд g;j 1, составляет 18 дебен, составляет серебра [9] $1\frac{2}{3}$ кит.

Принесено начальником закромов Пиаи: бронзовый сосуд 1, составляет 14 дебен, составляет серебра $1\frac{1}{2}$ кит.

Принесено уабом Хеви [п] [10] анехси: кованой меди 10 дебен, составляет серебра 1 кит.

Принесено уабом Ини: бронзовый сосуд g;j 1, составляет 16, [11] составляет серебра $1\frac{1}{2}$ кит; меду—сосуд mп.t 1, составляет 1 хекет, составляет серебра 5 кит.

Принесено горожанкой Чуиа бронзовый чу-[12] гун 1, составляет 20 дебен, составляет серебра 2 кит.

Принесено Тутуиа, начальником дома храма Амона: бронзовый сосуд kb.t 1, составляет 20 дебен, составляет 2 кит; [13] рубашек mss 10 лучшей верхнеегипетской матери, составляет серебра 4 кит. Итого серебра во всех вещах 4 дебен 1 кит. И я дала их торговцу Раиа и не было [14] среди них никаких вещей горожанки Бекмут. И он дал мне эту девушку и я дала ей имя Геменхериментет.

[15] Сказано судом горожанке Иринефер: «сделай клятву владыкой, жизнь, здравие, благополучие, говоря: «если свидетели [16] покажут против меня, что было какое-либо имущество горожанки Бекмут в серебре, которое я дала за эту служанку и если я утаила его, [17] я буду под 100 ударами и я лишусь ее».

Клятва владыкой ж. д. с., сказанная горожанкой Иринефер: «как существует Амон, как существует [18] правитель ж. з. б., если свидетели покажут против меня, что было какое-либо имущество горожанки Бекмут в серебре [19], которое я дала за эту служанку, и если я утаила его, я буду под 100 ударами и я лишусь ее».

Сказано судом w,w¹ Нахи [20] «пусть дадут нам свидетелей, о которых ты говоришь, что они знают серебро горожанки Бекмут, данное за покупку рабыни [21] Геменхериментет, равно как свидетелей относительно этой могилы, о которой ты говоришь, что горожанка Бекмут сделала ее, а [22] горожанка Иринефер дала ее торговцу Нахт и он дал ей раба Тиерпгах [23] как оплату ее».

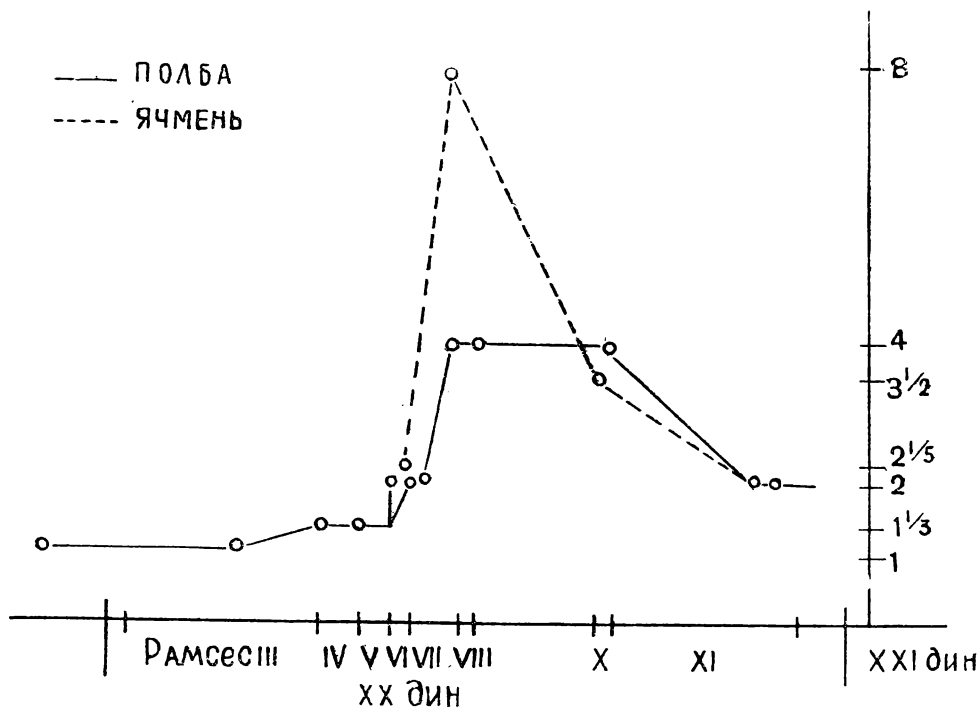
Перечень свидетелей названных w^cw Нахи перед судом: нач. полицейских Мин... [24] князь запада Рамесу; жрец—уаб Хеви-па-нехси, старший брат начальника округа Самут; горожанка Кафи, [25] жена умершего начальника полицейских Пашеду, горожанка Уртнефер; горожанка Хетиа, [26] старшая сестра горожанки Бекмут. Итого 3 мужчины и 3 женщины, а всего 6. И они предстали перед судом и они [27] сделали клятву владыкой ж. з. б., равно как клятву богом, говоря: «мы скажем правду, не скажем лжи. Если же мы скажем [28] ложь, пусть отнимут слуг (b'k.w) от нас».

Сказано судом жрецу—уабу Хеви: расскажи нам, что известно [29] о сирийской рабыне [Геменхериментет]...».

Приведенный папирус дает некоторое представление о стоимости рабыни

¹ A. E. G. m. a. n. H. G. r. a. p. o. w—Wörterbuch, 1, 280, 3, понимают этот термин, как обозначение низшего офицерского звания. Это понимание термина, как мне кажется, нельзя считать окончательным. Я думаю, что более прав G. M. a. s. p. e. g. o., который в w^cw видит наследственного воина («Society of Biblical Archaeology», Proceedings, t. XIII (1891), p. 302).

в начале или середине царствования Рамсеса II¹. Эта стоимость определена в тексте в размере 4 дебен и 1 кит серебра. Весовое выражение цены рабыни — 373 г серебра — не может, разумеется, дать представление об ее реальной стоимости, ибо ценность серебра не является неизменной величиной. Для того, чтобы была ясна действительная ценность серебра, уплаченного за рабыню, необходимо уяснить себе тогдашнюю покупательную способность денежной единицы — 1 дебена серебра (= 10 кит = 91 грамм). Лучше всего это было бы сделать по сравнению со стоимостью земли, однако именно для этого времени таких данных еще нет. Поэтому придется прибегнуть к сравнительной стоимости хлеба. Это теперь тем легче сделать, что

на основании анализа ряда текстов Я. Черный установил картину колебания стоимости полбы и ячменя на протяжении времени с конца XIX династии по начало XXI², нашедшую свое выражение в составленной им диаграмме.

То обстоятельство, что цены выражены в дебенах меди, не препятствует пониманию стоимости серебра, ибо наш текст (стр. 10) указывает на соотношение меди и серебра как 100: 1, а в конце XX династии, как установил Peet, соотношение стоимости этих двух металлов соответствовало пропорции 60: 1³.

¹ Так датирует рукопись, исходя из лингвистических и орфографических особенностей текста, ее издатель А. Гарднер, ук. соч., стр. 141.

² J. S e r n ý—Fluctuations in grain prices during the twentieth Egyptian dynasty, «Archiv Orientalní», t. VI (1933), p. 173.

³ Об этом упоминает А. Гарднер в ук. соч., стр. 146, прим. 3.

Исходя из известного нам для времени Рамсеса II соотношения стоимости меди и серебра и принимая для этого времени стоимость 1 хар (72 литра) полбы, как равную 1 дебену меди, мы получим, что стоимость рабыни, указанная в тексте (41 кит серебра), соответствует стоимости 29 520 литров полбы¹.

Приведенный материал указывает, что сумма, уплаченная Иринефер за рабыню, весьма велика. Однако для того, чтобы сделать из этого факта какие-либо выводы, следует прежде всего решить, нормальна ли указанная в тексте стоимость рабыни. К сожалению, сравнительный материал для времени XIX династии пока еще отсутствует (материалов последующих времен я коснусь ниже), а прямого указания на этот счет в тексте нет. Все же мне кажется возможным ответить на него, исходя из косвенных данных самого текста.

Покупательница рабыни—Иринефер—жена начальника округа, именовавшаяся «горожанкой», по своему общественному положению относится к средним слоям чиновничьей знати. Совершенно естественно было бы предположить, что для нее покупка рабыни должна была бы быть вполне доступной. Однако из текста мы узнаем иное. Свидетельствуя перед судом о том, что рабыня была ею куплена за 41 кит серебра, Иринефер указывает те предметы, которыми она уплатила торговцу Раиа². Из перечня этих предметов мы узнаем, что только часть их, стоимостью в $22\frac{1}{3}$ кит, принадлежала самой Иринефер, остальные же, на сумму в $18\frac{2}{3}$ кит, ей пришлось занять у шести разных лиц (строки 8—13). Это дает нам право заключить, что приобретение рабыни превышало возможности бюджета отнюдь не бедной семьи начальника округа, жена которого оказалась вынужденной сделать долги. Возможно, что в данном случае речь идет о рабыне, обладавшей особой квалификацией. Косвенным подтверждением этому, как мне кажется, может служить замечание Иринефер, что она заботилась о своих одеждах (строка 3). Этим она, повидимому, хочет объяснить суду причины, побудившие ее купить рабыню: ее купили, вероятно, для того, чтобы она ткала одежды для хозяйки дома.

Все сказанное дает основание считать, что даже во времена частых и удачных военных походов египетских царей в Азию, в результате которых в Египет поступала богатейшая добыча, некоторые категории рабов стоили чрезвычайно дорого, почему трудно предполагать большое распространение в Египте рабского труда.

Этот вывод; может быть подтвержден данными других текстов.

¹ В этой связи полезно вспомнить, сколько стоил раб в Греции. Если следовать данным В а л л о н а («История рабства в античном мире», Соцэкгиз, 1936, стр. 88), то средняя стоимость раба составляла:

Во времена персидских войн	2 мины
Во времена Пелопоннесской войны	
и при Александре	3 мины
После Александра	4—5 мин

Если дать, для сопоставления с египетскими ценами, зерновое выражение денежной стоимости раба, то, следуя данным А. Segrè («Circolazione monetaria e prezzi nel mondo Antico ed in particolare in Egitto, Roma, 1922, стр. 164—165), оказывается, что в IV—III вв. до н. э. раб в среднем стоил 60 медимнов зерна (=3 240 литров зерна) и столько же, примерно, он стоил после Александра, ибо стоимость 1 медимна зерна с 5 драм поднялась в среднем до 6,5.

² В древнем Египте, даже во времена Нового царства, денежная единица, как правило, является лишь мерилом стоимости, оплата же производится различными товарами.

В судебном протоколе¹ допроса воров, ограбивших царский некрополь около Фив, упоминается стоимость двух рабов.

В своих показаниях Бухаа, пастух стада Амона, сообщает длинный перечень лиц, у которых он припрятал свою долю добычи, а также, сколько он уплатил за купленного им раба. «Шедубага, слуге, в оплату раба Дага: серебра 2 дебена, меди 60 дебен, ячменя 30 хар, которые я приобрел в обмен за серебро, 16 одеяний *gwd*... из лучшей верхнеегипетской материи в 8 локтей, шириной в 4 локтя, и 2 одеяния *d;jw* из раскрашенной материи»².

Из того же протокола мы узнаем, что при допросе жены садовника, обвиняющейся в укрывательстве украденного из могил имущества, суд заинтересовался тем, каким путем она оказалась владелицей раба. Ее объяснением, что раба она приобрела «в обмен на доходы моего виноградника», суд не удовлетворился; был приведен сам раб, который дал следующее клятвенное показание: «Когда Нехси разрушил Кинополь, то молодой нубиец Бутехамон приобрел меня, а иноземец Пентасхену приобрел (меня) от него; он дал в уплату 2 дебена серебра. Теперь, когда он был убит, за меня дал цену садовник Кар»³.

В последнем случае заслуживает внимания то обстоятельство, что суд не поверил возможности приобретения раба на доходы садовника, и мы, вероятно, не сделаем ошибки, если, подобно египетскому суду, подумаем, что садовник мог оказаться владельцем раба лишь потому, что он ограбил царские могилы.

Цена, уплаченная за раба Дага, значительно больше, чем та, за которую был куплен Паинех—раб садовника Кар. За первого, не считая одежды, в переводе на единицы серебра, было дано 4 дебена серебра, т. е. много больше, чем было уплачено за сириянку Геменхериментет; возможно, что продавец раба догадывался об источнике средств, которыми оплачивалась покупка, и воспользовался этим, чтобы заломить цену. Сколько же заплатил за своего раба садовник Кар, мы не знаем. 2 дебена серебра, которые за Паинех заплатил его прежний владелец—иноземец (возможно скупщик) Пентасхену, вероятно, минимальная цена, ибо он уплатил ее нубийцу, получившему раба при разграблении города Кинополя.

Во всяком случае, даже меньшая и, как можно думать, дешевая цена раба—2 дебена серебра, все же достаточно велика: таким образом, и при XXI династии раб стоил дорого. Большой она продолжает оставаться и в последующее время.

Правильность этой точки зрения подтверждают два других, более поздних текста, также свидетельствующих о высокой стоимости раба.

Первый из этих текстов,—надпись великого князя Ливии—Шешонка⁴, датируемая второй половиной XXI династии, содержит, подтвержденное божественным оракулом, дарение, обеспечивающее заупокойный культ сына Шешонка Немарта.

¹ Папирус Британского музея 10052. E. P e e t—The great Tomb robberies of the Twentieth egyptian dynasty. Текст датирован годом 1-ым whm—mšw. t, что, как установил J. Cerný, ZĀS, 1930, т. 65, стр. 129 сл., соответствует времени царствования Рамсеса XI (XII в. до н. э.).

² Папирус Брит. музея 10052, 2, 23 сл.

³ Папирус Брит. музея 10052, 10, 11—20.

⁴ M a r i e t t e—Abydos, t. II, p. 36—37. Текст воспроизведен у Мариетта достаточно скверно, что заставляет пользоваться им с большой осторожностью. Поэтому особенно досадно, что обещанное А. Blackman'ом (JEA, t. XI, p. 249) новое его издание до сих пор не опубликовано.

В числе прочих даров текст упоминает рабов и земли, указывая их стоимость. Прежде всего упоминаются две служанки ($\$dm=c\$\$$)—сирийки (строки 10—11). Первая из них стоила 15 дебен, вторая 20 дебен серебра; эта сумма была за них уплачена фараоном. То обстоятельство, что они именуются не «рабынями», а «служанками», равно как и то, что они были куплены фараоном и им уже подарены в Абидос для обслуживания заупокойного культа Немарта, заставляет думать, что это не были обыкновенные рабыни. Вероятнее всего, что это были певицы или что-либо подобное, чем и объясняется их исключительно высокая цена.

Затем упоминаются имена шести рабов, стоившие каждый по 3 дебена и 1 кит серебра (строки 13—14). Далее (строка 14) указан ребенок, стоивший $4\frac{2}{3}$ кит серебра, два садовника стоимостью по $6\frac{2}{3}$ кит серебра (стр. 14—15) и, наконец, один раб и три рабыни по $5\frac{2}{3}$ кит серебра каждый (стр. 15—16). То обстоятельство, что ребенок стоил немногим дешевле, чем две последние категории рабов, позволяет думать, что это были наименее ценные категории рабов. Таким образом, мы видим, что цена раба, в зависимости от его индивидуальных качеств, колебалась весьма сильно: от 20 дебен до $5\frac{2}{3}$ кит серебра за взрослого раба и $4\frac{2}{3}$ кит за ребенка. При такой широте колебаний цен, как мне кажется, цену в 3 дебена и 1 кит серебра, по которой было куплено шесть человек, можно рассматривать, как нормальную стоимость работоспособного раба.

Для того, чтобы можно было учесть относительную покупательную способность дебена серебра, укажу, что в этой же надписи Шешонка сообщается о прикреплении к обслуживанию заупокойного культа по Немарту двух участков искусственно орошаемой земли, размером по 50 агур, стоивших каждый по 5 дебен серебра. Следовательно, 1 агура (= 2735 кв. м) искусственно орошаемой земли стоила 1 кит серебра. Это говорит о том, что и во времена XXI династии стоимость раба продолжает быть очень высокой.

Другой текст—это завещание Иуарота¹, верховного жреца Амона, датированное временем Осоркона III. По этому документу Иуарот завещает своему сыну, жрецу Амона Хаенуасу, ряд земельных участков, общим объемом в 556 агур, купленных у многих лиц, а также 35 рабов и рабынь. Все это имущество было приобретено самим Иуаротом, и завещание не затрагивает родового имени Иуарота, которое, вероятно, было достаточно обширным, ибо он был сыном фараона Осоркона I.

35 рабов и рабынь, которые Иуарот завещает своему сыну, обошлись ему в 15 дебен и $1\frac{1}{3}$ кит серебра (строки 21—22), т. е. средняя стоимость раба в это время равнялась $4\frac{1}{3}$ кит. В тексте нет указаний о том, сколько каждый из рабов стоил в отдельности и, конечно, не исключена возможность того, что некоторые из них были куплены дороже, чем остальные. Однако сравнительно большое количество рабов позволяет думать, что выводимая арифметическая средняя была близка реальной средней цене раба.

Посмотрим, прежде чем сопоставить имеющиеся у нас цены на рабов от трех периодов, какова была относительная ценность $4\frac{1}{3}$ кит серебра во время Осоркона III. Возможность для этого нам дает тот же текст завещания Иуарота.

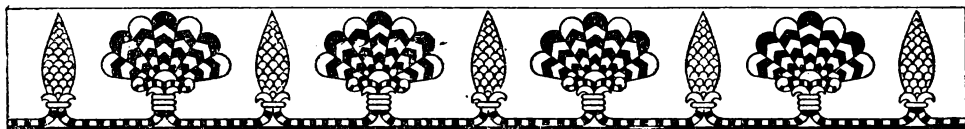
¹ G. Legrain—Deux stèles trouvées à Karnak. Stèle de l'épanage. ZAS, V. XXXV, стр. 1, там же, стр. 19 сл., суммарный перевод текста, сделанный А. Ерман'ом.

Как уже указывалось, Иуарот завещает своему сыну, кроме рабов, ряд приобретенных им земельных участков. Это купленные у 16 лиц земли двух категорий: земли $\text{pm}\dot{\text{h}}\text{w}$ и земли $\dot{\text{s}}\text{t};\text{-tni}^1$. Стоимость участков земель обеих категорий была, в зависимости от благоустройства участка, разной. Однако колебания в цене все же не очень значительны: одна арура земли $\text{pm}\dot{\text{h}}\text{w}$ стоила от $\frac{2}{5}$ до $\frac{1}{5}$ кит серебра, а одна арура земли $\dot{\text{s}}\text{t};\text{-tni}$ —от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{5}$ кит. Отсюда видно, что стоимость раба равнялась, примерно, стоимости 9 арур земли $\text{pm}\dot{\text{h}}\text{w}$ или 22 аруры земли $\dot{\text{s}}\text{t};\text{-tni}$, что свидетельствует о дороговизне рабского труда.

Приведенный нами материал, говорящий о стоимости рабов в древнем Египте, разумеется, чрезвычайно скуден и отрывочен. Однако то обстоятельство, что случайно сохранившиеся тексты от разных времен (от XIII в., XII в., XI—X вв. и VIII в. до н. э.), совершенно одинаково констатируют дороговизну рабского труда, заставляет думать, что рабский труд не составлял в Египте универсальную основу хозяйства, как, скажем, это было в Греции или Риме.

¹ Оба термина не ясны. А. Ерман и Н. Грапов в «Wörterb. d. Aegypt. Sprache» говорят о первом из них, что это «сорт поля» (т. II, стр. 268, 7), а о втором, что это—сорт земли низкой стоимости (т. IV, стр. 555, 11). Я в настоящее время еще не могу установить, какое понятие кроется под каждым из этих терминов: они, возможно, определяются характером культур, для которых предназначается земля, но вернее было бы, как мне кажется, видеть в них определение тех податных условий, которые связаны с их владением.

ОБЩИНА В ДРЕВНЕМ ДВУРЕЧЬЕ

Акад. Н. М. Никольский

Вопрос об общине на древнем Востоке является основной проблемой, разрешение которой необходимо для правильного понимания специфики древневосточных общественных отношений и для подлинно-марксистского построения истории древнего Востока. Однако этой проблеме до сих пор не уделялось должного внимания. Мало того, в работах акад. В. В. Струве, как это теперь признано всеми, община или совсем игнорировалась, или упоминалась лишь вскользь, как рано исчезнувший составной элемент древневосточных обществ. Оппоненты акад. Струве пока ограничивались также, главным образом, общими замечаниями о необходимости изучения общины на древнем Востоке. Лишь в книге А. Рановича «Очерк истории древнееврейской религии» поставлен конкретно и в основном разрешен вопрос о древнеизраильской общине. Но по отношению к решающим участкам древневосточной истории, Египту и Двуречью, до сих пор исследование общины по существу еще не начиналось. Интересные и весьма важные замечания проф. В. И. Авдиева о египетской общине¹ являются только беглой наметкой, и притом, главным образом, по отношению к древней эпохе. В области изучения общины в странах древнего Двуречья не сделано даже и этого.

Здесь нельзя не видеть влияния точек зрения, прочно установившихся в буржуазной ориенталистике с конца XIX в. Лидер последней, Эд. Мейер, попросту отрицает вообще существование общинной формы землевладения. С его точки зрения, частная собственность на вещи, скот и рабов является «исконным (uralt) элементом человеческого развития». С того момента как люди от кочевого быта переходят к оседлости и земледелию, к этим элементам частной собственности присоединяется и частная собственность на землю². Буржуазные ориенталисты особенно энергично доказывали и проводили это положение при характеристике вавилонского и ассирийского хозяйственного и общественного строя. Наиболее типичную буржуазную формулировку права собственности на землю в древнем Двуречье мы находим у Швенцнера. Он утверждает, что земля в Вавилонии уже в II тысячелетии принадлежала двум категориям

¹ «Сельская община и искусственное орошение в древнем Египте», «Историк-марксист», 1934, кн. 6, стр. 70 сл.

² «Geschichte des Altertums», 2-e Aufl., т. I, ч. 1, стр. 44—45.

владельцев. Первая категория—это Krongut и Tempelland, земли, являвшиеся царскими и храмовыми доменами и эксплуатировавшиеся при посредстве армии (Heer) чиновников, наемных рабочих и государственных рабов; только некоторая часть этих земель отдавалась в ленное владение военным людям или в аренду. Другая категория—это Privatbesitz, земли, находившиеся в частной собственности, обрабатывавшиеся либо силами семьи владельца, иногда с помощью немногочисленных рабов, либо сдававшиеся в ту же аренду¹. Швенцнера повторяет Мейсснер, добавляющий, что и крестьяне (Bauern) обрабатывали принадлежавшие им на праве частной собственности участки также иногда с помощью рабов и наемников². Никакого общинного владения землей не было. Только в касситскую эпоху «культурного регресса» всплывает коллективная форма родового хозяйства (Sippenwirtschaft), которая была спорадическим явлением, исключением из общего правила³.

Нетрудно заметить, что эта же концепция лежит в основе концепции древневосточного общественного строя в работах акад. Струве. Акад. Струве, правильно отвергнув феодальную характеристику древневосточных обществ, не заметил, что эта характеристика у буржуазных ориенталистов занимает служебное положение в их основной концепции—частно-собственнического, капиталистического развития древнего мира. В связи с этой концепцией даже рабство на древнем Востоке буржуазными ориенталистами мыслилось и мыслится не как специфическая восточная форма развития патриархального рабства, а как одна из категорий частной собственности, аналогичная американскому рабству первой половины XIX в.

Однако совершенно очевидно, что концепция господства в древнем Двуречье частной собственности на землю стоит в непримиримом противоречии с основными положениями Маркса и Энгельса, согласно которым «восточный деспотизм и сменяющееся господство кочующих завоевателей в течение целых тысячелетий не могли уничтожить древнего общинного быта», «на Востоке не дошли до частной собственности, даже феодальной», «отсутствие частной собственности на землю действительно является ключом к пониманию всего Востока», и основными производственными ячейками на Востоке с незапамятных времен были неизменно «самодовлеющие первобытные общины»⁴. В ряде стран древнего средиземноморского Востока Двуречье является ведущим; поэтому для историка-марксиста вопрос об общине именно в древнем Двуречье является основной проблемой.

Разрешение вопроса о существовании в древнем Двуречье сельской общины и общинного хозяйства—задача весьма нелегкая. Состояние документального материала таково, что хозяйственные и юридические документы рисуют почти исключительно хозяйство и право командующих слоев древних обществ Двуречья. Совершенно ясно и бесспорно, что шумерийские, вавилонские и ассирийские сановники и жрецы были рабовладельцами и что весьма значительная часть их владела также и участками земли, как «отцовскими», т. е. доставшимися по наследству,

¹ Schwenzner—Zum altbabylonischen Wirtschaftsleben, 1915, S. 52—53, 37.

² Meissner—Babylonien und Assyrien, I, 1920, S. 188—189.

³ Steinmetzer—Ueber den Grundbesitz in Babylonien zur Kassitenzeit, 1918, S. 4—6; Meissner, цит. соч., стр. 189.

⁴ «Анти-Дюринг», 6-е изд., стр. 115; Соч. М. и Э., т. XXI, стр. 493; «Капитал», т. I, стр. 405—406 (изд. Партиздата ЦК ВКП(б), 1934).

так и благоприобретенными. Такое «частное владение и пользование земель», в качестве подчиненной категории, как указывает Маркс, не исключается и существовало на Востоке, но в основном земельная собственность была там «концентрирована в национальном масштабе»¹. Отсюда ясно, что историки-марксисты обязаны поставить вопрос о новом пересмотре материала первоисточников истории Двуречья для отыскания там материала об общине и общинном хозяйстве.

Настоящая статья, конечно, не может ставить себе задачу исчерпывающего исследования по вопросу об общине в древнем Двуречье. Как будет видно ниже, тут необходимы коллективные усилия всех советских ориенталистов, занимающихся историей древнего Двуречья. Но для успешного разрешения этой новой трудной задачи необходимо прежде всего подсчитать тот баланс, с которого работа может быть начата, произвести дополнительные ориентировочные разведки в первоисточниках и выяснить те перспективы, какие открываются для изучения общины Двуречья. Уже в итоге этих предварительных разысканий с полной очевидностью обнаружится, что со стороны буржуазных ориенталистов имела место фальсификация и что положение Маркса и Энгельса о формах земельной собственности на Востоке целиком подтверждается также и материалом первоисточников истории древнего Двуречья.

Переходя к нашей непосредственной задаче, мы прежде всего должны указать, что еще в 1906 г. в буржуазной ориенталистике был отмечен документальный материал, свидетельствующий о существовании общинного землевладения и общинного хозяйства в древнем Двуречье. Это — материал относительно того «родового хозяйства» (*Sippenwirtschaft*) касситской эпохи, о котором упоминают Штейнметцер и Мейсснер. Однако эти немецкие ученые, сознательно или случайно, не захотели заняться этим материалом и потому не смогли учесть его значения. Это в известной степени сделал французский ассириолог Кюк, который первый в 1906 г. обратил внимание на касситский материал и впоследствии расширил свое исследование поисками материала об общине также в документах эпохи Хаммураби и более ранних вплоть до середины III тысячелетия². Кюк пришел к выводу, что в древней Вавилонии рядом с частной земельной собственностью, которую он признает ведущей, существовала также племенная коллективная собственность (*la propriété de tribu, collective*)³. С материала, привлеченного Кюком, и с проверки выводов Кюка мы и должны начать нашу работу.

Документы, разработанные Кюком, — это так наз. кудурру (*kuḍurru*). Термин кудурру собственно значит «граница», «межа», затем «владение»; в касситскую и последующие эпохи этим термином обозначались также межевые каменные стелы, на которых обычно вырезывался текст царского указа о пожаловании данного участка земли определенному лицу. Таких кудурру дошло до нас около трех десятков. Наиболее интересные и ранние кудурру относятся к концу касситской эпохи (XIV—XII вв.),

¹ «Капитал», 8-е изд., т. III, стр. 570:

² С u q—*La propriété foncière en Chaldée d'après les pierres limites (Koudourrous) du Musée du Louvre. «Nouvelle Revue historique de droit français et étranger», 1906, p. 701 sq.* Этот этюд был расширен привлечением материала кудурру из Британского, Берлинского и Константинопольского музеев и в виде особой главы вошел в большую работу Кюк к а—*Etudes sur le droit babylonien, les lois assyriennes et les lois hittites, Paris, 1929.*

³ «Etudes sur le droit babylonien», p. 98—99.

далее имеются кудурру из эпохи IV вавилонской династии (XII—XI вв.) и из эпохи ассирийской гегемонии, вплоть до Саргона и Меродах-Баладана (с IX до конца VIII в.). Несомненно, что значительное число таких кудурру погибло; по крайней мере, из ассирийских документов VIII в. нам известно, что дарование кудурру было тогда распространенным обычаем¹.

Основное значение для разрешения вопроса об общине в Двуречье имеют кудурру касситской эпохи, не только потому, что они дошли до нас в лучшей сохранности и в большем числе, чем позднейшие кудурру, но также и, главным образом, потому, что в них содержатся прямые указания на существование общин и на характерные черты последних. Согласно данным касситских кудурру, жалуемая земля чаще всего отчуждалась из коллективного владения, причем община-владелец называется термином *bitu*. Царский указ, начертанный на кудурру, в своей заключительной части обычно содержал угрозы проклятием и самыми жестокими карами богов всякому лицу, которое посмеет нарушать или оспаривать права нового владельца, которое «унесет кудурру и злонамеренно поставит его на другое место, скроет его в потайном месте, ... бросит в воду или в огонь, закопает в землю, обложит кирпичами, замурует в стену, истребит и разобьет, испортит, уничтожит, изгладит мой именной указ»². К угрозам и проклятиям нередко добавлялось запрещение главе *bitu*, членам *bitu* вообще и всякому лицу, которое в будущем сделается главою или должностным лицом *bitu*, возбуждать судебные иски о праве владения к новым владельцам³. Отчужденные у *bitu* земли обычно жалуются царским сановникам и приближенным. Так, все кудурру самой крупной коллекции, Луврской, кроме одного, называют в качестве жалуемых лиц «слуг» царя и царского сына, наследника престола; лишь один кудурру говорит о пожаловании отчужденной земли «богу Мардуку», т. е. храму Мардука, и в тексте этого кудурру проклятия заключаются таким магическим пожеланием: «Мардук, могучий господин этого поля, да выльет жизнь из него (нарушителя кудурру) как воду»⁴.

Таким образом, кудурру касситской эпохи удостоверяют существование в Вавилонии XIV—XII вв. общинного землевладения и субъекта последнего, коллектива, или общины, называемого термином *bitu*. Как уже было указано, Кюк понимает здесь термин *bitu* в значении «племя»,

¹ Тексты важнейших кудурру опубликовывались в BzA, в ZA, в KB, herausg. v. E. S c h r a d e r. Кудурру Британского музея опубликовал K i n g—*Babylonian Boundary Stones and Memorial Tablets in the British Museum*. Кудурру Лувра опубликовал S c h e i l—*Mémoires de Delegation en Perse*, vol. I, II, IV, VI, VII, X. Плохо сохранившиеся кудурру Берлинского музея опубликованы в «*Vorderasiatische Denkmäler der Königl. Museen zu Berlin*», Heft 1. К сожалению, изданий Кинга и Шейля в моем распоряжении не было; однако основной и наиболее показательный материал я мог использовать по остальным указанным мною изданиям.

² Ср. кудурру Мелишипака, кол. 5, 40—55, изд. S t e i n m e t z e r—*Eine Schenkungsurkunde des Königs Melischichu*, BzA, B. VIII, 2, S. 8—9. В этом кудурру заключительная формула дана в наиболее полной и типичной форме.

³ См. в кудурру, опубликованных В e l s e r'ом—*Babyl. Kudurrinschriften*, BzA, II, 1, S. 118—121: «если кто из братьев, сыновей, потомства (*nimti*), домашних обществ (*nišutu*—*Hausgenossenschaft*) и родства Бит-Ада восстанет и возбудит или заставит кого-либо возбудить жалобу по поводу этого поля, говоря: это поле не подарено—или: печать не припечатана—будь это будущий глава общины (*bel bitu*) Бит-Ада, или надзиратель Бит-Ада, или советник Бит-Ада... или вообще будущее должностное лицо Бит-Ада»; также стр. 122—123, 124—125, 126—127. Цитаты того же содержания из других кудурру см. S u q—*Études sur le droit babylonien*, p. 92.

⁴ С u q, цит. соч., стр. 87—90; S t e i n m e t z e r—*Ueber der Grundbesitz z. d. Kassitenzeit*, S. 27.

вроде так наз. древнееврейского колена, или родо-племенной общины. Однако *bitu* может толковаться и в другом смысле. Основное значение ассиро-вавилонского *bitu*, как и еврейского *beth*, установившееся в классическую эпоху,—дом; но из древности удержались и другие значения, в смысле области, страны, а также коллектива, живущего в доме, области, стране. Отсюда термином *bitu* обозначается семья, род, племя, народ¹. В кудурру речь идет, конечно, не о семейной общине; но нет никаких оснований разуметь под *bitu* обязательно только племенную общину, как делает Кюк. Мы уже указывали, что Штейнметцер и Мейсснер характеризуют хозяйство *bitu*, как родовое хозяйство; вслед за ними и В. В. Струве толкует *bitu* в смысле рода². Наличие этих разногласий может объясняться тем, что одним и тем же термином *bitu* в различных кудурру обозначаются общины разной формы. Отсюда следует, во-первых, что и Кюк, и немецкие ученые не правы, подводя все *bitati* в кудурру под какую-либо одну категорию, и, во-вторых, что в числе *bitati* могут оказаться также и сельские общины. Разрешить этот вопрос можно только путем детального анализа конкретных данных кудурру, характеризующих состав, управление, права и повинности *bitu*. Но Кюк в этом направлении ограничился общими сводными замечаниями, далеко не исчерпавшими материала, а Мессершмидт и Мейсснер не сделали и этого. Мы попытаемся на основании анализа данных тех кудурру, какие имелись в нашем распоряжении, подойти ближе к разрешению вопроса о форме общин, скрывающихся под термином *bitu* в кудурру XIV—XII вв.

Прежде всего отметим, что в касситских кудурру, повидимому, действительно встречаются племенные или родо-племенные общины (*tribus*). Такими общинами были две касситские общины—Бит-Ханби (или Бит-Ханбан, Биг-Хаббан) и Бит-Карзиябку, лежавшие, повидимому, по соседству, в области между Тигром и касситским нагорьем, на восток от Описа, занимавшие значительные районы с рядом поселений и имевшие автономию; подробнее о них будет речь ниже. Но рядом с общинами этого типа выступают в кудурру общины другого типа, расположенные в центральной области между Тигром и Евфратом, меньших размеров и находившиеся в областях под управлением царских наместников. На этих общинах следует прежде всего остановиться.

Наиболее типичной и подробно описанной общиной этого рода является Бит-Пири-Амурру, от которой царь Мелишипак (около 1200 г.) отчуждает посредством кудурру за вознаграждение участок земли, жалующий Мардуку-апли-иддину. Бит-Пири-Амурру находился в области Аккада, на берегу царского канала, соединявшего Тигр и Евфрат, граничил с общиной Бит-Сикамиду и подчинялся управлению царского наместника (*šakin*). Остановимся прежде всего на царских повинностях, которыми была обложена община Бит-Пири-Амурру. Аналогичные повинности перечисляются во многих кудурру, так как пожалование земли очень часто сопровождалось освобождением передаваемых земель и их населения от всяких тягот в пользу царя; в кудурру Мелишипака мы имеем наиболее полное перечисление царских повинностей. Совокупность послед-

¹ Ср. M u s s - A r n o l t—Assyr.-engl.-deutsch. Handwörterbuch, S. 202—204.

² «История древнего мира», изд. ГАИМК, т. I, стр. 239—240; касситское завоевание якобы привело с собою «возрождение родового землевладения»; касситы «разделили всю Вавилонию между своими родами», экспроприировав старых землевладельцев; в кудурру якобы упоминаются эти новые касситские роды. Ниже будет видна полная несостоятельность этих пояснений.

них называлась термином *ilku*, от корня *alaku*—итти; выражение «итти путем царя» обозначало «выполнять царские повинности»¹. Освобождение от царского *ilku* называется также специальным термином *zakutu*—«свобода от повинностей», который, как и *ilku*, встречается не только в кудурру, но и в целом ряде других вавилонских и ассирийских документов.

Из перечислений царских повинностей в кудурру мы узнаем, что общины XIV—XII вв. облагались натуральными податями и принудительными работами. В кудурру Мелишипака говорится, что царь устанавливает *zakutu* для пожалованного участка, принадлежавшего ранее общине Бит-Пири-Амурру, т. е. для жалуемого сановника и живущих на участке общинников и других лиц. Содержание *zakutu* формулируется следующим образом: «Чтобы строительная работа на водяных заграждениях, содержание в исправности царского канала и укрепление его берегов фашинами было обязанностью общины Бит-Сикамиду и селения Дамик-Адад; чтобы не отягощали его (нового владельца) города военным набором, который производится из селений области Иштар-Агаде; чтобы (общинники пожалованного поля) не производили работы на шлюзах царского канала, будь то закрытие, будь то открытие; не производили рытья у царского канала; чтобы земледельцев (*irrišu*) его поселения, будь то приселенцы или коренные жители или его слуги (рабы²), никакой начальник Бит-Пири-Амурру не уводил из его города (области); чтобы ни по указу царя, ни по приказу наместника, ни по приказу кого-либо из общины Пири-Амурру не брали ни деревьев, ни растений, ни селомы, ни зерна и никакого другого сбора, (не брали) его повозок, его запряжек, его вьючных животных или его рабов; чтобы при недостатке воды в соединительном канале Рати-аним и в царском областном канале не производилось никакого прекращение (подачи) воды в его оросительный канал; чтобы не брали воду из его оросительного канала, не изменяли (порядка) орошения и не обводняли и не орошали другое поле; чтобы не срезали растений с его поля; чтобы не приводили на его поле скот царя и скот наместника, который будет поставлен над областью общины Бит-Пири-Амурру, и не травили травы (покосов); чтобы не строили дорог и мостов ни для царя, ни для наместника, который будет поставлен над областью Бит-Пири-Амурру, и чтобы никакой новой работы, которая давно заброшена и вновь будет возобновлена — чтобы такой работы не производили»². В отрывке другого кудурру в числе лиц, имеющих право на повинности с общинников, называются, кроме царя, также глава общины (*bel biti*), советники и надзиратели общины; кроме освобождения от работ, этот кудурру запрещает доступ на пожалованный участок сборщику податей, *makisu*, от

¹ Отсюда *ilku* означает также «зависимость», «принуждение». Некоторые буржуазные ассириологи, несмотря на ясное значение *ilku*, установленное такими лексикографами, как *Muss-Arnolt* и *Delitzsch* (см. у первого стр. 143, у второго — стр. 70), толкуют *ilku* исключительно в смысле «лен», «ленная служба», хотя в действительности это значение подходит только в редких специфических случаях (ср. *Ebeling* в переводе кудурру Мелишипака у *Gressmann*—*Altorientalische Texte und Bilder z. Alten Testament*, II Aufl. B. I, S. 432—433; *Ungnad*—*Babylon. Briefe aus der Zeit der Hammurabidynastie*, S. 255—значение «лен», «ленная служба» правильно только для № 35; *Martini*—*Tribut und Tributleistungen bei den Assyriern* толкует в смысле «ленной службы» «*ilku*» в § 36—38 кодекса Хаммураби, что также неправильно; см. об этом ниже. Выражение «итти путем царя» ср. *Meissner*—*Altbabylonische Gesetze*, BzA, III, 4, S. 495—496, кол. II, III.

² BzA, VIII, 2, S. 4—7.

технического термина *mīksu*, обозначающего один из сборов с полей¹. Освобождение жалуемого участка от повинностей в пользу царя, царских агентов, главы общины и агентов общины, конечно, вовсе не обозначало каких-либо реальных льгот для населения. «Свобода» участка обозначала предоставление новому владельцу полной свободы эксплуатировать в свою пользу жителей жалуемого участка, в первую очередь общинников.

Далее следует остановиться на материале, характеризующем должностных лиц общины. Во главе общины стоит *bel biti*, буквально «домовладыка», «господин общины». Кроме *bel biti*, в кудурру Мардука-надинахе упоминается надзиратель, советник и *guta-ku*². Функции надзирателя и советника, вероятно, аналогичны функциям *taliary* и *totie* индийских общин, охраняющих общину и наблюдающих за урожаем³. Значение термина *guta-ku* до сих пор не установлено. Возможно, что этот термин надо сблизать с термином *guda-abzu*, как назывался жрец-заклинатель в шумерийскую эпоху⁴. Тогда в лице *guda-abzu* мы имеем жреца — гадателя и заклинателя, аналогичного астрологу и брамину индийских общин.

Все эти черты, с которыми выступает перед нами *bitu* в цитированных выше кудурру, рисуют отнюдь не родовую общину, хотя бы в расширенном родо-племенном масштабе. Эти черты рисуют нам сельскую или земледельческую общину на этапе «переходной фазы ко вторичной формации»⁵.

О таком характере *bitu* XIV—XII вв. свидетельствует также с полной ясностью целый ряд других любопытнейших штрихов. Так, в *bitu* кудурру Мелишипакка рядом с коренными жителями, потомками членов прежней родовой общины, фигурируют уже «приселенцы», чужаки; как видно из другого кудурру, члены *bitu* уже именуется «соседями»⁶. Это — характерный признак не родовой, а земледельческой, или сельской, общины. Мало этого, из данных цитированных нами и других кудурру вскрывается процесс классовобразования внутри общины и сопровождающий его процесс распада общины. Должностные лица общины имеют право не только на прибавочный продукт в той доле, которая является эквивалентом их общественно-полезных функций, но, как мы видели, имеют также право требовать от общинников работы на себя — возникла уже отработочная рента. Из других кудурру видно, что главы некоторых общин получают в свое исключительное пользование участки земли, называемые «полями вождя»; эти «поля вождя» не идут в переделы и становятся личными и наследственными владениями вождей⁷. Вожди и прочие агенты общины, несомненно, явля-

¹ *VzA*, II, 1, S. 124—125; ср. *KB*, III, 1, S. 166—169, а также сводку у *C* и *q*, цит. соч., стр. 106—107.

² *VzA*, II, 1, S. 120—121, в общине Бит-Ада, расположенной в центральной Вавилонской области на берегу канала Зирзирри.

³ Сочинения М. и Э., т. XXI, стр. 502.

⁴ *M e i s s e r—Babylonien und Assyrien*, В. II, S. 54. Это возможно ввиду того, что шумерийские слова при их усвоении вавилонским языком в некоторых случаях принимали окончание *akku*, *aku*, ср. *D e l i t z s c h—Assyr. Grammatik*, 2-е Aufl. S. 210.

⁵ Соч. М. и Э., т. XXVII, стр. 695.

⁶ *C* и *q*, цит. соч., стр. 101, цитата о 34 «соседах»-общинниках из Луврского кудурру № 14.

⁷ *T a m j e*, стр. 101—103. В кудурру Мелишипакка перечисляются три лица, имевшие в Бит-Пири-Амурру личные владения и вынужденные уступить части своей земли для участка, отчуждаемого в пользу Мардука-апли-иддина.

ются и рабовладельцами, хотя прямых указаний на это нет. В XII в. при IV вавилонской династии некоторые главы общин уже сделались царскими сановниками, формально перешли в лагерь эксплуататоров. Такие главы общин захватывают в свои руки даже право распоряжения общинными землями. Так, царь Мардук-надин-ахе предлагает главе общины Бит-Ада, который одновременно является царским сукаллу, уступить навсегда часть общинной земли царскому слуге; за свое согласие глава общины получает целый табун в 30 лошадей¹. Община Бит-Ада, как уже указывалось, была расположена в центральной вавилонской области Аль-Ниреа, на берегу канала Зирзирри, и подчинялась управлению начальника Аль-Ниреа; следовательно, она относится к той же категории общин, как и Бит-Пири-Амурру².

Еще более важно остановиться на аналогичных процессах, происходящих в племенных общинах. Мы уже упоминали касситскую общину Бит-Ханби, или Бит-Хаббан. Это была очень крупная и влиятельная община, упоминаемая в другом кудурру Мардука-надин-ахе, в кудурру Навуходоносора I и в надписях Тиглат-Пилесера III, Салманассара III и Саргона. Она имела своих племенных богов, и из среды ее вождей назначались царские наместники в касситскую область Намар, расположенную на предгорьях Загроса. Из кудурру Мардука-надин-ахе мы узнаем, что царский сановник (šak, вероятно, шакканакку) купил участок земли общины Бит-Ханби, граничащий с землей общины Бит-Имбиати, у «сына Ханби» Амель-Бела, подарив последнему в качестве платы за землю колесницу с запряжкой (?), шесть конных упряжек (или седел), двух ослов, быка, свыше десятка одежд, зерно и масло; купленная земля называется в кудурру также «даром царя», а «сын Ханби», очевидно, был главою общины Ханби³. Мы видим отсюда, что в племенных (родо-племенных) общинах происходит тот же процесс разложения и расхищения земель, как и в земледельческих общинах. На этой почве власть главы в иных племенных общинах настолько вырастает, что он ведет себя уже как самостоятельный маленький деспот. Так, глава касситской общины (bel biti) Бит-Карзиябку, смежной с Бит-Ханби, получил для своей общины полную автономию; но эта автономия была уничтожена эламитами, вторгшимися в 1176 г. в Касситское царство. Когда через 25 лет царь IV династии Навуходоносор I в свою очередь пошел в поход на Элам, тогдашний глава Бит-Карзиябку, Ритти-Мардук, повидимому, один из всех прочих касситских bele biti, присоединился к царю и в награду за помощь получил от Навуходоносора кудурру, в силу которого территория Бит-Карзиябку была выделена из области Намар и из ведения наместника последней и получила освобождение (zakutu) от всех работ, повинностей и натуральных сборов в пользу царя и его наместника⁴. Здесь перед нами образец превращения общинного главы в полунезависимого деспота, образец, который, конечно, не был единственным в своем роде в XII в. и в другие эпохи истории

¹ BzA, II, 1, S. 122—125.

² К той же категории относится также община Пир-Шаду-рабу в области Аккада, орошаемая двумя каналами; Cf. q—Etudes, p. 109.

³ См. исторические сведения о Бит-Хаббан в KB, I, S. 140—141, 143; II, S. 6—7, 16—17, 40—41 и у Delitzsch—Die Sprache der Kossäer, S. 29—30, 35—37. Боги Бит-Хаббан упоминаются в кудурру Навуходоносора I, KB, III/1, S. 170—171 и в обелиске Салманассара III, KB, I, S. 142—143. Кудурру Мардука-надин-ахе см. KB, IV, S. 74—79, и в обработке Бельзера, BzA, II/1, S. 124—129.

⁴ KB, III, 1, S. 164—169.

Двуречья. Ритти-Мардук, Амель-Бел и им подобные *bele bitī* являются вавилонскими представителями той категории «слуг» (должностных лиц) родовых и родо-племенных общин, которые «при благоприятных условиях превращаются в господ», не без участия насилия («Анти-Дюринг», изд. 6-е, стр. 128). Но совершенно понятно, что при наличии такого процесса классовобразования родовые патриархальные общины, которые были составными ячейками родо-племенных общин, не могли сохраняться в своей нетронутой, неподвижной форме. Они неминуемо должны были изменяться по направлению к земледельческим (сельским) общинам. Ход и подробности этого процесса, к сожалению, в материале кудурру отчетливо не выступают; но нет сомнения, что специальное исследование этого вопроса осветит его в более или менее конкретном виде.

Параллельно с процессом разложения общин изнутри, выступающим из истории Бит-Ханби и Бит-Карзиябку, общины XIV—XII вв., как мы уже указывали, испытывают также разрушительное давление извне. Из цитированных выше касситских кудурру мы видели, что общинники были обложены натуральными податями, т. е. рентой-налогом, в пользу царя и его наместника и были обязаны выполнять для последних целый ряд работ. Мы видели также, что одновременно части общинных земель «отчуждаются» и передаются царским сановникам и жрецам, причем в некоторых случаях новые владельцы получают монопольное право эксплуатации общинников. Как свидетельствует один из кудурру Навуходоносора I, были случаи еще более радикального характера—Навуходносор превратил общинные земли в собственность жрецов вновь основанного им храма. Во время упомянутого выше похода на Элам Навуходносор вывез из Элама статуи эламских богов Бела и Эриа; первую он оставил в Вавилоне, а для бога Эриа выстроил новый храм в Хусси; центре общины Бит-Синашариду, и дал жрецам бога Эриа, еще до похода Навуходоносора безавшим почему-то из Элама в Вавилон, пять участков земли. Три из последних были отрезаны от общин Бит-Синашариду, Бит-Мазинаршарри и Бит-Угар¹. Этот факт, как и случай «продажи» земли общины Бит-Ада, показывает, что мы жестоко ошиблись бы, если бы поверили на-слово текстам кудурру и истолковали термин «отчуждение» общинных земель в том смысле, что последнее происходило в порядке добровольного соглашения и за действительное вознаграждение в пользу всей общины. Напротив, «отчуждение» по существу являлось не чем иным, как расхищением общинных земель. Этот процесс идет под постоянным нажимом со стороны царской власти и со стороны агентов последней внутри самих общин. Общинники, конечно, сопротивляются; уже из-за стандартных форм кудурру слышатся отзвуки начавшейся классовой борьбы. О ней свидетельствуют цитированные выше угрозы божественными карами по адресу общинников, если последние вознамерятся нарушать право нового владельца. Эта апелляция к богам показывает, что расхищение общинных земель и превращение общинников в поставщиков прибавочного труда и прибавочного продукта не обходилось без открытого или пассивного сопротивления со стороны массы рядовых общинников. Поэтому в кудурру грабеж общинной собственности и ограбление общинников ставится под защиту богов. И если мы вспомним, что в кудурру

¹ KB, III, 1, S. 172—173; Meissner—Ein Freibrief Nebukadnezars II в ZA, 1899, № 3, S. 261—263. Кудурру приписано Навуходоносору II (604—562) ошибочно; в действительности кудурру принадлежит Навуходоносору I (вторая половина XII в.).

в качестве одного из расхитителей общинной земли выступает и храм Мардука, то этот факт будет еще лишним штрихом для характеристики истинной роли храмов и «богов» в социально-политическом строе и классово-борьбе Двуречья, начиная уже с III тысячелетия¹, ибо патеси первой половины III тысячелетия наделяли богов и сановников землей, конечно, из общинного фонда. Земли богов Энлиля, Бау и всех других—это земли, отнятые у сумерских общин, аналогичных общинам XIV—XII вв.

Таким образом, из данных кудурру касситской эпохи и IV вавилонской династии с несомненностью вытекает, что в XIV—XI вв. в Вавилонии существуют общины разных форм, причем отчетливо выступают категории земледельческой (сельской) общины и родо-племенной общины. И те и другие подвергаются наступлению со стороны царского деспотизма и ослабляются изнутри в связи с процессом выделения из общин эксплуататорских элементов. Отсюда совершенно ясно, что характеристика общин касситских кудурру, как «касситских родов», которую дает акад. Струве, не соответствует действительности и совершенно несостоятельна. Общины XIV—XII вв., как они рисуются в касситских кудурру, вовсе не те касситские роды, которые, возможно, существовали на 400 лет раньше, в XVIII в., когда происходило касситское завоевание Вавилонии. Такие родовые общины за 400 лет пережили глубокие изменения, и значительная часть их к XIV в. превратилась в земледельческие общины переходного типа, настолько, что для обозначения общинников вошел уже в употребление термин «соседи». Сюда надо еще добавить, что названия *bitu* в касситских кудурру также говорят против концепции академика Струве. Целый ряд названий *bitu*—семитские; правда, возможно, что новые касситские общины в некоторых случаях принимали название прежних вавилонских общин, разрушенных при завоевании, но наличие также и касситских названий общин показывает, что в кудурру под семитским названием фигурируют также и старые вавилонские общины².

Опираясь на данные об общинах, извлеченные нами из текстов кудурру XIV—XII вв., мы переходим теперь к разысканию упоминаний об общинах и следов общинного быта в документах последующих и предшествующих эпох. При этом надо, конечно, все время иметь в виду, что формы общинного быта последующих и предшествующих эпох могли быть иные, чем в XIV—XII вв., и что также могла существовать и другая терминология. Таким образом, задача разыскания общины в ассирийско-халдейскую и вавилонско-сумерийскую эпохи является весьма сложной проблемой.

Легче всего обстоит дело по отношению к ассирийской эпохе, или, точнее, по отношению к эпохе великой Ассирийской державы IX—VII вв. В нашем распоряжении имеется, во-первых, знаменитый кудурру Меродах-Баладана II (Мардук-апли-иддина), вавилонского царя, отложившегося от Ассирии (722—711). Кудурру предоставляет одному из санов-

¹ Приходят на память известные слова Маркса о первых шагах феодализации в румынских областях: «С течением времени военные и духовные сановники узурпировали вместе с общинной собственностью и повинности, приуроченные к этой собственности. Труд свободных крестьян на их общинной земле превратился в барщина и ный труд на расхитителей общинной земли» («Капитал», т. I, стр. 271). В Румынии этот процесс пошел дальше и привел к развитию и установлению феодализма; в Вавилонии это был один из периодически повторявшихся моментов начала феодализации, упирившийся каждый раз в тупик «застойного общинного строя».

² Касситские названия общин встречаются, главным образом, у общин в пограничных областях, ср. С и q—Etudes, p. 108.

ников царя четыре участка земли, из них—один на границе общины Бит-Ашани и, несомненно, отрезанный от территории этой общины¹. Отсюда вытекает, что общины существовали в Вавилонии в VIII в., притом в центральной вавилонской области, так как один из участков жалуемой земли граничит с севера с областью вавилонян. Текст кудурру Меродах-Баладана, к сожалению, не дает определенных данных о характере общин, так как *zakutu* в кудурру не предоставляется. Однако общины в центральной области Вавилонии могли быть только соседскими общинами, аналогичными тем общинам центра, какие выступают в кудурру XIV—XII вв. В других источниках из этой эпохи обнаруживаются следы общин более примитивного типа. Меродах-Баладан был из халдейских князей, а халдеи, распространившиеся с XII в. в юго-западной приморской части Вавилонии и затем постепенно проникшие и внутрь страны, пришли сюда из оазов Аравийской пустыни и только при оседании в Вавилонии стали выходить из родо-племенного кочевого быта. Они садились родовыми общинами, которые с переходом к земледелию превращались в сельские общины переходного к классовому обществу типа. Такой процесс преобразования родо-племенной общины выступает перед нами из трех документов эпохи Асаргаддона и Ассурбанипала (680—626), именно—из надписи Асаргаддона, из письма к царю от Набу-Шаллима, начальника халдейской области Бит-Дакури, и из кудурру, пожалованного одному из царских сановников области Бит-Дакури, по имени Рамман Ибни².

Еще Саргоном было подчинено и обложено данью халдейское племя Бит-Дакури³. При Асаргаддоне племенем Бит-Дакури управлял свой царь (*šarru*), Шамаш-Ибни; он восстал против Асаргаддона, отнял поля у жителей Вавилона и Борсиппы. Асаргаддон победил и взял в плен Шамаш-Ибни, а на место его посадил Набу-Шаллима, «сына Дакуру», т. е. из племени Бит-Дакури, конечно, из среды вождей⁴. Еще во время правления Шамаш-Ибни в Бит-Дакури пришла часть халдейского племени Басихи из соседней болотистой области и поселилась в Бит-Амуккану, т. е. в пределах халдейской общины Бит-Амуккану. Пришельцы были лояльны, но по каким-то причинам, может быть, вследствие того, что Шамаш-Ибни обложил их работами и рентой-налогом⁵, они ушли из Бит-Амуккану. Набу-Шаллим, вероятно, после переговоров с вождями Басихи, обратился к царю с просьбой предоставить кудурру для Бит-

¹ Лучшее издание—*Delitzsch—Merodach-Baladānstein*, *BzA*, II, 1, о Бит-Ашани см. кол. IV, 9 (стр. 263). Русский перевод, нуждающийся теперь в исправлениях, см. в хрестоматии Жаринёв, Никольский, Радциг и Стерлигов—*Древний мир в памятниках его письменности*, ч. 1, № 31.

² Призма А, см. КВ, т. II, письмо Набу-Шаллима, см. *Pfeiffer—State Letters of Assyria*, 1935, № 74 (стр. 65); это письмо обработано также *Winkler*—*Altorientalische Forschungen*, II, 1, S. 189—190, причем Винклер некоторые неясные места толкует иначе, чем Пфейффер; *Winkler—Zum babyl.-chaldäischen Feudalwesen*, *AOF*, I, VI, кудурру Рамман-Ибни; в объяснениях Винклера много произвольных утверждений и догадок, проистекающих из его неправильной феодальной концепции халдейского строя.

³ *Annalen Sargons*, см. *Winkler—Die Keilinschrifttexte Sargons*, B. I, S. 52—53.

⁴ Призма Асаргаддона, кол. II, стр. 42—52, см. КВ, B. II, S. 128—131. О происхождении Набу-Шаллима, см. в кудурру Рамман-Ибни, строки 10 и 45, *AOF*, I, VI, стр. 499—500.

⁵ Винклер читает в стр. 14—15 письма Набу-Шаллима *maddattu biltu* вместо *šad-da-giš sa kiššat*, как читает Пфейффер, и переводит, что люди Басихи «платили дань и подать врагу за нас» (*AOF*, II, стр. 190). Пфейффер переводит: «поднимались на всех врагов (которые были) против нас». Если Винклер прав, то под «врагом» надо разуместь, конечно, Шамаш-Ибни, восставшего против Асаргаддона.

Амуккану, «чтобы вернуться им (Басихи) на прежнее место и поселиться там (*ina bitu*), где укажет царь, мой господин; пока будут жить они в Бит-Амуккану, их братья не должны быть приневоленными и не должны работать на царя моего господина»¹. Отсюда можно заключить, что община Бит-Басихи только после поселения в Бит-Амуккану начала выходить из родового быта и что первая попытка подчинить ее царской эксплуатации кончилась неудачей. Вследствие этого Набу-Шаллим решил действовать обходным путем—привлечь общину Бит-Басихи обратно при манкой кудурру, а впоследствии подчинить ее своей собственной эксплуатации. При этом кудурру он испрашивал не для Бит-Басихи, а для Бит-Амуккану, т. е. предполагал инкорпорировать Бит-Басихи в общину Бит-Амуккану. Ясно, что при этом Бит-Басихи должна была бы утратить свою родовую самостоятельность и сделаться составным элементом соседской, или территориальной, общины Бит-Амуккану.

В то же время происходит также выделение из халдейских общин командующей верхушки, представители которой закрепляют за собой «участки вождей» в наследственное (отцовское) владение. В кудурру, предоставленном Рамман-Ибни, мы находим на этот счет весьма показательные данные. Отец Рамман-Ибни, Мушизиб-Мардук, во время восстания Шамаш-Ибни потерял свои владения в Бит-Дакури, очевидно, вследствие своей ассирийской ориентации. Асаргаддон приказал вернуть эти владения Мушизиб-Мардуку; но последний тем временем умер, и кудурру, от имени Шамаш-шум-укина, царского наместника в Вавилонии, получил сын и наследник Мушизиб-Мардука, Рамман-Ибни. Кудурру перечисляет подлежащие возврату владения: это отцовские владения в Бит-Хараху, в той общине, откуда был родом Мушизиб-Мардук, и купленные владения в другой общине, Бит-Нуриа; возвращаемые владения граничат с четырьмя другими общинами².

Таким образом, из всех этих данных перед нами выступает очень сложный переплет взаимоотношений, обусловленный «общим взаимоотношением между оседлостью одной части этих (восточных) племен и продолжающимся кочевничеством другой части»³, и слагающийся в процессе видоизменения родо-племенного общинного быта и формирования восточной формы общинного землевладения и общинного быта, зависимость от государственной эксплуатации. Путем такого процесса сформировалась общинная основа Халдейского (новоавилонского) царства, существовавшего после падения Ассирии около 90 лет (625—537). Правда, из последней эпохи у нас пока нет документальных данных об общинах, но нет также и никаких оснований предполагать, чтобы за этот краткий промежуток времени общинный строй мог разложиться.

Что касается собственно Ассирии, то названия местностей и поселений с *bitu* часто встречаются в надписях ассирийских царей. Необходимо проделать кропотливую исследовательскую работу, чтобы выделить те названия с *bitu*, которые относятся к общинам; у меня отмечено несколько ассирийских названий с *bitu*, которые, по всей вероятности, относятся к общинам, но мои предположения еще нуждаются в дополнительной проверке. Зато у нас имеются прямые документальные данные о существовании в Ассирии ренты-налога и отработочной ренты. Ассирийские

¹ Письмо Набу-Шаллима, rev., стр. 1—14—P f e i f f e r, p. 65.

² Кудурру, строки 16—29, AOF, I, VI, S. 500—501.

³ Соч. М. и Э., т. XXI, стр. 488.

цари награждали своих сановников и особенно жрецов («богов») свободой (*zakutu*) от всякого *ilku*. Все ассирийские и важнейшие вавилонские храмы имели *zakutu*; из сановников *zakutu* получали наиболее преданные слуги царя, но последние слабые цари, преемники Ассурбанипала, стали щедро раздавать военачальникам «поля, дома и людей» с предоставлением *zakutu*, чтобы обеспечить себе верность жалуемых лиц в тогдашнюю смутную эпоху постоянных войн, восстаний покоренных и революционных вспышек внутри Ассирии. До нас дошло несколько таких грамот, выданных царем Ассурбанипалом его сановникам. Грамоты отличаются только именами жалуемых лиц. В этих грамотах царь освобождает «поля, сады и людей», которые приобретены или получены сановником «под покровительством царя» и сделались «домом» жалуемого, т. е. его владением и хозяйством, от работ на царя (*duršikku*) и воинских наборов, а также от податей, оброков и пошлин в натуре (в испорченном тексте уцелели упоминания о хлебе, быках и овцах и коже); нарушителю этих льгот грозят кары от богов, аналогичные угрозам в кудурру¹. Поскольку «покровительство царя» могло дать сановникам земли только от общины и поскольку рабы, конечно, никаких податей и оброков не платили, постольку мы имеем право полагать, что здесь удостоверяется обложение рентой-налогом общинников и в Ассирии. О «работах на дом царя» в связи с общинным бытом будет речь ниже.

Переходим к вопросу о существовании общин в Вавилонии до эпохи кудурру XIV—XII вв. Тут надо прежде всего еще раз подчеркнуть, что общины, упоминаемые в касситских кудурру, вовсе не были исключительно касситские, привнесенные извне. Напротив, как было уже сказано, целый ряд названий общин в кудурру не касситские, а семитские, например Бит-Пири-Амурру, Бит-Синашариду, Бит-Шаду-Рабу, Бид-Ада и др.² Кроме того, как указано выше, некоторые общины, упоминаемые в кудурру, расположены в окрестностях Вавилона и Аккада, у царского канала, т. е. в самом центре Вавилонского царства, где свободных земель для занятия касситами было, конечно, мало³. Общины с касситскими названиями находятся преимущественно в пограничных областях⁴. Отсюда вытекает, что в касситскую эпоху существовали не только касситские, но и семитские, т. е. старые туземные общины, которые касситы застали при своем внедрении в XVIII в. непосредственно после падения древневавилонского царства.

Уже эти данные доказывают существование общин также в эпоху древневавилонского царства. Это положение подтверждают также и документы из этой эпохи, в которых встречается несколько названий общин с термином *bitu*. Несомненное упоминание общины Бит-Адуркитти, или Бит-Агаргина, имеется в акте судебного разбирательства тяжбы по поводу раздела наследственного участка земли между братьями. Документ происходит из Ниппура, датирован царствованием Самсуилуны, преемника Хаммураби. Один из двух спорных участков находился в Бит-Адуркит-

¹ Опубликованы Meissner'ом—Assyrische Freibriefe, BzA, II, 3, S. 565 f.; формула освобождения—стр. 566, строки 23 сл., перевод—стр. 568. Лучший перевод одной из надписей дает Steinmetzer—Ueber d. Grundbesitz..., стр. 31—32.

² В упомянутых кудурру, а также в другом кудурру Мелишипакa ср. C и q, цит. соч., стр. 88, 100—101.

³ Кроме указанных выше, см. также общины в кудурру Нази-Марутташа (XIV в.) и во втором кудурру Мелишипакa—C и q, стр. 88.

⁴ См. C и q, стр. 108.

ти; так как, кроме этого участка, в деле фигурирует еще участок в области Гула, очевидно, благоприобретенный, то надо полагать, что отец спорящих получил из Бит-Адуркитти выдел и потому был, вероятно, одним из должностных лиц общины¹. Аналогичный материал имеется в одном письме из эпохи Аммидитаны, третьего преемника Хаммураби. Из письма видно, что один сановник купил у «сынов Синримени в Биту-ту» участок земли и сдал его в обработку другому лицу; отсюда вытекает, что участок был в совместном (семейном) владении продавцов и был выделен, вероятно, еще их отцу из земель общины Биту-ту². Оба документа свидетельствуют об общине на том же этапе развития, как и общины в кудурру XIV—XII вв. Встречающееся в двух документах название Бит-Каркар вряд ли является названием общины; скорее это был вновь укрепленный город³.

Эти данные, конечно, не исчерпывают материала о древневавилонских общинах, какой может быть обнаружен по линии термина *bitu*; в этом направлении необходимо вести дальнейшую разведочную работу. Но, кроме этого, в документах эпохи древневавилонского царства обнаруживаются данные об общинах и общинном строе по другим линиям. Прежде всего, существование общины и общинного строя засвидетельствовано кодексом Хаммураби. Тут в первую очередь надо указать ст. 23 и 24, которые устанавливают обязанность *alu* возмещать убыток лицам, ограбленным на территории *alu* неизвестными грабителями, и уплачивать сверх того штраф родным в случае, если ограбленный был убит. Комментаторы толкуют термин *alu* различно. Унгнад, Мюллер, Волков, а вслед за последним и Струве⁴, толкуют *alu* в смысле «город», т. е. в том значении, в котором термин *alu* стал обычно применяться в сложившихся деспотиях Двуречья с конца III тысячелетия. Однако *alu* имеет целый ряд других, более древних значений, в том числе «местность», «область» и «поселение» вообще, включая маленькие деревни, и в конечном счете восходит к тому же древнему корню, от которого происходил евр. *'ohel*—шатер кочевого скотовода, и сабейское *'hl*—семья⁵. Это учли другие, более вдумчивые комментаторы. Так, Винклер остановился на более общем термине «*Ortschaft*», но Колер и Пейзер и новейший комментатор кодекса Эйлерс переводят *alu* в ст. 23 и 24 прямо терминами *Gemeinde*, *Mark*, исходя из общего смысла параграфов, основывающихся на общинном праве⁶.

Другой термин для обозначения общины нашел в кодексе Кюк. Он исходит из того совершенно правильного положения, что в Вавилонии,

¹ *S c h o r r—Urkunden des Altbabyl. Zivil- und Prozessrechts*, № 298, S. 428—432; (акт первоначально был опубликован Кюком в «*Essai sur l'organisation judiciaire de Chaldée*» RAs, 1910, № 2 и отдельно, p. 10—12); русский перевод в хрестоматии «Древний мир в памятниках его письменности», т. I, сделан по Кюку.

² *U n g n a d—Babylon. Briefe aus der Zeit der Hammurapi-Dynastie*, № 235, S. 200—201.

³ *S c h o r r—Urkunden*, № 202 и 230: «год, когда была построена стена в Бит-Каркар».

⁴ *U n g n a d* в хрестоматии *G r e s s m a n—Altorient. Texte und Bilder*, 2-е Aufl., B. I, S. 385; *M ü l l e r—Die Gesetze Hammurabis und ihr Verhältniss zur Mosaischen Gesetzgebung*, S. 15; В. В. Струве в «Хрестоматии по древней истории», т. I, стр. 47 сохраняет без исправлений перевод Волкова.

⁵ *M u s s - A r n o l t—Wörterb.*, S. 38; *D e l i t z s c h—Wörterb.*, S. 59.

⁶ *W i n k l e r—Die Gesetze Hammurabis*, S. 15; *K o h l e r u. P e i s e r—Hammurabis Gesetz*, B. I, S. 15; *E i l e r s—Die Gesetzstele Chammurabis*, S. 19—20, ср. стр. 24 (к § 54). Толкование «община» было принято и мною в хрестоматии «Древний мир», ч. 1, стр. 91, прим. 1.

как и в Египте, сооружение и содержание в порядке каналов, плотин и дамб, необходимых для искусственного орошения, было искони (à l'origine) делом «семейств, соединенных в общины (tribus)» и что на этой почве существовала неразрывная связь (cohésion) между семьями, соединенными в общины, и вытекавшим отсюда режимом (régime) собственности. На этом основании Кюк высказывает весьма вероятную гипотезу, что редко встречающийся термин *ugaru* в ст. 53 и 54 кодекса Хаммураби обозначает общину. Статьи 53 и 54 говорят, что если по чьей-либо небрежности произойдет прорыв плотины, и вода затопит *ugaru*, то виновник обязан возместить убыток соответствующим количеством зерна; если он не может этого сделать, то он сам и его имущество продаются, а вырученные деньги делят между собой *mar* затопленного *ugaru*. Обычно переводят слово *ugaru* просто «поле», *mar ugaru*—«крестьяне». Но Кюк думает, что тут дело идет об общинном поле и об общинниках, и потому *ugaru* должно в данном случае иметь значение «община», а *mar ugaru*—«общинники», ибо если содержание в порядке плотин и каналов было обязанностью общин, то и наложение штрафов за нарушение этой обязанности и распределение возмещения должно было производиться в коллективном порядке¹. Гипотезу Кюка я проверил по документам сборников Унгнада, Шорра и Дайхеса и нашел любопытные сопоставления. Царь Самсуилуна, преемник Хаммураби, делает распоряжение удалить рыбаков, проникших для рыбной ловли в *ugarim gabiim* и *ugarim tamkanim*, и впредь их туда не пускать². Унгнад считает *tamka im* собственным именем, а *gabiim* переводит «великий», но это, вероятно, также собственное имя. Смысл распоряжения ясен, если признать, что дело идет о проникновении чужих рыбаков в пределы общинных владений, где исключительное право рыбной ловли принадлежало, конечно, общинам. Царь защищает право общин, возможно, потому, что общины—амморейские, из его соплеменников. Другие документы с термином *ugaru* наводят на мысль о фактах расхищения общинных земель. Так, в документе собрания Унгнада № 64 фигурирует некий Ибни-Адад, владеющий несколькими небольшими участками земли в разных местах, в том числе участком в 12 ган поля в *ugar hissatin*; о том же свидетельствует № 19 в собрании Шорра, где в числе владений жрицы Шамаша фигурирует участок в *ugar kablum*, вероятно, подаренный ей царем³. В документах о продаже земли также встречаются участки из *ugaru*, наряду с участками, граничащими просто с *ekil* (поле) определенного лица⁴. Однако встречаются также документы, где *ugaru* вряд ли можно толковать в смысле общины⁵. Но, во всяком случае, вопрос о существовании общины и общинного права в эпоху древнеавилонского царства в свете приведенных данных бесспорен.

Существование общин в доавилонскую эпоху засвидетельствовано таким документом, против показаний которого первоначально не решался спорить даже акад. Струве. Это—надпись на известном обелиске Маништусу⁶, царя Аккада, содержащая перечень участков земли, которые

¹ С и q, цит. соч., стр. 108—110; Э й л е р с (стр. 24) переводит *mar ugaru*—Markgenossen.

² У н г н а д, цит. соч., № 60.

³ Также у S c h o r r, № 113.

⁴ D a i c h e s—Altbabylonische Rechtsurkunden, № 5 и 18—продаются поля в *ugar Tenunam* и в *ugar Buša*.

⁵ Например S c h o r r, № 121, 122, 125, 131, 133 и др.

⁶ Надпись опубликована в издании M o r g a n—Delegation en Perse, t. II, p. 6—39.

царь скупил в четырех местностях около Киша и других соседних городов и роздал 49 новым владельцам, названным «сынами Аккада». Четыре из последних названы по имени с обозначением их общественного положения. Это — царский племянник и трое сыновей патеси, т. е. сановники; очевидно, и остальные «сыны Аккада» принадлежали также к числу слуг царя. Таким образом, тут перед нами выступает такой же случай пожалования царских слуг землею, с какими мы встретились в касситскую и ассирийскую эпохи. Мало этого, оказывается, что и земли, передаваемые царем Маништусу новым владельцам, отчуждены также у общин¹. Одна из общин, Бит-Гишману, названа по имени²; судя по тому, что отчуждаемые участки довольно значительны по площади (площадь одного участка доходит до 300 га), надо полагать, что и другие названия местностей, в которых производилось отчуждение, также относятся к общинам, ибо частновладельческие земли в эту эпоху были небольших размеров, а от храмов земли не отчуждались.

В надписи Маништусу речь идет, несомненно, о семитских общинах, так как упоминаемые там общины расположены в области Киша, древнейшего семитского центра, и названия общин также семитские. Семитское заселение северной части Южного Двуречья произошло, надо полагать, в середине IV тысячелетия; но древнейшими насельниками Южного Двуречья были сумеры, создавшие свою государственность еще в начале IV тысячелетия (первая династия Ура). Вопрос о сумерских общинах еще совершенно не разработан. Правда, В. В. Струве в первой своей работе признает для первой половины III тысячелетия существование родовых сумерских общин, находящихся якобы в процессе быстрого разложения, которое будто бы окончательно завершается к началу эпохи I вавилонской династии. Однако материал, на который ссылается акад. Струве, говорит уже не о родовой, а о земледельческой (соседской) общине. Акад. Струве ссылается на документы о продаже участков земли из Шуруппака; в этих документах говорится, что основную плату получал продавец, а добавочную — «соедоки покупной цены»³. Последних В. В. Струве считает родственниками продавца — тогда перед нами будет домашняя община. Но возможно и другое толкование, — что формальным продавцом является глава земледельческой общины, а «соедоки» — это общинники. И в том и в другом случае постулируется существование именно земледельческой общины, с общим владением землей, но с надельным хозяйством и с зачатками разложения, аналогичными тем, какие обнаружены нами для эпохи XIV—XII вв. Факты, свидетельствующие о существовании общины в эпоху I вавилонской династии, опровергают также и положение акад. Струве о полном разложении общины в начале II тысячелетия. В особенности это надо подчеркнуть по отношению к родовой общине. Последняя, конечно, существовала на всем протяжении истории Двуречья, но не в земледельческих областях, а в смежных с пустыней скотоводческих областях, являясь основной ячейкой кочевых племен.

¹ В «Очерках социально-экономической истории древнего Востока» акад. Струве признавал также, что земли были куплены у «родовых общин» (стр. 9). Однако в последней своей работе — «История древнего мира», изд. ГАИМК, т. I — В. В. Струве отказался от своего первоначального толкования и говорит, что царь Маништусу купил земли «у богатых семей» (стр. 91).

² Face S., col. 13, 15 (стр. 28).

³ «Очерки», стр. 9 и прим. 52 на стр. 33. В последнем указывается, что только в одном документе «соедоки» отсутствуют.

Таким образом, существование сумерской общины совершенно бесспорно и признавалось раньше даже акад. Струве. Вопрос только идет о ее характере и истории ее развития; трудность здесь—в недостатке выявленного до сих пор материала. Для разыскания нового материала о сумерской общине необходимо, прежде всего, выяснить сумерские термины для обозначения общины. Отправным пунктом здесь может быть термин *ugi* или *egí*, обозначающий «город». Этот термин очень древний и происходит от того же несемитского корня, как и древнееврейский термин *‘ir*, а последний в своем значении прошел такую же историю, как и ассиро-вавилонское *alu*¹. Но возможно также, что обнаружится и специальный сумерский термин, обозначающий общину, подобный специальному древнееврейскому термину *‘eda*.

Таковы основные свидетельства о существовании общины в Двуречье, начиная с IV тысячелетия и кончая ассирийской эпохой. Но, кроме того, в нашем распоряжении имеется ряд других косвенных документальных свидетельств, также удостоверяющих непрерывное существование общины в древнем Двуречье. На первом месте тут надо остановиться на документальном материале из области обязательственного права.

Мы имеем здесь в виду одну весьма своеобразную категорию долговых обязательств, толкование которой создало много затруднений ассириологам. Эти долговые обязательства, условно обозначаемые формулой *šubanti*, связаны иногда с обязательством личной отработки, но чаще всего с обязательством поставить во время жатвы определенное количество рабочей силы. На эту категорию долговых обязательств обратили внимание еще Колер, Кюк, Швенцнер и Шорр, затем на них остановился в 928 г. Кошакер, а в самое последнее время ими занялся Лаутнер, который подвергнул вопрос об этой категории обязательств специальному юридическому исследованию². Кошакеру и Лаутнеру удалось нащупать путь к правильному пониманию природы этих обязательств, именно на почве общинного обычного права. Документы категории *šubanti* имеются из всех эпох истории Двуречья, начиная с III династии Ура, и не только из вавилонских и ассирийских областей, но также и других этнических районов Двуречья—эламских и субарейских³.

В обязательствах *šubanti*, по мнению Лаутнера, следует различать два главных варианта. Первый вариант формулируется по такой схеме: « $\frac{1}{2}$ секеля серебра за работника на жатве от А получил (*šubanti*) В, сын X; во время жатвы придет работник для жатвы, если нет—закон царя». В документах этого варианта иногда уточняется вторая половина формулы в таком виде: «за $\frac{1}{2}$ секеля серебра придет n работников для жатвы»; число работников колеблется от одного до десяти—двенадцати работников, редко больше. Второй вариант формулируется по такой схеме: «n сила зерна за работников на жатве от А получил (*šubanti*) В, сын X; во время жатвы придут работники для жатвы, если не придут, то закон царя». В документах этого варианта иногда уточняется, что должник должен уплатить долг с процентами и отработать на жатве лично или доставить

¹ Ср. *Genesius-Buhl—Hebräisch-aram. Handwörterbuch*, 15-e изд., стр. 576; А. Раноуич—Очерк истории древнееврейской религии, стр. LVIII.

² *Laутнер—Altbabylonische Personenmiete und Erntearbeiterverträge*, Leiden, 1935. Работы Кошакера—*Neue keilschriftliche Rechtsurkunden aus der El-Amarna Zeit*, 1928, которую цитирует Лаутнер, в моем распоряжении, к сожалению, не было.

³ *Laутнер*, цит. соч., стр. 15—16, 20—31.

работников¹. Ориенталисты запутались в толковании этих обязательств. Колер, Шорр и некоторые другие толкуют договоры *šubanti* в смысле договоров на посредничество для предоставления рабочей силы; при этом они различают получателя и рабочих и допускают возможность совпадения получателя и рабочего в одном лице только для обязательств поставки сдного рабочего². Швенцнер идет еще дальше и полагает, что в документах *šubanti* дело идет об обязательствах профессиональных предпринимателей по поставке рабочей силы, имеющих постоянно готовые кадры рабочих³. Совершенно ясно, что такое понимание исходит из мейеровско-каутскианской концепции капиталистического развития древнего Востока, согласно которой на древнем Востоке происходила массовая пролетаризация крестьянского населения. Кюк повторяет то же толкование, но в несколько смягченной форме. Он считает, что получателем является либо рабочий, получающий аванс в счет платы за будущую работу на жатве, либо рабочий, который берет на себя организацию рабочей артели под своим руководством и получает вперед вознаграждение за свои труды⁴.

Против всех толкований подобного рода, особенно Швенцнера, говорит помимо принципиальных соображений то обстоятельство, что в документах одного и того же времени и из одной и той же местности в качестве контрагентов выступают всегда разные лица, а это было бы невысказано, если бы контрагентами были профессиональные подрядчики. Другое возражение против подобных толкований заключается в том, что получаемое вперед вознаграждение в серебре колеблется в размере от $\frac{1}{6}$ до 6 секелей, независимо от того, идет ли дело об одном рабочем или нескольких; ясно, что для посредника и в особенности для профессионального подрядчика такая «уравниловка» не могла представлять никакой выгоды. Поэтому Лаутнер отвергает толкование договоров *šubanti* в качестве договоров посредничества на поставку рабочей силы и поддерживает толкование, предложенное Кошакером. Лаутнер подчеркивает, что в обязательствах *šubanti* центр тяжести лежит в том, что формула *šubanti* как бы избегает принятия на себя получателем личного обязательства работы. Договоры, согласно которым получатель обязывался поставить одного работника, давали возможность бедному человеку ставить за себя заместителя в случаях, если ему во время жатвы набегит работа в разных местах на короткие сроки. Точно так же и в других случаях, когда берется обязательство поставить нескольких рабочих, контрагентами, по мнению Кошакера и Лаутнера, являются мелкие люди, крестьяне. Во всех случаях контрагент при приеме обязательств рассчитывает на содействие родичей, и выполнение договора обеспечивается существованием (*Bestand*) семейных общин и земельных коллективов (*Familienkommunionen und Liegenschaftsgemeinschaften*)⁵. Другими словами, эта форма обязательств базируется на существовании общинного строя и общинного права.

Толкование Кошакера и Лаутнера тем более важно, что оба этих ученых, подобно Кюку, все же считают, что со времени Хаммураби господствующей формой хозяйства было «мелкобуржуазное хозяйство» и что

¹ Lautner, цит. соч., стр. 146—147, 152—153.

² Там же, стр. 170—171; Schorr—Urkunden, S. 199.

³ Schwenzner—Zu dem Altbab. Wirtschaftsleben, S. 7.

⁴ Cuy—Etudes, p. 232—233.

⁵ Lautner, цит. соч., 172—175 и прим. 516.

общинное хозяйство существовало не во все эпохи и не во всех культурных областях Передней Азии¹. Тем не менее их точка зрения на общинную основу обязательств *šubanti* совершенно правильна и должна послужить основой для окончательного разрешения вопроса о договорах этой категории. Слабое место в концепции Лаутнера заключается в том, что он в своем анализе на первое место выдвигает формально-юридические моменты. Между тем, различные варианты формулы *šubanti* требуют объяснения с исторической точки зрения. Правильное деление вариантов этой формулы должно исходить из качественного содержания обязательства. Тогда перед нами выступят два варианта такого рода: во-первых, долговое обязательство, предусматривающее, кроме уплаты долга с процентами, также отработку на жатве, личную или через заместителя, и, во-вторых, обязательство поставить на жатву определенное количество рабочей силы, обеспечиваемое выдачей аванса в счет будущей оплаты труда. В том и в другом случае выполнение обязательства обеспечивается существованием общины—семейной или сельской; но происхождение этих вариантов разное и связывается с различными этапами взаимоотношений между общинным и частным хозяйством. Долговое обязательство с отработкой надо считать древнейшей формой; она подразумевает обязательство однообщинников выручать членов домашней или сельской общины, впавших в долги. Происхождение обязательств на поставку рабочей силы иное. Тут необходимо специальное исследование; в качестве исходной рабочей гипотезы, мне кажется, следует выдвинуть предположение, что эти договоры подразумевают существование частного хозяйства, нуждающегося в сезонных рабочих, но вынужденного считаться с общиной, как с основным резервом рабочей силы. В этом отношении весьма любопытны договоры из эпохи Хаммураби, в которых условие о найме рабочих на жатву заключается с родителями последних, т. е. с главой домашней общины². Однако бывали случаи, когда и такой договор не обеспечивал явки рабочего в условленное время; вследствие этого частные хозяева для надежного обеспечения артели рабочих на время жатвы заранее заключают договоры с представителем определенной общины, давая задаток в определенном, установившемся в данном месте и в данное время размере³. В пользу этого толкования говорят также документы, составившиеся при явке рабочих (списки наличия), и расчетные документы. Артели или группы рабочих являлись со своим старостой (*waklum*), который и сам также принимал участие в работе; Лаутнер полагает даже, что получатель по договору *šubanti* являлся на жатву в качестве *waklum* своей артели⁴. Но если это так, то существование второго варианта говорит, во-первых, о сравнительной малочисленности индивидуального предложения рабочей силы и, во-вторых, о ведущей роли общинного хозяйства и о жизненной силе общины, неизменно сохранявшейся во все эпохи, начиная с древнеаккадской и кончая новоассирийской, наперекор всем попыткам разрушения общинного быта.

¹ L a u t n e r, цит. соч., стр. 1—3. Лаутнер, между прочим, полагает, что в эпоху древнеавилонского царства общинного быта не существовало; но он тут же сам себе противоречит, указывая на документы из этой эпохи, свидетельствующие о существовании неразделенных общих владений (прим. 3 на стр. 1), и на распространенность договоров *šubanti* в древнеавилонскую эпоху (стр. 16 сл.).

² Ср. S c h o r r—Urkunden, № 157.

³ Простейший образец такого договора из эпохи Хаммураби приводит К ю к, цит. соч., стр. 12.

⁴ L a u t n e r, S. 221—223, 228, 230.

Другое косвенное свидетельство о непрерывном существовании общинного строя в Двуречье дается нам документальными данными об организации принудительных работ населения «на дом царя». Свидетельства об этих работах имеются из всех эпох истории Двуречья: из III тысячелетия, из древневавилонского царства, из касситской, ассирийской и халдейской эпох. Документальные данные из III тысячелетия наиболее многочисленны и подробны. Это—тысячи документов отчетности патесиатских, царских и храмовых хозяйств о наряде рабочих на различные работы, с обозначением характера и места работы, с обозначением числа рабочих людей и лиц, их доставивших, о продолжительности работы (в днях), о довольствии рабочих. Акад. Струве, в противность общепринятому толкованию основных категорий рабочих в документах III тысячелетия в качестве крестьян, привлеченных в принудительном порядке на царские работы, старается подвести все категории рабочих в документах III тысячелетия под категорию рабов. Но такие же счетные документы из последующих эпох, дошедшие, правда, в значительно меньшем числе¹, а также целый ряд других документов совершенно бесспорно говорят о принудительных работах «на дом царя» именно крестьян-общинников. В числе таких документов прежде всего надо указать на кудурру и ассирийские льготные грамоты; затем на ряд распоряжений Хаммураби и других царей первой вавилонской династии о нарядах людей на разные царские работы²; наконец, на переписку касситской и ассирийской эпох о производстве различных работ рабочими людьми в принудительном порядке³. Работы, выполняемые «на дом царя»,—разнообразного характера; главное место во все эпохи занимают работы на каналах и дамбах, строительные и ремонтные работы (в храмах и дворцах), выделка кирпича, резка тростника и транспортные работы. В теории к работам «на дом царя» должно было привлекаться все население; однако население многих городов и жречество освобождалось от этих работ⁴; кроме того, среди горожан практиковался обычай заместительства. Таким образом, тяжесть работ «на дом царя» почти целиком ложилась на крестьянство. Постоянное и широкое применение принудительных работ «на дом царя» было возможно только на базе постоянно существующего общинного быта.

При работах «на дом царя» общественный труд применялся в форме простой кооперации. Маркс указывает, что на первых ступенях человеческой культуры, как, например, в земледельческих общинах Индии, форма простой кооперации «покоится, с одной стороны, на общественной собственности на условия производства, с другой стороны—на том, что отдельный индивид не оторвался еще от пуповины, связывающей его с племенем или общиной, как отдельная пчела от пчелиного улья». В порядке такой кооперации сумерские общинники еще ранее IV тысячелетия создали первую сеть общинных

¹ Ср. L a u t n e r, гл. V; Р и ф т и н—Старовавилонские документы, № 114, 116, 142 и др.

² См. U n g n a d—Babyl. Briefe, № 42—48, 65, 78.

³ См. W a s c h o w—Babylonische Briefe aus der Kassitenzeit, 1936, S. 9—10, 41—42, 43—44, 45—48, 50—52, 58—59, 63—64, 66—68; P f e i f f e r—State Letters of Assyria, 1935, № 109, 114.

⁴ Такую льготу имели города Вавилон, Борсиппа, Сиппар и Ниппур, с древности и вплоть до ассирийской эпохи, см. Т у р а е в—История древнего Востока, т. I, стр. 115; W i n c k l e r—AOF, I, VI, Zur babylonischen Verfassung, S. 469—473, русский перевод—Т у р а е в, I, стр. 116; W i n c k l e r, AOF, I, V, S. 401—406 (надпись Саргона). О льготах храмам см. M e i s s n e r—Babylonien und Assyrien, B. I, S. 128 (касситская эпоха) и 145 (ассирийская эпоха).

каналов. В сумерском религиозном тексте, объясняющем происхождение земледелия от божественной пары Энки и Нинурты и широко использовавшем фольклорный материал, сооружение первого канала возводится к тому блаженному времени, когда «надсмотрщик еще не ходил кругом в своей гордыне», «когда еще не говорили: насильник притеснил Дильмун, начальник города устроил там свое местожительство», т. е. еще к эпохе доклассового общества, свободных родовых земледельческих общин¹. В классовом обществе, как добавляет в том же месте Маркс, применение простой кооперации «покоится на отношениях непосредственного господства и подчинения, преимущественно (*zumeist*) на рабстве».

Исторические примеры показывают, что первые случаи применения простой кооперации на основе отношений непосредственного господства и подчинения практиковались в форме применения рабского труда военнопленных. Но на древнем Востоке с того времени, как сложились деспотические государства, обеспечившие непосредственное господство деспотов над свободным населением общин, последнее принуждено было в порядке подчинения производить работы по нарядам царя и его сановников наравне с рабами. Привлечение общинников к крупным работам вызывалось и облегчалось тем обстоятельством, что общины представляли собой постоянный источник рабочей силы, в отличие от случайного и колеблющегося притока военнопленных, а также и тем, что общинная организация являлась готовым аппаратом для набора и организации самой рабочей силы.

Все эти моменты чрезвычайно выпукло выступают из документальных данных об организации работ «на дом царя» в Двуречье. Прежде всего, чрезвычайно показательна терминология. Мы уже указывали, что обязанность выполнять царскую работу и царскую службу обозначалась термином *ilku*. Этот термин, от корня *alaku*—итти, первоначально обозначал приказ итти и выполнять работу или поручение, а отсюда—подчинение чьему-либо господству или управлению. Термином *ilku* обозначается подчинение или зависимость раба от его господина²; этот термин употребляется для обозначения совокупности обязательств, налагаемых ассирийскими царями на побежденных³; наконец, этот термин применяется для обозначения обязательства работы «на дом царя» и разных видов службы «на дом царя»⁴. Еще более показательны специальные термины для обозначения принудительных работ «на дом царя». Наиболее употребителен, начиная с эпохи древнеавилонского царства, термин *tuṣṣikku*, в ассирийских документах—*duṣṣikku*. Это слово обозначает специальную шапку или плетеную из тростника повязку, которую обычно носили рабочие на царских работах. Такая повязка, по мнению Мусс-Арнольта, первоначально была специфическим головным убором рабов, который отличал раба от свободного; отсюда этот термин стал прямо обозначать или раб-

¹ «Капитал», т. I, стр. 380. Сумерский текст—так наз. эпос о Дильмуне—см. (текст и перевод) *W i t z e l—Keilinschriftliche Studien, Heft I*, о первом канале—стр. 57—59. Издание и перевод *L a n g d o n'a* Витцель подвергает правильной строгой критике (стр. 51—53).

² *U n g n a d—Briefe*, № 143, 13—15.

³ Ср., например, *КВ*, III, 1, S. 172—173, 38.

⁴ Ср. кодекс Хаммураби, ст. 38: *redu, bairu* и *naši bilti* (обложенный тяглом) не могут продавать и завещать поле, дом, сад своего *ilku*; *U n g n a d—Briefe*, № 117, 8; 186, 6—7; 195. Унгнад и некоторые другие ассириологи толкуют *ilku*, главным образом, в смысле ленной службы, лена; но это одностороннее толкование, конечно, тенденциозно и неправильно.

ство или принудительную работу на царя¹. В надписях ассирийских царей *dupšikku* очень часто соединяется с другим термином, *allu*, для обозначения совокупности трудовых обязательств, возлагавшихся как на победленных и военнопленных, так и на свободных подданных царя. *Allu* обозначает первоначально также принадлежность раба—цепь, ярмо, а затем рабочее орудие как рабов, так и свободных рабочих, особенно землекопов и кирпичников,—корзину, мешок, досчатое приспособление для переноски кирпичей². Асаргаддон приказал «носить *allu* и *dupšikku*» военнопленным, т. е. послал их в качестве рабов на принудительные работы; Саргон приказал военнопленным, взятым во время похода, как и ассириянам, взять на себя *allu* и *dupšikku*, а в другом случае для земляных работ на постройке города призвал военные отряды из своего войска и также приказал им «носить *allu* и *dupšikku*», т. е. нарядил их на принудительные работы³. Отсюда понятно любопытное выражение в одном письме из эпохи Хаммураби. Автор письма пишет матери: *ilku*, которую он несет, «приковывает меня» (*isra. li ma*), и поэтому он, повидимому, не мог отлучиться⁴. Остается добавить, что в кудурру Мелишипака и в письмах касситской эпохи встречается еще один термин для обозначения работ и службы «на дом царя» именно: *dullu*. Этот термин происходит от корня *dalu*, который обозначает—тянуть, вытягивать, специально ведро с водой из колодца, отсюда черпать и подавать воду⁵. Но работа по подаче воды обычно возлагалась на рабов; таким образом, и здесь перед нами выступает перенесение терминологии рабской работы на принудительные работы свободного населения.

Анализ этих терминов с полной очевидностью показывает, что принудительные работы общинников «на дом царя» были введены путем насильственного принуждения сверху. С той поры, как свободные общинники принуждены были наравне с рабами носить *allu* и *dupšikku*, появилась и над ними, как над рабами, палка надсмотрщика, и кончился золотой век свободного общинного строя. Естественно, что общинники не сразу примирились с наложением на них рабских цепей и на первых порах всячески пытались уклоняться от царских работ. В числе недавно опубликованных хозяйственных документов из аккадского города Нузи, восходящих к III тысячелетию, имеются списки «беглых людей», скрывавшихся от привлечения на работу для дома царя⁶. Спротивление общинников вызвало ответную меру со стороны царской власти в форме издания закона, грозившего смертной казнью и конфискацией имущества всякому лицу, которое будет уклоняться от обязанности «итти по пути царя». Закон этот был издан в эпоху древнеавилонского царства, и возможно, что он фигурировал в одной из утраченных статей кодекса Хам-

¹ *M u s s - A r n o l t - W ö r t e r b . , S . 264 ; D e l i t z s c h - W ö r t e r b . , S . 227 ;* термин постоянно употребляется в распоряжениях Хаммураби, в надписях ассирийских царей и других документах. Ср. также *L a u t n e r*, цит. соч., стр. 89, прим. 300. В том же значении, как и *dupšikku*, употребляется более редкий термин *kudurru*, однозвучный с *kudurru*=межевой камень.

² *Cp. D e l i t z s c h - W ö r t e r b . , S . 70 ; M e i s s n e r - B a b y l . u n d A s s y r i e n , B . I , 8 . 139 , 145 , 229 .*

³ *D e l i t z s c h - W ö r t e r b . , S . 227 ; M e i s s n e r - B a b y l . u n d A s s y r i e n , B . I , S . 139 ,* цилиндр Саргона. КВ, II, 48—49; вместо *umšiku* надо читать *dupšikku*, ср. *D e l i t z s c h , S . 227 .*

⁴ *U n g n a d - B r i e f e , № 117 , 8 .*

⁵ *Cp. M u s s - A r n o l t - W ö r t e r b . , S . 247 ; D e l i t z s c h - W ö r t e r b . , S . 218 .*

⁶ *Cp. O L Z , 1936 , III , 150 — 151 ,* о новом издании *M e e k - O l d A k k a d i a n , S u m e r i a n a n d C a p p a d o c i a n T e x t s f r o m N u z i* (о беглых людях ст. 151).

мураби¹. Но и этот закон не мог парализовать сопротивления общинников. Хаммураби вынужден был дать приказ наместнику Юга Синидиннаму о том, чтобы среди присылаемых им рабочих людей не было «ни одного слабосильного, ни одного старика и ни одного ребенка», а только «сильные люди»². Преемник Хаммураби, Самсуилуна, вынужден был ставить при общинниках, согнанных на строительные работы в Сиппаре, стражу из военных эламитских наемников³. Борьба общинников против порабощения на работах для дома царя не прекращалась и в последующие эпохи. У нас, к сожалению, нет точных данных о частых восстаниях рабов и свободных при последних ассирийских царях, однако нет никакого сомнения в том, что эти восстания поднимались чаще всего общинниками, согнанными на царские работы. Из халдейской эпохи дошло до нас одно письмо, в котором говорится, что люди, согнанные на царскую работу при храме Шамаша в Сиппаре, «сопротивляются и не делают царской работы»⁴. Нет сомнения, что дополнительная разведка в документальном материале обнаружит еще немало случаев подобного рода.

Терминология в то же время показывает, что если с точки зрения принудительного характера работы общинников для дома царя последняя уподоблялась рабской работе, то сами исполнители этой работы все же не рассматривались, как рабы. Обычно в ассирийских, касситских и отчасти древневавилонских документах люди, наряженные на царскую работу, называются термином *ṣabu*, множ. *ṣabe*⁵. Первоначально этот термин обозначает взрослого, сильного человека, затем он применяется постоянно в качестве обозначения рядового воина; во множественном числе *ṣabe*, обозначает как солдат, так и рабочих людей. Ассиро-вавилонскому *ṣabu* соответствует сумерский термин *ka1*, имеющий то же самое первоначальное значение и употребляющийся также для обозначения рядовых воинов и рабочих людей. В хозяйственных документах III тысячелетия термин *ka1* очень часто употребляется с дифференцированными обозначениями. Мы встречаем: 1) *ka1-eri*.. или *ka1-eri -adu*, по толкованию немецких и французских сумерологов—барщинные люди, 2) *ka1-ud*—люди поденные, с обозначением количества дней работы, 3) *ka1-sag-dub*—наемные рабочие и 4) *ka1-araḡ*—люди-рабы⁶. Первая и вторая категория *ka1* обозначает одинаково рабочих людей, привлеченных в порядке принудительной работы «на дом царя»; *ka1* без дифференциации может обозначать как рабочих людей вообще всех категорий, так в некоторых случаях

¹ Ср. Meissner—Altbabylonische Gesetze, BzA, III, 4, S. 493—496, о фрагментах древневавилонского закона из библиотеки Асурбанипала. Почти все фрагменты или воспроизводят соответствующие статьи кодекса Хаммураби, или аналогичны им по смыслу. Col. II, и Col. III, 23 сл., устанавливают обязанность каждого вавилонянина «итти по пути царя»; кара смертью и конфискацией имущества в сохранившейся статье грозит пастуху или рыбаку, отказавшемуся «итти по пути царя»; но, конечно, эта кара имела общую силу для всех уклоняющихся.

² Ungnad—Briefe, № 48.

³ Там же, № 65.

⁴ KlauBer—Keilschriftbriefe, S. 29.

⁵ В письмах касситской эпохи (см. Waschow) термины *ṣabe*, *ṣabe dulli* применяются систематически также и в ассирийских документах. Относительно древневавилонской эпохи см. Lautner, цит. соч., стр. 195—196.

⁶ Цитаты по транскрипции, принятой у М. В. Никольского—Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи, т. II. О значении *erip* см. Legrain—Le temps des rois d'Ur, p. 35—38: *ka1—corveable* см. также Genouillac в «Hilprecht Anniversary Volume», p. 139; М. В. Никольский, цит. соч., стр. 4 и 5 и № 6, 8 и др.

опять-таки свободных людей на царской работе¹. Термин *erin* (*erim*) для обозначения свободных людей на царской работе применяется также в документах древнеавилонского царства; любопытно, что в последних документах термином *eril* обозначаются также люди, несущие сторожевую службу (*erin-pa*). Рабы в этих документах называются в отличие от свободных термином *wardu*². Кроме обозначений *sabe* и *erin*, в эпоху древнеавилонского царства встречается еще одно специальное обозначение—*ummal erištim*, рабочие люди, от *araṣu*—делать что-либо: строить корабли, изготавливать одежду, обрабатывать поле, отсюда вообще «работать»³.

Таким образом, выясняется двойная, противоречивая форма эксплуатации общинников на принудительных работах для дома царя: свободные люди распоряжением царя временно становятся на положение рабов. Эту характерную черту подметили еще греки. Ксенофонт отождествляет с рабством вообще ту форму непосредственного господства и подчинения, которая, по его наблюдению, существовала на Востоке: «мне известно, что весь персидский народ, исключая лишь одного человека (т. е. царя), это—толпа рабов, чуждая гражданских добродетелей»⁴.

Если мы обратимся к организации, существовавшей в Двуречье для проведения принудительных работ «на дом царя», то мы увидим, что эта организация опиралась на общинный быт. Касситские кудурру, как мы видели выше, прямо говорят об освобождении общин от работ «на дом царя». Формула освобождения запрещает писцам или агентам «каналов и сухой земли» (*šarire pari*, или *kalle pari u tabali*) входить в общины для набора людей на царскую работу⁵. Эта организация существовала и в эпоху древнеавилонского царства. Из писем Хаммураби Синидиннаму обнаруживается, что в подчинении у Синидиннама были специальные агенты, в ведении которых были отряды рабочих людей для производства работ на каналах, на постройках, на транспорте, на стрижке овец, а в других письмах из эпохи преемника Хаммураби Самсуилуны фигурируют *šarire*

¹ Как уже указывалось, акад. Струве пытался доказывать, что *kal* всех категорий обозначает рабов, на основании одного документа из собрания Женьульяка (*G e p o u i l l a s—Textes écopotiques d'Oumma de l'époque d'Oug, № 5675*), впервые переведенного самим акад. Струве. На основании этого документа акад. Струве полагает, что в эпоху III династии Ура существовали царские «латифундии», обрабатывавшиеся трудом рабов, и что в одной из таких «латифундий» было занято не менее 600 рабов. В своей рецензии («Проблемы истории докапиталистических формаций» 1934, № 7—8) я показал произвольность и необоснованность этих положений акад. Струве; ответ последнего, напечатанный в той же книге «Проблем», не только не дает никаких новых документальных данных в пользу положений акад. Струве, но, наоборот, дает новое оружие критике. Акад. Струве дал в своем ответе полный перевод документа № 5675; из него видно, что размеры «латифундии» всего 601 ган, т. е. 210 га, что основные земледельческие работы—пахота и посев—производились силами 24 постоянных рабочих, так наз. *arip* (пахарей), что *kal*, выработавшие за год всего около 20% общего числа всех выработанных человекоднев, заменили всего 6 (точнее 5,9) человек постоянных рабочих и что труд их применялся (как говорят и другие документы) на жатве, на работах по осушению и ремонту ирригационных сооружений, на рубке и доставке тростника и терновника.

² Р и ф т и н, цит. соч., № 114, 116, 143 и др.—*erin*; *wardu*—№ 144 и др. *L a u t n e r—erin(erim)=sabe*, S. 196.

³ *U n g n a d—Briefe*, № 43, 46; ср. там же стр. 266—268.

⁴ «Hellenica», VI, 1, 12, цит. по русск. перев. Л у р ь е—«Греческая история» Ксенофонта, стр. 138; ср. там же, стр. 266, цитату из «Елены» Эврипида: «все варвары—рабы, свободен лишь один».

⁵ *BzA*, II, S. 124—125, 150; *KB*, III, I, 172—173. Б е л ь з е р в *BzA*, II, S. 150 неправильно толкует термин *kalle pari* в смысле рабочих на каналах.

pari¹. Эти же kalle pari u tabali встречаются в вавилонских кудурру XII в.² Таким образом, перед нами выступает не только общинная основа принудительных работ на царя вообще, но также общинная основа третьей функции всякой восточной деспотии—заботы об искусственном орошении, т. е. о воспроизведении. Несомненно, что такая же организация сохранялась и в ассирийскую и халдейскую эпохи. Многочисленные указания о наряде kal для работ на каналах и для других работ из III тысячелетия свидетельствуют о существовании подобной организации еще в сумерскую эпоху³.

Для завершения характеристики общинной основы организации принудительных работ «на дом царя» остается отметить еще два любопытных штриха. Уже упоминавшийся приказ Хаммураби о том, чтобы на работу не наряжались слабосильные, старики и дети, но только сильные люди, показывает, что царские агенты обычно передавали наряды на определенное число рабочих общинным властям, а последние уже сами производили отбор заданного числа рабочих. Совершенно понятно, что общины при этом старались сохранить за собой лучшую рабочую силу, а на царскую работу посылали таких людей, которые не были полноценными работниками. Другой штрих еще более интересен. Из документов, приводимых Лаутнером и Унгнадом, видно, что практиковалась еще одна мера обеспечения царских работ надлежащей рабочей силой, также опиравшаяся на общинную организацию. Именно, община при наряде рабочих людей по договору или в порядке ilku обязывалась организовывать и держать наготове соответствующую группу заместителей (tahhu), которая должна была замещать основную группу, если последняя не явится, или уйдет раньше срока, или разбежится⁴. Таким образом, перед нами выступает тот же самый обычай круговой поруки общинников, какой лежит в основе постановлений кодекса Хаммураби в ст. 23, 24, 53, 54 и в основе договоров šuba.ti. Наконец, характерен самый термин, которым обозначалась артель, наряженная на царскую работу. Это—umma.u, от umtu—материнская утроба, отсюда мать; по-русски условно можно перевести этот термин—б р а т ч и н а. Термин восходит, несомненно, еще к эпохе материнских родов, когда им обозначался рабочий коллектив родичей-братьев, происходящих от одной матери; в последующие эпохи термин сохранился, но получил общее значение рабочего коллектива какой-либо общины⁵. Непосредственным руководителем работы (mušerišu) каждой артели (umma.u) был ее староста из своих же общинников, называвшийся waklum и работавший наравне с остальными членами группы⁶.

Совершенно очевидно, что описанная организация была бы невозможна, если бы, как пытается доказать в своих работах акад. Струве, община в эпоху Хаммураби уже разложилась, и прежняя масса общинников рассыпалась по стране в качестве наемников, мелких арендаторов

¹ U n g n a d—Briefe, № 184; толкование Унгнада «Gebietler»—господин, начальник канала—неверно.

² KB, IV, S. 66—67, в кудурру Мардука-надин-ахе.

³ Ср. целый ряд документов в цит. труде М. В. Н и к о л ь с к о г о—Документы хозяйственной отчетности, т. II.

⁴ L a u t n e r, цит. соч., стр. 225—226.

⁵ U n g n a d—Briefe, № 43, 46, 48 и др. Термин употребляется также для обозначения военных отрядов.

⁶ О mušerišu см. U n g n a d, № 47, также стр. 267; mušerišu-waklum при erim—см. L a u t n e r, цит. соч., стр. 202, 211—213.

и долговых рабов. Факты показывают, что концепция акад. Струве является чисто-искусственным построением, вынуждающим автора проходить мимо обширного и совершенно ясного документального материала.

Для завершения характеристики общинного быта в Двуречье было бы необходимо остановиться подробнее на вопросе о ренте-налоге, как специфически-восточной форме выкачивания прибавочного продукта из крестьян-общинников («Капитал», т. III, изд. 8-е, стр. 569—570). Попутно мы уже указывали на существование ренты-налога в Двуречье; однако подробное рассмотрение этого вопроса тесно связано с общим вопросом об организации в государствах Двуречья «ведомства грабежа собственного населения» и поэтому должно быть выделено в отдельную статью. Здесь следует только указать, что, как показывает надпись Урукагины, традиционная 10-процентная норма ренты-налога была нарушена уже в первой половине III тысячелетия и что впоследствии, вплоть до ассирийской эпохи, рядом с десятиной существовал 25-процентный налог и специальные налоги и сборы, в том числе в пользу храмов (ассир. *telitu*).

Подведем теперь итоги. Приведенные нами далеко не исчерпывающие документальные данные с полной определенностью свидетельствуют, что общины в Двуречье существуют на всем протяжении истории последнего, начиная с IV тысячелетия и кончая халдейской эпохой. Некоторые общины по временам частью разлагаются, частью уничтожаются в результате неоднократных вторжений в Двуречье горных и степных племен—эламитов, гутиев, сугейцев, аморреев, хеттов, касситов, арамейских племен, в том числе халдеев, и других. Но те же самые вторжения этих народов, еще только выходящих из родо-племенного быта, каждый раз оставляют после себя или приносят с собою новые общины взамен разрушенных, рядом с уцелевшими старыми общинами. Таким образом, общинный быт вновь получает новые соки и силы и вновь укрепляется. Сельские общины были в Двуречье основными производственными ячейками. Конечно, общины в разное время и в разных областях не были однородными. Уже наше разведочное исследование показало, что встречались разные категории общин, начиная от родовой общины, почти еще не затронутой разложением, и кончая земледельческими (сельскими) общинами на разных этапах развития последней и разных масштабов, от небольшой волости до целого района. Детальное исследование форм и судеб общины Двуречья является важнейшей очередной задачей советских ориенталистов, завещанной Марксом марксистской исторической науке.

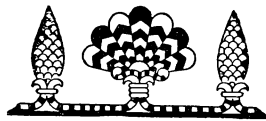
Общинники всегда, не исключая и тех моментов, когда начинал где-либо обозначаться процесс разложения общин, составляли огромное большинство населения и основную массу непосредственных производителей. Эта масса общинников для командующей сановно-жреческой верхушки общества Двуречья была также главным объектом «грабежа собственного населения», о котором говорят Маркс и Энгельс. Принудительные работы под стражей наемных солдат и под ударами палок надсмотрщиков и рента в форме натуральных налогов в пользу царя, его сановников, жрецов и собственной общинной администрации были основными приемами этого грабежа. В результате такой безжалостной эксплуатации происходило разорение маломощной части общинников. Одни из разорившихся попадали в долговое рабство, другие—и таких было немало—

вынуждены были продавать свои сады и наделы¹, отрывать от общины и искать себе средств существования другим путем. Эти последние элементы, выброшенные за борт общины, и составили кадры наемных черно-рабочих, пастухов, а также тех земледельцев, которые брали в обработку на кабальных условиях за часть урожая участки поля и сады у землевладельцев и храмов. Последняя категория непосредственных производителей появилась в обществе Двуречья, начиная со второй половины III тысячелетия², и сделалась постоянным составным элементом массы трудящихся вплоть до конца Халдейского царства³. Но с этой категорией эксплуатируемых мы вступаем уже в сферу частновладельческого и храмового хозяйства, т. е. в сферу, органически связанную с командующей группой рабовладельцев Двуречья. Основной вопрос здесь заключается в определении удельного веса и места частного и храмового хозяйства в экономике Двуречья, а отсюда—и удельного веса и места «арендаторов» в общей массе трудящихся. Исследование документального материала по этой линии подтверждает наше положение об основной роли общинного хозяйства и общинников в Двуречье. Но этой теме необходимо посвятить особую статью.

¹ В документах на продажу земли эпохи первой вавилонской династии отчетливо выступают две категории продаваемых участков: во-первых, от гана (в эту эпоху ок. 6,5 га) до нескольких ганов (до 90 га), и, во-вторых, мелкие участки, от карликовых в 100—500 кв. м (*D a i c h e s*, цит. соч., № 1, о покупке одним лицом трех таких участков) до участков размером в 1,75 га. Первые участки, конечно, частновладельческие; вторые, несомненно, крестьянские. В качестве покупателей последних нередко выступают жрицы (*S c h o r r—U r k u n d e n*, № 93, 94, 95а—жрицы Шамаша). Ср. купчие в собраниях Шорра и Дайхеса.

² Этот факт засвидетельствован в отрывках сумерского кодекса эпохи III династии Ура (§ 1 и 2).

³ Для касситской эпохи—см. *S c h o r r—E i n e b a b y l o n i s c h e S e i s s a c h t i e a u s d e m A n f a n g d e r K a s s i t e n z e i t*, S. 6; для персидской эпохи см. *K o h l e r—U n g n a d—H u n d e r t a u s g e w ä h l t e R e c h t s u r k u n d e n a u s d e r S p ä t z e i t*, № 51, 52, 54, 55.

ПОДЛИННАЯ ПРИЧИНА РАЗРУШЕНИЯ ИУДЕЙСКОГО ХРАМА НА ЭЛЕФАНТИНЕ в 410 г. до н. э.

Акад. В. В. Струве

В настоящее время пытаются в буржуазной, а в особенности в фашистской литературе представить антисемитизм, созданный лишь эпохой капитализма, в качестве вечно существующей категории. Ссылаются при этом на древний мир, так называемый античный антисемитизм, который может быть только формально сопоставлен с антисемитизмом эпохи капитализма. Да и самые факты, на которые ссылаются в таких случаях, часто оказываются либо специально подтасованными, либо неверными. Так, в свое время У. Вилькен сделал наблюдение, на основании изученных им остраков эллинистического Египта, что во II в. до н. э. евреи часто выступали в Египте в качестве откупщиков податей¹. Это наблюдение У. Вилькена было подхвачено Стегилином, Блудау и др., создавшими на этом основании легенду об эксплуатации народных масс еврейскими откупщиками и ростовщиками. Вилькен впоследствии сам лишил подобные «исследования» всякого основания, так как он с помощью нового материала мог установить, что те лица, которых он раньше рассматривал в качестве откупщиков податей, в действительности являлись арендаторами государственной земли².

Подобным же недоразумением, на каковых вообще покоится вся история антисемитизма в древности, является и объяснение разрушения иудейского храма Ягу на Элефантине в 410 г. египтянами, а также и других событий, связанных с этим, как типического «еврейского погрома»³. Вопросу о подлинных мотивах, которые заставили египтян разрушить храм иудейской колонии в Элефантине, я хочу посвятить мое настоящее исследование.

Иудейская колония на Элефантине, представители которой здесь в качестве наемников защищали южную границу Египта, восходит к иудейским беглецам 586 г. Многие из этих последних были поселены

¹ U. Wilcken—Griechische Ostraka, Brln—Lpz., 1899, I, S. 523—524.

² U. Wilcken—Zum alexandrinischen Antisemitismus (Abhandl. Sächs. Ges. Wis. 1909, S. 788).

³ Ed. Meyer—Der Papyrusfund von Elephantine, 1912, S. 76 f.; И. М. В о л к о в—Арамейские документы иудейской колонии на Элефантине V в. до Р. Х., Москва, 1915, стр. 77; С. Я. Л у р ь е—Антисемитизм в древности, Петроград, 1922, стр. 57—58. В особенности же А. С о w l e y—Aramaic papyri of the fifth century b. C., Оксфорд, 1932, стр. XVIII.

царем Априэсом в крепости Элефантины на месте старого гарнизона, который взбунтовался¹. Иудейские наемники, число которых было довольно значительно², были организованы в виде благоустроенной общины, и ей было разрешено построить храм в крепости, в которой они несли гарнизонную службу. Храм был сравнительно значителен и имел богатую утварь, которая свидетельствует об известном благосостоянии иудейских беглецов, которые, вероятно, некоторую часть наиболее ценного имущества могли спасти из своей родины³. Построение храма было разрешено чужеземным наемникам, так как Элефантина являлась наиболее отдаленной окраиной, «медвежьим уголком» древнего Египта⁴. Остров использовался в качестве места ссылки⁵. Конечно, в Элефантинской крепости находилось и египетское святилище. Это последнее, вероятно, было разрушено впоследствии Камбизом «во время большого ужаса, который совершился во всей стране»⁶. Во время этого «ужаса» для египетских храмов храм Ягу остался нетронутым. «Когда Камбиз завоевал Египет, он нашел этот храм уже построенным. Храмы египетских богов были все разрушены, но этому храму не причинили никакого вреда»⁷. Так написали представители иудейской общины на Элефантине Багою, персидскому наместнику иудеев. В эпоху Дария I, который относился благожелательно к египетскому жречеству, разрушенный египетский храм был, очевидно, восстановлен. По крайней мере до нас дошла переписка, которую вело жречество храма Хнума Элефантинского с Ферендатом, египетским сатрапом Дария I (см. ниже).

В вышеупомянутом письме, которое писали представители иудейской общины Багою, они сообщали ему о разрушении их храма, которое имело место в 14-м году Дария II. Письмо датировано 17-м годом Дария II (408 г.). Согласно этому письму, жрецы египетского бога Хнума в крепости Элефантине подкупили наместника Южной области Египта, пребывавшего на Элефантине, Видарнака⁸. Они требовали от него удаления храма бога

¹ Ср. к датировке мою статью «К истории иудейской колонии Элефантины» (ИАН, 1926, стр. 451 сл.).

² Ср. определение числа иудеев на Элефантине у Ed. Meyer—Der Papyrusfund von Elephantine, 1912, S. 37.

³ Беглецы принадлежали, согласно свидетельству Иеремии, 41, 16 сл., к более высоким общественным слоям. Они говорили уже на своей родине на арамейском языке, который начал вытеснять у господствующих классов к концу VIII в. древнееврейский язык. Ср. известное место во II Книге царей, 18, 26. Поэтому и документы иудейской колонии в Элефантине были во всей совокупности написаны на арамейском языке.

⁴ Ср. то, что говорит Зете («Urgeschichte und älteste Religion der Aegypter», Lpz., 1930, S. 180) об отрывности южной части Верхнего Египта.

⁵ Пограничные крепости вообще рассматривались в Египте как места ссылки. Ср. Wiedemann—Aegypten, 1918, S. 105. В царской темнице на Элефантине сидел, как это нам рассказывает демотическая сказка, чародей Хихор. Ср. Spiegelberg—Demotische Texte auf Krügen, 1912 (в V томе серии «Demotische Studien»), кувшин А, письмо 1. Для египтянина Элефантина была столь же далекой, как и антипод ее—болота Дельты, ср. папирус Анастаси, I, 28, 6 (Erman—Litteratur der Ägypter, 1923, S. 293).

⁶ Строки 30—31 надписи Удзагоппесента (O. Marcussi—Il museo egizio Vaticano, Рим, 1899, стр. 93). К этой надписи я еще вернусь.

⁷ A. Cowley—Aramaic papyri of the fifth century B. C. Оксфорд, 1923, № 30, строки 13—14. В дальнейшем в моей статье я буду цитировать этот труд, говоря о тексте того или другого папируса, как «Изд. Cowley, № ». Говоря же о комментарии самого автора, я буду цитировать его труд, как «Cowley, у. с.».

⁸ В документе подчеркивается, что подстрекателями разрушения храма Ягу были жрецы бога Хнума в крепости Элефантины, ср. Cowley, № 30, строка 5.

Ягу в крепости Элефантины¹. Египтяне составили заговор против иудейского храма, когда сатрап Египта Аршам «отбыл и направился к царю»². Видарнак принял от жрецов Хнума «серебро и драгоценности» и согласился содействовать их планам. Он повелевает своему сыну Нефаяну, который был начальником войска в крепости Сиэне, разрушить храм в крепости Элефантины. Нефаян выполнил его приказ, ввел египетских воинов с их оружием в крепость Элефантины, и «они разрушили храм до основания»³. Затем в письме следует детальное описание разрушения храма и разграбления всего храмового инвентаря.

Большинство из современных исследователей предполагает, что это варварское разрушение храма Ягу было обусловлено, главным образом, враждою египтян «специально по отношению к иудеям»⁴. Вражда, по их мнению, была обусловлена обособленностью иудеев, от которой не были свободны и иудеи на острове Элефантине: «они также воздерживались при сношениях и при еде от соприкосновения с иноверцами; они также проявляли по отношению к их религии презрение и в особенности они занимались также усердно улавлением прозелитов, о котором папирусы свидетельствуют в лице многочисленных иудеев, отцы или деды которых носили египетские имена»⁵.

Как известно, «на Востоке свирепствовала религиозная система заветов, которая немало способствовала упадку, наступившему в конце концов. Люди двух разных религий (египтяне, персы, евреи, халдеи и т. д.) не могут вместе ни пить, ни есть, не могут сделать вместе самого обыденного дела, едва могут разговаривать друг с другом» (Э н г е л ь с — Бруно Бауэр и раннее христианство, Соч., т. XV, стр. 500). Евреи в этом отношении не составляли исключения ни в ту, ни в другую сторону. Но особенное подчеркивание этнической и религиозной исключительности иудеев восходит лишь к «закону» 445 г., который действительно требовал от верующих иудеев обособления от других народов. Закон стал действительным для диаспоры лишь после преодоления большого сопротивления, так что можно было лишь к концу II в. иудеям диаспоры бросить упрек в некоторой исключительности. Этот упрек по отношению к иудеям вложил автор очень поздней Книги Эсфири (рубеж II—I столетий) в уста врага иудеев Гаман: «Имеется народ,—говорит Гаман персидскому царю Агасферу,—который живет между народами во всех областях твоей державы разрозненно и обособленно; их законы отличны от законов каждого другого народа, и законов царя они не выполняют, так что не подобает царю разрешать им так действовать»⁶.

Эти слова Гамана еще для времени возникновения Книги Эсфири являются громадным преувеличением подлинного отношения иудеев диаспоры к иноверцам. Тем большим преувеличением является утверждение далеко идущей обособленности у иудеев Элефантины V в. Из самих папирусов мы ничего об этом не узнаем. Иудейские наемники называют себя то арамейцами, то иудеями⁷. Если иудеи Элефантины назы-

¹ Cowley, у. с., строки 7—8.

² Там же, строки 4—5.

³ Там же, строки 6—9.

⁴ Эд. Мейер, у. с., стр. 75.

⁵ Там же, стр. 76.

⁶ Книга Эсфири, 3, 8. Ср. Эд. Мейер, у. с., стр. 39, Cowley, у. с., стр. XVII.

⁷ Ср. И. М. Волков, у. с., стр. 47. Попытка со стороны Cowley, у. с., стр. XVI и 12 установить какую-то закономерность в употреблении того или другого этнического термина является неубедительной.

вали египетских жрецов арамейским словом «камар», а своих жрецов называли еврейским словом «коген» (ср., например, № 38, 1 и 12 издания Cowley), то из этого отнюдь не следует, что они себя рассматривали как обособленное в религиозном отношении общество¹. Ведь жрецы Египта в эту позднюю эпоху являлись замкнутой «кастой», доступ в которую не был дозволен посторонним. В еврейское же жречество еще, согласно Второз. 33, 8, мог вступить любой представитель еврейского общества. Поэтому вполне понятно, если иудеи Элефантины стремились особым названием своих жрецов отметить их качественное отличие от замкнутого египетского жречества.

Что же касается улавливания прозелитов, которым занималась с большим рвением, по мнению Эд. Мейера, иудейская община Элефантины, то оно в источниках не засвидетельствовано. Дело в том, что иудеи, отцы и деды которых носили египетские имена, являются наверное не египтянами, перешедшими в иудаизм, но иудеями, отцы которых приняли египетские имена.

В одном случае, а именно по отношению к некоему Эсхору, сыну Сахо, имя и отчество которого было определено египетскими², мы это можем документально доказать.

До нас дошел брачный договор³ между названным лицом, которое было «архитектором царя»⁴, со вдовой иудейского наемника Иезании Мибтахией, дочь еврейского наемника Махсеи. Датировка папируса, к сожалению, разрушена, но из сопоставления с другими документами, относящимися к тому же Эсхору или к его семье, можно определить дату папируса годами не позже 440 г. до н. э.⁵

Поскольку сыновья Эсхора и Мибтахии называют в документах от 416 г.⁶ и от 411 г.⁷ своего отца иудейским именем «Натан», то некоторые исследователи и сделали вывод, что «египтянин Эсхор» вынужден был впоследствии принять иудаизм⁸. Но данный вывод является неправильным. Дело в том, что еще в папирусе от 420 г. сыновья Мибтахии и Эсхора называют своего отца «Эсхор сын Сахо»⁹. Этот документ является заключением тяжбы между Иедонией и Ананией, сыновьями Мешуллама, с сыновьями Мибтахии и Эсхора. Последний, очевидно, уже умер в момент составления документа, так как контрагентами сделки являлся не он, Эсхор, а его сыновья¹⁰. Следовательно, Эсхор, сын Сахо, продолжал сохранять свое египетское имя вплоть до своей смерти. Никто при жизни его не заставил менять египетское имя Эсхор на иудейское Натан. Лишь после смерти отца сыновья Эсхора заменили его египетское имя его иудейским именем Натан. Надо думать, что у Эсхора было два имени: еги-

¹ Эд. Мейер, у. с., стр. 40.

² Эсхор соответствует египетскому «Nshr», а «Сахо»—египетскому «Ddhr».

³ Cowley—Aramaic Papyri, № 15.

⁴ Буквально следует титул Эсхора перевести «служой дворца царя». О значении этого титула см. Cowley, у. с., стр. 43.

⁵ Cowley, у. с., стр. 44, датирует папирус «около 441 г.». Я отодвинул бы дату к еще более раннему году, ибо не склонен интерпретировать папирус № 14 издания Cowley, как документ о разводе Мибтахии, дочери Махсеи, с неким Пиа, сыном Пехи.

⁶ Изд. Cowley, № 25.

⁷ Там же, № 28.

⁸ Например, Эд. Мейер, у. с., стр. 30.

⁹ Изд. Cowley, № 20.

¹⁰ Cowley, у. с., стр. 57.

петское и иудейское¹. Будучи «архитектором царя», Эсхор имел постоянные сношения с египтянами и он поэтому пользовался своим египетским именем. Его дети также не считали для себя зазорным определять свое происхождение по египетскому имени своего отца. Не изменили они своего обычного отчества, как мы видели, и в первое время после смерти отца. Лишь через несколько лет, во всяком случае в 416 г., они были вынуждены сменить египетское имя отца на иудейское имя Натан.

Очевидно, какое-то событие заставило тогда иудеев Элефантины откаться от египетских имен и называть себя впредь уже иудейскими именами. Я полагаю, что это событие надо отождествить с упоминаемым в папирусах приездом представителя иерусалимского иудейства в Египет. Иудейство в Иерусалиме было, как известно, в 445 г. организовано Неемией с помощью персидского царя в своеобразное теократическое государство. Иудеи должны были отныне воздерживаться от всяких сношений с окружающими их народами, дабы предохранить себя от «осквернения» со стороны язычников. Требование нового закона иудейство Иерусалима стремилось ввести и во все иудейские общины вне Палестины, ибо новый закон, закон Эзры, был обязателен не только для иудеев Палестины, но и для всей диаспоры². Представителем иудейства Иерусалима являлся некий Ханания, которого пока трудно отождествить с каким-либо из деятелей, упоминаемых в книге Неемии. О нем, о Ханании, упоминает, как о прибывшем в Египет, письмо некоего Маузии к главам иудейской общины в Элефантине. Маузия указывает на то, что жрецы Хнума враждебно настроены против иудеев Элефантины «с тех пор, как Ханания был в Египте, вплоть до настоящего времени»³. Ханания, несомненно, был официальным лицом, получившим поручение быть посредником между сатрапом Египта и иудейской общиной в Элефантине. Это явствует из того знаменитого письма Ханании, в котором он сообщает иудейской общине в Элефантине указ 419 г. царя Дария II о праздновании пасхи⁴.

Письмо начинается следующими словами: (1) [Братьям] моим (2) [Иедо]нии и его сотоварищам, во[йску и] иудейскому, ваш брат Ханан[ия]. О благополучии моих братьев бог (да) [позаботится] (3). Теперь: в этом году, в пятом году царя Дария⁵, от царя послан [указ] Аршаму⁶ и т. д.

Очевидно, Ханания, как официальное лицо, получил от Аршама, сатрапа Египта, поручение довести до сведения иудеев в Элефантине указ царя. Последний был издан под давлением класса теократов Иерусалима, стремившегося подчинить и далекую общину в Элефантине новому закону. Энергичное выступление Ханании в пользу требований иерусалимского жречества привело к тому, что египетские жрецы бога Хнума, бога-покровителя Элефантины, стали враждебно относиться к своим иудейским соседям. Об этом нам свидетельствует вышеупомянутое письмо

¹ Подобное предположение высказывает и Cowley, у. с., стр. 84. Ср. о наличии двойных имен у египтян у E r m a n n - R a n k e—Aegypten, S. 187.

² См. Эд. Мейер, у. с. стр. 96 сл.

³ Изд. Cowley, № 38, 7. Он не датирован, но не мог быть написан позже 412 г. Дело в том, что Видарнак, о котором нам придется ниже говорить, назван здесь (строка 3-я) «начальник войска». В 411 г. он уже занимал должность фратарака.

⁴ Изд. Cowley, № 21. Решение вопроса о том, упоминался ли в разрушенной части папируса и праздник «пасхи», выходит за пределы настоящей темы.

⁵ Т. е. 419 г. до н. э.

⁶ Сатрап Египта.

Маузии из Абидоса¹. Возможно также и то, что Ханания разжигал вражду египетских жрецов к элефантинской общине в провокационных целях.

Дело в том, что Ханания, видевший в иудейском храме Элефантины нечто недопустимое с точки зрения нового закона, мог сознательно натравливать египетских жрецов Элефантины на местный иудейский храм². Ведь и для Ханании, как и для Неемии в свое время, были дозволены все средства против лиц, не признающих «закон».

Может быть, из-за боязни перед враждебно настроенной жреческой верхушкой Иерусалима иудеи Элефантины обратились после разрушения своего храма не только к жречеству, но и к светской знати Иерусалима³. Они рассчитывали на наличие некоторых противоречий между жречеством и старой знатью, уступившей после реформы Эзры жречеству первое место⁴. Я полагаю, что мы имеем в общем контексте письма Маузии из Абидоса действительно указание на вражду между представителем иудейской знати Ананией, занимавшим должность секретаря сатрапа Египта Аршамом⁵, и Хананией, представителем иерусалимской теократии. В письме идет речь о том, что отправитель письма Маузия, заключенный по подозрению в краже какой-то ценности, получил свободу, благодаря помощи неких Сахо и Гора, слуг Анании. Маузия сообщает далее о прибытии Гора и Сахо в Элефантину и просит представителей общины быть предупредительными по отношению к ним, ибо в таком случае они заявят⁶, что «Хнум против нас, начиная с того времени, как Ханания в Египте, вплоть до настоящего времени»⁷. Очевидно, они тем самым сваливали вину за какие-то недоразумения на Хананию. Поскольку Сахо и Гор были слугами Анании⁸, то можно заключить, что и последний был на стороне иудеев Элефантины, а не на стороне представителя теократии Иерусалима.

Но симпатии светской знати Иерусалима к иудейской общине Элефантины не помогли делу восстановления разрушенного храма. Представители элефантинской общины на свое первое письмо о разрушении храма от 410 г., адресованное наместнику Иудеи Багою, жречеству и светской знати Иерусалима⁹, не получили никакого ответа¹⁰. Очевидно,

¹ Cowley, у. с., стр. 62.

² Подобное предположение высказал M. van Hoonaeker—Une communauté Judéo-Araméenne à Eléphantine en Egypte au VI-e et V-e s. av. J. C. (London 1915, в серии S c h w e i c h—Lectures, стр. 39).

³ Изд. Cowley, № 30, стр. 18—19.

⁴ Ср. Эд. Мейер, у. с., стр. 74.

⁵ Несомненно, Анания, упоминаемый и в этом письме Маузии, был очень известным лицом, коль скоро в письме к Багою представители элефантинской общины его брата Остана называют не по имени отца, а по имени Анании, его брата. Поэтому нельзя сомневаться, что Анания письма Маузии и письма представителей общины к Багою тождествен с Ананией, секретарем сатрапа Аршамом, упоминаемым в папирусе изд. Cowley, № 261036, ср. Ed. Meyer, SPAW, 1911, S. 1036.

⁶ Ср. восстановление Cowley, у. с., стр. 137.

⁷ Изд. Cowley, № 38, 7.

⁸ Если в следующей строке 8-й только что упомянутый Гор назван слугой не Анании, а Ханании, то я полагаю, что это описка. Имя Ханании по небрежности было внесено из предшествующей 7-й строки. За это говорит то обстоятельство, что в дальнейшем упоминается в связи с Гором только Анания. Ср. заключение письма: «То, что вы сделаете для него (т. е. Гора), не останется скрытым от Анании».

⁹ Это письмо было написано тотчас же после катастрофы—«в то время, когда это зло было причинено нам», свершившейся в месяце Таммуз 14-го года царя Дария II (июль 410 г.).

¹⁰ Изд. Cowley, № 30, 17—19.

давление иерусалимских теократов, поддержанных персидским правительством, было настолько сильным, что ни Багой, ни светская знать Иудеи не рискнули откликнуться на просьбу элевантинской общины. Поэтому представители последней обратились в 407 г. к одному Багою и одновременно с письмом к нему отправили письмо к «Делаии и Шелемии, сыновьям Синмубаллита, наместника Самарии»¹, главного противника Неемии.

Это обращение имело тот успех, что начались переговоры о восстановлении разрушенного храма. Правда, ни Багой, ни сыновья Синмубаллита не рискнули дать разрешение приносить в новом храме в жертву животных. Предоставление этого права элевантинскому храму вызвало бы слишком сильное раздражение со стороны жречества Иерусалима, монополизировавшего для своего храма всякого рода кровавые жертвы². Поэтому Багой и сыновья Синмубаллита дают понять иудеям Элевантины, что они готовы дать разрешение на построение нового храма, но при условии отказа от жертвоприношений животных. Элевантинская община должна была принять это условие и ответила обещанием щедро оплатить и подобное решение. Данное предложение представителей элевантинской общины мы находим в несколько поврежденном папирусе: «если наш господин (вероятно, Багой) [будет мило]стив и храм Ягу-бога, который [был у нас, будет построен], так как он [был рань]ше постро[ен и овцы] быки, козы [н]е будут приносимы там в жертву всесожжения, но [только воскурения], хлебные жертвы... если наш господин приказ отдаст(т)... [то] мы уплатим в дом нашего господина се[ребра...] (и) ячменя артаб тыся[чу]»³.

Получив обещание такой щедрой взятки, Багой и сыновья Синмубаллита дали разрешение построить храм без права приносить там в жертву животных. Разрешение было передано некоему посланному, донесение которого до нас дошло: (1) «Памятная запись Багоя и Делаии. Они говорят (2) мне: пусть будет тебе памятная запись в Египте, чтобы говорить (3) перед Аршамом относительно дома алтаря бога (4) небес, который в крепости Элевантины был построен (5) раньше до Камбиза (и) (6) который Видарнак, тот проклятый, разрушил (7) в 14-м году Дария царя (8), чтобы выстроить его на его месте, каким он был раньше (9), и жертвы хлебные и курение пусть приносят на (10) том алтаре, как раньше (11) это было сделано»⁴. Мы видим, следовательно, что разрешение на построение своего храма элевантинские иудеи получили от сына злейшего врага Неемии—Синмабуллита. Подобный факт подкрепляет мое предположение о том, что в разрушении элевантинского храма в 410 г. были замешаны и теократы Иерусалима. Если же можно сгласиться с данным моим предположением, то тем самым уже отпадает возможность интерпретировать разрушение египтянами иудейского храма, как «еврейский погром».

Конечно, не только Ханания и жречество Иерусалима были недовольны существованием иудейского храма на крайнем юге Египта. Недо-

¹ Там же, строка 29.

² Изд. Cowley, № 33, 7—14.

³ Ввиду этого неправ Cowley, когда он предполагает, что Ханания восстановил египтян требованием приносить в элевантинском храме жертвы животных (у. с., стр. 62). Ханания, конечно, был также против жертв животных в храме Элевантины.

⁴ Там же, № 32. Несомненно, хронологически № 32 следовал за № 33 и поэтому напрасно Cowley здесь в порядке документов нарушил хронологическую последовательность.

вольны были им, несомненно, и жрецы местного бога Хнума. На небольшом сравнительно ареале крепости острова находились египетский и иудейский храмы. Понятно поэтому, что египетские «жрецы бога Хнума, который в крепости Элефантины»¹, обратились с просьбой к представителям власти: «Храм бога Ягу в крепости Элефантины пусть удалят оттуда»². Египетские жрецы требуют только удаления храма иудеев из крепости, допуская, очевидно, возможность построения его на другом, более подходящем, месте. Иудейская община в Элефантине в свою очередь ходатайствует после разрушения храма не о построении нового храма вообще, в каком-либо месте, но о том, «чтобы построили его в крепости Элефантины, соответственно тому, как он был построен раньше»³. Багой и Делаия разрешают в своем приведенном выше меморандуме выстроить храм «на его месте». Мы видим, таким образом, что спор шел не о неуместности иудейского храма вообще, а о неуместности иудейского храма в элефантинской крепости. Очевидно, египетские жрецы опирались, ходатайствуя об удалении иудейского храма из крепости, на какое-то постановление персидского правительства, не допускающее непосредственную пространственную близость между двумя разноплеменными святилищами.

Данное предположение можно подкрепить, как мне кажется, свидетельством одного из элефантинских папирусов. Последний, правда, неважно сохранился, но улавливаемый общий смысл дает основание для любопытных умозаключений. Содержанием его является письмо некоего лица, имя которого не сохранилось, к представителям элефантинской общины о каком-то споре между египтянами и иудеями. Значение этой тяжбы должно было быть очень крупным, коль скоро решение ее зависело от самого сатрапа Египта, от Аршама. Поскольку во главе элефантинской общины стоял, согласно письму, еще Иедония, то мы письмо должны датировать временем, близким 410—408 гг.⁴ Поэтому на основании сказанного мы имеем право допустить, что письмо находится в какой-то связи с разрушением элефантинского храма. Для нашего вопроса приобретает особый интерес следующее замечание составителя письма. Он указывает на то, что египтяне, обратившиеся по ходу дела к наместнику Фиваиды, заявляют: «Маздаянин он, поставленный над областью»⁵. Очевидно, египетские жрецы в споре об удалении иудейского храма учитывали какое-то постановление официальной персидской религии об осквернении какого-либо храма от непосредственной близости с чужеземным храмом или чужеземным поселением. Факт построения еще при египетских царях (см. выше) чужеземного храма в столь непосредственной близости от египетского святилища стал возможным лишь в Элефантине, на далекой южной окраине. Ведь цари Позднего Египта в целях наисильнейшего воздействия номовых религий на угнетенные народные массы стремились всемерно ограничить сношения египтян с чужеземцами. Чужеземцы были сосредоточены в особых кварталах, как, например, в области города Саиса: «жилища бедуинов юга, которые в его области»⁶, или ти-

¹ Изд. Cowley, № 30, 5.

² Там же, строка 6.

³ Там же, строка 25.

⁴ Cowley, у. с., стр. 132—133.

⁵ Изд. Cowley, № 37, 6.

⁶ Стела Псамметиха I, изд. в ZÄS, 1897 (XXXV год), стр. 18, строки 26—27.

рийцы в Мемфисе¹. Даже Амасис II, известный своим эллинофильством, был вынужден ограничить постоянное местопребывание греков одним лишь Навкратисом².

Подобные же мероприятия мы находим и у персидских царей, начиная с Кира. В местном жречестве и в местных религиях они видели лучшую опору своей власти и поэтому направляли все усилия на то, чтобы укрепить их значение и авторитет. Такова была их политика в Вавилонии, Иудее; Малой Азии, таковой она была и в Египте.

Уже завоеватель Египта, Камбиз, решил заручиться благорасположением богатого и влиятельного жречества города Саиса и нашел в лице начальника царских кораблей последних двух египетских царей, Удзагорресента, отпрыска древнего жреческого рода в храме Нейт, талантливого помощника своей политики. Удзагорресент, предав дело самостоятельности Египта, решительно перешел на сторону Камбиза, сделавшего его своим приближенным. В автобиографической надписи на своей статуе³ он рассказывает, что составил завоевателю пышную титулатуру, как новому царю Египта, и дал ему познать все величие богини Нейт и прочих богов Саиса⁴. Пользуясь своим положением приближенного Камбиза, Удзагорресент обратил внимание царя на то, что всякого рода чужеземцы поселились на участке храма Нейт, оскверняя тем самым его святость. Очевидно, часть чужеземцев, пришедших в Египет с Камбизом и которых он поселил там⁵, осели и в самом храме и на его участке, опираясь на право победителя. Может быть, и другие чужеземцы, еще до Камбиза пребывавшие в Египте, воспользовались военными смутами для захвата храмовой территории.

Удзагорресент рассказывает в своей автобиографии обстоятельно о том, что Камбиз внял его просьбе и очистил храм Нейт от поселений чужеземцев: «Я просил его величество царя Верхнего и Нижнего Египтов Камбиза относительно всех чужеземцев, которые осели в храме Нейт, чтобы изгнать их оттуда и чтобы дать существовать храму Нейт в его прежнем благолепии. Повелел его величество изгнать всех чужеземцев, [которые] осели в храме Нейт, разрушить все дома их. Всякая их нечисть, которая была в этом храме, унесли они, [уничтожили они] сами за пределы стен этого храма. Приказал его величество очистить храм Нейт»⁶. Мы имеем в этом свидетельстве автобиографии Удзагорресента великолепную параллель к разрушению иудейского храма в Элефантине. Персидское правительство, действительно, заботилось о том, чтобы храмы Египта не осквернялись близостью чужеземцев, тем более, конечно, чужеземного храма. Можно даже с некоторой долей вероятности предположить, что египетские жрецы Хнума в своих требованиях удаления иудейского храма ссылались на мероприятия Камбиза по отношению к храму Нейт. Если даже Камбиз, говорили они, при всей его жесто-

¹ Геродот, II, гл. 112 упоминает *Τορίων στρατόπεδον*. Ср. A. Wiedemann—Herodots zweites Buch (Lpz., 1890), S. 432.

² См. Геродот, II, гл. 154 и 178. Ср. также Н. Prinz—Funde aus Naukratis, S. 5.

³ Статуя хранится в Ватиканском музее. Она издана O. Magusch—Il Museo egizio Vaticano, Рим, 1899. Перевод надписи ср. также Б. А. Тураев—История древнего Востока, изд. 1935 г., т. II, стр. 121 сл.

⁴ Magusch, у. с., стр. 84—85.

⁵ Там же, стр. 83, строка 6.

⁶ Там же, стр. 86—87.

кости к завоеванному Египту¹, очистил храм Нейт от скверны, то тем более должен сделать нечто подобное по отношению к храму Хнума милостивый и благой царь Дарий II.

Желая ослабить этот аргумент жрецов Хнума, представители иудейской общины и указывают в своем письме Багою: «Когда Камбиз пришел в Египет, он нашел храм этот (т. е. иудейский храм) выстроенным, и в то время, как все храмы египетских богов были разрушены, никем не было причинено вреда этому храму»². Конечно, этот аргумент не мог опровергнуть факта удаления Камбизом чужеземных поселений из непосредственной близости храма Нейт. Для решения нашей задачи данный факт, сообщенный Удагорресентом, имеет громадное значение. Дело в том, что Камбиз удалял из храма Нейт чужеземцев вообще, а не специально иудеев. Следовательно, и жрецы Хнума стремились удалить иудейский храм из непосредственной близости своего храма не из побуждений «антисемитизма», а из религиозного фанатизма по отношению ко всем чужеземцам.

Ненавистью дышит по отношению к беспокойным кочевым племенам Востока уже поучение царя Гераклеопольской династии³. Священные книги должны были охраняемы от прикосновения со стороны чужеземцев⁴. Последние должны были быть далекими от «дома жизни», т. е. от места, где учились таинству письма: «Да не подходят к нему (к дому жизни) чужеземцы. Азиаты да не взирают на него»⁵. В Серапеуме в птоломеевскую эпоху жрецы избивают некоего грека, «потому что он грек»⁶.

Но позднее египетское жречество относится в своей классовой ограниченности с ненавистью не только к чужеземцам, но и к эксплуатируемым низам своего народа. Так, крупный сановник храма Тота в Ермополе последних лет персидского владычества и начала македонского завоевания хвалится, что он восстановил ограду священного сада, чтобы он не был осквернен «толпой»⁷. Неоднократно уже упоминаемый Удагорресент похваляется, что он, выполняя приказ царя Дария о восстановлении знаменитой медицинской школы Саиса, привлек в нее «книжников из детей знати, и не было среди них детей простолюдинов»⁸.

Египетское жречество враждовало между собой. Египетские храмы вели между собой ожесточенную борьбу за обладание теми или другими хозяйственными ценностями, как, например, жречество Патириса и жречество Гермонтиса, которые спорили между собой из-за какого-то острова⁹.

Египетские жрецы стремились оградить свой храм не только от непосредственной близости с чужеземными культами, но и от близости с дру-

¹ Удагорресент рассказывает в последующих строках своей автобиографии (см. M a g u s s h i, у. с., стр. 93, строки 29—30), что он заботился о жрецах богини Нейт, когда «наступил ужас [в области] этой во время величайшего ужаса во всей стране». Несколькими строками дальше (строки 34—35) он уверяет: «я спас людей его (т. е. Саиса) во время величайшего ужаса, [который] был во всей стране и подобного которому не было во всей стране».

² Изд. Cowley, № 30, строки 13—14.

³ Эрмитажный пап. № 1116 A recto, строка 91 сл.

⁴ Ср. В. Струве, ЗКВ, III, стр. 165.

⁵ Ср. В. Евгенова, ИАН, 1932, стр. 536.

⁶ Ср. W i l c k e n—Urkunden der Ptolemäerzeit, S. 189.

⁷ Цитирую по R. W e i l l, JAs, t. CCII, p. 121—122.

⁸ M a g u s s h i, у. с., стр. 9, строка 45.

⁹ Ср. W i l c k e n—Grundzüge und Chrestomatie der Papyruskunde, B. II, S. 19.

гимии египетскими культами. Дело в том, что праздники в различных культах Египта не совпадали, и шумное веселье данного праздника в одном храме могло вызвать сильное раздражение в соседнем святилище, где оплакивали смерть своего бога. Подобный случай имел место на острове Филы. Здесь находилось святилище Осириса, которое почиталось, как место его погребения. Поэтому здесь должна была царить тишина. Начертанный на стенах храма указ, влагаемый в уста богов, требовал: «Да не ударяют здесь в бубны, не играют на арфе и флейте. И да не охотятся здесь на птиц и не ловят рыб на расстоянии 40 локтей на юг, север, запад и восток. И да никто из находящихся здесь не говорит громко в святые дни, которые проводит Исиды, владычица Фил, здесь на троне, чтобы каждый десятый день совершить возлияния»¹.

Но здесь же на острове Филы имелся храм, посвященный богине Тефнут, прибытие которой из Нубии праздновалось бурными оргиями. В одном позднем демотическом папирусе, так называемом папирусе Dodgson, обвиняется некий нечестивый почитатель богини Тефнут в том, что он нарушил покой Осириса: «Ты знаешь, что ты сделал: ты пил вино в роще и саду, которые посвящены царю Осирису—Онуфрию. Ты сделал то, что мерзость для Исиды: ты пил вино ночью, когда богини облеклись в одежду скорби. Ты крикнул своей жене: «С Тефнут не может сравниться ни одна богиня», в то время, как плакальщицы несли [уже] свои украшения. Ты велел петь певцам, пока проводил быстро текущее время, и разбудил от сна душу Осириса»².

Подобное кощунство было возможно благодаря близости храма Тефнут к святилищу Осириса. Участники шумных и утомительных оргий в честь богини Тефнут искали отдыха в близкой храму Тефнут священной роще Осириса. Подобные же инциденты могли иметь место и на острове Элефантине. Шум и веселье какого-нибудь иудейского праздника могли вернуться диссонансом в плач и стенания дней скорби соседнего египетского храма. Могло случиться и обратное: плач и стенания в иудейском храме нарушали оргиастическое веселье в храме Хнума.

Но наиболее опасные столкновения между адептами различных культов в древнем Египте были обусловлены почитанием священных животных. Почитание соседними номами различных животных создавало многочисленные возможности оскорбления религиозного чувства соседей путем кощунства по отношению к животному, ими почитаемому. Вспомним эпизод, имевший место во время Плутарха: «В наши дни произошел случай, что оксиринхиты³ ввиду того, что кинополиты⁴ кушали рыбу оксиринх, поймали нескольких собак, зарезали и съели, как жертвоприношение. Вследствие этого началась война, в которой они нанесли друг другу много вреда, пока они не были наказаны и разъединены римлянами»⁵.

Таковой же была, наверное, причина войны между жителями городов Омбоса⁶ и Дендеры, о которой сообщает Ювенал⁷. Может быть, отчасти тем же обстоятельством была обусловлена война между Гермонтисом и Кро-

¹ Б. А. Тураев—История древнего Востока (изд. 1935 г.), т. II, стр. 226.

² Цитирую папирус Dodgson по переводу Junker—Das Götterdekret über das Abaton, в «Denkschriften» Венской Академии наук, 1913.

³ Жители этого нома поклонялись рыбе оксиринх.

⁴ Кинополиты—почитатели собак.

⁵ Плутарх—Об Исиде и Осирисе (изд. P. Parthey), гл. 72.

⁶ Город Омбос—место почитания бога Сета, расположен в соседстве с Коптосом.

⁷ XV сатира Ювенала.

кодилополисом, которая засвидетельствована нам греческим папирусом конца II в. до н. э.¹

Вполне понятно, что на этой почве могли иметь место столкновения и на Элефантинском острове между жрецами бога Хнума, почитающими барана, и между иудеями, приносившими в жертву данное животное. Вообще много могло быть поводов к ссорам, склокам, вражде между представителями двух чуждых культов, слишком тесно соприкасавшихся на небольшой территории египетской крепости. Но все эти столкновения должны были иметь место и в том случае, если бы в элефантинской крепости находился наряду с храмом Хнума не иудейский храм, а любой другой азиатский, нубийский и даже египетский, но почитающий иное, нежели Хнума, божество. Фанатизм жрецов Позднего Египта заставлял их с ненавистью, с презрением относиться ко всему им постороннему, к любому чужеземцу, к своему собственному народу и даже к тем жрецам, семьи которых сравнительно поздно вошли в состав жреческого коллектива своего храма. О полусторастолетнем споре, возникшем на этой почве и ведущемся со свирепой жестокостью, свидетельствует нам большой демотический папирус из Эль-Гибе². Огромный папирус в 4½ м содержит докладную записку, поданную в 9-й год царя Дария I сатрапу Египта неким Педиисе, жрецом местного храма Амона Таиудзайского. В ней дано обстоятельное описание тех насилий и притеснений, которым подвергался он, Педиисе, и весь его род, начиная с предка его, получившего наследственное жречество в названном храме в четвертом году царя Псамметиха I. Врагами Педиисе и его предков было старое жречество храма Амона Таиудзайского, которое не могло помириться с фактом включения в его веками замкнутый коллектив человека со стороны и вело поэтому беспощадную борьбу с ним и с его потомками в течение полустораста лет³.

На основании всего приведенного материала, столь ярко характеризующего фанатизм и классовую ограниченность позднеегипетского жречества, мы можем со всей определенностью утверждать, что вражда жрецов Хнума к иудеям Элефантины и к их храму не является проявлением особого египетского антииудаизма. Фанатическая нетерпимость египетского жречества была направлена не против иудеев специально, но против чужеземцев вообще. Жертвами жреческого фанатизма Позднего Египта становились и представители других египетских культов и представители других слоев египетского народа и даже представители менее древних жреческих семейств.

Все эти факты блестяще подтверждают тонкое наблюдение Ф. Энгельса, что «из-за этого (религиозного)⁴ разделения людей друг от друга древний Восток главным образом и погиб⁵». Все эти религиозные распри приносили несомненные бедствия обществам древнего Востока. На острове Элефантине враждебные отношения египетских жрецов Хнума к чужеземцам иудеям усугублялись, как мы выше видели, еще и интригами иерусалимской теократии против элефантинских своих соплеменников.

Несмотря на несомненное наличие вражды жречества Хнума к соседнему чужеземному храму, нельзя видеть в этой вражде и единственную

¹ Wilcken, u. c., 1, 2, стр. 18, папирус № 19.

² Издан у Griffith—Catalogue of the demotic papyri in the John Rylands Library, Manchester, 1909, t. II и III.

³ См. Б. А. Тураев—Египетская литература, т. I, стр. 230—231.

⁴ Эта вставка введена мной из предшествующего контекста.

⁵ Ф. Энгельс—Бруно Бауэр и раннее христианство, Соч., т. XV, стр. 600.

и основную причину разрушения иудейского храма. Ведь подобная вражда, конечно, существовала и раньше, но не приводила к таким эксцессам. Дело разрушения иудейского храма в Элефантине является значительно более сложным. Для окончательного выяснения тех событий, которые в конечном итоге привели к разрушению храма, надо иметь четкое понимание социально-экономической обстановки Египта и крайнего юга Египта, в частности, при персидском владычестве.

Правительство Ахеменидов опиралось в общем на крупную рабовладельческую знать Египта и прочих завоеванных областей¹ своей державы². Чрезвычайно много забот уделяли Дарий I и его преемники благополучию жречества³. Но хищническая система откупа, применяемая персидским правительством при взимании податей⁴, вызывала острое недовольство и среди господствующих классов Египта. Персидское правительство, истощая страну, лишало и жречество Египта его доходов.

Недовольство жречества было особенно опасным здесь, на крайнем юге Египта, на далекой окраине Персидского государства. Восставшие здесь против Персии египтяне могли легко получить действительную помощь из Нубии. Поэтому и Дарий I, восстановивший разрушенные Камбизом храмы, с особенно большим вниманием следил за тем, чтобы во главе жрецов Элефантины стояло лицо, заслуживающее доверия персидского правительства. Об этом свидетельствует письмо сатрапа Египта конца царствования Дария I, Ферендата, жрецам Хнума, владыки Элефантины. Из письма, датированного 30-м годом Дария I, мы узнаем, что Ферендат соглашается утверждать в качестве верховного жреца лишь такое лицо, которое отвечает требованиям приказа Дария. Последний сводится к тому, чтобы за предложенным лицом не числился какой-нибудь проступок и чтобы он «не находился на службе другого»⁵. Под «службой другому» надо, я полагаю, понимать службу выдвигаемого жреца в одном из соседних нубийских храмов⁶. Культ Хнума и прочих богов Элефантины, несомненно, выходил за пределы египетской сатрапии и имел своих почитателей в соседних святилищах Нубии. Недаром в демотическом романе о царе Петубастисе номарх Элефантины имеет в своем распоряжении нубийское войско⁷.

¹ См. свидетельство Геродота, IX, 2, на которое в этой связи не было до сих пор еще обращено достаточного внимания.

² В самой Персии Дарий I опирался на народ, который вместе с тем был и войском. См. свидетельство Бегистунской надписи о том, что он вернул народу после ликвидации восстания магов его старое положение. В ближайшее время я посвящу этому вопросу специальное исследование.

³ О благожелательной политике Дария I к египетскому жречеству свидетельствуют тексты на обороте так называемой демотической хроники. См. Ed. Meyer, SPAW, 1915, S. 308.

⁴ О системе откупа, применяемой Ахеменидами, см. пока тезисы моего доклада, печатающиеся в «Трудах III Иранского конгресса» (1935).

⁵ См. W. Spiegelberg—Drei demotische Schreiben aus der Korrespondenz des Pherendates, des Satrapen Darius I, mit den Chnumpriestern von Elephantine (SPAW, стр. 4—5, строки 7—8).

⁶ Вряд ли под «службой другому» можно понимать, как полагал Шпигельберг (там же, стр. 5), связь с одним из враждебных Персии нубийских царьков. Представление подобного кандидата сатрапу Египта было бы слишком большой дерзостью со стороны жречества Хнума. Более прав был К. Зете, когда предложил интерпретировать «службу другому», как «службу в другом храме, вне Элефантины» (там же, стр. 5). Но необходимо уточнить предложение Зете в том смысле, что одиозным для сатрапа была служба «другому», т. е. нубийскому храму.

⁷ См. Spiegelberg—Der Sagenkreis des Königs Petubastis, Lpz, 1910, S. 45.

Из кандидатов на должность верховного жреца, которые были раньше предложены жречеством Хнума Ферендату¹, некоторые были настолько скомпрометированы своими сношениями с Нубией, что решили бежать, когда им предложили явиться ко двору сатрапа².

Очевидно, уже тогда, в 30-м году Дария I, начались при содействии соседних нубийских царьков волнения на юге Египта³. После поражения в 490 г. персидского войска при Марафоне смуты, конечно, еще более усилились. В демотическом папирусе от 36-го года Дария I засвидетельствовано нам уже открытое восстание в области Элефантины против персидского господства. Папирус содержит письмо египтянина Хнумэмахета, состоявшего на персидской службе, сатрапу Ферендату о каком-то большом зерновом транспорте. Хнумэмахет предостерегает оставить зерно вне стен города без большой военной охраны: «Развѣ тогда не придут мятежники, которые находятся в пустыне⁴, ночью к нему и похитят его? Мы обыкновенно видим мятежников, как они пребывают в пустыне на юге против нас... И случается, что они располагаются против нас [даже] днем. Правда, большое пространство лежит между нами и ими. Если зерно положат без воинов, чтобы охранять зерно, то мятежники, конечно, придут к нему и возьмут его»⁵.

Такая смелость мятежников, открыто показывающихся перед лицом персидской крепости, была, очевидно, обусловлена широкими размерами восстания, вызванного поражением персов при Марафоне. Юг Наверное и тогда был инициатором борьбы против персидского ига. Ведь юг, благодаря своей связи с Нубией, был всегда застрельщиком в борьбе за освобождение от чужеземного завоевания. Вспомним упорство Фиваиды в борьбе с гиксосами и с господством Птолемеев.

Очевидно, и те события 410 г., которые привели, между прочим, к разрушению иудейского храма на острове Элефантин, имели глубокое политическое значение и были связаны с борьбой египтян за освобождение от персидского господства. Мы должны ведь вспомнить, что уже через 6 лет после этих событий 410 г., а именно—в 405 г., Египет отложился от Персии и стал снова на целые 65 лет самостоятельным государством. Очевидно, события 410 г. были преддверием к грозным для персидского владычества в Египте событиям 405 г.

В неоднократно уже цитированном нами письме представителей иудейской элефантинской общины к Багою мы имеем, как я полагаю, прямое указание на большую политическую значимость событий 410 г., отнюдь не обусловленную разрушением сравнительно небольшого иудейского храма. Дело в том, что представители общины сообщают Багою о казни

¹ Данное письмо Ферендата было одним из звеньев интенсивной переписки между сатрапом и жречеством Хнума. Оно было ответом на жалобу жречества о том, что он не утвердил ни одного из предложенных кандидатов. См. Spiegelberg—Drei demotische Schreiben..., S. 9.

² Spiegelberg—Drei demotische Schreiben..., стр. 7.

³ Несомненно, этими смутами объясняется задержка на целых 4 месяца сообщения сатрапу об имевшем место в храме выборе кандидата в верховные жрецы. Об этом нам сообщает второй из изданных Шпигельбергом трех демотических папирусов. Уже Шпигельберг делает из задержки жрецами соответствующего сообщения сатрапу правильный вывод, что после выбора выявились еще различные трудности внутри самого жречества (там же, стр. 13).

⁴ Так я перевожу слово *pdw*, а не *Нубия*, как это предлагает К. Зете (там же, стр. 16). Мятежники укрывались в соседних участках пустыни. Пустыня здесь, в области Асуана и Элефантины, чрезвычайно близко подступает к берегам Нила.

⁵ Там же, стр. 14—15, строки 7—12.

персидского наместника (фратарака) области Элефантины Видарнака, повелевшего разрушить иудейский храм, и тех лиц, которые его разрушили: «С того времени, как это было сделано (т. е. разрушение храма), мы вместе с нашими женами и нашими детьми носим вретича, постимся и молимся Ягу, владыке небес, который дал увидеть нам [нашу радость] по поводу того Видарнака. Собаки сорвали кольца с его ног, и все сокровища, которые он приобрел, погибли, и все люди, которые замыслили злое против этого храма, были убиты, и мы видели [нашу радость] по поводу них»¹.

Если бы казнь крупного персидского сановника Видарнака и прочих лиц, злоумышлявших против храма, была действительно мотивирована их виной в деле разрушения иудейского храма, то представители общины не преминули бы воспользоваться этим решающим аргументом и указали бы на него со всей определенностью. Поскольку в их письме казнь Видарнака и его клевретов не ставится прямо в связь с разрушением храма, — мы имеем право категорически утверждать, что причина казни была иная, тесно связанная с самыми существенными интересами персидского владычества в Египте. Сколь же малое значение в глазах персидского правительства могло иметь разрушение иудейского храма на Элефантине, доказывает заключение письма представителей общины Багою: «Также относительно того, что нам было причинено, Аршам ничего не знал»². Этими словами представители элефантинских иудеев, желая добиться у Багоя помощи, указывают последнему на то, что он не должен в вопросе о восстановлении храма бояться Аршама, так как тот ни в какой степени не был причастен к разрушению храма в 410 г.³ Тем самым элефантинские иудеи допускали возможность причастности к делу разрушения иудейского храма крупнейшего представителя персидской власти в Египте. Если бы разрушение храма было тяжелым преступлением в глазах персидского правительства, то подобная инсинуация по отношению к персидскому сановнику в официальном документе была бы недопустимой.

Следовательно, из факта казни фратарака Видарнака и прочих лиц, причастных к разрушению иудейского храма, с одной стороны, и из возможности допущения в официальном документе причастности к разрушению храма самого сатрапа—с другой стороны, вытекает с необходимостью вывод, что персидское правительство видело в событиях 410 г. нечто значительно более грозное, чем разрушение небольшого иудейского храма в элефантинской крепости.

¹ Изд. Cowley, № 30, строки 15—17.

² Судя по контексту данную глагольную форму (изд. Cowley, № 30, строка 30) надо интерпретировать, как перфектум.

³ Так правильно интерпретировал Эд. Мейер, у. с., стр. 85, прим. 1, заключение письма к Багою. Глубоко неправ Cowley, когда он, у. с., стр. 118, объясняет заключительные слова письма нежеланием представителей иудейской общины опорочить Аршам перед его начальником. Каким начальником сатрапа столь крупной провинции, как Египет, мог быть Багой, сатрап Иудеи? Египет, как известно, являлся одним из пяти военных округов, на которые была разделена Персидская держава.

⁴ См. его «Notice sur un papyrus égypto-araméen de la Bibliothèque imp. de Strasbourg» (Extrait des Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des Inscriptions et Belles lettres, I-re série, t. XI, II-e partie). Из русских изданий этого папируса см. П. К. Кок в ц о в—Арамейский папирус имп. Страсбургской библиотеки, ЗВОРАО, т. XVI, 1905, и Л. М с е р и а н ц—Страсбургский египетско-арамейский папирус и его значение для иранской филологии («Труды Вост. ком. Моск. археол. общ.», т. III, 1906).

Подлинное лицо этих событий 410 г. раскрывает перед нами эфрантинский арамейский папирус, изданный впервые Эйтингом⁴. К сожалению, он до сих пор не привлекался в достаточной степени и потому не помог вскрыть подлинную причину разрушения иудейского храма в эфрантинской крепости.

Правда, сохранность папируса очень неважная. Начало документа на лицевой стороне разрушено, и на оборотной стороне папируса текст сильно пострадал. Но и в таком виде документ давал возможность сделать из него соответствующие выводы. Теперь мы располагаем в труде Cowley прекрасным изданием всего папируса и в особенности замечательным восстановлением текста на оборотной стороне папируса¹. Вследствие разрушения начала папируса² исследователи не решались с полной точностью определить контрагентов документа, зафиксированного на нем. Поэтому мы можем пока лишь с уверенностью утверждать, что папирус содержит в себе обращение каких-то представителей иудейской общины Эфрантины в связи с событиями 410 г. к какому-то персидскому сановнику, который называется составителями документа «наш господин». Более точное определение этого лица, а также более четкое понимание всего документа мы получим на основании полного перевода его.

Столбец I. (1) «...нам нанесли обиду[?]. Когда[?] отряды египтян возмутились, мы не оставили наши места охраны(2) и никакого преступления не было за нами замечено. В 14-м году Дария царя, когда наш господин Аршам(3) пошел к царю, вот злое дело³, которое жрецы бога Хнума [учини]ли в крепости Эфрантине(4) (а именно) заговор⁴ вместе с Видарнаком, который здесь был фратараком (наместником). Серебро и драгоценности они ему дали. Там имеется часть(5) складов царя. Они их разрушили. Одну стену построили [мы в] середине крепости Эфрантины»⁵.

Столбец II.(1) «и теперь эта стена [еще стоит] построенной в середине крепости. Имеется там один колодец, который сооружен(2) внутри крепости и вода никогда не отсутствовала для питья войску, так что, будучи осажденными⁶, они могли(3) пить воду из этого колодца. Эти жрецы Хнума колодец этот засыпали. Если расследование⁷ (будет) (4) произведено судьями, тифтаями⁸ (и) гаушаками⁹, поставленными в области Та-шет-рес¹⁰ (то) (5) господин наш узнает [что оно было так], как мы сказали и мы также невинны».

¹ № 27, изд. Cowley.

² Возможно, что погиб даже целый столбец текста. См. С о w l e y, у. с., стр. 98. Я лично полагаю, что это так и что оставшиеся два столбца лицевой стороны сохранились почти полностью.

³ Передается персидским словом. См. П. К. К о к о в ц о в, у. с., стр. 5 и 7; Л. М с е р и а н ц, у. с., стр. 17.

⁴ Персидское слово. См. Эд. М е й е р, у. с., стр. 78, и у. с., стр. 101.

⁵ Очевидно, иудейские наемники пытались, ввиду разрушения складов, этой стеной оградить запасы гарнизона.

⁶ Персидское слово. В его понимании я следую П. К о к о в ц о в у, у. с., стр. 5, и Эд. М е й е р у, у. с., стр. 78. Ср. также И. М. В о л к о в, у. с., стр. 15. Иное толкование этому слову дают М с е р и а н ц, у. с., стр. 23 сл., и С о w l e y, у. с., стр. 101, который здесь перечисляет и интерпретирует других ученых.

⁷ Персидское слово. См. П. К. К о к о в ц о в, у. с., стр. 5 и 7; Л. М с е р и а н ц, у. с., стр. 25—26; Эд. М е й е р, у. с., стр. 79.

⁸ Персидское название для какой-то категории чиновников.

⁹ Персидское название для чиновников, выполняющих полицейские функции.

¹⁰ Египетское название для крайнего юга Египта.

Оборотная сторона. (1) «[в этом разрушении] закромов, которые на Элефантине в к[репости были](2) [...] мы также чисты [и никакого](3) [иного преступления подобного рода] не было замечено за [нами, но не дозволяют] (4)[нам жрецы] принести хлебные [жертвы, воскурения](5) [и жертвы всесожжения], чтобы жертвовать их там Ягу б[огу небес](6)...(7)...(8)¹... (9) [Теперь же], если это будет угодно нашему господину [то пусть] тщательно прест[упление будет расследовано](10) [которое по отношению к нам было сверше]но, к нам из войска [иудейского](11). [Если го]сподину нашему будет угодно, то пусть будет послан [приказ относительно того] (12) [что сообщаем] мы. Если господину нашему будет угодно, пусть будет послано (13) [чтобы они не вредили ничему из того, что при[надлежит нам] (14) [и чтобы святилище] наше, которое они разрушили [они построили]».

Сопоставляя настоящий документ с письмом представителей иудейской общины Элефантины к Багою, написанным в 408 г., мы должны со всей определенностью сказать, что разбираемый документ относится к более раннему году, нежели 408 г. Дело в том, что, согласно его свидетельству, Видарнак еще не казнен, ибо он не называется в нем *проклятый*, как в письме от 408 г.² Также данный документ свидетельствует о том, что еще доля участия самих иудейских наемников в событиях 410 г. официально не выяснена. Документ подчеркивает, что иудейские наемники не совершили никакого преступления по отношению к Персидскому государству, но указывает вместе с тем и на то, что тщательного официального расследования еще не было. В письме 408 г. результаты официального расследования были уже известны и потому в нем и не подчеркивается больше невинность иудейских наемников в преступлении против Персидского государства.

Мы можем, следовательно, с полной уверенностью определить дату написания папируса Эйтинг временем, непосредственно следующим за разрушением храма. Документ был написан еще под свежим впечатлением катастрофы и потому в нем не был указан месяц, когда она произошла: «В 14-м году Дария царя, когда наш господин Аршам пошел к царю, вот злое дело и т. д.» В письме же к Багою, написанному через 3 года после разрушения храма, представители общины указывают и на месяц, когда свершилось событие: «В месяц Таммуз, 14-й год Дария царя, когда Аршам отбыл и отправился к царю, жрецы и т. д.»³. Для определения исторической значимости изучаемого нами папируса Эйтинг является весьма существенным решение вопроса о том: кому же адресовали его составители его—представители иудейской общины Элефантины? Я полагаю, что мы имеем полную возможность определить то лицо, к которому документ был адресован. Дело в том, что письмо к Багою представителей иудейской общины от 408 г. нам перечисляет тех лиц, к которым иудейская община обращалась тотчас же после разрушения своего храма. Мы читаем здесь: «Еще раньше, в то время, когда это зло было причинено нам, мы писали господину нашему (т. е. Багою), также Иегоханану и сотоварищам его в Иерусалиме, и Остану, брату Анании, и знатным иудеям. Но они не прислали нам письма»⁴. Документ, который сохранился в лице папируса Эйтинг, был написан «в то время, когда это зло было причинено». Он был составлен, судя по контексту, представителями иудейской общины.

¹ Смысл восстановления Cowley этих строк остается непонятным.

² См. изд. Cowley, № 30, строка 7.

³ Там же, строки 4—5.

⁴ Там же, строки 17—19.

Лицо, к которому он был адресован, является лицом не коллективным, а индивидуальным: «наш господин». Поэтому необходимо исключить из числа возможных адресатов—«Иегоханана и сотоварищей его» и «Остана, брата Анании, и знатных иудеев». Таким образом, остается в качестве единственно возможного адресата один Багою. Подобный вывод вполне закономерен, и мы можем с большой уверенностью утверждать, что папирус Эйтинг является письмом или копией письма, отправленного эфептантинской общиной в 410 г. Багою, сатрапу Иудеи.

Путем сопоставления этих обоих писем эфептантинской общины к Багою—от 410 г. и 408 г.—мы можем установить основную и подлинную причину разрушения в 410 г. иудейского храма. Действительно, в первом письме говорится прямо о возмущении египетских боевых отрядов и о лояльности иудейских наемников: «Когда отряды египтян возмутились, мы не оставили наши места охраны, и никакого преступления не было за нами замечено», читаем мы в начале текста. Очевидно, это возмущение отрядов египтян соответствует допущению египетских воинов в крепость для разрушения храма, описанному во втором письме Багою: «Видарнак тот, проклятый, письмо послал Нефаяну, своему сыну, который был военачальником в крепости Сизне, следующего содержания: «Этот храм на Элефантине, в крепости, надо разрушить». Затем Нефаян привел египтян вместе с другим воинством. Они пришли в крепость Элефантину вместе со своим оружием. Они вошли в этот храм и разрушили его до основания»¹.

Но лишь из первого письма Багою мы узнаем, почему мероприятия Видарнака по ликвидации иудейского храма в крепости Элефантины называются зловещим словом «заговор», причем подразумевается, конечно, заговор против Персидского государства, и почему разрушение египетскими воинами иудейского храма определяется, как «возмущение». Из приведенного выше первого письма мы видим, что египетские воины, допущенные Видарнаком в крепость, отнюдь не ограничились разрушением иудейского храма, как об этом свидетельствует, казалось бы, второе письмо Багою. Египетские воины совершили величайшее государственное преступление. Путем разрушения военных складов и закромов и уничтожения колодца они в сильнейшей степени ослабили силу сопротивляемости крепости. Иудейский гарнизон мог лишь отчасти ликвидировать данное преступление: «Одну стену построили [мы в] середине крепости Элефантины»².

Несомненно, это ослабление силы сопротивляемости самой крепости, а не разрушение иудейского храма, было основной, хотя и сокровенной целью жрецов Хнума, когда они вступили в заговор с Видарнаком и давали ему серебро и драгоценности³. Разобранный нами документ выявляет полностью все тонкое коварство жрецов Хнума, столь свойственное пред-

¹ Изд. Cowley, № 30, строки 6—9.

² Первое письмо Багою, строка 5.

³ Эд. Мейер несомненно прав, когда он (у. с., стр. 78) утверждает, что «наряду с ненавистью к иудеям действовали еще и другие намерения». Надо, конечно, формулировать иначе: «Наряду со стремлением ослабить силу сопротивляемости крепости действовали еще и другие намерения, как разрушение иудейского храма». Неправ Эд. Мейер и тогда, когда он (здесь же) заявляет, что «во всяком случае так представили это дело иудеи», т. е. то, что египтяне совершили подлинное государственное преступление. Действительно, если бы в первом письме была клевета, то она повторилась бы и во втором письме Багою. Но данные обвинения против египетских воинов уже не требовали повторения, поскольку они были доказаны официальным расследованием,

ставителям их класса. Понять его не смог Видарнак, воин далекого Ирана, и заплатил за это головой. На основании папируса Эйтинг можно восстановить план действий жрецов Хнума, имевший результатом события 410 г.

Жрецы Хнума начали с того, что под предлогом осквернения святости их храма близостью чужеземного святилища стали настойчиво требовать у Видарнака, наместника Южной области, удаления иудейского храма из пределов крепости Элефантины. Видарнак им указывал на то, что гарнизон крепости состоит преимущественно из иудейских наемников, людей склонных к насилию¹, которые никогда не позволят небольшому количеству неиудейских наемников гарнизона разрушить свой храм. Тогда жрецы Хнума предложили Видарнаку, подкрепляя свои предложения взяткой, ввести в крепость отряды египетских воинов, которые могли бы, осилив иудейских наемников гарнизона, разрушить иноземный храм. В обычных условиях, наверное, египетские воины не имели права доступа в персидские крепости Египта. Во всяком случае они не имели права входить туда с оружием. Поэтому и во втором письме Багою представители иудейской общины подчеркивают, что «они (т. е. египтяне) пришли в крепость Элефантины вместе со своим оружием»².

Таким образом, уже факт допущения вооруженных египтян в элефантинскую крепость являлся преступлением со стороны Видарнака. Но он, ослепленный полученной взяткой и сбитый с толку хитрыми жрецами, не останавливается перед данным мероприятием, которое привело, и не могло не привести, к страшным последствиям для персидского господства на крайнем юге Египта. Отряды египтян, проведенные жрецами Хнума при попустительстве Видарнака в крепость, разрушили вместе с иудейским храмом и склады, закромы и колодец крепости. За это разрушение средств обороны пограничной крепости, а не за разрушение иудейского храма, и были казнены Видарнак и все исполнители его повелений.

Мы установили подлинные причины разрушения иудейского храма элефантинской крепости в 410 г. и тем самым, строго говоря, решили по существу поставленную перед нами задачу. Нам остается еще изучить те процессы, которые протекали внутри самой иудейской общины Элефантины. Действительно, мы можем установить, что социально-политическая борьба египетских жрецов и части египетского народа против персидского ига, религиозный фанатизм иерусалимского жречества и жречества бога Хнума, направленный против иудейской общины Элефантины, осложнились внутренней борьбой в самой общине. Она была вызвана, несомненно, ростовщичеством более зажиточных ее слоев. Среди документов, дошедших до нас от иудейской общины Элефантины, мы имеем ряд сделок ростовщического характера³.

Внутренние противоречия все более и более обострялись и привели, в конце концов, к открытой вражде между богатыми и бедными, подобно той, которая имела место и в Иерусалиме при Неемии, где бедные должны

¹ Ср. частнопроводимый документ, изд. Cowley, № 7, в котором разбирается обвинение о насилии иудейского наемника по отношению к иранцу. Я полагаю, что иначе нельзя толковать данный документ. Ср. И. М. В о л к о в, у. с., стр. 21—22. Ср. иную интерпретацию, предложенную С о w l e y, у. с., стр. 19 сл.

² Изд. Cowley, № 30, строка 8.

³ Изд. Cowley, № 2, 10, 34, 47 и др. Если суммы представленных займов и невелики, то это не лишает сделок их ростовщического характера.

были закладывать свои поля, виноградники и дома¹. На Элефантине эта вражда вылилась в вооруженную борьбу, в подлинную гражданскую войну. О последней свидетельствует нам один замечательный текст, который, к сожалению, до последнего времени не нашел своей правильной интерпретации². Даже Cowley, мастерски восстановивший данный сильно разрушенный документ, определяет события, отраженные в нем, как продолжение «погрома» 410 г. Датируя папирус 408—407 гг., Cowley видит в нем свидетельство расправы жрецов Хнума с представителями общины³. Я думаю, что полный перевод текста расскажет нам о чем-то совсем ином, чем о еврейском «погроме».

«(1)...(2)...Хнума⁴. Вот это имена женщин, которые были [застигнуты]⁵ (3) [у ворот в Фивах и заключены пленными: Рами, жена Ходава, Асиршут, жена Осии, Пелуль, жена Ислах'а, Рена ... (4), Себиа, дочь Мешуллама, Иескола, ее сестра. Вот имена мужчин, которые были застигнуты (букв. найдены) у ворот в Фивах и были захвачены [пленными]: (5) Иедония, сын Гемарии, Осия, сын Ятома, Осия, сын Натума, Хаггай, его брат, Ахио, сын Мах[сеи. Они указали] (6) дома, в которые они вошли на Элефантине, и имущество, которое они взяли, они вернули его хозяевам. Но они указали еще нашему господину [сумму] (7) в 120 керашин. Больше власти у них не будет здесь. Мир твоему дому и твоим детям, пока боги не дадут посмотреть нам на них».

Полный перевод папируса нам, действительно, со всей определенностью показывает, что его никак нельзя интерпретировать, как описание типичного «погрома». Ведь составитель письма, находившийся, вероятно, в Фивах, сообщает адресату о судьбе ряда иудеев, которые сами учинили «погром» своих противников. Действительно, перечисленные им мужчины, являвшиеся в большинстве своем представителями иудейской общины⁶, были захвачены около Фив ввиду того, что они разгромили сами на Элефантине дома, очевидно, своих врагов из более бедных слоев общины, изрядно при этом пограбив⁷. Затем боевое счастье повернулось, и они должны были бежать в Фивы, где и были захвачены. Очень возможно, что победа более бедной части общины над своей верхушкой была достигнута с помощью персидских властей, на которые оказало давление иерусалимское жречество, озлобленное восстановлением храма, хотя и без права приношения жертв всеожжения. Оно демагогически поддержало в Элефантине беднейшую часть иудейской общины, в то время как в Иерусалиме оно, конечно, поддерживало зажиточную прослойку.

После подобных преступлений представители общины должны были

¹ Неемия, гл. V, 1 сл.

² Единственный, кто стал на путь правильной интерпретации, был Н. Т о r c z у - п е r, OLZ, 1912, столб. 401.

³ С o w l e y, у. с., стр. 126 сл. Согласно его нумерации разбираемый папирус имеет номер 34.

⁴ Вероятно, конец какого-нибудь теофорного имени с Хнумом. Подобные имена могли иметь и иудеи. См. изд. Cowley, № 23, строки 9 и 12.

⁵ Я восстанавливаю по «dkrw» в строке б. Cowley восстанавливает иначе: «Они оставили». Но восстановление не дает смысла, и сам Cowley сопровождает его вопросительным знаком.

⁶ См. выше документ с предложением взятки какому-то сановнику за разрешение вновь построить храм (изд. Cowley, № 33). Здесь перечислены представители общины по имени и отчеству. См. также предисловие Cowley к № 34 его издания.

⁷ Нравы иудейских наемников на Элефантине стояли не на должной высоте. Ср. прим. 1 на стр. 117 и вышеприведенное письмо, изд. Cowley, № 38, в котором один из людей, близких представителям общины, обвиняется в краже драгоценного камня.

быть, конечно, смещены, и составитель письма, очевидно, враг верхушки общины, радостно сообщает адресату: «Больше власти у них не будет здесь».

Разгром верхушки иудейской общины Элефантины имел, очевидно, место незадолго до 405 г., когда господствующие классы Египта сбросили с себя на 65 лет персидское иго. До нас дошел документ иудейского наемника Менахема, сына Шаллума, от 5-го года первого царя самостоятельного Египта Амиртея¹. Это доказывает, что жрецы Хнума, добившись власти, не устроили резни среди иудейских наемников.

Подобный факт, точно так же, как и все прочие факты, установленные мной в настоящем исследовании, доказывает, что о каком-нибудь антисемитизме, resp. антииудаизме, среди египетского населения Элефантины конца V в. и речи быть не может. Можно теперь считать доказанным, что еврейский «погром» на Элефантине был вымыслен буржуазной историографией, как и все прочие факты античного антисемитизма.

Если мое исследование имеет какое-нибудь значение, то, главным образом, потому, что хоть немного содействует опровержению человеконенавистнической теории антисемитизма.

¹ Изд. Cowley, № 407.

МОНЕТЫ ШАХОВ ДРЕВНЕГО ХОРЕЗМА И ДРЕВНЕХОРЕЗМИЙСКИЙ АЛФАВИТ

С. П. Толстов

I

В нашей обзорной статье в № 1 (2) «Вестника древней истории» за текущий год¹ мы дали небольшой экскурс, посвященный самой суммарной характеристике коллекции древнехорезмийских монет, собранной Хорезмийской экспедицией МОГАИМК (ныне Московское отделение ИИМК Академии наук СССР). Там же мы дали первый опыт определения и дешифровки знаков хорезмийского алфавита, обнаруженных на этих монетах. В предлагаемой вниманию читателя статье мы попытаемся подвести предварительные итоги обработки этой коллекции монет, полная публикация которой намечается в подготавливаемом ИИМК к печати «Хорезмийском сборнике».

Благодаря привлечению и обработке новых материалов из состава ранее поступивших в музейные собрания монет этого типа, остававшихся до сих пор неопределенными, мы имеем возможность во многом подвергнуть пересмотру и уточнению те заключения, к которым мы пришли в цитированной выше статье. Однако мы подчеркиваем еще раз предварительный характер настоящей публикации—осторожность, понятная для всякого, знакомого с работой над малоизвестными нумизматическими сериями.

Известно, насколько трудной задачей является чтение монетных легенд новооткрытого типа даже в тех случаях, когда известен алфавит и язык этих легенд. Поскольку здесь мы имеем дело с новым алфавитом—хотя и восходящим к арамейскому прототипу—и поскольку хорезмийский язык, да и то в записях XIV столетия, становится нам известным лишь сейчас, благодаря работам А. А. Фреймана, и публикация памятников этого языка еще не осуществлена, становится понятным, насколько сложна та задача, которая сейчас стоит перед нами.

Несомненно, лишь открытие более значительных по объему памятников древнехорезмийской письменности даст возможность сделать окончательные заключения по поводу чтения отдельных знаков хорезмийского алфавита, окончательно подтвердить, уточнить или опровергнуть предлагаемые ниже опыты интерпретации исследуемых памятников. Столь же несомненно, что лишь коллективная работа палеографов, лингвистов

¹ С. П. Толстов—Основные вопросы древней истории Средней Азии, ВДИ, № 1(2), 1938, стр. 190—191.

и историков даст возможность прийти в этом вопросе к окончательным выводам.

Однако нам думается, что хотя бы для того, чтобы наметить отправную точку для этой коллективной работы—предлагаемые опыты чтения древнехорезмийских легенд будут бесполезны¹.

II

В 1850 г. в I томе собрания сочинений Н.К.Е. Köhler'a была опубликована свинцовая (?) монета «неизвестного царя» из собрания одного коллекционера в Петербурге:

На лицевой стороне эта монета имела «бюст царя с большой бородой и длинной шевелюрой, повернутый вправо; тиара, увенчанная головой орла». На реверсе—надпись, которую Келер передал как: ΣΓΕΥΕΒΑΖΥΛΩΙΩΓΙ и «фигура царя на коне, идущем слева направо»².

Эта публикация долго оставалась одинокой. Лишь через 20 лет, в 1870 г. в «Numismatics Chronicle» вышла статья Edw. Thomas'a «Индо-парфянские монеты»³, в которой было опубликовано и исследовано пять, хотя и отличных от опубликованной Келером, но, несомненно, принадлежащих к той же группе монет.

Как и в первом случае, эти монеты происходили из России, и репродукции их были присланы Томасу на определение нашим выдающимся ориенталистом и нумизматом В. Тизенгаузенем.

Четыре из этих монет были найдены «в маленькой бронзовой вазе в Пермской губернии»⁴.

Опубликованные Томасом монеты имеют по сравнению с монетами Келера другого характера надпись. Отличен и головной убор. Лицо царя безбородо. Но на реверсе мы найдем ту же фигуру всадника вправо, хотя и несколько иначе трактованную, и, что самое главное, в поле реверса, влево от всадника, расположена тамга , тождественная той, которая налицо на том же месте на монете Келера⁵.

Пятая монета в публикации Томаса оказалась отличной по типу реверса.

В центре его, вместо всадника, был тамгообразный знак в виде трезубца или трехсвечника, поставленного на горизонтальную черту.

¹ Считаю своим долгом принести искреннюю благодарность товарищам, которые своими советами, указаниями и критикой оказали нам исключительную помощь в работе по анализу и дешифровке монет нашей серии—акад. И. А. Орбели, проф. А. А. Фрейману, С. Е. Малову, А. Н. Зографу, А. А. Быкову, Е. В. Веймарну, С. Л. Волину и всем товарищам, выступавшим на наших предварительных сообщениях и докладах на данную тему.

² Н. К. Е. Köhler's Gesammelte Schriften. Im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, herausgegeben von Ludolf Stephani. Bd. I, «Serapis», Theil I, St. Petersburg, 1850, S. 1, Tab. II, № 1. В транскрипции надписи, как мы увидим ниже, Келер попытался видеть искаженные греческие буквы не только в греческой части легенды, но и в хорезмийской, и плохо воспроизведенную тамгу царя принял за несколько знаков надписи.

³ E. Thomas—Indo-Parthian Coins, NC, 1870, New Series, vol. X, p. 139—163. См. также JRAS, vol. IV, New Series, 1870, p. 503—531, и E. Thomas—Records of the Gupta Dynasty, London, 1876, p. 39—43.

⁴ В настоящее время все пять монет находятся в Гос. Эрмитаже.

⁵ Мы уже отметили, что последний не заметил этой тамги, приняв ее за несколько знаков надписи.

Томас впервые определил арамейское происхождение знаков алфавита этих монет и сделал первую попытку их чтения. В надписи

10 9 8 7 6 5 4 3 2 1

он в первых четырех знаках видел MRK', считая 1-й и 4-й знаки различными и видя здесь известную арамейскую идеограмму MLK' «царь», заменявшую в древнеиранских текстах местный царский титул. В заключительных знаках надписи он видел знаки алфавита, отличного от шрифта первых четырех букв, и пытался, сближая их с пехлеви, читать их, как Shahah или Shemach¹.

На оборотной стороне одной из монет над крупом коня была обнаружена отличная по характеру надпись, которая по словам Томаса, в Петербурге, повидимому, Тизенгаузенем, была прочитана, как арабский термин فضل — «excellence, wisdom». Это чтение Томас ставит под сомнение, считая более вероятным видеть здесь курсивную надпись на том же, напоминающем пехлеви, алфавите, который представлен в надписи против лица царя на лицевой стороне той же монеты².

Формальный анализ этих монет, произведенный Томасом, привел к выводу, что эти монеты, характер изображений на которых ближе всего напоминает индийскую иконографию, чеканились индо-парфянскими царями.

Тринадцать лет спустя, в 1883 г., Томас вновь вернулся к этой группе монет³. В своей новой статье «О парфянских и индо-сасанидских монетах» он опубликовал репродукцию серебряной монеты из собрания Эрмитажа, полученную им, как и в первом случае, от Тизенгаузена.

По характеру изображений эта монета оказалась тождественной с монетой, опубликованной Келером. Тизенгаузен в письме, опубликованном Томасом, обратил внимание на сходство этой монеты с «индо-парфянскими» монетами Томаса и, вместе с тем, отметил характерную аналогию между этими монетами и вызвавшей большую дискуссию группой среднеазиатских эллинистических монет,—так наз. «монет Герая», как установлено, чеканенных в I в. до н. э. одним из кушанских правителей Северной Бактрии⁴.

Это—характерный ободок из продолговатых ромбовидных бус, отделенных друг от друга парными поперечными черточками.

Томас отметил, с одной стороны, сходство «орлиной короны» с головным убором, введенным Шапуром I (124—272)⁵. Остальные признаки—«хаотические следы» греческих букв, характер реверса и др. привели Томаса к выводу о близости этой монеты к монетам «бактрийской группы Азеса».

Надпись на реверсе Томас интерпретирует иначе, чем Келер: он видит здесь незамеченную Келером тамгу, греческие буквы видит лишь в верхней части надписи, читая их «AZVΛOC—Azilisas?» (имя одного из индо-

¹ «Records of the Gupta Dynasty», p. 39.

² NC, 1870, p. 143.

³ E d w. T h o m a s—Parthian and Indo-sassanian Coins. JRAS, 1883, стр. 73, рис. № 3.

⁴ А. Н. Зограф—Монеты Герая. Ташкент, 1937.

⁵ NC, vol. XV, Old Series, p. 180, табл. 3; vol. XII, New Series, табл. III, рис. 3. Ср. И. И. Толстой и Кондаков—Русские древности, III, 1890, стр. 12, рис. 5.

сакских царей I в. до н. э.). В надписи под ногами коня он видит арамейские знаки и пытается читать MLK'—«царь».

Через 9 лет этой группой монет занялся наш известный нумизмат А. К. Марков¹. Им были опубликованы три монеты этой группы—две из собрания Гос. Эрмитажа, поступившие из коллекции Гранта в Бомбее, и одна—из коллекции А. В. Комарова. Две из этих монет—серебряные драхмы, довольно близкие к опубликованным Томасом в 1870 г., но лучшей сохранности и с несколько отличной легендой. Третья—медная, с тем же типом реверса, но с изображением на лицевой стороне царя в зубчатой короне, правильно сопоставленной Марковым с короной сасанида Варахрана V (420—438).

Марков отвергает предложенное Томасом определение этих монет, как индо-парфянских, но, отмечая наличие признаков, связывающих эти монеты, с одной стороны, с индийской, с другой—с сасанидской нумизматикой, и подчеркивая сходство проходящей через большую часть монет тамги с тамгой кушанских царей, особенно Хувишки, пытается видеть в них монеты последних представителей кушанской династии (как он предпочитает говорить—«династии Турушка»).

Следующая попытка дать новое определение этим монетам принадлежит известному французскому ориенталисту-нумизмату Э. Друэну и изложена в его рецензии на цитированную выше работу Маркова².

Он дает такую характеристику этих монет, как бы суммирующую все, что можно было извлечь из их формального анализа, не зная их происхождения:

«По типу реверса—царь на коне,—напоминающему монеты Азеса, Сотера Мегаса, Азилиса, по монограмме, сближающейся с монограммой Хувишки, по царскому бюсту, эти монеты представляют смешение всех эпох и стран. Неизвестно, причислять ли их к монетам аршакидов, индо-парфян, сасанидов Индии или правителей Туркестана. Легенда арамейским шрифтом, который, повидимому, является видоизменением халдео-пехлеви V в., может, когда она будет дешифрована, нам указать на национальность и эпоху этих странных монет. Во всяком случае, я не думаю, что они принадлежат к серии Турушка; я думаю, что они гораздо более поздние и что они были чеканены в Согдиане по типу монет Бахрама-Гура. Рисунок, который г. Марков дает на стр. 35 и который представляет медную монету из коллекции Комарова, имея тот же реверс и ту же легенду, показывает, что есть связь между нашими серебряными монетами и согдийскими монетами, обращавшимися позднее в Бухаре³. Они могли быть чеканены эфталитами до их изгнания из Согдианы тюрками около 555 г. н. э.»

В 90-х годах эти монеты стали предметом рассмотрения еще ряда исследователей. Rapson, опубликовавший в 1896 г. монету этого типа из собрания генерала Эббота⁴, приводит неопубликованные мнения о них

¹ А. К. Марков—Неизданные арсакидские монеты. СПб, 1892. (Отд. оттиск из ЗВОРАО, т. VI, № 32, 34, стр. 265—304. Ниже в ссылках даем пагинацию оттиска.)

² RN, 1893, p. 119—130. Об интересующих нас монетах—стр. 129—130.

³ См. об этих монетах P. L e r c h—Sur les monnaies des Boukhâr-Khoudads ou princes de Boukhara avant la conquête de Maverannah par les Arabes. Travaux de la III session du Congrès International des orientalistes, St. Petersburg, 1876, t. II, p. 419—429. E r o ж e—Монеты бухар-худатов, ТВОРАО, XVIII, стр. 1—161.

⁴ E. J. R a p s o n—On the attribution of certain silver Coins of sassanidan fabric. NC, 1896, p. 246 f.

Кэннингэма (к которому присоединяется сам) и Генри Говорса. Согласно последнему, эти монеты были чеканены тюркскими завоевателями эфталитских владений после 555 г. Кэннингэм и Рэлсон присоединяются к мнению Друэна об эфталитском происхождении этих монет, но отодвигают их дату к более позднему времени—вероятно к VII в. н. э. и предполагают, что они могли быть чеканены в западной части эфталитских владений, где-то у Каспийского моря, где эфталиты могли сохранить свою независимость и после завоевания тюрками приоксийских владений эфталитов.

Суммируя все данные и заключения о наших монетах, имевшиеся налицо к 1937 г., мы можем отметить:

1) Большая часть известных до экспедиции 1937 г. монет происходила из пределов СССР—в том числе ряд монет, и как раз те, происхождение которых известно с точностью хотя бы до губерний, из Прикамья.

2) Эти монеты по типу реверса связываются с индо-сакскими монетами группы Герая, Азеса, Азилиса и других варварских правителей Бактрианы и бассейна Верхнего Инда I в. до н. э. и первых десятилетий нашей эры.

3) Изображения на лицевой стороне одними признаками связываются с индийской, другими—с сасанидской иконографией.

4) Единство серии подчеркивается единством (за исключением одной монеты) тамги, сближающейся с тамгою кушанов (Хувишка).

5) Монеты одного из царей этой серии выделяются из нее характером изображений царя (длиннобородый, в головном уборе в виде орла) и легендой, где, наряду с знаками арамейского происхождения, налицо «хаотические следы греческих букв» (однако тип изображения на реверсе и тамга не оставляют сомнения в принадлежности монет к этой же серии).

6) На остальных монетах легенды сходны между собой и состоят из знаков арамейского происхождения.

7) На одной из монет, опубликованных Томасом, на лицевой стороне против лица царя имеется курсивная надпись, а на реверсе, над крупом коня, знаки, которые петербургский корреспондент Томаса, повидимому, Тизенгаузен, рассматривал, как арабское слово *فضل*. Однако это чтение было отвергнуто и Томасом и Марковым.

III

Мы уже отмечали в цитированной выше статье состав нашей коллекции и обстоятельства нахождения монет. Напомним, что они были собраны сотрудником Хорезмийской экспедиции МОГАИМК А. И. Тереножкиным на развалинах древних укреплений, расположенных между столицей Каракалпакии—г. Турткулем и юго-восточными отрогами гор Султан-Уиз-Даг, в Беркут-кала, Уй-кала, Тыш-кала, Улы-Гульдурсун, Наринджан-баба, Кош-парсан, частью на самих развалинах, частью на песчаных выдувах в их ближайших окрестностях. Коллекция состоит из 150 целых монет и фрагментов. Монеты, за исключением трех серебряных фрагментов, медные. Все монеты, за исключением двух кушанских и одной, напоминающей парфянские—принадлежат к только что описанной серии, обогащая ее целым рядом новых вариантов.

Мы думаем, что приведенного достаточно, чтобы решить вопрос о происхождении этих «странных», по выражению Друэна, монет. Это происхождение может быть только хорезмийским.

О том, что в домусульманском Хорезме чеканилась монета,—нам известно из показаний Нершахи¹, согласно которому хорезмийские диргеми в VIII в. даже вытеснили в Бухаре из обращения местную монету.

До сих пор под именем «хорезмийских монет» в литературе фигурировала одна из недатированных серий монет среднеазиатского происхождения с изображением жертвенника на реверсе. Это наименование введено было Друэном, попытавшимся расклассифицировать «туранские монеты» и отнесшим предположительно эту серию к Хорезму².

Это же определение повторил недавно Allotte de la Fuye³.

Ни одной монеты этой серии Хорезмийская экспедиция 1937 г. не обнаружила, что заставляет также окончательно, и на этот раз—отрицательно, решить вопрос о хорезмийском происхождении «хорезмийских монет» Друэна.

Характерно, что заключение о хорезмийском происхождении наших монет вовсе, как оказывается, не ново. Когда 22 марта 1938 г. мы получили возможность ознакомиться с монетами этой серии, хранящимися в Гос. Эрмитаже, мы с удивлением обнаружили, что они хранятся под этикеткой «монеты царей Хорасмии с тамгой ».

По словам хранителя восточных коллекций нумизматического отдела Эрмитажа, А. А. Быкова, этикетка написана рукой Маркова, что заставляет предполагать, что в конце своей жизни он изменил взгляд на эти монеты, вероятно, руководствуясь новыми данными,—скорее всего, значительным поступлением этих монет из Хорезма. Не знаем, считал ли Марков этот вывод неокончательным или просто не успел опубликовать своего заключения, но, во всяком случае, этот факт является лишним доводом в пользу правильности нашего определения.

К полутораста монетам нашей коллекции, путем привлечения монет Гос. Эрмитажа (40 штук, большею частью—серебряные) и Гос. Исторического музея (4 штуки, серебро), слепки с которых мы имеем в нашем распоряжении, благодаря исключительной любезности А. Н. Зографа, А. А. Быкова и Е. В. Веймарна, мы смогли прибавить значительный материал, в массе—лучшей сохранности, чем собранный экспедицией. В целом, мы располагаем сейчас серией около двухсот древнехорезмийских монет, являющейся уже достаточно солидной базой для исследования. Вся серия может быть нами подразделена прежде всего на две основных группы:

Группа АА_{1α}, тетрадрахмы (табл. I) с бородатым (в одном случае безбородым) изображением царя вправо; высокий рельеф изображения; на реверсе—вокруг традиционной фигуры всадника вправо—надпись, замкнутая слева тамгой . Верхняя часть надписи—греческая, нижняя—хорезмийская.

На медных монетах этой группы на реверсе—в центре та же тамга, окруженная иногда несколькими знаками хорезмийской надписи. Моне-

¹ «Description topographique et historique de Boukhara» par M. N e r c h a k h y. Texte persan publié par Ch. S c h e f e r, Paris, 1892, p. 34—36.

² E. D r o u i n—Les monnaies touraniennes, RN, 1891.

³ Allotte de la F u y e—Monnaies incertaines de la Sogdiane et des contrées voisines. RN, IV-e série, t. XXIX, 1926, p. 140 sq.

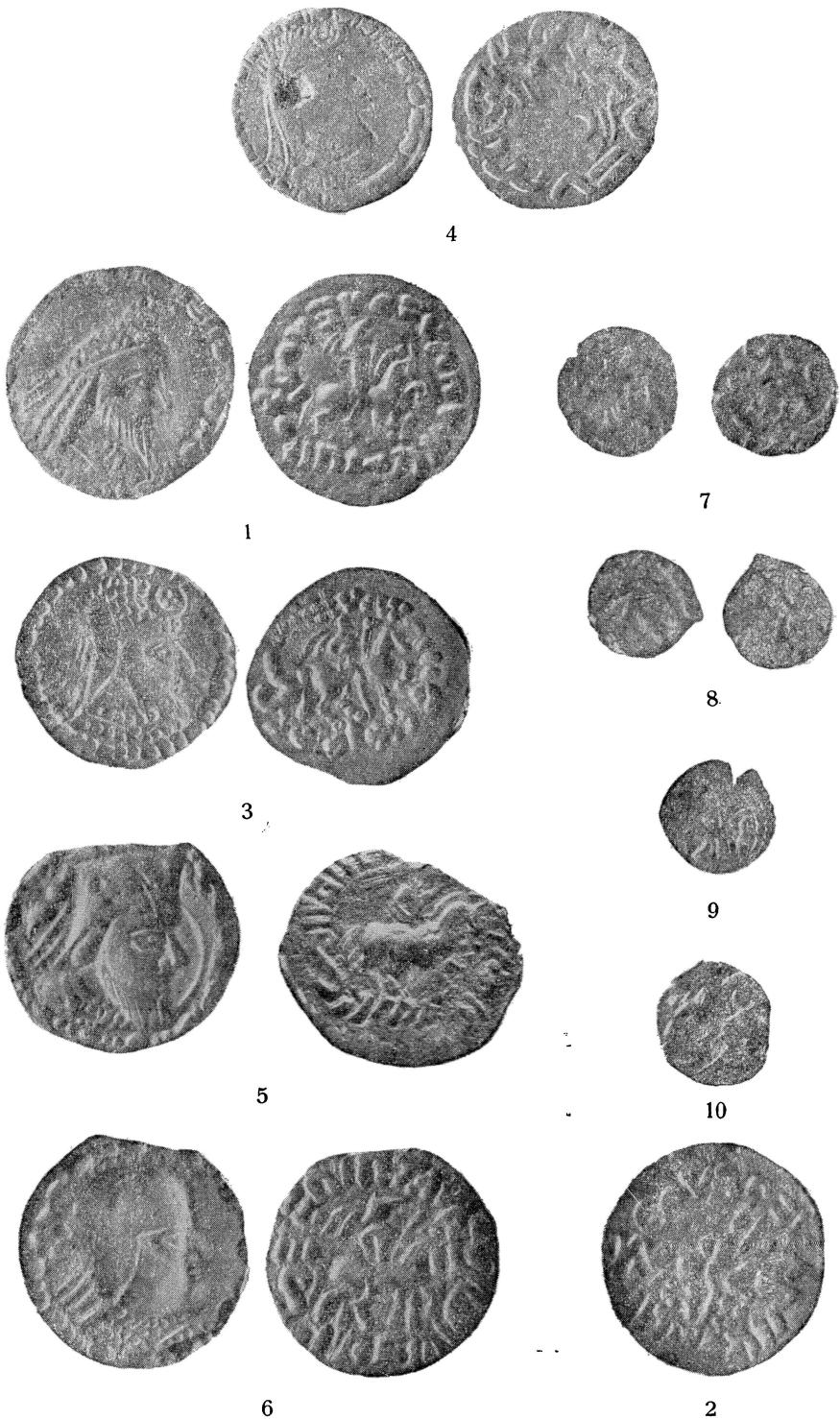

ТАБЛИЦА I. МОНЕТЫ ГРУППЫ А, А₁, α

Рис. 1, 2, 3, 4—А, серебро, Гос. Эрмитаж; рис. 7—группа А медь, Хорезм, экспедиция 1937 г., рис. 8—группа А медь, Хорезм, экспедиция 1937 г.; рис. 5—6, группа А₁, Гос. Эрмитаж; рис. 9—10—группа α медь, Хорезм, экспедиция 1937 г.

ты—небольших размеров, но массивные. Рельеф изображений, как и на серебряных монетах, высокий (табл. I, рис. 7 и 8).

По изображениям царей здесь может быть выделено пять правителей. По легендам—выделяются четыре имени. Две монеты (табл. I, рис. 5 и 6), одна из которых имеет бородатое, другая—безбородое изображение царя,—имеют одинаковую легенду. Они объединяются также и некоторым видоизменением тамги, приобретающей здесь вид S.

Греческая надпись сильно деформирована. На наиболее поздних монетах этой серии она приобретает характер простого орнамента.

В наиболее полном виде она выглядит несколько иначе, чем ее изображал Томас $\forall \Lambda \Xi \forall \Lambda \text{E} \Lambda$

Я склонен видеть здесь сильно деформированную имитацию греческого начертания ΒΑΣΙΛΕΩΣ(Σ).

По типу реверса, по весу, фактуре, рельефу изображений, по отмеченному выше ободку из продолговатых бус—монеты этой группы, несомненно, примыкают, как уже отмечалось Тизенгаузеном, Томасом и Друэном, к сакско-бактрийской группе—к монетам Герая, Азеса, Азилиса, Сотера Мегаса, Гондафара, в свою очередь генетически связанной с греко-бактрийскими монетами Эвкратиды с изображением Диоскуров на реверсе.

Ближе всего наши монеты примыкают к монетам Герая, с которыми их связывает, помимо отмеченных выше признаков, характерный для бактрийских монет заостренный край.

Эта зависимость хорезмийской чеканки от сакско-бактрийской имеет большое культурно-историческое значение, вскрывая новую сторону знаменитых связей древнего Хорезма и позволяя говорить о большом значении Аму-Дарьи, как важной магистрали культурного обмена. Одновременно она позволяет поставить на новом материале вопрос о северо-западных пределах сакско-юечжийской экспансии во II—I вв. до н. э., поднимая, таким образом, большие вопросы политической истории Средней Азии в этот темный период.

Вместе с тем, близость головных уборов царя в орлиной короне—с убором Шапура I и, прибавим мы, Варахрана II (276—293) и, особенно, Гормизда II (303)¹, и сходство головного убора безбородого царя с одним из уборов Ардашира I (224—241)², вместе с тем фактом, что китайские хроникары, лишь начиная с Бэй-ши, охватывающей период с 386 по 618 г., говорят о коронах и престолах среднеазиатских царей в виде птиц, животных и рыб³, заставляет предполагать, что древнейшие из монет нашей серии не восходят глубже III в. н. э., когда эти колоритные уборы получили широкое распространение в Средней Азии и Иране, сменив простые формы уборов парфянского и кушанского времени.

Однако есть основания предполагать, что наши монеты являются не наиболее ранними хорезмийскими монетами, что им предшествовали не представленные пока в нашей коллекции типы, которые заполнили бы лакуну между III столетием, когда, повидимому, значительно усилился

¹ Collection de monnaies sassanides, de feu le lieut.-général J. de Bartholomaei, publiée par B. D o r n, 2-e éd., SPB, 1875, таблицы IV, VII, также дополнит. таблица, рис. 6—11 и др.

² И. А. Орбели и К. В. Тревер—Сасанидский металл. М.—Л. 1935, табл. 1; Толстой и Ковдаков—Русские древности, III, 1890, стр. 12, рис. 4.

³ Иакинф—Собрание сведений, III, стр. 147, 160, 162, 176, 183, 186, 188, 189, 197, 201 и др.

выпуск хорезмийских монет, и началом нашей эры, к которому восходят сакско-бактрийские монеты с всадником на реверсе. Возможно, что эти монеты уже представлены в музейных собраниях, но еще не выделены в особую группу.

Мы склонны предполагать, что начало чеканки монеты в Хорезме относится к тому же раннему сакско-кушанскому периоду, может быть, к I в. до н. э. или к самому началу нашей эры. Прототипом наших монет, вероятно, являются монеты раннекушанских ябгу Хорезма, правящая

династия которого, оставившая нам монеты с тамгою , — как по данным китайских источников¹, так и по несомненной, установленной уже Марковым, связи тамги наших монет с тамгами кушанов, в частности, Хувишки, — была юечжийско-кушанского происхождения. Этим объясняется, вероятно, близость искомого прототипа наших монет с монетами одного из кушанских ябгу — Герая и монетами синхроничных царей саков.

Возможно, что объединение владений пяти кушанских ябгу под властью великих кушанов I—II вв. н. э. могло привести к временному прекращению чеканки местных хорезмийских монет, возобновившейся в III в., в период распада великокушанской державы, по древним местным образцам.

Нельзя не отметить, вместе с тем, черт сходства между монетами с тамгой нашей серии и монетами индийских эфталитов V—VI вв. В частности, на лицевой стороне монеты безбородого царя, слева, позади царя, мы имеем знак , близкий к тамге эфталитов, которая, в свою очередь, несомненно, родственна и кушанской и тамге наших монет².

Может быть, в этой связи не мешает вспомнить старую гипотезу Лерха—Веселовского³ о роли Хорезма в формировании государства эфталитов, в период, предшествующий распространению власти последних на всю Среднюю Азию и за ее пределы.

В свете этой гипотезы не совсем ошибочной может оказаться и гипотеза Друэна—Говорса—Кэннингэма—Рэпсона о происхождении наших монет.

Кроме типичных монет группы А, мы встречаемся среди собранной нами хорезмийской меди с двумя небольшими группами, несомненно, родственных ей типологически и близких хронологически монет, однако несущих ряд черт отличия.

Это, во-первых, группа А₁—миниатюрные, но массивные медные монеты, напоминающие по размерам, весу и фактуре медные монеты царя в орлиной короне, но имеющие одну сторону чистой, а на другой—тамгу, варьирующую в начертании, но, несомненно, родственную тамге :

¹ Тан-шу, гл. 221 в, стр. 1а; Иакинф—Собрание сведений, III, стр. 238.

² См. например, A. Cunningham—Later Indo-Scythians, Epthalites, or with the Huns. NC, 1894, III Series, № 53, p. 262 и на таблицах IX(VII), № 1, 6, 7, 11, 14, 15; X(VIII), № 14, 15, 16; XI(IX), № 1, 2, 6, 9 и др.

³ Н. Веселовский—Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве. СПб, 1887.

Возможно, что в этой меди мы должны искать монеты хорезмийских ябгу начала нашей эры или I в. до н. э., серебряные монеты которых, как мы писали выше, до нас не дошли.

Во-вторых—это группа α —две такого же размера медных монеты, одна из которых имеет на лицевой стороне бородатое изображение царя вправо, в трезубой короне, напоминающей одну из корон Шапура I, а на другой—фигуру всадника вправо, очень близкую к изображениям на реверсе наших монет. На обратной стороне обе эти монеты имеют крестообразную тамгу, резко отличную от тамги группы AA_1 (табл. I, рис. 9, 10).

Монета, тождественная первой из монет нашей группы α , была в 1880 г. опубликована Тизенгаузен¹.

Наиболее вероятным мы считаем предполагать здесь монеты правителя временно обособившейся части Хорезма—может быть, Нижнего Хорезма с его древним центром—Ургенчем. Впрочем, возможно и внехорезмийское происхождение этих монет; однако, в таком случае, район их чеканки нужно искать где-то недалеко от Хорезма.

Вторая группа наших монет— $BB_1\beta$ (табл. II, III)—представлена значительно богаче. Именно к ней относятся те признаки, которые заставили Маркова и Друэна отодвигать нашу серию в сасанидское время. Серебряные драхмы более плоски, медные монеты крупнее, шире и плосче монет группы $AA_1\alpha$.

На лицевой стороне мы видим изображение безбородого царя вправо (на серебряных монетах видны усы), окруженное тем же венчиком типа монет Эвкратиды и Герая. На реверсе—всадник вправо, трактованный более реалистично, чем на ранних монетах, на идущей торжественным шагом, реже—скачущей, лошади. Слева—та же тамга. Кругом—легенда, состоящая целиком из хорезмийских знаков.

Изображения царей различаются чертами лица и коронами.

Типов корон в основном—четыре: 1) округлая шапочка, с полумесяцем впереди, напоминающая головные уборы эфталитских царей Индии и убор двух из царей группы A. 2) Такая же шапочка, с полумесяцем спереди, сзади и сверху оба этих убора, несомненно, близки к уборам сасанидов Ездегерда I (399—420) и особенно Пируза (479), Кавада (488—531), Хосроя I (531—578), Гормизда IV (574—590) и Варахрана VI. 3) Убор в виде своеобразного тюрбана или шлема с поднятым вверх слегка заостряющимся передним углом и с характерной орнаментацией верхнего края в виде ряда загибающихся вперед маленьких спиралей. На серебряных монетах группы $BB_1\beta$ представлены только варианты этого убора. 4) Убор в виде зубчатой короны, с поднимающимися ступенями передним и задним краем, напоминающий, как отмечено, убор Варахрана V.

Количество правителей, носивших эти короны, значительно больше, чем число типов корон.

Подразделение на подгруппы этой группы мы основываем на характере легенды: 1) легенда целиком на реверсе; 2) царский титул располагается на лицевой стороне, справа, против лица царя; на реверсе—имя; 3) обратнo: титул на реверсе, на лицевой же стороне—имя царя, написанное характерным курсивом.

B_1 —сохраняет то же отношение, но на реверсе над крупом коня появляется надпись миниатюрными арабскими бук-

¹ W. T i e s e n h a u s e n—Notice sur une collection de monnaies orientales de la comte S. Stroganoff. SPB, 1880, p. 8 (№ 16).

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

ТАБЛИЦА II. МОНЕТЫ ГРУППЫ В В., СЕРЕБРО.

Рис. 1 — монета MR'MLK'Sxr (?), Гос. Эрмитаж. Рис. 2 — монета MR'MLK'Xwrzm (?), Гос. Эрмитаж. Рис. 3, 4, 5 — монеты Шаушафара, Гос. Историч. музей. Рис. 6—10 — монеты Абдалаха (?), Гос. Эрмитаж.

в а м и, в которой могут быть прочитаны имена: *جعفر والفصل* или *فضل* —Фадл (ал-Фадл) и Джа'фар.

Оба эти имени позволяют точно датировать монеты B_1 . Это имена арабских наместников Хорасана, правивших в конце VIII в. н. э.—ал-Фадл ибн Яхья из дома Бармекидов (787—795)¹ и один из его предшественников—Джа'фар ибн Мухаммед (787—789)². Между этими наместниками правил известный Гитриф ибн Ата (792—793)³, который, по Нершахи, впервые вмешался в чеканку монет в Бухаре, где, по этому автору, были выпущены так наз. диргемы «гитрифиды»—монеты старого бухарского образца, но с именем наместника⁴.

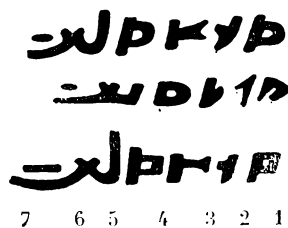
Таким образом, наиболее поздние монеты нашей серии относятся к концу VIII в. н. э.—ко временам Харун-ар-Рашида. Как в *группе AA_{1α}*, мы находим и в этой хронологически более поздней группе несколько монет (одна из которых была, как отмечено, опубликована Томасом), отличающихся типом реверса. Это крупные, плоские медные монеты трех правителей, в своеобразных пышных головных уборах, имеющие в центре реверса не всадника, а тамгообразные знаки, меняющиеся от правителя к правителю.

Чаще всего представлен знак Ψ , реже \mathfrak{F} . На дефектной монете третьего царя видна лишь часть знака \mathfrak{F} . Однако, так как титул царя в легенде на реверсе тождественен титулу монет *группы BB₁*, эти монеты, которые мы выделяем в *группу β*, несомненно связаны с Хорезмом. К определению их места в нашей серии мы вернемся ниже.

IV

Мы переходим к самой сложной части нашей работы—к анализу хорезмийских легенд наших монет. Первым шагом в этом исследовании было выделение группы знаков, повторяющейся на всех без исключения монетах *группы BB₁* β .

Эта группа знаков выглядит на разных монетах как

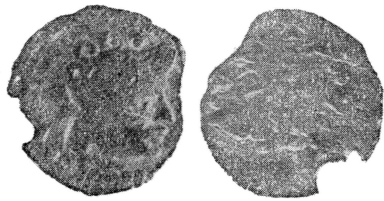

¹ Так, по Бартольд («Туркестан», II, стр. 207) И. И. Трофимов («Хронологическая таблица мусульманских династий», Ташкент, 1897, стр. 29) датирует правление ал-Фадла ибн Яхья 794—803 гг.; по Бартольд (там же, стр. 503) в 796—806/7 или 808 гг. в Хорасане правил Алий ибн Иса. В 783 (782)—787 гг. в Хорасане правил (Бартольд, там же, стр. 503) Абу-л Аббас Фадл ибн Сулейман ат-Гуси. Имя на наших монетах может быть, хотя и с меньшим вероятием, отнесено и к нему.

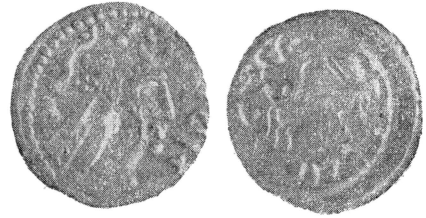
² И. И. Трофимов, там же, стр. 28.

³ Бартольд, там же, стр. 207; Трофимов (там же, стр. 29) дает дату 791—793.

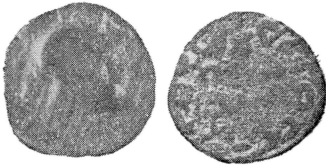
⁴ Негсхакху, цит. соч., стр. 34—36; Лерх—Монеты, бухар-худатов, стр. 59 сл., Бартольд, там же, стр. 209. Еще несколько раньше в Хорасане, при наместнике Мусейабе ибн Зухейре (780—783), стали чеканиться так наз. диргемы Мусейаби (Бартольд, стр. 211).

1

2

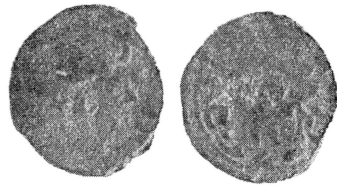
3

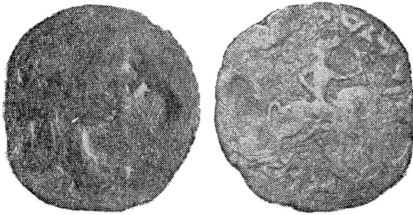
4

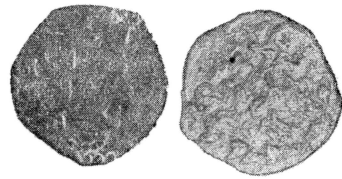
5

6

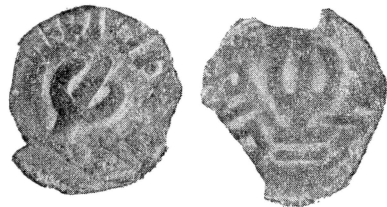
7

8

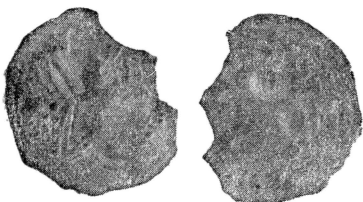

9

10

11

12

13

ТАБЛИЦА III. МОНЕТЫ ГРУППЫ В β. МЕДЬ.

Хорезмийская экспедиция 1937 г. Рис. 1—8—группа В. Рис. 9—13—группа β_а

Сопоставление с почти всеми алфавитами арамейского происхождения дало бесспорное чтение двух знаков—второго и четвертого. Первый знак, очень близкий к четвертому, как правило, в пределах одной надписи, несколько отличается от него по начертанию, что заставило нас первоначально видеть в них, по примеру Томаса, различные знаки, с той разницей, что Томас видел в первом знаке *мим*, а в четвертом *алеф*, а мы сочли более вероятным видеть *мим* в четвертом знаке. В чтении второго знака наше мнение совпало с мнением Томаса.

Первоначально мы сделали попытку читать слово в целом, как XRSMSHY, видя в первом знаке *x* близкое к *x* монет бухар-худатов и некоторым начертаниям *k* аршакидского пехлеви, сасанидского пехлевийского курсива и *коф* ряда северносемитических алфавитов, в частности как древнего, так и средневекового еврейского (возможно, впрочем, сближение и с некоторыми начертаниями *h* северносемитических алфавитов) и, наконец, из среднеазиатских—орхоно-енисейского.

Третьему знаку я искал аналогии в *саде* древнеарамейских алфавитов—пальмирского, синаитского и в *s* орхоно-енисейского алфавита.

Наконец, лигатуру трех знаков в конце я пытался интерпретировать как связь арамейского (и аршакидо-пехлевийского) *шина* √ (и в данном случае не расходясь с Томасом) с сокращенными *ha* и *йод*.

Однако это заманчивое чтение, наиболее слабым местом которого являлось отсутствие *вава* после *x*¹, мы вынуждены были пересмотреть после ознакомления с монетами группы А из собрания Эрмитажа. Здесь

неизменная часть хорезмийской легенды читается

несомненное арамейское MLK' —«царь»,—причем эти знаки столь же несомненно тождественны со знаками 4—7 легенд монет группы BB₁β.

Это заставило нас отказаться от первого чтения и прийти к выводу, что, не различая первого и четвертого знаков, в легенде BB₁β, мы читаем MR' MLK'—сочетание двух арамейских идеограмм: MR' со значением «господин», «властитель» (ср. в согдийском MR'У, в пехлеви 𐭎𐭏² и MLK'—«царь»—вместо хорезмийского «шах») в целом «господин—царь», может быть «властвующий царь».

Алеф в таком чтении окажется близким к одному из начертаний алефа аршакидо-пехлевийских монет (K), восходящего в свою очередь к наиболее архаической форме финикийского и арамейского начертания 𐤀.

Дешифровка титулов дала нам пять знаков древнехорезмийского алфавита (', M, L, R, K). Это дало возможность полнее выяснить генетические связи нашего шрифта и проследить его эволюцию.

Прежде всего, мы смогли установить, что хорезмийский шрифт вплоть до VIII в. сохраняет крайне архаический облик, во многом более

¹ Впрочем, если в арабском начертании, мы, как правило, имеем *خوارزم*, то у наиболее раннего автора, описавшего завоевание Хорезма арабами—ал-Белазури (Liber Expugnationis Regionum, ed. de-Goeje. Lugd. Bat. p. 420), мы читаем *خارزم*—без *w*. То же различие мы встречаем и в домусульманских памятниках. Персидская клинопись и пехлевийская надпись в Пайкули дают начертание с *w*, после начального *H*, в то время как арамейские папирусы из Ассуана опускают *w*.

² А. А. Фрейман—Находка согдийских рукописей и памятников материальной культуры в Таджикистане. «Согдийский сборник», Л. 1934, стр. 13.

сближающий его с арамейскими шрифтами парфянского и даже ахеменидского времени, чем с сасанидским пехлеви и согдийским. При всей архаичности раннесогдийского, хорезмийский дает значительно больше черт сходства с исходными формами.

Затем, анализ надписей на монетах разного времени позволил нам выявить три этапа развития хорезмийского письма. Первый представлен на монетах группы AA_1 а. Его знаки целиком укладываются в рамки вариаций арамейского шрифта, как такового. Знаки пишутся раздельно, лигатуры отсутствуют. Второй—представлен в надписях на реверсе всех монет группы $BB_1\beta$. Знаки приобретают здесь ряд местных особенностей. В частности М получает замкнутую снизу форму. Появляются лигатуры при общей тенденции писать буквы раздельно. Третий этап представлен в надписях на лицевой стороне монет VIII в. группы $BB_1\beta$. Это—законченное связное курсивное письмо, знаки которого претерпели значительные изменения, во многом сблизившись со знаками согдийского (в том числе и позднесогдийского) алфавита. Наглядно видеть эти изменения можно из сопоставления начертания титула MLK' на разных этапах истории хорезмийского письма.

1. Раннехорезмийское

2. Среднехорезмийское

3. Позднехорезмийское

Значительно больше трудностей представило чтение меняющихся легенд, в которых естественно было видеть личные имена царей. Однако здесь мы имели благоприятные условия благодаря наличию списка 22 древнехорезмийских царей ал-Бируни, охватывающего период с начала IV по X в. н. э.¹

Наиболее определенные результаты дала работа над чтением имен на монетах с курсивным начертанием имени царя на лицевой стороне. Здесь мы имели для одного из двух царей этой группы точную датировку благодаря арабской надписи, что давало возможность довольно точно датировать и другого царя серединой VIII в. С другой стороны, облегчала дело и близость курсивных начертаний хорезмийских имен к согдийскому курсиву.

Курсивная надпись на упомянутых монетах царя середины VIII в.

6 5 4 3 2 1

вероятнее всего может быть отнесена к царю Шаушафару

شوشافر, единственному из списка домусульманских царей ал-Бируни, упоминаемому в иностранных—в данном случае китайских—источниках под именем Шаоши-фынь²; этот царь, согласно Тан-шу, в 751 г. прислал посольство с дарами к китайскому двору³.

¹ «Chronologie Orientalischer Völker von Albêrûni». Herausg. v. Dr. C. Eduard S a c h a u. Lpz. 1923, S. 35 (арабск. текст); «The Chronology of Ancient Nations». An english Version of the arabic text of the Athâr-ul-Bâkiya of Albîrûni. Transl. and edited by Dr. C. Eduard S a c h a u, Lond., 1879.

² Тан-шу, гл. 21 в., стр. 5а; И о а к и н ф—Сборник сведений, III, стр. 246.

³ 稍施芬

В нашей надписи, как и в имени царя, повторяются первый и четвертый знаки, которые могут быть сближены с согдийским \mathcal{V} —š. Конечное *r* не подлежит сомнению. Знак второй может рассматриваться как сокращенное курсивное начертание *алефа*. Знак третий близок к согдийскому *ваву*; знак пятый может быть сопоставлен с согдийским *p*.

В целом имя читается š'wšpr—Шаушафар. Это чтение нам представляется не возбуждающим сомнений.

Надпись на реверсе вслед за царским титулом

𐰽𐰺𐰸𐰾𐰍𐰏

7 6 5 4 3 2 1

Первые четыре знака я, исходя из первого опыта чтения титула, читал *qršd...*, видя здесь имя или скорее—эпитет к титулу царя (хурзад—«сын солнца?»); сходное с ним имя Хурразад упоминается Табари в качестве имени брата хорезмшаха—современника Кутейбы, восставшего против шаха и разбитого Кутейбой в 712 г. ¹.

Однако сейчас третий знак должен читаться, как *алеф*, в первом—вероятнее всего видеть подвергшееся влиянию курсива начертание *p*, второй и четвертый могут быть *r* или *k*. Последний знак вероятнее всего *p* (см. ниже). Пятый знак на других монетах (см. ниже) является одним из начертаний *x*². Наконец, в знаке шестом я склонен видеть одно из начертаний хорезмийского š, восходящего к арамейскому $\sqrt{\text{}}$ ³. В целом слово читается как *pr'rxšp*⁴—слово, этимология которого для меня неясна, но, повидимому, являющееся дополняющим титул эпитетом, возможно восходящим к иранской основе *فر* «блистать», «сиять». Сравни согдийское *prnxwnt*—«блистающий»—в качестве эпитета правителя⁵.

Менее определенно чтение имени царя на монетах с именами арабских наместников 𐰽𐰺𐰸𐰾𐰍𐰏 . На это время по списку ал-Бируни должно падать правление либо преемника Шаушафара, имя которого ал-Бируни передает в форме *ترکساباسا* (Турксабаса или Туркасбаса) или его преемника, носившего мусульманское имя Абдаллах.

¹ Табари, изд. de Goeje, стр. 1236; Белязури, стр. 420; Ибн-ал-Асир, IV, 451.

² Впрочем, здесь можно видеть и аршакидо-пехлевиюское 𐰽 —восходящее к арамейскому š, которое здесь может служить вероятнее всего для передачи звука š→c.

³ Возможно, однако, предполагать здесь и лигатуру двух знаков (*zr?*).

⁴ Может быть *pr'rezrn* (?). Тогда во второй части можно предполагать хорезмийское *zirni* (زرنی)—«золото».

⁵ H. Reichelt—Die soghdischen Handschriftenreste des Britishen Museums. II, Heidelberg 1931, 1, 5, 6; III, 9, 34, 10, 33; VI, 2. Ср. новоперс. *افروخته افروز*—«сияющий», «блестящий», осет. *фаерухс канун* (-ун)—«осветить», «стать светлым». Ср.

также в сасанидской титулатуре 𐰽𐰺𐰸𐰾𐰍𐰏 (*pr'r*

Hrmzde Farr Hormizd) 𐰽𐰺𐰸𐰾𐰍𐰏 (*farraxw*,

Так как вторая часть имени является уже знакомой нам идеограммой MLK('), а знак пятый тождествен с седьмым—стоящий перед ним знак четвертый может быть архаическим начертанием W, которое мы еще встретим на наших монетах, а знак второй очень близок к общеарамейскому и, в частности, согдийскому начертанию *b* (согд. β), и я склонен видеть здесь именно имя Абдаллаха, рассматривая первый знак либо как *айн*, употреблявшийся в хорезмийском (как и в согдийском), конечно, лишь для передачи семитических слов; либо, может быть, сокращенное написание *алефа*, сходное с сокращенным *алефом* в конце титула на монетах группы А.

Если предположить в третьем знаке—*d*, родственное некоторым начертаниям аршакидского пехлеви и тождественное ð согдийских текстов, то имя в целом будет читаться 'bdwlMLK(') или 'bdwlMLK(') = 'Абдалл(ах)-шах.

Монеты группы А читаются с большим трудом. Как я уже отмечал, мы имеем здесь четыре имени:

В первом ясны три последние буквы, дающие чтение *m'r* или *m'k*. Первая, если исходить из арамейских прототипов, может быть *w*, *y* или *z*, вторая—*w*, *p*, *z* или *g*. В целом имя может читаться $wzm'r$, $yzm'r$, $wpm'r$; $wgm'r$ или, наконец, $zgm'r$.

Во всяком случае в списке ал-Бируни подобного имени нет.

Во втором имени первый знак *алеф*, четвертый, вероятнее всего, *r*. Во втором знаке я вижу арамейское *p*, в третьем—*w*, в пятом—арамейское *гимель* (*g*), в целом 'pwrg, где *w*, как в пехлеви и согдийском, может служить для передачи редуцированного гласного. В таком случае, это начертание будет передачей имени Африга *افريغ*—первого царя списка ал-Бируни.

В третьем имени первый знак—*w*, второй—*r*, четвертый—*w*, пятый—*m*.

Если видеть в шестом знаке, как и в надписи на реверсе монеты Шаушафара, одно из начертаний x^1 , и в третьем знаке предположить хорезмийское *t* или ð (→арам. *t*)², все имя будет читаться $wrdm$, т. е. имя Арсамух,

ارشموخ, ал-Бируни³. Однако по типу монеты не могут принадлежать этому шаху, бывшему, по ал-Бируни, современником Мухаммеда, т. е. жившему в первой четверти VII в. Они, несомненно, восходят к значительно более раннему времени и, может быть, принадлежат одному или двум шахам этого имени, либо правившим до Африга, либо почему-либо (нет ли ключа к этому в виде изменений тамги на этих монетах?) не попавшим в список Бируни.

Наконец, чтение надписи на монете пятого типа, наиболее поздней из группы А по формальным особенностям (почти полное исчезновение греческой надписи, более плоский рельеф), дает нам на втором и третьем месте знаки, могущие быть *y* или *w*. Первый и четвертый знаки могут быть

¹ Или ð→с (см—выше, прим. 2 к стр. 135).

² Сходные формы *tau* мы находим в старосирийском, эстрангелло, синаитском, в Иране—в сасанидском пехлеви и зендском.

³ Или Арсамуч (Арсамуц). Так как *خ* очень близко к *ج*, которым *ç* передавалось в арабском (а в арабской транскрипции хорезмийских слов для ð (→с) мы имеем у ал-Бируни *ج*, а в хорезмийских документах XIV в. для с—*خ*—легко предположить в данном случае у ал-Бируни описку.

сближены с пехлевийским *s* и *š*, и тогда имя в целом будет читаться *suwš* или *šuwš*—*Сиявуш* или *шиявуш*, переданное у ал-Бируни в форме Шауш (شائوش)—царь, правивший, если придерживаться расчетов Бируни, в начале VI в.¹

Еще сложнее чтение медных монет нашей коллекции, принадлежащих к группе В, так же как серебряных монет этой группы, не имеющих курсивной надписи на аверсе.

На одной из них с легендой можно пытаться видеть имя *s' h r*—имя царя, правившего в первой половине VII в. н. э. (سخر).

Пять серебряных монет собрания Эрмитажа и ряд наших медных монет не несут на лицевой стороне имени царя. Они имеют на реверсе одну и ту же часть легенды, следующую за: *MR'MLK'*:

Несомненно, чтение четвертого знака—*M* и второго—*R*. В третьем, имеющим тенденцию связываться с последующим, а иногда и предыдущим знаком, вероятнее всего видеть арамейское *z*. Если, придерживаясь в данном случае чтения Рэпсона², видеть в первом знаке заимствованную из сасанидского курсивного пехлеви лигатуру *H* и *W*, все слово в целом будет читаться *HWRZM*, т. е. Хорезм, и тогда надпись в целом будет читаться *MR'MLK' Hwrzm*—«господин шах Хорезма».

Вызывает сомнение, с одной стороны, тот факт, что на монетах всех других типов нашей серии название страны отсутствует, с другой—курсивная позднепехлевийская лигатура мало вяжется с архаическим обликом хорезмийского монетного алфавита. Однако, так как чтение... *rzmt* не подложит, как нам представляется, сомнению, а датировка этих монет, тесно примыкающих по всем признакам к монетам Шаушафара и Абдуллы и, несомненно, чеканенных одним из непосредственных предшественников первого, вероятно—в VII в. (здесь мы присоединяемся к сделанной на основании других данных датировке Кэннингэма), позволяет считать хронологически возможным воздействие поздних форм пехлевийской письменности—я считаю это чтение наиболее вероятным.

Индивидуальная часть легенды одной монеты (из коллекции Эрмитажа) без имени на лицевой стороне, очень в остальном похожей на только что описанные, и если не чеканенной тем же царем, то очень близкой ко времени чеканки их хронологически, выглядит, как

4 3 2 1

Легенда, как мы видим, крайне деформирована, буквы слились между собой в сложную лигатуру. Отчетливо выступает лишь последнее *R* (*K?*).

Ни в коей мере не претендуя на окончательное чтение, я считаю все же возможным пытаться раскрыть в этой лигатуре знаки

4 3 2 1

¹ Впрочем, близость изображений царей на монетах «Африга» и «Шауша» и несомненное сходство в начертании первых трех знаков обоих имен в легендах делает оба приведенные выше чтения гипотетичными и позволяет поставить вопрос, не принадлежали ли они одному царю. Против этого, впрочем, говорит очень значительная разница в весе (9, 10 г у «Африга» и 5, 96 г у «Шауша») и фактуре монет.

² На возможность этого указал нам и А. А. Фрейман.

и читать, как и на медной монете, приводимой нами выше, *S'hr*—Сахр, правившего в конце первой половины VII в.

На монетах со знаком **Ϙ**, где реконструированная при помощи сопоставления ряда дефектных монет индивидуальная часть легенды выглядит как **Ϙ Ϙ Ϙ Ϙ** мы считаем возможным, сближая первую букву с арамейским¹ *h*, вторую с *n*, в третьей видеть близкий к пехлевийскому *k*, в четвертой *r* и в пятой—конечное *y*², читать *xnqru* или *xnry*.

Это имя будет соответствовать имени خانگری (خامگری) Ханкари или Хамкари—имени шаха, по списку ал-Бируни, правившего в первой половине VI в. Однако, так как в таком случае необъяснимым остается отличие реверса от обычного для монет Афригидов, я склонен видеть здесь имя враждебного хорезмшаху—современнику Кутейбы—«царя Хамджерда» (ملك خام جرد), правившего где-то в западной части Хорезма, вероятно—в Нижнем Хорезме, и в 712 г. разбитого и казненного Кутейбой³.

Мы сделали выше попытку чтения 8 имен, представленных на наших монетах. Пока непрочитанными остаются еще 5 или 6 имен на, по большей части сильно дефектных, медных монетах нашей коллекции.

Проделанная работа дает возможность с большей или меньшей долей вероятности подойти к чтению восемнадцати знаков хорезмийского алфавита, на разных этапах его развития: 'у, w, b(β), p, m, n, r, l, ϑ, d, s, š, h, x, k, q (γ), g.

V

Наш анализ был бы неполным, если бы мы не привлекли к нему весовые данные. Эти данные полностью подтверждают выводы в отношении относительной хронологии, сделанные нами из анализа изображений и фактуры монет.

Наиболее полновесными (что, однако, связывается с низким процентом серебра в сплаве) являются тетрадрахмы группы *A*₁. Монета с безбородым царем имеет вес 11,75 г, с бородатым—11,60 г (причем край последней монеты обломан). Как мы знаем, тетрадрахмы Герая⁴ имеют вес 11,95—15,56 г, в среднем—13,93 г.

Вес группы *A* значительно ниже. Монеты царя в орлином шлеме дают вес в 9,85; 8,00; 6,85 г, монета «Африга»—9,10 г и, наконец, монета «Шауша», самая поздняя и по имени и по остальным признакам,—5,96 г, представляя собой крайне обесцененную тетрадрахму (каковой она остается по диаметру), по весу уже приближающуюся к полновесной драхме.

Серебряные монеты группы *BV*₁ дают не менее показательную картину. Монеты царей VII в.—полновесные драхмы, несколько превосходящие в общем довольно устойчивый вес сасанидской драхмы, колебавшийся

¹ Ср. начертание *x* на ряде недатированных монет из Средней Азии, изданных A l l o t t e d e l a F u y e, RN, 1910, p. 301; 1925, p. 31, 163, стр. 144—147. Прототипом здесь является арамейское (*ha*) ахеменидского периода. Ср. также начертание *ha* и *het* в квадратном письме.

² Ср. конечный *йод* в сасанидском пехлеви.

³ Табари, II, Ser. II, стр. 1238; и бн-ал-Асир, 4, 451; у Юсти—*Xamjerd* («Namenbuch», S. 169).

⁴ А. Н. Зограф—Монеты Герая, стр. 5—6, 21.

на всем протяжении четырехвековой истории сасанидов между 3,695 и 4,046 г¹.

Четыре монеты с предположительным чтением *MR'MLK'Hwrzm(?)* вес дают 4,67; 4,38; 4,37 и 4,36 г.

Монеты с другой легендой (*s'hr?*)—4,55 г. Вес, таким образом, высок и весьма устойчив, отличаясь в этом отношении от тетрадрахм III—V вв.

Монеты Шаушафара дают резкое снижение веса; их вес—3,26; 3,20; 3,11 и 3,06 г—спускается ниже минимального веса сасанидских драхм.

Еще ниже падает вес монет «Абдаллаха».

Монеты «Абдаллаха» без арабской надписи имеют вес 2,44; 2,39; 1,97 г. Монеты с арабской подписью дают 2,05; 1,92; 1,44 и, наконец, 1,32 г, падая более чем втрое по сравнению с хорезмийскими драхмами VII в. и более чем вдвое—по сравнению с драхмой Шаушафара.

Отражая общую закономерность, свойственную большинству нумизматических серий, наша коллекция отражает вместе с тем быстрый процесс политического упадка государства Афригидов после арабского завоевания и особенно под властью аббасидских халифов.

VI

Работа над нашей нумизматической коллекцией позволила нам подойти к вопросу об определении не только недатированных монет, хранящихся в наших музеях, но и некоторых памятников древней художественной промышленности. Определенные при помощи хорезмийских монет, они, в свою очередь, обогатили наш материал по древнехорезмийской письменности, позволили уточнить ряд определений древнехорезмийских буквенных знаков и, что самое главное,—они явились первыми известными нам памятниками древнехорезмийского изобразительного искусства, открывая широкие перспективы изучения художественной культуры древнего Хорезма и, ввиду религиозной семантики ряда изображений, истории религии этой страны.

В поисках памятников древнехорезмийской письменности мы обратились к просмотру непрочитанных надписей на серебряной посуде восточного происхождения, изданных Я. И. Смирновым.

Среди сосудов с надписями мы обратили внимание на семь серебряных чаш, изданных в атласе Смирнова под № 42, 43, 44, 45, 46, 47 и 286².

По ободку этих чаш идут, как правило, тщательно выгравированные надписи, о которых Я. И. Смирнов в вводной статье к атласу пишет: «Надписи на группе чашек (42—47, 286), кончающиеся, повидимому, обозначением веса, не читаются, по словам акад. К. Г. Залемана, так как писаны, по всей видимости, на каком-то неизвестном языке»³.

Вместе с рядом других произведений, изданных в цитируемом атласе, его автор относит эти чаши предположительно к «позднейшему периоду индо-скифского царства III—VII вв. по Р. Х.», находя аналогии изобра-

¹ Furdooon e D. I. Pauguck—Sasanian Coins. Bombay, 1924, p. 38. Ср. Mordtmann в ZDMG, 1880, S. 149.

² «Восточное серебро». Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной в пределах Российской империи. СПб, 1909, табл. XVIII—XX и CXIV.

³ Цит. соч., стр. 6.

женным на некоторых из них божествам на индийских монетах династии Гупта¹.

Сопоставление знаков надписей на этих чашах с надписями наших монет убедило нас в крайней близости тех и других. Все знаки монет оказались представленными на чашах и лишь несколько знаков на последних отсутствует на монетных легендах.

Сравнительный анализ изображений на чашах и на монетах еще более убедил нас в правильности сделанного сопоставления. Помимо того, что те и другие роднила общая струя индо-бактрийских культурных влияний, сочетающаяся с чертами локального своеобразия, изображения дали ряд деталей, позволивших сделать наше сближение особенно определенным.

Рис. 1. Смирнов. Восточное серебро. № 286

На чаше 286 мы видим изображение сидящего на ковре царя, опирающегося левым локтем на круглую подушку. В правой руке он держит трезубый скипетр, тождественный со знаком Ψ на реверсе анализированной нами выше своеобразной группы наших монет. Этого мало. Рогатая корона на голове царя, с развевающимися позади полосатыми лентами, тождественна с короной царя монет со знаком Ψ . И, наконец, лица обоих изображений несут ряд черт, позволяющих говорить о портретном тождестве царя монет и царя чаши. Характерная, не повторяющаяся на других монетах форма крупного носа, прорез глаз, одутловатые щеки,—все это в сочетании с тождеством убора и символа не оставляет сомнений в том, что на чаше № 286 и на наших монетах изображено одно и то же лицо.

На чашах 42, 43, 44 изображено сидящее на троне (42), поверженном льве (43) и леопарде (44) четверорукое божество, держащее в трех из рук скипетр, символ луны и символ солнца. На голове божества—корона со ступенчатыми зубцами, украшенная на лбу лунным серпом с тремя звездами, тождественная с зубчатой короной ряда монет группы В.

На чаше 45—стоящее божество с козлиной головой, с развевающимися назад с затылка полосатыми лентами, тождественными с лентами короны царя чаши 286 и наших монет.

Всадник вправо с плетью в опущенной правой руке, с колчаном на правом бедре, на коне, идущем торжественным шагом, с поднятой и подогну-

¹ Цит. соч., стр. 7.

той в бабке левой ногой (чаша 46), теснейшим образом примыкает к изображениям всадника на наших монетах.

А. И. Тереножкину удалось, отправляясь от другого материала—данных древнехорезмийской архитектуры, определить хорезмийское происхождение еще одного памятника художественной промышленности—серебряного блюда с замечательным изображением осады крепости¹.

К мотивам, выдвинутым А. И. Тереножкиным в пользу его определения, мы должны прибавить ряд новых аргументов. Отметим крайнюю

Рис. 2. Смирнов. Восточное серебро. № 42, 43, 45

близость в трактовке изображенных на блюде, на чаше 46 и на наших монетах всадников (особенно характерен поворот лица всадника в $\frac{3}{4}$ на чаше 46 и на блюде) и родство религиозной символики наших чаш и блюда, определенного А. И. Тереножкиным.

В верхней части изображения на блюде мы видим изображение солнца и луны, обведенное полукругом, символизирующим небесную сферу. Мы уже отметили символы солнца и луны в руках четвероруких божеств наших чаш. Их трактовка на чашах и блюде не оставляют сомнения в общей, породившей эти произведения, культурной среде.

¹ И. А. Орбели и К. В. Тревер—Сасанидский металл. М.—Л. 1935. Табл. 20. Об этом блюде см. также F. Sarre—Die Kunst des Alten Persien. Berlin, 1925, S. 69, Tab. 105.

К этому нужно прибавить установленную нами при ознакомлении с чашами и блюдом в подлиннике тождественность венчика вокруг дна наших чаш и по краю блюда¹.

Рис. 3. Смирнов. Восточное серебр. № 46

Таким образом, группа серебряных изделий, хорезмийское происхождение которых мы определили, идя от палеографии и нумизматической иконографии, сомкнулась с произведением художественного ремесла,

¹ Особого внимания заслуживают вооружение и одежда всадников на монетах, чаше 46 и блюде. Этому вопросу мы предполагаем посвятить особый, подготавливаемый нами в настоящее время этюд. Ограничимся важнейшим. Тип колчана у всадников на Аниковском блюде и на чаше 46 (тождественность типа в данном случае служит новым подтверждением единства происхождения того и другого) только один

которое другой автор определил, как хорезмийское, исходя из совершенно других данных—данных крепостной архитектуры.

Оставляя детальный анализ исследуемых памятников до подготовляемой нами специальной работы, отметим лишь, что наш анализ легенд хорезмийских монет позволил сделать первые шаги дешифровки надписей на чашах.

Эти надписи построены по одному стандарту. Вначале идет слово, которое повторяется на всех чашах и читается, исходя из установленного выше значения букв, как 'sδnw(?)¹. За этим следует идеограмма MN—^{h?} «от», «из». За ней идет индивидуальная часть надписи, повидимому, содержащая собственные имена.

На чаше 43 я читаю первые два слова после MN—xwδwδ'xw'xc².

Первое имеет в основе xwδw «господин», второе может быть сопоставлено с согдийским словом (имя? название должности?) Ахухсравак ('γwysrβk)³.

На чаше 47 можно прочесть вслед за MN—wrmwδk—теофорное имя

Ормуз Сатак (?) или Ормуstek⁴.

раз встречается на сасанидских изображениях—на знаменитом рельефе с конным изображением Хосроя II (которое, впрочем, в последнее время есть тенденция относить к Пирузу. См. S a r g e u n d H e r z f e l d—Iranische Felsreliefs, tab. XXXVII). Как бы ни решился вопрос о том, какого царя изображает рельеф, и в том и другом случае изображен царь, имевший более чем тесные отношения с народами Средней Азии.

Во всех остальных случаях сасанидские воины изображаются с очень характерными, заостряющимися книзу, колчанами. Напротив, исследуемый тип колчана крайне широко распространен в I и начале II тысячелетия н. э. в Центральной Азии. Таков колчан на всех изображениях воинов на фресках Восточного Туркестана. Этот же тип мы встречаем в Танских рельефах, как вооружение севернокитайских воинов. Этот тип характерен для древнетюркских погребений Алтая, в XII—XIII вв. переживает в половецком и монгольском вооружении и поныне сохраняется у лоло—туземцев Южного Китая. Этот тип, связанный с иным расположением стрел в колчане (остриями вверх), резко отличается от древних и раннесредневековых форм как скифского, так и переднеазиатского колчана. То же приходится сказать и о других элементах вооружения. В частности, необходимо обратить внимание на налучья всадников на блюде. Они, не встречая никаких параллелей в сасанидском оружии, оказываются широко распространенными в Центральной Азии этой эпохи: мы опять находим их на изображениях воинов на восточнотуркестанских фресках, на изображении согдийского всадника на шите с горы Муг и, наконец, на известном изображении древнетюркского всадника из Минусинского края (где мы находим и описанный выше тип колчана). Форма шлемов также находит прямую параллель на фресках и статуэтках воинов из Восточного Туркестана. Если мы прибавим сюда покрой кафтана на чаше 46, то мы убедимся, что комплекс древнехорезмийского (так же, как и согдийского) вооружения и одежды, являясь независимым от культуры сасанидского Ирана, входит в более широкую культурную общность, объединяющую народы Средней и Центральной Азии и вряд ли не восходит исторически к тем культурным процессам, которые сопровождали движение юе-чжи и образование Кушанского царства.

¹ Может быть «даяние», «дар», «приношение» (?)—ср. новоперсидское ستانَدَن «брать», «взять».

² Для с ср. начертание согдийского δ, которому в хорезмийском закономерно соответствует с.

³ А. А. Ф р е й м а н—Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане. Доклады группы востоковедов на сессии АН СССР 20 марта 1935 г. «Труды Института востоковедения АН», XVII, М.—Л., 1936, стр. 141—142.

⁴ Ср. согдийское имя 'xwrmztkk (Ahuramazdaka). R e i c h e l t, II, S. 45 (V, 30).

Все надписи заканчиваются группой знаков, несомненно, являющихся числительными, которым предшествуют общее всем надписям слово, первый и четвертый знаки которого могут быть *z, n, w* или *y*, а второй, повидимому, *m* (цена, вес, название какой-то меры?)¹.

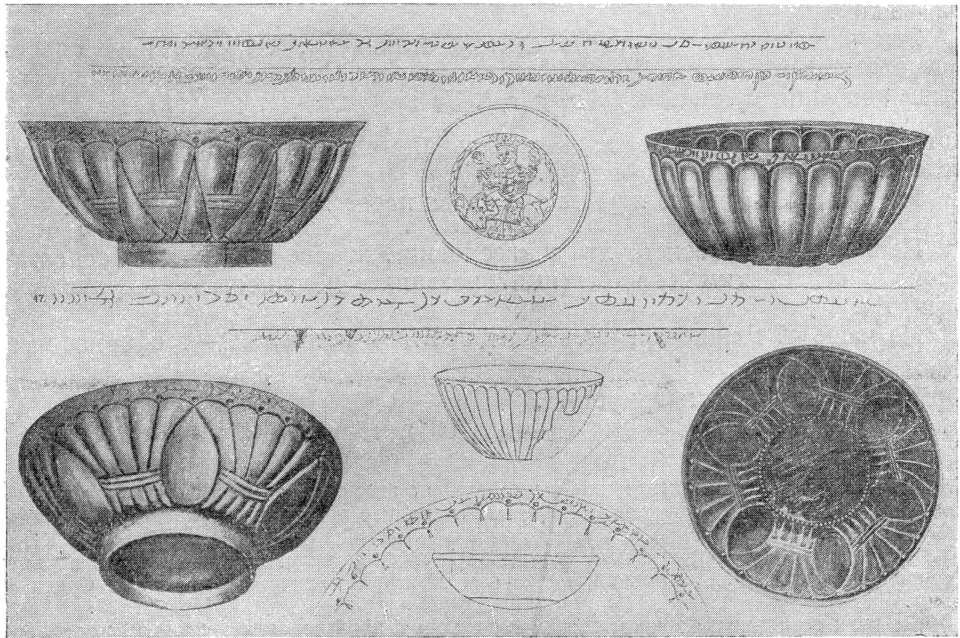

Рис. 4. Смирнов. Восточное серебро. № 43 и 47

Дешифровка этих надписей в целом потребует еще значительной работы, в которой должны быть максимально использованы данные хорезмийского языка, подготовляемые к изданию А. А. Фрейманом.

VII

Из исторических выводов, которые уже сейчас можно было бы сделать из нашей работы, мы считаем необходимым отметить следующее:

1. Изучение тамг монет хорезмийских правителей III—VIII вв. н. э. подтверждает правильность показаний ал-Бируни о непрерывной преемственности власти в Хорезме на протяжении этого периода (и позднее, до конца X в., как мы знаем не только из Бируни, но и из других арабских источников) в руках одной династии, причем, за исключением двух, повидимому, коротких периодов, когда какая-то часть Хорезма—вероятно, Нижний Хорезм—отделялась и ее правители начинали чеканить свою

¹ Отметим, однако, близость некоторых из начертаний этого слова в наших подписях (особенно чаша) с начертанием идеограммы *ZWZN* (=драхма) в аршакидо-пехлевийском авраманском тексте (Herzfeld—Paikuli, I, S. 82). Так как второй знак наших подписей неизменно отличается от *M* в идеограмме *MN* и других словах, может быть, здесь возможно видеть лигатуру знаков *WZ* и читать также *ZWZN*=драхма.

монету,—династия Афригидов по всей видимости управляла всей культурной зоной Хорезма. Это позволяет высказать предположение, что политический строй Хорезма был несколько отличен от строя Согдианы и здесь мы имели вместо типичной для последней конфедерации городов-государств—единое политическое целое, большее, может быть, напоминавшее по своей организации деспотии классического Востока.

Это подтверждается и имеющимися письменными данными, в частности—китайскими хрониками, всегда рассматривавшими Хорезм как единое государство.

2. Исследование тех же тамг и характера изображений на монетах заставляет признать имеющей основания китайскую традицию о юечжийском происхождении правившей в Хорезме династии. Тамга Афригидов связана с тамгой Кушанов, а изображения на монетах восходят к сакско-кушанской нумизматике I в. до н. э.—первых десятилетий нашей эры.

3. Это, как и изображения на чашах, подтверждает тесную культурную связь Хорезма с Бактрией.

4. Нахождение хорезмийских монет III—VIII вв., как и хорезмийских чаш в Прикамье, позволяет считать установленной древность тех очень значительных экономических связей Хорезма с Восточной Европой, которые освещены для IX—X вв. арабскими источниками.

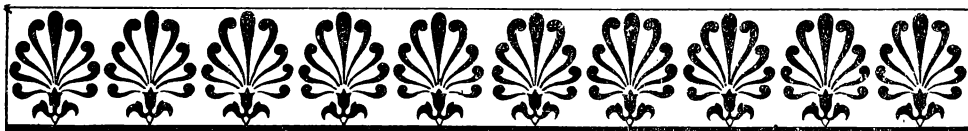
5. Сохранение хорезмийскими монетами вплоть до VIII в. древнего типа изображений говорит о большой самостоятельности и стойкости хорезмийских культурных традиций, сумевших преодолеть мощное влияние культуры сасанидского Ирана, наложившей сильнейший отпечаток на культуру остальных среднеазиатских стран, что нашло свое отражение в господстве на их монетах сасанидских символов. «Хорезмийский всадник» сумел отразить победоносное наступление «сасанидского жертвенника».

6. Архаический облик хорезмийского письма, донесенный им до VIII в., позволяет поставить вопрос, не оно ли явилось важнейшим посредником в проникновении арамейской письменности к кочевым народам Средней и Центральной Азии, где это письмо, в форме тюркского рунического алфавита, получило широкое распространение к VIII в. н. э.

*

Заканчивая наш предварительный очерк, мы не можем не выразить надежду, что при разрывании в должном размере археологических изысканий в Хорезме наша наука обогатится значительно более обильным палеографическим материалом, который не только даст возможность проверить наши заключения и окончательно раскрыть систему хорезмийской письменности, но и откроет перед нами новые возможности исследования истории древнехорезмийской цивилизации—одной из древнейших культур нашей страны.

ВИТРУВИЙ И АВГУСТ

(К проблеме Витрувия, как исторического источника)

Г. П. Поляков

Вопрос о трактате Витрувия, как об историческом источнике, можно сказать, почти не поднимался в исторической литературе. Изучение и сравнение археологических памятников с данными трактата Витрувия «Об архитектуре» раскололи археологов и филологов на два лагеря. Одни, как еще Роде в 1796 г., утверждали, что показания Витрувия соответствуют археологическим данным и трактат его является интереснейшим документом по истории техники античного строительства. Другие же, как, например, Шульц в 20-х годах XIX в., возражали против придания трактату Витрувия значения ценного и достоверного литературного источника.

Только в XX в. работы Зонтгеймера и Заккура внесли ясность в проблему датировки трактата Витрувия эпохой перехода от республики к принципату. Успех в разрешении этой задачи зависит от правильной постановки изучения Витрувия в более широком историческом плане.

Вдвинуть фигуру Витрувия в рамки римской исторической действительности и составляет задачу настоящей статьи.

Трактат Витрувия открывается вступлением, которое является одновременно и предисловием к I книге трактата, и введением ко всему труду, и посвящением его императору. В этом вступлении или посвящении обращает на себя внимание в первую голову то, что Витрувий выступает, как лично совершенно незнакомый Августу, но как очень хорошо бывший в свое время известным Цезарю: «Primum parenti tuo de eo fueram notus», именно в качестве специалиста по архитектуре: ему он отдал первоначально свои знания и труд, как приверженец его доблести—«eius virtutis studiosus». Несомненно, что такое обращение имело смысл тогда, когда Август еще не был полновластным обладателем римской державы, каким он стал после битвы при Акциуме. Такие заверения, как «моя неизменная к нему приверженность, продолжая пребывать верной его памяти, перенесла на тебя всю свою преданную любовь»,—могли иметь цену и смысл только тогда, когда Август еще делил с Антонием власть над средиземноморской римской державой и когда ему важно было возможно большее число цезарианцев привлечь на свою сторону и отвлечь от перехода на службу к Антонию. В связи с этим приобретает смысл и признание Августа узаконенным свыше наследником власти Цезаря. Но Витрувию было

мало наряду с другими цезарианцами (которых он тут же перечисляет, как инженеров)—Марком Аврелием, Публием Миндием, Кнеем Корнелием, предложить свои услуги Августу и получить соответствующее вознаграждение; он хотел выделиться из приходивших к Августу с предложением своих услуг цезарианцев. И это ему удалось, благодаря особой рекомендации его Август сестрой Августа Октавией. Он был выделен, как особый, хорошо знающий свое дело мастер, которому можно было самостоятельно доверить обеспечение сохранности и проверку боеспособности всего унаследованного Августом от Цезаря богатого арсенала метательных орудий—баллист, катапулт и скорпионов; их Цезарь усердно в свое время собирал со всего эллинистического Востока, как наследие давно минувшей там поры расцвета военного искусства и чудес военной механики. Таким образом, Витрувий получил постоянное место при Августе. Но этого было ему мало. Это послужило для него только мотивом для выявления себя в глазах Августа специалистом во всех областях архитектуры, и он мотивирует написание своего труда чувством благодарности за обеспечение, освобождающее его от материальных забот на будущее. Мы видим, таким образом, во вступительном предисловии объединение разных, далеко друг от друга отстоящих моментов: момента известности Витрувия Цезарю при его жизни, момента явки Витрувия к Августу с предложением услуг, момента поступления на постоянную должность при Августе и, наконец, момента оформления труда для подношения. Витрувий предполагает, что Август лично будет руководить стройкой и руководить так, чтобы все возглавляемое им строительство явилось памятником значительности его деяний—для увековечения в памяти потомства. Тут же вскрываются те пружины, уловить которые и нажимать на которые Витрувий становился способным только благодаря тому, что, не имея доступа в ближайшее окружение Августа, он, несомненно, был в курсе интересов приближенных Октавии. А в центре этих интересов стоял вопрос о наследнике Августа. Правой рукой Августа был Агриппа, которого он и прочил себе в преемники, тогда как Октавия чаяла видеть наследником Августа своего сына Марцелла. Естественно, что она не могла равнодушно видеть возраставшее влияние и популярность Агриппы, как главного, заслонявшего собою самого Августа, энергичного строителя-хозяйственника, который выводил Рим из состояния разрухи, наступившей в результате междоусобий, проскрипций и развития со времени смерти Суллы частного расточительного строительства в ущерб утилитарному, общественному. Характерно, что Витрувий сначала, в § 2, указывает только на необходимость усиления строительства и повышения типа общественных зданий—«*publicorum aedificiorum auctoritates*», а в § 3 указывает, как на задачу, на строительство не только общественных, но и частных зданий—«*et publicorum, et privatorum aedificiorum*». Этим как будто он намекает на два различных момента,—на момент, когда в противовес частному строительству, поглощавшему все ресурсы, резко было противопоставлено общественное в невиданном размахе, и на момент, когда со смертью Цезаря во время гражданской войны расстроилось и частное строительство, а между тем, при стечении в Рим, как в столицу мира, массы народа требовалось обеспечение этой массы жилищами и борьба со спекуляцией в деле частного строительства. Тут особенно рельефно сказывается различие характера строительства Цезаря и Августа. И это не единственный случай раздвоения моментов, отраженных во вступлении Витрувия, когда одни моменты относятся к эпохе Цезаря, а другие—

к Августу и его времени. Много было споров о том, к кому относилось обращение: *imperator Caesar*! Это соединение Витрувий употребляет только здесь. Всюду же, начиная с главы I книги I, мы имеем неизменно чередующиеся обращения: *imperator* или *Caesar*. Таково обращение к Цезарю Цицерона в его речах (*Caesar*) и воинов Цезаря к своему полководцу (*imperator*). Были попытки различать титулование Цезаря *Caesar imperator* и титулование Августа *imperator Caesar*, ссылаясь на монеты. Наконец, приверженцы теории отнесения трактата Витрувия к эпохе Флавия подчеркивали, что только Веспасиан стал последовательно титуловаться *imperator Caesar*, а в титуловании Августа нельзя было игнорировать его характерного титула *Augustus*. Но надо перенестись в эпоху Витрувия, когда еще был всего один *imperator Caesar*, а не целая серия Цезарей, из которой выделился Август и стал называться *Augustus, par excellence*, как первый, получивший этот титул.

Все выражения начала вступления могут быть отнесены непосредственно только к Цезарю и лишь косвенно и с натяжкой—к Августу. Такое, например, выражение, как «*divina tua mens et numen*», указывает на тот культ гения Цезаря—«*genium Caesaris*», который еще при его жизни уже имел большое распространение и получил официальное признание в целом ряде сенатских декретов. Далее, выражение «*imperio potiretur orbis terrarum*» указывает на осуществление заветной мечты Цезаря быть вторым Александром Македонским; выражение «*invicta virtute*» указывает на две черты, составлявшие гордость Цезаря: его личную доблесть, бесстрашие, с которым он всегда смотрел в глаза опасности, и престиж его непобедимости. Именно выражением этого престижа непобедимости и веры в нее явилась тогда надпись под статуей его, поставленной в храме Квирина, «*deo invicto*».

Таким образом, первые слова посвящения трактата Витрувия указывают на вполне определенный момент, когда он готовился поднести свой трактат Цезарю. Именно, после битвы при Мунде было такое впечатление, что все враги низложены, «*sunctis hostibus stratis*»; указывается на определенный триумф, на определенную победу (а не на триумфы и на победы вообще), которой граждане могли радоваться и гордиться, как победой своей столь же, как и победой Цезаря. Здесь отмечаются три конкретных момента: победа полководца является победой граждан, пожинающих плоды победы, «*civitas per te provinciis esset aucta*» (в частности, разумеются празднества, щедрые раздачи и угощения во время триумфа); второй момент—это престиж всех римских граждан, который высоко поднимается до степени мирового, вселенского в лице их полководца, за мановением которого следят покорно все племена—«*gentes omnes subactae tui spectarent nutum*». Третьим моментом является поддержание и сохранение этого высокого, мирового престижа, причем римский народ и сенат освобождаются от всяких страхов, находя твердое руководство во всеобъемлющих планах и определенных директивах. Таким образом, принципат Цезаря, в изображении Витрувия, слагается из трех источников: гения Цезаря, признания его римским народом в целом и возглавления им сената, как представительства народа. Обычная формула—«*senatus populusque Romanus*»—перевертывается и превращается в новую формулу: «*populus Romanus et senatus*»; к последнему, главным образом, и относятся слова «*liberatus timore*», так как известно из переписки Цицерона, какая паника охватывала всех представителей этого сословия при мысли о возможности замены диктатуры Цезаря, «милости-

вого господина», «*clementis domini*», по выражению Кассия, будущего убийцы Цезаря, диктатурой взбалмошного, мелочного, озлобленного Секста Помпея.

Из Испании Цезарь прислал в Рим декрет о планировании, расширении, реконструкции города Рима, до тех пор весьма мало похожего на столицу мира, а скорее на большую деревню. Вот ответом на ЭТОТ-ТО декрет, возбуждавший много толков и недоумений в головах римских старожилов вроде Цицерона, и явился трактат Витрувия, его посвящение; из этого посвящения ясно, что вынашивался трактат и писался он раньше, именно, в то десятилетие, которое отделяет первый порыв Цезаря к широкому размаху общественного строительства в 55 г., когда он в соперничестве с Помпеем, ценой безумных затрат на экспроприацию частных владений, создал новый форум—*Forum Iulium*, до нового порыва к грандиозному строительству в последний год своей жизни: «*Nam de ornanda instruendaque urbe, item de tuendo ampliandoque imperio plura ac maiora in dies destinabat*» (*S u e t.*—*Div. Iulius*, 44). В этих словах ярко сказывается неразрывная связь огромного размаха мировой политики со специфическими техническими задачами строительства; задумывались колоссальные и нигде никогда невиданные здания: «*imprimis Martis templum quantum nusquam esset exstruere repleto et conplanata lacu, in quo naumachiae spectaculum ediderat theatrumque summae magnitudinis Tarpeio monti accubans*».

Этим планам, в которых архитектурные задания неразрывно связывались с инженерно-техническими, вполне отвечали мотивы подношения трактата, выраженные в посвящении: в § 2 ясно подчеркивается огромная политическая роль строительства, как в смысле удовлетворения нужд населения («*de opportunitate publicorum aedificiorum*»), так и в смысле престижа внешнеполитического—«*ut maiestas imperii publicorum aedificiorum egregias haberet auctoritates*».

Кроме того, делается ясное указание на перерыв между двумя программами широкого строительства, вызванный борьбой за власть: «*Cum divina tua mens et numen, imperator Caesar, imperio potiretur orbis terrarum... non audebeam ...de architectura scripta et magnis cogitationibus explicata edere, metuens ne non apto tempore interpellans subirem tui animi offensionem*».

А если мы обратимся к самому трактату, то увидим, что в центре стоят как раз те виды зданий, о сооружении которых в грандиозных размерах мечтал Цезарь в последние месяцы своей жизни: храмы (книги 3 и 4 трактата) и театры (книга 5). Самое построение трактата, суммирующего все ценные достижения, отвечало принципиальным установкам самого Цезаря, отразившего в своих комментариях тенденцию к суммированию всех достижений военного искусства, а в планах строительства—стремление к суммированию всех достижений в области культуры, как, например, в области римского права («*ius civile ad certum modum redigere atque ex immensa diffusaque legum copia optima quaeque et necessaria in paucissimos conferre libros*»—*S u e t.*) путем его кодификации, в области литературы и науки путем создания грандиозной библиотеки, как сокровищницы всей греческой и римской письменности («*bibliothecas graecas latinasque quas maximas posset publicare data M. Varroni cura comparandarum ac digerendarum*»).

Трактат Витрувия не носит характера популяризации к гигантомании; напротив, строгое чувство меры и возведение соразмерности, «симметрии»,

в высший принцип архитектуры проходит красной чертой через весь трактат. Но и Цезарь, как в своем литературном стиле, так и в своих теориях литературного языка (трактат «De analogia»), тоже был сторонником строгого чувства меры и трезвости. Поэтому трактат Витрувия, суммируя достижения архитектуры, создавая из их свода как бы критерий для нового замышляемого Цезарем строительства, шел навстречу стремлениям самого Цезаря и его естественной потребности в таком критерии: «Conscripsi praescriptiones terminatas ut eas attendens et ante facta et futura qualia sint opera per te posses nota habere».

Размах задуманного Цезарем строительства, как воплощения величия средиземноморской Римской империи, обеспечение этого строительства неиссякаемыми средствами, спрос на таланты, которые могли бы удовлетворить этим раскрывающимся неограниченным возможностям, породили идею трактата Витрувия, идею мировой полноценной архитектуры. С другой стороны, на свой трактат Витрувий смотрел, как на критерий, корректив и противоядие против всяких суррогатов полноценной архитектуры. Он предостерегает Цезаря от увлечения и излишнего доверия к современным ему греческим мастерам. Он критикует построенные Цезарем по их проектам сооружения (храм Венеры Родительницы, храм Квирина, спешно начатый реставрированием после пожара, и т. п.). Самый трактат он стремится по всем данным поднести Цезарю в противовес хозяйничанью Бальба Старшего (обоих Бальбов Цицерон недаром называл «geges»), который был раньше praefectus fabrum Цезаря в Испании и в Галлии, а в то время был ближайшим советником Цезаря по финансовой части и распоряжался заказами и подрядами финансируемых им предприятий, вероятно, по его инициативе.

Витрувий в своем трактате выступает явным марианцем; красной нитью через весь трактат проходит та идея, что с начала II в. до н. э. когда, связав по рукам и ногам Карфаген, Рим перешел в наступление на весь культурный средиземноморский мир, он перехватил пальму первенства у Греции не только в военном деле, но и в архитектуре, выродившейся у греческих мастеров в эклектику, прожектерство и схематизм.

В военном деле Рим быстро перехватил и суммировал все достижения военного искусства и бил своих противников именно умением мобилизовать все силы в нужный момент и в нужном пункте. Но жадно впитывая все достижения военной техники всех родов оружия, римляне оказались необыкновенно восприимчивыми и к другим видам техники. Довольно равнодушно относясь к греческой классической архитектуре, они увлекались блеском и размахом эллинистической малоазийской архитектуры. Однако строгие традиционные формы римского быта не позволяли развернуться во всю ширь на родине вновь явленным римским зодчим. Витрувий отмечает на рубеже III и II вв. до н. э. как бы перелом, начало перехода в руки римлян наряду с первенством в военной технике и первенства в архитектуре. В то время как на римской почве он отмечает с начала II в. вырастание все более и более совершенных, но скромных по размеру построек, главным образом, храмов, он отмечает, как характерный, знаменательный факт, предположение, которое было отдано перед греческими мастерами римскому зодчему Коссутию при возведении грандиозного храма Зевсу Олимпийскому в Афинах на средства царя Антиоха (V i t r u v ., VII praef., § 15).

Но не только формы быта служили препятствием для развертывания архитектурных талантов на римской почве, но и предубеждение делающей заказы знати, как это было и в новое время, пристрастие к заграничному,

заморскому, иноземному и пренебрежение к своему, хотя бы и лучшему, играло большую роль: так, отделка храма Юпитера Статора и сооружение портика при нем были поручены выпisanному из Саламина архитектору Гермодору, возможно потому, что иностранец не мог претендовать в римских условиях на славу сооружения, которая называлась именем знатного лица, как *porticus Metelli* (книга 3, гл. II, § 5). Неслучайно Витрувий сопоставляет рядом эту работу саламинского архитектора с работой римского архитектора Муция, построившего храм Чести и Доблести—*Neoporis et Virtutis*, храм чисто римского гражданского культа, по инициативе Мария («*aedes Mariae a Mucio facta*»). Об этой постройке Гая Муция Витрувий говорит: «*Id vero si marmoreum fuisset, ut haberet quemadmodum ab arte subtilitatem, sic ab magnificentia et impensis auctoritatem, in primis et summis operibus nominaretur*».

Таким образом, только при Марии и под его эгидой получили возможность широко развернуться римские архитектурные таланты на римской почве, и характерно, что память об этом сохранил нам только марианец Витрувий. Один из Муциев имел мужество даже перед всемогущим диктатором Суллой протестовать в сенате против объявления Мариа врагом отечества. Уже техническое оборудование и архитектурное оформление марциева водопровода знаменовало собою необычайный размах римского строительства во второй половине II в. до н. э. Об организации областного строительства той эпохи свидетельствуют знаменитая ПUTEОЛАНСКАЯ надпись и некоторые данные новейших раскопок в Минтурнах.

Марианство Витрувия гармонировало вполне по его субъективному представлению с марианством Цезаря (в какой мере у Цезаря оно было искренним или демагогичным — трудно сказать), но резко расходилось и с показным марианством Августа, и с выхолощенным марианством поздних цезарианцев вроде Плиния Старшего, который, впрочем, в начале книги XIV своей «*Naturalis Historia*» прямо указывает, как корень всех зол, сулланский принцип продвижения по общественной лестнице исключительно в зависимости от ценза.

Цезарь в год своего эдилитета (65) тайно, за ночь, в виде сюрприза, приятного для одних и очень неприятного для других, восстановил статуи Мариа и трофеи его побед на Капитолии (П л у т а р х—Цезарь, гл. VI), чем возбудил ликование марианцев, которых вдруг оказалось великое множество. Что касается показного марианства Августа, то весьма возможно, что в значительной мере он прикинулся марианцем в период после испанской войны, когда Цезарь подбирал комплект деловых, действительно преданных ему и заслуживающих его доверия людей. После убийства Цезаря он предоставил Антонию одиозную роль подавления марианского восстания, возглавлявшегося неким новоявленным сыном Мариа.

Строительство Августа ничего общего ни по плану, ни по размаху, ни по темпам не имело со строительством, задуманным и начатым было Цезарем. Тем не менее, Август демонстративно подчеркивал противоположение царившему почти безраздельно частному расточительному строительству—строительства общественного, которое у него сводилось к убогодчному, меценатскому, показному. Чтобы придать своему строительству характер якобы завещанного лучшими традициями прошлого, он выкапывал из той же марианской эпохи «*libros totos et senatui recitavit et populo notos per edictum saepe fecit ut... Rutili «de modo aedificiorum», quo magis persuaderet... rem non a se primo animadversam, sed antiqui iam tunc curae fuisse*». «*Iam tunc*»,—т. е. до диктатуры Суллы. Из этого

видно, с одной стороны, что в глазах Августа авторитет Витрувия сам по себе, как таковой, был равен нулю, так как он маневрировал в своей политической агитации архаическими документами из архивов сената, недоступных ни для Витрувия, ни для большой публики. Такой же демонстративный характер носили и подновления и репродукции обветшавших вещественных памятников и документов, как реставрация архаических храмов и строительных надписей марианской эпохи, благодаря чему и сохранилась дошедшая до нас ПUTEОЛАНСКАЯ надпись, как «уникум»; образец строительных контрактов марианской эпохи. Строительство Суллы имело чисто эпизодический и беспланный, бессистемный характер (Пренесте!): надо было дать работу кадрам ремесленников, пока были на то лишние государственные средства, в то же время в корне подорвать коллективы этих ремесленников путем удушения их цензом, отстранения популярных отечественных мастеров от руководства и назначения на их место иностранцев. Ни одного имени видного римского архитектора Витрувий не упоминает от Суллы до своих времен. Гостилий, выдвигаемый им, как умный градостроитель (кн. I), или Фуфиций, по его сведениям, первый из римлян писавший об архитектуре, по всем данным, относятся к марианской эпохе. Септимий и Варрон, писавшие об архитектуре, являются уже современниками Витрувия. Современником Витрувия был и знаменитый, ославленный Катуллом в его язвительных эпиграммах *praefectus fabrum* Цезаря Мамурра. С ним, очевидно, Витрувий по службе находился в самых тесных отношениях, по крайней мере, известное время, но об этих отношениях неудобно было распространяться после того, как эпиграммы Катуллы, бессознательного орудия республиканского нобилитета, заклеили Мамурру до такой степени, что о его талантах и постройках неудобно было распространяться не только Витрувию, но и самому Цезарю.

Мамурра, несомненно, первоначально выдвинулся на поприще частного строительства, во время горячки этого строительства, когда, по примеру Суллы, хищнически растаскивались по виллам драгоценные архитектурные материалы: колонны, статуи, всевозможные орнаменты, после того, как они, на потеху развращаемой столичной массе, профигурировали в качестве импровизированной бутафории на триумфах, празднествах и торжествах. Плиний с возмущением вспоминает эти времена, картинно рисуя, как роскошные мраморные колонны проносились хищнически второпях мимо глиняных фасадов культовых и общественных построек. Мамурра не дал себя затереть, как были затерты и исчезли в безызвестности многие талантливые римские зодчие и техники. Он построил все свое отцовское наследие и вынужден был при заказах вступать в конкуренцию с иностранными—греческими и восточными—архитекторами, которых выписывали для выполнения своих капризов и причуд разжиревшие римские нобили и которые сплошь да рядом наживали себе огромные состояния вроде Цицероновского архитектора Кюруса, отказавшего в своем завещании в наследство крупный куш самому Цицерону и передавшего свое крупное дело на ходу своему вольноотпущеннику Хризиппу. Услугами этого Хризиппа и пользовался Цицерон для своих барских затей вплоть до диктатуры Цезаря, которая обрезала крылышки частному строительству и заставила Цицерона по своим строительным нуждам обращаться к Бальбу Старшему, бывшему в то же время между ним и Цезарем дипломатическим посредником. Цицерон охает и вздыхает, что ему тяжела и неприятна эта зависимость от «царей», как он называет обоих

Бальбов, Старшего и Младшего, но, в конце концов, эти охи и вздохи ему не мешают использовать этих «царей» для получения денежных ссуд от Цезаря. Бальб Старший, как и Мамурра, был *praefectus fabrum* Цезаря. И испанец Бальб, и чистокровный, римской закваски италик из краев, близких к Кампании, кипучему центру горячки частного расточительного строительства, именно из Формий (*decoctor Formianus*—формианский кутила, как его называет Катулл), Мамурра были, можно сказать, двумя медведями, которым в одной берлоге крайне трудно было ужиться. А между тем, они оба были чрезвычайно нужными людьми для Цезаря. Оба начали свою карьеру под эгидой Помпея, и обоих переманил на свою службу Цезарь. Собираясь в свой поход на Восток против Митридата, Помпей нуждался в хорошем заведующем материальной интендантской и инженерно-технической частью, и выбор его остановился на успевшем пробиться и создать себе громкую репутацию даже у капризных самодуров и политиканов Кампании, молодом архитекторе—Мамурре. Точно так же и Бальб, знатный гадитанец, в тех же восточных походах Помпея заработал себе римское гражданство, которое в те времена было несовместимо ни с каким другим гражданством, и будучи приписан к роду Корнелиев—*Cornelius Balbus*—окончательно романизовался. Однако против его гражданства и его правомочности поднялись протесты; дело дошло до суда, на котором его защищал и его дело выиграл Цицерон, попавший тогда в фарватер (как он выражается,—*nova coniunctio*) политики Цезаря и Помпея. До диктатуры Цезаря по всем данным превалировал Мамурра: те изумительные инженерные работы, которые решали успех кампании Цезаря в Испании (Лузитании), в Галлии и на Востоке, почти несомненно можно сказать, были делом рук этого гениального римского инженера, которого не мог не ценить Цезарь. Но, озлобленный агитацией и личными нападками нобилей, Мамурра хотел затмить их великолепием своих собственных домов и вилл. На видном месте, на холме Целии, он воздвигнул роскошный дворец из самого дорогого эвбейского (каристского) и каррарского (*Iunensis*), впервые им на почве Италии найденного и пущенного в оборот мрамора. Несомненно, что это был умышленный вызов, который доставил много неприятностей Цезарю и который не одобрялся ни истыми марианцами, ни умеренными нейтральными республиканцами. И когда Цезарь, отдав в жертву разыгравшихся appetitов своих сторонников Африку, перешел на режим экономии в Италии, его ближайшим советником, доверенным и приближенным стал Бальб, тогда как с такими распоясавшимися цезарианцами, как Марк Антоний или Мамурра, у него были серьезные столкновения.

Из филиппики Цицерона мы знаем, что эти столкновения с Антонием приняли крайне острый, скандальный характер: дело дошло до того, что Цезарь вынужден был чуть ли не при помощи вооруженных выселять Антония из занятого им помпеева дворца, а Антоний, как жаловался в сенате сам Цезарь, был уличен в покушении на его жизнь. О размолвке с Мамуррой свидетельствует одно место из переписки Цицерона от декабря 45 г., где говорится, что как только заходила речь о Мамурре, Цезарь делал равнодушную мину и молчал, как будто ему до Мамурры не было никакого дела—*«de Mamurra audivit: vultum non mutavit»*. Между тем, тут же Цицерон, описывая времяпрепровождение Цезаря в поместьях Кампании, между прочим, и в цицероновом ПUTEОЛАНУМЕ, говорит, что Цезарь целыми днями никого не принимал к себе, занятый составлением приходо-расходных смет с глазу на глаз с Бальбом—должно быть, бюджетных рас-

четов с Бальбом. Бальб был гениальным финансистом. Цезарь с его помощью не только сводил концы с концами, но и, как известно, оставил после себя казну с богатыми ресурсами. Но по части строительства и его планировок за отставкой Мамурры приходилось обращаться к выписке архитекторов из Греции и Малой Азии. Действительно, планировка Рима, очевидно, по настоянию Бальба, была поручена афинскому архитектору. Такой обход своих отечественных архитекторов мог объясняться как политическими причинами—неудачным опытом с Мамуррой, так и профессионально-техническими соображениями: недоверием к достаточной теоретической подготовленности римских архитекторов-самоучек, а также личными мотивами самого Бальба, не желавшего иметь конкурентов в лице римлян, способных оттеснить (хотя бы и натурализованного) иностранца. Против этих-то всех предубеждений и выступил Витрувий со своим трактатом, в котором он развивал идею той полноценной архитектуры, которая должна была отвечать величию образовавшейся Римской средиземноморской державы, показав свою одинаковую как теоретическую, так и практическую подкованность и доказывая необходимость создания кадров полноценных архитекторов. Что поражает в начале его трактата, это тот мажорный, уверенный тон, с которым автор развивает свои идеи полноценной архитектуры и полноценного архитектора, не подвергая никакому сомнению, что средства для осуществления этих идеалов и все данные—налицо. Витрувий был уверен, что стоит ему только через голову Бальба подать Цезарю свой трактат-меморандум, как все преграды падут, и общий язык с Цезарем будет найден. В глазах Витрувия такие факты, как поручение Цезаря Варрону создать общедоступную библиотеку греческой и римской литературы, с одной стороны, а с другой—разрешение Цезарем увековечивать имена строителей на их сооружениях, вселяли уверенность, что принципы трактата войдут полностью в программу строительства Цезаря. И это тем более, что они были согласованы с собственными тенденциями Цезаря, требованиями в первую очередь «sollertia»—способности суммировать и уметь мобилизовать все достижения в нужном пункте и в нужный момент, чем особенно был ценен Мамурра. Совсем другой, приниженный, минорный тон мы видим в позднейших вставках вышеразобранного посвящения и в написанных специально для второй редакции предисловиях к отдельным книгам, особенно ко второй и третьей. Лейтмотивом всех этих lamentаций является сетование на то, что ни талант, ни знания, ни мастерство не открывают широкой дороги, а все зависит от материальной обеспеченности, от случайности и протекции. Во вставном пассаже посвящения Витрувий указывает на свою материальную необеспеченность. Во вступлении ко второй книге, целиком написанном по адресу Августа, Витрувий рассказывает, как знаменитый архитектор Динократ только потому возвысился из полной неизвестности, что сумел обратить внимание Александра своей изящной и представительной наружностью.

По этому поводу Витрувий рисует свою собственную невзрачную внешность и как бы просит не судить о его труде с предубеждением на основании его невзрачной наружности. Напротив, он выражает надежду, что его труд при первом с ним ознакомлении рассеет предубеждение против него. Вступление к книге 3, тоже целиком ориентированное на Августа, представляет из себя настоящую филиппику против меценатства. Витрувий говорит, что таланты скрыты: все зависит от протекции. Так было в прошлом, так оно и сейчас, т. е. во времена Августа. Великие художники и мастера стали великими постольку, поскольку они работали на

крупные общины, на царей или на знатных граждан. А мастера с меньшим талантом, не менее хорошей школы и с такой же высокой техникой, но работавшие на граждан низкого положения, не достигли ни малейшей известности, хотя и создали не менее выдающиеся своим совершенством произведения: не творческая энергия и не артистическая сноровка, а счастье им изменило.

Но Витрувий готов еще помириться с тем, что вследствие недостаточной компетентности в вопросах искусства действительные дарования остаются в тени. Но вот чего он не может переварить—того, что справедливые оценки подменяются пристрастными в результате обмена любезностями размякших на пирушках собутыльников.

Так метко охарактеризовал Витрувий компанию Мецената и его сотрапезников, производивших гнусную обработку свежих, нетронутых талантов в певцов ходульного, фальшивого героя Августа. Чувствуется, что Витрувию трудно найти настоящий тон и язык для разговора с Августом и что у Августа нет никакой охоты прислушиваться к словам Витрувия. При таких условиях самое подношение трактата и тщетные старания Витрувия, равно как и поощрение их Августом, без чего они сразу же в корне пресеклись бы, являются загадкой. Разрешения ее можно искать, лишь внимательно следя за всеми перипетиями карьеры как архитектора Витрувия, так и императора Августа.

Ни года рождения, ни года смерти Витрувия мы не знаем, но место рождения теперь, при привлечении новых эпиграфических данных, мы можем с полным вероятием определить: это соседний с Кампанией Формианский округ, где сохранилось много надписей с фамильным именем Витрувиев; тут же была найдена не так давно и надпись с именем жены Мамурры, Ауфиллии. Во вступлении к книге 3 Витрувий рассказывает, что его родители позаботились дать ему архитектурное образование. Спрос на архитекторов при строительной горячке в Кампании был велик, но, с другой стороны, трудно было римским архитекторам с успехом конкурировать с иностранными архитекторами. Вероятно, эти иностранцы, как греческие риторы и грамматика, занимались также преподаванием. Пример Мамурры, составившего себе карьеру, должен был окрылить всех родителей, вынужденных при ограниченности средств готовить хотя бы некоторых сыновей к какой-нибудь доходной профессии. В своем трактате Витрувий приводит живые, наглядные примеры и наблюдения как раз из тех местностей и стран, в которых, как известно, подвизался Мамурра: Испания, Лузитания, Галлия, Малая Азия. Сицилия, например, в которой Мамурра, повидимому, совсем не подвизался, остается совершенно вне поля зрения Витрувия, если не считать пары книжных цитат. Из этого, конечно, не следует, что Витрувий всюду, во всех походах, участвовал вместе с Мамуррой; но что он был известен Цезарю, как дельный, знающий, теоретически подкованный архитектор-инженер, об этом он сам говорит в предисловии ко всему трактату, и самый трактат при правильном историческом к нему подходе об этом свидетельствует.

Лично не участвуя во всех походах, Витрувий, однако, мог знать подробности о них и о странах, где они происходили, от многочисленных своих товарищей, участников этих походов. Так, он рассказывает один эпизод из походов Цезаря (кн. 3) в Альпах, который возбуждает сомнения критиков. Возможно, что он описывает его по наслышке и на веру. Затем, в восьмой книге он сообщает, что был связан узами гостеприимства с неким Гаем Юлием Масиниссой. Самое имя указывает на дарование ему

римского гражданства, и притом милостью Цезаря. Витрувий сообщает, что этот Гай Юлий Масинисса, во-первых, являлся владельцем целого округа с городом, образовавшим его центр, и, во-вторых, что этот Масинисса гостил у него некоторое время, причем Витрувий передает содержание некоторых происходивших между ними бесед. Спрашивается, где и когда мог гостить у Витрувия африканский владетельный князь, получивший эти владения из рук римлян вместе с римским гражданством? Это могло быть только после африканского похода, когда этот Масинисса по делам мог приехать в Италию и должен был иметь аудиенцию у Цезаря. Такой визит свидетельствует о высоком, почетном положении Витрувия. Это и было в то время, когда он выжидал удобного момента для подачи Цезарю своего меморандума об архитектуре. Но аудиенции у Цезаря дожидаться было даже таким, как Цицерон, не легко.

Витрувий был тогда не одинок. Если позже, по распылении цезарианцев маневрами и интригами Августа, он все-таки явился к нему с предложением услуг не один, а в компании с бывшими сослуживцами, товарищами, то тогда, когда Цезарь развернул перспективы небывалого по размерам и размаху строительства, за плечами Витрувия стояли очень и очень многие, как и он, жаждавшие применения своих знаний, опыта и талантов в грандиозном строительстве. Если бы осуществилась мечта Витрувия, сквозящая в заключительных словах его посвящения—стать таким же доверенным лицом по части строительства, каким был Бальб Старший по финансовой части, то он, разумеется, облегчил бы конкуренцию римских мастеров с пришлыми элементами. Во всяком случае мы имеем сведения, что при Цезаре были римские мастера, которые воздвигали общественные постройки и на них начертывали свое имя. Разумеется, все эти имена были стерты. С каким негодованием Цицерон в XIII филиппике, § 26, где он с язвительным сарказмом перебирает имена цезарианцев, упоминает о некоем Гостилии, которого он в насмешку называет Туллом Гостилием, как тут же другого цезарианца Деция в насмешку возводит к Децию Мусу—«*ab illis, ut opinor, Muribus, itaque Caesaris munera rosit*». Цицерон не может переварить, как этот Гостилий «*su o i u r e in porta nomen inscripsit qua cum prodere imperatorem suum non potuisset, reliquit*».

Такой знаток родословных связей римских фамилий, как Мюнцер, связывает этого Гостилия с энергичным градостроителем Гостилием, который выводится в трактате Витрувия. Мюнцер подчеркивает, что все эти выводимые Витрувием в трактате Гостилии, Фуфиции, Фабери, как и Витрувий,—верные приверженцы Цезаря «*eius virtutis studiosi*»—были предметом смертельной классовой ненависти республиканского нобилитета, не могшего простить им их материального благосостояния и продвижения вверх по общественной лестнице. Эта травля, как показывают эпиграммы Катуллы, достигала своей цели. Мамурра должен был стучаться. По всей вероятности, как и Саллюстию, Цезарь отдал и ему на кормление Африку. В Италии он оказался не удел, хотя, очевидно, оставил там многочисленную родню, так как Гораций в своих сатирах называет презрительно Формии, родину Мамурры, «*Mamurrarum urbs*», город, где хозяйничают Мамурры, где вся подгородная земля была в руках сородичей Мамурры. Но в Африке, очевидно, Мамурра не был, как Саллюстий, мимолетным гостем, а пустил там глубокие корни, и его ближайшие потомки, вероятно, были в числе тех немногих крупных землевладельцев, которые владели всей римской Африкой и которых, как сообщает Плиний, казнил Нерон, конфисковав их латифундии. Памятником царства Мамурр_ в Африке

осталась только уцелевшая знаменательная надпись от воздвигнутой арки: «M. Vitruvius Mamurra arcum sua pecunia fecit». В Италии еще раньше, при Клавдии, были конфискованы мамуррские уголья, но имя за ними осталось «Mamurrantum». И это имя пережило и средние века, так как слегка италянизированное красуется еще в летописях начала XI в. Витрувий, как мы видели из сохранившейся надписи, очевидно, тесно связанный с Мамуррой, быть может, даже сам носивший этот cognomen, в то время, как Vitruvius было nomen gentilicium, как предполагает с большим вероятием итальянский эпиграфист Giglioli,—предпочел, повидимому, отмежеваться от Мамурры, надеясь на самостоятельную карьеру при Цезаре, а потом при Августе. Но смерть Цезаря разрушила его, казалось, столь близкие к осуществлению надежды, а двуличность Августа, в конце концов, должна была открыть ему глаза на неосуществимость его надежд после смерти сына Октавии Марцелла и утраты политического влияния его матерью Октавией, которая была единственным посредствующим звеном в сношениях между Витрувием и Августом. Что же из себя представляла эта Октавия, старшая сестра Августа? Она родилась в 61 г. до н. э., до 44 г. вышла за Кая Марцелла из рода Клавдиев Марцеллов и обычно изображается в роли миротворицы, якобы смягчившей в 43 г. кровавые проскрипции, на самом деле благодаря Августу, его беспощадности и мелочности затмившие собой проскрипции Суллы. Август сделал сестру орудием своей политики, выдав ее по смерти ее мужа в 40 г. за Марка Антония, разумеется, для того, чтобы иметь о всех шагах, закулисных делах и сношениях своего соправителя и соперника по власти над средиземноморской Римской державой самую свежую, непосредственную информацию. Разумеется, эта шпионка в роли жены была неразлучной спутницей своего супруга, когда он отправился в Грецию (в 39—38 гг.). Нужно было иметь большое искусство, весьма тонкую эластичность и изворотливость, чтобы так долго поддерживать дипломатические отношения между такими двумя антиподами, как Антоний и Август. И можно поверить общепринятой версии, что это она сумела осенью 37 г. устроить в Таренте свидание и предотвратить разрыв дипломатических сношений между своим братом и супругом; но уже в 35 г. Антоний окончательно раскусил ее и удалил от себя, а в мае или июне 32 г., очевидно в ответ на шпионские интриги, для которых открывало еще больший простор положение законной супруги, Антоний развелся с ней уже формально. По возвращении в Рим к своему брату Октавия и тут нашла приложение своим тонким дипломатическим способностям. И вот, повидимому, тогда-то и Витрувий попал в ловко расставленные сети ее интриг. После смерти Цезаря и подавления в зародыше возникавшего в ответ на убийство диктатора марианского мятежа Витрувий, перед которым рушились все связанные со строительными планами Цезаря перспективы, с осколками марианцев ушел, повидимому, в Африку, где у него были гостеприимные связи и где, по всей вероятности, проживал и пускал корни Мамурра. Но туда же переправился и Бальб Младший, который под эгидой Азиния Поллиона в карикатурном виде думал затеять в Африке грандиозное строительство в духе планов Цезаря. Азиний Поллион был единственным влиятельным цезарианцем, к которому могли пристать Витрувий и осколки цезарианцев. Азиний Поллион, однако, не долго пробыл в Африке. Ему было поручено ведение войны в Иллирии, и в 39 г. он отпраздновал с триумфом ее окончание. В том же году он соорудил «Atrium Libertatis», где открыл первую публичную библиотеку. Плиний категорически утверждает, что Азиний Пол-

лион был первым инициатором создания публичной общедоступной библиотеки не только в Риме, но и в целом свете.

Плиний выражал сомнение в приоритете александрийской и пергамской библиотек, тепличных, замкнутых, служивших лишь поводом к тщеславному соперничеству между царями Пергама и Александрии.

Азиний Поллион представлял из себя чрезвычайно интересную фигуру. Это был честный и порядочный, но уже зараженный пессимизмом, фатализмом и резиньяцией человек. Он был цезарианцем, но относился к Цезарю критически и, с другой стороны, отдавал справедливость его противникам. Август ловко использовал его либерализм в тот период, когда сам еще не чувствовал достаточно твердой почвы под своими ногами и должен был надевать на себя демократическую личину. Он принял меры, с одной стороны, к отвлечению от Азиния Поллиона всех способных к активности сил, бывших в его окружении, и, с другой стороны, постарался подменить эти активные элементы безвредными, индифферентными, платонически-либеральными. Азиний Поллион, прославляемый поэтами августовского окружения, такими, как Гораций, Вергилий, сделался инициатором так называемых рецитаций для поощрения новых талантов и широкого означления с ними римской публики. Активные элементы предполагалось отчасти распылить, отчасти перегнать на службу Августу. Переход Витрувия от Азиния Поллиона к Августу, несомненно, был подстроен Октавией, которую Витрувий сам называет своей патронессой. Лично неизвестный Августу, он каким-то образом оказывался известным ей. Откуда Витрувий мог стать ей известным и заслужить ее особую рекомендацию Августу? Единственным основанием тому мог быть только тот факт, что существование трактата Витрувия в первоначальной его, предназначенной для Цезаря, редакции стало известным Октавии: посвящение Цезарю могло быть легко переадресовано Августу и отвечало мнимо-демократическим тогдашним его жестам; трактат Витрувия мог играть роль таких же идиллических призывов к ремесленному труду, какими являлись около того времени появившиеся по особому заказу Августа «Георгики» Вергилия, призывавшие к сельскому труду.

Содержание трактата Витрувия как нельзя более гармонировало с идеей созданной Азинием Поллионом библиотеки—служить сокровищницей всех плодов ума человеческого и арсеналом для вооружения ими новых подрастающих поколений. Разумеется, Август постольку поощрял это предприятие, поскольку оно способно было на данном, «демократическом», этапе его политики содействовать усыплению политических интересов. Естественно, что Витрувий, передающий свои непосредственные впечатления от этой библиотеки во вступлении к книге 9, так или иначе предлагал свой трактат для издания Поллиону. Но тут было два препятствия: посвящение Цезарю и ориентировка на него во всем трактате-меморандуме, а с другой стороны—принцип, которого строго держался Азиний Поллион в подборе книг народной библиотеки: он включал в нее книги всех авторов, кроме еще живых современников, причем он сделал единственное исключение для Варрона, бюст которого он, тоже в виде исключения, поставил там при его жизни.

Но Варрону сам Цезарь поручил организовать общественную библиотеку, и Витрувию, конечно, трудно было ожидать одинаковой с Варроном чести. Однако есть следы каких-то отношений трактата Витрувия к Поллиону. Поздний эпигомотор Витрувия, Цетий Фавентин, ставит рядом имена Vitruvius и Polio, как будто фигурировали два издания Витрувия

в его время: одно под именем Витрувия, другое под именем Поллиона, очевидно, от какого-то именного обращения Витрувия к Поллиону. Есть и цитаты, ссылки на места Витрувия, которых в дошедшем тексте нет. Возможно, что они относятся к первоначальной редакции, изданной Поллионом. Очень возможно, что Октавия ввиду популярности поллионовского издания (в шести книгах) засадила Витрувия за оформление трактата специально для Августа, чтобы вытеснить поллионовское издание десятикнижным. И то значение, какое Витрувий придает числам 6 и 10, и анализ композиции трактата, вскрывающий швы двух сшитых редакций, вполне подтверждают такое предположение.

Витрувия заманило на службу к Августу желание издать свой труд и в то же время занять руководящее место, по заманчивым обещаниям Октавии, и при Августе. С другой стороны, нужно признать, что Витрувий не мог рассчитывать на особую щедрость Азиния Поллиона, который со своим либерализмом попал в ловушку и в плен к Августу и в сущности в 39 г., когда он отпраздновал свой триумф и основал библиотеку,—закончил свою активную политическую карьеру. Что он чувствовал свой плен и заразился общим духом резиньяции, это видно из его ответа Августу, когда тот призывал его на борьбу с Антонием перед битвой при Акциуме. Поллион отвечал Августу на его призывы: «Деритесь, а я останусь в добычу победителю!»

Ясно, что те активные элементы, которые, как Витрувий, были привлечены к Поллиону, как к единственно возможному исполнителю заветных замыслов Цезаря, вроде создания общедоступной сокровищницы достижений человеческого ума, в конце концов, после 39 г. разочаровались и отчасти расплылись, отчасти попали на удочку Августу и его любезной сестре Октавии, которая вела свою особую линию и имела свое особое окружение, отличное от интимного окружения самого Августа, где главную роль играл вероятный преемник Августа—Агриппа. Но у Октавии был сын Марцелл, которого она прочила в преемники Августу. После того как Агриппа необычайно возвысился, как победитель Антония при Акциуме, Октавия стала внушать крайне подозрительному в сознании своего ничтожества Августу, что ему грозит опасность превращения Агриппы из его помощника в соперника и антагониста. Поэтому она посоветовала Августу выдать ее дочь Марцеллу за Агриппу для выполнения той же роли шпионки-жены, какую она сама с таким блестящим успехом в свое время выполняла в роли жены тогда уже уничтоженного Антония. В 28 г. этот брак состоялся, и вот как раз недаром к этому времени приурочивается по всем данным преподнесение Августу Витрувием своего трактата. Очень возможно, что сама Октавия помогла Витрувию отредактировать новое посвящение, сшитое из старого и вставок в честь Августа. Август очень любил идентификацию его с Цезарем; на это били его выдрессированные придворные поэты. Известен пассаж из «Энеиды» Вергилия, где поэт, начиная с восхваления Цезаря: «Nascetur pulchra Troianus origine Caesar Iulius a magno demissum nomen Iulo...», кончает восхвалением в одном и том же лице Августа: «Claudentur belli portae; furor impius intus saeva sedens super arma et centum vinctus aënis post tergum nodis fremet horridus ore cruento». Так и у Витрувия одно и то же лицо является и первоначальным завоевателем власти над миром, и наследником и преемником завоевателя.

Таким образом, преподнесение трактата Витрувием приобретало уже характер акта большого политического значения и предвещало Витру-

вию осуществление его двоякой заветной мечты: опубликование его трактата и роль авторитетного советника в предстоящем государственном и общественном строительстве. Октавия была заинтересована в том, чтобы трактат Витрувия произвел на Августа самое лучшее впечатление. И возможно, что она передавала отдельные книги трактата, сообщала о произведенном каждой книгой впечатлении и таким образом косвенно инспирировала характер отдельных вступлений к дальнейшим отдельным книгам. Все складывалось и шло для Витрувия как будто необыкновенно удачно. Пока еще держался Агриппа, Витрувий получает уже почетное поручение соорудить базилику в Colonia Iulia Fanestrus и строит ее по образцу юлиевой базилики, построенной Цезарем в Риме, быть может, не без участия самого Витрувия. С отъездом Агриппы на Восток во главе водоснабжения в Риме становится Витрувий. Здесь разгадка загадочного путания имен Агриппы и Витрувия у Фронтин на поводу спора об инициативе того или другого в весьма важных мероприятиях по регулированию водоснабжения города Рима. Это водоснабжение было гордостью Рима на протяжении всего I в.; и Плиний, и Фронтин превозносят водопроводные сооружения Рима как по их инженерно-техническому совершенству, так и по совершенству их архитектурного оформления выше всех чудес света, «праздных» египетских пирамид и т. п. Но торжество Витрувия продолжалось недолго. В 23 г. умер Марцелл, и в роли единственно возможного преемника Августа опять был восстановлен Агриппа. В результате Агриппа разводится с Марцеллой, женится на дочери Августа Юлии, и Витрувий, как ставленник Октавии, остается не у дел, а может быть, и терпит преследования и травлю мстительной враждебной клики, не прощающей ему его временного возвышения. Его дальнейшая карьера и год смерти остаются покрытыми мраком неизвестности, но ввиду его известных нам гостеприимных связей в Африке и вероятного, как отчасти мы можем заключить из уцелевших эпиграфических памятников, пребывания там Мамурры, естественно предположить, что он отправился именно в Африку для приложения своей неистощимой энергии; и, как показывают новейшие исследования, нигде архитектурные постройки не отвечают так близко витрувианским нормам, как именно в Африке. В этом отношении знаменит уцелевший до сих пор так называемый Капитолий в африканском местечке Дугга, снимок с которого фигурирует в качестве фронтисписа в новейшем английском издании Витрувия Грэнджера (F. G r a n g e r).

Итак, какие выводы приходится сделать в заключение? Прежде всего тот, что трактат Витрувия представляет собою весьма важный и интересный исторический документ и, как таковой, характеризует определенный исторический момент. Во-вторых, этот исторический документ несколько приоткрывает закулисную сторону принципата Августа и служит противовесом хвалебному хору придворных поэтов, ползавших, как выразился К. Марк о Горации, на брюхе перед Августом. В-третьих, выяснилось, что Витрувий по целому ряду причин не мог играть особо блестящей роли при Августе, как архитектор, и что самый трактат его в первоначальном своем виде не мог возникнуть в атмосфере августовского режима. Трактат Витрувия, адресованный первоначально Юлию Цезарю, носившемуся с головокружительными планами грандиозного строительства, был переадресован Августу, по настоянию его сестры Октавии, и в этой новой редакции и в новом оформлении дошел до нас.

ИБЕРИЯ И РИМСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В АЗИИ

(К истории древней Грузии)

А. И. Амиранашвили

Из литературных источников по истории Иберии древнейшим является описание ее в «Географии» Страбона, составленное на основании сведений, почерпнутых им в сочинении Теофана Митиленского, бывшего спутником Помпея в его кавказском походе. Следовательно, сведения, сообщаемые Страбоном, восходят к 60-м годам I в. до н. э. Далее, в связи с борьбой Помпея против Митридата, упоминания об иберах имеются у писателей, касавшихся этих событий,—Ливия, Веллея Патеркула, Плиния, Плутарха, Аппиана, Кассия Диона, Флора, Евтропия, Орозия. Однако, если не считать нескольких упоминаний имен иберских царей, никаких сведений об Иберии и ее внутренней жизни в сочинениях, касающихся похода Помпея, не находится. Сведения эти появляются, и то только попутно, в связи с изложением событий, касающихся политики римских императоров в отношении Армении и Парфии. Несколько моментов из истории Иберии середины и второй половины I в. н. э. изложены довольно подробно, хотя и односторонне, у Тацита и Кассия Диона. О событиях, касающихся взаимоотношений между Иберией и Римской империей, упоминают также Иосиф Флавий, Спартиан, Фест; однако эти сведения не более, как замечания, сделанные мимоходом.

Тем большую ценность представляет материал, даваемый надписями, как бы незначителен он ни был. До нас, кроме упоминаний об иберах в «Monumentum Ansupanum», дошли две надписи, относящиеся к Иберии, из которых одна найдена близ Мцхета в Грузии, другая—в Риме. Обе эти надписи издавались неоднократно, тем не менее, каждая из них в отдельности и связь их друг с другом, заключающаяся в упоминании событий и лиц, тесно между собой связанных, в имеющихся до настоящего времени работах недостаточно разъяснены.

В надписи, найденной близ Мцхета¹, сообщается, что император Веспасиан, вместе с сыновьями Титом и Домицианом, построили Митридату, сыну царя Фарасмана, «другу Цезаря и римлян», и Амазаспу, брату его, крепость. Надпись датируется точно второй половиной 75 г.

Из трех упомянутых в надписи представителей иберского правящего дома по литературным источникам известен один лишь Фарасман, который,

¹ Перечень изданий этой надписи см. в моей работе: «Греческие надписи Музея Грузии», «Bull. du Musée de Géorgie», IV (1928), стр. 195.

согласно свидетельству Кассия Диона, был сыном царя Митридата. Никаких сведений, касающихся времени правления этого Митридата и событий его жизни, не дошло. Известно только, что в 35 г. н. э. царем был уже сын его, Фарасман (D i o C a s s., LVIII, 26; T a c.—App., VI, 32), который продолжал править Иберией еще в 60 г., что видно из свидетельства Тацита, упоминающего, что в этом году Фарасман, как союзник Рима в войне с Арменией, получил от Нерона небольшую область, присоединенную к Иберии из владений армянского царя (T a c.—App., XIV, 25). Сколько времени после 60 г. продолжалось правление Фарасмана из литературных источников не видно, указанная же надпись с полной ясностью показывает, что в 75 г. царя Фарасмана уже не существовало, а правил сын его Митридат, из литературных источников неизвестный.

Судя по тому, что о нем нет упоминания в рассказе Тацита, излагающего кровавую трагедию, разыгравшуюся в семье Фарасмана, следует думать, что Митридат был в то время еще малолетним. Из свидетельства Тацита видно, что у Фарасмана от первого брака, кроме сына Радамиста (T a c.—App., XII, 44), была дочь, выданная замуж за Митридата, брата Фарасмана, который, по указанию Тиберия и при поддержке Фарасмана, захватил царскую власть в Армении (T a c.—App., XII, 44). Известно также, что у Фарасмана была вторая жена, мачеха Радамиста (T a c.—App., XII, 44). Упоминаемый в Мцхетской надписи царь Митридат был, повидимому, сыном Фарасмана от второго брака и считался наследником отца, может быть, уже в то время (58 г. н. э.), когда Фарасман, в угоду римлянам и по соображениям личного характера, убил Радамиста, обвинив его в предательстве (T a c.—App., XIII, 37).

Что касается упоминаемого в надписи наряду с Митридатом Амазаспа, то он из литературных источников также неизвестен; очевидно, он был вторым сыном Фарасмана от второго брака. Впервые имя его было прочтено в данной надписи мною¹, в то время как большинство прежних издателей склонны были в сохранившихся на камнях остатках имени видеть имя второй жены Фарасмана, матери Митридата, Ямасдеи, или сына Митридата—Ямазда (Ἰαμάσδης); некоторые ученые стремились объяснить это непонятное слово, как племенное название иберов, «ямасдаиты», т. е. племя, исповедывавшее маздаизм. Однако при изучении этой надписи, которая в моей работе не была сопоставлена с другой (о ней будет сказано ниже), я допустила ошибку, сочтя Амазаспа за сына Митридата, внука Фарасмана. В тексте надписи читается:... βασιλεῖ/Ἰβήρων Μιθριδάτη βασιλέως Φ/αράσμανου καὶ (ι)᾽Αμαζάσπῳ υἱῶ/φιλοκαίσαρι καὶ φιλωρωμίῳ καὶ τῷ ἔθνι τὰ τεύχη ἔξωχύρωσεν. Слово υἱῶ я связала неправильно со словом Μιθριδάτη (т. е. Амазаспу сыну [Митридата]), в то время, как из конструкции фразы видно, что υἱῶ относится не только к Амазаспу, но и к Митридату, т. е., что оба они были сыновьями Фарасмана. Конец надписи должен быть переведен так: «царю иберов Митридату [сыну] царя Фарасмана, и Амазаспу сыну, дружественному Цезарю и римлянам, и народу построили крепость».

Упоминание в официальном документе двух представителей царствующего дома—наряду с именем царя, также имени и его младшего брата, как представителей народа иберского, на первый взгляд не вполне понят-

¹ См. мои работы: «Греческая надпись из окрестностей Мцхета», ИГАИМК, V (1927), стр. 409—411, и «Греческие надписи Музея Грузии», «Bull. du Musée de Géorgie», IV (1928), стр. 191—196.

ное, находит свое объяснение, если обратиться к свидетельству Страбона о социальном строе Иберии и к древнегрузинским источникам.

По словам Страбона (S t r a b., XI, 3, 6) «обитатели страны делятся на четыре группы¹ (γένη), из них первая—та, из которой ставят царей, [выбирая] старшего и ближайшего по родству [с предшествовавшим царем], а второй [по старшинству] творит суд и предводителюствует войском». Из этого свидетельства видно, что верховная власть в стране была присвоена одному из родов, причем наряду с царем стоял его ближайший родственник, в большинстве случаев, вероятно, следующий по старшинству брат, а за неимением или насильственным устранением такового (вспомним устранение Фарасманом сначала брата Митридата, а затем старшего сына Радамиста)—старший из сохранившихся сыновей. Таким образом, фактически власть делилась между двумя лицами, являющимися представителями правящего рода.

Амазасп, в качестве брата Митридата, ставшего царем после смерти Фарасмана, играл, повидимому, именно эту роль второго представителя правящего рода в Иберии, представителя, стоявшего во главе войска и ведавшего судебные дела, и потому оказался упомянутым в Мцхетской надписи наряду с царем Митридатом.

В этом отношении толкование С. Р. Горгадзе² свидетельства грузинских источников: «Хроники обращения Грузии»³ и «Жизнеописания царей» Леонтия Мровели⁴ следует считать правильным. По поводу существования в древней Иберии одновременно двух царей, засвидетельствованного упомянутыми грузинскими памятниками, царей, из которых один имел резиденцию в Армази, а второй—в Мцхете, Горгадзе полагает, что царями Иберии нужно считать тех, имена которых в данных источниках упоминаются в качестве так наз. «армазских царей». Имена же второго ряда (список «мцхетских царей») суть имена лиц, которые считались (согласно Страбону) «вторыми после

¹ В данном контексте слово γένη не может быть переведено словом «роды». Несмотря на то, что Страбон в этом отрывке изображает иберское общество, как общество родовое (κοινωνία δὲ εἶναι αὐτοῖς αἱ κτήσεις κατὰ συγγένειαν, ἀρχαὶ δὲ καὶ ταμίαι ἐκαστῆς ὁ πρεσβύτης τος), деление его на четыре γένη включает в себе уже намек на зачатки неких социальных группировок. Если первый и второй γένη представляют собою выдвинувшиеся роды, присвоившие верховную власть в стране, то третий γένος (στρατηγόμενοι καὶ γεωργοῦντες), составлявший основную массу населения, свободных общинников, был совокупностью большого количества родов, объединенных в племенной союз, глава которого пользовался наследственной властью, в качестве старшего члена правящего рода. Четвертый γένος (οἱ λαοὶ—Заселили: δοῦλοι) также не мог состоять из членов одного рода. Однако происхождение их зависимости от членов правящего рода и характер эксплуатации их труда из сохранившихся литературных источников неясны.

Здесь, однако, следует упомянуть анализ иберского общества I в. до н. э. и I в. н. э., данный в блестящем исследовании И. А. Джавахова—«Государственный строй древней Грузии и древней Армении», СПб, 1905, который на основании сопоставления свидетельства Страбона с грузинскими источниками и анализом грузинских терминов власти и терминов для обозначения собственности приходит к выводу, что период, отраженный в сочинениях древних греческих и римских писателей, является временем разложения родового общества, и совершенно правильно объясняет внутренний социально-экономический процесс в иберском обществе, приведший к установлению имущественного неравенства и выделению в более позднее время господствующего класса феодалов.

² С. Р. Г о р г а д з е—Заметки из истории Грузии. Часть II—«Древняя Грузия», I. Тифлис, 1908, стр. 28. (На груз. языке).

³ См. русский перевод М. Джанашивили, СМОМПК, кн. 28.

⁴ Леонтий Мровели—Жизнеописания царей. Жизнь Картлии, I, на груз. языке, см. французский пер., М. F. Brosset—Histoire de la Géorgie, I.

царя» и исполняли обязанности военачальника и судьи. Сказанное находит подтверждение в другой греческой надписи, касающейся также древней Иберии, но найденной в Риме. Я имею в виду стихотворную эпитафию ибера Амазаспа, изданную Кайбелем¹ и Канья² и потом много раз цитированную. Привожу ее в переводе: «Славный отпрыск царя Амазасп, брат царя Митридата, отчизна которого возле Каспийских ворот, ибер, сын ибера, здесь погребен: возле священного города, который построил Никатор. Возле питающего оливки потока Мигдона, спутник венценосного предводителя авзонов, придя сражаться с парфянами, умер, прежде чем успел замарать руку о вражескую кровь, увы! могущую руку!—о копье, и лук, и острие меча; [пришедший] во главе пешего и конного войска, сам равный по скромности девам». Оба упомянутых издателя надписи указывают, что в надписи идет речь об участии ибера Амазаспа в парфянском походе Траяна и о гибели Амазаспа под Низибидой (*πὸ βίῳ παρ' ἱρῶν ἢ ἔδωκε Νικῆτωρ*).

О том времени, когда иберские войска, предводительствуемые Амазаспом, пришли на помощь Траяну, имеются указания в литературных источниках. Это произошло, повидимому, зимой 114/5 г., когда Траян, после умерщвления Парфамасириса и оккупации Лузием Квиетом Мидии, Атропатены и Сингара, вернулся в Антиохию, назвав Великой Армению провинцией, и возобновил старые договоры с царями Иберии и Албании, Колхиды и Боспора о дружественных отношениях с Римом³; тогда в подтверждение своей союзнической верности упомянутые цари выслали на помощь Траяну свои войска. Дирауэр⁴ предполагает, что в то время царями Иберии были: упоминаемый Элием Спартианом (с. 13 и 17) и Кассием Дионом (Ерп., LXIX) Фарасман и вместе с ним Мирдат I, которые были сыновьями Амазаспа I и Дерока, правивших в течение 16 лет, согласно свидетельству грузинской летописи «Жизнь Картлии»⁵.

Однако, не говоря уже о том, насколько вообще ненадежна хронология иберских царей, устанавливаемая на основании упомянутой летописи, где действительность тесно переплетается с легендой, и самый список царей далеко не надежен, свидетельство разбираемой надписи говорит о том, что Амазасп во время похода Траяна был не только жив, но и принимал участие в экспедиции, придя во главе пешего и конного отрядов. Если верить указанию грузинского источника, что Фарасман II был сыном Амазаспа, то он мог стать царем только после смерти своего отца под Низибидой. Что же касается Митридата, то это имя, как это видно из Мцхетской надписи, носил сын Фарасмана I (так же, как и отец Фарасмана), а не сын Дерока, как говорит об этом грузинская летопись («Жизнь Картлии»).

Интересно отметить, что Амазасп в этой надписи называется не царем, а лишь братом царя, приведшим военный отряд на помощь римскому императору; это является иллюстрацией к свидетельству Страбона о том, что в правящем роде старший после царя исполнял обязанности стратега.

¹ G. K a i b e l—Inscriptiones Graecae, Italiae et Siciliae, Berlin (1890), 1374.

² R. S a g n a t—Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes, III, 133.

³ E u t r o p., VIII, 3. Armeniam quam occupaverunt Parthi recepit Parthamasiri occiso qui eam tenebat. Albanis regem dedit, Iberorum regem et Sauramatorum et Bosphoranorum et Arabum et Osdroenorum et Colchorum in fidem accepit; F e s t., Brev., XX: Albanis regem dedit, Hiberos, Bosphorianos in fidem Romanae deditiois accepit.; ср. S c h i l l e r—Geschichte des römischen Kaiserreichs, I, 2, стр. 557; М о м м з е н—Римская история, V, стр. 390; D i e r a u e r—Beiträge zur Geschichte Trajans, Leipzig, 1868, стр. 163.

⁴ L. c.

⁵ M. F. B r o s s e t—Histoire de la Géorgie, p. 71.

Кайбель, в комментарии к изданию надгробия Амазаспа, замечает, что Амазасп, потомок царского рода, брат некоего Митридата, ему, Кайбелю, кажется неизвестен; он предполагает, что брат Амазаспа Митридат мог быть тем Митридатом, сыном Фарасмана, который в качестве иберского царя упомянут в Мцхетской надписи. Юсти¹ также выражает предположение, что Митридат, сын Фарасмана, был братом Амазаспа, умершего под Низибидой, и, вероятно, тем Митридатом, который упомянут в грузинской хронике под именем Мирдата, сына Дерока. Иной точки зрения держатся составители *Prosopographia Imperii Romani*, которые предполагают, что Митридат, сын Фарасмана, мог быть отцом Митридата, упомянутого в надгробии Амазаспа. Диттенбергер, в комментарии к изданию Мцхетской надписи², также считает возможным предполагать, что Митридат, сын Фарасмана, мог быть отцом или дедом Митридата, упоминаемого в надгробии Амазаспа. Необходимо иметь в виду, что все упомянутые исследователи оперировали с текстом Мцхетской надписи, не вполне установленным, когда имя Амазаспа в ней еще не было прочтено; но и тогда уже такие крупные авторитеты, как Кайбель и Юсти, находили возможным считать Митридата обеих надписей за одно и то же лицо. Теперь, когда установлено, что обе надписи упоминают и Митридата и Амазаспа, как братьев, кажется, мы имеем полное основание считать, что предположение Кайбеля и Юсти нашло себе вполне обоснованное подтверждение. Если принять, что в обеих надписях упоминается один и тот же Митридат, тогда предположение Дирауэра, что в то время, когда Амазасп принял участие в походе Траяна, царем Иберии был уже Фарасман II, приходится считать необоснованным по следующим причинам: так как Амазасп был братом Митридата, он должен был быть старшим в роде после брата своего Митридата и после его смерти занять его место и, во всяком случае, быть значительно старше надолго их обоих пережившего Фарасмана II. Фарасман же не мог получить царскую власть, не устранив предварительно Амазаспа. Между тем, Амазасп не только оказывался живым, но так же, как и в 75 г. н. э. (Мцхетская надпись), в 115 г. является вторым представителем правящего рода при своем брате-царе. Помимо этого, предположение, что вместо Митридата Иберией, во время экспедиции Амазаспа под Низибиду, правил уже другой царь, делает странным упоминание в надписи уже не бывшего в живых царя, причем нет упоминания о его смерти и ничего не говорится о царе, правившем в то время; напротив, эпитафия Амазаспа говорит о Митридате, как о живом царе. Если и Амазасп и Митридат были еще не только живы, но и продолжали свою прежнюю деятельность, то в 75 г., отделенном от года смерти Амазаспа (115 г.) промежутком в 40 лет, оба брата были еще в очень юном возрасте, и потому неудивительно, что они не были упомянуты Тацитом в числе детей Фарасмана при изложении им истории о захвате Армянского царства Митридатом, братом Фарасмана, а затем Радамистом. Во всяком случае, Митридат, повидимому, пережил Амазаспа недолгое время, так как уже вскоре, в правление Адриана, упоминается Фарасман II.

Для того, чтобы выяснить, какие моменты римско-иберских отношений отразились в двух разобранных надписях, придется начать несколько издалека и проследить, как складывались взаимоотношения Рима и Иберии с тех пор, как они впервые соприкоснулись друг с другом.

¹ J u s t i—*Iranisches Namenbuch*, s. v. Μιθριδάτης (3).

² D i t t e n b e r g e r, *OGIS*, Leipzig (1903), I, 379, прим. 9.

Иберия, повидимому, рано подпала под влияние парфян и армянцев. Согласно свидетельству Страбона, еще первые армянские цари, Артаксия и Зариандр (или их ближайшие потомки) расширили пределы Армении путем присоединения к ней некоторых сопредельных областей; так, у иберов были отрезаны склоны Париадра, Хордзена и Гогарена, лежащие на левом берегу реки Кира (Strab., XI, 14, 5). Судя по замечанию географа, что иберы, населявшие равнинную часть, «снаряжаются (ἐσχευασμένοι) по-армянски и по-мидийски» (Strab., XI, 3, 3), а также по именам их царей (Арток, Фарнабаз, Фарасман, Митридат, Амазасп), влияние это распространилось и на сохранившие свою независимость области в долине Кира, и правящая верхушка, возможно даже кровными узами связанная с армянскими династами, приняла специфический культурный облик, сложившийся под этими влияниями.

Плутарх, в биографии Лукулла, при описании войска Тиграна во время осады римским полководцем Тигранокерты в 69 г., перечисляет народы, входившие в состав армии армянского царя. В числе этих народов, кроме армянцев и гордиэнов, были организованные в крупные родоплеменные федерации, возглавляемые царями (βασιλεῖς), мидяне, адиябены, арабы, албаны и иберы, а кроме того, номады, жившие в низовьях Аракса, представлявшие собою мелкие разрозненные племена, не объединенные в сколько-нибудь значительные союзы и не имевшие царей (ἀβασίλευτοι). Плутарх замечает, что они приняли участие в войне с Лукуллом «из-за расположения» к Тиграну или склоненные к тому дарами (Χάριτι καὶ δώροις πεισθέντες ἀπ' ἡγετῆρα; Plut.—Lucull., 31). В сражении близ Артаксаты осенью 68 г. иберские копьеносцы также принимали участие в войске Тиграна вместе с мардскими конными стрелками (Plut.—Lucull., 31). На основании данных отрывков трудно установить точно характер взаимоотношений между иберами и армянским царем, но замечание о «расположении» и дарах указывает не на политическую зависимость от Армении, а скорее на союз с ней, заключенный в силу общих интересов, или, может быть, на участие их в войне, как наемников Тиграна.

В качестве союзного Тиграну народа иберы в войне Помпея с Митридатом Евпатором и Тиграном вели продолжительную и упорную борьбу с Помпеем, причем они выступали не только как союзники Тиграна, но также и в качестве борцов за свою свободу, отстаивавших свою страну от враждебного вторжения римского полководца.

Целью экспедиции Помпея в Иберию и Албанию была не только борьба с Митридатом и стремление скорейшего сокрушения его могущества путем разгрома его закавказских союзников и нанесения ему удара в тыл. Честолюбивые замыслы Помпея ставили перед ним задачи глубокого проникновения в Азию и покорение берегов Каспия (Plut.—Pomp.) и Красного моря (Plut.—Pomp.). Поход Помпея в Закавказье является одним из звеньев в цепи римских военных мероприятий в Азии, имевших целью постепенное и планомерное продвижение римлян на восток и обеспечение путей проникновения на восток римского торгового капитала, возможности установить торговый путь в глубину Азии. Что интерес к этим вопросам был не чужд Помпею, видно из упоминания Плиния, что «во время похода Помпея было исследовано, что из Индии в 7 дней можно прийти в Бактрию, к р. Бактру, впадающему в Окс, а от него проехать по Каспию до Кира, и что товары не более как в 5 дней могут быть доставлены сухим путем в Понт к Фасису» (Plin.—NH., VI, 52). Из этого отрывка видно, что рим-

ляне интересовались возможностью установить торговый путь в Индию через Закавказье, поскольку для них был затруднен путь, ведущий через страны, входившие в состав Парфянского царства.

Несмотря на ряд отдельных поражений, нанесенных римлянами иберам и албанам, поход Помпея в страны Закавказья в общем кончился неудачно. Помпей не достиг поставленной им цели покорения иберов и албанов, так как наткнулся на непреодолимое сопротивление населявших эти страны народов, воинственных и никогда не знавших чужеземного ига (D i o C a s s ., XXXVI, 54; XXXVII, 1—4; P l u t.—P o m p ., 34—36). Помпей должен был удалиться в Колхиду с целью предпринять комбинированный поход против Митридата, который успел спастись бегством в Боспор. Однако, встретив и здесь энергичное сопротивление живших по Кавказскому побережью племен, Помпей был вынужден отказаться от преследования Митридата [P l u t.—P o m p ., 35; D i o C a s s ., XXXVII, 3(2)] и снова двинуться на восставших против римлян албанов. Потерпев, однако, и здесь неудачу и не достигнув берегов Каспия, Помпей был вынужден отступить в Малую Армению (P l u t.—P o m p ., 36). Результатом этой длительной и упорной войны было заключение договоров с некоторыми из племен Центральной Закавказья, принесение ими присяги (D i o C a s s ., XXXVII, 5; E u t r o p ., VI, 14; O r o s ., VI, 4, 6) и взятие заложников (D i o C a s s ., XXXVII, 2; P l u t.—P o m p ., 45; F l o r.—27; A p p.—M i t h r i d ., 117).

Эта первая попытка установить римское влияние в Закавказье, сделанная Помпеем, не имела большого успеха, так как иберы не могли легко примириться с навязанным им зависимым положением. Поэтому, когда Антоний, имея в виду большой поход против парфян и консолидируя свои силы на востоке, опирался при этом на тесный союз с Артаваздом Армянским, наместник Антония в Армении Публий Канидий Красс, с целью возобновить и укрепить римское влияние в Иберии и обеспечить со стороны иберов помощь римлянам и Артавазду Армянскому в предстоящей войне с Парфией,—в 36 г. до н. э. должен был совершить поход из Армении на север; он дошел до Кавказа и в битве нанес поражение правившему в то время в Иберии Фарнабазу. В результате этой победы над Фарнабазом Канидию удалось склонить его к совместным действиям против албанского царя Забира и вторгнуться в его страну (P l u t.—A n t o n ., XXXIV; D i o C a s s ., XLIX, 24; ср. Моммзен—Римская история, V, стр. 354).

Занимаясь ликвидацией мероприятий Антония в Азии, Август не нашел нужным отказаться от господства над Арменией и уступить это господство парфянским царям. Он доказал это, организовав поход молодого Тиберия Клавдия Нерона в Армению, в результате которого враждебный Риму Артакс был умерщвлен и царем Армении стал римский ставленник Тигран.

Уже первое вторжение римлян в Закавказье и вмешательство в жизнь его обитателей, осуществленное походом Помпея, встретившим столь энергичный отпор, сделало для римлян ясным, что устойчивость римского влияния в Армении тесно связана с распространением этого влияния на север, до Кавказских гор, т. е. с необходимостью держать под своим контролем долину р. Кира с жившими в верхнем ее течении иберами и в низовьях—албанами; что, следовательно, невозможно отказаться от той задачи, которую ставил себе в этом отношении М. Антоний (поход Канидия Красса)¹.

¹ Моммзен—Римская история, V, стр. 363.

Для осуществления этой задачи и установления римского влияния в Закавказье Август укрепил Колхиду от Фасиса до Фарнакии и Трапезунта за Полемоном (Strab., XII, 3, 29; Dio Cass., LIV, 24) и в результате дипломатических переговоров возобновил старые договоры с иберами, албанами, мидянами и рядом других племен западного побережья Кавказа до устья Танаиса¹.

Эти первые шаги с полной ясностью показали, что в процессе борьбы с Парфией за господство над Арменией Риму пришлось столкнуться с фактом не только решительного сопротивления со стороны закавказских и припонтийских племен, но и с постоянным ростом их активности и сплоченности в деле организации этого сопротивления, несмотря на договоры, заключаемые ими в случае отдельных поражений, наносимых им римлянами.

В силу этого, начиная с правления Тиберия, римляне ставят своей целью вовлечь иберов в активную борьбу с Парфией и ищут опоры в лице иберской правящей династии. В связи с этим вмешательство римлян во внутренние дела Иберии делается более интенсивным. Тиберий старается облегчить захват Парфянского царства римскому ставленнику, Тиридату, путем отвлечения внимания Артабана, правившего тогда в Парфии, в то время, как сын Артабана, Арсак, был царем Армении. В 35 г. Тиберий дал письменное приказание брату иберского царя Фарасмана, Митридату, захватить Армянское царство (Tac.—Ann., VI, 32; Dio Cass., LVIII, 26; Ios.—Ant., XVIII, 4, 96—100). Митридат примиряется с Фарасманом, враждовавшим с ним, повидимому, из-за притязаний на власть в Иберии, и с помощью Фарасмана выполняет задание, данное Тиберием, в результате кровопролитного сражения между парфянским войском, предводимым Ородом, и войском Фарасмана, состоявшим как из иберов, так и союзных племен албанов и сарматов, для которых иберы открывают проход с Северного Кавказа. Яркую картину этого сражения дает Тацит (Tac.—Ann., VI, 33—35.). Однако, когда Артабан со всеми своими силами двинулся против иберов, стремясь отомстить за поражение Орода, иберам удалось удержать результаты своей победы только благодаря вмешательству Вителлия, угрожавшего вторжением в Месопотамию и тем заставившего Артабана отступить от Армении. Таким образом, искусно использовав вражду двух представителей иберского царского дома и втянув их в войну с Парфией, Тиберий сумел нанести удар могуществу Артабана (Tac.—Ann., VI, 36).

Армения осталась в руках ибера Митридата, но в скором времени, в результате вызванного чем-то неудовольствия нового императора, Митридат был вызван в Рим по приказанию Калигулы и подвергнут там тюремному заключению, от которого он был освобожден потом по распоряжению Клавдия и послан затем на родину, чтобы занять царство (Tac.—Ann., XI, 8; Dio Cass., LX, 8). Намерение Клавдия восстановить Митридата в Армении следует объяснить, с одной стороны, усилением влияния парфянской партии в Армении, а с другой—расчетом на то, что это был удобный момент, из-за царивших в Парфии усобиц, нанести, с помощью иберского войска, новый удар могуществу парфян.

Вторичное занятие Митридатом Армянского царства было осуществлено в результате применения римской военной силы, направленной на

преодоление сопротивления крепостей, в то время как иберские войска сражались в открытом поле (Т а с.—Апп., XI, 9), причем отдельные правители во главе с Котисом, династом Малой Армении, пытавшиеся помешать предприятию Митридата, были удержаны письмом императора. Таким образом, были устранены все препятствия, стоявшие перед Митридатом, и он стал снова царем Армении, а Иберия оказалась окончательно втянутой в политические интриги Рима, направленные на борьбу с Парфией за фактическое господство в Армении. Благодаря этому римлянам удавалось осуществлять постепенный охват Парфии цепью полузависимых от Рима государств, и Иберия с ее союзниками—кочевыми племенами сарматов и горцев, живших в теснинах Центрального Кавказа,—сделалась орудием в борьбе с Парфией и римским плацдармом для ударов, наносимых Армении с севера.

Римское влияние в Армении с восстановлением Митридата казалось упроченным, но оно снова пошатнулось, когда, после долгих междоусобий, в Парфии, наконец, наступило затишье, и власть перешла в руки энергичного и твердого правителя Вологеса. Этому способствовала кровавая драма в семье Фарасмана, который, вразрез с указаниями Клавдия, способствовал захвату Армении сыном своим Радамистом, ставшим опасным для отца соперником. В 52 г. началась война Фарасмана с Митридатом, окончившаяся, благодаря подкупу некоторых римских чиновников, смертью Митридата и его семьи и утверждением в Армении Радамиста, получившего признание Рима (Т а с.—Апп., XII, 44—49). Прямым следствием этого было вторжение парфян в Армению и изгнание Радамиста, непопулярного среди армянского населения. Армения, где царем стал брат Вологеса, Тиридат, снова оказалась в руках парфян.

Перед римлянами снова стояла задача восстановить свое господство в Армении. Для разрешения этой задачи ставший в 54 г. император Нерон отправил на восток Корбулона, и летом 58 г. Корбулон перевел римские войска через Евфрат. Для Фарасмана настало время пересмотреть всю свою двойственную по отношению к Риму политику за последние годы. Со стороны Рима старое отношение к иберскому правящему дому было восстановлено, и Фарасману пришлось снова решительно выступить в качестве союзника римлян и дать ясное доказательство своего раскаяния. Этим и объясняется казнь в 58 г. Радамиста, как изменника Рима, и вторжение иберского войска в Армению с севера (Т а с.—Апп., XIII, 37). Тогда же впервые вступили в союз с Римом мосхи, жившие в горах между Колхидой и Арменией, и вторглись в Армению с северо-запада (I. с.).

После взятия Корбулоном Артаксаты он использовал еще войска Фарасмана против мардов, беспокоивших его во время его похода на Тигранокерту (Т а с.—Апп., XIV, 23). За помощь Корбулону Фарасман был награжден присоединением к его владениям некоторых областей Армении (Т а с.—Апп., XIV, 26).

Армения, от истоков Кира до среднего течения Евфрата, от Иберии до Коммагены, оказалась окруженной цепью союзных Риму, полузависимых от него областей. Только нижнее течение Кира с жившими там албанами осталось вне сферы римского влияния.

Взрыв римско-парфянской войны дал повод части парфянской знати, осуществившей отпадение Гиркании от Парфии путем выдвижения сына покойного царя Вардана, создать план совместных с Римом действий против Парфии и направить в Рим посольство с предложением союза.

В рассказе Тацита (Т а с.—Ann., XIV, 25) нет сообщений о том, что союз этот был заключен. Однако, при наличной ситуации, союз этот был настолько выгоден для Рима, что он, надо полагать, был заключен¹.

Результатом первого периода войны была оккупация римлянами Армении и возведение весной 59 г. на царство в Армении римского ставленника, отпрыска каппадокийской линии династии Иродов, под именем Тиграна. Новый армянский царь удерживал свое положение с помощью помещенного в Армении сильного римского гарнизона, начальник которого и был фактическим хозяином страны уже со времени захвата Армянского царства ибером Митридатом. Очень важную роль в системе обороны восточной границы империи должно было играть окончательно установленное к тому времени кольцо союзных Риму царств от Иберии до Коммагены. Таким образом, в 59 г. римская власть на востоке была твердо укреплена.

Однако характер военных предприятий Корбулона после прекращения военных действий в 59 г. показывает, что то положение, которое было создано, рассматривалось Римом, как временное, и должно было кончиться новым военным столкновением, поводом к которому послужило провокационное нападение Тиграна на Адиабену в 61 г.²

В процессе дальнейшего развертывания войны правительству Нерона скоро стало ясно, что при создавшемся положении вещей постоянные разногласия с Парфией из-за господства в Армении влекут за собой большие жертвы и опасности для Рима. Удержание на долгое время господства над Арменией вызывало большие затруднения в силу тесных экономических, политических и культурных связей Армении с Парфией и было возможно только путем содержания постоянных крупных военных сил на востоке. С другой стороны, несмотря на удачную организацию кольца союзных царств, росла активность населявших эти области народов, проявлявшаяся в отдельных случаях в виде самостоятельных выступлений. Все это делало ясным правительству Нерона, что в лице иберов, албанов, мардов, колхов и целого ряда других народов римляне имеют дело с силой, с которой нельзя не считаться. Поэтому Рим наметил иной путь разрешения проблемы своей восточной политики, сводившейся к вопросу о господстве над Арменией и организации обороны восточной границы,—путь политического соглашения с Парфией на основе взаимного признания интересов обоих государств в Армении. Для Парфянского государства было не менее важно вступление на этот путь ввиду не утихающего освободительного движения в отдельных областях Парфии, руководимого некоторыми представителями парфянской знати и приводившего иногда к таким тяжелым для Парфии результатам, каким была потеря Гиркании. Этот новый путь, по которому должны были пойти отношения между Парфией и Римом, окончательно наметился за время второго периода войны, когда оба государства охотно перешли от военных действий к переговорам, окончившимся на основе взаимного соглашения утверждением в Армении Аршакида Тиридата и его путешествием за получением царской диадемы в Рим.

В результате этой дальновидной политики правительством Нерона было действительно достигнуто достаточно прочное и длительное соглашение с Парфией, давшее возможность обоим государствам спокойно занять-

¹ W. S c h u r—Die Orientpolitik des Kaisers Nero («Klio», Beih. 15), Leipzig, 1923, S. 18.

² W. S c h u r, о. с., стр. 20.

ся урегулированием своих дел. Дальнейшие шаги римской политики показывают, что центр тяжести восточной политики Рима был перетянут к кавказским странам, и для обеспечения успеха своих мероприятий Нерон постоянно стремился к укреплению дружбы с Вологесом. Причиной такого поворота римской политики служили потребность в расширении сферы влияния на север и восток и укрепление римского влияния в полузависимых странах Передней Азии и Закавказья. Это диктовалось как развитием торговых интересов, так и необходимостью считаться с политическим ростом восточных государств, в первую очередь Иберии. В последние годы своего правления Нерон строит широкий план восточной экспедиции, целью которой являлось восстановление старого царства Митридата Евпатора через создание единой великой провинции Понта. С этой целью в 63 г. Полемоновский Понт был превращен в римскую провинцию, с Трапезунтом, как основной операционной базой (Suet.—Nero, 18; Eutr., VII, 14; Aur. Vict.—Ep., 5), к которой было присоединено и Боспорское царство, вместе с Колхидой и страной энихов, что можно заключить из отрывка Флавия Иосифа (Ios.—B. J., II, 366). Объединение всех этих областей в единый округ с централизованным управлением, размещение римских гарнизонов по северному и восточному побережью Черного моря, усиленная деятельность по проведению дорог военного значения,—все это служило подготовкой к большой кавказской экспедиции, имевшей целью овладение «Кавказскими воротами», т. е. Дарьяльским ущельем (Tac.—Hist., I, 6; Plin.—N. H., VI, 40). Этот горный проход, который иберы держали в своих руках, давал возможность скифским и сарматским племенам, усилившим свой нажим на Боспорское царство, в любой момент, по желанию иберов, проникать в Закавказье на соединение с иберами и албанами и тревожить пределы нового римского союзника—Парфии, а также и угрожать азиатским владениям самого Рима. Из числа закавказских народов албаны более других сохранили свою независимость и не примкнули окончательно к числу римских союзников. Таким образом, целью экспедиции Нерона являлась война с Албанией и установление контроля над Дарьяльским проходом. Все эти приготовления были прерваны смертью Нерона, гражданской войной и волной восстаний населения провинций, прокатившейся по всему пространству империи. Отголоском этого широкого движения в азиатских владениях империи является восстание припонтийских племен в окрестностях Трапезунта, руководимое Аникетом, о котором рассказывает Тацит (Tac.—Hist., III, 47, 48).

Император Веспасиан продолжал поддерживать союз с царем Парфии, который даже предложил ему для похода на Рим свой отряд (Suet.—Vesp., 6) и, опираясь на прочность своего союза с римским императором, рассчитывал на военную помощь Веспасиана против аланов в 76 г. В политике Веспасиана можно наблюдать, в сущности, несколько более осторожное продолжение политики Нерона по укреплению римского влияния в недавно присоединенных областях; несмотря на союз с Парфией, военная безопасность римских союзников постоянно не упускалась из виду, так как только при обеспечении обороноспособности всей цепи полузависимых царств, созданной при последних представителях династии Юлиев, можно было считать действенным римский контроль над Арменией. Помощь, оказанная малоазийским и закавказским союзникам против Парфии, создала предпосылки для успеха парфянского похода Траяна и быстрого выполнения им плана завоевания Армении. Мцхетская надпись, сообщающая

о построении римскими легионерами крепости иберскому царю Митридату, отражает один из моментов этой деятельности Флавиев. Иберы являлись важнейшим союзником Рима к северу от Парфии. Будучи неопытны в строительстве крепостей, они нуждались в надежной защите со стороны Армении и Парфии. Вопреки мнению Шура¹, у нас нет данных утверждать факт наличия римских гарнизонов в Иберии. Постройка крепости, очевидно, была произведена воинской частью, стоявшей в Колхиде, с которой в это время уже поддерживалась прямая связь через Сарapany и долину Фасиса, где проходил торговый путь от Черноморского побережья в глубину Азии. Полузависимое отношение стран Закавказья к Риму сохранялось во все время правления Флавиев.

В связи с быстрым ходом социально-экономического развития закавказских народов и ростом их политического значения ко времени вступления на престол Траяна наступает подходящий момент для пересмотра римских взаимоотношений с Парфией. Может быть, здесь будет уместно предположить, что идея парфянского похода Траяна стояла в некоторой связи с оценкой возросшего удельного веса варварских государств, когда Риму приходилось ориентироваться в своей внешней политике не столько на союз с Парфией, сколько на союз с некоторыми из подвластных ей племен Передней Азии и с народами Закавказья, в число которых входили племена по восточному и юго-восточному берегу Черного моря—иберы и албаны, и, опираясь на этот союз, попытаться осуществить полное господство Рима в Армении, включив ее в состав римской провинции.

Мы видим, что в начале победного марша Траяна связь с этими племенами была еще более упрочена. Евтропий говорит о возобновлении договоров Рима с албанами, иберами, савроматами, боспоранами, колхами и другими племенами (*E u t r o p.*, VIII, 3). Кассий Дион сообщает о награждении Траяном, после взятия Арсамосаты, Анхиала, царя эниохов (*D i o C a s s.*, LXVIII, 18); Арриан говорит, что целый ряд царьков в восточном и юго-восточном Причерноморье получил свое утверждение от Траяна; в числе их были: Юлиан, царь апсиллов, Рисмаг, царь абасков, Спадаг, царь санигов (*A r r i a n i.*—*Per. Pont.*, 15). Ярким примером проявления тесного контакта иберов с Римом является выступление Амазаспа с иберским войском против парфян, засвидетельствованное в найденном в Риме его надгробии.

Однако, наряду с ростом и упрочением римского влияния в странах Закавказья, в связи с расширением пределов империи в Азии, растет и сопротивление вмешательству в их жизнь со стороны населявших эти страны народов. В среде местных обществ, стоявших на различных ступенях общественного развития, быстро развивался процесс разложения родового строя, перехода к классовым отношениям и начаткам государственной жизни. Этот процесс ускорялся и усложнялся параллельно с развитием римской экспансии как в борьбе с распространением этой экспансии, так и благодаря развитию торговли и торговых путей, прогрессу в технике материального производства, усовершенствованию военной техники. Прямым следствием всего этого являются попытки дать отпор римскому вмешательству (одним из примеров этих попыток является упомянутое уже восстание племен, живших близ Трапезунта, в 69 г. (*T a c.*—*Hist.*, III, 47—48) и необходимость для римлян усилить строительство укреплений и разместить сильные гарнизоны.

¹ *W. S c h u r*, *о. с.*, стр. 34—35.

Иберия, благодаря географическому положению на скрещении путей из Западного Закавказья в страны Востока и северного пути, ведущего через Кавказские ворота (Дарьял) по долинам Терека и Арагвы в Армению и Парфию, раньше других своих закавказских соседей достигла сравнительно высокого уровня социально-экономического и культурного развития. Этому немало способствовали и рано просочившееся влияние наиболее развитых в экономическом и политическом отношении стран Передней Азии, где преобладала иранская культура¹, а также сложные и тесные взаимоотношения с Римом, отношения войны и мира, ожесточенной борьбы и союза, засвидетельствованные не только в письменных источниках, но также и найденными на почве Иберии (главным образом, в районе Армази, Мцхета, Тбилиси) римскими монетами и предметами, импортированными из римско-эллинистической Малой Азии².

В Иберии раньше, чем в других странах Закавказья, складываются классовые отношения и возникает государственная власть, а в связи с этим развивается сознание существования Иберии, как самостоятельной государственной единицы, которая имеет право претендовать на независимость и готова положить предел притязаниям Рима. Правда, это молодое небольшое государство в первые века своего существования еще достаточно долго испытывало на себе влияние своих сильных соседей, но уже в первой половине II в., при императоре Адриане, Рим был вынужден усиленно добиваться поддержания дружественных отношений и союза с Иберией и ее союзницей Албанией. Адриан «жил в величайшей дружбе с иберами и албанами», ему пришлось «ублажать их щедротами и дарами, когда они презрительно отказались прийти к нему»³. Но никому не вынужден был Адриан приносить такие щедрые дары, как иберу Фарасману, который совершил с семьей путешествие в Рим, встретил там почетный прием и получил, при содействии Адриана, приращение своих владений [D i o C a s s.—Epit., LXIX, 15 (13)].

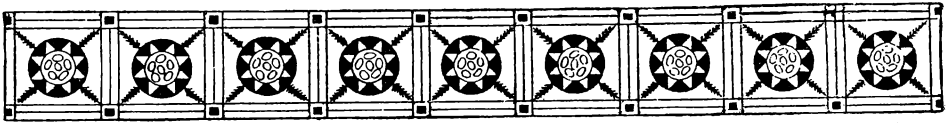
Промежуток меньше века отделяет Фарасмана II от его одноименного предка, бывшего послушным орудием Рима, но уже из сопоставленных отрывочных сведений можно видеть, какой путь развития прошла за это время Иберия и как это развитие отразилось на характере ее взаимоотношений с Римом.

¹ В качестве раннего примера отражения этого влияния следует упомянуть найденные драгоценные предметы из погребения в ущелье р. Ксанки, близ селения Ахал-Гори, тончайшей ювелирной техникой, опубликованные в монографии Я. И. С м и р н о в а—Ахал-Горийский клад, Тифлис, 1934.

² См. материалы Байерна из раскопок некрополя в Самтавро близ Мцхета, хранящиеся в Музее Грузии в Тбилиси, а также раскопки на месте древнего Армаза, начатые в 1937 г. Институтом языка, истории и материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР, под руководством А. Н. Каландадзе. Отдельные предметы римско-эллинистической культуры см. в публикациях С. И. М а к а л а т и а на грузинском языке: S. M a k a l a t h i a—Notice sur les dates des nécropoles découvertes en Géorgie de 1920 à 1924, «Bulletin du Musée de Géorgie», IV, 1928, стр. 173—182; е г о ж е—Le culte de Mithra en Géorgie, «Bulletin du Musée de Géorgie», III, 1927, стр. 179—194 и в моей работе: А. А м и р а н а с х в и л и—Zwei Henkel eines silbernen Gefäßes aus Mzchetha («Jahrb. des Deutsch. Archäol. Instituts» 1934).

³ SHA, Hadr., 21; Albanos et Hiberos amicissimos habuit, quod reges eorum largitionibus prosecutus est, cum ad illum venire contempsisset.

ЭТЮДЫ ИЗ ИСТОРИИ БОСПОРА РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

(Политические взаимоотношения Рима и Боспора
при царях Фарнаке и Асандре)

Д. П. Калистов

После окончания войн с Митридатом Евпатором проблема взаимоотношений Рима с Боспором вновь приобретает актуальность уже при Цезаре, в прямой связи с выступлением Фарнака. В этом выступлении нельзя не видеть известного рода рецидив длительной и упорной борьбы против римской экспансии на Востоке, так широко поднятой и организованной Митридатом. В последнем можно убедиться, прежде всего, на основании ряда аналогий между этими обоими движениями.

Подобно своему отцу, Фарнак начинает подготовку к борьбе с Римом с расширения и укрепления своего тыла¹. Так же, как в свое время Митридат, он использует для выступления момент внутреннего ослабления своих врагов, вызванный новым обострением гражданской войны в Риме, что совершенно определенно подчеркивается как Аппианом, так и Кассием Дионом и Флором². Но аналогия идет и более глубоко. Задача концентрации сил для предстоящей борьбы с римлянами приводит Фарнака к тем же затруднениям внутривосточного характера, которые перед этим сыграли решающую роль в трагическом окончании эпопеи Митридата Евпатора.

Дело в том, что, подготавливая свое выступление, Фарнак также обнаруживает стремление найти опору одновременно и в городах прибрежной полосы, в ту пору уже совершенно определенно ориентировавшихся на Рим³, и в окружающих Боспор «варварских» племенах, занимавших в этом вопросе диаметрально-противоположную позицию⁴. В этом отношении чрезвычайно характерен рассказ Аппиана (A p p.—Mithr., 120) о том, как Фарнак, после осады и захвата Фанагории, не причиняет жителям города никакого вреда, но, наоборот, делает их своими друзьями (... βλάβης οὐδέν ἀλλὰ φίλους ποιησάμενος). Правда, Фарнак при этом не забывает захватить и заложников, ибо его новоявленные «друзья» навряд ли могли

¹ Strab., VII, 4, 3; XI, 2, 11; 5, 8. Ср. Grandis, RE, III, S. 777 f.; Латышева—Повникá, стр. 96.

² A p p.—Mithr., 120; Dio, XLII, 45; Flor.—Epit., II, 13, 61.

³ Помимо предшествующего восстания городов во главе с Фанагорией (см. мою статью в «Вестнике древней истории» № 2 за 1938 г.), об этом говорит IosPE I², 691, из которой устанавливается факт посольства херсонесцев в Рим к Цезарю. Ср. комментарии к указанной надписи Латышева в IosPE I² и Ростовцева в ИАК, 63, стр. 1 сл.

⁴ См. мою указанную выше статью.

с особым энтузиазмом отнестись к походу против римлян, даровавших незадолго перед тем автономию Фанагории (A p p.—Mithr., 113).

Развитие дальнейших событий, связанных уже с именем Асандра¹, еще раз показало несостоятельность этой политики. Следует думать, что в данном случае вопрос об отношениях к Риму в сущности отражал более глубокие противоречия между рабовладельческими городами побережья и широкими слоями туземного населения. Поэтому, когда Фарнак, уже после битвы у Зелы, бежит на северный берег Понта, скифы и сарматы сохраняют ему верность и помогают захватить отложившиеся от него Пантикапей и Феодосию (A p p.—Mithr., 120). Уже одно это обстоятельство дает основания предполагать, что Асандра, в противоположность Фарнаку, поддерживали определенные слои городского населения прибрежной полосы, в частности Пантикапея и Феодосии, и что, таким образом, борьба между Фарнаком и Асандром является далеко не одной только династической распрей². С точки зрения известной части населения рабовладельческих городов, опасавшихся повторения недавно пережитых бедствий большой войны, измена Фарнаку в целях угодить Риму и предотвратить опасность новых потрясений могла быть популярной. С другой стороны, активно антиримская позиция «варваров» как в дни восстания городов во главе с Фанагорией и измены самого Фарнака³, так и теперь, осталась, повидимому, непоколебленной. Может быть, не без основания именно поэтому в дальнейшем Асандр оказался вынужденным укреплять границы своего государства стенами против враждебных его политике скифов и сарматов⁴.

Таким образом, сопоставляя выступление Фарнака с предшествующим движением Митридата, можно прийти к выводу, что обстановка в Северном Причерноморье за истекший промежуток времени не изменилась в более выгодном для римских интересов направлении. Попрежнему здесь, наряду с романофильски настроенными городами, продолжают существовать силы, готовые, как только к тому представится удобный случай, с оружием в руках поддержать любое выступление против Рима. Поэтому хотя Цезарю после победы у Зелы было и не до Боспора, и он, как говорит Аппиан (B. civ., II, 92), не имел возможности заниматься «такими ничтожными делами», как преследование Фарнака, все же опыт предшествующей политики Помпея был им учтен. Очевидно, в Риме поняли, что признание прав на боспорский престол за Асандром, хотя он и выступил против Фарнака на стороне римлян, само по себе, без дополнительных гарантий, не дает решительно никакой уверенности в его преданности интересам римской

¹ Dio, XLIII, 46, 4. Дион говорит, что Асандр поднял восстание с целью «угодить римлянам». Это произошло еще до битвы у Зелы. Ср. A p p.—Mithr., 120.

² На такой точке зрения стоят Ростовцев и Шко р п и л (ИАК, 37, стр. 14 сл.). Основываясь на надписи, найденной в 1909 г. в Эль-Тегене, они видят в Асандре представителя старой династии Спартокидов, добывающегося восстановления своей власти. Но единственный существенный аргумент, который ими при этом выдвигается, это—изображение трезубца на медных монетах Асандра, периода его архонства, совпадающее с таким же изображением на золотых монетах Перисада.

В дальнейшем Ростовцев, повидимому, отходит от этого предположения, ибо в своей статье в «Древностях» (т. XXV, стр. 16) он высказывает уже предположение о сарматском происхождении Асандра.

³ См. мою указанную выше статью. Об участии туземных племен в выступлении Фарнака см. L. A t p e l i u s, XXXIV, 1, который говорит, что Фарнак вторгнулся в Сирию с войском своего отца (milite patris sui). Это подтверждается A p p.—Mithr., 120, и Strab., XI, 5, 8.

⁴ Strab., XI, 495.

политики в дальнейшем. Вместе с тем Цезарь, перед лицом гораздо более важных для него проблем, не располагал необходимыми военными ресурсами для водворения более выгодных Риму порядков на Востоке. С незначительными отступлениями он повторяет все ту же, давно ставшую для Востока традиционной, внешнеполитическую линию опоры на зависимых от Рима царей¹.

В этих условиях единственным доступным для него средством разрешить боспорскую проблему и добиться хотя бы относительной гарантии спокойствия на этих границах было—посадить своего человека на боспорский престол,—прием и ранее широко практиковавшийся в восточной политике. Таким человеком оказался верный сотрудник Цезаря Митридат Пергамский, направленный на Боспор уже после того, как Фарнак был убит в сражении с Асандром в 47 г. до н. э.² Только с этого времени можно говорить о реальных попытках ввести Боспор в сферу римского политического влияния, в том смысле, в каком понимал его Страбон (XVII, 3, 24 и VI, 4, 2), ибо все, что было раньше, не подходит ни под одну из перечисляемых им форм зависимых отношений, устанавливаемых Римом. В сущности, в период деятельности на Черном море Лукулла и Помпея римляне не могли пойти дальше признания уже совершившихся, помимо их непосредственного участия, событий, и только теперь, в случае с Митридатом Пергамским, можно наблюдать первые действительные попытки активизировать римскую политику в этом районе. Однако Кассий Дион (XIII, 48) указывает, что и теперь Митридату Пергамскому было только «разрешено» воевать с Асандром (... ἔδωκε πρὸς τὸν Ἀσάνδρον πόλεμῳ ἤσσει). Повидимому, это «разрешение» не сопровождалось никакими мерами реальной военной поддержки, и Митридат, так сказать, был предоставлен собственным силам. В связи с этим обстоятельством следует поставить и весьма своеобразную на первый взгляд аргументацию, при помощи которой и Митридат Пергамский и его противник Асандр пытаются обосновать свое право на боспорский престол. Еще Моммзен³ обратил внимание на то, что оба они стремятся доказать свою принадлежность к прежней династии Ахеменидов. Для этого Асандр, по расчету Заллета⁴, уже в возрасте 63 лет женится на Динамии, дочери своего недавнего врага и соперника, а Митридат Пергамский пытается выдать себя за незаконного сына Митридата Евпатора⁵. Если такого рода аргументация еще была с известными натяжками уместна для Асандра, то она совсем уже не шла римскому ставленнику Митридату Пергамскому.

Все это показывает, что авторитет Рима в это время еще низко котиrowался на Боспоре и претендентам на царский престол прежде всего приходилось считаться с обстановкой на месте.

На кого же в таком случае была рассчитана эта своеобразная аргументация? Совершенно очевидно, что не на прибрежные города, восстававшие против Митридата и Фарнака и обращавшиеся в Рим с посольствами.

¹ Dio, XIII, 48. Подробно о политике Цезаря на Востоке см. W. Judeich—Cäsar in Orient, где собран исчерпывающий материал, и ст. Ростовцева, ИАК, 63, стр. 1 сл.

² Strab., XIII, 4, 3; App.—Mithr., 120, 121; Bell. Alex., 78, 2; Dio, XLII, 48, 4; «Inscr. v. Pergamon», № 377, 378. Ср. Judeich, op. cit., S. 62 и В. В. Латышев—Почти стр. 97.

³ Mommsen, R. G., V. S. 287 (1885).

⁴ Sallet—Beiträge zur Geschichte und Numismatik der Kön. d. Cimner. Bosporos. Ср. Ростовцев, «Древности», XXV, стр. 12 сл.

⁵ Strab., VIII, 4, 3; ср. Bell. Alex. 72. 2.

Тогда остается предположить, что и Митридат Пергамский и Асандр не могли не считаться с политическими симпатиями и антипатиями более широких слоев туземного населения, в частности и прежде всего, с окружающими со всех сторон боспорскую территорию «варварскими» племенами. Далее, основываясь на изложенном, можно заключить, что в рассматриваемое время эти группы населения были силой, во многом определявшей общую ситуацию в Северном Причерноморье. Страбон, расценивая эту силу с точки зрения интересов римской политики, говорит, что «варвары», КОТОРЫХ он в этом отрывке обобщает под именем «номадов», ни к чему не годны, «вследствие трудности сношений с ними и требуют гарнизонов», очевидно для отражения их нападений¹. Только Митридату Евпатору, и то лишь ценой разрыва с прибрежными городами, удалось преодолеть эти трудности. Поэтому его имя, очевидно, продолжало оставаться популярным в среде этих его бывших союзников, так мужественно и последовательно сражавшихся под его знаменами против Рима. Что касается Асандра и Митридата Пергамского, то, поскольку они, повидимому, не располагали военными силами, достаточными для решения вопроса о власти оружием, им оставалось спекулировать теперь его именем. Традиционная популярность имени Митридата Евпатора обнаруживается и в надписи царицы Динамии (IosPE, II, 356), где термин *φιλορῳμαίος* уживается с подчеркнuto громким титулом Митридата и Фарнака, как ее предков.

Борьба Митридата Пергамского с Асандром из-за боспорского престола заканчивается, как сообщает Страбон (XIII, 4,3), его смертью и победой Асандра. Тем самым римская политика вновь оказалась перед лицом совершившегося помимо ее воли факта, не совпадавшего с расчетами Цезаря. Как реагировал он на эти события? По этому вопросу мнения в литературе расходятся, что обусловлено неполнотой и некоторой противоречивостью источников. Дело в том, что эпоха Асандра представлена довольно значительным нумизматическим материалом. При этом известные нам золотые статеры Асандра помечены буквами от А до ΘΚ, представляющими собой, по единодушному мнению всех нумизматов², счет годов его царствования с первого по двадцать девятый. При этом на статерах трех первых лет его правления имя Асандра приведено с титулом архонта (*Ἄρχοντος Ἀσάνδρου*), в дальнейшем же он неизменно титулуется на своих золотых статерах *βασιλεύς*. На медных монетах, без указания дат, с типом мужской портретной головы или типом головы Ники на лицевой стороне и пророй на обороте, имя Асандра приводится только с титулом архонта³.

Казалось бы, при таком положении вещей вопрос о датировке времени правления Асандра и получения им царского титула, в зависимости от которого решается вопрос о его взаимоотношениях с Римом, не должен был вызывать особых затруднений, но, на беду, мы не располагаем точными данными о годе его смерти. Единственным источником, который мог бы пролить свет на это событие, является известие К а с с и я Д и о н а (LIV, 24) о восстании Скрибония и направлении на Боспор Полемона, что последовало уже после смерти Асандра, в правление его жены Динамии. Кассий

¹ Strab., VI, 4, 2. При использовании этого текста Страбона нами принимаются конъектуры В. В. Л а т ы ш е в а. См. «Scythica et Caucasica», стр. 107.

² Ср. В. В. Л а т ы ш е в — *Ποινική*, где в прим. 2 к стр. 98 сведена основная литература.

³ По авторитетному мнению А. Н. Зографа все эти медные монеты Асандра представляют перечеканки, выполненные весьма спешно. О монетах Асандра см. Б е р т ь е Д е л а г а р д, ЗОО, т. XXIX, стр. 140. Там же таблицы с их изображениями.

Дион относит эти события к консульству Марка Красса и Гнея Корнелия (14 г. до н. э.). Но исследование Заллета¹ доказало, что датировка Диона относится только к указанным выше событиям, связанным с именами Скрибония и Полемона, а не к смерти Асандра, которая могла последовать несколько раньше. Таким образом, эта дата Диона не может служить отправной точкой для выяснения хронологии царствования Асандра, но зато у Заллета явилась возможность примирить ее с датой на известном золотом статере царицы Динамии², отмеченном 281 г. Боспорской эры (17/16 г. до н. э.). Поскольку трудно себе представить, чтобы монеты с ее именем чеканились параллельно с монетами Асандра при его жизни, Заллет приходит к выводу, что 281 г. Боспорской эры и есть год смерти Асандра. На этом основании построены все дальнейшие его расчеты, которые сводятся к прибавлению 29 лет правления Асандра, известных из его монет, к предположенному году его смерти. Тогда получается, что в 46 г. до н. э. Асандр начал чеканить свои монеты с титулом архонта и в 42 г. с титулом βασιλεύς. Следовательно, только через год после смерти Фарнака³ и, очевидно, уже после победы над Митридатом Пергамским, Асандр начал считать себя архонтом. Титул же царя он получает уже во время Октавиана, что, правда, совпадает с известием, приписываемым Лукиану (Macrob., 17). Приблизительно на такой же точке зрения стоит и Орешников⁴. Последний еще дальше отодвигает эти события, полагая, что при жизни Цезаря Асандр, победивший его друга Митридата Пергамского, не осмелился бы открыто назвать себя даже архонтом. Поэтому, с точки зрения Орешникова, известие Лукиана относится только к утверждению Октавианом Асандра в титуле архонта, царский же титул он получил только в конце 41 или в начале 42 г. от Антония, изображение которого Орешников усматривает на монете с годом I⁵. Таким образом, следуя за Заллетом и Орешниковым, мы приходим к выводу, что Цезарь или утвердил Асандра только в титуле архонта (З а л л е т) или вообще никак не реагировал на боспорские события (О р е ш н и к о в), оставив этот вопрос открытым. Далее получается, что до 46 г. Асандр вообще не имел никакого титула или обходился без выпуска новой монеты, что представляется весьма маловероятным. Между тем, Б р а н д и с⁶, основываясь на 46-й главе XLII книги Кассия Диона, приводит очень убедительные аргументы в пользу того, что Асандр отпал от Фарнака еще в 48 г. Из указанной главы Кассия Диона следует, что это отпадение имело место до битвы при Зеле, датируемой, как известно, 2 августа, причем Дион подчеркивает, что самое известие о восстании Фарнак получил, когда ὁ χειρῶν προσήλθ'. К этим соображениям Брандиса можно прибавить, что тот же факт, правда, без подробностей о зиме, вытекает и из 120-й главы XII книги Аппиана. Можно ли при этом условии допустить, что в течение всего этого времени Асандр, успевший покончить с Фарнаком и не побоявшийся встретиться с оружием

¹ S a l l e t, op. cit., S. 17 f.

² Б у р а ч к о в—Общий каталог монет, стр. 235; К е н е—Описание музея Кочубея, II, стр. 156; О р е ш н и к о в—Каталог собрания Уварова, стр. 68 (табл. II, № 443).

³ См. А р р.—Mithr., 120.

⁴ О р е ш н и к о в—Каталог древностей Уварова, VII, стр. 62 сл. и «Annuaire de la soc. de numism.».

⁵ В более поздней своей работе ту же безбородую голову Орешников уже отождествляет с чертами лица самого Асандра и там же, в конце концов, приходит к скептическому выводу, что «вопрос о сходстве—вопрос не научный, а личного взгляда». См. ИРАИМК, I, стр. 236.

⁶ B r a n d i s, RE, III, S. 777 f.

в руках римского ставленника Митридата Пергамского, не решался выпустить медную монету с титулом архонта? Кроме того, из римской внешнеполитической практики всего этого времени нам не известен ни один случай утверждения Римом на царском престоле кого-либо с титулом архонта. Самый этот термин исчезает из боспорского государственного обихода со времен Левкона I¹. Однако он продолжает существовать, но уже в новом значении, в политической системе Митридата Евпатора. Так, Аппиан в 78-й главе называет Махара архонтом Боспора, вкладывая, очевидно, в этот термин смысл наместничества².

Еще одна любопытная, уже нумизматическая, деталь. И Митридат и Фарнак, когда он стал царем Боспора, чеканят свою монету, главным образом, из золота, предоставляя чеканить медь и мелкое серебро подвластным им городам. Что касается Асандра, то и он чеканит медь только до тех пор, пока носит титул архонта, т. е., очевидно, только в течение первых лет своего правления. Сделавшись же царем, и он переходит на одно золото³, также предоставив чеканку меди городам, причем характерно, что, например, городская чеканка Пантикапея и Фанагории времени Асандра только одной медью и ограничивается. Во всем этом хочется видеть наличие определенной традиции, соединяющей чекан меди с состоянием известной подчиненности, не совместимой с представлением о царском достоинстве. Может быть, поэтому и сам Асандр ограничивался чеканом меди, пока чувствовал себя зависимым, но, конечно, не от Рима, которому эта традиция была совершенно чужда, а от Фарнака, воспринявшего политические заветы своего отца Митридата Евпатора. Выше уже отмечались черты сходства в деятельности этих двух представителей понтийской династии Ахеменидов. Очевидно, аналогия имеет место и в данном случае. Фарнак, перед тем как начать восстановление своих наследственных владений на другом берегу Черного моря, мог назначить Асандра своим наместником на Боспоре с титулом архонта, подобно тому, как это сделал Митридат Евпатор в отношении Махара, когда он почувствовал себя не в состоянии самостоятельно справиться с управлением такой значительной территорией.

Все эти соображения заставляют усомниться в справедливости изложенных точек зрения, базирующих все свои выводы на хронологическом основании статера царицы Динамии.

В конце концов, этот золотой статер, дошедший до нас в единственном экземпляре, мог быть не первым из числа выпущенных царицей. С другой стороны, где основания думать, что Динамия чеканила его именно в год смерти мужа, а не год или два спустя? Поэтому нам представляется более убедительным другое мнение, именно мнение Моммзена⁴, которое он, впрочем, оставляет без аргументации. Моммзен, отвергая отмеченное выше известие, приписываемое Лукиану (Macrob., 17), как «перемешавшее отца с сыном», считает, что титул боспорского царя был утвержден за Асандром самим Цезарем в 45—44 гг.

¹ IosPE II, 343; ср. Л а т ы ш е в—Ποντική, стр. 76.

² Правда, в главах 67 и 83 в отношении того же Махара употреблен термин *βασιλεύς*, но совсем в другом смысле. В главе 67 говорится, как Митридат дал боспорянам в цари Махара, т. е. в данном случае подчеркивается титул Махара в отношении к вновь завоеванному населению, а не в отношении к самому Митридату. То же в главе 83, где рассказывается о взаимоотношениях Лукулла с Махаром.

³ См. Б е р т ь е - Д е л а г а р д, ЗОО, XXIX, стр. 140; ср. О р е ш н и к о в, НС, т. III, стр. 31 сл.

⁴ «Römische Geschichte», V, S. 287, прим. 1 (Berlin 1885).

Следовательно, римская политика, представленная в данном случае Цезарем, оказалась вынужденной силой обстоятельств вернуться к своей исходной позиции пассивного восприятия всего того, что за это время произошло на Боспоре. Цезарю, в создавшихся условиях, повидимому, не оставалось ничего другого, как санкционировать захват власти Асандром, хотя это и противоречило первоначальному римскому плану. В данном случае Цезарь оказался только менее счастливым, чем Помпей, поставленный в свое время выступлением Фарнака в такое же положение. Было удачное стечение обстоятельств, что тогда это событие оказалось в полном соответствии с преследуемой римской политикой целью. Однако последнее не меняет принципиального существа дела, ибо оба, и Цезарь и Помпей, не оказались в состоянии выйти за пределы этой, в конце концов, чисто пассивной реакции.

Объяснение этой вынужденной пассивности в конечном счете восходит к проблеме общей закономерности развития античного рабовладельческого общества и окружающего его со всех сторон мира «варваров». Рим идет уже по дороге вниз, тогда как мир «варваров» таил в себе предпосылки перехода к следующей, более высокой ступени исторического процесса¹. С этой стороны новое обострение гражданской войны в Риме, отразившееся на внешней политике Цезаря, конечно, не случайно. Также не случайно и то, что широкие слои туземного населения, когда возникла прямая угроза подчинения Боспора римскому контролю, очевидно, встали на сторону Асандра, хотя он и начал свою деятельность с выступления на стороне Рима.

Но оставляя пока эти вопросы в стороне и возвращаясь к конкретной обстановке, сложившейся ко времени последних лет жизни Цезаря, следует отметить его стремление преодолеть создавшиеся в Северном Причерноморье затруднения. Несомненно, Цезарь, вынужденный признать Асандра боспорским царем, смотрел на это признание лишь как на временное урегулирование вопроса. Об этом ясно говорят его планы похода на Парфию и вдоль Каспийского моря, по Кавказу, на северное побережье Понта² с целью замкнуть римское кольцо вокруг Черного моря и тем самым прочно включить все лежащие вокруг него земли, если не в состав территории Рима, то, по крайней мере, в сферу его прочного политического влияния. Попутно, может быть, в порядке подготовки этого плана, идет процесс постепенного освоения римлянами южного побережья Понта. Мы имеем в виду отмеченный рядом авторов вывод римских колоний около 45 г. в южные порты Евксинского побережья³. Во всем этом нельзя не видеть существенного отличия политики Цезаря от политики Помпея. После объявления Фарнака другом и союзником римского народа Помпей, по всем признакам, считал свою миссию законченной, и черноморская внешнеполитическая проблема для него перестала существовать, уступив место сирийской, египетской и иудейской⁴.

Как известно, Цезарю не было суждено приступить к осуществлению его парфяно-черноморской программы. По всем данным с его смертью она,

¹ Ф. Энгельс—Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 140 (1922).

² App.—B. civ. II, 110; III, 25, 37; Plu t.—Caes., LVIII; Suet.—Caes., 44; Aug., 8; Vell., Pat. II, 59, 4.

³ См. Ростовцев, ИАК, 63, стр. 17, прим. 1, где сведены источники о выводе колоний.

⁴ Ср. Моммзен—Римская история, т. III, стр. 113 сл. (русск. пер. изд. 1880 г.).

как целое, прекращает свое существование. Никогда потом римские внешнеполитические замыслы не достигали уже такого размаха и смелости. Однако отдельные части этого грандиозного плана, так сказать, программы-минимум, продолжают и в дальнейшем существовать в роли руководящих начал внешней политики Рима на Северном Причерноморье. В частности, продолжает жить и идея добиться прочного включения Северного Причерноморья в сферу римского влияния с минимумом затрат, путем утверждения на боспорском престоле преданного Риму человека. В сущности говоря, эту цель можно сформулировать, как попытку распространить порядки, более или менее оправдавшие себя в Малой Азии, на другую сторону Черного моря. При таком положении вещей перед боспорскими старями вставала дилемма: либо постараться предупредить события и самим записаться в число друзей и союзников Рима, либо вернуться на старый путь митридатовской политики и, опираясь на другие силы, отстаивать с оружием в руках самостоятельность своего существования. Совершенно очевидно, что решение этой дилеммы в ту или другую сторону было для каждого из представителей боспорского престола обусловлено прочностью внутреннего положения. Выше уже говорилось, как трудно было достигнуть в этом направлении равновесия при невозможности примирить интересы свободолюбивых и воинственных «варваров» с интересами рабовладельческих городов, дрожавших за свою судьбу и больше всего опасавшихся своих туземных соседей. Между тем, опыт Митридата Евпатора и отчасти Фарнака показал всю тщетность попыток добиться гарантий прочности для государства при ориентации на какую-нибудь одну из этих сил, ибо надо думать, что в I в. до н. э. удельный вес их в Северном Причерноморье был еще относительно равным. Отсюда попытки политики компромисса и лавирования, свойственной в той или иной мере всем боспорским властителям этого времени. В дальнейшем, при общем направлении процесса исторического развития в сторону постепенного упадка и социальной деградации рабовладельческих городов побережья и одновременного роста сил туземного населения, с каждым новым десятилетием эти попытки делались все более и более трудными. Поэтому роль Рима в качестве третьей силы, на которую можно было опереться в этой сложной обстановке лавирования, приобретает постепенно в глазах боспорских царей все большее и большее значение.

Все эти особенности в политическом положении боспорских властителей можно наблюдать уже на примере Асандра. Начав свою карьеру с восстания против Фарнака с расчетом угодить Риму, а потом выступив против ставленника того же Рима с оружием в руках, он заканчивает свою деятельность, по крайней мере внешне, романофильской политикой¹. Если решение вопроса о времени утверждения власти Асандра римлянами оказалось связанным с значительными затруднениями, самый факт перемены политической ориентации не может возбуждать уже никаких сомнений, поскольку мы располагаем пантикапейской надписью с его именем, где к титулу «великого царя царей» прибавлен новый термин *φιλορώμιος*². Очень при этом интересны две особенности этой надписи. Во-первых, имя и род занятий посвятившего надпись наварх Панталеон. В глазах этого обладателя чисто греческого имени и представителя городского населения Пантикапея термин *φιλορώμιος*, несомненно,

¹ Ср. Ростовцев, «Древности», т. XXV, стр. 13.

² *IosPE*, II. 25; ср. В. В. Латышев—*Почуйка*, стр. 99, прим. 3

означал возможность беспрепятственно заниматься своей профессией в свободных от римской блокады водах Черного моря. Во-вторых, интересно впервые встречающееся в боспорской эпитафике имя царицы, поставленное рядом с именем царя, тоже в качестве царствующей. Это упоминание царицы Динамии, безусловно, подтверждает сделанное выше предположение о политическом значении брачного союза, заключенного Асандром с представительницей династии Ахеменидов и внучкой Митридата Евпатора. Таким образом, даже в пяти лаконических строках этого посвящения можно усмотреть следы политического компромисса между населением греческих городов, заинтересованным в упорядочении обстановки любой ценой, и традиционным авторитетом и популярностью династии Евпатора в среде более широких слоев местного населения. Двдцатипятилетний срок пребывания Асандра на боспорском престоле указывает, что в данном случае эта компромиссная линия себя оправдала. Правда, от вражды со стороны «варваров», помимо брачного союза, Асандра могла спасти и воздвигнутая им стена¹. Впрочем, существование этой стены трудно примирить с традиционной политикой Митридата, приверженность к которой явно стремился подчеркнуть Асандр своим браком с Динамией, внучкой Евпатора. Последний, по словам Плиния (NH, XXV, 5), не только никогда не отгораживался от «варварских» племен стенами, но за всю свою жизнь ни разу не пользовался услугами переводчиков, очевидно, для того, чтобы ближе подойти к своим туземным подданным и союзникам.

Касаясь теперь вопроса о конкретном содержании установившихся между Асандром и Римом взаимоотношений, следует думать, что и в этот раз соглашение с римлянами все еще носило больше характер внешнеполитической декларации, не связанной с какими-либо существенными ограничениями внутреннего суверенитета боспорского правительства. На монетах имя Асандра продолжает чеканиться полностью и с титулом на всем протяжении его царствования². В других источниках, относящихся к этому времени, кроме приведенной выше надписи с новым термином *φιλοφρωνος*, никаких указаний на характер установившихся с Римом взаимоотношений не содержится. Не следует забывать, что до 30 г. внутреннее положение в Риме продолжает оставаться чрезвычайно напряженным. Гражданская война попрежнему продолжает сковывать его внешнеполитические возможности. Правда, на этот промежуток времени падает деятельность Антония на Востоке, преследовавшего цель, путем создания покорной ему восточной державы, разрешить в своих интересах вопрос о диктатуре на Западе. Но эта деятельность Антония не выходит за пределы военных действий против Парфии; к тому же эти военные операции оказываются связанными для него с рядом неудач и осложнений³. С установлением принципата Августа положение меняется, но и тут главные проблемы внешней политики Рима были связаны с западными границами и взаимоотношениями с Парфией и Арменией⁴. Характерно, что из 25 постоянных, имеющих номера, легионов Августа только три было

¹ Strab., XI, p. 495.

² Ср. Бергье-Далагард, 300, т. XXIX, стр. 140 сл.

³ Plut.—Ant., 37, 38, 50, 51; Tac.—Ann. II, 3; Vel. Pat.—2, 82; Dio, 49, 25; ср. Mommsen, RG, V., S. 364; Kromayer, «Hermes», 31, 70; Gardthausen—Augustus, II, S. 295.

⁴ Mommsen, RG, V, S. 178 f.; H. Dessau—Gesch. d. röm. Kaiserreichs, B. I., S. 360 f., 395 f.; L. Homo—L'empire romain, p. 181 s.

расположено в Сирии и Малой Азии (III Gal., VI Ferr., X Fret.) и два— в районе Мезии (IV Schyth., V Maced.), т. е. в таких районах, откуда, в случае нужды, они могли составить угрозу Северному Причерноморью, тогда как в Германии и Паннонии постоянно стояло 11 легионов¹. Таким образом, можно говорить с уверенностью, что в начале царствования Августа Северное Причерноморье и лежащие близ него районы находились вне центра римского внешнеполитического внимания. Однако у Кассия Диона содержатся указания, что кое-что было предпринято римским правительством и в направлении Причерноморья. Имеются в виду поход, предпринятый еще до Августа в 36 г. (в консульство Геллия и Нервы) Публием Кандидием Крассом против иберов и албанцев, в свое время задержавших продвижение Помпея по стопам Митридата вдоль Кавказского побережья, и военные действия Гая Луция против сарматов в районе нижнего течения Дуная, падающие на 15 г. до н. э.²

Итак, римские границы, за время Асандра, одновременно с двух сторон — и с юго-западной и с юго-восточной—подвинулись к Северному Причерноморью. У Рима начинает появляться базис для установления более прочных основ влияния над странами, окружающими Черное море. Но эти перемены нашли свое отражение уже в том периоде развития взаимоотношений между Римом и Боспором, который начинается после смерти Асандра.

¹ См. W. P f i t z n e r—Gesch. d. röm. Kaiserlegionen, S. 21.

² D i o, XLIX, 24; LIV, 20; O r o s., VI, 21, 14.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзор журнала «Byzantion» за 1931—1937 гг.

«BYZANTION» («Revue Internationale des Études Byzantines»)

Основанный в 1924 г. по решению Византийской секции V Международного исторического конгресса в Брюсселе 1923 г. как научный орган стран латинских и славянских, в противовес германским, «Byzantion» собрал около себя лучшие научные силы. За время своего существования журнал не раз получал премии. Насчитывая в числе своих сотрудников такие крупные имена, как Ф. Успенский, У. Рамсей, Ш. Диль, Ф. Кюмон и др., данный журнал дает научные статьи по византологии и смежным с ней областям (мир арабско-турецкий и средневековые Западной Европы), а помещаемые в нем библиографические обзоры дают возможность быть в курсе текущих научных вопросов и проработок.

Руководители журнала организовали издание византийских историков и хронографов, с переводом и комментариями—«Corpus Bruxellense», некоторые издания которого уже вышли.

Эти достоинства выделяют «Byzantion» из ряда подобных изданий, к сожалению, очень сократившегося после прекращения русских журналов по византиноведению.

Поэтому мы сочли небесполезным дать обзор наиболее важных статей этого журнала за 1931—1937 гг.

Том VI (1931 г.). Выпуск 1-й

W. M. Ramsay («Phrygian Orthodox and Heretics», 400—800, стр. 1—35) в номере журнала, посвященном его имени, как крупнейшему знатоку топографии Малой Азии, в своей статье устанавливает пределы и объем епископий Малой Азии, попутно проверяя и истолковывая списки участников, главным образом, Халкедонского собора.

N. A. Mušmow («Une monnaie d'argent de l'empereur Alexandre», стр. 99—100) в краткой заметке дает снимок уникальной монеты византийского императора Александра.

N. Festa («Longibardos», стр. 101—222) дает большую работу о греческом авторе Лонгибарде. Во вступительной статье, на основе его стиля, он старается нарисовать его образ, затем дается критическое издание текста и подробный index.

G. Ostrogorsky («Das Steuersystem im byzantinischen Altertum und Mittelalter», стр. 229—240) дает ясную картину налоговых тягот империи, вызванных запустением хозяйства, устанавливает различие между *ἐπιβολή* и *ἀλληλέγγισον* и указывает на законодательство Ираклия, как новый этап для развития средневизантийского права.

N. Radojčić («Die griechischen Quellen zur Schlacht am Kossow-Pole», стр. 241—246), в статье, посвященной изложению греческих источников о битве на Коссовом поле, указывает на первоначальную враждебность греков по отношению к сербам, постепенно исчезающую под влиянием политической необходимости совместной борьбы с турками.

H. Grégoire («L'opinion byzantine et la bataille de Kossowo», стр. 247—251) присоединяется к точке зрения предшествующего автора и дает интересную просербскую интерпретацию «канона Максима Мазариса», строка 11: «утешимся, что сербы в своем несчастье потерпели такое же горе, как и их враги» — намек на смерть султана Мурада.

V. Laurent («Un sceau inédit du protonotaire Basile Kamateros», стр. 253—272), исходя из недавно найденной печати, носящей имя Василия Каматира, с колебанием датирует ее концом XII в. и дает таблицу фамилий Каматиридов, на которую раньше еще указывал русский ученый В. В. Латышев.

M. Kmosko в статье, посвященной анализу так называемого Псевдо-Мефодия («Das Rätsel des Pseudo-Methodius», стр. 273—296), указав на предшествующие работы Истрина, Заккура и Ф. Нау, дает анализ этого «апокалипсиса», сначала написанного по-гречески человеком, ярко преданным идее Византийской империи, затем перенесенного в Италию и переведенного на латинский язык, но сохранившего много из своего первоначального сирийского прототипа.

N. Banescu в статье об этнографическом составе древнего населения нижнего течения Дуная («Ein ethnographisches Problem am Unterlauf der Donau aus dem XI Jahrhundert», стр. 297—307), возражая на прежние утверждения Васильевского и Кулаковского и на новейшие рецензии, упрекавшие его в излишнем румынском национализме, старается доказать правильность своей точки зрения, что здесь, в бывшем греческом городке Паристион, жили византийцы — «румыны», и что «скифы», о которых говорит Анна Комнен, — это не печенеги и не славяне, а местное старинное население страны, фракийского племени.

VI. Mošin в статье, посвященной не так давно открытому «Кембриджскому анониму» об истории хазар («Les Khazares et les Byzantins», стр. 309—325), признавая его историческую ценность, дает его перевод и делает ряд научных выводов (по этому вопросу см. в дальнейших томах этого журнала отрицательную критику).

G. Vernadsky в статье, посвященной «Тактике», которую приписывали прежде Льву Исавру, а затем Льву Мудрому (886—912) («The Tactics» of Leo the Wise and Erapagoge», стр. 333—335), подтверждает последнее предположение анализом «Эпаногои», своего рода официального руководства, оказавшего большое влияние на «Тактику» и написанного около 883 г.

D. Anastasijević в заметке о войне Иоанна Цимисхия со Святославом («La chronologie de la guerre russe de Tzimisès», стр. 337—342) рассматривает все хронологические источники, устанавливающие дату события, возражает против грамоты самого Иоанна в Афонской библиотеке и против данных Нестора и отстаивает свою дату 971 г.

W. H. Buckler («Un discours de consulaire sous Justinien», стр. 365—370) посвящает статью надписи на мраморной доске, найденной в Сардха, являющейся речью высокого чиновника, разъясняющей Новеллы императора 8 и 17; этот факт открывает нам, как в то время происходила пропаганда законодательства.

R. M. Dawkins показывает на ряде лексикологических примеров важность собрания материалов современного греческого языка побережья Черного моря, как остатков античных диалектов («Notes on the study of the modern Greek of Pontos», стр. 389—400).

G. Buckler («A sixth century Botaniates», стр. 405—410) дает описание византийской фамилии Ботаниатов, начиная с 571 г. и кончая 1177 г.

E. Weigang [«Zur Monogrammschrift der «Thetokos (Kaimesis)-Kirche von Nisea», стр. 411—420] приводит и расшифровывает ряд монограмм наиболее старых, восходящих к V и VI вв., византийских церквей.

W. M. Calder («The New Jerusalem of the Montanists», стр. 421—425) посвящает краткую заметку раскопкам в Пепузе во Фригии, «Новом Иерусалиме» монтанистов.

R. Goossens («Un résumé d'une vie en vers politique du pape Léon le Grand», стр. 427—432) сообщает о кратком стихотворном жизнеописании папы Льва Великого, восходящем, в конце концов, к Метафрасту.

P. Peeters («Quelques noms géographiques arméniens dans Skylitzes», стр. 435—440) в заметке о ряде местностей в Армении локализирует три из них, четвертую (Χελιδόνιον) оставляя под вопросом.

H. Grégoire в обстоятельной статье о времени появления поэмы о Дигенисе Акрите и так называемой его могиле («Le tombeau et la date de Digénis Acritas», стр. 481—508) устанавливает ее дату—928—944 г., почти в одно время с появлением песни о Роланде; в заметке хронографа Феофана под 788 г., сообщающей о славной гибели Диогена, начальника конницы в Анатолии, он видит историческое указание на прототип народного сказания о Дигенисе и в великолепно расположенной могиле в местечке Трозис (Truš) около Евфрата, по дороге в Самосату, видит воспетую могилу Дигениса, византийского Ахиллеса.

Выпуск 2-й

Fr. Cumont в статье, посвященной легенде об Афиногене из монастыря Педактона в Малой Азии («L'archevêché de Pedactoe et le sacrifice du faon», стр. 521—533), излагает это сказание, якобы из времен Диоклетиана (оно возникло в VII—VIII вв.); обычай закалывания молодого оленя и общей трапезы, принятой до последнего времени в церковной жизни Армении, Кюмон, на основании монет Митридата VI, выводит из античной религии Великой матери богов. В конце статьи даны шесть найденных автором в этих местах надписей и их дешифровка.

J. Stefanescu в большой статье, посвященной памятникам искусства в Румынии («Monuments d'art chrétien en Roumanie», стр. 571—612) дает описание (с приложением фотографий) ламп, металлических и деревянных с резьбой, крестов и икон в стиле русских «святцев».

J. de Jerphanion в статье, посвященной наделавшей так много шума «чаше Антиоха» («Le calice d'Antioche», стр. 613—621), подвергает проверке все возражения против ее подлинности, считает их неубедительными и относит чашу к довольно позднему времени конца V и начала VI в.

A. Vogt в своем втором этюде по византийскому театру («Etudes sur le théâtre byzantin», II, стр. 623—640) дает подробный анализ одного сирийского текста и его реконструкцию в форме византийской пьесы, приблизительно VI в.; вместе с этим автор бегло касается вопроса о машинах и способах выполнения «театральных эффектов» в это время.

G. J. Brătianu («L'approvisionnement de Constantinople sous les Paléologues et les empereurs ottomans», стр. 641—656) останавливается на двух моментах, когда византийские басилевсы должны были вести в скрытой форме жестокую борьбу с Генуей и Венецией по поводу их тоже «скрытой» торговли, поддерживаемой могущественными иностранными компаниями. Новым источником для этого служат «Письма» и «Житие патриарха Афанасия», находящиеся в архивах Генуи и Венеции. Вторая эпоха—это конец XVIII в., когда Австрийская империя методически забирала всю турецкую торговлю в свои руки, а Россия, господствуя своим флотом на Черном море и имея возможность всегда перерезать пути снабжения Константинополя, накладывала в политическом отношении свою руку на Турцию.

В отделе хроники *J. Moravcsik* дает обзор с 1920 по 1931 г. всего, что сделано для истории Венгрии и ее политических и культурных отношений с Византией.

За 1930/31 г. такой же обзор для Румынии дает *N. Bănesku* (стр. 702—706). *Ch. Diehl* и *J. Ebersold* (стр. 707—721) дают описание Международной выставки византийского искусства в Париже в 1931 г. *M. Hombert* (стр. 722—736) дает обзор по папирологии в 1930 г. *S. P. Kyriakidis* (стр. 737—770) дает подробный список работ, в том числе журнальных статей, по вопросу о греческом фольклоре с 1919 по 1930 г. *V. Laurent* (стр. 771—829) дает обстоятельный и всесторонний обзор всего, что сделано за последние годы по вопросу о византийских печатях. Небольшой отчет за 1928—1930 гг. по византийскому праву дает *Paul Collinet* (стр. 830—839).

В номере дана обширная библиография (стр. 841—962).

Т о м VII (1932 г.). В ы п у с к 1-й

K. Wulzinger («Die Apostelkirche und Mehmedije zu Konstantinopel», стр. 7—39) дает приблизительный план древнего храма Апостолов и его внешнего вида, привлекающая к сравнению храм Иоанна Богослова в Эфесе. Автор выясняет принципы строительства Юстиниана, сравнивая описание этого храма у Прокопия из Кесарии—«О строительстве» (1—4).

O. Haleski («La Pologne et l'Empire byzantin», стр. 46—67) в статье, посвященной отношениям между Польшей и Византией, указывает, что до последнего времени об этих отношениях не было ничего известно, и затем приводит ряд исторических данных, свидетельствующих об этих взаимоотношениях: 1. Письмо Болеслава Храброго к Василию II в 1108 г. В это время Болеслав в союзе с печенегами угрожал Киеву, а Византийская империя побаивалась нашествия печенегов на Балканский полуостров. 2. Религиозные вопросы заставили Казимира Великого в 1370 г. вступить в переписку с патриархом Константинопольским. 3. Уния с Литвой, являющаяся не «частным делом Польши», а одним из этапов тогдашней европейской политики Франции, и приглашение киевского митрополита Киприана заставили Владислава Ягелло и Витольда вступить в переговоры с Византией по поводу объединения церквей, как подготовки похода на турок. 4. Ряд писем за XV в., имевших предметом факты религиозной политики. 5. Ряд документов, указывающих на оживленные сношения при имп. Мануиле, по вопросу о союзе против турок. 6. Единственное письмо византийского императора именно Иоанна VIII Палеолога, к Владиславу (1444 г.). 7. Выдержки из хроники Яна Длугожа, касающиеся падения Константинополя и, наконец, 8. Переписка с персидским шахом Усун-Гассаном, который предлагал Казимиру Ягеллону военный союз и обещал, как приданое за одной из своих дочерей, которая должна была выйти за сына Казимира, всю Греческую империю (буде она будет освобождена от турок!).

A. Solari в статье, посвященной походу императора Грациана в 378 г. против аллеманов у Ленца («La campagna Lenziese dell'imperatore Graziano», стр. 69—74) дает анализ и истолкование соответственным местам из Аммиана Марцеллина (XXXI, 10—12).

Он же в небольшой заметке по поводу восстания Прокопия в Константинополе против Валента («La rivolta Procoriana», стр. 143—148), изложив весь ход дел в этот период по Марцеллину, делает вывод, что это была «новая попытка восстановления язычества», и отсюда выясняет силы, на которые опирался Прокопий.

G. Cassimantis («La dixième «vexation» de l'empereur Nicéphore», стр. 149—160) выясняет причины ненависти к императору со стороны современных ему историков, особенно Феофана, и затем истолковывает (в духе работы Bury) «десятью муку», по терминологии Феофана, возложенную им на подданных, когда он запретил им пользоваться процентами, а сам принудительно заставил моряков взять деньги и платить 17%.

G. Ostrogorsky и *E. Stein* («Die Krönungsurkunden des Zeremonienbuches», стр. 185—233) производят подробный анализ глав 14 и 38, 41 и 39 II книги Константина Багрянородного, устанавливая отношение той или другой из описываемых им «цере-

моний» к определенным хронологическим эпохам. Для позднейшего времени они привлекают нумизматический материал.

J. L. La-Monte («To what extent was the byzantine Empire the Suzerain of the Latin Crusading States?», стр. 255—264) указывает на отношения, существовавшие между Византией и государствами, образовавшимися в результате крестовых походов, причем византийский император исходил из понятия единой империи, а латинские владетели—из феодального государства.

C. Zenghelis («Le feu grégeois et les armes à feu chez les Byzantins», стр. 265—286) в обстоятельной статье по поводу «греческого огня», приведя все высказывания современных ученых о его составе, указывает, что основой его была селитра; что, судя по тактике императора Льва VI, им пользовались, как современными ружьями и пушками, и что его секрет не пропал, а, благодаря предателям, стал отчасти известен мусульманам, которые воспользовались его принципами против участников V крестового похода.

H. Grégoire в статье о поэме о Дигенисе («Autour de Digénis Akritas», стр. 287—302), подводя итоги своим прежним работам, указывает, что время ее написания он считает 928—944 гг. Ввиду явного совпадения в описаниях с историком Генезием, жившим после 944 г., он приходит к необходимости признать общий для них источник более ранней эпохи, который он видит в народных песнях, устных былинах, «трагумена» (против Н. Политиса) и доказывает это рядом сохранившихся «кантилен». Поэма о Дигенисе впоследствии подверглась переработке, когда имя имп. Василия заменили Романом и Никифором и были прибавлены эпизоды XVI в.

Тому же вопросу посвящена статья *R. Goossens* («Autour de Digénis Akritas. La geste d'Omar dans les Mille et une Nuits», стр. 316—320). Автор находит арабское изложение этой поэмы в сказке «О царе Омар-аль-Немане и его двух удивительных сыновьях Шаркане и Даул-Макане».

N. Bănescu дает ряд снимков и чтений на свинцовых печатях, найденных в Силистрии («Les sceaux byzantins trouvés à Silistrie», стр. 321—331).

Выпуск 2-й

J. D. Ștefănescu в богато иллюстрированной статье о Варлааме и Иоасафе («Le goman de Barlaam et Joasaph», стр. 347—369) передает древнейший вариант этой повести в ее молдавском переводе-переделке; рукопись находится в молдавском монастыре Neamtă, основанном в XIV в. Рукопись и ее рисунки автор относит ко времени Стефана Великого и указывает влияние на эти миниатюры итальянской школы.

В конце тома дана обширная хроника и библиография.

Том VIII (1933 г.). Выпуск 1-й

K. van-Loy дает французский перевод речи Либания «В защиту храмов». Разбирая вопрос о дате речи, автор приходит к выводу, что эта речь никогда не была произнесена перед императором Феодосием, а являлась просто риторическим упражнением для антиохийских учеников Либания.

J. R. Palanque в статье об отказе императора Грациана от звания великого понтифекса («L'empereur Gratien et le grand-pontificat païen», стр. 41—47), наряду с уничтожением алтаря победы в сенате, с конфискацией имущества и отменой привилегий жреческих организаций, ставит этот «жест» императора в соответствие с фактами тогдашней истории и указывает роль Амвросия Миланского во всем этом деле.

H. Grégoire («Notes épigraphiques», стр. 49—88) разбирает ряд христианских надписей из Малой Азии.

1. В надписи на алтаре из Отурака он видит фриго-дако-фракийский синкретизм, ввиду того, что как раз в императорах дакийского происхождения язычники надеялись найти свое последнее прибежище. Так, он толкует как собственное имя божества Daia-Daos, или Daes, которое до сих пор считалось необъяснимым. 2. Автор упрощает текст SEG, VI, 180 и истолковывает его, как посвящение строителя церкви. 3. Делается

ряд поправок (против Crönert'a) в стихотворном романе (SEG, VI, 137—140) о крещении молодой девушки после смерти. 4. Возражение А. Wilhelm'у на толкование стихотворной надписи (SEG, VI, 343, 5). 5. Восстановление надписи, SEG, VI, 389, как византийской молитвы, написанной очень «варваризованным» языком. 6. По поводу одной надписи из Каппадокии углубленный экскурс о стратеге Мелиасе времен Андроника.

Он же («Encore l'inscription d'Abercius», стр. 89—91) предлагает две конъектуры к Аверкиевой надписи.

E. Gerland («Die Grundlagen der byzantinischen Geschichtschreibung», стр. 93—105), опираясь на характеристику Крумбахера, устанавливает следующие виды литературного творчества византийских ученых: 1. Прагматическая история в стиле эллинистической историографии, расцвет которой представлен Прокопием. 2. Христианские хроники, как народно-летописное предание. 3. История церкви (Евагрий, Никифор, Каллист и др.). 4. Хронография и жизнеописания в стиле Светония.

V. Laurent посвящает подробную статью («La généalogie des premiers Paléologues», стр. 125—149) фамилии Палеологов, их семейным именам, отношениям и их печатям.

D. T. Rice [«Excavations at Bodrum Camii (турецк. Djami) 1930. The messel Expedition», стр. 151—174] излагает историю раскопок бывшего некогда византийского монастыря Мирелеона.

Z. Avalichvili в статье, посвященной личности и владениям грузинского владельца Давида, носившего титул «куропалата» («La succession du curpalate David d'Iberie, dynastie de Tao», стр. 177—202), дает очерк отношений, существовавших между византийскими базилевсами и мелкими правителями, и рисует картину политических отношений в Грузии во времена Василия II и Константина VIII.

A. Soloviev («Histoire du monastère russe au Mont-Athos», стр. 213—238) в этюде, посвященном истории русского монастыря на Афонской горе и истории его заселения, polemизирует с П. Успенским, производившим имя «русского» монастыря от сербского Раза или далматского Rausica или Rosa (примечание редакции указывает на политическую тенденцию автора, как русского эмигранта).

R. M. Dawkins в статье, посвященной положению христиан во время турецкого завоевания и их жилищам в горах, подробнее останавливается на результатах археологического обследования Крита и его пещерных городов («The Crypto-Christians of Turkey», стр. 247—275).

В отделе хроники дана большая статья *N. Bănescu* («La question de Paristrion ou Conclusion d'un long débat», стр. 277—308), подводящая итоги работ за последнее время о политическом положении Болгарии и Румынии в XI и XII вв.

Выпуск 2-й

E. Stein в статье о встречающихся в надписях терминах «ordinarii» и «campidoctores» (стр. 379—387) приходит к выводу, что ordinarii в позднейшей терминологии стали равняться ordinati—старшие офицеры, а campidoctores—это младший офицерский чин.

K. van-Loy (стр. 384—404) продолжает свой перевод речи Либания «В защиту храмов» и дает к нему обширный комментарий.

P. Peeters («Πασαγνάτης—Περσογενής», стр. 406—423) в статье о временах Констанция II и его неудачной борьбе с арабами, указывает, что среди имен деятелей этой эпохи встречается имя Πασαγνάτης. Дав ясную картину взаимоотношений в это время Армении, Грузии и Византии перед лицом арабов и персов, автор считает, что имя этого таинственного «Пасагната» надо считать тождественным с Саборием Персогенесом.

Fr. Dvornik («Le second schisma de Photius. Une mystification historique», стр. 425—474) в статье, являющейся продолжением и углублением его книги о сказаниях о Кирилле (Константине) и Мефодии, на основании анти-Фотиевского сборника

документов, крайне важного для характеристики эпохи разрыва между Римом и Византией, доказывает, что второго осуждения Фотия не было и что имеющиеся по этому поводу тексты являются «злоумышлением на Фотия» со стороны враждебного ему компилятора.

N. Adontz начинает большую статью об эпохе и жизни императора Василия I («L'âge et l'origine de l'empereur Basile I, 867—886», стр. 475—500. Продолжение следует). Тот же автор дает анализ надгробной речи в честь Василия I, произнесенной его сыном Львом VI Мудрым («La portée historique de l'oraison funèbre de Basile I par son fils Léon VI le Sage», стр. 501—513). Возражая Фогту (V o g t), автор указывает ряд ценных исторических фактов, которые можно извлечь из этой, считавшейся «пустой», речи.

H. Grégoire в ряде очерков, посвященных эпохе Михаила III, Василия I и Льва VI («Études sur le neuvième siècle», стр. 515—550), касается отдельных личностей, например магистрата и логофета Сергия Никетиата, при Михаиле III одержавшего блестящую победу с византийским флотом у Даметты; роли Фотия в политической жизни Византии; крещения Руси, совершенного именно Фотием и Михаилом, что хотели отрицать позднейшие панегиристы Василия и его последователи; описания битвы с арабами в 863 г. и установления места, где она происходила; «соединения» церквей в 897 г.

H. Berberian («Niséphore au Cou-Tors», стр. 553—554) приводит ряд свидетельств армянских историков о Никифоре «Кривая Шея» времени императора Василия I.

Gy. Moravcsik в статье о византийско-венгерском союзе XII в. при императоре Мануиле («Pour une alliance byzantino-hongroise», стр. 555—568) дает описание тогдашнего положения на северных границах Византии и указывает на крайнюю трудность выводов при больших пробелах источников.

H. Grégoire («Notules», стр. 569—574) дает четыре маленьких заметки: река «Багряница» славянского «Дигениса»=Галису; корень *al*—в турецко-татарском языке значит «яркокрасный», русское слово *алый* заимствовано от татар; место рождения Романа Лакапена и Дигениса Акрита—крепость у Евфрата Lagabin-Lakotena; о «житии Мануила» в X в.

В отделе хроники помещен сделанный *N. Vănescu* обзор работ, посвященных Румынии (стр. 575—583). *A. Vasiliev*—обзор работ, посвященных вопросу о византийском феодализме (стр. 584—604). *M. Hombert*—обзор работ по папирологии за 1932/33 г. (стр. 605—626). *A. Mirambel*—список вышедших работ по византологии за 1932 г. (стр. 627—647). Заключается выпуск, как обычно, обширной библиографией.

Т о м IX (1934 г.) В ы п у с к 1-й (том посвящен J. Bidez)

H. Grégoire в статье, посвященной историческому анализу легенды о нибелунгах («La patrie des Nibelungen», стр. 1—39), устанавливает, что нибелунги-бургунды были франками, жившими на левом берегу Рейна, что Гунтер, Гаген, Кримгильда—вполне исторические имена франко-латинских хроник, что эпизод Брунгильды—Зигфрида—Кримгильды вполне совпадает с летописным сказанием о Бруннеготе—Зигиберте—Фредегонде.

C. Osieczkowska в статье о мозаиках в храме Софии в Константинополе над царскими вратами («La mosaïque de la porte royale à St. Sophie de Constantinople et la litanie de tous les saints», стр. 41—83) относит их к времени македонской династии, точнее к Льву VI, и отмечает влияние Египта и Сирии.

M. H. Fourmy et M. Leroy («La vie de S. Philarète», стр. 85—170) впервые издают текст одного «жития», которым отчасти в свое время занимались А. А. Васильев («Известия Русского археологического института в Константинополе», т. V, 1900) и Лопарев (в «Византийском Временнике», 1910—1912 гг.). Это «житие» написано внуком Филарета, Никитою из Амния, языком довольно правильным и красивым и имеет значительный интерес, так как относится к концу VIII в., к эпохе Константина VI и его матери

Ирины, к эпохе арабских нашествий и попыток завязать отношения (при помощи брака) с двором Карла Великого. Авторы дают критически проверенный текст и французский перевод.

A. Andrédés в статье о византийских монополиях («Byzance, paradis du monopole et du privilège», стр. 171—181) устанавливает, что Византия не представляла исключения среди других, более ранних и современных ей стран, что указания Прокония в его «Тайной истории» не различают монополий корпоративных и государственных.

H. Grégoire («Manuel et Theophorbe, ou la concurrence des deux monastères», стр. 183—204), анализируя житие двух «святых», устанавливает историчность обоих лиц, известных как из греческих, так и из арабских источников. Очищенные от агнографических напластований, эти «святые легенды» являются небезынтересным памятником жизни IX в. при Михаиле III.

E. Honigmann в статье, посвященной замечаниям к изданию Гельцера «Notitia» («Die «Notitia» des Basileos von Jalınbana», стр. 205—322), устанавливает время их написания—886 г. (а не 837) и возможность позднейшей переработки Георгием из Кипра.

N. Adontz дает продолжение и окончание своей статьи, начатой в предшествующем томе журнала (VIII, 475—500), о времени императора Василия I—867—886 гг. («L'âge et l'origine de l'empereur Basile I», стр. 223—260, гл. IV—VI).

C. Siczkowska («Note sur le Rossianus 251 de la bibliothèque Vaticane», стр. 261—268) в небольшой заметке дает описание рисунков одной ватиканской рукописи, изображающих Иоанна Лествичника; приложено 23 фотографических снимка.

O. Schissel в статье, посвященной вопросу о каталоге греческих хронологических кодексов («Note sur un catalogus codicum chronologorum graecorum», стр. 269—295) обращает внимание на забытую и неоконченную работу Пето (D. Petavius—Uranologion etc., 1703).

A. Soloviev дает опись ряда греческих грамот времен Андроника II и Андроника III («Les diplômes grecs de Ménoikeon, attribués aux souverains byzanties et serbes», стр. 297—325).

H. Grégoire в небольшой заметке («Le sultanat d'Iconium dans l'éporée byzantine», стр. 361—366) возражает против работы Хатзе (A. Χατζη) об Евстафии Макремболите (1933) и продолжает настаивать на принадлежности ряда византийских эпических произведений к X в. Он указывает, что тут нет «духа крестовых походов», а все выражения, принятые за таковые, относятся к обычной арабской «любезности выражений».

N. Adontz («Notes arméno-byzantines», стр. 367—372) толкует и исправляет три памятника: 1. Печати Махитара, которого он идентифицирует с армянским вельможей Мхитаром (Матвей из Эдессы, гл. 7, ст. 8). 2. Письмо Иоанна Цимисхия к царю Ашоту (Ašot) 975 г., где автор дает существенную поправку к армянскому тексту (вм. 40 000 оболов читает «хрисоболу») и тем выправляет непонятную фразу в хронике Матвея из Эдессы и 3. Тексты о семье Филарета, одного из замечательных людей своего времени; автор указывает на неправильность ходячего французского перевода Матвея и, давая свой новый и точный, тем самым переиначивает презрительное замечание Торника, властителя Сассуна, в весьма уважительное.

G. Van-Langenhove («A propos de l'étymologie de Nibelungen», стр. 387—389) не считает вполне доказанным родство слова нибелунги и названия местечка Nivelles (Nijvel—«святой город»). В нибелунгах он видит первоначально подземных духов, затем персонализированных и романизированных.

J. Bidez в статье о работах Арефы Кесарийского над Платоном, Лукианом, Юлианом, Элием Аристидом («Arêthas de Cesarée, éditeur et scholiaste», стр. 391—408) касается вопроса о ряде рукописей, считавшихся потерянными, и о тех произвольных поправках, которые Арефа, как ревнитель христианства, позволял себе делать в текстах.

В ы п у с к 2-й

J. Stefănescu («Sur la mosaïque de la porte imperiale à St. Sophie de Constantinople», стр. 517—523) вносит ряд поправок и толкований к ранее указанной статье Озицковской (см. стр. 190).

A. Desrousseaux («Julien, Orat. III [II] p. 49 c—101d Sp.», стр. 525—534) предлагает ряд толкований и конъектур к тексту речей Юлиана и ставит ряд тем для будущих исследователей языка и стиля Юлиана.

H. G. Opitz в статье, посвященной недавно найденной греческой рукописи о жизни Константина («Die Vita Constantini des Codex Angelicus 22», стр. 523—593), устанавливает ее отношение к другим известным нам «житиям» Константина, определяет ее время и дает полный критический ее текст.

C. Cahen в статье, посвященной отношениям между Византией и турками в начале 11 в. («La campagne de Mantzikert d'après les sources musulmanes», стр. 613—642) дает интересную картину пленения императора Романа после его поражения (благодаря измене в греческом войске) и указывает, преимущество мусульманских источников перед христианскими, несмотря на их более позднюю эпоху, для установления исторических дат.

G. J. Bra tianu («Le monopole du blé à Byzance au XI siècle», стр. 643—662) в своей очень содержательной статье о хлебной торговле в Византии, начиная с ранних времен, указывает причины, приведшие Византию к установлению этой монополии, и ставит это в связь с началом экономического развития в Западной Европе.

G. Moravcsik («Les sources byzantines de l'histoire hongroise», стр. 663—673) сообщает о ходе работ по изданию им труда по истории Венгрии. Он указывает ряд византийских источников, еще неизвестных, и устанавливает наименование в них венгров как гуннов или турок.

V. Grecu («Byzantinische Handbücher der Kirchenmalerei», стр. 675—701) в большой статье приводит все древние руководства, сохранившиеся у нас в рукописях, о церковном искусстве византийского периода. Ссылаясь на слова Буслаева о важности такой работы, автор призывает к усиленному изучению данного вопроса.

J. R. Palanque («Sur la liste des préfets du prétoire du IV siècle», стр. 703—713) возражает на рецензию Штейна на его книгу (стр. 327) о префектах претория, придерживаясь прежней своей точки зрения, вразрез с Зеekom, о том, что не было коллегиальности в выполнении этой должности.

N. Adontz начинает свое большое исследование об армянских таронитах в Византии («Les Taronites en Arménie et à Byzance», стр. 715—738. Продолжение следует). Исходным пунктом для автора послужило толкование одного места из «De cerimoniis» Константина Багрянородного (стр. 138, Бонн. изд.).

H. Grégoire («Les sources épigraphiques de l'histoire Bulgare», стр. 745—786) в ряде заметок по поводу вышедшего тома «Древнеболгарских надписей» касается установления текста, толкования и хронологии трех греческих надписей из эпохи Крума и так называемой хроники Маламира.

Он же («Une source byzantino-bulgare de la «Tempête» de Shakespeare», стр. 787—792) в короткой заметке сообщает о своем докладе на IV конгрессе по византинологии, где он стремится доказать, что «Буря» Шекспира заимствована поэтом из греко-болгарского романа XVI в.

Он же («Rangabé [ou Forte Main]») в маленькой заметке производит прозвище византийского императора Михаила «Рангабе» от славянского корня «рука» и переводит его «Михаил—Сильная Рука».

Он же («Une épigramme greco-bulgare», стр. 795—799) предлагает в якобы собственном имени адресата «Псенас» видеть просто бранное славянское слово *псина*, как и в непонятном греческом слове *λᾶ* форму того же славянского *лай*.

Т о м X (1935 г.). Выпуск 1-й

Fr. Dvornik («Lettre à H. Grégoire à propos de Michel III et des mosaïques de St. Sophie», стр. 5—9) указывает два места из речей Фотия (стр. 294—314—317 по изд. Аристархеса, Константинополь, 1900), где устанавливается, что при иконоборчестве храм Софии был лишен своих икон, что они появились после 867 г. и что последний отрывок Фотия является, в сущности, конспектом эпической поэмы, или τραγῳδία в честь имп. Михаила. На эти места еще в 1864 г. указал Успенский, но истолковал их чересчур в «духе православия».

P. Wittek в статье, посвященной наименованиям местностей в Малой Азии («Von der byzantinischen zur türkischen Toponymie», стр. 11—64), в связи с изданием исторической карты устанавливает, что большинство названий сохраняет под несколько **ВИДОИЗМЕНЕННОЙ** формой греческую основу (Тоqat=Δόχεια, Κοπία=Ἰκόνιον и т. д.). Этот анализ дает возможность установить объем державы сельджуков в конце XII в.

A. Vasiliev в короткой заметке по поводу нового издания текста путешествий Перо Тафура («A Note of Peró Tafur», стр. 65—66) толкует термин Salmotracia в Трапезунте, как название древнего храма Sol-Mithras.

P. Orgels («Sabas Asidenos, dynaste de Sampsôn», стр. 67—80) устанавливает, что нет ничего общего между Sampsôn (Приена на Меандре) и Samsoun 'ом (древним Amisos в его турецком видоизменении) и что в новейшей «Кембриджской средневековой истории» (IV, 482) неправильно Миллером указана история Сабаза, правителя этого города. Попутно форма имени Asidenos производится от слова Ἀσίς—«основная, древняя Азия», по местному наречию.

G. Rouillard («L'épibolé au temps d'Alexis I Comnène», стр. 81—89) указывает, что ἐπιβολή не имела такой суровой формы, как это ясно из Новеллы 128 Юстиниана; что, судя по трактату о налогах Маркиана, она получила впоследствии два различных значения и почти что свелась на-нет при Комненах.

M. A. Andreeva в своей статье о торговом договоре между Византией и Рагузой («Le traité de commerce de 1451 entre Byzance et Dubrovnik», стр. 117—127) передает кратко историю заключения этих договоров рядом византийских императоров и их окончательное оформление почти что накануне турецкого завоевания.

E. Honigmann в статье, посвященной исторической географии Малой Азии («Charsianon Kastron», стр. 129—159) считает, что укрепление Харсианон надо искать на месте нынешнего Muşālim Qal'е.

N. Adontz («Notes arméno-byzantines», стр. 161—203) продолжает (IX, 1934, стр. 367 сл.) свои очерки по истории армяно-византийских отношений.

A. Vasiliev («Jorg of Nüremberg a writer contemporary with the Fall of Constantinople 1451», стр. 205—209) указывает на необходимость переиздания «Истории Турции» Иорга, бывшего 12 лет пленником при султанском дворе и заведующим султанской библиотекой.

H. Grégoire («Où en est la question des Nibelungen», стр. 215—245) еще раз возвращается к вопросу об истории и локализации нибелунгов. Он приводит библиографию, очень обширную и противоречивую за последнее время, с удовольствием констатирует возвращение при исследовании эпоса к исторической точке зрения. Между прочим, указывает, что имя Гагена есть «титул» (каган) хана аланов.

Он же в резко полемической статье против E. Peterson'a («Epigraphie hérétique... et hérésie épigraphique», стр. 247—250) указывает, что несмотря на несомненно монтанистское употребление слова ἀνελήμψθη, общие формулы надгробных надписей имеют общехристианский характер, часто заимствованный из обихода еще языческого времени.

Он же («Notes de Géographie byzantine», стр. 251—256) считает современный турецкий Нигд (Nigde) древней Некидой и помещает его в Каппадокии.

В отделе хроники *H. Grégoire* передает ход работ и экскурсий, связанных с конгрессом в Софии в 1934 г. (стр. 259—281).

M. Canard («Delhemma, épopée arabe des guerres arabo-byzantines», стр. 283—300) излагает содержание арабского эпоса эпохи арабо-византийских войн.

P. Pascal («Le Digenis slave ou la Geste de Devgenij», стр. 301—334) дает первый французский перевод славянской поэмы «Дигенис».

H. Grégoire («Note sur le Digenis slave», стр. 335—339) обращает внимание на славянский текст «Дигенис», более древний, чем все известные греческие списки, указывает на его связь с латинской поэмой Вальтария и заканчивает свою заметку словами, что прошли те времена, когда можно было говорить: *slavica non leguntur!* (не можем читать по-славянски!).

В заключение дается обзор работ за 1933/34 г. по изданию папирусов и об их обработке (стр. 341—366) и беглые указания по научной жизни в сфере византинологии (стр. 378—398).

В ы п у с к 2-й

P. Heseler, в дополнение к опубликованному в IX томе этого журнала (стр. 535—593) Опитцем «Житию Константина» («Neues zur «Vita Constantini» des Codex Angelicus», стр. 399—402) указывает на существование еще одной рукописи (cod. Hieros. Sabait. g. 366, XIII), которая дополняет все недочеты опубликованной «Vita» и, кроме того, имеет ближайшее отношение к «Церковной истории» Филосторгия, чему посвящена следующая статья *J. Bidez* («Fragments nouveaux de Philostorge sur la vie de Constantin», стр. 403—442), где автор сравнивает рассказы, сохранившиеся у Евсевия, Фотия, Сократа и других, и приводит тексты с комментарием.

E. Darkó («Influences touraniennes sur l'évolution de l'art militaire des Grecs, des Romains et des Byzantins», стр. 443—469) начинает ряд своих статей по реорганизации тактики римской и византийской армии с исторического обзора методов ведения войны у греков, римлян, германцев и китайцев, не имевших легкой кавалерии, и народов Скифии и Сибири, вплоть до Байкала, бывших конными лучниками. Автор указывает, что персы получили конницу только со времени Кира, что Александр Македонский и римляне, только углубившись в Азию, принуждены были усвоить себе при помощи союзников (*foederati, limitanei*) эту «туранскую» систему войны. Благодаря этим союзникам, прежде всего гуннам, блестящий полководец Юстиниана Велизарий одерживал свои удивительные победы над готами.

A. Vogt («L'Hippodrome de Constantinople», стр. 471—488) дает, в сущности, последовательный комментарий и разъяснение глав 68—73 книги Константина Багрянородного «De cerimoniis».

M. Jugie («La polémique de Georges Scholarios contre Plethon», стр. 517—530) по поводу нового издания философских работ и переписки Георгия Схолария излагает одну из страниц борьбы между сторонниками Аристотеля и Платона и вмешательство в эту литературную борьбу христианства в лице патриарха Геннадия.

N. Adontz продолжает свое исследование о фамилии Таронитов («Les Taronites en Arménie et à Byzance», стр. 531—551).

J. Stejǎnescu («Le monastère de Râsa», стр. 553—590, с массой фотографий) описывает художественные богатства малоизвестного молдавского монастыря, указывая его основание в конце XV или в начале XVI в.

S. Marinatos («Une émigration de Crète à Cephalonie», стр. 591—599) передает рассказ о трагической гибели Кандии и о том, что большинство ее уцелевших жителей переселилось на о. Кефалению, бывший ключом военных действий против турок, под руководством венецианцев. Этим объясняется ряд имен, фамилий и местностей, общих Кефалении и Криту, и распространение здесь критской литературы (эпос «Эра-токрит», комедия Фосколо «Фортунат»).

N. Bănescu и *P. Parahagi* («Plombs byzantins decouverts à Silistrie», стр. 601—606) дают фотографии печатей, текст и толкование их надписей.

J. R. Palanque («A propos du prétendu édit de Milan», стр. 607—619), против Зеэка и Грегуара, в согласии с Пиганиолем, доказывает ведущую роль Константина в «прохристианской» политике 311—313 гг., допуская, что самого акта опубликования «Миланского эдикта» не было. Он приводит шесть документов, подтверждающих такую деятельность Константина, настаивая, что инструкция проконсулу Африки о льготах христианам была издана не в феврале, а в январе 313 г. В своем ответе А. Грегуар продолжает отстаивать свое прежнее положение о большем значении во всем этом деле роли Лициния.

E. Honigmann («Sur quelques évêchés d'Asie Mineure», стр. 643—654) при помощи новых карт (Киперта и турецкого правительства), пользуясь не раз доказанным Грегуаром созвучием новых названий с древними именами, пытается точно установить место четырех епископий: Alina, Atanasos, Ipsos и Mousbada.

E. Takaichvili начинает ряд своих этюдов по грузинским древностям («Antiquités géorgiennes», стр. 655—663) описанием евангелия из Вани (L'évangile de Vani) с его удивительными рисунками, фотографии которых приложены.

H. Grégoire в небольшой заметке относительно роли армян в византийском войске («Les Arméniens entre Byzance et l'Islam», стр. 665—667) указывает, что ряд «непонятных» слов в различных поэмах надо толковать, исходя из их армянского значения, и толкует «luvaruk» (в «Delhemma», IX, 76, 8), как *послушайте* (против М. Canard, переводящего его: *пощад!*).

M. Canard («Le traité de 1281 entre Michel Paléologue et le sultan Qalâ'un», стр. 669—680) после краткой вступительной заметки о взаимоотношениях между Византией, Египтом, Персией и ханами Кипчакской Орды дает перевод договоров обеих сторон, заключенных ввиду важности для обоих властителей правильных торговых сношений.

Т о м XI (1936 г.) Выпуск 1-й

Fr. Dvornik («Études sur Photios», стр. 1—19) устанавливает отношения Фотия с Марином и Формозом по поводу разделения церквей.

N. Adontz («Les Taronites à Bysance», стр. 21—42) продолжает свою статью, начатую в IX томе этого журнала. Дается генеалогическая таблица за IX и X вв.

A. Soloviev («Encore un recueil de diplômes grecs de Menoikeon», стр. 59—80) дает опись нового, случайно найденного в бумагах министерства иностранных дел в Белграде документа, имеющего большое значение, ввиду пропажи ряда других списков, для установления, какие грамоты даны сербскими королями, какие—византийскими императорами.

H. Lewy в статье о времени издания и цели истории Армении Моисея Хоренского («The Date and Purpose of Moses of Chorene's History», стр. 81—96) приурочивает издание этого труда к 876—885 гг. при дворе «царя царей» Ашота. В то же время Моисей был под большим влиянием патриарха Фотия—и литературным и политическим.

N. Adontz («Sur la date de l'histoire de l'Arménie de Moïse de Chorène», стр. 97—100) в возражении на предыдущую статью указывает на невозможность установить столь категорически время выхода работы Моисея и вносит поправки в характеристику этого писателя.

H. Stern («Les représentations des conciles dans l'église de la Nativité à Bethléem», стр. 101—152) в большой и еще неоконченной статье по византийскому искусству устанавливает, пользуясь изображениями вселенских соборов, различные стили мозаики, архитектуры и орнамента в искусстве Византийской империи.

E. Mamboury в статье о новом археологическом открытии цистерны в Стамбуле («La nouvelle citerne byzantine de Tchifté Séral», стр. 167—180) дает опись работ и надписей (характерное латинское D). Время ее постройки раньше VIII в.

G. da Costa-Louillet («La vie de St. Paul de Xeropotamos», стр. 181—211) в своей статье об афонском монахе и первом игумене монастыря в Ксеропотаме X в. доказывает, что он не имеет ничего общего с сыном императора Михаила I Рангабе Прокопием, в монашестве Павлом, что это позднейшая легенда, как и золотая булла Романа I Лекапена является подлогом кого-либо из потомков Рангабе в XVIII столетии.

M. Canard («Arabes et Bulgares au début du X-me siècle», стр. 213—223) указывает, что попытки союза болгар с арабами падают на время царя Симеона, приблизительно конец 923 г. Впоследствии болгары были, напротив, союзниками византийцев в их войнах с арабами. Попутно автор в работе Масуди «Золотые луга» (II, 16—18 франц. изд.) восстанавливает бывшее до сих пор таинственным имя *H. r. f. n. d. i. y. a.*, считая его Халкидикой, или Халкедоном, до которого болгарский царь Симеон доходил в своих походах.

H. Janne в маленькой остроумной заметке («Un contresens de Cassiodore: les «furets» du Contre Apion», стр. 225—227) делает поправку текста § 81, вместо *furonibus* предлагая *mulvis*, так как Кассиодор смешал греческий термин *ὁ ἰκτίς*—*сокол* с *ἡ ἰκτίς*—*хорек* и перевел (бессмысленно) последнее слово *furonibus*.

В отделе хроники *E. Mamboury* («Les fouilles byzantines à Istambul et dans la banlieue immédiate aux XIX et XX siècles», стр. 229—283) сообщает о византийских раскопках в XIX и XX вв.

P. Wittek («Deux chapitres de l'histoire des Turcs de Roum», стр. 285) в своих двух сообщениях, сделанных в Сорбонне, касается двух вопросов: пребывания турок-сельджуков в Малой Азии и значения титула «Гази» в османской истории.

G. Wartenberg («Geht der slavische Digenis auf ein älteres Original zurück als die erhaltenen griechischen Epos», стр. 320—324) в небольшой заметке считает славянский текст испорченным греческим переводом;

Выпуск 2-й

A. Piganiol, в статье, посвященной императорской ложе на Ипподроме Константинополя («La loge impériale de l'Hippodrome de Byzance et le problème de l'Hippodrome couvert», стр. 383—390), соглашаясь с новейшей работой Фогта по этому вопросу, помещает ложу императора (кафизму) совершенно отдельно от ложи председательствующего магистрата, гораздо ближе ко дворцу, часть которого, своего рода вооруженный бастион, и представляла эта ложа. При оценке византийского Ипподрома надо исходить из римских сооружений Августа (в *Circus Maximus*) и Адриана.

G. Buckler («Woman in Byzantine law about 1000 a. d.», стр. 391—428) рисует значение женщины в византийском праве (по кодексу Юстиниана и по «*Peira*» Евстафия Ромаша, где из 1038 разделов женщина фигурирует в 260), особенно ярко сказавшаяся в империи Комненов.

H. Grégoire в статье, посвященной последнему походу императора Никифора I в Болгарию и его поражению («Un nouveau fragment du «Scriptor incertus de Leone Armenio», стр. 417—428), указывает на большое историческое значение текста, изданного Иваном Дючевым среди других агиографических материалов (Spusanie болгарской Академии 1936 г.). Он считает его продолжением хроники Малалы и по стилю «первостепенным источником». Затем приводится самый греческий текст (с рядом исправлений) и его комментарий.

N. Adontz и *M. Canard* в статье, посвященной одному из арабских поэтов—Абу-Фиразу («Quelques noms de personnages byzantins dans une pièce du poète arabe Abû-Firâs, X-e siècle», стр. 451—460), истолковывают ряд имен византийских придворных эпохи императора Никифора Фоки,—арабский поэт был пленником в Византии в 962—

966 гг., и указывают на ряд еще неразрешенных трудностей, вытекающих из этого памятника.

N. Lihačev в коротком очерке, посвященном греческой печати Стефана Неманя, («Sceau de Stéphan Nemanja», стр. 461—468), находящейся в ленинградском Эрмитаже, указывает на редкость свинцовых печатей сербских властителей и приписывает ее первому «великому Жупану», отцу «первовенчанного»; Лихачев датирует печать временем раньше 1196 г.

Его же статья о печатях императора Льва III Исаврийца («Sceaux de l'empereur Léon III l'Isaurien», стр. 469—482) и его сына Константина важна тем, что опровергает теорию Штейна, что титул «басилевс Ромеев» впервые появляется у византийцев в эпоху Карла Великого, как ответ на «кузурпацию» короля франков. Обе эти работы являются посмертными для крупного советского ученого, умершего в 1936 г.

A. Hoepffner («Les magistri militum praesentales au IV-e siècle», стр. 483—498), присоединяясь к точке зрения Ensslin'a («Klio», т. XXIII и XXIV, 1929/30), против Моммзена, устанавливает, что порядок наименования *magistri equitum* и *reditum* изменился при Грациане в силу влияния Меробада, на Востоке же еще до Феодосия оба *magistri* были сравнены и стали называться *magistri militum*.

J. Janssens («Les Bleus et les Verts sous Maurice, Phocas et Héraclius», стр. 499—536), в общем, присоединяясь к выводам Манойловича по тому же вопросу, делает много ценных добавлений на основе новых материалов. «Голубые» и «зеленые», менее всего будучи партиями цирка, были настоящими «демами» — народными партиями, готовыми защищать свой город от грозящей опасности. Их деятельность почти исчезает во время Ираклия, победителя персов, в критические моменты жизни империи.

H. Grégoire («Goiléonta—Golanta», стр. 537—539) в заметке о небольшом, неизвестном до сих пор местечке, игравшем известную роль в смутные времена императрицы Зои, считает, что это местечко — в Галатии (Goileonta—Goleonta—Golanta), подтверждая это рядом сведений древних латинских географов.

E. Honigmann («Pour l'Atlas byzantin», стр. 541—562) касается местоположения Гермии в византийской Галатии, македонского городка Лихнида; местечко Савсадия автор помещает в Троаде, в области Лампсака; что касается Керама, то автор помещает его около Евфрата, другие же авторы — в 30 километрах от Трапезунта.

S. Kyriakides («Eléments historiques byzantins dans le roman turc de Sayyid Battâl», стр. 563—570) указывает, какие интересные факты можно извлечь из данных, казалось бы, крайне испорченных источников.

N. Adontz в статье по поводу переписки Феофилакта, архиепископа болгарского, с Григорием Таронитом, приближенным императора Алексея Комнена («L'archevêque Theophilacte et le Taronite», стр. 577—588), устанавливает время его пребывания в Колхиде в начале 1103 г.; автор считает, что дочь императора Анна сгущает краски, когда говорит о его заговоре на жизнь ее отца.

A. Leroy-Molinghen дополняет предшествующую статью еще одним малоизвестным письмом Феофилакта, которое он считает самым ранним из написанных им Григорию Тарониту.

H. Lewy и *N. Adontz* в маленьких заметках («An additional note on the date of Moses of Chorene» и «À propos de la note de M. Lewy sur Moïse de Chorène», стр. 593—599) продолжают каждый поддерживать свою точку зрения о времени написания истории Моисея Хоренского и ее политической ориентации.

H. Grégoire посвящает ряд заметок древнерусской истории («Miscellanea epica et etymologica», стр. 601—615). В первой («La légende d'Oleg»), отрицая личность Олега, Аскольда и Дира, он считает, что поход 907 г. был заимствован летописью Нестора из преданий о походе Симеона Болгарского на Царьград. На одной надписи по поводу договора Симеона с Византией он носит титул *Olgoi Trakanou* (великий Тархан). Таким образом, Олег есть не имя, а титул. Во второй заметке [«Expédition d'Igor

(941) et la chronique russe] Грегуар указывает, что слова летописи Нестора, говорящего, что победил Игоря «Феодор стратилат с Фраки», сплошная ошибка: победа пришла в день празднования памяти Феодора (11 июня); точная византийская история знает трех других полководцев, сражавшихся с Игорем, а слова—«с Фраки», есть искажение наименования Феодора— $\Sigma\phi\omicron\rho\acute{\alpha}\kappa\iota\omicron\varsigma$. В третьей заметке («L'Amazone Maximò») источником эпического предания об «Амазонке Максимо» автор указывает надпись в Севастополе (иначе Гераклеополисе), посвященную почтенной «matrona stolata Максисе, называемой Амазонке». В четвертой («Autour des Pauliciens») автор устанавливает, что эпитома трактата о павликианской ереси, приписываемая Петру-игумену, есть краткое содержание единственного нашего источника об этой секте, истории Петра Сицилийского, он же «игумен» (трактат, приписываемый Фотию, является подлогом). В пятой автор устанавливает этимологическое родство между словами «Наполеон» и «нибелунги». Наконец, в шестой («L'étymologie de Caballus») автор считает, что латинское caballus, греческое— $\kappa\alpha\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\eta\varsigma$, русское—кобыла, обозначая носильщик, вьючное животное, является словом северобалканских языков.

В отделе хроники помещен перевод давно уже ставшего библиографической редкостью и неизвестного ни Дилю, ни Васильеву труда сербского ученого Манойловича «Le peuple (demos) de Constantinople de 400 a 800 après J. C.» Заргеб, 1904, [стр. 617—716].

Т о м XII (1937 г). В ы п у с к 1-й

E. Levi-Provençal («Un échange d'ambassades entre Cordoue et Byzance au IX-me siècle», стр. 1—24) в кратких словах обрисовывает отношения, существовавшие в IX в. между Аббасидами Багдада, Фатимидами севера Африки и Омайядами Испании; затем автор останавливается на переписке константинопольского императора Феофила (в 839—840 гг.) с эмиром Кордовы Абдар-Рахману II. Автор выясняет причины такого «необычного жеста» византийского императора и дает текст и перевод ответного письма эмира императору.

M. Jugie в статье, касающейся устава монастыря Продром («Le Turicon du monastère du Prodrome au mont Ménécée, près de Serrès. Introduction, texte et remarques», стр. 25—69) разбирает данный памятник, вызвавший уже большую литературу и очень интересный для экономических отношений начала XIV в. Автор дает много примечаний, освещающих эти моменты. Дан греческий текст и хороший перевод.

J. Maurice в статье, носящей удивительное название,—«Римские фараоны» («Les Pharaons romains», стр. 71—103), еще неоконченной, отчасти направленной против Зеека, говорит относительно организации Римской империи эпохи домината в свете влияния египетско-эллинистической религии и администрации в противовес восточно-персидскому миру, исконному врагу Рима. Статья очень важная.

G. Rouillard дает статью о земельных описях при первых Палеологах («Recensements de terres sous les premiers Paléologues», стр. 105—118).

Подзаголовок этой статьи—«Заметки о практике императорской канцелярии и работа контролеров фиска» (апографов). На ряде примеров автор показывает расхождение между списками монастырей («лавр») и данными императорских фискальных списков. Это и вызывало повторные описи земельных владений.

E. Darkó («Influences touraniennes sur l'évolution de l'art militaire des Grecs, des Romains et des Byzantins», стр. 119—147) выясняет вопрос о «туранских» влияниях, главным образом, о влиянии вооружения аланской конницы на вооружение и тактику византийцев. Устанавливая принадлежность анонимного византийского трактата «О тактике» императору Ираклию и подтверждая это анализом поэмы Георгия Писиды, одного из ближайших спутников в походах императора, «Ираклиады», автор дает краткое изложение трактата о тактике, указывая, что образцом для реорганизации византийской армии послужила тактика аваров и турок. Автор подчеркивает, что

такую же эволюцию проделала, но длительнее, и армия западной части Европы под влиянием венгерской конницы. Новым в этой эволюции явились конные лучники.

M. Lascaris («Sceaux grecs d'Etienne Nemanja», стр. 149—150) дополняет статью Лихачева, помещенную в предшествующем томе этого журнала на ту же тему.

J. Bromberg дает ряд заметок географического и исторического значения о средневековой Румынии («Toponymical and historical miscellanies on medieval Dobrudja, Bessarabia and Moldo-Wallachia», стр. 151—180 и 449—475), делая дополнения и поправки к недавно вышедшей работе Братиану о византийском и татарском владычестве по берегам Румынии и о генуэзской торговле в этих местах (I. The Caucasian Bitzina; II. Vicina and Ditzina; III. Pereiaslav, Pereiaslavetz, Proslavitzza; IV. On the sources of the description of the Danubian countries in the Libro del Conosimçiento. Продолжение статьи следует).

E. Takaichvili продолжает свои очерки и переводы надписей по грузинским древностям («Antiquités géorgiennes. II. Deux inscriptions de Jean Vardanisdzé eristhav des Souanes, du XII-me siècle. Icône de Saint-Georges de l'église de Labêtchina. Icône de St.-George de Mestia. III. Inscription de l'église de Khamlic», стр. 197—206). Устанавливается дата не позже X в.

P. Wittek («Encore l'épithaphe d'un Comnène à Konia») на основании нового, более точного сличения надписи на могиле Комнена в Кони, в данной статье, являющейся как бы продолжением его статьи в X томе журнала (1935, стр. 505—515), принимает новое чтение Ameraslans, переводя его «эмир-львенок», что указывает на молодость умершего.

H. Grégoire («Sainte Salsa. Roman épigraphique», стр. 213—224) показывает, как языческая женщина преклонных лет и окруженная большой семьей была обращена христианами исследователями в «деву-мученицу». Обычное в эпиграфике сокращение D. D. M.—dis manibus—(посвящено) божественным манам—было обращено в depositio dei martyris—погребение божьего мученика; b. m.—beatae memoriae (доброй памяти) в beati martyres («блаженные мученики»), и самое слово matris (матери) на надписи было прочтено, как martyris («мученицы»)!

Он же («Le «Glozel» Khasare», стр. 225—266), устанавливает со всей очевидностью подлоги, сделанные в этих документах Фирковичем в XIX столетии, и новейшие подлоги Шехтера («Кембриджский аноним» 1912 г.) и Азафа («Письмо рабби Иегуды», изд. в Берлине в 1924 г.) Эти подлоги вызваны усиленным интересом к истории хазар. Работу Коковцова (Ленинград, 1932) автор считает «слишком доверчивой».

Он же («La dernière campagne de Jean Tzimiskès contre les russes», стр. 267—276) на основе анализа источников (Льва Дьякона, Скилиза, Феофана и Генезия) устанавливает окончание войны со Святославом не летом (как утверждает Анастасиевич), а 8 февраля.

Он же в небольшой заметке об этимологии слова «labarum» («Encore l'étymologie de «labarum», стр. 277—281), сближая это слово с латинским laugum, находит подтверждение своего прежнего толкования—«портрет императора, окруженный венком»—в двух местах лексикона Кирилла. Звук *ν* (*υ*) в III и IV вв. по-гречески произносился, как *β*.

Он же дает четыре заметки о значении византийских терминов («Étymologies byzantino-latines», стр. 293—307). В первой он поддерживает свое толкование слова σοῦδα (=лат. sudas) как *rov*, против Dölger'a (в BZ), давая перевод неправильно понятых немецким ученым текстов и указывая на его грамматические ошибки. Попутно автор отказывается от своего толкования слова *суд* в летописи Нестора, как византийского заимствования, и сводит его к норвежскому «sund».

Этому же вопросу ниже, в библиографическом отделе, тот же автор посвящает небольшую заметку («Toujours σοῦδα», стр. 658—666), как возражение на статью D a i n в сборнике в честь Бузака («Mélanges Boisacq»).

Во второй заметке—*ῥωσδέλιον*—автор (против Рейске) толкует его, как латинское *rostellum* (уменьшительное от *rostrum*),—«край туники или порфиры императора». В третьей—*ταύρα*—автор приводит это слово в согласование с латинским *taurea* (*terga*), т. е. тамбуром или тимпаном, и указывает, как этот термин распространился и по Востоку, и по Западу.

Наконец, в четвертой—*πῶμα*—автор, читая это слово *πῶμα*, толкует его как *украшение, вышивка, лента*.

Выпуск 2-й

B. Granič в статье о некоторых вопросах церковного права («*Kirchenrechtliche Glossen zu den vom Kaiser Basileios II dem autokephalen Erzbisum von Achrída verliehenen Privilegien*», стр. 395—415) делает ряд замечаний о хозяйственной жизни Византии XI и XII вв.

I. L. la Monte («*John d'İbelin, the old lord of Beirut, 1177—1236*») дает интересную картину латинских государств в Палестине и на Кипре в эпоху Фридриха II.

W. Seston в статье о двух хронологических датах, имеющих в недавно найденной надписи из Паннонии на бронзовой доске («*Sur les deux dates de la table de privilèges de Brigetio*», стр. 477—485), указывает на новые данные отношений между Лицинием, Максимином и Константином и на чисто «наполеоновскую» тактику последнего в кампании 311—312 гг. Что касается резьбы на той же доске, сделанной другой рукой, то знак X может обозначить конец надписи, а не указание на «христианство» Константина уже в это время.

Ch. Saumagne («*Du rôle de l'«origo» et du «census» dans la formation du colonat romain*», стр. 487—581) дает обстоятельную статью о видах колоната и о взаимоотношениях между личностью человека и земельным участком, на котором он сидит. Автор, главным образом, опирается на кодекс Феодосия.

Cl. Backvis («*Quelques travaux recents sur les Bylines*», стр. 582—602) дает обзор новейших работ по русским былинам *André Mazou'a*, Юлиана Крыжановского и Траутмана, равно как и книги Висковатого о югославском эпосе, где любопытно, что оба югославских героя Владислав Варнейгук и Ян Собеский превращаются: первый—в венгерского Яна Гуниади, а второй—в московского царя.

С. Кондратьев

Античная эпиграфика в СССР за 20 лет (1917—1937)

Научная работа в области античной эпиграфики в СССР за 1917—1937 гг. состояла в издании надписей, находимых в местах древнегреческих колоний северного побережья Черного моря при археологических раскопках или совершенно случайно, и в критическом пересмотре текста и содержания уже изданных раньше надписей юга СССР. Не оставались без внимания и эпиграфические памятники, издававшиеся за это время в Западной Европе.

В 1917 г. проф. Е. М. Придик издал, после продолжительной подготовки, часть разработанного им материала по керамическим надписям, найденным на северном побережье Черного моря. Этот труд носит скромное название—«*Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Петрогр. 1917*». К изданию клейм приложены рисунки, 15 фототипических таблиц и 1 автотипическая таблица. В «Каталоге» Е. М. Придик описал хранящиеся в Эрмитаже клейма на родосских, фазосских и книдских амфорах, а также клейма с надписями островов Икоса и Пароса, ручки сосудов неизвестного происхождения и клейма на горлышках амфор, на черепицах и кирпичках. Далее следуют добавления к клеймам на родосских, фазосских и книдских амфорных ручках, на херсонесских ручках

и добавления к клеймам на горлышках амфор и на черепицах. К описанию клейм приложен указатель собственных имен, встречающихся в надписях, перечень родоских месяцев, знаков на ручках сосудов и на черепицах, а также список букв и монограмм, не помещенных на таблице XVI. Везде указываются место и время находки предмета, обстоятельства приобретения (насколько это оказывалось возможным), предшествующие издания надписи, номер инвентарной записи Эрмитажа и место хранения в Эрмитаже. Более 1500 клейм издано здесь впервые. Вследствие особенностей набора эпиграфического шрифта, а затем вследствие войны печатание «Каталога» продолжалось шесть лет. Он вышел в свет только в 1917 г.

При изучении клейм на ручках и горлышках сосудов в них можно найти данные не только для истории развития греческого алфавита и для истории греческих диалектов, но и для истории античного быта, для выяснения торговых, экономических и социальных отношений. Все эти вопросы тщательно разработаны в исследовании молодого ученого Б. Н. Гракова — «Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. Москва, 1929». Если каталог Е. М. Придика дает богатейший материал в области керамических клейм, то работа Б. Н. Гракова представляет научный анализ и освещение этого материала. В этой книге автор рассматривает одну из многочисленных групп клейм на ручках остродонных сосудов, ту группу, в которой находятся имена астиномов. Эти клейма часто встречаются на сосудах, находимых в местах древнегреческих колоний северного побережья Черного моря. На основании данных языка и эмблем, соединенных с именами магистратов, автор относит всю эту группу к Синопе, за исключением той части, где встречается дорический диалект. Это — клейма Херсонеса Таврического.

Формы алфавита, эмблемы и некоторые другие данные послужили Б. Н. Гракову основой для хронологической классификации изучаемых им клейм. Разработка хронологических вопросов, касающихся амфорных клейм, поставлена в этой работе так широко впервые. До последнего времени хронологические определения амфорных клейм с именами астиномов касались только целых групп, а не отдельных представительств той или другой группы. Попытки детальной хронологии немецкого ученого Ф. Блекмана и директора Керченского археологического музея В. В. Шкорпила (ум. в 1919 г.) ограничивались небольшим числом клейм и притом основывались не на тех данных, какие представляют самые клейма, а, главным образом, на стратиграфии раскопок и небольшом числе исторических сопоставлений.

Проследив имена астиномов и фабрикантов города Синопы, Б. Н. Граков приходит к выводу, что астиномы происходили исключительно из среды свободных граждан и местной аристократии, между тем как имена фабрикантов указывают на то, что значительная часть их происходила из среды вольноотпущенников и метеков. Интересно, что в этом отношении надписи, найденные на северном побережье Черного моря, представляют полное сходство с надписями родоскими.

В заключение Б. Н. Граков дает в общих чертах картину торговой и экономической жизни греков эллинистического периода, поскольку эта жизнь отразилась в керамических клеймах — «непосредственных свидетелях керамической промышленности древней Эллады».

К той же области относится статья Б. Н. Гракова — «Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор»¹. Здесь автор рассматривает материал и типы амфор с энглифическими (вдавленными) клеймами, а также формы клейм, букв и изображений на остродонных амфорах, диалект, орфографию надписей и собственные имена. Эти имена Б. Н. Граков разделяет на две группы: имена магистратов и фабрикантов. В заключение автор рассматривает вопрос о содержании и назначении энглифических клейм. В приложении помещен список энглифических клейм, находящихся на амфорах московского Исторического музея.

¹ «Труды Археологического разряда Гос. Ист. музея». Вып. I, стр. 165—200.

Составленный Е. М. Придиком в 1928 г. список имен астиномов на амфорных и черепичных клеймах юга СССР является ценным справочным пособием при работе над керамическими текстами¹.

На археологических конференциях в Керчи (1926) и в Херсонесе (1927) античная эпиграфика была представлена в ряде докладов. На Керченской конференции директор Керченского музея Ю. Ю. Марти сделал доклад о некоторых надписях, поступивших в этот музей в 1917—1926 гг.:—об эпитафии амастрийца Илиодора, сына Илиева², и эпитафии пантикапейского гражданина Икатия. Эпитафия в честь Илиодора ярко рисует связь между Пантикапеей и малоазиатскими городами, установившуюся в эллинистическо-римском периоде вследствие развития торговых сношений Пантикапеи с Передней Азией. Ю. Ю. Марти представил также фрагмент пантикапейской надписи фиасотов и сообщил подробности о найденной в 1918 г. китэйской надписи, изданной в 1922 г. академиком В. В. Латышевым³.

Научный сотрудник Эрмитажа Е. Ч. Скржинская прочитала на Керченской конференции доклад о латинских надписях из генуэзских колоний в Крыму. Коснувшись в общих чертах вопроса о значении средневековой латинской эпиграфики и ее современного состояния, докладчица подробно остановилась на материале, алфавите и формулах генуэзских надписей и на их значении как источника для пополнения списков кафедральных консулов и для истории административной системы крымских колоний. Затем Е. Ч. Скржинская предложила новые чтения и новые объяснения важнейших надписей, найденных в крымских генуэзских колониях⁴.

Н. И. Новосадский выступил на Керченской конференции с докладом о надписях, содержащих акты боспорских фиасотов. Изложив историю открытия и научной разработки этих надписей, докладчик рассмотрел вопросы о том, какому культу были посвящены боспорские фиасы, каковы были цели и формы их организации и каков был социальный состав их членов. Н. И. Новосадский указал на то, что, кроме элементов древнегреческих и иудейских, в боспорских фиасах замечается еще большое влияние христианства. В заключение докладчик остановился на терминологии актов боспорских фиасотов и предложил новое объяснение некоторых встречающихся в них терминов⁵.

На археологической конференции, состоявшейся в Херсонесе в 1927 г., к области античной эпиграфики относился доклад Н. И. Новосадского—«Критические и экзегетические заметки к некоторым херсонесским надписям». Проследив в общих чертах наиболее важные явления из области международных отношений Херсонеса и его внутренней жизни, о которых говорят нам херсонесские надписи, докладчик подробно остановился на двух эпиграфических памятниках: на присяге херсонесцев (IPE, I², 401) и на постановлении херсонесцев в честь Аристана, сына Аттина, бывшего послом к Августу с поручением ходатайствовать о даровании Херсонесу политической «свободы» (IPE, I², 429).

В «присяге» херсонесцев докладчик предложил свое объяснение слова ΣΑΥΤΗΡ, смысл которого до настоящего времени остается спорным⁶. Критически рассмотрев

¹ SPAW. Phil.-Hist. Klasse, 1928, XXIV, 1—41.

² См. «Изв. Тавр. общ. истории, археологии и этнографии», I (58), 1927, 118 сл.; ИГАИМК, вып. 104, 1935 (1934), 78.

³ ИГАИМК, II, 1922, 84 сл.; ИГАИМК, вып. 104, 1935 (1934), 60 сл. См. также «Изв. Тавр. общ. истории, археологии и этнографии», II (59), 1928, 1—24; Ю. Ю. Марти—Городища Боспорского царства к югу от Керчи, Киммерник, Китэй, Акра (здесь приложен план Китэя).

⁴ Крымские генуэзские надписи изданы Е. Ч. Скржинской в книге: E. S k r ж и н с к а — Inscriptions latines des colonies genoisées en Crimée. Genova 1928.

⁵ Доклад Н. И. Новосадского «Боспорские фиасы» напечатан в «Трудах секции археологии РАНИОН», III, 1928, стр. 55—70.

⁶ См. С. А. Жебелев—Херсонесская присяга, ДАН, 1935, 929 сл.

высказанные по этому вопросу мнения, Н. И. Новосадский доказывает, что ΣΑΣΤΗΡ представляет ошибку резчика надписи, вместо ΜΑΣΤΗΡ. Находящаяся в начале этого слова Σ—это, по мнению докладчика, вырезанная в горизонтальном положении буква Μ. Что касается значения слова μαστῆρ, то по объяснению древних лексикографов, μαστῆρες были те магистраты, которые наблюдали за конфискацией имущества граждан, осужденных на изгнание из родины. В клятвенном обещании сохранить эту власть докладчик видит указание на междоусобную борьбу в Херсонесе, происшедшую незадолго до составления херсонесской присяги. Отражение этой борьбы докладчик отметил и в некоторых других местах этой надписи¹.

Что касается надписи в честь Аристона, сына Аттина, то Н. И. Новосадский не соглашается ни с мнением проф. Ф. Ф. Соколова, который в слове ἀποκαμίβουτα видел указание на смерть Аристона во время исполнения им обязанностей посла в Риме, ни с мнением немецкого ученого Брандеса, сделавшего из этой надписи тот вывод, что Аристон добился дарования Херсонесу политической «свободы». Докладчик, наоборот, полагает, что здесь ἀποκαμίβουτα выражает, в деликатной форме, указание на то, что Аристон не достиг успеха в Риме. Ἀποκαμίβον явно противопоставляется в надписи слову ἐπιτετευχώς—«достигший успеха». Отсюда следует тот вывод, что в правление императора Августа, ко времени которого относится постановление херсонесцев в честь Аристона, Херсонес не пользовался правами civitatis liberae².

Надписи, находимые при археологических раскопках или случайно, публиковались в различных научных изданиях: в «Известиях Археологической комиссии» (ИАК), в «Известиях Государственной Академии истории материальной культуры» (ИГАИМК), в «Трудах Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук» (РАНИОН), в «Известиях» и «Докладах» Академии наук СССР (ИАИ и ДАН-В) и в других научных изданиях.

В «Известиях Археологической комиссии» за 1917 г., вып. 63, стр. 109—120, была помещена статья В. В. Шкорпила—«Новонайденные боспорские надписи». Здесь издано 13 надписей, открытых в Фанагории, в станице Таманской, в Керчи и ее окрестностях. Издано также несколько надписей неизвестного происхождения. Хотя опубликованные В. В. Шкорпилом надписи большей частью краткие, надгробные, но некоторые из них вносят новый материал для изучения боспорской ономастологии, этнологии и социального быта. Одна из этих надписей (№ 3) бросает свет на государственный быт Боспорского царства времен начала Римской империи, являясь свидетельством того, что в это время было необходимо возвести укрепления в Тамани для защиты от нападений «варваров».

В «Известиях Археологической комиссии» за 1918 г., вып. 65, стр. 9—26, В. В. Латышев в статье «Эпиграфические новости из Южной России» издал 11 надписей херсонесских и 6 надписей, найденных при раскопках Р. Х. Лепера в 1912—1914 гг. в Мангупе. К сожалению, большинство этих надписей—только незначительные обломки, содержание которых издателю не удалось восстановить. Наиболее крупным фрагментом является одна херсонесская надпись (№ 1), содержащая имена херсонесских магистратов, скрепивших своими печатями какой-то декрет. Эта надпись относится ко времени Римской империи.

В том же выпуске ИАК, стр. 79—84, помещена статья Э. Дилля—«Памятники древнегреческой магии». Здесь автор дает перечень тех магических наговоров, которые не вошли в сборник Одоляна (A. Audollent—Defixionum tabellae. Paris, 1904). Статья Э. Дилля является ценным дополнением к этому сборнику. В ней находятся, между прочим, магические заклятия из Ольвии и Пантикапеи.

¹ См. «Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 1927 года». Севастополь, 1927, стр. 33.

² См. «Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе», стр. 33 сл.

После закрытия в 1919 г. Археологической комиссии и учреждения Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК) статьи по античной эпиграфике стали печататься в издаваемых этой Академией «Известиях». В первом же томе «Известий ГАИМК», 1921, 17—28, была помещена статья академика В. В. Латышева (ум. в 1921 г.)—«Заметки по греческой эпиграфике». В этой богатой содержанием статье Латышев дал факсимиле шести надписей из коллекции А. С. Уварова, находящихся теперь в московском Историческом музее. Эти надписи были изданы уже раньше в ИРЕ, I², 161, 383, 448, 669, 672 и 673, но снимки с них, основанные на копиях А. С. Уварова и Я. И. Смирнова, оказались неточными. При проверке надписей по новым копиям автору удалось сделать несколько значительных изменений в изданном раньше тексте. Например в надписи ИРЕ, I², 669, где прежде читалось [3αε]λεὺς Χωδ[αρζοε], теперь следует читать [ἸΑχῆ]λεὺς Χωδ[ίρζοε]. Таким образом, вместо имени неизвестного, а, может быть, и небывалого боспорского царя Ходарза является гражданин Ахилл, сын Ходарза.

В той же статье В. В. Латышев выступает с критикой восстановления и объяснения надписей ИРЕ, I², 672 и ИРЕ, I², 176, предложенных И. И. Толстым в его исследовании «Остров Белый и Таврика» (Петроград, 1918, стр. 41 и 82 сл.). В заключение автор дает более полное восстановление пантикапейской надписи, изданной в ИРЕ, II, 57.

В конце I тома ИГАИМК, стр. 379—380, изданы по рукописи В. В. Шкорпила две небольшие надгробные надписи с изображением погребального пира, поступившие в Керченский музей в 1918 г. По поводу одной из этих надписей,—надгробие Гедии, жены Калликла,—Шкорпил делает интересную заметку о том, что на боспорских памятниках с изображением погребального пира обыкновенно встречаются мужские имена, реже—мужские вместе с женскими и очень редко—одни женские имена. Таких памятников известно только четыре, включая сюда и надгробие Гедии. Здесь, повидимому, кроется какой-то обычай, но чем он был вызван?

В II томе ИГАИМК (1922) мы находим статью В. В. Латышева (уже посмертную), в которой он предлагает восстановление метрической надписи на могиле Левкия, сына Левкия, павшего в битве с «варварами». Эта надпись была найдена в 1913 г. «в степи между Керчью и Булганакон, над гробницей», и издана впервые В. В. Шкорпилем¹, но Шкорпилу не удалось восстановить ее начало. Далее В. В. Латышев дает «примерное» восстановление эпитафии на могиле детей боспорской гражданки Филении², исправляет изданную им раньше по неточной копии надпись времени Рескупорида VI о постройке башни (место нахождения ее не удалось с точностью определить; надпись, по словам продавца, была найдена «в юрте ст. Запорожской») и предлагает полное восстановление метрической эпитафии на могиле братьев Гастиса и Адиманта, открытой в Анапе и изданной в ИРЕ, II, 419.

Другая статья В. В. Латышева, помещенная в том же томе ИГАИМК, стр. 84—104, «Неизданные боспорские надписи», посвящена прежде всего изданию китэйской надписи, найденной в 1918 г. Надпись эта издана по транскрипции В. В. Шкорпила. Она представляет акт о посвящении «патридой китэйцев» богу «гремящему и внемлющему» храма с прилежавшим к нему домом и оградой. К изданию присоединен подробный комментарий. Кроме этого памятника, В. В. Латышев издал в той же статье три еще неопубликованные надписи из архива Керченского музея, копии с которых были сняты по его предположению, сотрудником Керченского музея К. Р. Бегичевым приблизительно в 1852/53 г. Это, во-первых, надгробная надпись на могиле «питомца муз» Смикра, который учил на перекрестках,—«конечно,—замечает Латышев,—не в узком, буквальном смысле этого слова, а вообще в публичных местах, подобно Сократу».

¹ ИАК, вып. 54, 1914, стр. 76 сл., № 7.

² Эта эпитафия была впервые издана Ю. Ю. Марти в ЗОО, XXVIII, 1910, протокол 71.

Далее следует надпись в память Полигнота, сына [Бойд]ромия, и двух его сыновей (III или начала II в. до н. э.) и небольшая мраморная колонка с именем Вастака, сына Морда (первой половины IV в. до н. э.). В конце статьи В. В. Латышева помещены две надписи боспорских фиасотов и 8 надгробных надписей из б. музея Д. Г. Бурылина в Иванове.

В V томе ИГАИМК, 1927, 409—411, А. И. Амиранашвили напечатала заметку «О греческой надписи из окрестностей Мухета»¹. Эта надпись находится теперь в Государственном музее Грузии в Тбилиси. Она датирована седьмым трибунатом Веспасиана и пятым трибунатом Тита (75 г. н. э.). В ней идет речь о постройке римлянами крепости для царя иберов Мифрадата, сына царя Фарасмана, и, как читалось до последнего времени, его сына Иамасда: καὶ Ἰαμάσδοι τῶ[ι] οὐ[ι]. Но А. И. Амиранашвили, на основании тщательного изучения оригинала, эстампажа и фотографического снимка с надписи, предлагает читать: καὶ Ἰαμάσπῳ τῶ οὐ[ι], причем в слове Ἰαμάσπῳ, по мнению Амиранашвили, вырезана лишняя буква I по ошибке резчика. Автор указывает, что упоминание об Амаспе или Амасапсе, внуке Парсмана I, царствовавшего около времени завоевания римлянами Иудеи, встречается в некоторых грузинских источниках: в «Хронике обращения Грузии» и у Леонтия Мравели, историка XI в. Таким образом, эта надпись может быть поставлена в связь с древними литературными памятниками Грузии и освещена при их посредстве.

В ИГАИМК, вып. 70, 1933, 1—36, в статье «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре», С. А. Жебелев предлагает объяснение многих мест херсонесского постановления в честь Диофанта, полководца царя Мифрадата Евпатора (последнее десятилетие II в. до н. э.). Здесь особенное внимание обращает на себя новый взгляд С. А. Жебелева на рассказ о восстании Савмака, φραπτός боспорского царя Перисада II. Автор убедительно доказывает, что это был не дворцовый переворот и не результат партийной вражды между городом и сельским населением, как думали многие ученые, объяснявшие эту надпись, а результат долго таившихся классовых противоречий, классовой вражды рабов к их владельцам-угнетателям.

В ИГАИМК, вып. 71, 1933, помещена работа Н. В. Маллицкого—«Заметки по эпиграфике Мангупа». Это очень обстоятельный и полный обзор мангупских надписей. Автор сличил эти надписи с оригиналами и дал много поправок и ценных замечаний к их прежним изданиям. Изданные Н. В. Маллицким надписи имеют большое значение, как источник для истории Мангупа (Феодоро).

В ИГАИМК, вып. 104, 1935 (1934), 57—89, Ю. Ю. Марти напечатал статью—«Новые эпиграфические памятники Боспора». Здесь изданы 23 надписи, найденные в 1922—1929 гг. в Керчи и ее окрестностях, в Тамани и Китэе. Это—посвятительные надписи Аполлону-Врачу и Аполлону Дельфинию, китэйская надпись, votивный рельеф из Нимфея с изображением Кибелы, акт об отпущении на волю раба Эльпия и восемнадцать надгробных надписей от IV в. до н. э. до II в. н. э. К большинству надписей приложены снимки находящихся на них барельефов. Особенно интересны снимки с двух- и трехъярусных барельефов, находящихся на некоторых памятниках. Среди имен, встречающихся в надгробных стелах, попадаются имена еще неизвестные в боспорской ономотологии и несколько имен сарматских. Эти последние особенно ценны потому, что они увеличивают бедный лексический материал сарматского языка.

Ю. Ю. Марти присоединяет к издаваемым им надписям и комментарий, выясняя черты быта и социальных отношений, поскольку они отражаются в данных памятниках.

¹ Эта надпись была найдена в 1867 г. Впервые она издана Бартоломеем—Две классические надписи, найденные в Закавказском крае в 1863 и 1867 гг. Тифлис, 1867 Библиографию об этой надписи см. у В. В. Латышева в а, ИАК, вып. 10, 1904, стр. 101 сл.

² Нумерация ИГАИМК после XIV тома переведена на выпуски, без томов, с учетом всех выпущенных до этого времени изданий и начинается 60-м выпуском.

В том же выпуске 104 ИГАИМК, стр. 202—210, помещена интересная статья Б. Н. Гракова—«Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее». Здесь автор рассматривает формулы клейм этого завода и типичные черты их алфавита. На основании этих данных он разделяет клейма на три хронологические группы. Далее Б. Н. Граков ставит и разрешает вопрос о причинах, побудивших боспорских царей взять в свои руки производство черепицы, об управлении царских мастерских и о том, кто являлся рабочей силой на этих заводах.

Факсимиле и каталог клейм, бывших в употреблении на черепичных заводах Боспора, приложены к помещенной в том же выпуске ИГАИМК (стр. 211—315) статье В. Ф. Гайдукевича—«Строительные керамические материалы Боспора». В этой статье мы находим много ценных указаний по вопросам о технике производства боспорских черепиц и об их хронологической датировке. Каталог клейм (стр. 298—315) составлен В. Ф. Гайдукевичем на основании материала, собранного в Керченском музее до 1933 г. включительно.

Наконец, следует указать список клейм на амфорных обломках, найденных в Елисаветинском городище в 1928 г. Этот список помещен в качестве приложения на стр. 199—201 к статье Т. Н. Книпович—«Опыт характеристики городища у станицы Елисаветинской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г.» (ИГАИМК, вып. 104, стр. 111—201).

Статьи по античной эпиграфике печатались в «Трудах Отделения (Секции) археологии РАНИОН».

В I томе (1926) «Трудов Отделения археологии РАНИОН», стр. 39—46, помещена статья Н. И. Новосадского—«Две керамические надписи, найденные на юге России». Эта статья напечатана по поводу издания проф. Э. В. Дилем двух надписей, из которых одна была найдена в 1873 г. при раскопках, производившихся В. Г. Тизенгаузеном в Ольвии, другая—в 1883 г. во время раскопок в Керчи¹. Э. В. Диль считает обе эти надписи заклетами. Соглашаясь по этому вопросу относительно ольвийской надписи, Н. И. Новосадский доказывает, что керченская надпись—не заклетие, а реминисценция из какой-то не дошедшей до нас комедии.

Во II томе «Трудов Секции археологии РАНИОН» (1928, стр. 88—99). Н. И. Новосадский в статье «Неизданные македонские надписи» поместил с приложением факсимиле двенадцать неопубликованных раньше надгробных македонских надписей. Эти надписи вносят новый материал в историю Македонии II—IV вв. н. э. Они значительно освещают государственный строй Македонии этого времени. Тут выступает целый ряд магистратов, не засвидетельствованных в других источниках для Македонии, а некоторые надписи проливают свет на социальный строй и монетную систему Македонии и обрисовывают положение женщины в этой провинции. В некоторых надписях замечаются следы матриархата в Македонии.

В III томе «Трудов Секции археологии РАНИОН» (1928, стр. 55—70) помещена статья Н. И. Новосадского—«Боспорские фиасы». В этой статье Н. И. Новосадский отмечает влияние христианства на символику и терминологию боспорских фиасов, полемизируя против тех ученых, которые видят в этих фиасах заимствование из культа Сабазия. Кроме того, автор рассматривает организацию фиасов, обязанности должностных лиц фиаса и взаимные обязательства фиасотов.

В «Сообщениях ГАИМК», II, 1929, стр. 330—333, помещена статья А. С. Коцева—«Заметки к надписям греческих колоний Черноморья», в которой дается ряд остроумных критических замечаний к надписям IPE, I², 519, 14 сл.; IV, 256, 6; IPE, IV, 342, 11 сл.; IPE, I², 357, 3 сл.; ЗОО, т. XXVIII, прилож. 50, и IPE, I², 25, 3 сл.

Много статей, относящихся к области античной эпиграфики, было помещено в «Известиях» и «Докладах» Академии наук СССР. Особенно часто можно встретить

¹ E. D i e h l—Defixionum ostraca duo (Acta Universitatis Latviensis, VI, 1923, 225—230).

здесь статьи акад. С. А. Жебелева, который очень отзывчиво откликается на текущие запросы античной эпиграфики.

В ИАН, 1918, стр. 293—310, акад. А. В. Никитский (ум. в 1921 г.) издал статью «Об эпидаврийской надписи IG, IV, 1511». В этой статье находим целый ряд поправок к изданию немецкого ученого М. Френкеля, основанных на непосредственном изучении данного памятника. Кроме того, А. В. Никитский расходится с Френкелем и в общем понимании этой надписи. Френкель полагал, что это обломок какого-то тарифа, вроде тарифа Диоклетиана о твердых ценах. По мнению Никитского, эпидаврийский фрагмент представляет часть жреческого календаря, из типа тех календарей, в которых указывалось, какие жертвы и в какие дни должно приносить тому или другому божеству.

В ИАН, 1929, стр. 427—435, в статье «Милет и Ольвия» С. А. Жебелев рассматривает надпись, найденную в 1903 г. при раскопках в Милете¹. Эта надпись, содержащая договор между Ольвией и Милетом об исполении их граждан, значительно заполняет пробел в наших сведениях о взаимоотношениях Ольвии и ее метрополии Милета. С. А. Жебелев вполне основательно указывает на то, что при объяснении мотивов, вызвавших этот договор, следует обратить внимание на некоторые факты из истории Александра Македонского, в особенности на осаду Ольвии его полководцем Запирионом.

В ИАН, 1930, стр. 251—264, С. А. Жебелев напечатал статью—«Фрагмент элевсинской надписи». Автор предлагает здесь более полное восстановление этой надписи, чем то, какое имеется в первом ее издании (К. Курантио—‘Ελληνικά, II, 1929, 5—10). С. А. Жебелев сопоставляет этот фрагмент с рассказом Фукидида, II, 14, 1 о тех сторожевых постах, какие были поставлены афинским правительством на границе с Елевсином летом 431 г. до н. э. В словах Фукидида автор находит путь к объяснению элевсинского фрагмента, который является, в свою очередь, как бы «документальным комментарием» к тексту этого историка. В ИАН, 1931, 321—345, С. А. Жебелев в статье «Эпидаврийская ареталогия» дает перевод эпидаврийских надписей об исцелении больных в святилище Асклепия в Эпидавре,—этого своеобразного памятника греческой письменности, в котором, как справедливо замечает автор, и этнологи и фольклористы найдут кое-что ценное для себя. Перевод сделан по изданию (IG, vol. IV, ed minor. Inscr. Argolidis, fasc. 1). После перевода автор рассматривает вопрос об источниках этого памятника, о времени, к которому он относится, и о целях его публикации. Относительно времени публикации «Эпидаврийской ареталогии» С. А. Жебелев, не соглашаясь с мнением немецкого ученого Гиллер фон-Гертрингена, который относил эти надписи к IV в. до н. э., считает, что их следует относить к III в. до н. э. В заключение автор говорит: «Эпидаврийская ареталогия представляет памятник настолько значительный, что его следовало бы подвергнуть внимательному анализу и с точки зрения его литературного оформления»². С этим можно вполне согласиться.

К статье С. А. Жебелева «Эпидаврийская ареталогия» тесно примыкает по содержанию его «Эпидаврийская терапевтика» (ИАН, 1933, 61—96). Здесь С. А. Жебелев дает перевод эпидаврийской надписи середины II в. н. э., в которой указываются те средства, какими эпидаврийские жрецы лечили карийца Марка Юлия Апелла, страдавшего, по видимому, туберкулезом легких. К этой надписи автор присоединяет перевод двух аналогичных надписей I—II вв. н. э., найденных при итальянских раскопках в Крит-

¹ Эта надпись была впервые издана А. Рехмом—Milet III. Das Delphinion in Milet. Berlin, 1914, 289 (165), № 136. См. также С. С. Дложевский, «Вістік Одеської комісії краєзнавства при Всеукраїнській Академії наук», I (1924), 13.

² Вопросы о характере литературного стиля эпидаврийских надписей касался И. И. Толстой в статье «Язык сказки в греческой литературе». «Художественный фольклор», вып. IV—V. Москва, 1929, стр. 86 сл.

ской Лебене, и одной римской надписи конца II—начала III в. н. э. С. А. Жебелев рассматривает упоминаемые в этих надписях средства лечения с точки зрения античной медицины, а относительно применения их в современной медицине он обращался за указаниями к врачу И. М. Голенищеву. Оказалось, что средства, применявшиеся в Эпидавре, были вполне применимы в аналогичных случаях в древней медицине и отчасти применимы в медицине современной. Отсюда С. А. Жебелев делает вывод, что в практике эпидаврийского лечения было два элемента: «обрядово-религиозный и собственно врачебный». В заключение С. А. Жебелев указывает, что инкубационное лечение в храмах было распространено в средние века в Западной Европе, что следы его замечаются и в древней Руси, а в некоторых местах Греции, Передней Азии и на островах Архипелага оно сохранялось «вплоть до современности».

В ИАН, 1935, стр. 913—939, С. А. Жебелев в статье «Херсонесская присяга» представил точный перевод этого важного эпиграфического памятника и присоединил к нему комментарий, в котором высказано много интересных мыслей. С. А. Жебелев доказывает, что «херсонесская присяга» является не обычной присягой граждан, достигших совершеннолетия, как полагал В. В. Латышев, а составлена по особым обстоятельствам, вследствие происшедшей незадолго до этого времени неудавшейся попытки низвергнуть в Херсонесе демократический строй. Автор особенно подробно останавливается на мотивах, вызвавших запрещение вывозить и продавать хлеб, «свозимый с равнины», в каком-либо ином месте, кроме Херсонеса, и на объяснении значения слова *σαστήρ*. Требование вывозить и продавать хлеб с равнины только в Херсонесе имело целью, по мнению С. А. Жебелева, упорядочить хлебное дело и сосредоточить вывоз хлеба в руках государства. Это—явно выраженная монополистическая тенденция. Что касается слова *σαστήρ*, то автор сопоставляет его с авестским словом *sastar* (повелитель, владыка, царь) и видит в нем «огреченное обозначение того кумира, который служил внешним олицетворением божества тавров».

Перейдем к «Докладам» Академии наук СССР (ДАН-В) в ДАН-В 1927, 216—218, С. Я. Лурье поместил на немецком языке статью—«По поводу новонайденного локрийского закона» («Zum neugefundenen lokrischen Gesetz»). Этот закон¹, относящийся, как доказал У. Вильямовиц-Меллендорф, к первой половине V в. до н. э., касается раздела земли на определенно указанных участках. С. Я. Лурье, не соглашаясь в некоторых местах со взглядами предшествующих издателей, предлагает новые его объяснения.

В ДАН-В, 1928, 124—127, Р. Л. Эрлих в статье—«Ольвийская надпись IPE, I², 176»—убедительно доказывает, что встречающееся в этой надписи слово *προσευχή*, вопреки мнению В. В. Латышева, постоянно употреблялось как *terminus technicus* для обозначения еврейской молельни².

В ДАН-В, 1928, 150—156, напечатана статья А. С. Коцевалова «Κόσμος и κόσμος в критских диалектических надписях», содержащая интересные заметки об употреблении и значении этих терминов.

В ДАН-В, 1928, 233—236, помещена статья А. Доватура «Киренская клятва основателей». В этой статье автор трактует о надписи, изданной впервые Silvio Ferri в АРАW, 1925, № 5, Berlin 1926. Он доказывает, что образец, с которого списан этот памятник (его привезли в Кирену ферские послы), был заимствован, по всей вероятности, из какого-то ферского исторического труда. Текст киренской надписи, по мнению А. Доватура, не является воспроизведением декрета VII в., за каковой он себя выдает, а составлен местными историками.

¹ Эта надпись была впервые издана греческим ученым N. G. P a r a d a k i—Λοκρικός Θεσμός, «Арх. Ἐφημ.» 1924 (1926). Подробное объяснение этой надписи дал В и л я м о в и т ц - М е л л е н д о р ф (SPAW, 1927, 7—17).

² Эта статья вошла в состав юбилейного сборника в честь И.И.Толстого «Ἐσπάρτες». Л., 1928, 55—58.

Киренскую надпись по изданию G. O l i v e r i o (RF, N. S., VI, 1928, 183 sq), также разбирает С. А. Жебелев в ДАН-В, 1929, 77—84. В статье «Киренская конституция» он дает перевод этой надписи и освещает этот памятник событиями из истории Кирены со времени смерти Александра Македонского до вступления на царство Птолемея III, когда Кирена вошла в состав Египта.

В статье «Пэан Исилла, ст. 57—61» (ДАН-В, 1929, 193—200) С. А. Жебелев ставит своей целью разрешить спорный вопрос о хронологии этого памятника. Автор доказывает, что данная надпись относится ко времени правления македонского царя Филиппа V (III в. до н. э.).

В ДАН-В, 1929, 201—208, С. А. Жебелев поместил статью «Царь Кодр», по поводу издания афинского декрета 418/7 г. до н. э. о сдаче в аренду священного участка Нелея и Басилы и о возведении ограды вокруг находившегося в черте этого участка святилища Кодра, Нелея и Басилы¹. Здесь автор проследил различные версии мифа о Кодре.

В статье «Плодородие Кирены» (ДАН-В, 1929, 97—102) С. А. Жебелев вполне основательно высказывает свое несогласие с издателями и комментаторами Киренской надписи, которые считали, что Кирена дала в дар различным городам то громадное количество хлеба, какое отмечается в этой надписи. Автор полагает, что Кирена не подарила, а продала этот хлеб, но, ввиду его избытка в стране, по нормальной стоимости. Следует отметить и то, что в этой статье С. А. Жебелев устанавливает точно начальный terminum надписи, а именно 331/10 г. до н. э., когда Клеопатра начала управлять Эпиром.

В ДАН-В, 1930, 59—65, С. А. Жебелев напечатал статью—«Афинская колония на Адриатике», в которой он рассматривает вопрос о том, где находилась отправленная афинянами в 325/4 г. до н. э. колония с Мильтиадам во главе. Поводом к этой статье послужило переиздание немецким ученым Кирхнером декрета об основании этой колонии². С. А. Жебелев полагает, что афинская колония 325/4 г. была основана на иллирийском, а не на итальянском побережье Адриатического моря, как думал У. Келер.

В ДАН-В, 1930, 324—327, Н. И. Новосадский опубликовал неизданную надпись Темрюкского музея. Эта надпись содержит акт об отпущении на волю воспитанника гражданки Гликாரии Филодеспота под обычной формой посвящения его божеству. Надпись датирована первым днем месяца Апеллэя, 402 г. Вифино-боспорской эры (28 октября 103 г. н. э.). Гликாரия отпускает своего воспитанника с согласия своих наследников—четырех сыновей. Надписей об освобождении рабов в древнегреческих колониях северного побережья Черного моря найдено очень мало. До настоящего времени издано всего только 11 таких актов, включая сюда и надпись об освобождении Филодеспота, притом все они происходят только из Боспорского царства, из Пантикапеи, Горгииппии и их окрестностей. Надписи об освобождении рабов из Херсонеса, Ольвии и Феодосии или какой-либо другой греческой колонии пока мы не имеем ни одной. Повидимому, там сильнее укоренились рабовладельческие тенденции, чем на Боспоре.

В ДАН-В, 1930, 489—499, находим статью С. А. Жебелева—«Новые этолийские документы». При совместных раскопках греков и датчан в Калидоне была открыта изданная в 1927 г. надпись об исополитии этолийцев и жителей фессалийского города Трикки³. С. А. Жебелев рассматривает в своей статье эту надпись, дает ее перевод,

¹ Эта надпись издана в IG, I², 94 и у Диттенбергера, Syll.³, 93.

² Эта надпись была впервые издана А. Бёком в «Urkunden über das Seewesen des attischen Staates», 457 ff. Add., p. XV. Затем она была издана У. Кёлером в IG, II, 809. Последнее издание Кирхнера в IG, II², 1629 и Диттенбергера, Syll.³, 305.

³ Fr. Poulsen und K. Rhomaios—Erster vorläufiger Bericht über die dänisch-griechische Ausgrabungen von Kalydon. Det Danske Videnskabskabernes Selskabs. Hist.-filol. Meddelelser., XIV, 3, 1927, 43.

комментирует и определяет время этого памятника (приблизительно 228—206 гг. до н. э.). Сюда же он присоединяет другую надпись, найденную при греческих раскопках в Ферме¹. Эти памятники, при сопоставлении с некоторыми замечаниями Полибия в IV и V книгах его истории, проливают свет на политику этолийцев перед началом союзнической войны и являются ценным материалом для истории Этолийского союза.

Статьи по античной эпиграфике помещались и в других изданиях. Так, в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии», за 1917 г., № 54, стр. 65—72, была напечатана статья С. А. Ж е б е л е в а — «Εἰς Βορυσθῆνην εἰσπλεῖν» (к IPE, I², 24). По мнению С. А. Жебелева, под Борисфеном следует понимать здесь Буго-Днепровский лиман, при впадении в который Буга лежала Ольвия. Этот лиман древние греки не могли считать за Евксинский Понт и перенесли на него название той большой реки, которая в него впадает.

В «Известиях Таврического общества истории, археологии и этнографии» за 1927 г. т. I (58)² были помещены две статьи, относящиеся к области эпиграфики: статья Ю. Ю. М а р т и «Стихотворная эпитафия амастрийца Илиодора»³ и В. Ф. Ш т и ф т а р а — «Неизданные штемпеля на ручках греческих амфор, найденных в Евпатории». На некоторых евпаторийских штемпелях встречаются новые имена астиномов и новые эмблемы. Эти надписи проливают свет на торговые сношения Евпатории-Керкинитиды с другими греческими колониями северного побережья Черного моря и греческими островами.

В «Записках Северо-кавказского общества археологии, истории и этнографии», 1928, Ростов н/Д., кн. I (т. III), вып. 3—4, стр. 4—7, помещены статьи проф. А. Ф. С е м е н о в а — «Этнографические мелочи из Недвиговского городища» и проф. П. Н. Ч е р н я е в а (ум. в 1931 г.) — «К вопросу о чтении фрагмента Танаидской надписи, хранящейся в Северо-кавказском обществе археологии, истории и этнографии». В первой статье А. Ф. Семенов издал в факсимиле три обломка пентеликонского мрамора, найденные вблизи Недвиговки. Два из них, судя по форме букв, автор относит ко II или к началу III в. н. э., а третий — к IV в. н. э. Древнейшие из них представляют, по мнению автора, обломки постановления города в честь двух персов, имена которых А. Ф. Семенов восстанавливает на основании сохранившихся букв «Кегдадат» и «Ахэмен», но допускает возможность, что здесь идет речь только об одном Кегдадате из рода Ахэмена. Что касается третьего фрагмента, состоящего всего только из 12 букв, расположенных в четырех строках, то «более или менее вероятное» дополнение его предложил П. Н. Черняев на основании формул известных нам Танаидских надписей. П. Н. Черняев считает этот фрагмент обломком постановления города в благодарность тем гражданам (имена их не сохранились), которые восстановили за свой счет пришедшие в упадок ворота города (Танаиса).

В том же журнале за 1929 г. (кн. I, т. III), вып. 5—6, стр. 47—48, А. Ф. Семенов напечатал заметку «По поводу греческой надписи на ручке ковша (?), найденного при раскопках Мелиховского кургана»⁴. А. Ф. Семенов полагает, что находящаяся здесь надпись — шуточная надпись⁵. «Какой-то Диадумен, по прозванию Хрис, покидая свою должность (он был, вероятно, поваром), упомянутую кастрюлю оставил в наследие своим «младшим», т. е. бывшим, помощникам и снабдил ее собственным посвящением, которому в шутку придал форму обычных посвячительных надписей

¹ Sotiriadis, 'Αρχ. Δελτίον, I, 1915, 45, № 18.

² Этот журнал является продолжением «Известий Таврической ученой архивной комиссии» после семилетнего перерыва.

³ Надпись в честь Илиодора была переиздана Ю. Ю. Марти в ИГАИМК, вып. 104, 1935 (1934), стр. 78, № XIII. Там помещен снимок с этой надгробной стелы.

⁴ Относительно обстоятельств находки этой надписи и о ней самой см. Б. В. Лунин — «Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1927 г.», «Краеведение на Северном Кавказе», Ростов н/Д, 1928, № 1/2.

⁵ Надпись приводится у А. Ф. Семенова maiusculis, без транскрипции.

в честь божества». А. Ф. Семенов переиздал эту надпись в PhW, 1930, 1006, где он, предлагая, между прочим, транскрипцию Χρυσῶ (как родит. падеж), дает такой перевод: «Diadumenos, der Sohn des Chrysos, hat den Nachfolgern gestiftet, als der Hausverwalter Theophilos war». Нескольким иначе объясняет эту надпись А. Ф. Коцевалов¹. Он полагает, что слово χρυστεροί обозначает здесь союз молодых людей, которому Диадумен подарил этот ковш, и что эта надпись не имеет шуточного характера².

Издания надписей и критические заметки к эпиграфическим памятникам находим также в юбилейных сборниках, издававшихся в течение 1917—1937 гг. в честь русских ученых.

В сборнике в честь проф. В. К. Мальмберга, Москва, 1917, стр. 125—133, помещена статья Н. И. Новосадского—«Амулет с именем 'Αχιλῆος». Этот амулет был приобретен в Сегестане московским коллекционером М. С. Шекиным в 1906 г. По словам продавца, он был найден среди развалин города Шахри-Байран, на правом берегу реки Гильменда, в Афганистане. Это тщательно отшлифованная круглая яшма, размером около 2 см в диаметре. На лицевой стороне ее вырезан вглубь крылатый мальчик с натянутым луком в руке. Внизу подпись 'Αχιλῆος. На оборотной стороне находится надпись. Ее буквы так малы (около миллиметра высоты) и так красивы, что нельзя не удивляться искусству резчика. Этот амулет, назначением которого было ограждать носившего его от всякого зла, относится к концу III или началу IV века н. э. Это было время особенно сильного распространения суеверий и различной магической литературы в греко-римском мире.

В сборнике в честь С. А. Жебелева (Л. 1926)³ помещены следующие статьи по античной эпиграфике:

Н. И. Новосадский—«Несколько заметок к надписям, помещенным во втором издании IPE, I. Petrop., 1916». Здесь даются новые чтения к надписям IPE, I², 76 и 186, и предлагаются объяснения некоторых мест в IPE, I², 401 и 429⁴.

И. И. Толстой—«Артеологический трафарет в чудесах Асклепия и Артемия». Автор указывает, что сходство в рассказах о чудесах Артемия (P a r a d o r i o s—Kerameus, Varia graeca sacra) и чудесах Асклепия в Эпидавре замечается не только в общих мотивах, но и в общих формулах.

М. Тиханова-Клименко—«Греческая надпись с Таманского полуострова. IPE, I², 389». Тиханова-Клименко доказывает, что надпись IPE, 389, не может считаться списком членов греческой языческой общины, как полагал В. В. Латышев. Это памятник христианский⁵.

В сборнике в честь Д. И. Багаля, Киев, 1927, С. С. Дложевский (ум. в 1929 г.) издал неопубликованную раньше надпись, найденную в Ольвии во время раскопок в 1924 г.⁶ Это декрет о даровании проксении и права свободного въезда в Ольвию и выезда из нее и в мирное и в военное время заслуженному воину (evocato) Агафоклу и его потомкам. Декрет относится ко времени Септимия Севера (193—211). Чествуемый здесь Агафокл, по мнению автора, был уроженец Фракии или Южной Мэзии.

В сборнике в честь И. И. Толстого «*Ἀσπασμῶς*» (Л., 1928, 55—58) помещена уже указанная выше статья Р. Л. Эрлиха—«Ольвийская надпись IPE, I², 175».

¹ А. Cocevalow—Zur Deutung der neuerlich herausgegebenen Inschrift aus dem Dongebiet (PhW, 1932, № 3, 93 f.).

² Самое простое чтение χρυστεροί χρυστεροίς, т. е. младшим позолотчикам. См. С. А. Жебелев—Основные линии экономического развития Боспорского государства (ИАН, 1934, 677, прим. 2).

³ Этот сборник отлитографирован, к сожалению, только в четырех экземплярах, один из которых находится во Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве.

⁴ Ср. SEG, III, 1929, 587, 588, 602.

⁵ Ср. SEG, III, 1929, 609.

⁶ Юбилейний збірник на пошану акад. Д. И. Багалія. У Києві, 1927, 310—315.

Не оставлена без внимания нашими эпиграфистами и внешняя сторона надписей,— их язык. Такого рода работы имеют важное значение, так как для того, чтобы делать правильные выводы из надписей, нужно правильно их понимать, нужно знать все особенности их языка. К этой области относится исследование А. С. Коцевалова «Синтаксис греческих надписей северного побережья Черного моря»¹. Это исследование написано на латинском языке. Здесь автор собрал и систематически разработал громадный материал, извлеченный им с исчерпывающей полнотой из греческих эпиграфических памятников юга СССР, опубликованных до 1935 г. Кроме надписей на каменных плитах, А. С. Коцевалов рассмотрел надписи на керамических изделиях и на табличках античных заклятий. В это исследование не включен только материал из надписей поддельных и сомнительных, а также из надписей, хотя и найденных на территории древнегреческих колоний на юге СССР, но составленных в других местах (например, IPE, I², 4, 32—45, IPE, I², 77—79 и др.), и надписей на ручках родосских, фазосских и других сосудов. Исследование А. С. Коцевалова, потребовавшее долгого и усидчивого труда, не уступает по своим достоинствам таким работам, как K. M e i s t e r h a n s — «Grammatik der attischen Inschriften», 3-e Aufl. besorgt von S c h w y z e r. Berlin, 1900.

Очень ценно также исследование А. С. Коцевалова по синтаксису критских надписей, написанное также на латинском языке².

Мы проследили работу, которая была исполнена нашими учеными в области античной эпиграфики за двадцать лет, от 1917 до 1937 г. Главной основой для нее послужили древнегреческие надписи, находимые на юге СССР в течение этого времени или уже найденные раньше 1917 г. Эти надписи, издаваемые с переводом и комментариями в различных периодических научных изданиях, рассматривались не как отдельные, сами себе довлеющие памятники древности, а в тесной связи с теми явлениями жизни, которые в них отразились, в связи с ходом и развитием политических, экономических и социальных явлений, в связи с классовыми противоречиями. Особенно много по объяснению уже изданных надписей сделал акад. С. А. Жебелев. Он нередко находит в них новые факты, новые черты, не замеченные другими учеными. После его пересмотра давно уже изданная надпись часто является перед нами как бы впервые. Этот пересмотр служит прекрасной подготовкой к строго-научной истории древних греческих поселений Причерноморья.

Но работа наших эпиграфистов не ограничивалась изданием и исследованием надписей только северного побережья Черного моря. Они внимательно следили за новыми эпиграфическими находками и изданиями в Западной Европе. Новонайденный локрийский закон, новонайденная киренская клятва основателей, новое издание надписей Эпидавра и многие другие эпиграфические памятники были пересмотрены нашими учеными и получили в их работах или исправление неправильно прочитанного текста или новое объяснение содержания.

Необходимо отметить еще одну новую черту в нашей работе по античной эпиграфике: привлечение к исследованию материала, на который раньше не обращали, можно сказать, никакого внимания,— надписей на ручках и горлышках античных сосудов, а также на кирпичах и черепице. Этот материал или совершенно не брали из раскопок и не описывали его, или сваливали в музеях, где он лежал без всякой обработки. Теперь изучением этого материала занимается Б. Н. Граков. В своих исследованиях он показывает, какое важное значение имеют керамические надписи и штемпеля, как источник для выяснения торговых связей, производства и даже социальных отношений в древнегреческих колониях юга СССР.

¹ А. С о с е в а л о в — Syntaxis inscriptionum antiquarum coloniarum graecarum orae septentrionalis Ponti Euxini. Leopoli, 1935. «Eos» suppl., vol. 12.

² А. С о с е в а л о в — De articuli in inscriptionibus cretensibus usu syntactico. Leopoli, 1935. Seorsum impressum ex comm. philol. «Eos», 1934 et 1935.

Теоретические курсы и семинары по античной эпиграфике велись в Московском университете в 1920—1926 гг. проф. Н. И. Новосадским. Из этих семинариев вышли новые кадры, новые работники. Некоторые из них уже получили известность в области античной эпиграфики и античной археологии (Б. Н. Граков, В. Д. Блаватский, Л. П. Харко и др.).

Применение новых методов к изучению и объяснению античных надписей, привлечение к делу нового материала (керамические надписи) и целый ряд статей, в которых издавались новые надписи и нередко исправлялись ошибки как русских, так и западно-европейских ученых и проводились новые взгляды по поводу уже изданных надписей,— все это указывает, на какой высоте стояла в СССР античная эпиграфика в 1917—1937 гг. Сделано много, но много еще остается сделать. Необходимо дальнейший пересмотр уже изданных надписей юга СССР, как важного источника для истории той жизни, которая здесь протекала. Необходимо глубже раскрыть экономические и социальные отношения в античных греческих колониях Причерноморья. Необходимо также подвергнуть новому рассмотрению оноματοлогию античных надписей, в которой можно найти много ценных этнологических указаний. Но это последнее, конечно,—дело более наших языковедов, чем эпиграфистов.

Проф. Н. Новосадский

В. С. СЕРГЕЕВ—Очерки по истории древнего Рима. Части 1 и 2.
Социально-экономическое издательство, М., 1938.

Книга В. С. Сергеева представляет значительное явление в нашей исторической литературе. Впервые широкие круги не только учащихся и преподавателей, но и вообще советской интеллигенции получают законченное изложение в с е й римской истории, поданной не в виде сухого, педантичного изложения фактов или мертвой социологической схемы, а в виде интересно, живо и образно написанной книги. Обилие незатасканных рисунков (более 200), технически хорошо выполненных, представляющих самостоятельный познавательный интерес, также способствует оживлению книги. Автор правильно поступил, включив в свое изложение множество цитат из первоисточников, в том числе надписей, недоступных в оригинале большинству читателей книги. Эти цитаты не только обогащают читателя знанием материала, но придают книге живой колорит, как бы перенося читателя в эпоху, о которой повествует автор.

Книга состоит из двух частей; в первой излагается история республики до принцепата Августа, во второй—история империи до падения Западной Римской империи. Обе части не равноценны. Первая дает сжатый очерк, не выходящий за пределы обычного университетского курса. Вторая часть, большая по объему, носит исследовательский характер. Она ставит ряд вопросов, не получивших еще разрешения в исторической науке, и привлекает к решению их значительный материал источников. Читатель не посетует за предпочтение, которое автор отдает истории империи, так как именно империя менее всего освещена в литературе, и эта именно часть разработана автором основательно.

В первой части В. С. Сергеев, повидимому, поставил себе задачей дать лишь сжатую сводку наших знаний по истории Римской республики. Он поэтому, например, не ставит здесь и не пытается разрешить проблему исторической ценности предания, а лишь излагает его. Он также только отмечает три вопроса, из которых «состоит этрусская проблема», не пытаясь указать путь, по которому должно пойти решение этих вопросов. Между тем, как раз на этих вопросах немало изощряется фашистская историография, и читатель вправе ожидать, что в книге В. С. Сергеева он найдет опровержение фашистских измышлений.

Автору следовало бы также внимательнее отнестись к вызывающему еще у нас споры вопросу об оценке заговора Катилины. В. С. Сергеев предпочитает предоставить слово источникам—Саллюстию и Цицерону, а из собственных комментариев самого В. С. Сергеева у читателя ясного представления не получится. Автор склонен считать заговор Катилины революционно-демократическим движением, исходя, повидимому, из того, что Катилина, несомненно, имел сторонников в среде плебса. Автор, однако, не дает четкого анализа тех мотивов, которые одно время толкали плебеев в ряды катилинариев. Необходимо иметь в виду, что в условиях того времени любой заговор против существующего политического строя мог встретить сочувствие среди некоторых элементов неорганизованных угнетенных масс. С другой стороны, та республика, которую «спасал» Цицерон, отнюдь не была призвана, по его мысли, защищать интересы трудящихся. Немало демагогии было пущено в ход обеими сторонами; и аристократические республиканцы и кандидаты в диктаторы одинаково прикрывались демократическими лозунгами. Автор не сумел последовательно и четко поставить заговор Катилины в рамки политических тенденций борьбы за военную диктатуру.

Смущает также некоторая неясность в вопросе о ликвидации родового строя в древнем Риме. Энгельс связывает «революцию, которая положила конец древнему родовому строю», с так называемой реформой Сервия Туллия. «Тимократическая конституция Сервия Туллия,—правильно пишет В. С. Сергеев,—закрепляла главные права в Римском государстве за первым классом с о с т о я т е л ь н ы х (подчеркнуто мною.—А. Р.) граждан» (стр. 47). В основе государственного строя после реформы Сервия Туллия лежат уже не кровные узы, а территориально-имущественное деление. Поэтому непонятно, почему, по мнению В. С. Сергеева, «после изгнания Тарквиниев... вновь возродились родовые порядки», и в чем это возрождение выразилось. В действительности «еще до отмены так называемой царской власти» в Риме был разрушен «древний общественный строй, покоившийся на личных кровных узах, а вместо него учреждено новое, действительно государственное устройство, в основу которого было положено территориальное деление и имущественные различия». «В рамках этого нового порядка... развивается вся история Римской республики с ее борьбой между патрициями и плебеями» (Э н г е л ь с—Происхождение семьи..., 1934, стр. 115). Допуская, вопреки всему этому, возврат родовых порядков, В. С. Сергеев вынужден отнестись к V в. то положение вещей, которое Энгельс рисует для эпохи до реформы Сервия Туллия, и соответствующая цитата из «Происхождения семьи...», приведенная здесь (стр. 53), оказывается неуместной, запутывая совершенно ясно изображенный Энгельсом ход вещей.

Излагая довольно подробно внешнеполитическую историю республиканского Рима, В. С. Сергеев отводит довольно много места и социально-экономической истории, притом не только Рима, но и Италии, массовым движениям и восстаниям рабов.

Автор усматривает некоторую общую линию развития Рима от небольшого города-государства через объединение Италии к мировой империи, как предпосылке новой общественно-экономической формации—феодализма. С этой точки зрения победа Рима в союзнической войне была победой «римской государственной централизации, рабовладения, торгового капитала и латинской культуры. Старая деревенская Италия с ее натуральным укладом жизни, культурой, нравами и верованиями—Италия умбров, этрусков, марсов, сабеллов, луканов и самнитов—сходила с исторической сцены» (стр. 215). «Отмирание республиканских учреждений и рост императорской власти явились закономерным следствием превращения города-государства в Средиземноморскую империю» (стр. 380). Таким образом, падение республики и возникновение империи было прогрессивным этапом в истории Рима в том смысле, что, будучи закономерным результатом развития общества, империя подготовила переход к следующей общественно-экономической формации. Эта идея особенно подробно развита во второй части книги В. С. Сергеева. Вместе с тем автор неоднократно подчеркивает, что «как республика, так и империя были политическими надстройками рабовладельческого

общества, хотя различно организованными и находящимися на разных стадиях исторического развития» (стр. 379; ср. стр. 512).

В. С. Сергеев правильно поступает, уделяя много внимания зарождению феодальных отношений внутри рабовладельческой Римской империи. «Возникновение новых производительных сил и соответствующих им производственных отношений происходит не отдельно от старого строя, не после исчезновения старого строя, а в недрах старого строя, происходит не в результате предположенной сознательной деятельности людей, а стихийно, бессознательно, независимо от воли людей» [«История ВКП(б)», стр. 123]. В. С. Сергеев не только показывает, как зарождается колонат, а колонны постепенно превращаются в «предшественников средневековых крепостных»; он также приводит значительный материал о патронии, новой форме зависимости, при которой крестьяне теряли мало-помалу личную свободу, а их «покровители» превращались в феодалов. Он отмечает также «тенденцию провинций к сепаратизму и самостоятельности» уже с конца II в. «Развивавшийся сепаратизм провинции был одним из симптомов разложения рабовладельческого государства и вызревания новых, феодальных порядков» (стр. 625). Характерное для рабовладельческого строя господство города над деревней начинает уступать место в период империи господству деревни над городом. «Доминат в своей основе представляет объединение сельских территорий—сальтусов, поместий и волостей. Деревенский отпечаток лежит на всем строе римского общества последнего периода» (стр. 647). Жаль, что это вскользь брошенное замечание не развито в книге В. С. Сергеева.

В. С. Сергеев, поскольку позволяет доступный и используемый материал, старается в своей книге показать тот «безвыходный тупик, в который попал римский мир» и вывести из которого «могла только коренная революция» (Э н г е л ь с). Автор, надо полагать, прав, когда считает, что революция рабов, ликвидировавшая рабовладельцев, не была единовременным актом, совершившимся в определенном месте, а представляет собою серию восстаний и революций, вспыхивавших разновременно в различных частях империи. Он поэтому начинает историю революций с кризиса III в. Но он неправ, когда говорит о «социальной революции III в., завершившей историю рабовладельческого общества» (стр. 635). Кризис III в. положил лишь начало революционным выступлениям, и из этого кризиса рабовладельческая империя вышла еще довольно крепкой и пережила даже, как показывает В. С. Сергеев, еще период экономического оживления в первой половине IV в. Кризис III в. нанес империи жестокий удар, от которого она уже не могла окончательно оправиться. Недаром именно вскоре после кризиса христианство стало господствующей религией: ведь оно было продуктом разложения рабовладельческого общества и потому могло противостоять этому разложению и даже обрести в нем все больше силы. Но рабовладельческое общество не потеряло еще силы сопротивления, и доминат был последней фазой рабовладельческой империи. Поэтому неправильно утверждение В. С. Сергеева, будто в результате кризиса III в. «раб или совсем исчезал или же превращался в крепостного колона» (стр. 641), да и сам В. С. Сергеев приводит (стр. 677) сообщение Аммиана Марцеллина об оживленной торговле рабами в Малой Азии в IV в.

Конечно, В. С. Сергеев отнюдь не намерен считать III в. концом рабовладельческого Рима; его изложение периода домината и падения Западной Римской империи лучше всего показывает, что революция рабов не исчерпывается событиями III в. Но он подает повод к неправильным выводам, чрезмерно преувеличивая значение возникших в недрах рабовладельческого общества элементов феодальных отношений.

Напрасно также В. С. Сергеев вытащил из старого арсенала термин «ойкос» в применении к империи. «Императорский ойкос» решительно ничего не поясняет и составляет ненужную терминологическую нагрузку, способную только сбить с толку читателя.

Хорошо и просто изложены в книге главы, касающиеся периода правления Диоклетиана и Константина. Очень жаль, что В. С. Сергеев слишком мало места уделил

правлению Константина, которое можно считать последним поворотом на пути к гибели империи. Да и сама личность Константина дала бы В. С. Сергееву, мастеру живописных портретов, благодарный материал. С удивлением приходится отметить, что В. С. Сергеев счел нужным привести «психологический мотив к обнародованию миланского эдикта» Константином, заимствованный у церковника Лактанция (стр. 740). Энгельс указывает реальный мотив: «честолюбивый Константин увидел, что принять эту бессмысленную религию есть лучшее средство для того, чтобы возвыситься до положения самодержца римского мира» («Бруно Бауэр и раннее христианство», Соч., т. XV, стр. 600).

Спорным представляется в книге В. С. Сергеева описание «римского мира» (рах *Romana*) и «счастливого периода» Антонинов. Автор почти всегда берет «римский мир» и «счастливый период» в кавычки. Но он, повидимому, и сам склонен считать период Антонинов счастливым без кавычек. В соответствии со своей идеей о закономерном прогрессивном развитии римского общества, В. С. Сергеев правильно подчеркивает экономический подъем провинций в первые века империи, расцвет провинциальных городов, переход варварских и полуварварских обществ, насильственно включенных в Римскую империю, на высшую ступень общественного развития. Глава XVIII, как и тесно примыкающая к ней глава XXI, содержит много ценных и плодотворных мыслей и двигает нашу историческую науку вперед. Однако автор упустил из виду оборотную сторону процесса подъема провинций. Нивелирующая сила Рима привела к углублению классовых противоречий, к усилению эксплуатации трудящихся, к разорению крестьянства, к уменьшению народонаселения. Три рычага, которые, по выражению Энгельса, сводили все к одному уровню, — военная сила, римская судебная власть и податный аппарат, — «все глубже ввергали крестьян в кабальную зависимость от ростовщиков, порождали крупные имущественные различия, обогащали богатых, доводили до полной нищеты бедных» («К истории первоначального христианства», Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 425). Эта сторона дела едва затронута в изложении истории ранней империи (стр. 546). Похвалы, расточаемые империи цитируемыми в книге панегириками и посвятельными надписями, не могут быть приняты всерьез. Между тем, и у Марциала, и у Ювенала, и у Персия, и у Диона Хризостома и, особенно, в документах, в частности в египетских папирусах и в цитируемых В. С. Сергеевым надписях, можно было найти красочные материалы для характеристики отчаянного положения трудящихся. Односторонность в обрисовке положения в ранней империи привела даже к тому, что автор (стр. 722) отнес к V в. характеристику римского общества (всеобщее бесправие, всеобщая апатия и деморализация), которую Энгельс дает для I в.!

К числу достоинств книги В. С. Сергеева надо отнести привлечение обильных юридических текстов, очень мало используемых в нашей литературе. Эти тексты, особенно кодексы Феодосия и Юстиниана, содержат очень много ценного исторического материала, и заслугой В. С. Сергеева является то, что он сумел этот материал извлечь. Автор уделяет также много внимания характеристике римского права. Но в трактовку римского права В. С. Сергеевым необходимо внести существенные поправки, так как автор, поддавшись влиянию юридических источников и «юридической школы», допустил здесь серьезные промахи. На стр. 512, правильно характеризуя Римское государство, как организацию диктатуры рабовладельческого класса, автор неожиданно заключает, что оно служило средством для поддержания внутреннего порядка и для защиты против покушений «соседних народов». Но так объясняют смысл и значение государства сами рабовладельцы и их юристы. Энгельс указывает: «Свое право на существование оно (государство) основывало на поддержании порядка внутри и на защите от варваров извне, но его порядок был хуже злейшего беспорядка» (подчеркнуто мною. — А. Р.). Этот промах тем более досаден, что автор в других местах, ссылаясь на Ленина, дает правильное определение античного государства.

Странным представляется тезис В. С. Сергеева, что «в условиях рабовладельческого строя римское право, несмотря на все его формальное совершенство, не могло разрешить основного противоречия этого строя—антагонизма рабов и рабовладельцев» (стр. 735). Можно подумать, что вообще-то право способно такие противоречия разрешать! Право, будучи лишь надстройкой над экономическим базисом, не может изменить производственные отношения, и если в римском праве появляются абстрактные рассуждения о равенстве людей по природе, то это было лишь отражением того факта, что в Римской империи постепенно исчезали различия между разными категориями свободных. «Но пока существовала противоположность между свободными и рабами, не могло быть и речи о правовых выводах из общечеловеческого равенства» (Энгельс—«Анти-Дюринг», 1931, стр. 94).

Точно так же, вопреки мнению В. С. Сергеева, опирающегося опять-таки на казуистику юристов, презрение к физическому труду не было преодолено с установлением империи. Энгельс подчеркивает, что еще к концу империи «умирающее рабство оставило свое ядовитое жало в виде презрения свободных к производительному труду» («Происхождение семьи...», Партиздат, 1934, стр. 132).

В книге отводится много места культуре империи—литературе, науке, философии, искусству, архитектуре. Необходимо отметить, что автор не уделяет внимания материалистической философии. Это—серьезное упущение. Отводя целую страницу Сенеке, автор ограничивается замечанием, что эпикуреизм, как и стоицизм, «в одинаковой мере проникнуты пессимизмом, хотя и различно выраженным». Это все, что мог сказать автор о материалистической философии! Совершенно непростительно, что великий философ-материалист и гениальный поэт Лукреций даже не упомянут в книге!

Отмеченные недочеты и промахи не связаны органически с трудом В. С. Сергеева и легко могут быть устранены в последующих изданиях этой интересной и ценной книги. Содержащиеся в ней спорные положения все же будят исследовательскую мысль. Заключительные абзацы книги намечают проблему разложения рабовладельческого строя и возникновения феодализма в Восточной Римской империи в результате проникновения в Византию славян, которые «принесли с собой родовой строй и общину». Эта проблема должна стать темой специальных исследований не только для историков античности, но и для византинистов и историков СССР.

Книга значительно выиграла бы, если бы автор предпослал ей обзор источников и литературы. Это тем более необходимо, что автор в выборе цитируемых источников руководствуется иной раз не столько ценностью данного источника, сколько формой подачи материала в нем. Читатель должен узнать из книги, какая цена какому-нибудь Флору или Веллею Патеркулу в сравнении с Полибием или Аппианом.

В книге имеется значительное количество мелких недочетов, которые потребуют при переиздании тщательной проверки всего текста, всех цитат и ссылок. Количество опечаток во много раз превышает тощий список, приложенный к каждой части; есть грубые опечатки, как дата смерти Ирода 44 г. вместо 4 г. (стр. 426) или непонятное «амхарез» вместо ам-гаарец (стр. 355), или «третья книга Ездры» вместо «четвертая книга Ездры» (стр. 557). Много неряшливостей в цитатах и сносках. Совершенно бесполезны такие ссылки, как «Festus» (стр. 42), или ссылка на Daremberg et Saglio с указанием страницы, но без указания тома или слова (стр. 136); совершенно не к чему по поводу тривиальной фразы о любовных интригах Клеопатры отсылать читателя к книге итальянского автора (стр. 364). Странное впечатление производят при цитировании русских стихотворных переводов древних авторов ссылки на оригинал. Даже каноническое «Откровение Иоанна» цитируется почему-то со ссылкой: «Aposcalyp., XVI, XIV», причем ни в XVI, ни в XIV главах «Апокалипсиса» цитируемой фразы нет, ибо она скомпонована из разных текстов.

Необходимо будет также сократить и исправить в дальнейших изданиях некоторые латинские цитаты. Вообще можно приветствовать обилие латинских цитат, так

как они знакомят читателя с терминологией, с начертанием римских имен, со стилем официальных документов. Но совершенно нет надобности затруднять внимание читателя латинским текстом, когда он ничего читателю дать не может (например, стр. 304, 531). В некоторых случаях латинская цитата не совпадает с русским текстом: «нашего, блаженной памяти, родителя Диоклетиана (*plebs urbana immunis*)», стр. 653; «отбиралось в казну (*si quis faxit, quotiens faxsit, in agri iugera*)», стр. 187.

Попадают и фактические ошибки: например, на стр. 114 говорится о иерусалимском первосвященнике Маттафии, который не был однако ни иерусалимским, ни первосвященником; неверно, что «христианские общины были потребительными коммунами, удерживавшими старые производственные (?) основы» (стр. 566); неверно, что христианство возникло в Палестине (стр. 559) и мн. др. На ряд ошибок уже указывалось в печати. С этой стороны книга при переиздании потребует основательной правки.

Поразительно, что в книге попадают— правда, очень редко— стилистические небрежности. «Вирриат был официально признан римским консулом Фабием Максимом Сервилианом, окруженным лузитанским отрядом, царем лузитан» (стр. 121); здесь нагромождение творительных падежей делает фразу почти непонятной. Или: «п р а в а заарендованного участка (?) на *ager publicus* подлежали отобранию в государственный фонд» (стр. 168). Такие неудачные выражения тем более обидны, что книга вообще написана хорошим, простым и ясным языком. При переиздании, — а книга безусловно требует и заслуживает переиздания— необходимо будет все эти досадные мелочи

Издана книга хорошо, с 11 картами, хронологической таблицей, списком императоров и их титулатуры, подробным описанием рисунков, указателями. Почему-то издательство поскупилось дать подробное оглавление, что затрудняет пользование книгой.

А. Ранович

«*Peuples et civilisations*». Histoire générale publiée sous la direction de LOUIS HALPHEN et PHILIPPE SAGNAC. 1935—1937. Vol. 1—«*Des premiers civilisations*», р. 1—491. С приложением хронологической таблицы и географических карт. 1935.

Серия «Народы и цивилизации» первую свою часть посвящает истории древнего мира. Она занимает четыре тома, причем очень близко сюда примыкает и том V, посвященный собственно эпохе «переселения народов», варварских вторжений на Запад и носящий заголовок «Варвары».

Но данное французское издание выгодно отличается своей компактностью и привлекает читателя живостью, краткостью и популярностью изложения.

Издатели рассматриваемой серии, Альфан и Саньяк, исходят из того положения, что мировая война показала исключительную связанность всех стран мира, всех частей нашей планеты между собой. Поэтому составители данной серии пришли к выводу, что нельзя теперь строить схему исторического процесса на примере изучения одного или нескольких избранных народов. Задачей «Истории древности» — этой части серии Альфана и Саньяка — является изображение параллельного развития самых различных народов древности.

Но если мы возьмем первый том, то сразу же бросается в глаза то, что этой своей исторической теории составители не проводят до конца.

В первом томе дана древнейшая история Востока до V в. до н. э. В изложении материала проводится синхронный принцип. Определенный хронологический отрезок включает в себя параллельное изложение преимущественно следующих стран: Египта, государств Двуречья, Малой Азии и Эгейского бассейна. Нельзя не отметить некоторой искусственности в проведении синхронного принципа изложения на примере истории Востока. Так, например, история Египта доводится до конца Среднего царства и прерывается изложением истории шумеров, Вавилона, времени Хаммураби и Эгейского

мира до конца III тысячелетия до н. э. Это—один хронологический отрезок истории Востока.

Второй хронологический кусок времени простирается с начала II тысячелетия до н. э. и приблизительно до конца этого тысячелетия. Сюда входят: история Египта до битвы при Кадеше включительно; сюда включается и история хеттов, завоевание Вавилона касситами и вторжение гиксосов в Египет. В этот же хронологический кусок входят: критская культура (до XV в. до н. э.), «ахейская экспансия» (*l'expansion achéenne*), микенская культура до XIII в. до н. э.

Третий хронологический кусок—с XI до VI в. до н. э., куда включаются: история народов Сирии и Палестины, Ассирийская империя, дорийское переселение и образование эллинской Греции, история Греции до VI в. и образование Персидской державы. Положительно в этой попытке дать историю Востока в трех самостоятельных отрезках времени является сближение народов и культур хронологически. Недостатком является нарушение систематического изложения связной истории больших государств, например, Египта, как она протекала органически. Разрыв хронологического и органического изложения государств очевиден.

Читатель испытывает разочарование в связи с обещанием дать историю всех стран Востока. Древнейший Китай отсутствует, а Индия взята в клочках, притом отнесена к следующему тому, где в основном дается история Греции в главе о связи греческой культуры с Востоком. В жертву хронологии принесена вся история Индии.

В этом томе дано приложение открытий археологических памятников последнего времени, что является, пожалуй, самым интересным моментом со стороны фактической. В настоящее время поднимался вопрос о переводе этой серии Альфана и Саньяка и в частности и данного тома. О последнем приходится сделать следующий вывод: ввиду крайней обрывистости изложения стран Востока, что получилось в силу искусственного синхронного изложения истории; ввиду отсутствия органической связи между странами и крайней спорности теории о переселении, в особенности индо-германцев,—перевод данного тома на русский язык является нецелесообразным, ибо он не внесет ничего нового и не заменит собою известных в русской литературе книг по истории Востока.

Vol. II—«*La Grèce et l'Orient*». Des guerres médiques à la conquête romaine, par PIERRE ROUSSEL, p. 1—555. С прилож. карт и индекса. 1930.

Данный том посвящен в основном истории древней Греции с эпохи греко-персидских войн и до II в. до н. э., т. е. включая историю эллинизма. Автор этого тома излагает историю Греции и в рамках и в связях общей истории Востока данного хронологического отрезка. Таким образом, принцип изложения и здесь остается все тем же, как и в первом томе, хотя изложение дается более целостным и органическим. Этому в значительной степени способствует самый материал—история Греции, являющаяся центральным пунктом в изложении данного тома.

Следует, однако, указать, что в данном, как и в первом, томе в жертву синхронности изложения принесены история Индии и Скифии. С другой стороны, открываются неожиданные для читателя главы. Вряд ли где-нибудь в книге по истории Греции можно было бы вдруг натолкнуться на изложение истории джайнизма и буддизма. В данном же томе автор его P. Roussel счел возможным, говоря о Персидском царстве и подготовке его к войне с греками, излагать историю и браманизма, и джайнизма, и буддизма только на том основании, что эти учения синхронны истории Персии VI—V вв. (см. гл. II: 1. «L'Inde aryenne et le brahmanisme», p. 28—33; 2. «La fondation du jainism et du bouddhisme», p. 33—38).

Вслед за этим Roussel, без всякой связи с предшествующим изложением, дает историю скифов VI—V вв., видимо, также руководствуясь соображениями о синхронности событий.

Более извинительны в этом отношении попытки дать историю Индии в главе «La monarchie des Seleucides» (447—450), поскольку в связи с обзором эллинистических государств Востока автор решил дать и изложение Индии эллинистической эпохи, т. е. образования империи Маурья и до смерти Ашока включительно (236 г. до н. э.). Однако такое изложение этого периода истории Индии столь необычно, что сразу бросается в глаза своей искусственностью.

Данный том более интересен, чем первый. Он более компактен; и если выбросить из него искусственные включения о буддизме, Индии и т. д., то его перевод был бы желателен на русский язык.

Vol. III—«*La conquête Romaine*», par ANDRÉ PIGANIOU, p. 1—525. С приложением карт и индекса. 1920.

Данный том по римской истории излагает нам римские завоевания и образование большой Средиземноморской державы. Этот том—один из наиболее интересных в серии древней истории Альфана и Саньяка.

Прежде всего бросается в глаза прекрасное изложение, образность и легкость повествования даже самых трудных и скучных страниц римской истории. У автора чувствуется в некоторой степени идеализация римской цивилизации. В предисловии к этому тому Пиганиоль рассматривает античную римскую цивилизацию, как единственную основу всего последующего культурно-исторического развития Европы. «Оригинальность Рима, секрет его успехов, причина его славы лежат в тенденции к единой политике. В противоположность анархической Греции, Рим был единым государством» («...Rome est une cité unitaire. Par opposition à la Grèce anarchique, l'Italie est gouvernée par le Senat d'une seule ville», p. 2).

Пиганиоль очень обстоятельно в этом томе излагает доисторическую эпоху археологии древнейшей Италии. Отдельная глава (четвертая) излагает историю «Империи этрусков» («L'Empire étrusque», p. 56—74). Глава VI дает историю древних кельтов, которая как-то до сих пор еще не вошла прочно в курсы римской истории. И, несомненно, положительным фактом является введение Пиганионом и археологии Италии, и истории этрусков, и истории кельтов.

Все последующее изложение событий дается по установившемуся хронологическому обзору римской истории этого периода—больших завоеваний, образований Средиземноморской державы и кризиса республики. Во всем этом изложении политическая история, развитие римской государственности, стоит на первом месте. Социальная и экономическая сторона развития республики отстает у автора на второе место.

При всем этом Пиганиоль сумел найти место и краски увлекательно и систематически изложить некоторые интересные и с социальной стороны моменты римской истории, например, историю античной Испании. Хотя и в разных главах и далеко не обстоятельно, но все же на 15 страницах в общем дается изложение героической борьбы древней Испании против римского владычества (p. 191, 270—279, 337—340). Том интересен и нуждается в переводе на русский язык, ибо по Риму имеющаяся у нас литература недостаточна.

Vol. IV—«*L'Empire Romain*», par EUGÈNE ALBERTINI, p. 1—468. С приложением карт и индекса. 1936.

Автор данного тома исходит, как и Пиганиоль в предшествующем томе, из некоторой идеализации Римской империи. Последняя, достигнув в период своего расцвета гегемонии в Европе, явилась как бы источником всего последующего культурно-исторического развития (см. Introduction, p. 1) мира. Гегемония древнеримской империи в Европе служит в известной мере у Альбертини ключом к объяснению мировой

гегемонии самой Европы капиталистической эпохи («L'hégémonie gardée jusqu'à nos jours par l'Europe... est legs de l'Empire romain». Introduction, p. 1).

Такое изложение истории Римской империи заставляет автора заслонять все социальные движения III—IV вв. н. э. и выдвигать, наоборот, момент роста власти Римской империи, распространение ее владычества далеко за пределы варварской периферии. Только глава V специально посвящена социальной характеристике римского общества, притом только I в. н. э.

Том дает обстоятельное обозрение событий с принципата Августа до середины V в. н. э. Наряду с изложением политической истории империи, Альбертини останавливается и на проблемах экономики в ряде глав. Так, в главе IX ставятся при обзоре вопросы экономической эволюции Римской империи II в. («Développement économique», p. 218—223). Также и в главе XIII: при обзоре эпохи Диоклетиана и реформ последнего особый параграф посвящен проблемам экономики («Les problèmes économiques», p. 338—342).

Соответствующее место в томе занимает и культурная история империи. Особенно подробно обзор культуры дается в главах IX и XVI, где, наряду с явлениями интеллектуальной жизни, подробно освещается история жизни религиозной, в частности происхождение и развитие христианства и христианской церкви.

Том в целом представляет интерес компактностью всего изложения, фактической насыщенностью и крайне увлекательным изложением. Поскольку по империи вообще, и на русском языке в частности, литературы очень мало, книга Альбертини безусловно интересна, хотя по трактовке проблем она является типично буржуазной работой.

Vol. V—«*Les barbares*». Des grandes invasions aux conquêtes turques du XI siècle, par LOUIS HALPHEN, p. 1—442. 1936.

Том о варварах, их передвижениях, вторжениях в Римскую империю и о ранних образованиях варварских государств одинаково примыкает как к античной истории, так и к истории средних веков.

Мусульманская цивилизация IX в., образование Болгарского государства (стр. 310—321), Византийская империя (до 1025 г.), борьба в мире ислама и вторжение турок,— все это представляет собою уже соответствующие куски истории средних веков и составляет содержание второй части этого тома.

Недостатком данного тома является полное отсутствие сведений о взаимоотношениях варварского мира и восточных цивилизаций Индии и Китая. Европоцентристская точка зрения Альфана и здесь, на материале истории варварских племен, дает свой отпечаток и приводит к искусственному построению исторического процесса. Но от буржуазной точки зрения было бы странно ждать другого освещения этой интересной проблемы истории «варваров», как они продолжают называться в противоположение античной цивилизации Греции и Рима.

Но несмотря на эти недостатки, Альфан дает столь большой и интересный материал, вообще мало отраженный в русской литературе, что перевод этого тома безусловно желателен.

Приходится сожалеть, что в издании томов этой серии нет единства. К первому тому приложено обозрение раскопок последних лет, но не дается библиографического обзора литературы по Востоку. Ко второму тому не дается ни того, ни другого. И только к третьему, четвертому и пятому томам прилагаются обстоятельные библиографические обозрения.

Что касается указателей, то они даются ко всем томам, облегчая работу читателя.

Проф. А. Мишулин

J. ČERNÝ—*Ostraca hieratiques*, fasc. I—III. Catalogue général des Antiquités Egyptiennes du Musée du Caire. № 25501—25674. Le Caire. 1930—1933. J. ČERNÝ—*Catalogue des ostraca hieratiques non littéraires de Dair el Médineh* (№ 1—113), t. I. Le Caire. 1935.

Одна из больших трудностей, с которой сталкивается исследователь, изучающий экономические и социальные отношения древнего Египта, состоит в том, что до сих пор обнаружено очень небольшое количество хозяйственных и деловых документов. Специфические трудности чтения деловых текстов¹ приводят к тому, что из числа дошедших до нас рукописей этого рода большинство не опубликовано и еще меньше переведено и изучено. Достаточно указать, что богатейшее собрание папирусов Туринского музея, представляющее исключительную научную ценность, издано в незначительной своей части, а публикация, вероятно, не менее ценного собрания папирусов Каирского музея только начата².

Но если так обстоит дело в отношении деловых и хозяйственных папирусов, то во многом хуже идет изучение текстов такого же содержания, записанных на остраках, где трудностей филологического и палеографического порядка, связанных с беглостью текста, имеется много больше.

Тем больше внимания должно быть уделено работам чешского ученого J. Černý, одного из лучших знатоков иератических текстов, посвященным изданию остраков Каирского музея и Французского Археологического института в Каире.

По своему построению обе работы совпадают: в них дается краткое описание каждого из остраков, фототипическое или автографическое воспроизведение текстов, и их достаточно надежная иероглифическая транскрипция. Переводы текстов, как это принято в такого рода изданиях, не даны.

В обеих работах в общей сложности опубликовано 292 текста и, поскольку подавляющее их большинство происходит из фиванских некрополей, они являются ценнейшим материалом для изучения истории и экономики Нового царства, в первую очередь для раскрытия внутреннего содержания жизни Фиванского некрополя. Оценить в полной мере и надлежащим образом использовать эти тексты можно лишь в результате внимательного изучения не только их самих, но и всех ранее опубликованных текстов и археологических памятников, происходящих из тех же некрополей. Совершенно понятно поэтому, что задачей настоящей рецензии является лишь показ характера вновь опубликованных текстов.

По своему содержанию изданные тексты весьма разнообразны. Большое количество их представляют собой списки разного рода предметов и продуктов с указанием их количества: тут есть и списки зерна, фиников, древесины, одежды, глиняных изделий и т. п. Вот, например, список³, являющийся, вероятно, описью топлива и различных сосудов, которые находились в мастерской гончара:

«Год 3 (Сети I) 3 месяц	h.t.	день 10
Дерева горючего	2	400
Дерева d; d; r. t	32	
Глиняных изделий: сосудов—g; j	малых	80
Сосудов—m	h.t	90
Сосудов—d p j	40».	

¹ Укажу для примера, что такой блестящий знаток деловой иератики Нового царства, каким был ныне покойный проф. W. Spiegelberg, разобрал сравнительно небольшой текст папируса Моок, неоднократно возвращаясь к нему, лишь после 19-летней работы.

² До сих пор вышел только первый выпуск каталога иератических папирусов Каирского музея, содержащий лишь несколько религиозных текстов позднего времени (Catalogue général des Antiquités Egyptiennes du Musée du Caire. W. G o l e n i s c h e f f —Papyrus hieratiques. Premier fasc. № 58001—58036. Le Caire, 1927).

³ Острак из Деир эль Мединэ № 5. Датировка его временем Сети предложена Я. Черным.

Такого рода записи являлись скорее всего материалами отчетности многочисленных некропольских мастерских, изготовлявших всевозможные предметы для гробниц и заупокойных храмов.

Столь же большое количество текстов содержат дневники работ, произведенных некропольскими мастерами, и пометки о выдаче им их рационов.

Здесь в первую очередь следует отметить дневник работ одной из групп рабочих некрополя (Каирский острак № 25515), охватывающий период времени от 16-го числа 2-го месяца *šmw* до 23-го числа 4-го месяца *rg.t* 6-го года фараона Сети II = 1 году фараона Сипта, т. е. за 10 месяцев. Этот дневник был уже давно издан D a r e s s u («Resueil des travaux», t. 34, p. 39—52), но в новом издании он пополнен двумя ранее не известными фрагментами. Особый же интерес этот дневник приобретает теперь в связи с тем, что опубликован фрагмент аналогичного текста (Каирский острак № 25509), датируемый 1-м годом Сети и охватывающий период от 23-го числа 3-го месяца *rg.t* до 13-го числа 1-го месяца *šmw*. Сравнительное изучение этих двух текстов, в сопоставлении с другими записями работ, может дать весьма интересные выводы о работе некропольских рабочих.

Кроме этих двух больших текстов, среди опубликованных остраков имеется ряд мелких, также содержащих записи о том, чем была занята данная группа рабочих. Вот, например, один из таких текстов¹.

«Год 31-й (Рамсеса III) 1-й месяц *šmw* день 26-й. Праздновалось царственное появление фараона.

День 27-й. На этом месте².

День 28-й. На этом месте».

Так, день за днем, фиксировалась работа рабочих и на основе этих кратких записей составлялись общие сводки.

Ряд текстов содержат сведения о произведенных работах. Вот одна из записей такого рода, повествующая о ходе работ по вырубке в скалистой почве некрополя колодца—входа в будущую гробницу³.

«Год 15-й (Рамсеса III) 4-й месяц *rg.t*, день 12-й. Перечень всех работ, которые сделаны в этом колодце: первоначально (было) 36 $\frac{1}{2}$ локтей, сработано после 6 $\frac{1}{2}$ локтей; всего 43 (локтя)».

Из других текстов мы узнаем, что в тех случаях, когда рабочие изготовляли могилу для самого фараона или для кого-либо из близких ему людей, тщательно контролировался ход работ⁴.

«Год 1-й, 2-й месяц *šmw*, день 12-й. День, когда пришел начальник города, везирь Гори, чтобы принять работы. «Божественный коридор»⁵, первый, который (есть) путь (к) дневному свету: длина его 20 локтей, ширина 6 локтей, высота 10 локтей. «Божественный коридор», который позади него: перечень сделанного в нем в год 1-й—13 локтей»...

Большая группа текстов содержит записи выдачи рационов рабочим. Эта группа текстов чрезвычайно интересна не только тем, что она дает известное представление о форме и размерах оплаты труда рабочих, но и тем, что дает очень важные сведения об организации труда и снабжения.

¹ Острак из Деир эль Мединэ № 55. Датировка предложена Я. Черным.

² Т. е. работа производилась на том же месте, что и до праздника.

³ Острак из Деир эль Мединэ № 92. Датировка предложена Я. Черным.

⁴ Острак Каирского музея № 25537.

⁵ Название подземного хода, ведущего в гробницу.

Приведу одну из записей выдачи провианта¹:

«(Месяц 1-й šmw) для «правой стороны»². Выдача провианта 2-го месяца šmw.

Начальнику отряда рабочих:	хар ³ 2; 5 1/2
Писцу:	хар 2; 5 1/2
Людам 17, каждому:	хар 1 1/2; 4. Составляет: хар 25 1/2; 68
Юношам ⁴ 2, каждому:	хар 1 1/2; 1 1/2. Составляет: хар 1; 3
Стражу:	хар 1 1/4; 3 1/4
Служанке:	хар 1 1/2; 1 1/2
Привратнику:	хар 1 1/2; 1
Врачу:	хар 1/4; 1. Итого: хар—32 1/2; 84 3/4 ⁵ .
2-й месяц šmw	хар 117 1/4
3-й месяц šmw	хар 117 1/4
4-й месяц šmw	хар 117 1/4 ⁶ »

Указания этого текста о составе отряда рабочих находят себе полное подтверждение и в других остраках, почему можно считать упоминаемый в этом случае состав такой группы рабочих типичным.

Снабжение некропольских рабочих и остального персонала отрядов не ограничивалось выдачей одного зерна: им выдавались одежды, рыба и пр. Для снабжения рабочих в некрополе были специальные лица. Вот, например, часть записи о получении для отряда «правой стороны» рыбы от рыбаков некрополя⁶:

«4-й месяц p.g.t, день 4-й. Принято от рыбака Инрина для «правой стороны» рыбы: дебен⁷ 440. Принято от рыбака Махи для «правой стороны» рыбы: дебен 300».

Помимо указанных текстов, среди вновь опубликованных остраков имеется значительное количество текстов, рисующих отдельные стороны жизни и быта некрополя и его персонала. Тут есть и черновики судебных протоколов (отметим, что в числе судей встречаются и сами рабочие) и оракулов некропольских богов, завещания рабочих и записи о произведенной передаче имущества, записи о продаже или найме скота, квитанции об оплате купленных товаров и т. п.

Сделанный мной краткий обзор изданных остраков и те образцы их, которые даны в переводах, достаточны для того, чтобы составить представление о том большом интересе, который представляют оба издания.

Совершенно очевидно, что дальнейшая публикация подобных текстов (уже объявлено о выходе еще 5 томов остраков, найденных в Деир эль Мединэ, и по крайней мере 1 выпуска остраков Каирского музея) обещает исследователю богатейший материал. Следует пожелать автору успеха в скорейшем завершении начатой им работы.

И. Лурье

¹ Острак Каирского музея № 25608.

² В некрополе были отряды рабочих «правой» и «левой стороны».

³ X a p—мера сыпучих тел, равная 95,7 литра. В данном случае речь идет, видимо, о зерне. Наличие двух цифр у каждого из упомянутых лиц свидетельствует о том, что каждому выдавалось зерно двух сортов.

⁴ E g t a n u. R a n k e—Wörterbuch der Aegyptischen Sprache, Т. II, 83, 15, указывают, что этот термин—mnh часто применяется в отношении ремесленников и рабов.

⁵ Сумма, указанная в итоге, не соответствует числу выданных мер зерна. Так как количество мер зерна, выданных в остальные 3 месяца этого времени года, соответствует тому, которое указано в итоге,—ошибка вкралась, вероятно, в указания количества зерна, выданного отдельным людям.

⁶ Каирский острак № 25605.

⁷ Д е б е н—мера веса, равная 91 грамму.

ALLAN CHESTER JOHNSON—Roman Egypt to the reign of Diocletian.
Baltimore, 1936.

Книга Джонсона представляет второй том издаваемого Теннэй Франком труда «An economic survey of ancient Rome».

Книга содержит пять глав: 1—«Страна», 2—«Население», 3—«Промышленность и торговля», 4—«Налоги», 5—«Разное». По всем разделам автор дает сжатые очерки, подкрепляемые документами—почти исключительно папирусами, занимающими, примерно, две трети объемистого тома в 733 страницы. Все документы (всего 445) даны в английском переводе. Важно и особенно ценно то, что по большинству затрагиваемых тем Джонсон приводит не только документальные иллюстрации, но и сводку всех относящихся сюда источников. Таким образом, книга дает исследователю незаменимое справочное пособие при изучении экономики Египта в римскую эпоху.

Так, стр. 83—105 содержат расположенный хронологически перечень и описание всех источников, касающихся сдачи земли в аренду; такой же перечень источников о продаже и закладе земли дан на стр. 150—157. О продаже и сдаче в аренду домов источники даны на стр. 257—265. На стр. 274—281 перечислены все сообщаемые источниками сведения о продаже и отпуске на волю рабов. Очень важны данные о стоимости разных товаров и рабочей силы (стр. 306—326, 469—475). Сводка налогов, сборов и пошлин дана на стр. 507—521, 537—550, 557—581. Кроме того, множество ссылок и сводных данных имеется в самих очерках и в комментариях к папирусам.

Краткие очерки по отдельным вопросам экономики Римского Египта представляют собою обобщения на основе проработки значительного—в некоторых случаях исчерпывающего—материала. Особенно ценна попытка автора дать сводный обзор денежного обращения в Египте (стр. 425—445).

Однако представления об экономической жизни Египта книга Джонсона не дает: Автор рабски подчиняется своему материалу, который он разрабатывает чисто-эмпирически. За этой подчеркиваемой «объективностью» скрывается беспомощность автора, неумение видеть движение общественного процесса. Остается непонятным даже, чем руководствовался автор, установив для своего труда хронологические рамки от Августа до Диоклетиана. Он с таким же успехом мог бы взять период от Александра Македонского до Юстиниана; в этом случае получилось бы больше материала, изменились бы итоговые и средние цифры, но и только. Отрыв экономики от политики, свойственный буржуазным исследователям, делает работу Джонсона безжизненной и неисторичной. Ему, конечно, невдомек, что общество—совокупность производственных отношений. Поэтому он не мог дать полнокровную картину экономических отношений, а лишь механическое соединение эмпирических сводок по отдельным явлениям экономики.

Эта ограниченность Джонсона сказывается и в выборе и в трактовке материала. Так, в главе о классификации земель он сваливает в одну кучу разные системы деления—по принципу собственности (ἡ δῆμοσια, βασιλική, ἱερατική, οὐσιακή, ἰδιόκτητος), по характеру владения (ἐν δωρεῶν), по принципу обложения (ἐπιλόγος), по природным свойствам (λιμνική). При этом он не пытается установить соотношение между разными видами земельной собственности и совершенно не касается вопроса о происхождении всех этих видов собственности, их истории и их судьбе.

В предисловии автор отмечает бегство крестьян с земли, «объясняя» это явление тягой крестьян к прелестям городской жизни и, «может быть», ростом налогов. Но в самой книге Джонсон этой темы почти не касается и приводит лишь эдикт Семпрония Либералия и случайное упоминание о раскладке недоимок сбежавших крестьян и ремесленников на оставшихся их товарищей. Между тем, о бегстве крестьян и литургов имеется довольно много документов, но автор не считает нужным их перечислить.

Упомянув вскользь о принудительной аренде земли, Джонсон в тексте не приводит материалов об этом; его мало интересует ἐπιβολή, натуральные повинности вовсе

не затронуты в книге. Литургиям отведено несколько страниц, причем приведенный материал касается преимущественно формальных процедур, а не существа дела.

Пренебрежение материалом, могущим осветить классовую борьбу в Египте, не случайно; здесь сказывается боязнь примешать политику к экономике; эта «аполитичность» является выражением буржуазных политических воззрений автора, классовый интерес которого заставляет его смазывать историю классовой борьбы угнетенных против эксплуататоров.

В результате экономика Египта в изображении Джонсона оказывается в течение трех веков совершенно неподвижной. Отмечается лишь некоторое колебание цен, да и то Джонсон отказывается найти здесь какую-либо закономерность; ссылается он при этом на отсутствие документов, притом именно египетских документов. Дело в том, что Джонсон исходит из неправильной предпосылки о полной экономической изоляции Египта в системе Римской империи. Поэтому он не позволяет себе привлекать неегипетский материал для объяснения того или иного явления экономики Египта. Такая осторожность отнюдь не делает чести автору, свидетельствуя об ограниченности его кругозора.

Как известно, «три рычага», «сводившие все к одному уровню», действовали в Египте с меньшей силой, чем в других римских провинциях. Правда, Египет упорнее других провинций сопротивлялся нивелирующей силе Рима; с конца II в. он является ареной почти не прекращающихся восстаний. В III в. Египет несколько раз отпадает от Рима, провозглашая собственных императоров. Восстания подавлялись с чрезвычайной жестокостью; после одного такого восстания (296 г.) пришлось ограничить вывоз хлеба из разоренного Египта, хотя от египетского хлеба зависело снабжение столицы и армии. Однако местные особенности развития той или иной провинции не нарушали общего для всей империи процесса разложения «античных мировых порядков». Но ни нивелирующая сила Рима, ни сила сопротивления Египта не нашли отражения в «экономическом обзоре» Джонсона. Он от этих вопросов просто отмахивается.

Приведя (под № 148) документ (PSI, 102) об уменьшении населения в Дамаси (Мендес), Джонсон, ссылаясь на Par. RyI., II, p. 291, заключает, что это было случайное явление, и «просперити» скоро вернулось. Но характерно, что в данном случае ссылки даны только еще на четыре таких документа, тогда как сообщения о катастрофическом падении численности населения¹ говорят о систематическом характере этого явления. Можно указать на SB, 7462; SB, 4284; BGU, 902; PSI, 105; Par. Oxy., IV, 705 и др.

Отмечая наличие свидетельств об упадке городов в северной части Файюма, Джонсон «осторожно» пишет: «Остается еще решить, был ли этот упадок всеобщим и в какой мере его следует приписать недостаточности разливов Нила или запущенности системы ирригации» (стр. VI). Других причин Джонсон не ищет и не видит. Мы знаем, что «всеобщее обеднение, ухудшение путей сообщения и сношений, упадок ремесла, искусства, уменьшение населения, упадок городов, возвращение земледелия на низшую ступень—таков был конечный результат римского мирового господства»². Но этой стороны вопроса Джонсон совершенно не затрагивает. Римское мировое господство, римский порядок, который был «хуже злейшего беспорядка», лежит вне сферы внимания Джонсона.

При всем том собранные в книге Джонсона документы и, особенно, сводки представляют ценный материал для исследователя экономики не только Египта, но и Римской империи в целом.

А. Ранович

¹ См. А. Ранович—Первоисточники по истории раннего христианства, стр. 37, № 14—16. В частности, согласно № 14 (BGU, III, 902), число налогоплательщиков упало с 85 до 2.

² Энгельс—Происхождение семьи..., Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 105.

«*Papyri Osloenses*». Fasc. III. Edited by S. EITREM and LEIV AMUNDSEN. Oslo, 1936

Третий выпуск публикуемых Норвежской Академией наук египетских папирусов содержит 136 папирусов (№ 65—200) римского периода, сгруппированных по отделам: 1) литературные тексты, 2) официальные и частные документы, 3) частные письма, 4) лороскопы, 5) краткие тексты и фрагменты.

К литературным текстам относятся шесть небольших отрывков из «Илиады»; самый древний из них издатели датируют I в. до н. э. Далее следует обширный (282 строки) отрывок из «Панегирика» Исократы, содержащий с некоторыми пропусками гл. 1—54. Для критики текста Исократы папирус (I—II в. н. э.) ничего существенного не дает. Интересен небольшой (14 строк) отрывок из медицинской книги (№ 72), рекомендуемый диету для эпилептиков и указывающий, что эпилепсия—мозговая болезнь. Следующий отрывок № 73 представляет извлечение из астрономического сочинения и касается измерения видимого суточного пути солнца.

Большой интерес представляют папирусы второго раздела—официальные документы, № 77—128.

Папирус № 77, эпохи М. Аврелия (*terminus post quem*—169 г.—смерть Люция Вера, который именуется θεός), представляет отрывок религиозного календаря, который содержит исключительно памятные «царские дни»: 17 хойяк (=13 декабря)—двадцатилетие восшествия на престол Адриана; 4 тиби (=30 декабря)—день рождения Тита; в том же месяце отмечается «возвращение господина нашего Антонина Цезаря в Рим». и т. д. Папирус интересен для характеристики культа императоров.

В этой связи интересен также папирус № 149—конец частного письма, где поставлена дата $L \zeta \text{ ἡμερῶν Νέρωνος Κλαυδίου Καίσαρος Σεβαστοῦ Γερμανικοῦ Αυτοκράτορος Ἐπιφῆ}$ (29 июня 61 г.). Издатели не решаются отнести эпитет ἡμερῶν к Нерону; привлекая обширный и разнообразный материал, они приходят к заключению, что эпитет «святой» относится к слову «год», и объясняют это особым почтением к «святому» числу 7. Но, как правильно указывает Skeat¹, в одном случае мы имеем на остраке дату $L \eta \text{ ἡμερῶν Νέρωνος}$; поскольку в данном случае речь идет о восьмом годе, соображения издателей «*Papyri Osloenses*» теряют силу. Приходится отнести ἡμερῶν именно к Нерону.

Удачной находкой надо признать папирус № 78, который в сочетании с ранее опубликованными в REG, XXXIII (1920), сильно попорченными двумя хранящимися в Каирском музее папирусами дал издателям «*Pap. Osloenses*» возможность восстановить почти полностью эдикт Адриана 136 г. В этом эдикте император после ряда оговорок предоставляет земледельцам, пострадавшим от неурожая вследствие недостаточного разлива Нила, рассрочку уплаты денежного налога за текущий год на 3—5 лет.

Папирус № 79, сильно фрагментированный, представляет копию эдикта префекта Египта Марка Петрония Мамертина 134/5 г. (19-й год Адриана). Эдикт касается вопроса об ἀναχωρήσεις; под тяжестью налогов и повинностей и политического гнета сельское население часто бросало насиженные места и уходило в города, пополняя ряды люмпен-пролетариата, вступало в ряды «мятежников», занималось бродяжеством и разбоем. Римское правительство всячески боролось с ἀναχωρήσεις; с одной стороны, оно поощряло заселение и обработку земель, лишившихся работников, с другой стороны—оно применяло репрессии против «забастовщиков» и неукоснительно разыскивало недомогки беглецов с оставшихся членов сельской общины. Тот же прием—ἀναχωρήσεις—применяли и для того, чтобы уклониться от тяжелых литургий. Этой последней категории ἀναχωρητικῆς касается эдикт Петрония Мамертина. Он предписывает литургам впредь не убегать и не бросать свою ἰδία, а взамен бежавших он требует

¹ ЖЕА, XXIII, 1937, р. 90.

представить других, надежных литургов. Для социально-экономической истории Египта в эпоху Адриана папирус представляет значительный интерес.

Ряд папирусов касается взъскания налогов (№ 88—92, 94, 98—112, 116—119)— отчеты податных инспекторов, описи имущества, списки налогоплательщиков, квитанции об уплате налогов, декларации об имуществе и доходах. Большинство этих папирусов не прибавляют ничего существенно нового к имеющимся данным по этим вопросам. Выделяется по своим размерам (307 строк) и по содержанию папирус № 111—список мужчин, свободных и вольноотпущенников, проживавших в 235 г. в Оксирихе в кварталах (ἄφοδα) Гермия и «гусятников» (χρηνοσκόων). Список состоит из отдельных клятвенных подписей домовладельцев или нанимателей всех домов подряд; указывается, кто живет в данном доме, и подтверждается, что ни одного другого мужчины, свободного или вольноотпущенника, в доме нет. В некоторых случаях указывается, что тот или иной жилец внесен в список налогоплательщиков по другому району. Ни возраст, ни имущественное положение регистрируемых не указаны; поэтому нельзя думать, что списки связаны с платежом обычных налогов (δημοσία ἀπογραφή), тем более, что ближайший кадастр, составляющийся раз в 14 лет, должен был составляться лишь в 243/4 г.

Повидимому, подомовая перепись мужчин была связана с какой-то чрезвычайной местной повинностью. Интересно, что очень многие дома отмечены, как пустующие; в квартале «гусятников» пустует около 45% всех домов, а в западной части квартала Гермия—55%. Это обстоятельство может служить иллюстрацией к состоянию Египта в год смерти Александра Севера.

В папирусе № 88, второй половины IV в., представляющем письмо крупного чиновника к своему подчиненному относительно взъскания налогов, имеется интересное указание об инфляции в это время: один золотой (solidus) приравнивается к 2 250 мириадам (22 500 000) денариев! Издатели отмечают, что близкое к этому соотношению между золотым и денарием дает Pap. Oxy., 1223, тоже второй половины IV в.; здесь holokotinos приравнивается к 2 020 мириадам денариев.

Остальные папирусы рецензируемого выпуска представляют собой большей частью частноправовые документы, контракты, договоры о найме имущества, деловую переписку и т. д. Отметим папирус № 124, в котором некий ткач из Караниды, давно уже переваливший за предельный возраст лиц, подлежащих обложению (ὑπερταῖς ἀρχαίου), обращается к номархам с прошением: «Ввиду того, что я уже не в силах заниматься ткацким ремеслом, так как я слаб глазами и обременен старостью, будучи уже 80 лет от роду, посему прошу тебя, господина, освободить меня от ткацкого налога». Интересен также текст присяги, которую приносит ночной дозорный (νοκτοφύλαξ); он, кроме того, дает еще поручителя, который в свою очередь присягает (папирус № 93, 212 г.).

Папирус № 122—единственный латинский папирус в сборнике—представляет список солдат римского отряда, составленный между 235 и 242 гг.

Все собранные в данном сборнике папирусы снабжены подробным комментарием. Авторы для восстановления текстов и их толкований привлекают многочисленные параллели из других папирусов и иных источников, что облегчает исследователю возможность делать обобщения и выводы. Но давая подробный филологический комментарий и уделяя много внимания формальной стороне публикуемых документов, вопросам административного управления, номенклатуре должностей и т. п., издатели «Pap. Osl.» проявляют мало интереса к социально-экономическим проблемам. Поэтому, хотя папирусы содержат немало материала по экономике римского Египта, читатель реальной помощи в использовании этого материала от комментаторов не получит.

В конце выпуска дано 15 подробных указателей, которые не только помогают ориентироваться в материале, но в известной степени облегчают понимание текста.

Отдельной брошюрой приложены факсимиле папирусов на 12 таблицах.

А. * Ранович

Аннотации иностранных журналов за 1937 год

«THE JOURNAL OF ROMAN STUDIES». Vol. XXVII, Part 2, 1937

- G. W. Richards on—Actium, pp. 153—164. Анализ диспозиции флотов Антония и Октавиана; обсуждение военных замыслов и тактики Антония.
- M. S. Salem—The «Lychnapsia Philocaliana» and the Birthday of Isis, pp. 165—167. Заметка по поводу времени празднества с факельным шествием, отмеченного в календаре Филокала, и приурочение его к празднествам в честь рождения Изиды.
- J. A. Stanfield—Romano-Gaulic decorated Jugs and the Work of the Potter Sabinus, pp. 168—179. Исследование о некоторых типах южногалльской terra sigillata, атрибулируемых керамисту Сабину.
- A. H. McDonald and F. W. Walbank—The Origins of the second Macedonian War, pp. 180—209. Исследование из области римской политики и греко-римских отношений на рубеже III—II в. до н. э.
- F. Oswald—Carinated Bowls (Form 29) from Lezoux, pp. 210—214. Заметка об импортной галльской краснолаковой керамике в Англии.
- S. Weinstock—Clodius and the Lex Aelia Fufia, pp. 215—222. Исследование о политическом соперничестве Цицерона и Клодия в свете закона Aelia et Fufia.
- R. G. Collingwood—Roman Britain in 1936, pp. 223—250. Обзор археологических исследований памятников римской Британии в 1936 г. (с публикацией найденных латинских надписей).

«SYRIA». Tome XVIII, Fasc. 2, 1937

- С. F. A. Schaeffer—Les fouilles de Ras Shamra-Ugarit. Huitième campagne (printemps 1936), pp. 125—154. Отчет о раскопках в Рас-Шамре весной 1936 г. и публикация найденного материала (с иллюстрациями и чертежами).
- E. Forrer—Note sur un cylindre babylonien et un cachet hittite de Ras Shamra, pp. 155—158. Публикация, перевод и комментарий надписей, содержащихся на вавилонском цилиндре (XX—XVIII вв. до н. э.) и на хеттской печати, найденных при раскопках Рас-Шамры.
- C. h. V. I. r. o. l. l. e. a. u. d.—Etats nominatifs et pièces comptables provenant de Ras Shamra, pp. 159—173. Публикация, транскрипция и комментарий восьми клинописных текстов из Рас-Шамры, содержащих отчетно-хозяйственные документы, перечень жреческих должностей, собственные имена и др.
- J. V. a. n. d. i. e. r.—A propos d'un dépôt de provenance asiatique trouvé à Tôd, pp. 174—182. Публикация и исследование происхождения некоторых предметов азиатского типа (сирийских и малоазийско-эгейских), найденных при раскопках в Тоде (Египет) и датирующихся временем Аменемхета II (1938—1935 гг. до н. э.).
- G. P. o. s. e. n. e. r.—Une liste de noms propres étrangers sur deux ostraca hiératiques du Nouvel empire, pp. 183—197. Публикация, транскрипция и комментарий текстов, содержащих новые собственные имена сирийского происхождения, засвидетельствованные для Египта эпохи Нового царства.
- A. S. e. u. r. i. g.—Antiquités syriennes (Iconographie de Malakbêl), pp. 199—209. Публикация памятников и исследование по иконографии пальмирского божества Малакбелла.

«THE JOURNAL OF EGYPTIAN ARCHAEOLOGY». Vol. 23. Part II. December 1937

- A. M. B. l. a. s. k. m. a. n.—Preliminary Report on the Excavations at Sesebi, Northern Province. Anglo-Egyptian Sudan, 1936—1937, pp. 145—151. Отчет о раскопках и публикация материала небольшого города Верхнего Египта, существовавшего в эпоху Нового царства.

- I. В а с к—The Judicial papyrus of Turin, pp. 152—164. Перевод и комментарий текста эпохи Рамсеса IV, содержащего перечень лиц, осужденных за различные преступления.
- I. E. S. E d w a r d s—A Toilet Scene on a Funerary Stela of the Middle Kingdom, p. 165. Публикация, перевод надписи и описание надгробного рельефа времен XI династии, с изображением женщины за туалетом.
- R. O. F a u l k n e r—The Bremner-Rhind Papyrus III, pp. 166—185. Перевод и комментарий большого текста ритуально-магического и мифологического содержания.
- J. W e r n y—Restitution of and penalty attaching to stolen property in Ramesside times, pp. 186—189. Публикация, перевод и комментарий лейденского папируса № 352, содержащего список украденных вещей и назначенного за них штрафа.
- W. F. A l b r i g h t—The Egyptian Correspondence of Abimilki, Prince of Tyre, pp. 190—203. Статья посвящена нескольким эль-амарнским табличкам, содержащим корреспонденцию Абимильки, царя Тира (XIV в. до н. э.).
- E. P. W e g e n e r—Some Oxford papyri, pp. 204—225. Публикация, перевод и комментарий восьми греческих папирусов, содержащих займовые обязательства, торговые сделки и т. п.
- A. C o s s o n—Notes on the Bahren, Nuwemisah and El-a'Reg Oases in the Libyan Desert. Сообщение об археологических разведках в упомянутых в заглавии очерка необитаемых оазисах Ливийской пустыни, имевших место в 1934—1935 гг.

«REVUE DES ETUDES LATINES». Fasc. I, 1937

- A. G u i l l e m i n—La culture du public romain à l'époque impériale, pp. 102—121. Статья посвящена выяснению вопроса о распространении грамотности и общего образования в различных слоях римского общества периода ранней империи.
- A. B o u l a n g e r—L'Orphisme à Rome, pp. 121—135. Статья устанавливает степень проникновения орфических учений в римскую литературу позднеереспубликанского и раннеимператорского времени; автор вступает в полемику с многочисленными сторонниками мнения о большом влиянии и широком распространении орфизма в древней Италии.
- E. H. K a d e n—L'Exercice de la propriété à la fin de l'époque classique du droit romain, pp. 136—154. Статья посвящена определению понятия частной собственности в римском праве и делает попытку характеристики его социально-исторической значимости.
- J. M a r o u s e a u—Traduire, pp. 155—169. Статья ставит ряд проблем техники перевода древних авторов на новые языки и указывает несколько правил соблюдения синтаксической и стилистической точности перевода.

«AEGYPTUS». Fasc. 1—2, 1937

- H. C o m f o r t—Emphyteusis among the Papyri, pp. 3—24. Статья анализирует папирологические тексты, связанные с практикой наследственной аренды имущества.
- G. V a g g i—Siria e Siri nei documenti dell' Egitto greco-romano, pp. 29—51. Статья содержит сводку географических названий, предметов торговли, объектов культа и собственных имен сирийского происхождения, встречающихся в греческих папирусах Египта.
- G. B o s o n—Indicazioni geografiche in alcune tavolette sumere inedite, del 2300 av. Cr., pp. 52—60. В статье дается публикация, транскрипция и комментарий девяти клинописных табличек эпохи последней династии Ура (2300—2100 гг. до н. э.), содержащих древнейшую географическую номенклатуру Месопотамии.
- F. M. H e i c h e l h e i m—Zu Pap. Michigan III, 173, und «Hesperia» V (1136), 419 ff. № 15, pp. 61—64. Статья касается вопроса относительной стоимости серебра и меди

в Египте конца III в. до н. э., а также некоторых хронологических вопросов из области сношений птолемеевского Египта с Афинами.

- G. F u r l a n i—L'apologia di Hattušilis III di Hatti, pp. 65—97. Статья содержит подробный разбор апологетико-биографических текстов хеттского царя Хаттушила III (первая половина XIII в. до н. э.).

«REVUE D'ASSYRIOLOGIE ET D'ARCHEOLOGIE ORIENTALE». XXXIV vol.

№ 1, 1937

- E. R. L a s h e m a n—An omentext from Nuzi, pp. 1—8. Публикация транскрипции и перевод древневавилонского магического текста, содержащего упоминания ряда городов и областей Месопотамии, с предзнаменованием землетрясений.
- F. T h u r e a u—D a n g i n—Notes sur la mathématique babylonienne, pp. 9—28. Исследование, посвященное разбору нескольких технических упражнений, содержащих алгебраические действия (извлечение корня, кв. уравнения и т. п.).
- M. D u c h e s n e—G u i l l e m i n—La harpe en Asie Occidentale ancienne, pp. 29—41. Исследование, посвященное типологии, хронологии и географическому распространению арфы в Западной Азии (с иллюстрациями).

№ 2, 1937

- R. J e s t i n—Texte religieux hittite (KUB, X, № 21), pp. 45—54. Транскрипция и перевод на французский язык, с кратким комментарием, одного из текстов Богазкеоя, содержащего весьма подробное описание ритуала некоей религиозной церемонии, с участием царя и его приближенных.
- T. J. M e e k—Notes on the Early texts from Nuzi, pp. 59—66. Заметки касаются этимологии древнеаккадских собственных имен, предлогов, а также некоторых географических названий.
- S. L a n g d o n—Tablets from Kish and Umma, pp. 67—79. Публикация, транскрипция и перевод нескольких клинописных текстов хозяйственного содержания.
- F. T h u r e a u—D a n g i n—La mesure de «qa», pp. 80—86. Исследование, посвященное выяснению количественного значения древневавилонской объемной меры.

«THE CLASSICAL REVIEW». Vol. LI, № 1, February 1937

- R. E. W u c h e r l e y—Πῆρῆ and Κρήνη, pp. 2—3. Статья, посвященная дискриминации этих двух понятий.
- J. T a t e—More Greek for «Atheism», pp. 3—7. В дополнение к статье, помещенной в 3-й книге L тома, автор рассматривает значение слова ἄθεος применительно к понятию «бог» в языке V—IV вв. до н. э.
- J. P. V. D. B a l s d o n—Q. Mucius Scaevola the Pontifex and ornatio provinciae, pp. 8—10. Статья рассматривает значение выражения ornare provincias, базируясь на данных о проконсульстве К. М. Сцеволы в Азии.

№ 3, July 1937

- H. O. M e r e d i t h—The End of the Phoenissae, pp. 97—103. Статья подвергает критическому разбору заключительную часть «Финикиянок» Еврипида, выступает в защиту аутентичности текста, против гиперкритики.
- J. E. P o w e l l—Funs in Herodotus, pp. 103—105. Статья посвящена разбору нарочитых двусмысленностей и каламбуров у Геродота.

«BULLETIN OF THE AMERICAN SCHOOLS OF ORIENTAL RESEARCH»

№ 65, February 1937

E. A. Speiser—Progress of the Joint Assyrian Expedition, pp. 2—8.

Сообщение о ходе раскопок на Тепе Гавра в 1935—1936 гг., сопровождающееся публикацией некоторых керамических находок.

- N. G. G. G. G.—Explorations in Eastern Palestine, pp. 8—29. Подробный отчет об археологических работах в различных пунктах Восточной Палестины в 1934—1936 гг., с публикацией скульптуры Гадада и архитектурных остатков в Кирбет-эт-Таннур. С. H. G. o r d o n—A marriage of the Gods in Canaanite Mythology, pp. 29—33. Статья содержит транскрипцию, перевод и комментарий одного из древнеханаанских текстов, найденных в Рас-Шамре—фрагмент эпоса, повествующего о hieros gamos божеств Nikkal и луны (Jerach).

№ 66, April 1937

- E. A. S p e i s e r—The Report on the Joint Assyrian Expedition, pp. 2—19. Отчет о раскопках на Тепе Гавра в 1936—1937 гг., с публикацией архитектурных и керамических находок в нижних слоях городища.
- C. S. M c S o w n—Epigraphic gleanings in Transjordan, pp. 19—21. Публикация трех весьма фрагментированных греческих надписей позднеэллинистического и римского времени.
- G. E. W r i g h t—Palestine in the Chalcolithic Age, pp. 21—25. Краткая хронологическая классификация древнебронзовых культур Палестины, в сопровождении хронологико-типологической таблицы.
- C. H. G o r d o n—The Story of Jacob and Laban in the Light of the Nuzi tablets, pp. 25—27. Разбор библейского сказания о Иакове и Лаване (Быт., 31) в свете клинописного контракта (Нузи) об усыновлении.
- N. G l u e s k—An aerial Reconnaissance in Southern Transjordan, pp. 27—28. Сообщение о воздушной археологической разведке в Палестине.

№ 67, October 1937

- E. A. S p e i s e r—Excavations in Northeastern Babylonia, pp. 2—6. Отчет о раскопках на Тепе Гавра в 1937 г., с публикацией архитектурных, скульптурных и керамических находок.
- N. G l u e s k—The Nabataean temple of Khibet et Tannur, pp. 6—16. Отчет о раскопках в Кирбет-эт-Таннур в 1937 г. с публикацией находок, сделанных в набатейском храме (скульптура, керамика, алтарь с фрагментом греческой надписи и т. д.).
- E. G. K r a e l i n g—A unique Babylonian Relief, pp. 16—18. Публикация терракотового рельефа начала II тысячелетия до н. э. с изображением Лилит в виде крылатого божества на двух львах, с совами по сторонам.
- N. G l u e s k—An aerial Reconnaissance in Southern Transjordan, pp. 19—26. Продолжение помещенного в предшествующем номере отчета о воздушной археологической разведке в области к востоку от Мертвого моря.
- W. F. A l b r i g h—Western Asia in the twentieth Century B. C. The Archives of Mari. Сообщение о находке и краткая характеристика клинописных текстов из архивов древнего Мари.
- C. H. G o r d o n—Lachish Letter IV, pp. 30—32. Перевод и комментарий найденного при раскопках 1935 г. текста (письма на черепке), касающегося политического положения Иудеи в последние дни эпохи первого храма.

«ANTIQUITY».

March 1937

- C₂ G. Seligman—The Roman Orient and the Far East, pp. 5—30. Статья посвящена истории торговли и культурных связей между римским Востоком и Китаем, на основании археологических данных (с иллюстрациями и картой).
- H. Mattingly and J. W. E. Pearse—The Coleraine Hoard, pp. 39—45. Статья представляет собой публикацию большого клада (римских серебряных монет, сосудов, орнаментированных пластинок и слитков), найденного в середине XIX в. в Ирландии близ Coleraine (датируется circa 420 г.).
- F. O. Waagé—Vasa Samia, pp. 46—55. Исследование происхождения термина, применяющегося для обозначения определенной группы эллинистическо-римской краснолаковой керамики.
- G₃ Clark—Scandinavian Rock-engravings, pp. 56—69. Статья, посвященная выяснению происхождения скандинавских наскальных изображений, близких наскальным изображениям Карелии. С картой и иллюстрациями.
- C₃ H. Gordon—The Mother-Goddess of Gandhara, pp. 70—78. Статья обсуждает археологические памятники культа древнеиндийского женского божества, сближаемого автором с малоазийской Кибелой.
- A₃ Vayson de Pradenne—The use of Wood in Megalithic Structures, pp. 87—92. На основании археологических и этнографических соображений автор устанавливает применение дерева в мегалитических сооружениях Европы.

June 1937

- E. C. Curwen—Querns, pp. 133—151. История и типология римско-британских ручных мельниц, по археологическим и этнографическим данным (с иллюстрациями).
- A. Schaff—Egyptian Portrait-Sculpture, pp. 174—182. Краткий очерки египетской портретной скульптуры, с древнейших времен до эллинизма (с иллюстрациями).
- G₃ Daple—The «Dolmens» of Southern Britain, pp. 183—200. Обзор мегалитических могильников Юго-западной Англии (с картами и чертежами).

September 1937

- S. H. Noye—The Early History of Writing, pp. 261—278. Краткий обзор пиктографического письма с точки зрения развития тенденции к алфавиту.
- B. Filov—The Bee-hive tombs of Mezger, pp. 300—304. Сообщение о произведенных в недавние годы раскопках двух больших купольных гробниц в Болгарии (близ греческой границы), датирующихся IV в. до н. э. и имеющих черты сходства как с микенскими купольными гробницами, так и с погребальными камерами типа царского кургана в Керчи.
- M. E. L. Mallochan—The syrian City of Til-Barsib, pp. 328—339. Обзор раскопок и публикация некоторых памятников Тель Амара (по монографии Thureau-Dangin—Til-Barsib).

December 1937

- G. Horsfield—Umm el Jemal, pp. 456—460. Описание и публикация развалин южносирийского торгового и укрепленного города, существовавшего от первых столетий до нашей эры до VII—VIII вв. н. э.

- A. M. S c h n e i d e r—The city walls of Istanbul, pp. 461—468. Краткая история и описание развалин оборонительной стены древнего Константинополя (с иллюстрациями).

«REVUE DES ETUDES ANCIENNES». Tome XXXIX, № 4, O. D. 1937

- O. M a z a u b e r t—Les Dieux Marins dans le livre VI de l'«Anthologie palatine», pp. 313—324. О культе морских божеств и о божествах, призывавшихся в известных случаях моряками,—исследование в виде комментария к некоторым эпиграммам антологии.
- G. M a t h e r a t—La deuxième campagne de César contre des Bellovaques, pp. 347—362. Детальное топографическое исследование похода 51 г. (с картой).

«THE ANTIQUARIES JOURNAL». Vol. XVII,

№ 1. January 1937

- L. W o o l e y—Excavations near Antioch, pp. 1—15. Сообщение о раскопках 1936 г. и публикация материала из Тель-Шейх-Юсуф близ Антиохии в Северной Сирии (с чертежами и иллюстрациями).
- A. W. F. L o w t h e r—Report on Excavations at Verulamium in 1934, pp. 28—55. Подробный отчет и публикация материала римско-кельтского городища первых веков нашей эры (с чертежами и иллюстрациями).

№ 2, April 1937

- A. O s w a l d—A Roman fortified villa at Norton Disney, Lincs, p. 138—178. Подробный отчет о раскопках (1933 г.) и публикация материала позднеимперского укрепления близ Линкольна.

№ 3, July 1937

- R. E. M. W h e e l e r—The Excavations of Maiden Castle, Dorset. Tjird interim Report, pp. 261—282. Отчет о раскопках поселения, существовавшего с конца II тысячелетия до н. э. до позднеимперского времени (с чертежами и иллюстрациями).

October 1937

- P h. C o r d e r—A Pair of Fourth-century Roman-British Pottery kilns near Crambeck, pp. 392—413. Публикация и исследование о керамических печах и керамическом производстве римского времени в районе Крэмбека (с иллюстрациями и картой).

«REVUE DE COURS ET CONFÉRENCES»

- A. G r e n i e r—Les siècles heureux et la déchéance de la Gaule romaine, в № 1, 3, 5. Краткий очерк истории римской Галлии.
- R. L a s h i e z e-R e y—Les idées morales, sociales et politiques de Platon, в № 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16. Очерк социальной философии Платона.
- J. C o u s i n—Nature et mission du poète dans la poésie latine, в № 8, 10, 12. О поэзии Лукреция, Катуллы и Цицерона.

Л. Ельницкий

Трипольские модели жилища

(В связи с новыми археологическими открытиями)

Новые материалы по жилищам Трипольской культуры, открытые советскими археологами за последние годы, могут быть использованы для расшифровки одной серии любопытнейших находок, сделанных на трипольских поселениях¹. Я имею в виду древние глиняные модели, известные из раскопок в Попудне и в Сушкове², и новую находку во Владимировке.

Первым моделям посвящены исследования ряда ученых. Однако их разнообразные толкования тематики трипольских моделей, толкования, проводившиеся оторванно от конкретной исторической обстановки, вскрываемой раскопками, неминуемо были обречены оставаться в плане гадательных, часто совершенно фантастических, заключений. А между тем, при нашем анализе этих моделей параллельно с материалами, полученными в процессе раскопок трипольского жилища, выступает ряд черт, которые, с одной стороны, дополняют характеристику жилой постройки, а с другой—помогают правильно осмыслить самые модели.

Трипольских моделей известно пока лишь несколько экземпляров. Первая найдена М. Гимнером в 1912 г. в Попудне при раскопках «площадки» (жилища) № 8 и названа им «enclos» (ограда, огороженное место)³. Эта модель представляет собой, по описанию автора находки, округлую в плане, огороженную невысокими стенками платформу-помост на 6 столбах. Размеры модели: высота—0,20—0,21 м; ширина—0,425 м×0,36 м. Вход в ограду—через небольшую террасу (неширокий выступ) с округленными краями. Две небольшие стенки загораживают террасу по бокам. Ограда, обходящая платформу, прерывается и при входе заметен невысокий порог (рис. 1).

Направо от входа расположена, по мнению Гимнера, хижина-шалаш (sabane), поднятая как бы на цоколе. Над входом предполагаемой хижины имеются 2 бугорка, на которые, как думает Гимнер, прикреплялись кожи, закрывавшие на ночь вход

¹ Т. С. Пассек—Новые исследования в области Трипольской культуры, «Советская археология», Л., 1937, Академия наук СССР, вып. III, стр. 223; ее же—Исследования Трипольской культуры в УССР за 20 лет, «Вестник древней истории», М., 1938, № 1 (2), стр. 261.

² Отчеты о раскопках М. Гимнера в Попудне, Уманского района, Киевской области, напечатаны в «Swiatowit», Warszawa, 1933, vol. XIV; о раскопках В. Козловской в Сушковке, Уманского района, Киевской области в сб. «Трипільська культура на Україні», Київ, 1926, т. I, стр. 43. Модель из Попудни хранится в Варшаве, модель из Сушковки—в Киеве.

³ M. H i m n e r—Etude sur la civilisation prémycénienne dans le bassin de la mer Noire, d'après des fouilles personnelles, «Swiatowit», Warszawa, 1933, vol. XIV, p. 151, pl. XVI, XVII, XVIII.

в жилище. Около хижины с двух сторон заметны две скамьи, на одной из которых, ближе к входу, сидит женский идол с руками, сложенными на груди¹.

Напротив хижины, у другой стенки, изображена фигурка женщины, растирающая зерно на зернотерке, стоящей на небольшом возвышении, а не просто на полу. Около зернотерки углубление, куда сыпается зерно. Чуть дальше по той же стороне расположены три больших сосуда для хранения зерна, «грушевидные» по форме. Посе-

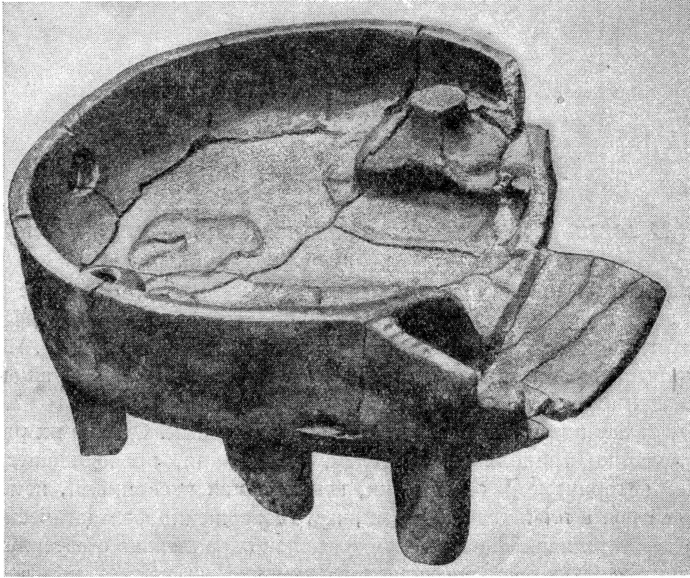

Рис. 1. Модель из Попудни (по Гимнеру)

редине ограды (sur l'axe de l'enclos), несколько в глубине, находится возвышение в форме греческого креста (рис. 2). По краям его нанесен орнамент в виде тонких углубленных полосок, перпендикулярно расположенных одна к другой. М. Гимнер считает это местом очага. На возвышении, в задней стене ограды,—округлое окно, которое также орнаментировано; с внутренней стороны, пишет Гимнер, «ce sont des sortes de dents de scie»²; с наружной оно обрамлено такими же зубцами, но еще опоясанными полосой. Стены ограды с внутренней стороны орнаментированы своеобразным орнаментом, очень напоминающим, пишет Гимнер, плетение из ветвей ивы. По верху края стен ограды также имеются полоски орнамента; роспись нанесена черной краской.

Ограда сделана из красноватой глины хорошего качества и целиком покрыта красной облицовкой. Все части этой модели изготовлены были отдельно и затем уже прилеплены к основанию, после чего покрашены, расписаны и позднее—обожжены. М. Гим-

¹ Эр. Маевский видит в этом идолу изображение мужчины. М. Гимнер оспаривает это положение, считая, что у мужских фигур обычно изображается один глаз, а здесь их два. См. Er. M a j e w s k i—Najstarsza zagroda na palach z końca neolitu w plastycznej miniaturowej reprodukcji przedhistorycznej. Extraits des comptes rendus de la société des Sciences de Varsovie, 1913 (Resu mé français); Er. M a j e w s k i—Habitation humaine (l'enclos) sur pilotis de la fin du néolithique, en une reproduction préhistorique. RA, Paris, 1913.

² М. Н i m n e r, op. cit., p. 152. Повидимому, окно окружено сплошь закрашенными треугольниками.

нер отмечает, что четыре столба, расположенные по краю, симметричны и соответствуют реально существовавшей опоре—сваям¹.

Таким образом, по Гимнеру, модель из Попудни является копией «ограды на сваях», внутри которой направо помещалась «хижина», прямо в глубине крестообразное возвышение—«место очага». Такая ограда, по его мнению, никогда не имела крыши, а поскольку место обитания без крыши невозможно в климатических условиях Украины, он приходит к выводу, что такого типа «ограда на сваях» должна существовать в странах Востока; например в Месопотамии, откуда и была эта модель занесена на Украину².

Ряд зарубежных археологов—Е. Маевский, Л. Козловский, в последние годы Нелена Сенак³, считают вслед за Гимнером модель из Попудни—постройкой на сваях, а Л. Козловский еще добавляет, что во время его раскопок памятников с расписной керамикой им были обнаружены в материке столбы, служившие опорой жилища⁴.

Все изложенные выше мнения основаны на чисто формальном подходе к толкованию трипольских моделей. Отрыв от конкретных данных, добытых раскопками трипольских жилищ, привел зарубежных археологов к неверным представлениям о моделях, как об изображении «ограды на сваях» с «хижиной» внутри и «местом очага». На самом деле перед нами изображение трипольского дома, с печью внутри и жертвенником.

Новые раскопки показали нам с достаточной очевидностью, что прямоугольные в плане и значительные по площади трипольские жилища (так наз. «площадки») сооружались непосредственно на земле, а не на сваях, и имели две части⁵. Одна—отделенное перегородкой входное помещение («сени») и другая—жилое помещение, состоящее обычно из отдельных камер. На месте входа имеется невысокий порог, за которым направо на возвышении («под») — печь, а за печью—скамья, «лежанка». Печь,

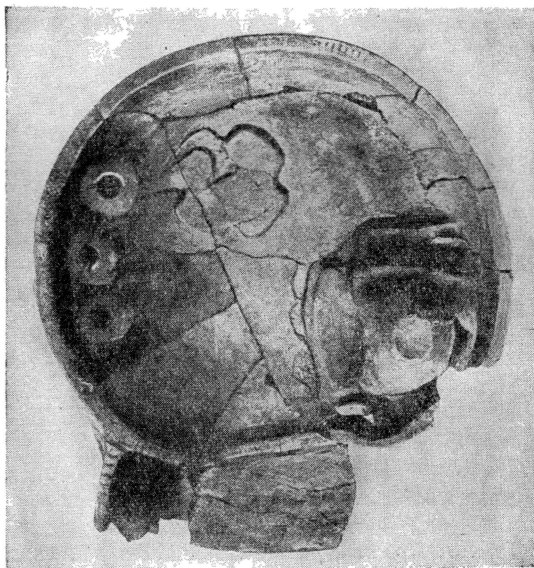

Рис. 2. Модель из Попудни. Вид сверху (по Гимнеру)

¹ Такие же столбы известны и у модели, найденной М. Гимнером в «площадке» № 20. М. Н и м н е р, *op. cit.*, p. 45 и 153; pl. XVI, 1.

² М. Н и м н е р, *op. cit.*, p. 154.

³ Е. М а j e w s k i, *op. cit.*; Л. К о з л о w s k i—Młodsza epoka kamienna w Polsce. Lwow, 1924; е г о ж е—Budowle kultury ceramiki malowanej. Lwow, 1930; Н. С е н а к. Plastyka eneolitycznej kultury. «Swiatowit», Warszawa, 1933, vol. XVI, p. 164.

⁴ Л. К о з л о w s k i (ук. соч.), считавший «площадки» остатками «хижин», сожженных по обряду одновременно с сожжением мертвого, объясняет крестообразное возвышение на модели из Попудни, как место для сжигания трупов. Исходя из этого мнения, Н. С е н а к (ук. соч.) устанавливает, что находимые в «площадках» модели, как и глиняные статуэтки, сжигались, согласно обряду, вместе с мертвым.

⁵ Материалы Трипольской экспедиции подготовляются к изданию в «Трудах Института археологии Академии наук УССР» в Киеве.

как показали раскопки, прямоугольная в основании, строилась на деревянном каркасе (свод), обмазанном глиной. Такой деревянный каркас свода состоял (как это показывают большие куски глиняной обмазки с отпечатками дерева, находимые в раскопках) из широких (до 0,20 м ширины) деревянных плах, возможно стянутых поверх лозой. Прутяной каркас из лозы составляет верхнюю часть печи. Часто наблюдаются в глине с наружной стороны свода места выхода деревянного каркаса, как это отмечено на модели (печь) из Попудни. Печь обычно в трипольском жилище сооружалась на специальном

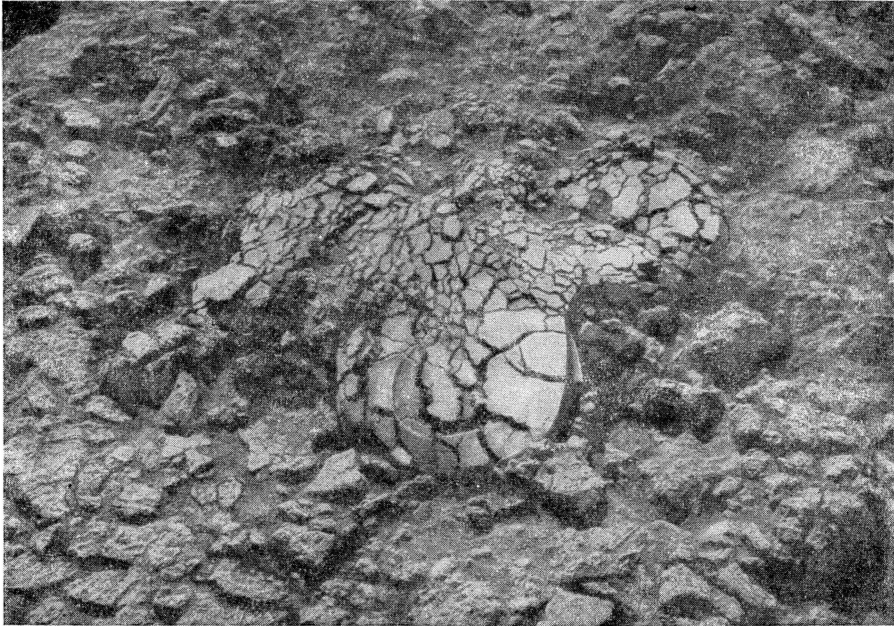

Рис. 3. Крестообразное возвышение в жилище на поселении у с. Владимировка (раскопки Трипольской экспедиции 1936 г.)

«поде» из толстых, прекрасно обожженных плиток, лежащих чаще всего на «вальковой» основе (слабо обожженные «вальки» из глины с примесью половы). Таким образом, печь несколько возвышалась над общим уровнем пола жилища. С одной стороны печи имеется сделанная из глины скамья или лежанка, непосредственно прилегающая к стенке печи и как бы составляющая с ней одно целое.

Таким образом, форма и конструктивные особенности, установленные в раскопках, целиком совпадают с характеристикой печи, а не «шалаша» на модели из Попудни.

Кроме того, при раскопках трипольского жилища постоянно повторяется факт скопления наибольшего числа сосудов и зерноотерок около стены напротив печи¹.

Все эти черты установлены новыми раскопками и целиком повторяют то, что изображено на модели из Попудни. Следовательно, модель эта есть реальное изображение трипольского дома.

Остается сказать лишь о крестообразном возвышении, имеющемся на модели из Попудни (а также из Сушковки, о чем см. дальше). В жилищах, раскопанных на Коло-

¹ См. издаваемые материалы Трипольской экспедиции, например отчеты о раскопках жилищ № 2, 4, 8, 10, 11 и др. Около печей обычно обнаруживается специальная посуда для варки пищи.

мийщине, таких возвышений пока открыто не было. Но зато мы имеет теперь точно такие, как на моделях крестообразные возвышения на другом поселении во Владимировке¹. Здесь в одном из жилищ (№ 1) открыто в 1936 г. даже два таких возвышения. Назначение их вполне определенное—это жертвенники, жертвенные места, а отнюдь не очаги, как думали Гимнер и др.

Остатки жилища № 1 во Владимировке были обнаружены на глубине от 0,20 м. до 0,80 м. Это прямоугольное в плане жилище (длина 14,5 м, ширина 4 м), ориентированное входным концом на юго-запад, т. е. к центру поселения. В жилище прекрасно сохранился глиняный пол, основа перегородки, отделяющей входную часть от основного помещения; направо открыта большая печь прямоугольной формы (2,60 м × 2,25 м). Хорошо сохранились толстый «под», основание стенок печи и части рухнувшего свода. На обоих Гонцах жилища (одно во входной части, другое—у задней стенки в основной, жилой

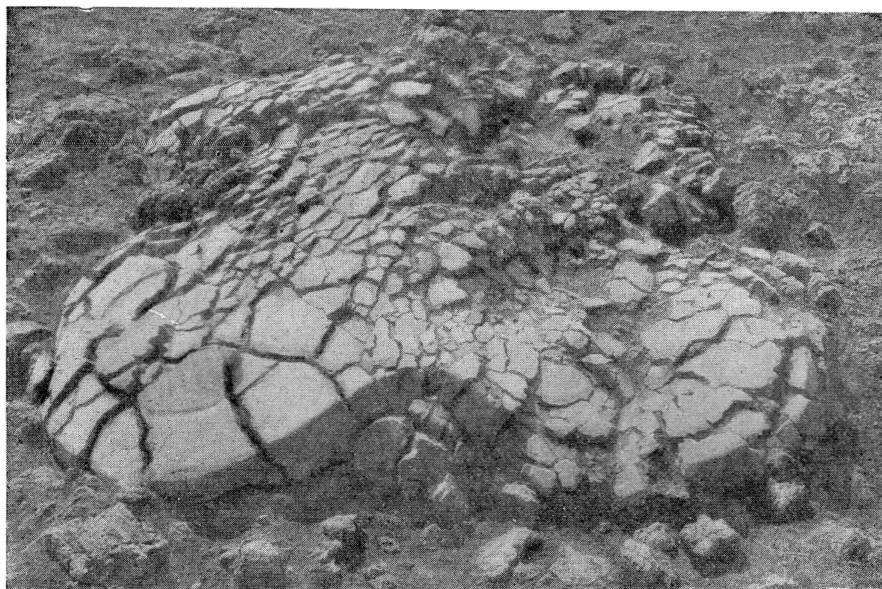

Рис. 4. Крестообразное возвышение в жилище на поселении у с. Владимировка (раскопки Трипольской экспедиции 1936 г.)

части) обнаружены возвышения, имеющие в поперечнике по 1,5 м. Они очень хорошо выделаны из плотной глины, без всякой примеси половы и прекрасно обожжены. Каждое возвышение залегало выше пола и имело выступы (полукруглой формы, диаметром 0,5 м), которые ориентированы по странам света и не соответствуют направлению стен жилища. На каждом из выступов имеется в середине круглое незначительное углубление (диаметром около 0,30 м), а между этим углублением и краем каждого выступа идут тоже вполне правильно углубленные концентрические круги. Поверхность хорошо выглажена и края прекрасно закончены (рис. 3 и 4).

Возвышения эти, таким образом, имеют в плане форму равноконечного креста с округленными концами. В возвышении, расположенном в задней части жилища, непосредственно под верхним слоем обмазки (толщиной 0,07 м—0,08 м), обнаружен второй слой, плитки которого образуют в плане ту же крестообразную форму, как

¹ Раскопки Трипольской экспедиции 1936 г. Материалы хранятся в Уманском музее.

и в первом, но этот второй слой был поврежден уже в древности. Под вторым слоем обнаружен круг, диаметром около 0,70 м (толщина 0,04—0,05 м). Круг этот хорошо обожжен и тоже имел повреждение в древности и затем был исправлен. Ниже шла тонкая прослойка из обожженной глины и пол.

Следовательно, возвышение жертвенника первоначально было сделано круглым в плане, а в дальнейшем переделано на крестообразное. Этих крестообразных возвышений во владимирском жилище, как сказано, два, тогда как на модели изображено одно. В отличие от модели, во владимирском жилище один жертвенник имеется в сенях. Форма же их обоих, орнаментировка, расположение одного из них в основном жилом помещении, наряду с открытой (направо от входа) печью, не оставляет сомне-

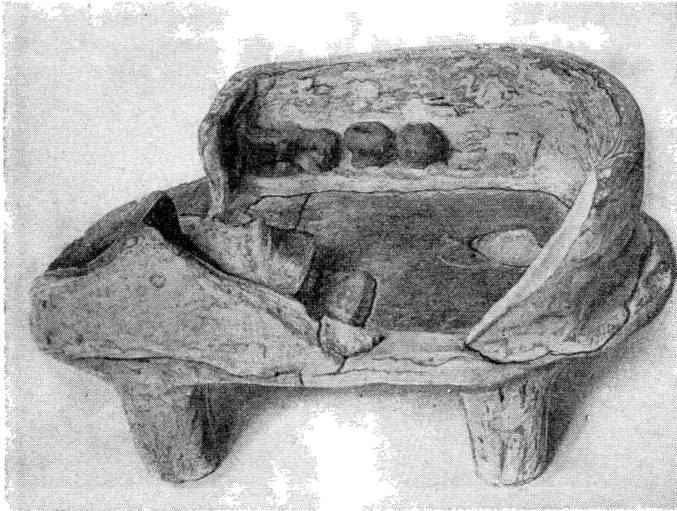

Рис. 5. Модель (1) из Сушковки (по Козловской)

ния в том, что они представляют остатки особого места, связанного с культово-обрядовыми действиями в доме,—родового жертвенного места.

Однако не следует забывать, что перед нами не архитектурная модель современного назначения, а модели назначения особого, специального. Прежде всего, совершенно ясно, что при изготовлении их имелась в виду необходимость легкого обзора деталей внутри, поэтому модели не имеют кровли, которая бесспорно имелась в реальном трипольском доме.

Раскопками сейчас установлена конструкция стен (плетеный каркас, обмазанный глиной), пола, печей в трипольском жилище, а в 1938 г. были сделаны наблюдения в раскопках и о перекрытии такой постройки, которое, как и на глиняных моделях жилищ, известных из Моравии¹, Болгарии², Польши³, оказалось двускатным. На болгарских—наружные стены такой модели покрыты епиральной орнаментацией. Кроме того, модели снабжены ножками, как и многие сосуды «Триполья». Этим ножкам, разумеется, нет и не могло быть никаких эквивалентов (например «сваи») в реальных жилищах.

¹ О. Г. К о т о в а — Памятники доисторической культуры в Моравии. Л., 1926, «Известия ГАИМК», т. V, стр. 319.

² В. А. Г о р о д ц о в—Нижнедунайская культура в Болгарии. М., 1923, «Новый Восток», № 4, стр. 303.

³ Н. С е h а к, op. cit., t. XIII, fig. 1 и 2.

Встреченная на моделях покраска или роспись говорит за то, что стены трипольского жилища расписывались. Это наблюдение может быть сейчас также подтверждено тем фактом, что в ряде жилищ на поселении Коломыйщина наружные части стен печи покрывались краской¹, а в жилище № 1 во Владимировке мы имеем части свода, покрытые углубленным орнаментом и одновременно расписанные красной и белой краской.

Другой экземпляр модели жилища был найден в 1916 г. при раскопках В. Козловской в Сушковке². В. Козловская, опубликовавшая эту модель, хотя и не признавала вслед за Хвойко трипольские «площадки» жилищами, тем не менее достаточно правильно проанализировала найденную ею модель в «площадке» № 1.

В. Козловская пишет, что на открытой ею «площадке», так же, как и на других в Сушковке, «ніяких слідів пічок не констатовано», что заставляет В. Козловскую считать этот памятник нежилей постройкой³.

Модель, найденная в Сушковке, чрезвычайно близка к рассмотренной выше модели из Попудни (рис. 5). Со всех сторон прямоугольная, на четырех ножках, платформа с округленными углами ограждена

стенками, кроме передней, являющейся «сенями». «Сени» отделены от внутреннего помещения невысокой стенкой со входом и порогом. Против входа, в задней стене, округлое отверстие. Под ним сохранились следы от крестообразного возвышения, как на модели из Попудни. В. Козловская правильно (в отличие от М. Гимнера) считает его жертвенным местом. Направо от входа располагается печь с лежанкой. Напротив печи, налево от входа, небольшое возвышение, на котором

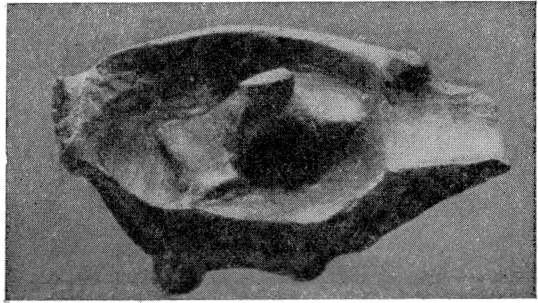

Рис. 6. Модель (2) из Сушковки (по Козловской)

размещено четыре больших, грушевидной формы, сосуда (на модели сохранились лишь два из них). Тут же в левом углу изображение женской фигуры, склоненной над зернотеркой. Размеры модели: длина—0,65 м, ширина—0,20 м, наибольшая высота—0,15 м. Модель изготовлена из розоватой плотной массы, сохранившей на поверхности следы покраски красной краской.

В Сушковке же была найдена на «площадке» № 2 еще часть модели жилища, несколько иного по форме⁴. Эта модель представляет собой как бы небольшую чашечку на четырех ножках, один край которой выступает и образует выступ—«сени». В основном повторен план модели, описанной выше (рис. 6). Направо от входа печь с лежанкой сбоку. То, что в этой модели нет жертвенника, показывает, как правильно отмечает В. Козловская, что он делается не во всех жилищах.

¹ Раскопки на поселении в урочище Коломыйщина, жилища № 6, 11 и др. Материалы Трипольской экспедиции.

² В. Козловская—Точки Трипольської культури біля с. Сушківки на Гуманщині. Сб. «Трипольська культура на Україні», Київ, 1926, т. I, стр. 43 сл.

³ В. Козловська, ук. соч., стр. 51. По интерпретации В. Козловской модель изображает наземное жилище, а ножки служат только лишь подставками такой модели.

⁴ В. Козловская считает эту вторую модель изображением землянки. Размеры ее 0,102 м × 0,45 м; сохранился фрагмент лишь правой части этой модели. В 1928 г. в районе Звенигорода у с. Чичирковка обнаружен фрагмент модели, но без внутренних деталей жилища со следами росписи (см. упоминание в «Хроніке археології та містечтва», Київ, 1931, ч. 3, стр. 83).

В Уманском музее хранятся фрагменты от трех экземпляров моделей трипольских жилищ, еще до сих пор не изданных.

Ниже мы публикуем впервые новую находку трипольской модели из Владимировки. Осенью 1936 г. Трипольской экспедицией была произведена предварительная археологическая рекогносцировка близ с. Владимировка, Подвысоцкого района, Киевской области¹. Поселение это расположено на плато правого берега р. Синюхи

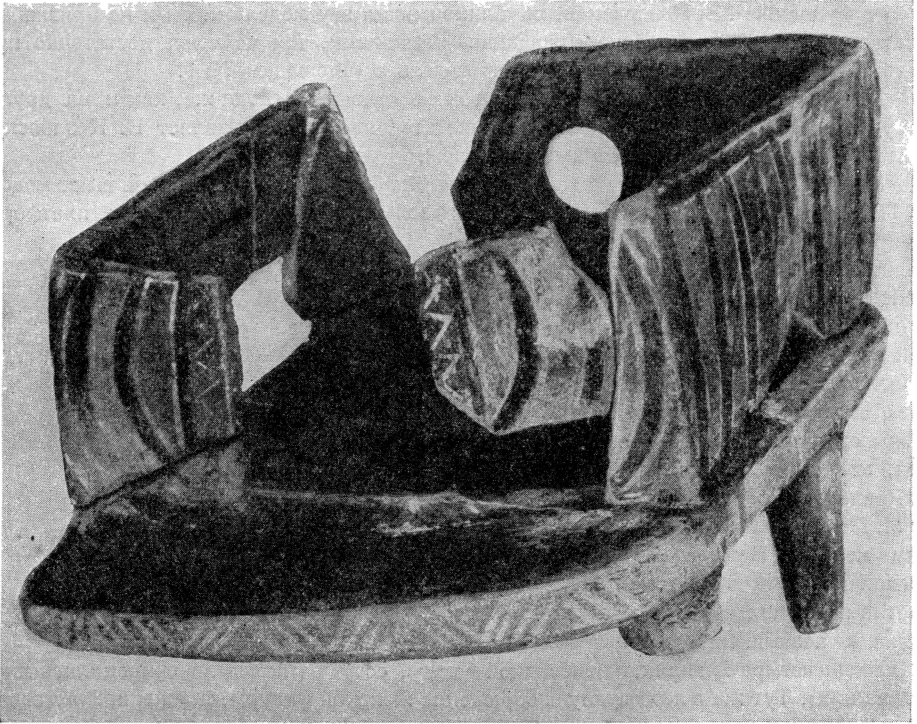

Рис. 7. Модель из Владимировки. Общий вид (материал Трипольской экспедиции 1936 г.)

(приток Южного Буга), у самой реки. Оно очень большое и занимает пространство не меньше, чем 60 га². На склонах плато после вспашки поля наблюдается свыше 45 частично разрушенных плугом «площадок», причем эти постройки размещаются по двум рядам, образуя концентрические дуги. Это дает основание полагать, что постройки

¹ Поселение у с. Владимировка находится в 45 км на юго-восток от Умани. Раскопки были произведены Уманским музеем в 1927 и 1928 гг.; позднее, в 1936 г., производились раскопки Трипольской экспедицией. Материалы из раскопок находятся в Уманском музее и в Историческом музее в Киеве.

² Поселение у Владимировки по известному в настоящее время комплексу находок (полихромная керамика) относится мною к одному из ранних этапов развития «Триполья». Однако не к самому раннему, так как имеются поселения более древние с полихромной керамикой на Днестре у Кудринцев, Кадиевцев и в Крутобородинах. Что же касается поселения, исследуемого Трипольской экспедицией в урочище Коломийщина, то оно позднее, чем Владимировка. См. T. P a s s e k—La céramique tripolienne, Л., 1935, «Известия ГАИМК», вып. 122, табл. VIII, рис. 1—3, 7; табл. XI, рис. 1, 2.

располагались в несколько concentрических кругов. Указанные 45 «площадок» — это лишь незначительная часть поселения.

Модель была случайно обнаружена при осмотре на поселении разрушенных вспахиванием «площадок» (№ 17), на глубине 0,35 м в черноземном слое почвы¹. Все фрагменты модели были покрыты толстым слоем известкового налета, сквозь который было едва заметно, что модель покрыта росписью. Места разлома также покрыты известковым налетом, следовательно модель была разбита уже в древности. Модель вылеплена из розовато-палевой массы. Глина с примесью мелкозернистого песка. Обжиг окислительный. Размеры модели: длина 0,285 м, ширина максимальная—0,219 м, вы-

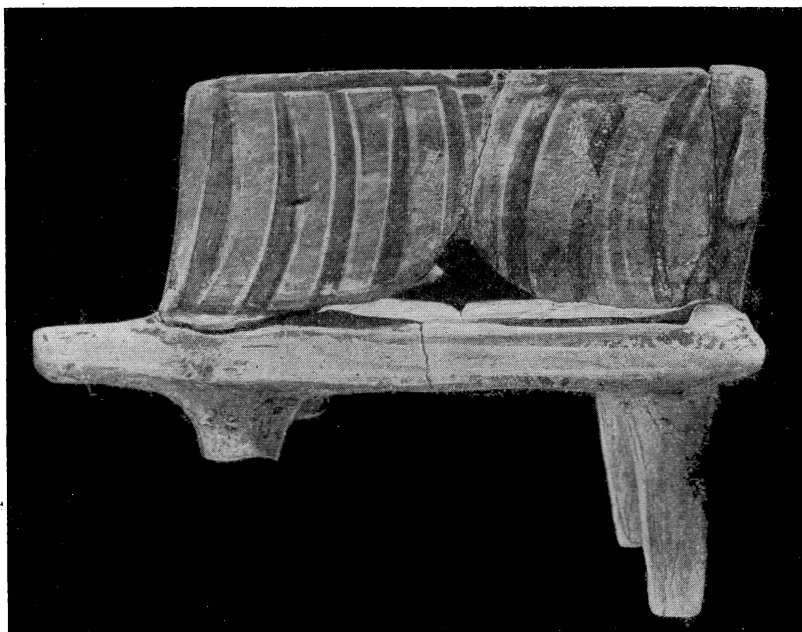

Рис. 8. Модель из Владимировки. Правая стенка

сота—0,203 м, высота ножек—0,092 м; высота стенок печи—0,09 м, толщина платформы на середине—0,02 м².

Модель из Владимировки представляет собой довольно массивную платформу на черных высоких ножках. Она состоит из передней части (выступ), не имеющей стенок, и из части центральной, со всех четырех сторон огражденной стенками. Платформа в плане прямоугольная с закругленными углами. Особенно заметное закругление наблюдается на передней, входной части ее, выступающей на середине стенок на 0,05 м. Сзади образуется небольшой (0,01 м) выступ. По продольным сторонам платформа

¹ Модель фрагментирована, но при реставрации ее удалось составить почти полностью. Отсутствуют небольшие куски в каждой из стенок, а от передних ножек сохранились лишь их основания.

² Дополнительные данные о размерах. Ширина платформы: 1) на середине ее—0,213 м, 2) в передней части—0,219 м; 3) сзади—0,216 м. Толщина стенок—0,01—0,012 м; диаметр ножек у основания от 0,035 м до 0,05 м; диаметр ножек внизу—0,02 м; ширина выступа передней платформы—0,053 м; ширина порога—0,01 м; высота порога—0,01 м; ширина входа—0,064 м; высота входа—0,064 м. Диаметр окна 0,033 м (по горизонтали) и 0,034 м (по вертикали).

не выдается наружу, а сливается со стенками. Сохранившиеся две задние ножки довольно высоки и постепенно утончаются книзу. Стенки соединены снаружи между собой, под углом, не образуя, как изнутри, закругленности. При соединении выступов стенок с полом не образуется также резкого перехода. В передней стенке посередине прорезан вход, а на задней—округлое отверстие—окно (рис. 7).

Детали во внутренней части дома—печь, жертвенник и т. п.—отсутствуют и они не были выполнены на данной модели.

Реставрация и очистка модели показали, что она расписана снаружи и внутри и только на ножках и нижней наружной поверхности платформы роспись отсутствует¹.

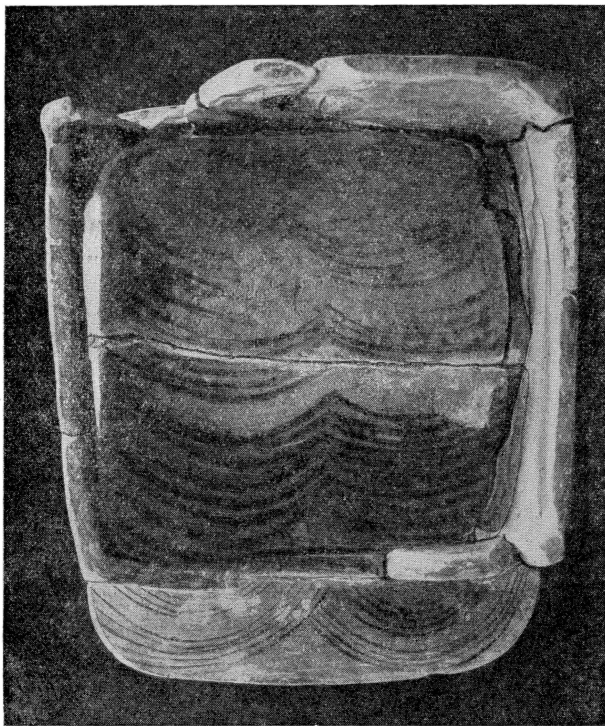

Рис. 9. Модель из Владимировки. Вид сверху

ная), состоящей из шести рядов двойных дуговидных лент, нанесенных более толстыми полосками (4—6). Своими концами дуги обращены к задней стенке (рис. 8 и 10).

Стены модели внутри орнаментированы по-разному. Так, продольные стенки орнаментированы лишь узкими поясами, из которых один проходит у основания стены, другой—у самого верха. Все остальное пространство остается неорнаментированным. Неширокие пространства пояса пересечены поперек сходящимися под углом прямыми отрезками лент, каждая из которых образована группой (4—6) полосок.

Орнаментальные пояса продольных стен переходят также с внутренней стороны и на короткие стены модели; но, кроме того, на передней стене такой же пояс обрамляет вертикально с двух сторон края входа, а на задней окаймляет округлое отверстие окна.

На всех частях модели, где нанесена роспись, поверхности покрыты неровным слоем коричневатокрасной красочной облицовки, по которой снаружи стенок орнамент нанесен черными полосами, окаймленными белыми, образующими вместе с красной облицовкой фона полихромную роспись.

С внутренней стороны стенки, а также пол, порог и передний выступ платформы орнаментированы черной монохромной росписью. Наружные срезы краев платформы и выступы—монохромной белой росписью.

На переднем выступе платформы роспись (черным) состоит из двойных дуговидных лент. Ленты эти образованы группой (4—5) тонких полосок. Концы дуг обращены к передней стенке (ко входу) платформы (рис. 9).

Весь пол внутри модели покрыт росписью (черная), состоящей из шести рядов двойных дуговидных лент, нанесенных более толстыми полосками (4—6). Своими концами дуги обращены к задней стенке (рис. 8 и 10).

Стены модели внутри орнаментированы по-разному. Так, продольные стенки орнаментированы лишь узкими поясами, из которых один проходит у основания стены, другой—у самого верха. Все остальное пространство остается неорнаментированным. Неширокие пространства пояса пересечены поперек сходящимися под углом прямыми отрезками лент, каждая из которых образована группой (4—6) полосок.

Орнаментальные пояса продольных стен переходят также с внутренней стороны и на короткие стены модели; но, кроме того, на передней стене такой же пояс обрамляет вертикально с двух сторон края входа, а на задней окаймляет округлое отверстие окна.

¹ Реставрация и очистка модели была выполнена в химико-технологической лаборатории Института археологии Академии наук УССР.

С наружной стороны модели все стены покрыты полихромной росписью. Вход вертикально с обеих сторон обрамлен рядом (4) небольших треугольников. Несколько отступя,—по обеим сторонам, параллельно краю входного отверстия,—неширокие полосы. Далее, оставляя значительные пространства красочного фона, с обеих сторон нанесены дугообразно (слева от зрителя—две, справа—три) изогнутые полосы (рис. 10)¹.

На продольных стенах роспись состоит из таких же дугообразно изогнутых полос, по десять с каждой стороны. Эти дуги так размещены, что пять из них выгнуты и концами обращены к передней стенке модели, а пять других—к задней.

Сверху и снизу эта полихромная роспись ограничена узкими черными полосами с белым окаймлением².

На задней стене модели (снаружи) у верха проходит узкий пояс, образованный двумя черными полосами, поле которого пересечено поперек сходящимися под углом отрезками прямых лент; они нанесены белой краской по красному фону облицовки. Ниже пояса—окно, окруженное не всегда правильной формы треугольниками и концентрическими дугами (5), концы которых упираются у верхнего края в пояс. Часть этой росписи переходит на задний выступ платформы (рис. 11).

По верху края стенок и на вертикальных разрезах входного отверстия орнамент состоит из слегка скошенных треугольников (черным)³. Точно такие же треугольники украшают поверхность порога, на наружной части которого нанесены сходящиеся под углом отрезки линий. Роспись, нанесенная белым и состоящая из таких же отрезков линий, сходящихся под углом, имеется и на краях платформы сбоку и спереди и на выступе.

Таким образом, все части этой замечательной находки, кроме ножек и обратной стороны платформы, сплошь покрыты монохромной и полихромной росписью.

Роспись эта в значительной степени отличает ее от уже известных и описанных мною выше других моделей, хотя покраска красным (Сушковка) и частичная орнаментировка (Попудня) отмечались исследователями и раньше.

Но самое существенное отличие владимировской модели от других—это отсутствие в ней сооружений и предметов внутри. Отсутствуют печь, возвышение, сосуды и т. п. Разумеется, эта особенность не случайна.

Поскольку нам удалось, путем сопоставления моделей жилищ с новыми данными из раскопок, установить, что эти модели передают подлинные трипольские жилища, постольку было бы методологически неверно рассматривать новую модель из Владимировки с иной точки зрения. Поэтому не следует ли считать модель из Владимировки

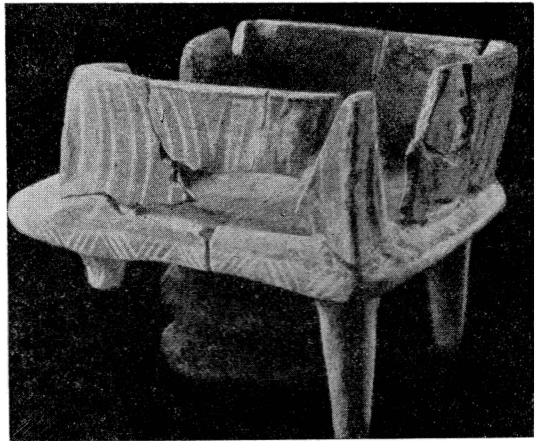

Рис. 10. Модель из Владимировки. Левая стенка

¹ Часть третьей дуги с левой стороны переходит на левую продольную стену модели.

² Образуется как бы обрамленный в поясе ряд концентрических несомкнутых овалов,—мотив росписи, часто наблюдаемый на краях биноклевидных сосудов в полихромной трипольской керамике, см. Т. P a s s e k—La céramique tripolienne, «Известия ГАИМК», Л. 1935, табл. IV, рис. 1, 2, 3, 6, 9 и 3-я красочная таблица, рис. 1.

³ Аналогичная роспись имеется и на модели из Попудни.

изображением постройки иного, особого, нежилого, быть может, общественного назначения? В такой постройке и не должно было быть ни печей, ни возвышения со стоящими на нем сосудами для хранения зерна, ни жертвенного места и т. п.

Раскопками на поселении в урочище Коломищина уже установлена некоторая дифференциация для трипольских построек. Так, здесь были открыты жилища средние и большие, с перегородками и многими печами, затем—малые жилища, обычно с одной печью, и, наконец, постройки, расположенные вблизи больших жилищ и представляющие остатки нежилых, складочных помещений, где находилось большое число сосудов, в которых хранились запасы продуктов.

Огромных размеров поселение у Владимировки (где была сделана новая, описанная выше, находка модели) с жилищами, расположенными в несколько рядов, должно в будущем, несомненно, дать богатый материал, связанный с поставленным нами здесь вопросом о дифференциации и различной функциональной значимости отдельных построек на трипольском родовом поселении.

В настоящий момент мы не имеем еще достаточных наблюдений по этому поводу из новых раскопок.

Однако использование древних моделей в качестве нового источника для понимания трипольского жилища приводит нас неизбежно к мысли, что и владимирская модель сигнализирует о существовании нового типа трипольской постройки, еще не открытого в раскопках.

Если первый вопрос о том, что изображали трипольские модели, должен считаться теперь решенным, то остается ответить

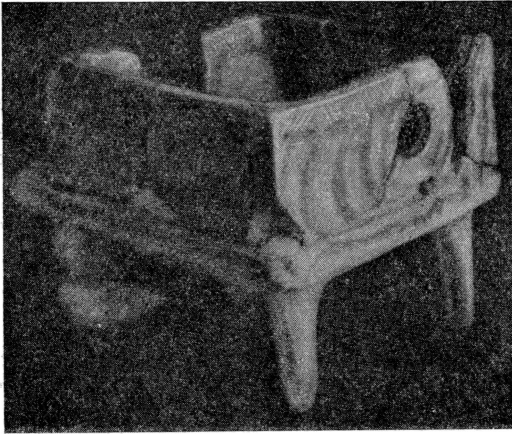

Рис. 11. Модель из Владимировки. Задняя стенка

еще на второй, не менее важный,—об их назначении в быту.

По этому вопросу существует несколько точек зрения. Одни считают их предметами культовыми, другие объясняют их, как предметы ритуальных жертвоприношений, сжигавшихся, согласно обряду, вместе с ритуальной постройкой.

Были мнения, считавшие модель из Сушковки детской игрушкой (А й л и о), и, наконец, в последнее время выдвинута еще новая теория К. Маевского¹. Он полагает, что нет еще достаточных стратиграфических оснований, чтобы считать модели предметами культовыми, для игрушек же они, по его мнению, слишком художественны. Поэтому К. Маевский выдвигает новую точку зрения. В древности, по его мнению, модели были лишены всякого практического значения и должны были служить только украшением, поэтому он склонен утверждать, что на моделях из Попудни и Сушковки не следует и искать даже натурального сходства с древней постройкой, так как керамист, делавший эти модели, не смотрел на них, как на «архитектурные модели», а стремился выразить в них лишь эстетические свои переживания.

Разрешение вопроса о роли трипольских моделей в быту лежит, конечно, также в плане накопления, путем раскопок, новых наблюдений, которые могли бы осветить культово-ритуальную сторону жизни обитателей родового трипольского поселения.

¹ К. M a j e w s k i—Gliniane modele chat kultury ceramiki malowanej na Ukrainie, «Swiatowit», Warszawa, 1936, vol. XVI, p. 159.

По аналогии с подобными же находками моделей жилищ, сделанных на поселениях в Западной Европе (Моравия, Болгария, Польша и др.), а также среди памятников средиземноморских культур (на Крите, Кипре и др.), наши модели следует рассматривать, как предметы культового значения.

Модели, в которых в таких подробностях изображались все детали внутренности дома и бытовые черты (например, женщина, растирающая зерно на зернотерке), по всей вероятности, служили объектами магических действий, направленных к достижению общего благополучия в доме, благополучия во всем хозяйстве. Но окончательное разрешение вопрос о назначении моделей может получить лишь в результате будущих открытий новых трипольских материалов советскими археологами.

Т. Пассек

Египетская скульптурная модель № 2141 из собрания Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина

Мужская голова № 2141 из собрания Гос. музея изобразительных искусств им. Пушкина представляет собою скульптурную модель (рис. 1 и 2). Материал—известняк,

длина лица от начала парика до подбородка—16 см, ширина—19 см. Сохранность, в целом, удовлетворительная. Отбит лишь кончик носа, имеются небольшие повреждения на левой щеке и трещины. Над правой бровью трещина незначительна, другая же трещина пересекает край левой половины лица от парика к нижней части щеки. Памятник, несомненно, выполнен зрелым мастером. Линия овала лица дана очень мягко, та же мягкость чувствуется в разработке формы лица, особенно щек, моделированных с некоторой обобщенностью. Разделка частей лица—носа, глаз и губ—не нарушает общего впечатления этой мягкости трактовки формы. Линии плавны, они лишены той острой угловатости, которая характерна, например, в портретах Среднего царства периода XII династии. Во всем лице вообще чувствуется стремление художника к округлению формы и линии. Губы—крупные, мясистые; верхняя губа дана с выемкой,

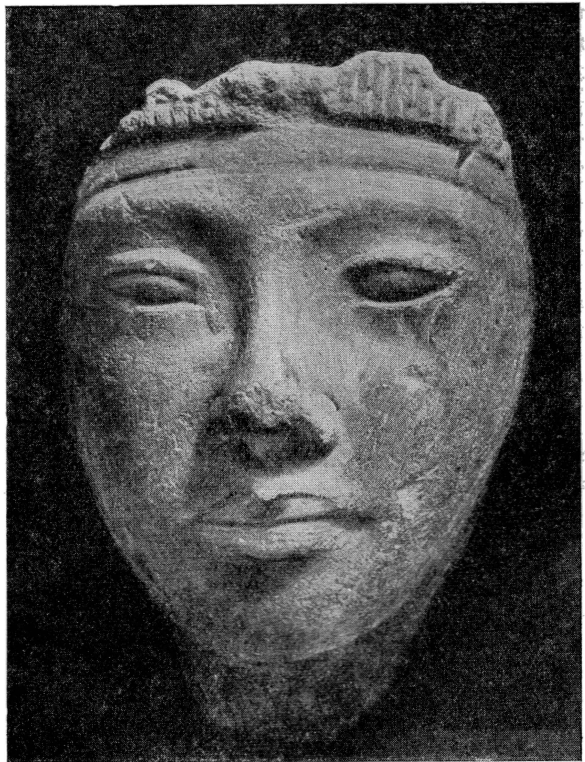

Рис. 1. Голова мужчины. Скульптурная модель. Известняк. Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина

характерной для портретов эпохи Нового царства; характерна для эпохи и передача верхнего века глаза двумя подчеркнuto параллельными дугообразными

линиями. Характерен, наконец, и рисунок парика, в небольшой части сохранившегося на нашей голове. Рисунок этот сводится к передаче параллельных рядов коротких рубчиков. Подобные парики довольно часто встречаются со времени XVIII династии. Примером может служить хотя бы парик на мужской статуе Сеннуфера времени Аменхотепа II в группе из Каирского музея¹ или же нижний парик на голове из Брюсселя конца XVIII династии, воспроизведенной Ж. Капаром².

Художник ставил перед собою задачу лишь портретной передачи самого лица. Отсутствуют уши. Скошена вся затылочная часть головы. В одной из откопанных Бор-

Рис. 2. Голова мужчины. Скульптурная модель. Известняк. Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина

хардтом гипсовых масок—моделей из мастерской Тутмоса в Эль-Амарне—мы встречаемся с почти тождественной короткой линией отреза³. Из сравнения лишь одной данной головы с нашей не подлежит уже никакому сомнению, что голова нашего музея представляет собою скульптурную модель. Перед нами самостоятельный памятник, а отнюдь не часть недошедшего целиком памятника. Большинство найденных Л. Борхардтом портретных голов из мастерской Тутмоса в 1912—1913 гг. принадлежит к тому разряду скульптуры, которая исходит из слепка и, следовательно, копирует лицо с абсолютной точностью.

Понятие маски вполне приложимо к целой серии этих гипсовых голов. Можно вполне согласиться с Ж. Капаром, усматривающим в портретном искусстве периода Эль-Амарны три направления⁴. Одно—наиболее реалистическое, дающее «этюды с натуры» и представленное как раз тем кругом памятников, в которых только что шла речь, другое—исходящее из «произвольной концепции», по словам этого исследова-

теля, и третье—заполняющее промежуточное место между этими двумя крайними направлениями, промежуточное в том смысле, что его художники далеки от превращения лица в плод собственной фантазии, но, с другой стороны, свободны в обнаружении своего «артистического темперамента». Исходя из подобной оценки портретного искусства периода Амарны, надо к крайнему направлению, стремящемуся к утонченной

¹ G. Steindorff—Die Kunst der Aegypter, 1928, S. 217.

² J. Capart—Documents pour servir à l'étude de l'art égyptien (Bruxelles—Paris, I, 1927, табл. 35—36).

³ L. Borchardt—Das Atelier des Bildhauers Thutmes in Tell el-Amarna (Mitteilungen der Deutschen Orient Gesellschaft, 1912, Heft 52, рис. 7).

⁴ J. Capart—Documents, II, 1931. Текст к табл. 51.

«стилизации», отнести и бюст Аменхотепа IV в Лувре¹ и замечательнейшую голову того же фараона из коллекции А. Соклет² и, наконец, такую скульптурную модель, какой является портретная голова царицы Нофертити из музея в Каире. Утонченнейший образ скульптурной модели Нофертити с ее подчеркнутой грацией линии действительно стоит на другом полюсе искания стиля по сравнению с наиболее реалистически трезвой и даже натуралистической линией, представленной гипсовыми головами из мастерской Тутмоса.

Таким образом, в скульптурных моделях эпохи Нового царства можно, как это явствует из приведенных здесь хотя бы немногих образцов, установить целую градацию оттенков сходства с натурой, большей или меньшей доли переработки портретированного лица. Интересующий нас памятник из Гос. музея изобразительных искусств, следуя условно намеченным Капаром линиям развития стиля портретной пластики в искусстве Эль-Амарны, можно было бы отнести к той промежуточной группе скульптур, которые, несколько отличаясь от реализма большинства гипсовых моделей из мастерской Тутмоса, в то же время далеки и от отвлеченной трактовки типологии лица, особенно развитой в конце Амарнского периода.

Лицо нашей скульптурной модели бесспорно портретно, но линия этой индивидуальной портретности в большой доле все же поглощена той типологической категорией портретности, по которой мы сразу узнаем памятники периода Эль-Амарны. Для этого достаточно нашу голову сравнить хотя бы со скульптурной моделью, безусловно воспроизводящей Аменхотепа IV (№ 20436 из музея в Берлине) (рис. 3). В обоих памятниках налицо эта типологически установленная категория портретности. Нос, разрез глаз и губ, особенно трактовка верхней губы с выемкой, передача верхнего века двумя подчеркнутыми параллельными линиями—почти тождественны в обоих случаях. Надо отметить в нашей голове и ту почти неуловимую условную улыбку, которая отличает лица Амарнского периода. Но принадлежность нашей модели к искусству этого периода становится совершенно очевидной при рассмотрении ее в профиль. Вся голова кажется с этой точки зрения несколько наклоненной вперед и верхняя губа—немного приподнятой, как это нам хорошо известно из скульптурных портретов и рельефов с изображением Аменхотепа IV. Однако сходство с портретами этого фараона не идет дальше отмеченных здесь ряда типологических черт. Овал лица Эхнатона в упомянутой скульптурной модели так же, как и в другой гипсовой модели³, в луврском бюсте или

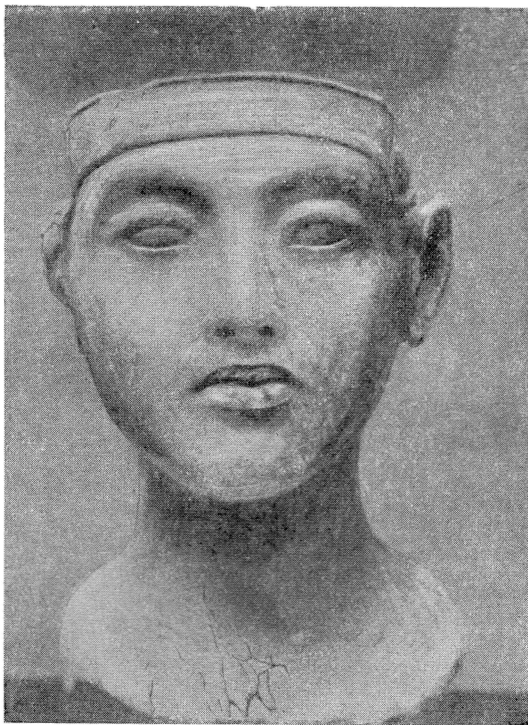

Рис. 3. Аменхотеп IV. Скульптурная модель. Известняк. Музей в Берлине

¹ Н. F e s c h h e i m e r—Plastik der Aegypter.

² J. S a r a r t, там же (т. I, табл. 32).

³ АВ, XXXV, январь 1914, рис. 77.

же в статуэтке из Лувра¹—иной. Он более вытянут и утончен по сравнению с широким в основе лицом нашей головы. Нет в нашем памятнике и столь характерного для Эхнатона отвесающего подбородка, всегда несколько болезненно-печального выражения глаз, наконец, двух традиционно изображаемых складок на шее². Не подлежит сомнению, что в портретной голове, ныне находящейся в Музее изобразительных искусств,

Рис. 4. Голова женщины. Скульптурная модель. Гипс. Музей в Берлине

дано изображение какого-то частного лица, которому в известной мере приданы черты того типологического сходства, которое отличает портреты Амарнского периода. В этом отношении надо отметить близость нашей головы к женской голове, найденной Борхардтом в той же мастерской Тутмоса и несущей в себе все отличительные признаки портретности Амарнского периода (рис. 4). В этом женском портрете овал лица еще более круглый, чем в нашем памятнике, во всем остальном—в характеристике губ, глаз, носа заметны те же черты типологически найденного образа.

Из приведенного здесь в качестве аналогий круга памятников, проверенных условиями находок, вытекает и датировка нашей скульптурной модели. Принадлежность ее к группе скульптурных моделей Амарнского периода не подлежит сомнению. Однако здесь можно, как нам кажется, в еще большей мере уточнить датировку. Для этого необходимо несколько остановиться на данных уже раньше стилистических периодизациях па-

мятников периода Амарны. В нашей науке такая периодизация дана была в последний раз Ф. В. Баллодом³. Можно считать установленным, что искусство периода Эль-Амарны, примыкая вначале к искусству фиванского круга памятников периода Аменхотепа III, пришло к концу своего развития к чрезвычайно утонченному и манерному стилю. Крайние точки развития этого стиля будут отмечены такими, скажем, памятниками, как, с одной стороны, рельеф Берлинского музея № 2072⁴, где бог Атон изображен еще с головой сокола и где стиль памятника в целом еще ничем не отличается от предшествующего фиванского искусства; с другой стороны—такими

¹ Bissing-Bruckmann — Denkmäler, табл. 45.

² Интересный образец сильно подчеркнутых складок на шее представляет собою скульптурная модель из музея в Бруклине. Памятник воспроизведен у Ж. Капара (J. Sarrat—Documents, I, 1927, табл. 49).

³ В. Ф. Баллод—Памятники египетского искусства времени Эхнатона. Древний мир (РАНИОН, вып. 1, август 1924 г.).

⁴ H. Schäfer—Propyläenkunstgeschichte, B. II, 1925, S. 376.

памятниками, как луврский бюст Эхнатона, отмеченная выше гипсовая скульптурная модель Эхнатона из мастерской Тутмоса и, наконец, многочисленные рельефы с теми изображениями Эхнатона с семьей, где фараон обычно изображается с деформированными чертами лица, в совершенно карикатурных формах¹.

Портрет Эхнатона с хорошо нам знакомым усталым-болезненным выражением вытянутого лица, как в луврском бюсте, был создан, несомненно, в том зрелом и позднем периоде развития амарнского искусства, который последовал после 1370 г., т. е., иначе говоря, после окончательного обоснования фараона в новой столице. Изобразительное искусство, конечно, могло найти оригинальный язык лишь после того, как новые религиозно-философские идеи, выдвинутые фараоном, уже скольконибудь были усвоены. Появление этих оригинальных черт в искусстве было фактом вполне закономерным в условиях той острой классовой борьбы, которая разгорелась в Амарнский период и которая влекла за собою необходимость противопоставления и в изобразительном искусстве элементов нового канона старого, веками культивировавшегося Фи-

Рис. 5. Голова мужчины. Известняк. Музей в Брюсселе.

вами. Однако это были лишь элементы нового, ибо и глубина социально-политической реформы Эхнатона не заходит столь далеко, чтобы в корне видоизменить весь строй эпохи Нового царства. Поэтому и тип египетского искусства в период Амарны не был кардинально видоизменен, но, разумеется, в этом искусстве появились те новые элементы, которые были нами отмечены, особенно со времени примерно 1370 г. до н. э.

В какой мере интересующая нас скульптурная модель оказалась затронутой этим новым искусством? Приводя аналогии, мы ввели ее уже в круг амарнского искусства; однако, после всего вышесказанного, датировку ее можно было бы еще сузить. Сравнивая нашу голову с женской головой, датируемой Штейндорфом еще периодом Аменхотепа III, примерно 1400 г.², или же с головой того же времени из музея в Бирмингеме³, мы находим во всех этих портретах известную общность черт. Овал скорее широкого лица, с очень еще сдержанной улыбкой, отсутствием вытянутого подбородка и той тонченности, которые появляются позднее в характеристиках лица самого Эхнатона, —

¹ Н. Schäfer, ук. соч., стр. 377, АВ, XXXV, январь 1914 г., стр. 144 и апрель 1913 г., стр. 135 и 139.

² G. Steindorff — Die Kunst der Aegypten, 1928, S. 212.

³ Н. Schäfer — Propyläen Kunstgeschichte, B. II, 1925, S. 336.

позволяют нашу голову поставить в связь с этим еще предшествующим искусством Аменхотепа III. Столь сдержанную характеристику лица встречаем мы и в женской гипсовой голове из Амарны, родство которой с нашей моделью нами устанавливалось. Данную гипсовую голову Фехгеймер датирует около 1370 г. Если принять эту датировку, то едва ли к более позднему периоду следует относить и наш памятник.

Около 1360 г. по устанавливаемой почти всеми исследователями датировке распределяются приводившиеся нами гипсовые модели Эхнатона или обработанные с гипсов головы из мастерской Тутмоса. Сравнивая нашу голову с этими скульптурными моделями Эхнатона¹, мы констатируем наличие в них уже другого стиля, лишь едва намеченного в нашем памятнике. В этих моделях овал лица тонок, нюансировка формы и линии приобрели ту утонченность, от которой пойдет позднейшее искусство эпохи Нового царства и по сравнению с которой наш памятник выглядит архаичнее, суше и строже. В этом можно с очевидностью убедиться, сравнив нашу голову с близкой по типу головой Тутанхамона из музея в Каире² или же с головой из музея в Брюсселе³, воспроизведенной впервые Ж. Капаром (рис. 5). Сравнение нашего памятника с брюссельским с исключительной выпуклостью доказывает раннеамарнское происхождение головы из собрания Гос. музея изобразительных искусств. На первый взгляд оба лица кажутся очень близкими друг другу. Тот же характер носа, абсолютно тождественный разрез губ с выемкой в верхней губе, аналогичный в обоих случаях разрез глаз и овал лица. При ближайшем, однако, рассмотрении стиля в целом это сближение исчезает. Несколько условно надуманная улыбка на лице брюссельского памятника, очень большая рафинированность трактовки линий овала лица, которые отмечает Капар, датируя памятник концом XVIII или же началом XIX династии,—не выражены в нашем памятнике с такой силой. В голове из музея в Брюсселе заложены те элементы несколько надуманного и уже холодного искусства периода XIX династии, которое архаизирует искусство Амарны и которое предстанет в таком, например, памятнике, как статуя Рамсеса II из музея в Турине.

Таким образом, об отнесении нашего памятника за грань XVIII династии речи быть не может. Более того: голова отличается и от того несколько утонченно-условного стиля в портрете, который созревает к 60-м годам XIV в. и который имеет продолжение в архаизирующем искусстве вплоть до Саисского периода. Если же при всем том принадлежность скульптурной модели Музея изобразительных искусств к кругу памятников Амарны надо считать установленной, то наиболее вероятной датой создания памятника будут первые годы правления фараона Аменхотепа IV.

В. Павлов

* Новый географический текст

Новый, впервые нами публикуемый географический текст сохранен рукописью Исторического музея № 415, л. 76—77 (см. также *Catal. codd. astrol. graec.* XII, p. 75, cod. 27, f. 76—77). Текст этот, правда, очень краток и представляет всего только перечисление известных автору стран, но все же дает возможность сделать кое-какие не лишние интереса исторические выводы.

П е р е в о д.

«Древние разделили землю на три части: Азию, Ливию и Европу, и граница между Азией и Европой—река Танаис, которая течет из Скифских стран и из неизвестных

¹ Особенно см. модели № 20436 и 21348 из музея в Берлине. Воспроизведены у F e s c h e i m e r'a—Plastyk der Aegypter.

² G. S t e i n d o r f f, там же, табл. 227.

³ J. C a r a g t—Documents, I, табл. 35—36.

областей, и истоки ее неведомы. Между Азией и Ливией граница—Нил, между Ливией же и Европой—пролив вокруг Геракловых столбов.

Епархии Европы следующие: со стороны Гиперборейских стран Азиатская Сарматия, затем Меотида, за ней Боспор Киммерийский, затем Колхида, затем Ивирия, затем Понт Полемонов с городом Трапезундом, затем Понт Каппадокийский с городом Амисом (Ἀμισός), затем Каппадокия, после нее Галатия с городом Синопой, затем Пафлагония с городами Понтийской Гераклеей (Ποντοηράκλεια) и Амастридой, затем Вафиния, от которой начинается Константинопольский пролив; затем Геллеспонт до Трои, затем Великая Фригия, затем собственно Азия с городом Ефесом, за ней Ликия, затем Памфилия, затем Киликия Каменистая с городом Тарсом, затем Сирия Κοίλη с городами Лаодикией и Триполисом, затем Сирия Финикийская с городами Беритом и Тиром и Сидоном, затем Палестина Иудейская с городами Кесарией Филиппа и Иоппой (ἡ κοινὸς Γάζα), затем Египет до первого Нильского устья, называемого Пелусийским устьем. И это нам известно.

Со стороны верхних стран, что у Красного моря, лежат Аравия Каменистая, затем Аравия Пустынная, за ней Аравия Счастливая, затем Персия. И это прибрежные епархии Азии. Внутренние же епархии (μεσόγειαι) следующие: после Фригии—Лидия с городами Филадельфией, Сардами и Магнезией, затем Фригия Σαλοουαρία и Фригия Παχατιανή, в которой находится названный мыс (τὸ λεγόμενον ἀκροτήριον), затем Ликаония с городами Иконией и Ларандой, затем Армения Малая и Великая, затем Месопотамия, затем Ассирия, Мидия, Парфия, Гедросия, Арахосия, Вавилония, Ария, Парапанисада, Кармания, Серика (Συρική), Скифия по ту сторону Гималая, Скифия по сю сторону Гималая, Индия по сю сторону Ганга и Китай (Σίναι). Это и есть епархии Азии.

Епархии в Европе следующие. Европейская Сарматия, затем Меотида, затем Таврический Херсонес с Кафой и Σμβόλον, затем Дакия, затем Мисия, затем Фракия с городом Византией, затем Македония с городом Фессалоникой, затем Беотия, затем Пелопоннес, затем Акарнания, после нее Эпир с городом ἼΑρτα, затем часть Македонии с городом Ἀδλῶν, затем Иллирия с городом Епидамном, или Диррахием, затем Далматия с городом Епидавром или Рагузой¹ (горы вокруг нее называются Керавнскими), затем Италия от Несакта (Несактом называется конец Италии) до Генуи, затем начинается Ивирия, которая делится на три епархии: Тарраконскую...², затем Галльские области: Аквитанская Галлия и Кельтйческая, затем Вторая Германия при Рейне и после нее Великая Германия, затем Γήραιες, затем Οὔγγροι»³.

Время составления текста. Прежде всего характерна ссылка на древних: οἱ παλαιοὶ ἐμέρισαν, очень обычная у компиляторов IV—VI вв. Уточняется же время составления нашего текста географическими данными, находимыми в нем: названия двух Фригий Σαλοουαρία и Παχατιανή были введены около 360 г. (см. М. Ramsay—The Historical Geography of Asia Minor, p. 151). Это и есть верхняя грань, датирующая сведения трактата; но в тексте нет еще упоминания епархии Гонория, установленной в 386 г. Область епархии Гонория в рукописи называется иначе. Таким образом, найдена и нижняя датирующая грань. Основные сведения географического трактата относятся к годам 360—386.

Композиция текста. Небольшой географический трактат представляет довольно сложный состав. В предисловии автор высказывает суждения Эратосфена,

¹ В греческом тексте ошибочно переставлены Епидавр и Епидамн: Епидавр очутился в Иллирии, Епидамн—в Далматии.

² Дальше в греческом тексте названы Нарбонская и Люгдунская, которые принадлежат Галлии, а не Испании.

³ Сведения о рукописи: бумажный кодекс, 22,5×15 см, число листов 86, XV в.; происходит из Ивирского монастыря, привезен с Афона Арсением Сухановым в 1635 г.; принадлежал некогда епископу Киферы Максиму; в середине XIX в. кодексом занимался кардинал Питра.

повторенные позже Страбоном. Границы частей вселенной у него Танаис, Нил, Геркулесовы столбы (ср. Strab., p. 66, 492 и др.). Танаис описывается в таких же словах, как у Страбона: *Τάναις ποταμός, ὅς ῥέει ἀπὸ τῶν Σκυθικῶν μερῶν καὶ ἀγνώστων καὶ εἰς τὴν ἀπὸ πηγαῖ τούτου ἄδηλοι* (ср. Strab., p. 493). Основной текст отражает положение дел во второй половине IV в. В конце же текста добавлены *Γήραιδες* и *Ὀγγροί* переписчиком уже в VI в. Первое упоминание о *Γήραιδες* находим в описании жизни Проба (Hist. Aug., 18, 2), в 567 г. они были разбиты соединенными силами аваров и лангобардов (см. RE, VII, 1230).

Автор текста. Лицо, написавшее текст, происходило, повидимому, из Малой Азии; отсюда наиболее подробное описание малоазийских областей с упоминанием городов в них, тогда как собственно Греция описана более кратко, другие страны только названы, составные же области Испании обозначены ошибочно.

Термин *ἐπαρχία* в тексте имеет два разных значения. В широком значении, как синоним страны, термин *ἐπαρχία* ничего не говорит историку, но в узком значении, как слово, обозначающее политическое деление, определенное тем или другим городом, термин *ἐπαρχία* приобретает полновесное историческое значение.

Значение нового текста. Там, где автор дает простое перечисление стран, он не увеличивает, разумеется, наших познаний об этих странах, но список стран в целом имеет то научное значение, что указывает, с какими именно землями Восточная империя находилась в общении, политическом и экономическом. На основании этого списка мы можем сказать, что во второй половине IV в. это общение простиралось на восток до Китая, на запад до Испании, на юг до Аравии и Египта, на севере оно ограничивалось той же областью нижнего течения Танаиса, что и во времена Птолемея.

Этот вывод не нов, но для историка важно и простое подтверждение тех знаний, к которым он уже пришел исключительно на основании аргумента *ex silentio*, т. е. на основании умолчания памятников о некоторых странах.

Там же, где автор нашего текста дает политические деления на Востоке, и притом деления определенного времени—360—386 гг., там его показания, хотя и краткие, приобретают большой исторический интерес. В IV в. протекал процесс окончательного обособления Восточной империи от Западной, процесс перерастания Восточной империи в самостоятельное Византийское государство. Этот процесс тесно связан с преобразованиями политических делений. При Юстиниане эти деления иные, чем при Феодосии, Гонории и Аркадии. Мы имеем данные для времени Птолемея, но мы не имели данных такого характера для 360—386 гг.: новый текст восполняет этот пробел.

Сопоставим политические деления по нашему тексту, по Птолемею и Гиероклу (данные Гиерокла относятся к доюстиниановскому времени, политические деления при Юстиниане были другие).

Южное побережье Малой Азии

Птолемей	Новый текст	Гиерокл
1. Понт и Вифиния с Гераклеей и Амастридой.	1. Вифиния до Константинопольского пролива. 2. Пафлагония с Гераклеей Понтийской и Амастридой.	1. 'Επαρχ. 'Ὀνωριάδος с Гераклеей. 2. Пафлагония с Амастридой.
2. Галатия с Синопой и Амисом.	3. Галатия с Синопой. 4. Каппадокия. 5. Понт Каппадокийский с Амисом.	3. 'Ελευσόποντος с Синопой и Амисом.
3. Понт Каппадокийский с Трапезундом.	6. Понт Полемонов с Трапезундом.	4. Понт Полемонов с Трапезундом.

Ряд особенностей дает нам текст и для собственно Греции. Так, по Гиероклу: Ἐπαρχία Ἰλλυρικὴ α' Μακεδονίας с Фессалоникой.

Ἠπειρος νέα с городами Ἀδύων и Диррахием.

...Ἐπαρχία Ἑλλάδος включает Акарнанию, Беотию и Епидавр.

О Далматии Гиерокл вовсе не упоминает. По Птоlemeю, Акарнания—в Эпире, Диррахий же, Ἀδύων и Фессалоника — в Македонии; наш географический текст дает другие области (см. перевод).

Немало особенностей в новом тексте и для прочих частей Малой Азии, кроме приведенных на северном побережье.

По Гиероклу, Корик и Тарс в Киликии первой, Лаодикия в Сирии первой, Триполис в ἐπαρχία Φοινίκη, а с именем Палестины у Гиерокла только одна провинция, не три, новый географический текст иначе распределяет области (см. перевод).

Особенный интерес представляет свидетельство о Херсонесе IV в.: ἡ Ταυρικὴ Χερσόνησος, ἐν ἣ ὁ Καφός καὶ τὸ Σμύζολον.

Итак, Херсонес в IV в. расширяется в сторону востока. Это и понятно; степная часть и западное побережье Крыма были заняты новыми вторгшимися сюда народами. Показание нашего текста о Херсонесе IV в. тем более ценно, что им подтверждено свидетельство Константина Багрянородного в сочинении «De administrando imperio» (ed. Bekker, p. 252, 20 ss.; 255, 12 ss.) о захвате херсонесцами в IV в. Кафы. Это место у Константина внушало историкам сомнения. Теперь же перекрестные показания нового географического текста и Константина взаимно убеждают в достоверности этих двух исторических свидетельств. Нечего и говорить о значимости сделанного нами вывода для истории Херсонеса в IV в., вообще мало нам известной.

Таким образом, новый географический трактат при всей своей краткости заслуживает полного внимания историка;

М. Шангин

Культовый очаг из раскопок Шингавитского поселения в 1936—1937 гг.

Летом 1936 г., при раскопках древнего поселения на левом берегу реки Занги, у селения Шингавит близ Еревана, мною были открыты два глиняных круглых очага.

Шингавитское поселение занимает площадь около 6 га по крутому левому берегу реки Занги. С северо-западной стороны сохранились остатки крепостной стены из необработанных камней. Керамический материал этого поселения дает основание считать его аналогичным поселению Шреш-Блур, Вагаршапатского района, раскопанному в 1913 г. археологом Е. А. Лалаяном.

«Культуру» Шреш-Блура Лалаян относит к неолиту, я же в своих работах датирую поселения этого типа эпохой позднего родового общества, т. е. эпохой ранней бронзы.

Поселения подобного типа еще недостаточно изучены и являются пока наиболее древними для Советской Армении, а это еще более повышает интерес к данному поселению, в частности, к публикуемым очагам.

Шингавитское поселение, по материалу сходное с Шреш-Блуrom, от последнего отличается тем, что расположено на ровном берегу, а не на холме, как Шреш-Блур и другие.

Раскопки поселения начаты были на восточной окраине поселения с выяснения одного из каменных кругов. Такие круги, слегка выступающие на поверхности почвы, отмечены были нами в большом количестве по всему поселению.

Такие же круги камней и даже целые поля, покрытые каменными кругами, уже давно известны по склонам Арагаца и в других районах Армении и дали при раскопках древние погребения. Однако здесь, при наличии фрагментов древней посуды и остат-

ков крепостных стен, надо было ожидать от этих кругов иного назначения. И действительно, в результате раскопок одного из кругов было получено круглое жилище со стенками, выложенными из необработанных небольших камней.

Около центра жилища, на глубине 45 см, найден был круглый очаг диаметром в один метр из обожженной глины, с плоским дном и толстыми стенками. Эти стенки имеют с внутренней стороны три утолщения-выступа, радиально расположенные

и имеющие вид носа корабля. Выступы к центру повышаются и имеют в высоту на концах 29 см, тогда как стенки очага—высотой в 25 см. Горизонтальная поверхность двух противоположных выступов украшена одинаковым рельефным орнаментом в виде иероглифического знака, или «монограммы». На горизонтальной поверхности среднего выступа имеется круглое углубление диаметром в 8 см в виде полусферы, или ямка, какие обычно бывают на «чашечных» камнях.

Верхняя плоскость стенок, имеющих в толщину $8\frac{1}{2}$ см, покрыта также рельефным орнаментом. Эти три выступа придавали внутреннему пустому пространству очага контуры трехлепесткового цветка, или розетки, причем один из лепестков розетки был вдвое больше двух других, так как выступы расположены были по кругу неравномерно.

Стенки выступов спускались отвесно, а стенки образованных выступами малых отделений спускались округло-вогнуто. У двух выступов на соседних стенках сбоку имелись маленькие глухие круглые ручки.

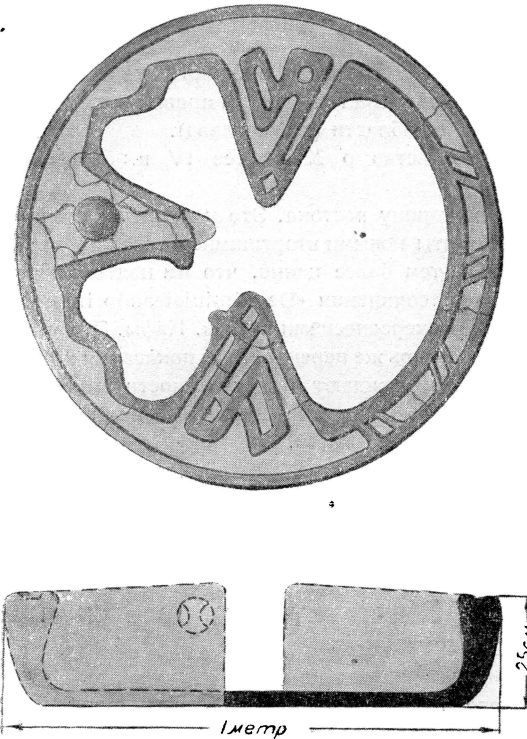

Рис. 1. План разреза глиняного очага из жилища № 1 Шингазитского поселения

Очаг сохранился очень хорошо. Пострадал только кончик одного из выступов. По корпусу же имелись только трещины (рис. 1 и 2).

На дне жилища, на расстоянии двух метров от очага, у стенки жилища, был найден большой кувшин, с широким прямым горлом 55 см в диаметре, с двумя маленькими круглыми ручками, расположенными немного ниже горла.

Вся глиняная посуда данного поселения имела только такие ручки. Глиняные изделия здесь имеют весьма оригинальную форму и орнаментацию и заслуживают особого исследования.

До сих пор такая керамика не найдена ни в одном из древних погребений Закавказья. Она почти вся черная с блестящей лощеной поверхностью.

В процессе раскопок во втором жилище был найден второй очаг, почти аналогичной формы (рис. 3). Это жилище расположено было примерно на 100 метров к юго-западу от первого.

Второй очаг отличался от первого размерами (82 см в диаметре) и выступами, имеющими несколько иную форму. Их также было три, но концы их были не закруглены, а имели более сложные контуры.

На 60 см ниже этого очага и на 95 см к югу был открыт в том же круглом жилище третий такой же глиняный очаг, но еще меньших размеров и уже не с тремя выступами, а с четырьмя, симметрично расположенными по окружности.

Раскопки 1937 г. на том же поселении дали еще четвертый очаг той же формы и величины, что и первые два. Найден он был при тех же условиях в третьем круглом жилище. Отличительные черты этого очага— овалыные выемки, или ниши, расположенные с внешней стороны друг против друга, не более 15 см по большому диаметру и 10 см в глубину. Служили эти ниши, повидимому, вместо ручек.

Итак, в трех жилищах были найдены четыре очага. Сопутствующий археологический материал у всех четырех очагов был одинаков, но залегали очаги на различных горизонтах. Отсюда мы делаем вывод, что бытовали очаги в разное время, но относились к одному и тому же периоду жизни поселения.

Археологический материал поселения состоит из глиняной посуды, кремневых орудий (пилки и скребков), каменных терок, пестов, двух сверленных каменных молотков, костяных проколов и небольшого количества бронзовых или медных булавок и костяных бусин.

Среди культовых предметов интересны две статуэтки животных из камня.

Во избежание разрушения очагов для перевозки их был применен метод вырезки, позволивший перевезти их в музей с землею, в нерасчищенном виде.

Каково же было назначение этих очагов? Имели ли они хозяйственное назначение или же культовое? Разберем эти два положения.

В археологической литературе известно несколько глиняных жертвенников, своей формой отчасти напоминающих наши очаги.

В 1925 и 1926 гг. проф. В. А. Городцов при раскопках Старшего Каширского городища, Московской области, нашел два глиняных жертвенника. В своей работе¹ он говорит: «Оба жертвенника оказались одинаковой формы в виде больших эллиптических глиняных тарелок с плоским дном и приподнятыми краями (размеры по длинной оси 1,60 м, по короткой—1,10 м)... лучше сохранился второй жертвенник. Он стоял на возвышенном помосте, поднимавшемся сантиметров на 20 выше современного ему

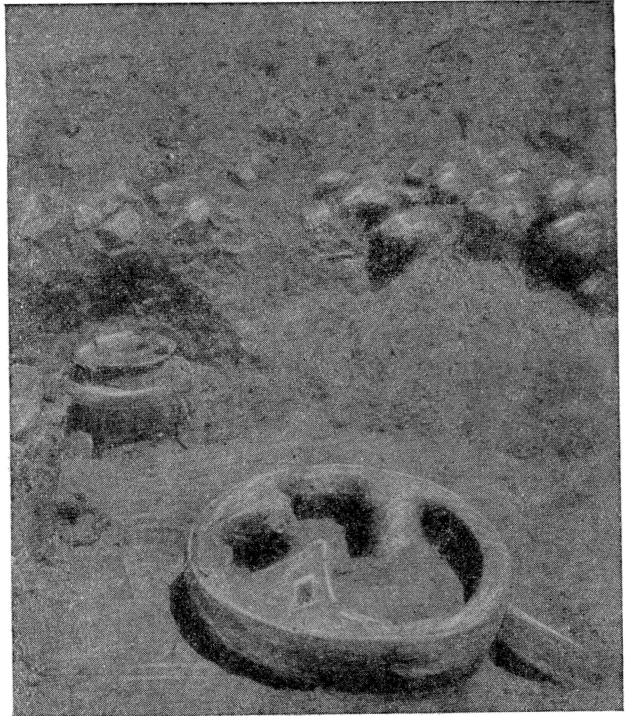

Рис. 2. Глиняный очаг № 1 Шингавитского поселения

¹ В. А. Г о р о д ц о в—Старшее Каширское городище, ИГАИМК, 1934, вып. 85, стр. 40—41.

горизонта почвы. Помост был сложен из бревен, покрытых со всех сторон слоем глины». Далее он приводит другие случаи находок аналогичных глиняных жертвенников. Археологом Ю. Г. Гендуне в городище Топорок, Тверского округа, найдены были два жертвенника. Они расположены были рядом, почти в центре городища.

В 1898 г. проф. В. А. Городцов открыл остатки глиняных жертвенников в Городецком городище, позже аналогичные находки были сделаны М. А. Радищевым в окрестностях г. Хвалынска. В 1925 г. Л. А. Евтюхова открыла глиняный жертвенник в Барвихинском городище Дьяковой культуры в Московском округе. Обломки жертвенников найдены были в Кобяковом и Кизитаринском городищах близ Нахичевани на Дону и в окрестностях Краснодара. Наконец, в 1935 г. проф. В. А. Городцо-

Рис. 3. Глиняный очаг № 2 Шингазитского поселения

вым найдены были глиняные жертвенники в Елизаветинском городище. Они сделаны были из глины, имели четырехугольную форму с приподнятыми краями и округленными углами. Один из жертвенников был «украшен по углам прилепленными сосудиками, изображающими рога изобилия»¹.

Во всех перечисленных случаях жертвенники находились посередине поселения, на площадях и имели в центре отверстие. Это означает, что функционально жертвенники ничего общего с нашими очагами не имеют, так как последние находились внутри жилищ и не имели отверстий для слива жидкостей.

Однако можем ли мы признать в очагах из Шингавита обычные хозяйственные очаги для варки повседневной пищи? Мне кажется, что и это положение не выдерживает критики.

Прежде всего, у очагов необычна их форма и орнаментация. Затем необычно их местоположение.

Все очаги находились в центре большой круглой залы, окруженной несколькими четырехугольными комнатками.

В одной из таких комнаток в углу найден был каменный очаг обычной формы, состоящий из нескольких камней, поставленных на ребро.

Следовательно, для хозяйственных нужд население данного жилища пользовалось другим очагом.

¹ В. А. Г о р о д ц о в—Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники, «Советская археология», 1936, № 1, стр. 181.

Наконец, в процессе раскопок в том же втором жилище найдены были два фрагмента от двух маленьких очажков, по форме одинаковых с большими центральными очагами. На одном из фрагментов ясно виден один из выступов с ямочкой наверху и ручкой сбоку. Этот факт определенно указывает на существование в данном поселении культа очага.

Таким образом, мы пришли к выводу, что очаги имели не хозяйственное значение, а культовое, но, вместе с тем, они не были жертвенниками.

В Армении культ очага существовал, как пережиток, до последнего времени. Е. А. Лалаян и Х. Самуэлян в своих работах по этнографии армян приводят целый ряд обычаев, связанных с культом очага. Считали, что благосостояние семьи зависит от очага, что он является центром, вокруг которого сосредоточена вся жизнь рода или семьи.

Там, где нет церкви, венчание и крестины происходили у очага. Даже роды до Октября совершались у очага или же на пепле, взятом из очага. С очагом связаны поговорки и заклинания.

Культ очага в Армении постепенно отмирает. Родовой очаг превратился в семейный, да и самый очаг заменился во многих районах обычным тоном.

В связи с этим уместно сравнение нашего очага с очагом или печкой из Ванского района, бытующими и поныне. На фотографии, находящейся среди этнографических снимков б. коллекции Е. А. Лалаяна, мы видим тот же глинобитный круглый очаг, но уже упрощенного вида, значительно меньших размеров и с одним отделением. Это—обычный хозяйственный очаг, и от культового очага здесь уже ничего не осталось, кроме отдаленного сходства во внешней форме.

Е. Байбуртян

На сессии ООН АН СССР (октябрь 1938 г.).

На состоявшемся в конце октября 1938 г. объединенном заседании Отделения общественных наук АН СССР были поставлены и подверглись обсуждению следующие доклады:

1. Проф. А. Д. Удальцова—«Проблема этногенеза и вопрос о происхождении готов».
2. Проф. А. В. Мишулина—«Ранние византийские сведения о древних славянах».
3. Проф. М. И. Артамонова—«Достижения советской археологии».

В докладе «Проблема этногенеза и вопрос о происхождении готов» профессор А. Д. Удальцов обратил прежде всего внимание на особое значение проблемы этногенеза.

«Фашистская лженаука,—говорит проф. Удальцов,—выставила человеконенавистническую расистскую теорию происхождения племен и народов, которая имеет своей целью доказать неравноправность народов мира, деление в силу изначальных физических свойств их на предназначенных к господству и предназначенных к порабощению. И задача нашей советской науки состоит в том, чтобы противопоставить этой человеконенавистнической теории учение об этногенезе с точки зрения нашей марксистско-ленинской научной теории. Только советская наука, вооруженная методом Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, способна действительно научно разрешить вопрос о происхождении народов мира».

Проф. Удальцов отмечает большую роль в разработке проблемы этногенеза покойного академика Н. Я. Марра, как создателя теории единства глоттогонического процесса, теории единства народов.

Одним из основных звеньев этой проблемы, по мнению проф. Удальцова, является готский вопрос. С ним, с одной стороны, связан вопрос об этногенезе германцев, с другой—этногенетический процесс, который совершался в Причерноморье; он, следовательно, имеет непосредственное отношение к изучению истории народов СССР.

К этой проблеме проф. Удальцов подходит путем анализа, как исторического источника, «О готах» Иордана, автора VI в. Анализом текста Иордана докладчик устанавливает различные противоречия у него и влияние других источников, наложивших свою печать на все это произведение.

Проделав кропотливую и сложную работу над произведением Иордана, проф. Удальцов предлагает свои научные гипотезы в объяснении проблемы этногенеза готов. Разбирая кассиодоровскую традицию в работе Иордана, докладчик устанавливает, что источником для изложения основных моментов истории по Кассиодору служили личные рассказы бежавшего из Скандинавии бывшего царя раниев Родерульфа, по которым готы переселились на Вислу из Скандинавии. По этой версии, изложенной у Кассиодора, можно предполагать, что готы пришли с Вислы и что от этих готов произошли три основных готских племени—остготы, вестготы и гепиды. По другой версии, отражающей традиции Диона Хризостома и подкрепленной свидетельством Помпея Трога и отчасти Орозия, устанавливается автохтонность готов в Причерноморье.

Проф. Удальцов путем критики источников приходит к выводу: понятие «готы» у Иордана—это расширенное собирательное понятие. Готы в одно и то же время отождествлялись и со скифами, и с фракийцами, и с амазонками, и с массагетами. «Мы можем сделать,—говорит проф. Удальцов,—такой вывод, что готы—это собирательное понятие, включающее в себя различные этнические элементы, частью автохтонные, жившие с давних времен в Причерноморье, а частью в некотором количестве пришедшие с берегов Вислы».

В готском вопросе, по утверждению проф. Удальцова, стягиваются в один узел нити с Запада и Средней Азии. Он включает и вопрос об аланах, называвшихся в глубокой древности массагетами. Сам Иордан указывает на то, что аланы входили в состав готов. Об этом свидетельствует и Прокопий. Готы и аланы скрещивались между собой и никакого единого народа готы не представляли. Готы в своей основной части были автохтонные причерноморские племена, к которым примкнули впоследствии некоторые племена, пришедшие с Вислы и совершенно растворившиеся в массиве причерноморских племен.

В заключение проф. Удальцов разоблачает фашистских псевдоисториков, берущих только отдельные части Иордана, которые им больше нравятся и больше подтверждают их теорию о том, что готы пришли из Скандинавии, и совершенно забывающих, что эта версия относится к области мифологии.

Для истинной науки, для всех прогрессивных, передовых ученых Иордан представляет несомненную ценность, как исторический источник, работу над которым проф. Удальцов считает необходимым продолжать.

В обсуждении доклада принял участие ряд специалистов.

Проф. Жирмунский присоединяется к выводам доклада о том, что «готы»—понятие собирательное. Проф. Жирмунский подкрепляет это широкими историческими аналогиями. Например, гунны в известном смысле также являлись именем собирательным, включив в свой состав готов и другие племена. Неслучайно Аттила, король гуннов, носил готское имя, которое означало «батюшка».

Проф. Артамонов, основываясь на археологических данных, высказывает ту мысль, что туземное население играло ведущую роль в Северном Причерноморье. Проф. Артамонов опровергает утверждение, усиленно пропагандируемое сейчас фашистами, будто культура Северного Причерноморья создана готами. Археологические памятники не дают возможности найти в материале готского периода какие-нибудь элементы, которые говорили бы о связи со Скандинавией.

Проф. Мишулин отмечает, что отсутствие этнического единства у готов подтверждается рядом косвенных показателей, в частности топонимическими и ономастическими данными; их нужно привлечь, чтобы обосновать выставленную докладчиком интересную гипотезу.

Далее проф. Мишулин высказывает предположение, что в составе готов были не только аланы, но и славяне. Известно, например, что Феофилакт—автор начала VII в.—определенно называет славян гетами. Орозий говорит о полководце большой колонны готской армии со славянским именем Радагаст; о нем упоминают и Прокопий, Менандр, Зосим и другие авторы, главным образом VI в., т. е. той же эпохи, что и Иордан. О том, что в этот период славяне действительно колонизировали Балканский полуостров и даже зашли в Италию, имеются указания у античных писателей. Можно сослаться на письмо папы Григория епископу в Салониках, в котором он требует помощи для отпора славянам. Таким образом, получается пестрая картина. Этнический состав готов, о которых старая прогерманская трактовка твердила, что это только германцы, оказывается чрезвычайно пестрым.

Акад. Греков отметил, что и скифы, так же как и готы, представляли собирательное имя. По его мнению, собирательное имя скифов образовалось со времени Римской империи. Зародыш готского стиля, который не представляет собой ничего оригинального, находится в таких памятниках Северного Причерноморья, которые восходят к эпохе Римской империи. Акад. Греков не согласен с употреблением слова «союз» по отношению к готам, так как это слово указывает на более или менее прочное государственное образование.

Объединенное заседание Отделения общественных наук приняло по докладу проф. Удальцова следующее постановление:

«Учитывая большую политическую и теоретическую значимость изучения проблем этногенеза в целях борьбы с фашистской лженаукой, признать необходимым дальнейшую тщательную исследовательскую работу по вопросам происхождения готов и славян представителями разных дисциплин — историками, археологами и лингвистами.

С этой целью ввести в состав комиссии по этногенезу представителей лингвистических дисциплин, которые до сего времени в этой работе не участвовали».

Далее был заслушан доклад проф. А. В. Мишулина «Ранние византийские сведения о древних славянах».

В своем докладе «Ранние византийские сведения о древних славянах» проф. Мишулин ставит проблему изучения древних славян, их вторжений в пределы Восточноримской империи и деформации последней в связи с синтезом античной рабовладельческой цивилизации и варварским миром славян. Опираясь главным образом на сведения ранневизантийских писателей (Прокопий, Менандр и др.), докладчик прослеживает, во-первых, процесс вторжений, военных походов древних славян и расселение их в пределах Восточноримской империи, и, во-вторых, значение этого факта для судьбы самой империи на Востоке, поскольку там намечалось изменение общественного строя под воздействием славянской общины.

В установлении предела распространения славян в древности докладчик опирается на известную античную традицию (Плиний, Тацит и др.) о венедах, которая твердо вошла и в современную науку. Далее докладчик шаг за шагом проследил выступление народов Восточной Европы во II—IV вв. и войны римских императоров со скифами, сарматами, готами и др. В эпоху императора Валента коалиция варваров (тут были и славяне под именем антов) нанесла империи сокрушительный удар.

Вторжение славян под их собственным именем, переход ими Дуная имели уже место в эпоху Юстиниана. Еще раньше, в эпоху Анастасия, возводились различные укрепления (стена Анастасия) от вторжений с Востока. Прокопий в «De bello Gothico» рисует картину борьбы империи на Востоке со славянами (антами) и аварами. До эпохи

Маврикия включительно продолжалась агония борьбы со славянами, которые вторглись в глубь Балканского полуострова, достигли Коринфского перешейка и рассеялись на землях империи. Все это нашло свое отражение и в других ранневизантийских источниках, как Феофан, Феофилакт, Маврикий. Но изучение этой документации должно быть подчинено не только задаче проследить военные походы, их направление, падение мощи Восточноримской империи, но и задаче изучения общественного строя древних славян. Источники, дающие нам для IV—VI вв. имена славянских (антских) князей, позволяют судить, что славяне этого периода находились уже в стадии разложения родовых отношений, образования классов, возникновения племенных государств. Ономастика дает для этого достаточный материал.

Таким образом, исследование древних славян вскрывает нам, по мнению докладчика, не только внешнюю историю борьбы их с Восточноримской империей, но и внутреннюю историю изменения их общественного строя, образования первичных политических объединений, военных дружин и даже целых армий, что придало славянам силу и определило их наступательные походы против Римской империи на Востоке.

В заключение докладчик подчеркнул, что сама проблема возникновения Византии, как империи восточного типа, связана в известной степени со славянами, с их ассимиляцией с населением Восточноримской империи, с привнесением туда начал общинной жизни древних славян.

Если, по выражению Энгельса, культурная полоса античности была «разорвана и смята немцами и славянами», — то это должно быть понято в том смысле, что благодаря варварскому строю этих народов удалось «оживить Европу», обеспечить переход от разлагавшегося рабовладельческого способа производства к системе феодализма.

С этой точки зрения, изучение роли древних славян должно занять одно из видных мест в марксистской исторической литературе.

В развернувшихся оживленных прениях по докладу проф. Мишулина приняло участие большинство присутствовавших специалистов.

Акад. Греков, подчеркивая новизну трактовки проблемы о древних славянах докладчиком, прибегает к аналогии трактовки источников по истории Киевской Руси и говорит о том, как эта новая трактовка расширяет историческую науку, меняя наше представление о Киевской Руси. Необходимо, конечно, критически подходить к византийским источникам и привлекать и другие материалы, например археологические.

Акад. Греков находит и в данных археологии подтверждение того, что анты представляли одну из стадий славянского общества, предшествовавших Киевскому государству. Источники позволяют утверждать, что Киевское государство не есть первая форма государственности славян. И для того, чтобы действительно научно подойти к истории Руси, надо использовать византийские источники. «Если в Киевском государстве, — говорит *акад. Греков*, — мы видим классовое общество, то необходимо исследовать вопрос о зарождении этого классового общества, ибо этот строй начинается за 4—5 веков раньше, чем возникло само Киевское государство».

Проф. Пичета большой заслугой доклада считает то, что он поднял вопросы истории раннего славянства, осветив их по-новому, и приковал внимание историков к проблемам, которые до сего времени мало разрабатываются. Попытки использования Прокопия, Маврикия и др., как исторических источников, были и у Ключевского и у Соловьева, но эти попытки отражали интересы буржуазной историографии и нуждаются в капитальном пересмотре. *Проф. Пичета*, говоря о Прокопии, как историческом источнике, считает, что ему нельзя доверять там, где он пытается дать характеристику производственных отношений того времени. *Проф. Пичета* ставит также в плоскость дискуссии вопрос о связи антов с Киевским государством, ибо если, по мнению *проф. Пичета*, стать на эту точку зрения, то надо признать, что анты были расселены на всей территории Восточной Европы, т. е. придется признать теорию миграции.

Далее проф. Пичета выдвигает положение о том, что славянские государства возникают в очень раннюю эпоху и что славяне-варвары, незаметно проникая в Византию, в Восточноримскую империю, подтачивают ее со всех сторон. Организация славянских государств на Балканском полуострове, организация славянского государства в приазовской Руси, Киевской Руси бьет по фашистской теории о том, что славяне без внешнего завоевательного момента не могли организовать никакого государства.

В заключение проф. Пичета обращает внимание на необходимость более глубокого изучения Византии историками СССР.

Акад. Державин указывает на необходимость критического подхода к византийским источникам. На примере Прокопия Кесарийского акад. Державин показывает отсутствие объективности в этих источниках. Надо считаться с тем фактом, что византийские историки в большинстве случаев были ближайшими сотрудниками императоров. Такими были Прокопий, Маврикий и др. К терминам, которые употребляют византийские историки, надо относиться с большой придирчивостью. Наличие в византийских источниках резких характеристик славян объясняется тем, что делалось это в интересах господствующих классов.

К разрешению проблемы этногенеза славян надо подходить не в порядке объяснения происхождения народов мира миграционным путем, а путем диалектическим. «Каким образом народы,—говорит акад. Державин,—переживают стадиональность, которая приводит их к новым типологическим и этнографическим образованиям,— вот что нужно проследить. Эта задача очень сложна, но она насущно необходима».

Акад. Державин в результате изучения западных и балканских славян пришел к выводу, что славяне представляли собой местное население. Это не значит, что не имело место вторжение извне. Византийские историки встретились со славянами лишь в определенный момент развития последних.

«Дело в том,—продолжает акад. Державин,—что славяне на Балканском полуострове жили в III в., но к VI в. в процессе социального развития славян выявились такие сдвиги, которые привели к разъединению их с Византийской империей. Началась борьба с византийским соперничеством».

Акад. Мещанинов, поддерживая точку зрения акад. Державина, предлагает в ближайшее время поставить два лингвистических доклада по вопросу о славянах.

Проф. Артамонов считает, что при изучении этногенеза народов нельзя настаивать на каком-нибудь одном решении вопроса—миграционизма или автохтонного развития; мы, несомненно, встречаемся в истории с фактами передвижения весьма крупных этнических массивов. Это нужно учитывать и при изучении балканских славян.

Проф. Артамонов выдвигает проблему связи славян со скифами. Археологические данные говорят также, что при формировании славянства необходимо учитывать историческую среду, так как, по мнению проф. Артамонова, исторические памятники с достаточной очевидностью объясняют распространение славянских племен не только в результате расселения, но и в результате скрещивания славянских племен с другими.

Член-корреспондент Щерба поднимает вопрос о переводе на русский язык работ чешского ученого Нидерле «Славянские старожитности», являющихся, по мнению тов. Щерба, энциклопедией всех сведений по данному вопросу.

Заседание в принятом постановлении выразило благодарность проф. Мишулину за интересный и содержательный доклад, вызывавший оживленный обмен мнениями. Заседание признало необходимым продолжать разработку данной проблемы, для чего просить акад. Державина принять участие в этой работе и приветствовать предложение акад. И. И. Мещанинова о постановке в ближайшее время одного-двух докладов лингвистического характера по линии этногенеза.

Затем был заслушан доклад проф. М. И. Артамонова «Достижения советской археологии», в котором продемонстрированы были замечательные успехи советских археологов.

В начале своего доклада проф. Артамонов указал, что успехи советской археологии были бы еще большими, если бы не подлая вредительская деятельность пробравшихся в ГАИМК врагов народа. Троцкистско-бухаринские вредители пытались ликвидировать археологию, как науку, и разогнать кадры археологов. Ликвидируя последствия вредительства, советская археология выходит на дорогу больших достижений не только в области накопления огромного исторического материала, но и в постановке и решении целого ряда первостепенной важности вопросов древней истории нашей страны.

Докладчик отмечает успехи советской археологии в области изучения палеолита.

Советской археологии удалось найти местонахождения с такими произведениями искусства, которые до недавнего времени считались специфической принадлежностью Западной Европы. Об успехах в области изучения палеолита говорят открытия в Сибири, в Крыму и на Кавказе. Особенно ценным является открытие в 1928 г. остатков древнего мустьерского человека в Средней Азии.

Как достижение советской археологии проф. Артамонов отмечает изучение памятников периода варварства—неолита и эпохи бронзы. Археологические работы на Кольском полуострове дали возможность установить заселение Арктики человеком по меньшей мере за 6 000 лет до н. э. Раскопки единственного в своем роде неолитического могильника на Большом Оленьем острове Онежского озера и ряд других открывают новые горизонты в изучении периода неолита и периода перехода человека от дикости к варварству.

Советская археология разоблачает различные фашистские фальсификации.

«Германские националисты типа Коссина,—говорит проф. Артамонов,—а вслед за ним и фашистские «ученые» пытались доказать, что мужественные германцы, разрушив Трипольскую культуру, распространили свое творческое влияние на Восток и Поднепровье и Причерноморье. В действительности, никакого крушения Трипольской культуры не было: имело место не нашествие нового народа, новой расы, а преобразование культуры в связи с изменением хозяйства и общественного строя. Та новая культура, которая сформировалась на месте Триполья, обнаруживает тесную близость с культурой, в то время распространенной в степной полосе».

Проведенные большие археологические работы в Закавказье дают много новых материалов для изучения Урартского периода, влияния Урартской культуры на развитие Закавказья и Северного Причерноморья.

Советскими археологами систематически производятся также раскопки античных городов, древнегреческих колоний в Северном Причерноморье—Ольвии, Херсонеса, Фанагории и др. Эти работы дают огромный дополнительный материал для изучения античного мира, его хозяйства, быта, искусства. Такой же ценный материал для изучения античности дают и раскопки боспорских городов.

Проф. Артамонов отмечает особенно интенсивную разработку советской археологией материалов, относящихся к эпохе формирования современных народов СССР.

«Задача создания такой истории СССР,—говорит проф. Артамонов,—в которой каждый из народов СССР был бы представлен в соответствии со своим действительным значением в общем историческом процессе и вместе с тем во всем своеобразии своей этнической культуры, выдвигает перед советскими историками ряд совершенно новых задач, разрешить которые возможно только с привлечением данных письменности, вещественных остатков прошлого разных народов Советской страны».

Отмечая дальше выдающиеся успехи археологов в Средней Азии, особенно в области изучения домусульманского Хорезма, а также на территории древней Руси, дающие картину хозяйства и быта, проф. Артамонов говорит о скоплении огромного количества археологических материалов, пока замороженных и ждущих скорейшего появления в свет.

После краткого обмена мнений и заключительного слова проф. Артамонова совещание выразило пожелание об опубликовании интересного доклада проф. Артамонова в журнале «Историк-марксист» и решило войти с предложением в президиум АН СССР о необходимости создания периодического органа, посвященного вопросам археологии.

О плане работ редакции «Вестника древней истории» на 1939 год

25 ноября 1938 г. состоялось заседание редакции журнала «Вестник древней истории» совместно с авторским активом. Заседание было посвящено рассмотрению редакционного тематического плана на 1939 г. и обсуждению задач перестройки журнала на основе постановления ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)».

Присутствовало 40 человек авторского актива Москвы и Ленинграда.

Ответственный редактор журнала тов. Мишулин в своем сообщении о задачах перестройки журнала подчеркнул исключительную важность для всех работников исторического фронта постановления ЦК ВКП(б), которое ставит перед исторической наукой СССР ряд весьма ответственных задач. Историческая наука, как и теоретический фронт вообще, в настоящее время находится в состоянии отставания от требований социалистической эпохи. Все сказанное в постановлении ЦК ВКП(б) имеет непосредственное отношение и к нашему фронту, к истории древнего мира. Говоря о задачах советских историков древности, критикуя имевшие место извращения и вульгаризацию в изучении истории прошлого человечества, тов. Мишулин особенно останавливается на вредном влиянии антиленинской, антиисторической «школы» Покровского, которая вела фактически к ликвидации истории, как науки. Вместо изучения живой, конкретной истории, вместо показа закономерности исследуемой эпохи, с тем, чтобы углублять познание истории человечества, лучше понять настоящее, некоторые «историки» часто подходили к историческим явлениям с точки зрения предвзятой идеи, подменяя изучение исторических явлений голыми социологическими формулами, таким образом фальсифицируя, опощляя действительную историю.

Характеризуя новые задачи, стоящие сейчас перед советскими историками в марксистском изучении прошлого человечества, тов. Мишулин акцентирует внимание авторов на значении такой выдающейся книги, вооружающей марксистско-ленинским методом всех историков, какой является «Краткий курс истории ВКП(б)». В этой энциклопедии марксизма с предельной ясностью и глубиной сформулированы задачи исторического подхода к изучению общественных явлений и законов их развития. Перед историками, в том числе и изучающими историю древнего мира, стоит боевая задача на основе положений «Краткого курса» дать отпор лженауке и всякого рода фальсификаторам и взяться за изучение исторического материала с подлинно-научной исторической точки зрения, т. е. с точки зрения исторического материализма.

Переходя к конкретным выводам, которые необходимо сделать из постановления ЦК ВКП(б) для перестройки работы журнала, тов. Мишулин отмечает особую важность теоретической разработки проблем марксистско-ленинского понимания древней истории.

Тов. Мишулин считает, что пункт постановления ЦК ВКП(б), где говорится об оторванности теоретических журналов от насущных вопросов борьбы и жизни нашей партии, об их самозамыкании и тенденции к академизму, — целиком относится и к «Вестнику древней истории». На конкретном рассмотрении материалов № 2 (3) ВДИ за 1938 г. тов. Мишулин показывает наличие в нем отхода в сторону академизма. Нет

статей, разоблачающих фальсификацию, вульгаризаторство и социологическое упрощенчество в вопросах истории древнего мира. Нет теоретических статей, развивающих марксистско-ленинское понимание вопросов древней истории. «Необходимо покончить, — говорит тов. Мишулин, — с боязнью смело ставить теоретические вопросы и на участке древней истории; надо дерзать в науке, не останавливаясь перед пересмотром некоторых устаревших положений с тем, чтобы способствовать движению вперед марксистско-ленинской исторической науки».

Затем тов. Мишулин переходит к краткому изложению проекта программы журнала на 1939 г. Для разработки теоретических проблем марксистско-ленинского понимания древней истории намечены следующие темы: 1. Античное государство в работах основоположников марксизма, 2. Рабовладельческая демократия в работах Ленина и Сталина, 3. Новое в марксизме-ленинизме о революции рабов, 4. Вопрос о «прародине» индоевропейских народов у Энгельса, 5. Использование работ по древней истории в трудах Маркса и Энгельса, 6. Вопрос о характере войн в древности.

В разделе «Древняя история народов СССР» намечаются темы: 1. Народы Скифии и их историческая судьба, 2. Из истории Боспора, 3. Рабский рынок Северного Причерноморья, 4. О периоде военной демократии у древних славян, и ряд тем по древней истории народов СССР.

В разделе «Восток» намечены темы: 1. Эксплуатация крестьян в Двуречье, 2. Эллинистическая Индия, 3. Древнейший Китай и его памятники, 4. Государство Урарту, 5. Рабовладение у халдов, и ряд тем по древнему Египту и т. д.

В разделе «Греция» в числе других тем намечено осветить: 1. Спорные вопросы крито-микенской культуры, 2. О природе древнегреческой тирании, 3. Материалистические идеи в Греции, 4. Илоты в Спарте.

В разделе «Рим» намечены такие темы, как: 1. Испания в античной легенде, 2. Восстание Сертория, 3. О заговоре Катилины, 4. О происхождении христианства, 5. Фашистская фальсификация принципата Августа, 6. Рабство в эпоху империи и ряд других тем.

В приложениях к ВДИ намечено опубликовать: 1. Тексты ранневизантийских писателей о древних славянах, 2. Источники о древней Иудее, 3. Первоисточники о древнейшей Галлии, 4. Эпиграфические данные о Скифии и Кавказе.

В 1939 г. будут значительно расширены и улучшены отделы критики и библиографии и хроники.

В заключение тов. Мишулин обратился к активу с призывом смелой критики в обсуждении работы журнала и его плана с тем, чтобы найти правильные пути перестройки и обеспечить дальнейшую работу журнала в направлении развития марксистско-ленинской исторической науки.

После сообщения тов. Мишулина выступил чл.-корр. АН СССР тов. Фрейман, который внес предложение дополнить план статьей, разоблачающей фашистскую фальсификацию в вопросе об арийцах. Современная наука доказывает, что под термином «арийский» надо понимать иранский и с этой точки зрения ни германцы и ни японцы не являются арийцами.

Тов. Богаевский считает, что ВДИ должен возглавить борьбу за передовую науку по древней истории. Из конкретных дополнительных тем, по мнению тов. Богаевского, должны найти себе место в плане на 1939 г. следующие: 1. Н. Я. Марр и его исторические установки в изучении языка, 2. О первом томе «Всемирной истории», 3. О восточном и античном рабовладении и 4. Статьи по истории античной культуры. Кроме того, в журнале необходимо улучшить работу по библиографии, давая ее в тематическом разрезе.

Тов. Пархоменко предлагает расширить тематику по древней истории народов СССР, включив такие вопросы, как разбор и критику норманских и антинорманских теорий, вопросы о соотношении древней Руси с Кавказом и в частности с Грузией, проблему об антах, о кочевниках вплоть до XII в. н. э.

Тов. И. М. Лурье отмечает большое значение ВДИ для историков. Из дополнительных к плану вопросов тов. Лурье обращает внимание на тематику культурно-исторического порядка. Например, аморейские находки по-новому ставят вопрос о Христе и т. д., а также проблему зароастризма.

Тов. Лурье предлагает организовать в журнале библиографию работ по кругу вопросов, охватываемых журналом, и завести специальный раздел публикаций памятников, характеризующих прошлое нашей страны.

Тов. Рубинштейн, вопреки тов. Лурье, считает необходимым сохранить в плане раздел теоретической тематики. Он считает необходимым также глубже разработать раздел по древней истории народов СССР и заинтересоваться проблемой державы Рюриковичей. Тов. Рубинштейн предлагает шире освещать древнюю историю народов Западной Европы дофеодалного периода.

Тов. Колобова, останавливаясь на лице и направлении «Вестника древней истории», считает, что материал в журнале распределяется неправильно. Так, материалы по древней истории СССР частью публикуются после хроники, частью в общем статейном разделе и это затемняет лицо журнала. Говоря о круге читателей, на которых журнал должен быть рассчитан, тов. Колобова считает, что ВДИ должен удовлетворять запросы не только специалистов, научных работников, но и работников вузовского типа, обслуживая интересы кафедр древней истории. Для этого, по ее мнению, надо ввести отдел, освещающий преподавание древней истории в вузах. Необходимо также шире организовать в журнале хронику по различным учреждениям и вузам СССР.

Тов. Колобова предлагает дополнить план темами: 1. О возникновении греческого государства, 2. О пересмотре римской традиции и взаимоотношениях провинций с Римом, в особенности начиная с III в. н. э. В заключении тов. Колобова предлагает заменить журнальную библиографию тематической.

Тов. Альтман поднимает вопрос о создании специальных корреспондентов ВДИ при каждом крупном историческом вузе с целью освещения в журнале научной деятельности вузов и институтов. Это дало бы возможность иметь картину того, что делается на участке древней истории в Советском Союзе, особенно в вопросе подготовки новых кадров историков, изучающих древность. По его мнению, в журнале надо создать также почтовый отдел, где читатель мог бы задавать вопросы и получать на них ответы. Тов. Альтман по поручению работников 1 Ленинградского Исторического института просит отвести в журнале ВДИ место для вопросов классической филологии.

Тов. Ранович, останавливаясь на значении решения ЦК ВКП(б) для наших журналов, в котором исчерпывающе определены задачи их перестройки, считает, что с этой точки зрения должен обсуждаться и план ВДИ и даваться оценка тематики журнала. Выделение в самостоятельный раздел теоретических вопросов означает не организацию в журнале специального раздела, как думают некоторые товарищи, а разработку ряда теоретических проблем, которые должны помогать в научной деятельности историкам древности. ВДИ должен обслуживать не только специалистов, но и более широкие круги советской интеллигенции, преподавателей и т. д. Темы, указанные в плане, отчасти определяются заявками авторов, так как необходимо считаться и с наличной научной продукцией. В основном же содержание журнала должно определяться задачами, которые выдвигает редакция в связи с постановлением ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г.

Далее тов. Ранович дает характеристику важнейших тем плана, которые необходимо осветить или открыть по ним творческую дискуссию. В своей работе редакция должна учитывать, что ВДИ—пока единственный журнал по древней истории. Учитывая, что журнал выходит раз в три месяца, следует материал тщательно отбирать, чтобы обеспечить место тому новому, что вносится в историческую науку и что наиболее актуально по затрагиваемой проблематике. Нельзя превращать журнал в тематические сборники.

Большим недостатком журнала, по мнению тов. Рановича, является отсутствие связи с местами. В республиках ведется большая научная работа, но она не отражена в журнале, и поэтому следует всемерно поддержать идею о специальных корреспондентах.

Тов. Львов (директор Соцэкгиза), отвечая на вопрос о лице журнала, определяет ВДИ, как журнал теоретический, научно разрабатывающий вопросы древней истории. В свете постановления ЦК ВКП(б) необходимо изменить характер редакционной работы с тем, чтобы смелее ставить новые научные вопросы, поднимая на страницах ВДИ творческую дискуссию. Ограниченный листаж журнала заставляет отбирать материал наиболее ценный и актуальный в научном отношении. Журнал должен активно бороться с извращением марксизма в вопросах древней истории.

В заключение тов. Львов предлагает включить в план работы ВДИ вопрос о типах происхождения государств на территории СССР и считает также возможным продолжать использование в журнале передовых прогрессивных ученых Запада. Но главной задачей редакции тов. Львов справедливо считает решительный курс на привлечение к работе в журнале молодых кадров.

Тов. Толстов отмечает, что, несмотря на большую работу, проделанную редакцией в освещении вопросов древней истории народов СССР, все же эти вопросы требуют еще большего освещения. Особенно надо внимательно относиться к публикации вновь открытых рукописных памятников по недостаточно разработанным разделам истории СССР. Это же надо иметь в виду и в отношении новых археологических памятников.

Соглашаясь в основном с намеченной тематикой, тов. Толстов считает необходимым привлечение и этнографических материалов к решениям проблем древней истории.

Тов. Машкин обращает внимание на то, что в представленном плане редакция не проявила достаточной смелости в намечении новых теоретических проблем. Не нашли отражения такие вопросы, как античное хозяйство, вопросы воспроизводства и т. д. Помимо этого необходимо, по мнению тов. Машкина, больше уделять внимания Северному Причерноморью. Тов. Машкина также не удовлетворяет разработка тем по истории Рима, которая носит случайный характер. Особое внимание в этом разделе надо заострить на конце античного мира. Затем тов. Машкин вносит пожелание, чтобы редакция проводила большую работу над представляемыми авторами материалами.

Тов. Киселев говорит о том, что в журнале в первую очередь должны освещаться вопросы древней истории народов СССР. Изучение истории СССР связано с огромной работой по изучению первоисточников, что должно учитываться редакцией. Представленный на обсуждение раздел по древней истории народов СССР тов. Киселев предлагает дополнить разработкой вопросов о культуре крашеной керамики на территории СССР, о Трипольской культуре и об исторических судьбах народов Средней Азии. Надо включить также готский вопрос, вопросы истории древней демократии и древнейших государств Центральной Азии и проблему военной демократии, существовавшей в свое время на территории Сибири. Тов. Киселев предлагает обсудить наметку тем по древней истории народов СССР на специальном заседании работников, изучающих древнюю историю СССР.

Тов. Левченко, представлявший на активе Институт истории материальной культуры, вносит ряд предложений для более тесного сотрудничества ИИМК с журналом «Вестник древней истории». Разрабатывая сейчас историю античной культуры, институт может представлять материалы по этим вопросам «Вестнику древней истории». Закончен также первый том «Истории народов СССР», представляющий большой интерес для журнала. Журнал, говорит тов. Левченко, должен вести развернутую борьбу с фашистскими извращениями и с фальсификацией, которую допускала историческая «школа» Покровского.

Тов. Пасек, разбирая конкретные темы плана, полагает, что темы по археологии должны реализоваться не только в форме публикации памятников, но и в форме общей

разработки тематики. Тов. Пассек предлагает включить в план тему доскифской истории Северного Черноморья и тему по древнейшему Поволжью.

Тов. Протасова отмечает, что план редакции должен соответствовать принципиальным установкам, связанным с перестройкой журнала. В задачу журнала должно входить печатание и такого материала, который дает толчок для исследования. В журнале необходимо ставить и дискуссионные вопросы.

Акад. Жебелев в своем выступлении отмечает, что участники заседания выдвинули так много актуальных и важных тем, что редакции надо проявить большую гибкость, чтобы в течение года успеть осветить их на страницах журнала. По мнению акад. Жебелева, принципом отбора материала должно служить одно—высокое качество статьи. Необходимо всячески расширять отдел критики и библиографии, где должна находить свое отражение вся новая русская и иностранная литература по древней истории. Акад. Жебелев предлагает завести в журнале отдел кратких аннотаций, помещать списки новых книг. Отдел приложений должен быть посвящен исключительно источникам в русском переводе. Особенно это касается источников на восточных языках.

Подводя итоги обсуждению, тов. Мишулин отметил положительные результаты первого заседания редакции с активом и указал на ценность критики недостатков журнала. Редакция в своей практической работе учтет все критические замечания относительно композиции журнала, помещения теоретических статей и т. д. На основе учета высказываний и предложений редакция выработает окончательный конкретный действенный план своей работы на 1939 г.

Тов. Мишулин особенно подчеркивает важность для журнала разработки теоретических проблем, ибо они должны помочь историкам древности в овладении неисчерпаемым богатством сокровищницы марксизма-ленинизма. С этой точки зрения и подходила редакция, когда включила в план самостоятельный раздел теоретических проблем, на сохранении которого в плане тов. Мишулин настаивает. Одновременно тов. Мишулин подчеркивает то обстоятельство, что журнал должен начать смело ставить вопросы в порядке творческого обсуждения.

Далее, останавливаясь на профиле «Вестника древней истории» и отвечая на ряд замечаний по этому вопросу, тов. Мишулин устанавливает, что журнал уже определил свой профиль четко, как орган по древней истории, которая в нашем понимании охватывает древний Восток, Грецию, Рим, древнюю историю нашей родины. В этом направлении журнал должен развиваться и дальше.

Тов. Мишулин согласен, что материалы по истории СССР надо усилить с тем, чтобы тематика этого раздела стала более полной, актуальной и интересной, поскольку в нашей периодической печати нет специального органа по истории СССР. Как только вопрос о создании такого издания решится положительно, естественно, что большая часть материалов по истории СССР отойдет туда.

Введение же в журнале, как это некоторые требовали, отдела классической филологии, несмотря на всю важность этой научной дисциплины, является невозможным, так как это выходит за рамки непосредственных задач исторического журнала.

Далее тов. Мишулин знакомит актив с трудностями систематического и планомерного выпуска ВДИ. Соцэргиз не чувствует никакой ответственности перед 20 тысячами подписчиков. В то время как редакция выполнила свой план на 1938 г., сдав своевременно в производство № 3(4) и № 4(5) журнала, Соцэргиз недопустимо запаздывает с изданием журнала. Так, № 3 и № 4 журнала, давно сданные в набор, все еще не сданы в печать.

В заключение тов. Мишулин выразил уверенность в том, что с помощью авторского актива разработка в «Вестнике древней истории» вопросов древней истории поднимется на надлежащую марксистско-ленинскую высоту, что будет способствовать продвижению вперед марксистско-ленинской исторической науки, как того требует постановление ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г.

Памяти А. И. Малеина

26 октября 1938 г. скончался в Ленинграде, после продолжительной болезни, профессор Александр Иустинович Малеин, один из видных наших филологов-античников, состоявший с 1916 г. в списке членов-корреспондентов Академии наук СССР.

А. И. Малеин родился в Торжке в 1869 г., учился в местной гимназии, по окончании которой поступил в СПб Историко-филологический институт и окончил его в 1892 г. по классическому и словесному отделениям. В 1894 г. А. И. Малеин был командирован на два года за границу, где отчасти слушал лекции в Гейдельберге и в Бонне, отчасти был в Италии, где занимался, главным образом, изучением древних рукописей и топографии Рима. В 1900 и 1905 гг. А. И. Малеин защитил в Московском университете диссертации на степени магистра («Марциал. Исследования в области рукописного предания поэта и его интерпретации») и доктора («Рукописное предание загадок Альдгельма») римской словесности. С 1905 г. А. И. Малеин состоял профессором Историко-филологического института и приват-доцентом СПб университета. После 1917 г. А. И. Малеин читал лекции в Ленинградском университете и служил в библиотеке Академии наук СССР.

А. И. Малеиным напечатано большое количество статей, рецензий, заметок¹ в «Журнале министерства нар. просвещения», в «Филологическом обозрении», в «Библиографе», в «Историческом Вестнике», в «Гермесе», одним из редакторов которого А. И. Малеин состоял со времени его основания в 1907 г. и до 1918 г. Лучшей работой А. И. Малеина является бесспорно упомянутая докторская диссертация, посвященная коллекции текста «Загадок» англосаксонского епископа Альдгельма, в результате которой была дана и образцовая рецензия текста. А. И. Малеин много потрудился и для русской истории, дал прекрасные переводы и комментарии к ним иноземных путешественников по России (Корба, Герберштейна, Плано Карпини, Рубрука). Для средней школы А. И. Малеин составил две хрестоматии: из «Энеиды» Вергилия и из книг Тита Ливия, посвященные II Пунической войне. Особо должны быть отмечены работы А. И. Малеина, связанные с Пушкиным («Пушкин и античный мир в лицейский период», «Пушкин и Овидий» и пр.).

А. И. Малеин был широко сведущим и чрезвычайно обстоятельным филологом. За какую тему он ни брался, он старался исчерпать ее до конца, и на те сведения, какие он сообщает, всегда можно смело полагаться и на них опираться. Трудолюбие А. И. Малеина было чрезвычайное, и его любовь и знание книги упрочили за ним уже давно титул заправского библиофила. А. И. Малеин принес несомненную и большую пользу делу нашего просвещения, а его готовность служить каждому, кто к нему обращался за теми или иными библиографическими справками, снискала ему общую симпатию.

Советская наука потеряла со смертью чл.-корр. АН СССР проф. А. И. Малеина виднейшего своего ученого по классической филологии.

¹ Обстоятельную биографию А. И. Малеина и список его печатных трудов до 1917 г. можно найти в «Библиографическом словаре лиц, окончивших курс Ист. фил. института», ч. 1, П., 1917, стр. 395—402.

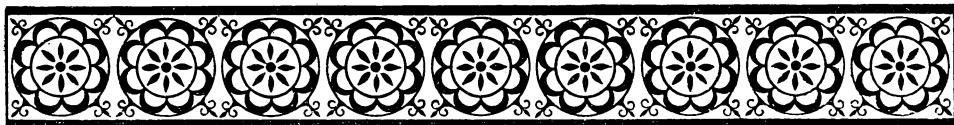

Приложение

/ПРОКОΠΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΕΩΣ
ΑΝΕΚΔΟΤΑ/

ПРОКОПИЙ КЕСАРИЙСКИЙ

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Произведение Прокопия, перевод которого на русский язык печатается ныне в первый раз, было издано впервые в 1623 г. Николаем Алеманном, «кустосом»—хранителем Ватиканской библиотеки¹. Оно было повторено в 1654 г. в Хельмштедте с замечаниями Эйхеля, являющимися своего рода речью в защиту Юстиниана от нападок Алеманна. В третий раз этот текст был перепечатан в Кельне в 1669 г. Несколько раньше, в 1663 г., на основе издания Алеманна, но с привлечением нового рукописного материала (миланского кодекса Ambrosianus (A), который один содержит полное введение, и cod. Seguerianus (S), являющегося второй ветвью потерянного или не дошедшего до нас архетипа) издал это сочинение Прокопия Клавдий Мальтрет и дал ему то деление на главы, которое теперь принято во всех изданиях. Работа Алеманна, в особенности, его критические и исторические примечания, не потеряла своего значения и до сих пор.

Каково было название произведения Прокопия, с точностью мы сказать не можем; Свиза, писатель и лексикограф IX в., который много и охотно цитирует Прокопия в своем словаре, называет это произведение τὸ κ λούμενον Ἰουέχδοτ: — «так называемое неизданное произведение». Это выражение говорит, однако, о принятом, но не официальном его названии. Предположение Компаретти (Le «Inedite», Roma, 1928), что это название выпало во введении ко всему произведению, дошедшему до нас в довольно испорченном состоянии, в конце гл. 1 § 1 перед словом αἴτιον,—ни на чем не основано. Наиболее правильным было бы считать его «Приложением к книгам о войнах», особенно после того, как Хаури (H a r u y)² с полной доказательностью установил³, что это небольшое произведение было написано Прокопием раньше того, как им была составлена VIII книга о войнах, т. е. приблизительно к 550 г. Данное Алеманном название «Arcana historia» («Тайная история») стало теперь ходячим.

Но, чтобы стать признанным произведением Прокопия, «Тайной истории» пришлось пройти долгий и тернистый путь. Она стала орудием борьбы между легистами и куриалистами, между юристами, работавшими при папской курии, как сторонники суверенной власти пап в ущерб правам королей и народа, и юристами светскими, опиравшимися на римское право и бывшими той революционной буржуазией, которая дала «третье сословие» французской революции; отсюда обвинения со стороны юристов, что «Тайная история»—злой памфлет, вышедший из недр Ватикана, «Venena Vaticana», «Justinianomastix»⁴. Обработка текста и установление точного чтения отошли на задний план, пока, наконец, две работы не положили предела такому положению: это работа

¹ Procopii Caesariensis, viri illustris Ἰουέχδοτ. Arcana historia, qui est liber nonus historiarum. Ex Bibliotheca Vaticana Nicolaus Allemannus protulit, latine reddidit, notis illustravit. Lugduni (Лион) 1623. Fol.

² Имя этого ученого в своей книге «О тайной истории Прокопия» недавно умерший Б. А. Панченко пишет: Гори.

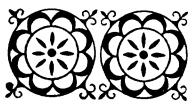
³ Статья Haury в BZ, 1936, 1—4.

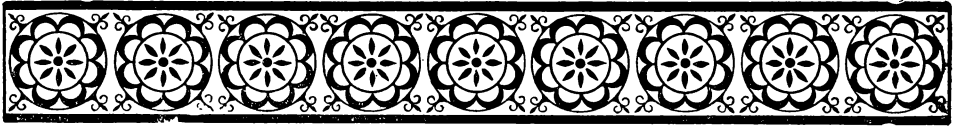
⁴ «Ватиканский яд»; «бич на Юстиниана». Причину вражды к Юстиниану со стороны Прокопия Хаури видит (BZ, 1937, 1—9) в уязвленном его самолюбии, как писателя.

Тейффеля и работа Дана (F. Dahn—Procopius von Cäsarea, Berlin, 1865). Все итоги окончательно подведены в крупной работе русского ученого Б. А. П а н ч е н к о— «О тайной истории Прокопия» (СПБ, 1897). С середины XIX в., почти после 150-летнего перерыва, началась и филологическая работа над текстом. В 1883—1888 гг. появилось полное собрание сочинений Прокопия, изданное Д и н д о р ф о м (боннское издание). Для 'Ανέδοτα он воспользовался критическими замечками на экземпляре издания Алеманна, сделанными рукою известного ученого конца XVIII в. Рейске. Язык Прокопия в «Тайной истории», написанной несколько небрежно, с недомолвками,—язык трудный; это особенно сказалось на издании ее И з а м б е р о м (Париж, 1856). Наряду с очень интересным историческим и географическим комментарием перевод Изамбера совершенно неприемлем, ввиду целого ряда непониманий текста, произвольных вставок и даже прямых ошибок. Крупным событием в работе по «Тайной истории» было издание ее покойным профессором Юрьевского университета М. Н. К р а ш е н и н н и к о в ы м. Им были найдены новые рукописи Прокопия в Ватиканской библиотеке, имеющие большое значение для критики текста, были проверены колляции прежних рукописей. При всех своих достоинствах, однако, это издание уступает новейшему изданию «Тайной истории», сделанному Х а у р и («Procopii Caesariensis Opera omnia» Res. J. H a u r y, vol. III, 1. Historia quae dicitur arcana, Lips., 1906). Хаури подошел к Прокопию с хорошей исторической и филологической подготовкой. Его четыре небольших работы, касающиеся Прокопия (Procopiana; Zur Beurteilung des Geschichtsschreibers Procopius), за 1890—1891 гг. подвели твердое основание под изучение данного автора. Счастливый случай дал ему возможность в 1898 г. найти в Париже древнейший и лучший кодекс, быть может, привезенный туда семьею Медичи. Опираясь на авторитет этой рукописи, владея глубоким знанием языка и фразеологии Прокопия, Хаури выпустил свое издание в 1906 г., которое теперь и является основным. Прошло двадцать лет, прежде чем появилось новое издание Прокопия, итальянское: Procopio di Cesarea, Le Inedite, libro nono delle Istorie. Testo greco, con traduzione italiana a cura di D. Comparati (†). Edizione postuma licenziata da D. Bassi. Roma, 1928. В смысле установления текста и произвольности конъектур издание Компаратти составляет шаг назад сравнительно с осторожной работой Хаури (H a u r y). В том же 1928 г. вышло многотомное английское издание Прокопия с английским переводом D e w i n g ' a, судя по отзывам, имеющее большую ценность.

Эти же годы дали еще работы, специально основанные на содержании Ανεδοτα: это исторический роман об императрице Феодоре (E w a l d G r i m b e r —Theodora. Die Tänzerin auf dem Kaiserthron, München, 1928, 8, 224 S.), как и все исторические романы, имеющий мало исторической ценности; зато «Роман», «Theodora» и другие работы Д и л я (Ch. Diehl—«Choses et gens de Bysance», 1927), одного из крупнейших византинологов современности, известного и русской публике благодаря переводу на русский язык его «Юстиниана» и «Византийских портретов», при всей популярности изложения, являются крупным вкладом в историю описываемой эпохи.

Издание Хаури дало повод к более глубокому исследованию языка Прокопия и других византийских писателей. В 1906 г. вышли две работы: одна—о ритмике языка Прокопия A. d e G r o t и другая—С r ö n e r t ' a (GGN). На русский язык «Тайная история» не переводилась никогда. Своею целью я поставил, по возможности, точную передачу текста по изданию Хаури. Важнейшие разночтения даны тут же в сносках. В примечаниях с возможной краткостью приводятся указания на соответствующую литературу и на других античных писателей, касавшихся тех же вопросов.

СОДЕРЖАНИЕ

(По изданию Клавдия Мальтрета, 1663 г.)

Гл. I. Происхождение и воспитание Антонины. Будучи замужем за Велизарием, предается разврату. Убийством папы Сильверия добивается расположения императрицы Феодоры. Ее связь с юношей Феодосием. Уличенная Велизарием, свирепо расправляется с доносчиками; злоумышляет против своего сына Фотия. Феодосий постригается в монахи в Эфесе.

Гл. II. Велизарий отправляется против Хозроя. Он договаривается с Фотием, своим пасынком, об убийстве Феодосия, вернувшегося к Антонине. Дела на Востоке и вина в них Велизария. Хозрой пользуется письмом императрицы Феодоры для унижения римлян.

Гл. III. Велизарий арестует Антонину. Феодосий в Эфесе скрывается в храм. Велизарий отозван в Византию. Фотия Феодора заключает в оковы, проявляя свою жестокость и к другим близким к Велизарию людям: сенатора Феодосия приковывает в подземелье к яслям. Антонине возвращает ее любовника Феодосия, а Фотия держит в заключении, нарушая святость убежища. Явившийся во сне пророк Захария дает Фотию возможность бежать. Фотий становится монахом.

Гл. IV. Вследствие возникших слухов в связи с болезнью Юстиниана Буза заключается в подземную тюрьму. Велизарий лишен своего положения. После многого позора он дарится Антонине. Иоаннина, дочь Велизария, просватывается за Анастасия (внука Феодоры). Второй, неудачный поход Велизария в Италию. Счастье—это все равно, что божественное провидение.

Гл. V. Жадность Велизария в Италии. Отчуждение от него Иоанна. Велизарий покидает Италию в тяжелом положении. Феодора устраивает гнусный брак. Велизарий в руках своей жены. Коварство и жестокость Сергия по отношению к послам. Соломон (младший) убивает Пегасия, сделавшего ему мягкий выговор: оправданный императором, он наказывается богом.

Гл. VI. Происхождение и родина Юстина I. Зачисление в преторианскую гвардию. Избегает смерти: во сне явившийся призрак запрещает Иоанну его казнить. Императором Анастасием назначается начальником преторианцев. Становится императором, будучи безграмотным. Новый способ императорской подписи. Лупяница—жена Юстина. Характер Юстиниана. Он—виновник убийства Аманция и Виталиана.

Гл. VII. Бесчинства стасиотов цирковых партий. Новшества в костюмах. Грабежи и убийства. Бессилие закона. Распущенность нравов. Удивительная верность жены мужу. Порицание Юстиниану.

Гл. VIII. Юстин подобен ослу. Юстиниан растрчивает государственные средства. Безумное строительство по берегам моря. В стремлении найти деньги вступает на путь несправедливости. Внешней фигурой похож на Домициана. Рассказ о малоизвестной статуе Домициана.

Гл. IX. Низкое происхождение Феодоры; позорное воспитание; бесстыдная торговля телом. Любовница Юстиниана. Несправедливое отношение к Феодоту «Тыкве»:

Жена Юстина не позволяет Юстиниану жениться на Феодоре. Новым законом Юстина разрешено лицам сенаторского звания жениться на актрисах и проститутках. Юстиниан сделан соправителем.

Гл. X. Прокопий высказывает свое мнение по поводу брака Юстиниана с Феодорой. Внешность Феодоры. Ее единомыслие с Юстинианом.

Гл. XI. Юстиниан все делает по-новому, чтобы все носило его имя; многим старым учреждениям придает свое имя. Широко тратит деньги. Своей расточительностью привлекает варваров. Вследствие своей жадности преследует еретиков. От ужаса преследований монтанисты сжигают себя. Самариты, обращенные в христианство, в большинстве становятся манихеями или политеистами. Крестьянство, бывшее самаритами с ими избранным царем, делает восстание и избивается. Юстиниан преследует эллинов, педерастов и астрологов.

Гл. XII. Замечательный обман, проявленный по отношению к Зенону, к другим сенаторам и по отношению к Иоанну из Эдессы. Юстиниан и Феодора считаются за демонов. Передают, что Юстиниан рожден демоном: видели, как он гулял без головы. Чудесное видение монаха. Юстиниан не был предан ни питью, ни еде, но предавался любви. Феодора имела общение с злыми духами (лемурами). Ее сновидение.

Гл. XIII. Внешняя доступность Юстиниана; гнев на обращающихся с заступничеством; исключительная милость к церковнослужителям. Его благочестие; согласованность действий с Феодорой; непостоянство. Лесть Трибониана. У Юстиниана любовь и ненависть вызывались жадностью. Законы писались и отменялись за деньги. Отношение к самым близким людям. Его коварство. Его постничество.

Гл. XIV. Жестокость Юстиниана. Несправедливость судебных решений. Сенату оставлено только имя. На его весах Фемиды имело значение только золото. Обязанность секретаря (референдария). Преторианцы насильно заставляют судей выносить решения. Лев Киликиец—автор продажи судебных решений.

◆ Гл. XV. Жестокость Феодоры. Забота о своем теле. Надменность. Целование ног. Сплетни. Суrowость. Недостойное глумление над патрицием. Удаление в Герейон.

Гл. XVI. Феодора готовит гибель Амалазунте. Для этого она пользуется услугами Петра. Строит ковы против Приска. Она жестоко наказывает Ареобинда. Предаёт казни Бассиана. Подвергает гонению Диогена. Мучает Феодора.

Гл. XVII. Феодора доводит до казни на кресте префекта за то, что он обвинил генетов («голубых»). Проституток побуждает к честной жизни. Мучает знатных женщин. Своего незаконного сына Иоанна убивает. Покровительствует женщинам, уличенным в прелюбодеяниях. Назначает епископов и магистратов. Заботится об устройстве браков знатных лиц. Выдает за Сатурния распутную женщину, и когда он на это жаловался, наказывает, как мальчишку. Ее действия против Иоанна из Каппадокии.

Гл. XVIII. Сколько крови пролил Юстиниан на земном шаре. Бедствия Африки. Велизарий бесславно отозван из Африки. Бедствия Италии. Пределы готских владений. Вторжения варваров в Европу. Вторжения сарацинов и персов. Юстиниан—виновник войн. Несвоевременно занимается теологическими тонкостями. Избиения граждан. Наводнения. Землетрясения. Моровая язва.

Гл. XIX. Сновидение о жадности Юстиниана. Оставленные императором Анастасием сокровища он расточил. Грабит подданных, щедро награждает варваров.

Гл. XX. Префект над рыночной торговлей. Учреждение монополий. Вновь созданы должности praetor plebis и quaesitor. Видоизменена к худшему квестура. Трибония сменяет Юнил, а этого—Константин. Нравственные качества того и другого.

Гл. XXI. Налог «с неба». Грабительство префектов претория, кроме выдававшихся честностью Фоки и Басса. Префектуры замещались за деньги. Закон о назначении префектов без уплаты денег. Платные чиновники. Преступные перед государством префекты. Варварам предоставляется возможность грабить.

Гл. XXII. Приемником Иоанна из Каппадокии в звании префекта претория

является Феодот, а преемником этого—Петр Барсима. Его преступления. Распределение испорченного хлеба. Петр—любимец Феодоры вследствие опытности в магии. Непостоянство Юстиниана. Петр назначается заведующим казначейством. Уменьшение размера золотого.

Гл. XXIII. Уничтожается сложение недоимок. О принудительной скупке хлеба, о круговой поруке, об описи и переложении городских долгов. Количество варваров, обитающих в Византии.

Гл. XXIV. Мучения воинов. Три ступени военной карьеры. Несправедливое отношение к ним логофетов. Пограничники. Схоларии. Сверхкомплектные. Доместики и личная охрана. Уничтожается раздача подарков каждые пять лет.

Гл. XXV. Мучения ремесленников. Размен монеты. Шелковых дел мастера. Цена шелка.

Гл. XXVI. Уничтожение сословия адвокатов. Врачи и профессора права и общекультурных предметов. Уничтожение зрелищ. Отмена ежегодного консульства. Мучения бедных. Оставленное Теодорихом в Риме жалование преторианцам отнято, равно и хлебная раздача бедным храма апостола Петра. Это делает Александр «Ножницы». В Александрии Гефест уничтожает раздачу хлеба бедным, введенную еще Диоклетианом.

Гл. XXVII. В Александрии приск Родон под влиянием епископа Павла и приказа Юстиниана казнит дьякона Псою. Решением папы Вигилия Павел низлагается. Юстиниан казнит Родона, Феодора—Арсения. Твердость Вигилия. Фаустин самарит, будучи виновным, оправдывается императором.

Гл. XXVIII. Приск из Эмесы—поддельватель подписей. Столетний срок давности для церковных имуществ. Лонгин открывает обман Приска. Юстиниан мучает евреев.

Гл. XXIX. Двуличие Юстиниана вызывает сильное столкновение. Он овладевает наследством Эвдемона и Евфрата. Закон о наследовании после сенатора. Несправедливые решения Юстиниана. При наличии взятки Юстиниан прекращает свое благоволение к венецам («голубым»).

Гл. XXX. Цели установления в древности почтовых трактов. Юстиниан уничтожил во многих местах курьеров и разведчиков. Шутка Юстиниана. Этикет приветствования императора и императрицы. Многочисленность посетителей императорского дворца.

ПРОКОПИЙ

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ
PROCOPII CAESARIENSIS
ARCANA HISTORIA

Перевод С. П. Кондратьева

I. 1. Все то, с чем пришлось встретиться римскому народу в его военных предприятиях вплоть до сегодняшнего дня, я излагал до сих пор в таком порядке, при котором мог все свое повествование о событиях связать с определенным временем и местом действий. Но теперь рассказ мой пойдет не этим путем, так как я стану повествователем того, чему суждено было совершиться в различных местах и в различные сроки в пределах Римской державы. 2. Причина этого в том, что описывать все как следует раньше было мне совершенно невозможно, пока были еще живы вершители всех этих дел. Ведь сделать это незаметно при том множестве шпионов, какое тогда было, для меня не представлялось возможным, а уличенный—я неизбежно должен был погибнуть самою жалкою смертью: ведь в этом случае я не мог полагаться даже на самых близких своих родных. 3. Да и в прежних своих работах я был вынужден умолчать о причинах многого из того, о чем я писал. Поэтому я считаю своим долгом в данном сочинении высказать все, о чем до сих пор я должен был молчать, а равно и объяснить причины событий, рассказанных мною прежде. 4. Но приступая к этому новому предприятию, труду тяжкому и трудно преодолимому, к рассказу о жизни Юстиниана и Феодоры, лишь только я как следует подумаю об этом, робость нападает на меня, и я готов отказаться от своего намерения: я боюсь, как бы то, о чем я теперь буду писать, позднейшим потомкам нашим не показалось и недостоверным, и неправдоподобным. Особенно, когда в дальнейшем течении времени то, о чем мы слышим теперь, по давности времени станет забываться; я боюсь, как бы меня не сочли составителем каких-то басен и не занесли в число писателей и исполнителей трагедий для театра. 5. Однако, несмотря на все бремя моего столь важного предприятия, я не откажусь от своей решимости, ввиду того, что рассказ мой имеет себе многих свидетелей. Ведь ныне живущие люди, являясь непререкаемыми свидетелями всех этих дел, и на будущие времена будут вернейшими спутниками правдивости всех моих сообщений. 6. Но было и другое соображение, которое при всем моем горячем стремлении к предпринятой мной работе, не раз и в течение долгого времени держало меня как бы в узде. Мне представлялось, что для людей будущих поколений все это не принесет никакой пользы, так как для будущих времен лучше всего не знать о позорных деяниях прошлого, а то как бы, услышав о них, тираны не захотели подражать

и превзойти их. 7. Ведь большинство властителей—люди малообразованные, легко и охотно подражают всему дурному, что было у их предшественников, и без труда, не задумываясь, склоняются к порокам и преступлениям прошлых веков. 8. Но затем к решимости написать историю этих деяний меня привело вот какое соображение: ведь для тех, кто в будущем станут тиранами, будет совершенно ясно, что и им никак не избежать отмщения за свои преступления, подобно тому, как и этим людям пришлось понести такое же возмездие, а затем и их позорные поступки и образ жизни, записанные в истории, будут всегда напоминать об их преступлениях; потому они с большим опасением будут совершать свои правонарушения. 9. Кто из позднейших людей знал бы распутную жизнь Семирамиды или безумие Сарданапала и Нерона, если бы память о них не была сохранена в работах тогдашних историков? С другой стороны, и для тех, которым предстоит, если такова уж будет их судьба, стать жертвами подобных беззаконий со стороны будущих тиранов, не совсем бесполезным будет знакомство с моим рассказом. 10. Для находящихся в несчастье обычно является утешением, что не они одни подверглись таким бедствиям. Поэтому я хочу сначала рассказать, что было сделано постыдного Велизарием; а затем изложу и постыдные деяния Юстиниана и Феодоры. 11. У Велизария была жена¹, о которой я упоминал в своих прежних книгах. Ее дед и отец были возницами (в цирке), занимавшимися этим делом в Византии и в Фессалонике, мать же была из тех, которые служили при театре, занимались проституцией. 12. Сама она вначале вела распутную жизнь, по своему характеру не зная удержу в своих страстях; она была опытной в ядах и снадобьях—знание, наследственное в их семье. Обучившись всему, что ей было нужно, она впоследствии стала законной женой Велизария, бывши до него матерью многих детей. 13. Но и затем, даже после брака, с самого же начала она считала для себя допустимым нарушать развратом супружескую верность, однако старалась делать это в тайне, не потому, чтобы она хотела скрывать свои прирожденные привычки или испытывала какой-либо страх перед мужем (она никогда не стыдилась никакого позорного дела, а мужа своего, ослепленного многими ее чарами, держала в своих руках), но боясь наказания от императрицы: Феодора была очень на нее сердита и открыто гневалась на нее. 14. Но затем, оказав Феодоре услугу в очень тяжелый для нее момент, Антонина приобрела ее дружбу и забрала ее в свои руки; она сначала умертвила (папу) Сильверия,—каким образом, об этом будет рассказано позднее², а потом покончила с Иоанном из Каппадокии, о чем я говорил в прежних книгах³; с этого времени она без малейшего страха, и уже ничуть не скрываясь, считала для себя вполне дозволенным всякий грех (и распущенность). 15. Был один юноша из Фракии в доме Велизария, по имени Феодосий⁴, принадлежавший еще на родине к секте так называемых евномиян. 16. Собираясь отплыть в Ливию, Велизарий крестил его святым крещением и, будучи его восприемником, он вместе с женой сделал его своим приемным сыном, усыновив его, как полагается, по христианскому закону. Поэтому Антонина, согласно святому писанию, стала любить его, как сына, особенно заботилась о нем и держала его около себя. 17. Во

¹ Об Антонине, кроме Прокопия, сообщает Свидя (под словом ἐγγυήσασθαι) и автор о «начале города Византии».

² Прокопий нигде об этом не рассказывает.

³ Кн. I, гл. 25, § 13 сл. (Сноски везде даны по изданию Н а и г у).

⁴ О Феодосии см. П р о к о п и й—Война с вандалами, I, 1.

время плавания в Ливию она влюбилась в него без ума и, вся пылая страстью, откинула всякий страх перед богом и людьми и всякий стыд. Сначала она тайно сошлась с ним, а под конец делала это на глазах слуг и рабынь. 18. Став как бы одержимой от этой страсти и явно обезумев от любви, она уже не видела тех препятствий, какие могли встретиться ей на этом пути. Как-то раз в Карфагене Велизарий захватил их на месте преступления, но дал себя обмануть жене сам, по собственной доброй воле. 19. Застав их обоих в каком-то подземном помещении, он пришел в гнев. Антонина же, не выказав страха и не стараясь как-либо скрыть это дело, сказала ему: «Я пришла сюда с этим юношей, чтобы спрятать самые дорогие вещи из добычи, боясь, что император узнает как-нибудь о них». 20. Вот какой предлог притворно выставила она в свое оправдание; Велизарий позволил убедить себя такими словами и оставил их безнаказанными, хотя он сам видел, что у Феодосия развязан ремень, затягивавший штаны около его полового члена. Под влиянием любви к этой женщине он не захотел верить тому, что он видел своими собственными глазами. 21. Ее похоть и сладострастие росли с каждым днем, становясь невыразимой гнусностью, но все, хотя и видели творимое ею, молчали; только одна рабыня, по имени Македония, в Сиракузах, в то время когда Велизарий овладел Сицилией, открыла ему это; взяв с своего господина самые страшные клятвы, что он никогда не выдаст ее хозяйке, она рассказала ему обо всем, творимом Антониной, и привела ему свидетелями двух молодых рабов, которые прислуживали в спальне. 22. Узнав об этом, Велизарий велел нескольким лицам из своей свиты убить Феодосия. Заранее проведав об этом, Феодосий бежал в Эфес. 23. Дело в том, что большинство из свиты Велизария, принимая во внимание неустойчивость его характера, более старались заслужить милость его жены, чем выказывать свою преданность мужу и казаться пользующимися его расположением. Вот почему тайное поручение, данное им относительно Феодосия, они выдали (Антонине). 24. Видя, что от всего случившегося Велизарий сильно страдает, сочувствуя ему, Константин¹ сказал: «Что касается меня, то я бы скорее прикончил эту женщину, чем юношу». 25. Узнав об этом, Антонина разгневалась на Константина, но сначала не показала виду, чтобы в подходящий момент² проявить против него свою ненависть. Была она сущим скорпионом и умела в тайне хранить свой гнев. 26. Немного времени спустя или при помощи каких-то чар и приворотных зелий, или лестью и ласками она убедила мужа, что обвинение против нее было недобросовестным. И Велизарий без всякого колебания вызвал назад к себе Феодосия, а рабыню Македонию и слуг решил выдать жене. 27. У них у всех, как говорят, она велела сначала вырезать язык, а затем, изрубив на мелкие куски, в мешках велела бросить в море, без малейшего угрызения совести. Помощником ей во всем этом безбожном деле был один из ее рабов, по имени Евгений, которым было совершено и гнусное дело убийства Сильверия³. 28. Вскоре после этого по наущению жены Велизарий велел убить и Константина. В это время именно и произошло дело по поводу Президия

¹ Константин (по другим чтениям Константиан), императорский конюший, был очень известным и энергичным воином. О нем Прокопий часто упоминает в «Войне с готами», V, 5, § 3; он одержал много побед (V, 16). При осаде Рима играл большую роль (V, 19, 16; 22, 15; 25; VI, 1, 4, 6). Об его убийстве: VI, 8, 14, 17.

² По конъектуре Heerwerden'a; другие варианты: «в тайне»; «в ближайшее время»; «жесточайшим образом».

³ О Сильверии см. Либрат из Карфагена, гл. 22.

и его кинжалов, о чем я рассказывал в прежних книгах¹. 29. Велизарий хотел спасти Константина, отослав его подальше от себя, но Антонина до тех пор не давала ему покоя, пока ей не удалось отомстить Константину за ту фразу, о которой я только что упоминал. 30. За это Велизарий вызвал к себе сильную ненависть со стороны императора и всех знатнейших римлян. 31. Таковы были там дела. Что касается Феодосия, то он сказал, что не может вернуться в Италию, где в то время были Велизарий и Антонина, если не будет устранен Фотий². 32. По своему характеру Фотий был готов «кусаться» (враждуя со всяким), если кто у любого человека имел большее значение, чем он. По отношению же к Феодосию он совершенно справедливо задыхался от гнева, потому что его, хотя он был ее сыном, Антонина не ставила ни во что, Феодосий же пользовался огромным влиянием и был осыпан богатством. 33. Говорят, что из дворцов в Карфагене и Равенне он украл для себя до 10 000 фунтов золота, тем более, что ему одному бесконтрольно было поручено ведать всей тамошней добычей. 34. Узнав о таком решении Феодосия, Антонина стала строить козни против сына, не останавливаясь даже перед попытками его убить, пока не смогла добиться, чтобы он уехал в Византию, будучи уже не в силах выносить ее козней, и чтобы таким образом сделать возможным приезд к ней в Италию Феодосия. 35. Насладившись до пресыщения и общением со своим любовником, и глупостью и легковерием своего мужа, она спустя некоторое время в сопровождении их обоих вернулась в Византию. 36. Тут Феодосий испугался этой близости, совесть стала его мучить и настроение его стало меняться. Он полагал, что скрыть эту близость от общества ему никак невозможно, так как женщина уже не в состоянии сдерживать себя и прятать свою страсть, не хочет тайно нарушать закон, но считает более всего для себя подходящим открыто быть и называться распутницей и его любовницей. 37. Поэтому Феодосий вновь удалился в Эфес и, постригшись, как полагается по закону, записался в число так называемых монахов. 38. Тут Антонина совсем сошла с ума, надела траурную одежду, не пила и не ела, охваченная горем, все время со стенаниями ходила по дому и, рыдая, оплакивала его, как покойника, при живом еще муже, причитая, какой милый у нее погиб, какой верный, приятный, расположенный к ней, какой сильный и энергичный близкий ей человек. 39. В конце концов, она заставила и мужа принять участие в этом оплакивании. И этот несчастный плакал, призывая назад любимого и желанного Феодосия. 40. Затем, обратившись к императору и к императрице с просьбой, он умолял их и добился того, что они приказали Феодосию вернуться. Велизарий говорил, что и теперь и в будущем он будет самым необходимым членом его дома. 41. Но Феодосий наотрез отказался прибыть в Византию, выставляя очень благовидный предлог, что в этом ему будет препятствовать весь образ жизни монахов. 42. Но оказалось, что эти речи были притворны, для того, чтобы, как только Велизарий уедет из Византии, самому тайно прибыть к Антонине. Так это и было на самом деле.

II. 1. Тем временем Велизарий получил приказание вместе с Фотием отправиться на войну с Хозроем; Антонина против своего обыкновения осталась в Византии, хотя раньше она никогда этого не делала. 2. Обычно она обязательно отправлялась вместе с мужем, куда бы он ни ехал, для

¹ См. Прокопий—Война с готами. IV (VIII), гл. 8.

² О Фотии подробнее у Иоанна Эфесского, 31.

того, чтобы, оставшись один, он не пришел в себя и, освободившись от ее колдовских чар, не совершил бы против нее чего-либо, чего она давно заслужила. 3. Чтобы Феодосию было возможно вновь возвратиться к ней, она приняла решение всячески стараться известить Фотия. 4. Она поэтому убедила некоторых из спутников Велизария постоянно и при каждом удобном случае издеваться над Фотием и позорить его; сама же она почти ежедневно писала Велизарию, непрерывно клевета на сына и возводя на него всяческие обвинения. 5. Всем этим юноша был вынужден действовать против матери тоже путем наветов и обвинений. Когда прибыл кто-то из Византии и стал рассказывать, что Феодосий тайно живет с Антониной, Фотий тотчас привел его к Велизарию, чтобы он сообщил ему все эти рассказы. 6. Узнав об этом, Велизарий, охваченный ужасным гневом, пал к ногам Фотия, умоляя его отомстить за него, терпящего такое поношение и беззаконие от людей, от которых он меньше всего это заслужил. «Дорогой мой мальчик,—говорил он,—кто был твой отец, ты, конечно, знать не мог, так как, когда ты был еще грудным ребенком, он покинул мир, исполнив дни своей жизни. Ты не получил от него никакого наследства, так как он был человеком бедным. 7. Ты был воспитан мною, своим вотчимом, и пришел теперь в такой возраст, что вполне можешь подняться на мою защиту, раз я несу столь жестокие обиды. Ты достиг, благодаря мне, консульского звания¹, ты осыпан таким богатством, что по справедливости мог бы считать меня и своим отцом, и матерью, и всей своей родней. 8. Не кровным родством, но своими поступками люди обычно доказывают взаимную любовь. 9. Время тебе прийти мне на помощь, мне, который, кроме гибели своей домашней жизни, рискует лишиться столь великих богатств; а с другой стороны—не оставить без внимания того позора, которым твоя мать ославила себя в глазах всех людей. 10. Подумай также и о том, что грехи жен касаются не только их мужей, но задевают еще в большей степени и их детей, которым, конечно, долгое время придется нести пятно материнского позора; ведь считается, что в силу самой природы своей они по характеру подобны своим родительницам. 11. Что касается меня, то имей в виду, что жену свою я очень люблю и если бы мне удалось отомстить губителю дома моего, я не сделаю ей ничего дурного; но если Феодосий останется жив, то я не мог бы простить ей этого позорного поведения». 12. Выслушав это, Фотий согласился в будущем во всем помогать Велизарию, но сознался, что боится, как бы не случилось из-за этого с ним чего-либо плохого, так как при слабохарактерности Велизария он, Фотий, не очень уверен в том, что может быть спокойным за себя, решившись действовать против этой женщины; что перед его глазами устрашающим призраком стоят особенно мучения и смерть несчастной Македонии. 13. Поэтому оба они (Велизарий и Фотий) дали взаимно друг другу все самые страшные клятвы, какие только есть и считаются такими у христиан, что они никогда не оставят один другого, даже если это будет грозить им гибелью. 14. Приступить к выполнению этого дела тотчас же им показалось несвоевременным; когда же Антонина уедет из Византии, чтобы соединиться с ними, а Феодосий вернется в Эфес, тогда Фотий без большого труда захватит в Эфесе Феодосия и все его богатства. 15. И вот тогда они со всем войском совершили вторжение в Персидское царство, а в Византии произошло

¹ Имя Фотия не значится в списках консулов «ординарных». Он был, вероятно, «почетным консулом» (ex consularibus), как и Нарзес, который, будучи евнухом, не имел права занимать консульскую должность.

с Иоанном Каппадокийским¹ то, о чем я уже рассказал в предшествующих своих книгах². 16. Тогда исключительно из-за страха я умолчал о том, что Антонина не просто обманула Иоанна и его дочь, но, заверив их целым рядом клятв, самых страшных, какие только есть у христиан, она убедила их, что не имеет против них никакого злого умысла. 17. Выполпив это дело и еще больше уверенная в дружбе императрицы, Антонина отправляет Феодосия в Эфес, сама же, не подозревая никакого против себя заговора, направляется на Восток. 18. Велизарий только что взял крепость сисавранов, когда кто-то дал ему знать, что приближается Антонина. И он, бросив заботу обо всех остальных делах, велел войску отступить. 19. Случилось в лагере и нечто другое, о чем я рассказывал раньше—морозная язва³, что побуждало его к скорейшему отступлению. А прибытие Антонины заставило его еще больше ускорить отход. 20. Но, как я сказал в начале этой книги, рассказать о всех причинах этих действий тогда я считал для себя крайне опасным. 21. За все это было много нареканий на Велизария со стороны всех римлян, именно за то, что он из-за своих домашних дел не захотел использовать столь благоприятно сложившиеся для Римского государства обстоятельства. 22. Вначале, охваченный возбуждением и гневом против жены, Велизарий не хотел быть далеко от пределов Римской империи, чтобы иметь возможность при первом известии об отъезде Антонины из Византии повернуть назад и тотчас захватить и отомстить Феодосию. 23. Поэтому-то он велел Арефе⁴ с его соплеменниками перейти Тигр, но они, не сделав ничего, о чем бы даже стоило упомянуть, ушли к себе домой, сам же он не захотел остаться (в пределах врагов) на расстоянии даже одного дня пути от римских границ. 24. Ведь (взятое им) укрепление сисавранов, если идти через город Низибис, отстоит от римских границ более чем на день пути для человека налегке, если же идти другим путем, то это расстояние будет вдвое меньше. 25. А ведь если бы Велизарий с самого начала решил перейти Тигр со всем войском, то, думаю, он мог бы разграбить все земли Ассирии и дойти до самого Ктесифонта, не встретив ни малейшего сопротивления; он спас бы этим пленных, взятых персами в Антиохии, равно и других римлян, находящихся тут в плену, и дал бы им возможность вновь вернуться в отчужденную землю. А затем это исключительно вина Велизария, что он дал возможность Хозрою в полной безопасности вернуться из Колхиды домой. Как это все произошло, я сейчас расскажу. 26. Когда Хозрой, сын Кабада, вторгся в Колхидскую землю и, совершив много подвигов, о которых я рассказывал раньше⁵, взял также и Петру, за время этого похода ему пришлось потерять многих воинов из мидийского войска от военных действий, так и от неблагоприятных местных условий. Лазика, как я уже говорил, страна труднопроходимая и вся в отвесных скалах. 27. Кроме того, на персидское войско напала повальная болезнь, вроде чумы, от которой пришлось погибнуть большей части войска; да и недостаток в провианте был причиной гибели многих из них. 28. В это же время

¹ Об Иоанне Каппадокийце подробно рассказывает Прокопий в первой книге о войне с персами. Он был префектом претория на Востоке, повидимому, два раза. Соланный, он был пострижен под именем Петра.

² Войны с персами, кн. I, гл. 25, § 13.

³ Войны с персами, кн. II, гл. 19, § 23 сл.

⁴ Об Арефе, сыне Габала, вождя племени сарацин, Прокопий много раз говорит в своих «историях». Его военные действия обычно были неудачны, причем и Прокопий не знает, чему это приписать: измене или несчастью.

⁵ П р о к о п и й—Войны с персами, кн. II, гл. 17; гл. 20, § 47 сл.; гл. 29, § 24.

некоторые, приходя из Персии, сообщали, будто Велизарий, победив Набеда около города Низибис, двигается дальше, осадив и взяв укрепление сисавранов. Они сообщали, что Велизарий взял в плен Блесхану с 800 персидскими всадниками (из царской гвардии), что другое войско под начальством сарацинского вождя Арефы он послал с тем, чтобы, перейдя Тигр, разграбить все тамошние места, до тех пор никогда не подвергавшиеся опустошению. 29. Сверх всего прочего Хозрой послал войско гуннов на тех армян, которые были в подчинении у римлян, с тем, чтобы занятые этой войной римляне не обращали никакого внимания на то, что делается в Лазике. 30. И вот, как сообщали Хозрою уже другие лица, эти варвары встретили там двинувшееся против них римское войско под начальством Валериана, вступили с ним в бой, понесли решительное поражение и почти все были истреблены. 31. Персы, услышав об этом, и без того замученные бедами, которые постигли их в Лазике¹, боясь как бы, встретившись с каким-либо вражеским войском в этих местах, полных отвесных скал и покрытых чащею лесов, они не погибли позорным образом, а сверх всего, охваченные крайним страхом за своих жен и детей, за свою родину,—все они, кто только остался целым и невредимым в войсках мидян, бранили Хозроя, упрекая его, что он преступил и свои клятвы, и общие всем людям законы, во время мира без всякого повода вторгшись в земли римлян, что этим он нанес оскорбление древнейшей империи, из всех наиболее чтимой, победить которую на войне он и думать не может. Войско готово уже было совершить государственный переворот. 32. Приведенный всем этим в крайнее замешательство, Хозрой нашел следующее средство, как спасительный выход из этих бед. Он прочел им письмо, которое недавно императрица (Феодора) написала Забергану. 33. Оно гласило следующее: «О моей милости и расположении к тебе, Заберган, которого я считаю преданным нам и работающим в наших интересах, ты мог понять немного раньше во время пребывания своего у нас в качестве посла. 34. Поэтому ты поступил бы согласно моему мнению о тебе, если бы убедил царя Хозроя держаться мирной политики по отношению к нашей империи. 35. За это—и я беру на себя всю ответственность за свои слова—ты получишь много всяких благ от моего мужа, который ничего не делает, не посоветовавшись со мной». 36. Прочитав это письмо, Хозрой бросил в лицо знатнейшим персам² презрительный упрек, иронически спросив их, считают ли они крепкой ту империю, которой распоряжается женщина. Этим он сдерживал нападки против себя. 37. Но даже и в этом случае он уходил из Лазики с большим страхом, думая, что войско Велизария помешает ему в этом. Но так как никто из врагов не вышел против него, он, радостный и довольный, вернулся невредимо домой.

III. 1. Возвратившись в пределы Римской империи, Велизарий нашел там жену, прибывшую из Византии. Он держал ее под арестом в бесчестии и не раз порывался покончить с ней, но смягчался, любезный, как мне кажется, какой-то зажигаемой ею в нем страстной любовью. 2. Говорили, что он, охваченный колдовскими чарами жены, тотчас терял и силы, и решимость. Тем временем Фотий со всей поспешностью отправляется

¹ Прокопий—Война с готами, кн. VIII (IV), гл. 7, § 4 сл.

² В рукописях *λογοίσις*—«которые много говорят». Переведено по чтению Хаури и Крашенинникова.

в Эфес, заключив в оковы и захватив с собой одного из евнухов (Антонины), по имени Каллигона, бывшего доверенным у своей госпожи; подвергнутый пыткам, он во время этого пути открыл Фотию все тайны (Антонины). 3. Между тем, узнав заранее обо всем происшедшем, Феодосий бежал в храм апостола Иоанна, который считается там наибольшей святыней, особенно чтимой. 4. Но эфесский епископ Андрей, подкупленный (Фотием), выдал ему Феодосия¹. В то же время Феодора, беспокоясь за Антонину, так как она слышала, что случилось с ней, вызвала Велизария вместе с Антониной в Византию. 5. Услыхав об этом, Фотий отправил Феодосия в Киликию, туда, где должны были зимовать его приближенные копьеносцы и щитоносцы. При этом он поручил сопровождающим его доставить туда этого человека в полной тайне и, прибыв в Киликию, держать его возможно секретнее под арестом, так, чтобы никто не мог узнать, где он находится. Сам же с Каллигоном и огромными сокровищами Феодосия (которыми он завладел) отправился в Византию. 6. Тут императрица дала пример воочию для всех людей, что услуги тех, кто обагрив свои руки кровью ее врагов, она умеет вознаграждать большими и более мерзкими дарами. 7. За то, что недавно Антонина выследила и предала ей одного из ее врагов (Иоанна из Каппадокии), за это Феодора отдала в ее руки и лишила жизни целую толпу людей, ни в чем невиновных. 8. Некоторых из близких друзей Велизария и Фотия она подвергла пыткам, выставив против них только одно обвинение, что они дружески расположены к обоим этим людям, и так распорядилась с ними, что мы и поныне не знаем, чем окончились для них их несчастья. Других она наказала изгнанием, выставив против них то же обвинение. 9. Одного из спутников Фотия, отправившегося с ним в Эфес, по имени Феодосия, хотя он носил звание сенатора, она, конфисковав все его имущество, заключила в совершенно темное подземелье, привязав его петлей, накинутаю на шею, к стойлу; веревка эта была столь короткой, что он не мог ни выпрямиться, ни распусть петли. 10. Находясь все время в таком положении привязанным к стойлу, этот несчастный должен был и есть, и спать, и выполнять все другие физические потребности и, чтобы во всем быть похожим на осла, ему оставалось только (научиться) реветь. 11. В таком состоянии этот человек провел здесь больше четырех месяцев, пока он не стал страдать болезнью, так называемой меланхолией, и окончательно не сошел с ума; тогда он был выпущен из этого узилища и вскоре после этого умер. 12. Велизария Феодора против его воли заставила примириться с Антониной и восстановить прежние супружеские отношения. Что касается Фотия, то, подвергнув его различным позорным наказаниям, как простого раба, нанеся много ударов и по плечам, и по спине, она требовала, чтобы он сказал, где находится Феодосий, где евнух—наперсник и сводник Антонины. 13. Но и на пытке Фотий решил твердо выполнить свою клятву, хотя раньше он был человеком болезненным и слабым, всегда заботившимся о своем здоровье и непривычным к грубому обращению или к перенесению страданий. 14. Поэтому он ничего не открыл из тайн Велизария. Однако впоследствии все эти тайны раскрылись сами. 15. К этому времени Феодора нашла Каллигона и отдала его Антонине, а Феодосия она вызвала в Византию. Когда он прибыл сюда, она тотчас скрыла его во дворце и, послав на следующий день за Антониной, говорит ей: 16. «Дорогая патрикия! Вчера в мои руки попала жемчужина, какой еще никто из людей не видал.

¹ То же произошло и в Риме при аресте Вигилия.

Ты, конечно, хочешь ее посмотреть; я тебе в этом не откажу и покажу ее тебе». 17. Антонина, не зная, что произошло на самом деле, стала очень просить показать ей жемчужину. Тогда Феодора, взяв за руку Феодосия, вывела его из комнаты одного из своих евнухов. 18. В первый момент от великой радости у Антонины захватило дыхание; она призналась, что Феодора оказала ей величайшую милость, стала называть ее спасительницей и благодетельницей, истинной своей госпожой. 19. Императрица держала Феодосия во дворце в роскоши, среди всяких удовольствий, и грозила, что в скором времени она сделает его римским главнокомандующим. 20. Но справедливая судьба предупредила это, произнеся свой приговор; она поразила Феодосия болезнью дизентерии, и он умер. 21. У Феодоры были тайные помещения, скрытые, темные и не имеющие никакого сообщения с миром, где не было различия между днем и ночью. 22. Там, держа в заключении Фотия, она стерегла его. Судьба помогла ему не только один раз, но дважды бежать из этой тюрьмы. 23. И в первый раз он бежал в храм богородицы¹, который у византийцев считается и почитается самым священным; он бежал туда и сел в алтаре у престола, отдавшись под его покровительство. Но Феодора силою оторвала его оттуда и вновь заключила в тюрьму. 24. Второй раз он, дойдя до храма Софии, вдруг, не рассчитав последствий, сел в святую купель храма, которую христиане чтут больше всего. 25. Но и оттуда эта женщина решилась увести его силой. Для нее не было такого неприкосновенного места, откуда бы она не могла схватить и увести человека, как какого-то раба; для нее ничего не составляло проявить насилие над всем, что для других является святым. 26. Наряду с народом, даже христианские священнослужители, пораженные страхом, отступали перед ней и позволяли ей делать все. 27. Фотий прожил в таком положении три года; наконец, во сне ему явился пророк Захария и, говоря, приказав ему бежать, клятвенно обещал ему оказать помощь в этом деле. 28. Под влиянием этого видения Фотий бежал отсюда и тайно (переодетый) прибыл в Иерусалим. Тысячи человек разыскивали его, но никто не видел юноши, хотя встречался с ним лицом к лицу. 29. Постригшись там и приняв образ так называемых монахов², он смог избежать наказания со стороны Феодоры. 30. Что же касается Велизария, то он забыл о своих клятвах и не принял никаких мер, чтобы отомстить за столь безбожно страдающего, как мною рассказано, человека; поэтому, как и естественно, в дальнейшей жизни не было ему больше помощи от бога в его военных делах. Когда он вскоре затем был послан против мидян и Хозроя, в третий раз вторгшись в пределы Римской империи, он увидал один только позор. 31. Казалось, что им совершено великое дело тем, что он не допустил войны до римских пределов. Но когда Хозрой, перейдя реку Евфрат, взял многолюдный город Каллиник, без противодействия с чьей-либо стороны, захватил в плен десятки тысяч римлян, Велизарий же даже и не подумал преследовать врагов, то явилось предположение, что тут имеет место одно из двух: что он остался на месте или вследствие сознательного предательства или по трусости.

IV. 1. Около того же времени с ним произошла и другая неприятность следующего рода. Моровая язва, о которой я упоминал в прежних своих

¹ Влахернской.

² Фотий по обычаю принял несколько измененное имя Фотина. Впоследствии, при Юстине II, он играл крупную роль на Востоке в церковных делах, как указывают Феофан, Павел Дьякон и Григорий Турский.

книгах¹, распространилась среди населения Византии. Тяжко захворал и император Юстиниан², так что стали говорить о его смерти. 2. Переходя из уст в уста, молва об этом донесла такие разговоры и до римского лагеря. Тут некоторые из начальников стали говорить, что если в Византии римляне изберут себе другого императора без участия войска, то они никогда этого не допустят. 3. Немного времени спустя император все-таки поправился и тут начальники римского войска стали доносить друг на друга. 4. Петр и Иоанн, по прозвищу «Расточитель», утверждали, что сами слышали, как такие речи, о которых я только что сказал, говорили Велизарий и Буза. 5. Получив доносы на этих лиц, императрица Феодора решила³, что их речи были направлены лично против нее. 6. Тотчас же вызвав всех их в Византию, произведя расследование всего этого дела касательно таких разговоров, она неожиданно пригласила Бузу в гинекей под предлогом, что она хочет посоветоваться с ним по крайне важному вопросу. 7. Во дворце было подземное помещение⁴, очень крепкое и безопасное, вход куда был такой запутанный, как в лабиринте, сущее подобие Тартара. Тех, кого Феодора считала своими (злейшими) врагами, она, по большей части, заключив сюда, держала их здесь в заточении. 8. В эту преисподнюю был брошен и Буза. Этот человек был почетным консулом, теперь же он пропал бесследно и никто не спрашивал, что в данный момент с ним стало. 9. Сидя в темноте, он и сам не мог различать, день ли сейчас, или ночь, не мог об этом спросить и кого-либо другого. 10. Ибо тот человек, который каждый день бросал ему хлеб, встречался с ним здесь, как зверь бессловесный с бессловесным зверем. 11. Все считали, что Буза уже умер, и никто не решался ни спросить, ни упомянуть о нем. Так прошло два года четыре месяца; тогда Феодора, сжалившись над ним, выпустила его. 12. И все смотрели на него, как на воскресшего из мертвых. После этого Буза на всю жизнь остался полуслепым, и вообще он стал уже развалиной. 13. Вот что случилось с Бузой. Что касается Велизария, то, хотя он не был уличен ни в одном из выставленных против него обвинений, все же по настоянию императрицы Юстиниан лишил его должности и на его место назначил Мартина начальником восточной армии; телохранителей Велизария, копьеносцев и щитоносцев и из слуг Велизария тех, которые были известны, как хорошие воины, император приказал поделить между собой некоторым из начальников и дворцовых евнухов. 14. Они, бросив жребий, поделили их между собой, даже и их оружие, кто и что кому достанется. 15. Его друзьям и вообще людям, в прежнее время многим ему объясненным, было запрещено иметь общение с Велизарием. 16. Было прискорбное зрелище и не хотелось верить своим глазам: Велизарий в Византии, как простой человек, почти одинокий, всегда задумчивый и печальный, боящийся смерти и убийства из-за угла. 17. Узнав, что у него на Востоке хранится большая сумма денег, императрица, послав одного из дворцовых евнухов, велела все их привезти себе. 18. Антонина, как я уже сказал, была во вражде с мужем, с императрицей же очень дружна и исключительно близка, так как недавно она погубила (по ее желанию) Иоанна Каппадокийца.

¹ П р о к о п и й—Войны с персами, кн. II, гл. 22, § 1 сл.

² Метафраст в житии Самсона говорит, что Юстиниан заболел воспалением мочевого пузыря и половых органов и был излечен Самсоном. Но это не совпадает с указаниями других авторов. Вероятно, Юстиниан захворал общей, бывшей тогда заразной, болезнью.

³ Алеманн по своей конъектуре переводит: «исполнилась гнева, считая...»

⁴ Ср. «Хронике пасхальную», 1627, 11.

19. Поэтому императрица задумала сделать приятное Антонине; они стали действовать так, чтобы показалось, будто жена выпросила для себя прощение своему мужу и спасла его от столь великих опасностей; тогда этому несчастному придется не только примириться с женой, но и всецело быть в ее власти, как какому-нибудь пленнику, спасенному ею от смерти. Сделано это было следующим образом. 20. Как-то раз рано утром пришел Велизарий по обыкновению во дворец, в сопровождении немногих бедно одетых слуг. 21. Не получив от императора и императрицы никаких знаков расположения, но зато получив много оскорблений от людей ничтожных и запягнутых позором, поздно вечером он пошел домой; уходя, он часто оглядывался во все стороны и подозрительно всматривался во всех, как будто ожидая во всяком встречном видеть своего убийцу. 22. В таком страхе он вошел к себе в дом и сел в одиночестве у себя на ложе, не ожидая ничего хорошего; он забыл, кто он такой и ни одной мужественной мысли не являлось у него в уме, от трепета его покрывал холодный пот, у него мешались мысли, в великом страхе он не знал, что делать; он трепетал, как последний раб, исполненный низкой трусости; его грызли мысли, как спасти себе жизнь. 23. Так как Антонина вообще не знала, что совершается, и не догадывалась ни о чем, что должно будет совершиться, она многократно проходила здесь взад и вперед, делая вид, что страдает несварением желудка; они все еще продолжали относиться друг к другу холодно и подозрительно. 24. И вот уже с заходом солнца явился из дворца некто по имени Квадрат и, пройдя через парадную залу (атрий), внезапно стал перед дверью внутреннего покоя, заявляя, что он послан сюда императрицей. 25. Услышав это, Велизарий упал навзничь на ложе, беспомощно раскинув руки и ноги, совсем готовый к смерти; его покинул последний остаток мужества, 26. так как прибывший сюда Квадрат не¹ успел показать ему послания императрицы. 27. А оно гласило следующее: «Что ты, любезнейший, сделал против нас, ты сам знаешь. Но так как я многим обязана твоей жене, я решила простить тебе все, в чем тебя обвиняют и жизнь твою я дарю ей. 28. Отныне ты можешь быть спокойным и не беспокоиться ни о себе, ни о своем состоянии. Но из твоих дальнейших поступков нам будет известно, как за все это ты будешь к ней относиться». 29. Услышав это, Велизарий от радости подскочил до небес, а затем, желая в данный момент сделать Квадрата свидетелем своего отношения к жене, он, тотчас же встав, 30. пал к ногам жены и, схватив руками ее икры, стал целовать ей ноги², называл ее виновицей своей жизни и спасения, и утверждал, что отныне он будет не мужем ее, а верным рабом. 31. Из (захваченных) денег императрица дала императору 3 000 фунтов золота, остальное вернула Велизарии. 32. Вот какова была судьба Велизария, того вождя, которому недавно еще судьба дала возможность взять в плен и привести с собой (в Византию) Гелимера и Витигиса. 33. Уже давно Юстиниана и Феодору сильно мучила зависть к богатству этого человека; у него оно было огромное и достойное императорского двора. 34. Они не раз говорили, что большую часть из государственных сокровищ Гелимера и Витигиса он тайно скрыл, и лишь незначительную их часть, малоценную и не соответствующую правам государства, отдал императору. 35. Но, принимая во внимание понесенные Велизарием труды и могущее возникнуть среди народа на них нареkanie (в случае конфиска-

¹ Конъектура Heerwerden'a: «И вот прибывший сюда Квадрат показал ему письмо императрицы».

² Буквально (как сознательно пишет Прокопий): «лизать ей подошвы».

ции), а вместе с тем, не имея для этого против него никакого уважительного предлога, они не предпринимали ничего против него. 36. Но тут, увидав его поверженного в страхе и проявившего такую трусость, Феодора за один раз решила сделаться госпожой всего его состояния. 37. Они тотчас решили предложить породниться между собою с тем, чтобы Иоаннина, единственная дочь Велизария, стала невестой Анастасия, внука¹ (по дочери) императрицы. 38. Велизарий просил, чтобы он был восстановлен в прежнем своем звании и, будучи назначен военачальником восточных войск, вновь мог командовать римским войском против Хозроя и мидян. Но этого не позволила Антонина; она говорила, что в этих местах она перенесла так много и столь тяжелых оскорблений от мужа, что она не хочет больше НИКОГДА видеть их. 39. Поэтому Велизарий, назначенный начальником императорских конюшен, вторично был отправлен в Италию, причем, говоря, он обязался перед императором, что не будет требовать от него на эту войну денег, но все, что нужно для этой войны, заготовит на собственный счет. 40. То, что Велизарий согласился примириться, как я рассказал, со своей женой и что он взял на себя перед императором то обязательство, на которое я указывал, все предполагали, что сделал он это лишь для того, чтобы выйти из того положения и жизненных условий, в каких он находился в Византии, и что как только он будет за стенами города, он тотчас же возьмется за оружие и совершит что-либо благородное и достойное мужчины как со своей женой, так и с теми, кто его преследовал. 41. Но он забыл все нанесенные ему оскорбления, забыл и поставил ни во что свои клятвы Фотию и своим близким; он всюду следовал за своей женой, непонятным образом охваченный к ней необыкновенной влюбленностью, хотя ей было уже 60 лет. 42. Когда он прибыл в Италию, то он стал ежедневно испытывать неудачи, так как бог явно был против него. 43. В прежнее время, когда он же был предводителем в войне против Теодата и Витигиса, составляя против них план, даже на первый взгляд казавшийся неподходящим для дела, он всегда, в конце концов, приводил его к благополучному окончанию. Когда же он вторично явился в Италию, то о нем составилось мнение, что планы его были много лучше, так как он был уже опытен во всем, что касалось этой войны, но при выполнении их он встречался с несчастными случайностями и неудачами, и это привело к убеждению в бессмысленности его действий. 44. Таким образом выходит, что все человеческие дела управляются не планами человеческими, но божьим соизволением; это то, что люди привыкли называть судьбой, не зная, почему события, которые совершаются на их глазах, пошли этим путем (а не другим). 45. Всеуму тому, что является непонятным, любят давать имя судьбы. Но пусть каждый о подобных вещах судит по своему усмотрению, как ему угодно.

V. 1. Вторично явившись в Италию, Велизарий должен был самым позорным образом уйти оттуда: за пять лет он нигде не мог стать твердой ногой на земле, как мною рассказано в предшествующих книгах², так как у него не было там ни одного сильного укрепления. Все это время он провел, плавая вдоль берегов. 2. Тотила все время был в бешенстве, что не может встретиться с ним вне стен, в чистом поле, чего он страстно хотел;

¹ Другие историки утверждают, что у Феодоры и Юстиниана не было никакого потомства.

² П р о к о п и й—Война с готами, кн. VII, гл. 35.

но так его и не мог найти, так как и сам Велизарий, и все римское войско под его влиянием были охвачены трусостью. 3. Поэтому он не вернул ничего из того, что было потеряно; но, кроме того, потерял и Рим и, можно сказать, все остальное, что у него было в Италии. 4. В это время он стал в высшей степени скупым и корыстолюбивым и больше всего заботился о позорной наживе, так как он ничего не получал от императора. И действительно, в это время он без стыда и совести ограбил почти всех италийцев, всех тех, которые жили в Равенне и Сицилии, всякого, кто только попадал в его руки, но не знаю—на каком основании, взыскивая с них налоги за прошлое время. 5. Равным образом он, выступив против Геродиана¹ с обвинениями, стал требовать от него денег, всячески грозя ему. 6. Раздраженный этим Геродиан ушел из римского войска, и сам со всеми своими войсками, сдавши Сполаций (Сполето), передался на сторону Тотилы и готов². 7. Как случилось, что Велизарий поссорился и с Иоанном, племянником Виталиана, сыном его сестры, что принесло огромный вред делу римлян, я сейчас расскажу. 8. Императрица ненавидела Германа³ и при этом столь для всех явно, что никто не решался вступать с ним в родство, хотя он был племянником императора; поэтому до самой смерти императрицы его сыновья оставались холостыми и дочь его, Юстина, цветущая 18-летняя девушка, была еще не замужем. 9. Поэтому, когда Иоанн был послан Велизарием в Византию, Герман принужден был начать с ним разговор относительно родства, хотя по достоинству Иоанн был много ниже его. 10. Так как это дело пришлось по душе обоим, то они решили дать друг другу самые крепкие клятвы, что всеми силами будут стараться заключить этот брак, так как каждый из них был крайне не уверен в другом. Иоанн—потому, что сознавал, что стремился к браку много выше его положения, Герман—потому, что был не уверен, удастся ли заключить этот брак. 11. Императрица вне себя от гнева всякими путями старалась обойти и того, и другого, не брезгуя никакими средствами, чтобы помешать выполнению этого дела. 12. Хотя она всячески пугала и того, и другого, но отговорить их от этого намерения она не могла; тогда она прямо стала грозить Иоанну смертью. 13. Поэтому вновь отправленный в Италию Иоанн не решался встретиться с Велизарием до тех пор, пока Антонина не уехала в Византию, так как он боялся козней со стороны Антонины. 14. Всякий мог подозревать с полным вероятием, что императрица приказала Антонине умертвить его, а для человека, который принимает во внимание образ действий Антонины знает, что Велизарий—весь в руках своей жены, было полное основание этого бояться; боялся этого и Иоанн. 15. От этого разлада дела римлян, и раньше уже хромавшие, теперь совсем рухнули. 16. Таков был у Велизария результат войны с готами; потеряв всякую надежду на успех, он просил императора, чтобы ему было разрешено возможно скорее удалиться из Италии. 17. Когда он узнал, что император удовлетворил его просьбу, он с радостью тотчас же удалился, навсегда попрощавшись и с римским войском, и с Италией, большую часть которой он оставлял под властью врагов; (своим отъездом он осудил на гибель) Перузию, теснимую жесточайшей осадой. Когда он был еще в пути, она была взята штурмом и испытала все виды

¹ Прокопий—Война с готами, кн. V, гл. 12, § 16.

² О Геродиане Прокопий неоднократно упоминает как о хорошем воине во II книге «Войны с готами» [V(I) 5, § 3; 14, § 1; VI (II) 16, § 21; VII(III) 1, § 1; 6, § 10; 7, 43; 12, § 12; 21, § 15; VIII(IV) 34, § 19].

³ Герман был племянником Юстиниана; другие историки без основания называют его братом Юстиниана.

несчастий, как я рассказывал об этом раньше¹. И по возвращении к домашней жизни Велизарию пришлось испытать следующую неприятность. 18. Стремясь устроить брак дочери Велизария со своим внуком, императрица Феодора надоедала родителям девушки частыми письмами по поводу этого дела. 19. Они же, желая избегнуть этого родства, откладывали брак до своего возвращения; когда же императрица стала вызывать их в Византию, они извинялись, заявляя, что в данный момент им невозможно оставить Италию. 20. Крайне заинтересованная сделать своего внука обладателем богатств Велизария, — Феодора знала, что девушка будет полной наследницей всех его богатств, так как у Велизария не было других детей, — тем не менее, действовать против желания Антонины она не решалась, боясь, как бы после ее смерти она не проявила неверности по отношению к императорскому дому, хотя до сих пор в самые трудные минуты жизни она была настолько предана ей и не нарушила бывших между ними обоюдных обязательств. И вот она задумала безбожное дело. 21. Она свела девушку и юношу без всякого закона. Говорят, что она тайно заставила изнасиловать девушку против ее желания и таким образом задумала устроить брак с этой лишенной невинности девушкой, с тем, чтобы император не мог помешать выполнению задуманного плана. 22. Когда это дело было сделано, то Анастасий и девушка были охвачены пылкой любовью друг к другу и прожили в таком союзе не меньше восьми месяцев. 23. Когда, после смерти императрицы, Антонина вернулась в Византию², она сознательно скрыла то скорбление, которое только что было нанесено ей; она вовсе не смущалась тем, что если ее дочь выйдет замуж за другого, то окажется, что раньше она уже занималась развратом; поэтому она отвергла это родство с Феодорой и заставила свою дочь против воли отказаться от любимого ею человека. 24. За это она у всех людей заслужила славу великой негодяйки. Когда прибыл Велизарий, она без всякого труда убедила его согласиться участвовать с ней в этой мерзости. В данном деле совершенно ясно обнаружился характер этого человека. 25. Дело в том, что когда он раньше, дав клятву Фотию и некоторым из своих близких, этих клятв не выполнил, все извиняли его. 26. Причиной этого считали не столько полное подчинение Велизария своей жене, сколько подозревали, что он так делал из-за страха перед императрицей. 27. Когда же Феодора, как я сказал, умерла, а с его стороны не было сделано ничего ни по отношению к Фотию, ни относительно других близких ему лиц, то стало ясно, что жена является его госпожой, а ее доверенный и сводник Каллигон—его владыка; тогда-то все отшатнулись от него, во всех кругах издевались и глумились над ним и поносили его, как пораженного каким-то безумием. Вот каковы, говоря открыто, были грехи Велизария. 28. Какие ошибки совершил Сергей, сын Бакха, в Ливии, я достаточно рассказал в надлежащем месте в других книгах³. Действительно, он был главным виновником того, что дела римлян там пришли в столь плачевное положение; он дал клятву верности левафам над евангелием—и нарушил эту клятву; он убил 80 послов без всякого на то основания,—теперь я должен сказать это в своем рассказе совершенно открыто; эти люди пришли к Сергию без всякого злого умысла, и Сергей не имел против них никакого подозрения. И, тем не менее, связанный клятвою, пригласив их на пир, он без

¹ Прокопий—Война с готами, кн. VII (III), гл. 35, 2.

² Там же, кн. VII (III), гл. 31, 25.

³ Прокопий—Война с вандалами, кн. IV, гл. 21, § 1 сл.

всякого угрызения совести всех их перебил. 29. От этого пришлось погибнуть и Соломону¹, и римскому войску, и всем ливийцам. 30. После смерти Соломона, как я сказал, именно из-за Сергия, ни один начальник, ни один воин не хотел подвергаться опасностям на войне. 31. Больше всех ненавидел его Иоанн, сын Сисиниола², и поэтому не принимал участия в войне, пока не прибыл в Ливию Ареобинд. 32. Сергий был человек изнеженный и невоинственный, и по характеру и по возрасту очень юный, до чрезвычайности завистливый и хвастливый по отношению ко всем людям; он любил роскошный образ жизни и вечно ходил надутый от чванства. 33. Так как он считался женихом племянницы Антонины, жены Велизария, то наказывать его или отрешить от должности императрица ни в коем случае не желала, хотя она видела, что Ливия шаг за шагом приближается к гибели. По этой же причине она и император оставили безнаказанным убийство Пегасия, совершенное Соломоном, братом Сергия. В чем тут было дело, я сейчас расскажу. 34. Когда Пегасий выкупил Соломона от леварфов, и варвары удалились домой, Соломон с Пегасием, выкупившим его, и немногими воинами направился в Карфаген. Во время пути Пегасий, увидав, что Соломон в чем-то поступает несправедливо, сказал ему, что он должен помнить, как его самого недавно еще только бог спас из рук врагов. 35. Соломон, рассердясь, что ему нанесено оскорбление как будто какому-то пленнику, тотчас же убил Пегасия; воздав этому человеку такую благодарность за спасение. 36. Когда Соломон прибыл в Византию, то император освободил его от обвинения в убийстве под предлогом, что он убил изменника Римской империи, 37. и выдал ему грамоту, подтверждающую его безнаказанность за эти поступки. Избегнув, таким образом, наказания, Соломон весело отправился на Восток, чтобы увидеть родные места и повидаться с родственниками. 38. Но божья кара постигла его на этом пути, и он скончался. Вот что произошло между Соломоном и Пегасием.

VI. 1. Теперь я хочу рассказать, что за люди были Юстиниан и Феодора и как они привели в упадок Римскую империю. 2. Когда в Византии императором был Лев, то трое крестьянских юношей³, родом иллирийцы, Зимарх, Дитибист и Юстин⁴, родиной которого была Бедериана, так как дома им приходилось вечно бороться с беспросветной бедностью, чтобы, наконец, избавиться от нее, решили пойти на военную службу. 3. Они пешком пришли в Византию; на плечах у них были свернутые овечьи шубы, а завернули они в них, идя из дому, только второсортный, два раза из сухарей печенный хлеб. Зачисленные в ряды кадровых войск, они были выбраны императором в дворцовую охрану, так как они были физически очень красивы и крепки телом. 4. Позднее, когда императорский престол занял Анастасий, началась война против исавров, поднявших на него с оружием в руках. 5. Император послал против них блестящее войско, начальником которого был Иоанн, по прозвищу «Кирт» (Горбатый). Этот Иоанн

¹ Имеется в виду Соломон, сменивший Велизария в Африке, умный и энергичный воин; он был дядей младшего Соломона и Сергия.

² Прокопий—Война с вандалами, кн. IV, гл. 22, § 3.

³ См. Зонара (III, 265, 24): «Юстин... происходил от родителей простых и бедных и сам в прежнее время был чернорабочим, или пастухом, или свинопасом».

⁴ Ср. Агафий (324, 9); Малала (409, 17; 410, 2); Захарий (140, 6); Виктор Тонненненский под 518 г.; Феофан (I, 164, 18); Федор Лектор (II, 37).

за какую-то провинность¹ заключил в тюрьму Юстина и собирался на следующий день казнить его, но ночью, во сне, ему явилось видение и не позволило ему это сделать. 6. Этот военачальник впоследствии рассказывал, что во сне предстал перед ним призрак огромного роста и во всем другом обладающий сверхчеловеческими чертами. 7. И этот призрак приказал ему выпустить того человека, которого он днем арестовал и заключил в темницу. Проснувшись, он не обратил внимания на то, что видел во сне. 8. С наступлением второй ночи ему привиделось, что он во сне слышит те же слова, которые он слышал в первую ночь; но и на этот раз он не подумал их исполнить. 9. Тогда в третий раз перед ним предстал ночной призрак; он грозил Иоанну страшными карами, если он не выполнит его приказания, и прибавил, что в будущем, если он исполнится великим гневом (на Римскую империю), он прибегнет к этому человеку и использует его самого и его родных². 10. Так суждено было Юстину избежать тогда смерти; с течением времени этот Юстин достиг великой силы. 11. Император Анастасий поставил его начальником дворцовой стражи. Когда император скончался, то, опираясь на силу своей власти (над преторианцами), Юстин захватил императорский престол, будучи глубоким стариком³, одной ногой уже стоящим в могиле. Он был совершенно необразован и даже, говорят, безграмотен⁴,—чего раньше никогда еще не бывало в Римской империи (с людьми столь высокого ранга). 12. Было в обычае, чтобы император подписывал свое имя под теми документами, в которых он издавал какое-либо постановление; но Юстин сам не мог ни издать какого-либо постановления, ни подписаться под ним⁵. 13. Но около него был некто по имени Прокл (кн. I, гл. 11, § 11)⁶, носивший звание квестора, который все и вершил по своему произволу. 14. Но чтобы иметь доказательство собственноручной подписи императора, теми лицами, которым надлежало это ведать, было придумано следующее: 15. На тонкой полированной деревянной дощечке⁷ они вырезали изображение четырех букв, которые на латинском языке обозначают: «я прочел» (*legi*)⁸; затем, обмакнув перо в пурпур, которым обыкновенно подписывались императоры, давали ее в руки этому государю. 16. Потом, приложив деревянную дощечку, о которой я говорил, к документу и взяв руку государя, они обводили ею все вырезанные четыре буквы, то-есть заставляли его обвести своею рукою все вырезы дерева; после чего, взяв таким образом подписанные императором

¹ Ни один из историков не указывает, в чем состояла эта провинность, было ли это простое нарушение дисциплины или более крупное хищение, как это передается по поводу некоего Иоанна («Сборник древних историков», cod. Vatic. 96). Ср. М а л а л а (393, 15); Ф е о ф а н (I, 138, 8); И о а н н А н т и о х и й с к и й (фраг. 214).

² Ср. З о н а р а (III, 264, 23); К е д р е н а (I, 635, 9—«будет судосуд для выполнения планов божественного провидения и каждый из них в свое время послужит орудием божьей воли»).

³ 78 лет.

⁴ Кроме С в и д ы («Юстин»), см. М а л а л а (4,0,8); И о а н н и з Н и к и и (510); З а х а р и й (138).

⁵ Конъектура Хаури. Другое чтение: «ни выразить своего согласия».

⁶ Об этом Прокле, сыне Павла, «человека справедливого, недоступного никакому подкупу» (по словам Эвагрия), сохранилось любопытное стихотворение в «Палатинской антологии» (XV, 48). Его не надо смешивать с Проклом, известным математиком времен Анастасия.

⁷ Ср. «Chronica minora» (I, 326): «Теодорих... будучи безграмотным, приказал сделать золотую дощечку с резными четырьмя буквами «*legi*» (прочел); если он хотел подписать, то, положив дощечку на хартию, водил по ней пером, так, чтобы казалось, что имеется только его подпись».

⁸ Конъектура Хаури. В старинном русском языке есть выражение: «чёл».

документы, они уходили. 17. Вот каков был Юстин на римском императорском престоле. Жил он с женщиной по имени Луппициной¹, она была рабыней из варварского племени. Вначале, когда он ее купил, она была его наложницей и она же на склоне жизни вместе с Юстином стала императрицей. 18. Своим подданным Юстин не мог сделать ничего ни дурного, ни хорошего. Он отличался большой глупостью, совершенно не умел говорить и был очень груб и невоспитан. 19. Его племянник Юстиниан², будучи еще совсем молодым человеком, получил всю полноту власти и был для римлян виновником стольких и столь великих несчастий, о каких прежде за все века существования империи никто даже по рассказам никогда не слышал. 20. Он очень быстро решался на незаконные убийства людей, любил грабить чужое достояние и ставил ни во что истребление многих десятков тысяч людей, хотя они не давали ему ни малейшего повода к этому. 21. Охранять то, что было (хорошо) установлено, он не считал нужным; вечно хотел он делать по-новому³; одним словом, можно сказать, что он был величайший разрушитель всего того, что прежде было хорошо организовано. 22. Той моровой язвы, о которой я рассказывал в прежних своих книгах⁴, хотя она (с великой силой) поразила всю землю, все же некоторые люди, по количеству ничуть не менее многочисленные, чем те, которым суждено было от нее погибнуть, избегали ее, или вовсе не пораженные этой болезнью, или, раз уж им суждено было ею захворать, перенесшие ее. 23. Но избежать рук этого человека никому, если только он был из римлян, не было никакой возможности; это было как бы другое божеское наказание, ниспосланное на весь народ: никто (для Юстиниана) не был неприкосновенным. 24. Одних он убил без всякого основания; другим он оставил жизнь, но заставил бороться с бедностью, сделав их более несчастными, чем умерших: они молили окончить их настоящее невыносимое положение, подвергнув самой ужасной смерти. А у третьих, наконец, он вместе с богатствами отнял и жизнь. 25. Но ему мало было разрушить одну Римскую империю: он приложил усилия овладеть Ливией и Италией единственно с той только целью, чтобы наравне с прежними своими подданными окончательно погубить и людей, живших в этих местах⁵. 26. Не прошло еще десяти дней с момента, когда он получил власть, как он казнил начальника дворцовых евнухов Аманция⁶ и с ним некоторых других, без всякой их вины, разве только за то, что он позволил себе сказать несколько резких слов по адресу Иоанна, архиеерея столицы. 27. Вследствие этого он стал ненавистен и страшен для всех. Затем тотчас

¹ См. Федор Лектор (Крамер—Anecdota, II, 108); Виктор Тонненненский под 518 г. («жена Юстина носила имя Луппицины, которую впоследствии жители Константинополя называли Евфимией»), Зонара (III, 266, 322), Керден (I, 637, 1).

² На IV интернациональном конгрессе в Софии 1934 г. вопросу о происхождении Юстиниана был посвящен доклад Vullic—L'origine ethnique de l'empereur Justinien I.

³ Агафий (156,5).

⁴ Прокопий—Войны с персами, кн. II, гл. 22.

⁵ Ср. Малала (410, 9); Феофан (I, 165, 24); «Пасхальная хроника» (I, 611, 19); Керден (I, 637, 23); Эвагрий (IV, 2); Никифор Каллист (XVII, 1); Зонара (III, 266, 5); Иоанн из Нику (501); Марцеллин Комес под 519(20) г.; Виктор Тонненненский под 519 г.; Иордан, «Римск. ист.» (360); Захарий (141, 2); Крамер—Anecdota (II, 318).

⁶ Марцеллин называет его palatii praepositus; Эвагрий—praefectus ubiculi; Павел Силенцарий говорит, что он пристроил к своему дому храм, хотя официально его обвиняли в принадлежности к манихейской ереси.

он послал приглашение Виталиану узурпатору¹, дав ему предварительно обещание личной безопасности и совместно с ним приняв участие в христианских таинствах. 28. А немного времени спустя вследствие возникшего против него подозрения он без всякого колебания убил его вместе с его ближайшими родственниками во дворце, не считая, чтобы эти столь торжественно данные клятвы могли ему служить в этом препятствием.

VII. 1. Как я рассказывал в прежних своих книгах² народ издревле делился на две части³. Привлекши на свою сторону одну партию, венетов («голубых»), которые и раньше во многом ему содействовали, Юстиниан смог замутить и привести в беспорядок все положение государства. От этого весь государственный строй империи пришел в упадок. 2. Однако не все венеты («голубые»), примкнув к его партии, готовы были следовать и исполнять желания этого человека, но только те, которые принадлежали к «стасиотам»⁴. 3. Но и они, когда дело зашло очень далеко, оказались самыми умеренными и благоразумными из всех людей⁵. 4. Они пользовались случаями совершать правонарушения реже, чем для этого давался им возможность. Но и из прасинов («зеленых») принадлежавшие к стасиотам этой политической партии не оставались спокойными; поскольку им было возможно, они тоже совершали правонарушения, хотя постоянно поодиночке и подвергались за это наказанию. 5. Но это преследование, постоянно возбуждая их, заставляло их действовать все с большей и большей смелостью. Ведь люди, чувствующие обиду, обычно начинают действовать безрассудно. 6. Тогда же, когда Юстиниан сам подстрекал и явно возбуждал к насилиям венетов («голубых»), то все основы Римской империи сдвинулись и закачались до самых своих вершин, как будто постигло ее какое-то землетрясение, или потоп, или каждый город ее был захвачен и разграблен врагами. 7. Все и всюду было приведено в беспорядок, ничто не осталось на прежнем месте, но все законы и весь порядок государственного строя смешались и стали совершенно другими. 8. Прежде всего стасиоты переменили прическу волос и стали их подстригать не так, как носили их другие римляне. 9. Они не стали брить ни усов, ни бороды, но позволяли им все время расти пышно, как у персов. 10. Волосы на голове они подрезали вплоть до висков, а сзади они позволяли им свисать без всякой прически очень длинно, как у массагетов. Такую внешность называли также и гуннской модой. 11. Затем все стали считать нужным носить одеяния с богатой отделкой, одеваясь более роскошно, чем это соответствовало их достоинству и положению. 12. Но ясно, что приобретать все это им можно было лишь путями незаконными. Та часть рукавов хитона, которая у них стягивалась около кисти, была очень узкой; а отсюда и до плеча на той и на другой руке этот рукав делался несказанной ширины. 13. И всякий раз, когда они в театрах или ипподромах поднимали крик, жестикулируя руками, или как обычно бывает, выражая кому-либо знаки поощрения, то эта часть одеяния у них безобразно поднималась кверху;

¹ Малала (412, 13); Феофил (I, 166, 19); Эвагрий (IV, 3); Никифор Каллист (XVII, 1); Зонара (III, 267, 5); Иоанн из Никиу (502); Марцеллин Комес под 520 г.; Иордан—Рим (361); Захарий (142, 5); Крамер—Anecdota (II, 318).

² Прокопий, кн. I, гл. 24, § 2.

³ Лучшая работа по этому вопросу G. Manojlovič, *du peuple de Constantinople 1936 г.* (помещено в Byzantion, т. II).

⁴ Крайним представителям политических партий.

⁵ То же повторяет Прокопий и ниже (гл. 9, § 13).

людям глупым они хотели дать представление, что вот какое у них красивое и физически развитое тело, так что им приходится облекаться в такие одеяния, не соображая, что такой пышной и свободной одеждой они еще более выдают и подчеркивают истощенность своего тела. 14. Что же касается всяких наплечников, штанов и обуви, то большую часть их, и по имени, и по употреблению, они заимствовали от гуннов. 15. Прежде все открыто ходили вооруженными только ночью, днем же они носили на боку двуострые кинжалы, скрыв их под одеждой. Когда начинало темнеть, они собирались группами и грабили самых мирных людей и на площади, и по переулкам, отнимая у попадавшихся им навстречу платья, пояса и золотые пряжки и все, что у них было с собою. 16. Некоторых же они не только грабили, они считали нужным еще и убивать, чтобы они никому не могли сообщить о том, что с ними случилось. 17. От них страдали все, даже из венетов («голубых») те, кто не принадлежал к партии стасиотов, так как и венеты не были избавлены от такого насилия. 18. Из-за этого очень многие стали носить медные пояса, и застежки, и одеяние много проще, чем это соответствовало их званию, чтобы им не погибнуть из-за своей любви к красивым вещам, и еще до захода солнца они прятались и скрывались по домам. 19. Так как зло длилось уже долгое время, и со стороны лиц, стоящих во главе управления народом, на таких правонарушителей не обращалось никакого внимания, то, как и всегда, дерзость этих лиц стала расти все больше и больше. 20. Нарушение порядка, получившее право свободного проявления, обычно становится безграничным, так как даже те, которые, будучи признаны виновными, подвергаются наказанию, не совсем отказываются от подобного образа действий. 21. В силу уже своей природы большинство людей крайне легко склоняется к нарушениям права и законов. 22. Так вели себя венеты («голубые»). Из их противников одни перешли на их сторону из-за желания совершать преступления вместе с ними и не нести за это наказания, иные же бежали и скрывались по разным местам. Многие захваченные на месте погибали от руки своих противников или понесли наказание от власти имущих. 23. Постепенно и другая молодежь со стороны стала стекаться и поступать в эти товарищества (гетерии), та, которая прежде никогда не занималась подобными делами, но которую привлекала в среду венетов («голубых») возможность добиться власти и безнаказанно совершать насилия. 24. Нельзя назвать такого позорного и скверного поступка, который бы в нарушение всех законов не был ими совершен в это время и не остался бы безнаказанным. 25. Сначала они уничтожали своих политических противников из партии прасинов («зеленых»), но затем, обнаглев и разойдясь, они стали убивать и тех, которые лично им не были врагами. 26. Многие, подкупив их, указывали им на своих врагов, с которыми они тотчас же и расправлялись, присвоив им имя «зеленых», хотя эти люди были им совершенно неизвестны. 27. И это совершалось уже не во тьме и не в тайне, но среди бела дня, на виду у всех, в любом месте города, и случалось, что делалось это на глазах у самых знатнейших людей. 28. Ведь незачем было скрывать того, что заслуживало порицания, если оно не влекло за собой страха наказания; даже больше, тут было даже известное поощрение для честолюбия; это было со стороны действующих так некоторым образом проявлением и своей силы и храбрости—одним ударом убить любого из встречных невооруженного. При такой неуверенности существования ни у кого не оставалось надежды, что он может еще безопасно жить и дальше. 29. В силу панического страха все подозревали, что вот уже смерть

стоит у них за плечами; они считали, что для их спасения нет такого укрепленного места, нет для них безопасного времени, если без всяких оснований они гибли в самых чтимых храмах, среди торжеств и праздников. Не оставалось уже никакой веры ни в друзей, ни в родственников: ведь очень многие гибли от злого умысла своих же самых близких людей. 30. Не было никакого расследования совершившегося. Беды и несчастья постигали всех неожиданно, и никто не решался выступить на защиту попавших в такое положение. 31. Ни закон, ни установление не имели силы и не оставались неприкосновенными; везде царил беспорядок, везде господствовало насилие. Государственный строй был совершенно подобен тирании, и при этом не такой, которая уже установилась и окрепла, но такой, которая меняется каждый день, когда постоянно все начинается сначала. 32. Способность суждения даже у первых лиц в государстве была подобна той, какая бывает у людей, на смерть перепуганных; пораженные рабским страхом перед одним человеком, они и мыслили в этом направлении. Судьи, произнося свои приговоры по спорным вопросам, решали не так, как им казалось законным и справедливым, но в зависимости от того, каковы были отношения у каждой из тяжущихся сторон к стасиотам из господствующей партии, добрые ли или враждебные. Для судьи, не обратившего внимания на предписание венетов («голубых»), наказанием была смерть. 33. Многие из заимодавцев должны были под давлением насилия отдавать своим должникам их расписки, не получив ничего из данных ими взаймы денег. Равным образом многие против воли должны были отпускать на волю своих рабов. 34. Говорят, что и женщины были принуждены делать для своих рабов многое такое, чего они совсем не хотели. 35. Также и юноши знатных фамилий, связавшись с этою молодежью, заставляли своих отцов делать многое, в чем они прежде им отказывали, и заранее уже отдавать им свое состояние. 36. И многие из молодежи, еще мальчики, против своей воли принуждались вступать в безбожную связь с этими стасиотами с ведома своих родителей. 37. То же приходилось испытывать и женщинам, находящимся в законном браке. Говорят, одна женщина, красивая и богато¹ одетая, плыла через пролив со своим мужем в одно из подгородных имений на противоположном берегу. Во время этого переезда с ними встретилась группа стасиотов из «голубых»; с угрозами они отняли ее у мужа и велели ей перейти на их судно. Она перешла на судно к юношам, тайно велела мужу, чтобы он не беспокоился и не боялся для нее ничего позорного: 38. она не позволит глумиться над своим телом. И когда муж еще смотрел на нее с великой печалью, она бросилась в море и тотчас же скончалась. 39. Вот какие наглые поступки позволяли себе тогда эти стасиоты из «голубых» в Византии. Но тех, которым приходилось испытывать от них подобные несчастья, они заставляли страдать меньше, чем правонарушителя, совершаемые Юстинианом по отношению к государственному управлению: ведь для потерпевших от злодеев даже самое тяжелое, большая часть тех мучений, которые они понесли от этого самоуправства, исчезает при ожидании, что за это неизменно постигнет их отмщение со стороны законов и власти. 40. Имея уверенность и надежду на будущее, люди легче и не с таким огорчением переносят бедствие, постигшее их в настоящее время; чувствуя же насилие со стороны власти, возглавляющей государство, они, естественно, еще острее переживают поразившие их в настоящее

¹ Конъектура Heerwerden'a, принятая Хаури; рукописи и другие издания дают «не богато одетая».

время беды и, не видя возможности отмщения за неожиданно и незаслуженно постигшее их со стороны этих лиц преступление, они навсегда впадают в отчаяние. 41. Юстиниан совершал беззаконие не только потому, что совершенно не желал допускать до себя и принимать жалобы от лиц потерпевших, но и потому, что он считал для себя вполне допустимым явно быть представителем и покровителем этих политических руководителей «голубых», этих стасиотов; он давал крупные денежные подачи юношам, многих из них держал в качестве своих приближенных и многих из них считал законным призвать к власти и облечь другими знаками высокого звания и достоинства.

VIII. 1. То, что делалось в Византии, происходило и в каждом отдельном городе. Подобно другой какой-либо болезни, начавшееся здесь зло, распространившись повсюду, поразило всю Римскую империю. 2. Императору (Юстину) было очень мало дела до того, что происходит, так как он ничего не понимал, хотя постоянно был очевидцем того, что происходит на ипподромах. 3. Он был исключительно глупый человек, совершенное подобие вьючного осла, способного только следовать за тем, кто тащит его за узду, да часто хлопать ушами. 4. Это и делал Юстиниан и все остальное он приводил в беспорядок. Как только он получил власть от своего дяди, он тотчас же стал стараться без всякого смысла тратить государственные средства, как будто бы он уже был их полновластным владыкой. 5. Тем из гуннов, с кем ему приходилось постоянно сталкиваться, он выплачивал очень крупные суммы из средств государства¹, и с этого времени римские земли стали подвергаться частым вторжениям варваров. 6. Вкусив от римских богатств, они уже не хотели отказаться от той дороги, которая вела их сюда. 7. Он счел нужным бросить большие средства на морское строительство², желая подчинить себе вечный прибой волн. 8. Он наложил с берега огромные глыбы камня, споря со стремительным течением, идущим с Понта, и как бы от избытка богатств желая вступить в состязание с силою моря. 9. Частное имущество римлян со всей земли он забирал в свои руки, возведя на одних обвинение в преступлениях, ими не совершенных, другим, к их удивлению, напоминая, что они ему его подарили. 10. Иные, обвиненные в уголовных и других преступлениях, отказавшись в пользу императора от всего своего имущества³, избегали суда и не несли наказания за совершенные преступления. 11. Другие же, если им случалось вступить с соседями в спор, без всякого на то права о владениях, и если они никак не могли добиться решения против своих противников, так как закон был не за них, кончали этот процесс, принеся в дар императору спорное имущество владения. Этим безубыточным для себя способом они сами получали ту выгоду, что становились известными императору и, кроме того, благодаря такому беззаконному поступку имели возможность выиграть процесс против своих противников. 12. Думаю, будет уместно описать и черты лица и фигуру этого государя. Ростом он был не очень высок, но и не очень низок, можно сказать, среднего роста; он был не худым, скорее в надлежащей мере полным. Лицо у него было круглое и не лишенное красоты; даже после двухдневного поста у него играл румянец. 13. Чтобы одним словом описать всю его фигуру, можно сказать, что он был

¹ Диндорф принимает старую конъектуру «сверх ежегодных выплат».

² Об этом приморском строительстве в Герее Прокопий говорит в конце I книги «О строительстве» с таким же скрытым оттенком порицания.

³ М а л а л а (424); К е д р е н (I, 642, 12); К р а м е р—Anecdota, II, 320.

очень похож на Домициана, сына Веспасиана. Римляне были так по горло сыты низостью этого императора, что, разорвав его на клочья, не могли удовлетворить этим своего гнева, но состоялось даже постановление сената: нигде в письменных памятниках не упоминать его имени и не сохранить ни одной его статуи¹. 14. Поэтому его имя везде, и в Риме, и в других местах, на надписях можно видеть вырезанным² только среди имен других императоров и, повидимому, во всей Римской империи нет ни одной его статуи, кроме одной медной, сохранившейся по следующему поводу. 15. У Домициана была жена, женщина благородного характера, очень уважаемая; она сама никогда не причинила другим никакого зла и поступкам своего мужа она решительно не сочувствовала. 16. Ее очень любили за это И ПОТОМУ СЕНАТ ВЫЗВАЛ ее к себе и предложил ей сказать, чего она хочет для себя. 17. Тогда она стала просить только одного, чтобы ей дали тело Домициана, чтобы она могла его похоронить, и чтобы дали ей право поставить ему одну медную статую, где она захочет. 18. Сенат, уступая ей, дал ей на это разрешение. И вот жена, желая на будущие времена оставить память о той бесчеловечности, с которой растерзали на клочки тело ее мужа, придумала следующее. 19. Собрав куски тела Домициана, сложив их и аккуратно соединив друг с другом, она сшила таким образом целое тело, дав указание ваятелям изобразить в медной статуе весь этот ужас. 20. Художники тотчас сделали статую. Тогда женщина взяла и поставила эту статую у дороги, ведущей вверх к Капитолию, если идти с форума направо. Эта статуя передает и до настоящего времени облик Домициана и постигшее его бедствие. 21. Фигура Юстиниана поразительно похожа на эту статую, как будто его двойник, равно, как общий его облик, так и все характерные черты лица. 22. Такова была его внешность, характера же его с такой же точностью я не мог бы описать. Это был человек коварный и переменчивый, которого по справедливости можно назвать злым дураком; сам он не был правдив с имеющими с ним дело и всегда во всех своих поступках и словах был лжив; с другой стороны, всякому, кто хотел его обмануть, он легко поддавался. 23. В нем уживалось какое-то необычайное сочетание глупости и низости. Это—то самое, что еще в древние времена сказал один из философов-перипатетиков, что в природе человека сочетаются самые противоположные оттенки, как при смешении красок. 24. Я описываю то, что во всей ясности я не³ могу себе даже представить. Был этот император полон иронии и притворства, лжив, скрытен и двуличен, умел не показывать своего гнева, в совершенстве владел он способностью скрывать свои мысли, обладал искусством проливать слезы не только под влиянием радости или печали, но в нужную минуту по мере необходимости; лгал он всегда, и не только случайно, но дав торжественнейшие записи и клятвы при заключении договоров, и при этом даже по отношению к своим же подданным. 25. Он быстро отказывался от своих обещаний и клятв, как самые низкие рабы, которых страхом перед поставленными перед их глазами орудиями пыток заставляют, дав присягу, подтверждать то или другое показание. 26. Другьям он был неверен, неумолим к врагам, всегда жаждал крови и денег, очень любил ссоры и всякие перемены; на зло он был очень податлив, к добру его нельзя было склонить никакими советами; он был скор на придумыванье и выполнение преступлений,

¹ Об этом говорит Светоний («Домициан» 23); еще подробнее Плиний в «Панегрике».

² По другому чтению: «выскобленным».

³ Конъектура Хаури; другие не ставят отрицания.

а о чем-либо хорошем даже просто слушать считал для себя горьким и обидным. 27. Кто мог бы при таких чертах характера Юстиниана дать полный образ его? Он обладал даже еще большими недостатками,—сверх человеческой меры, и казалось, природа собрала от всех людей все низкие качества и сложила их в душе этого человека. 28. Ко всему этому он был очень склонен выслушивать доносы и быстро налагал наказания. Никогда он не расследовал дела, произнося свой суд, но, выслушав доносчика, тотчас же решал дело и выносил свое решение. 29. Он без всякого колебания подписывал бумаги, назначающие разрушение местечек, уничтожение огнем больших городов, обращение в рабство целых племен без всякой вины с их стороны. 30. И если бы кто захотел подсчитать и сопоставить то, что совершается теперь, с тем, что было в прежние времена, то, мне кажется, он найдет, что этим человеком совершено больше убийств, чем их было за все истекшие века. 31. Он не проявлял ни малейшей нерешительности, если можно было без долгих разговоров¹ захватить чужое имущество; он даже не выставлял никакого предлога или видимости закона, чтобы захватить чужое состояние; присвоив его себе, он был всегда готов тратить его с самой неразумной расточительностью и бессмысленно раздавать варварам. 32. Говоря кратко, у него самого не было денег, и другому он не позволял владеть всем своим состоянием, как будто им владело не столько корыстолюбие, сколько зависть к тем, кто был богат. 33. Вычерпав таким образом со всем легкомыслием все богатства Римской империи, он явился творцом и создателем всеобщей бедности.

IX. 1. Таков был характер и нравственный облик Юстиниана, поскольку я мог все это передать словами. Он взял себе в жены ту, о которой я не в пример другим сейчас расскажу всю правду: я расскажу, каков был ее характер, как она была воспитана и как она, соединившись брачными узами с этим человеком, до самого основания разрушила у римлян их государственный строй. 2. Был в Византии некто Акакий², надсмотрщик над зверями, содержащимися для охоты на арене, принадлежавший к партии прасинов («зеленых»), которого называют «медвежатником». 3. Когда Анастасий занимал еще императорский престол, этот человек умер от болезни, оставив трех малолетних детей женского пола: Комито³, Феодору и Анастасию, из которых старшей не было еще семи лет. 4. Их мать решила найти себе другого мужа, который бы в дальнейшем (по наследству от Акакия) мог вместе с ней взять на себя заботу и о доме и о выполнении служебных обязанностей (по наблюдению за зверями). 5. В это время начальник мимов со стороны прасинов («зеленых»), по имени Астерий, подкупленный кем-то другим, отставил всех их от этой должности и без всякого раздумья и затруднения на это место поставил того, кто дал ему денег, так как начальники мимов могли распоряжаться этим, как им было угодно. 6. Когда женщина увидала, что весь народ собирается на зрелище охоты, она, надев девочкам на головы венки и дав им гирлянды в руки, поставила их (у входа в амфитеатр), как просящих защиты. 7. Но прасины («зеленые») решили не обращать никакого внимания на их мольбы, венеты же («голубые») поставили их на эту должность у себя, так как и у них

¹ Конъектура Крашенинникова: «бесстыдно».

² Другие сведения сообщает Михаил Сириец (78), стр. 1.

³ О ней см. Малала (430, 10); Феофан (I, 175, 11); Кедрен (I, 643, 22).

недавно умер их надсмотрщик за зверями. 8. Когда девочки подросли, мать тотчас же пристроила их к здешней сцене (мимов), так как они были очень красивы, но не всех в одно время, а постепенно, по мере того, как каждая, на ее взгляд, уже созревала для этого дела. 9. Старшая из них, Комито, уже блистала среди своих сверстниц и сотоварок, следующая за ней Феодора, одетая в короткий хитон с длинными рукавами, как полагается служке-рабыне, следовала за своей сестрой, как ее служительница, и постоянно носила за ней на своих плечах сиденье, на которое в разных собраниях обычно садилась Комито. 10. В это время Феодора, будучи еще подростком, не могла сходитья с мужчинами и отдаваться им, как женщина; но за деньги простиговывала себя, как это делают мужчины, с людьми, одержимыми дьявольскими страстями, между прочим, и с рабами, которые, провозжая своих господ в театры, между делом, имея свободное время, занимались такими гнусными делами. Долгое время жила она в этом блуде, предавая свое тело противоестественному пороку: 11. Как только она стала взрослой и цветущей видом, она тотчас пристроилась при сцене и стала простой блудницей, такой, которых древние называли просто «выходными»¹. 12. Она не умела ни играть на флейте, ни на струнных инструментах (сопровождая их пением), тем более не отличалась в танцах, но умела она только первому встречному продавать свою юность и красоту, служа ему всеми частями своего тела. 13. Затем она стала выступать с мимами во всех театральные представлениях, принимая участие с ними во всех постановках, там, где требовалась ее помощь, чтобы вызвать смех шутовскими выходками. Она была исключительно изящна и остроумна. Поэтому она, когда была на сцене, тотчас обращала на себя всеобщее внимание. 14. Эта женщина не стыдилась ничего и никто не видал ее чем бы то ни было смущенной, но она без малейшего колебания проявляла себя в самых бесстыдных действиях; когда ее хлестали или били по щекам, она способна была, вызывая громкий смех, остроумно шутить; скинув с себя одежды, она показывала зрителям голыми и задние и передние части, что даже для мужей полагается быть невидимым и закрытым. 15. По отношению к своим любовникам, она, возбуждая их своими развратными шутками и при помощи различных ухищрений отдаваясь им все новыми и новыми способами, умела навсегда привязать к себе души этих распущенных людей; она не считала нужным ожидать, чтобы к ней обращались со словами соблазна, но, наоборот, сама вызывающим остроумием и нетерпеливым движением бедер соблазняла всех первых встречных, особенно безусых мальчиков. 16. Не было никого, кто бы меньше ее проявлял слабость и чувство пресыщения от всякого рода подобных наслаждений; часто, приглашенная на обед, даваемый вскладчину, или на пикник, где было десять, а то и больше юношей, отличающихся большой физической силой и выносливых в делах распутства, она в течение всей ночи отдавалась всем сотрапезникам; когда они, ослабев, уже все отказывались от этих дел, она шла к их слугам,—а их бывало человек тридцать,—«спаривалась» с каждым из них, но даже и при этом она не получала пресыщения от разврата. 17. Приглашенная в дом кого-либо из знатнейших лиц, когда, говорят, во время попойки все собутельники разглядывали ее со всех сторон, она садилась на переднюю часть ложа и не считала для себя стыдом, подняв спускающиеся до ног одежды, бесстыдно показывать

¹ Этим термином обозначался низший слой актеров, не сопровождавших свои выступления ни музыкой, ни пением, которые считались «прозаическими».

всякое неприличие 18¹, 19. Она часто бывала беременной, но при помощи различных средств многократно умела делать выкидыши. 20. Часто в театре² на виду всего народа она скидывала платье и оставалась нагой среди всего собрания, повязав свои половые органы и низ живота маленькой повязкой, не потому, чтобы стыдилась показывать это народу, но потому, что никому не позволялось здесь выступать совершенно обнаженным, не имея повязок на половых органах. В таком виде, медленно сгибаясь назад, она ложилась на землю лицом кверху. 21³, 22. И она поднималась после этого, не только не покрытая краской стыда, но даже ожидая похвал и прославления за такое зрелище. Она была не только сама бесстыдной, но и гениальной учительницей всякого бесстыдства. 23. Часто, скинув одежды, она стояла посреди сцены с мимами; бесстыдно выгибаясь и опять поднимаясь, она с гордостью показывала арену своего обычного искусства перед теми, которые уже не раз испробовали ее, и теми, которые еще к ней не приближались. 24. Стаким безграничным цинизмом и наглостью относилась она к своему телу, что свой стыд считала не там, где он по законам природы находится у других женщин, а у нее на лице. 25. А о тех, которые сходились с ней, тотчас можно было со всей ясностью заключить, что общение с ней у них происходит не по законам природы. Поэтому более приличные люди, встречаясь с нею на площади, уклонялись и поспешно отходили от нее, чтобы, коснувшись одежд этой женщины, не заразиться такой грязью и нечистью. 26. Для тех, кто особенно видел ее утром, это считалось неблагоприятным предзнаменованием. К своим же сотоваркам по театру она обыкновенно относилась, как самый ядовитый скорпион: она обладала большим даром злоречия. 27. Потом она последовала за Гекеболом, родом из Тира, назначенным префектом Пентаполиса, с тем, чтобы служить самым позорным его страстям, но, вызвав чем-то гнев этого человека, высланная отсюда, должна была возможно скорее удалиться. Ввиду этого она попала в тяжелое материальное положение и в дальнейшем добывала себе пропитание, торгуя по обычаю незаконно своим телом. 28. Сначала она прибыла в Александрию; затем, пройдя по всему Востоку, возвратилась в Византию, в каждом городе занимаясь такими делами, что не будет милости божьей над тем человеком, который только назовет их своим именем; как будто бы демон не хотел допустить, чтобы существовало такое место, которое не испытало на себе распущенности Феодоры. 29. Так суждено было родиться и воспитаться этой женщине и стать прославленной среди многих городских блудниц и в глазах всех людей. 30. Когда она вновь вернулась в Византию, в нее безумно влюбился Юстиниан и сначала сошелся с ней, как с любовницей, хотя она была уже возведена им в звание патрикии. 31. Феодоре удалось тогда тотчас же получить огромное влияние и приобрести большое состояние. Для этого человека было самым большим удовольствием, что обычно случается с безумно влюбленными, оказывать своей любовнице всевозможные милости и осыпать всякими богатствами. 32. Да и самые политические дела⁴ служили поощрением этой любви. Вместе с ней Юстиниан еще больше стал развращать народ не только здесь (в Византии), но и во всей Римской империи.

¹ Далее идет не имеющее научного значения и трудно читаемое место. *Ред.*

² Повидимому, в Византии был такой театр, который назывался «Порнай»—«у девочек» (Новелла 105, гл. 1)—род парижских кабачков. Об этом упоминает Иоанн «Златоуст».

⁴ Далее идет не имеющее научного значения и трудно читаемое место. *Ред.*

По Хаури; другое чтение: «и самая эта расточительность».

33. Они оба издавна были членами партии венетов («голубых») и в руки этих мятежных людей, на их полный произвол, они отдали весь государственный строй. 34. Много времени спустя большая часть этих бедствий нашла себе конец вот каким образом. 35. Случилось, что Юстиниан долгое время болел тяжелой болезнью и во время этой болезни у него были такие критические моменты, когда даже говорили, что он уже умер. Эти же стасиоты, мятежные элементы партии, продолжали совершать свои преступления, о которых я говорил; между прочим, они убили среди бела дня очень знатного человека Гипатия в самом храме Софии. 36. Когда было совершено это преступление, то шум и волнение по поводу этого дела дошли до императора (Юстина): каждый из его приближенных, пользуясь отсутствием Юстиниана, старался даже во много раз преувеличить ужас всего совершающегося, перечисляя с самого начала все то, что произошло раньше. 37. Тогда император приказал префекту города произвести расследование и наказать за все совершенное. Это был Феодот, которого называли Колокинфием («Тыквою»)¹. 38. Разобрав все эти дела, он имел смелость многих из преступников арестовать и поступить с ними по закону, но многие успели скрыться и спаслись. 39. Надо разуметь, что остались они живы для того, чтобы в дальнейшем погубить римлян страшными своими деяниями². Но Юстиниан, сверх всяких ожиданий, вдруг исцелившись от болезни, поправился и стал тотчас же действовать против Феодота, обвиняя его в колдовстве, отравлениях и магии. 40. Так как у него не было предлога, под которым он мог бы погубить этого человека, то некоторых из его близких он, подвергнув самым мучительным пыткам, заставил давать против него самые лживые и злостные показания. 41. В то время как все отстранились, держась в стороне и молча оплакивая этот злой умысел против Феодота, один только Прокл, занимавший должность так называемого квестора, громко заявлял, что этот человек ни в чем не виноват и ни за что не заслуживает смерти. 42. Поэтому Феодот был отправлен по приказу императора (Юстина) в Иерусалим. Узнав, что туда прибыли лица, которым поручено его убить, он все время, пока был жив, скрывался в храме. Так он и умер. 43. Таково было дело Феодота. С этих пор стасиоты, мятежный элемент партии, оказались наиболее благоразумными из всех людей. 44. Они уже не позволяли себе подобных правонарушений, хотя им было возможно еще более безнаказанно пользоваться всяким беззаконием в своей жизни. 45. Доказательство этого мы видим в том, что когда некоторые из них немного времени спустя проявили подобную же дерзость, на них не было наложено никакого наказания. 46. Ведь те, которые всегда имели возможность наказать их, предоставляли полную свободу скрываться совершавшим эти ужасные деяния и таким потворством побуждали их к нарушению законов. 47. Пока была жива императрица (Евфимия), Юстиниан никак не мог добиться того, чтобы сделать Феодору своей законной женой. В этом одном она пошла против него, хотя во всем другом она потворствовала ему. 48. Эта женщина была очень далека от всякой испорченности; была она совсем простой женщиной из варварской страны, как я уже сказал. 49. Она не могла выделиться никакими особыми достоинствами³; в делах государственных всю свою жизнь она была

¹ Место совершенно испорченное, перевозку по (нерешительной) конъектуре Хаури. Смысл других конъектур приблизительно тот же.

² М а л а л а (416, 8). Ср. Ф е о ф а н (I, 166, 26), И о а н н и з Н и к и у (503); К е д р е н (I, 638, 5).

³ П р о к о п и й, гл. 6, § 17.

совершенно несведуща; явившись во дворец, она изменила свое собственное имя (Луппицины)—уж очень оно было смешное—и стала называться Евфимией¹. Немного времени спустя императрица волею судеб скончалась. 50. Император Юстин, вследствие глубокой старости впадши в совершенное детство, был посмешищем для своих подданных; все относились к нему с полным пренебрежением, так как он не разбирался в том, что делается, и не считались с ним и, полные страха, пресмыкались перед Юстинианом, так как, приводя все в замешательство и беспорядок, он все подряд ставил вверх ногами. 51. Тогда он стал принимать меры для заключения брака с Феодорой. Так как человеку, достигшему сенаторского звания, было невозможно жениться на публичной женщине, ибо это было запрещено еще древнейшими постановлениями, он заставил императора Юстина аннулировать эти законы новым законом, и с этого времени жил уже с Феодорой, как с законной женой, и для всех других сделал доступным брак с публичными женщинами. Отныне он шел путем тирании, прикрывая свой насильственный образ действий внешней видимостью почетного титула императора. 52. Ведь наряду со своим дядей он был провозглашен римским императором, если можно считать такое решение законным: под воздействием всяких угроз и страхов (сенат и народ) должны были согласиться на такое голосование. 53. Юстиниан и Феодора приняли императорский титул² за три дня до праздника пасхи, когда нельзя было ни приветствовать кого-либо из друзей, ни встречать кого-либо знаками почета. 54. Несколько дней спустя скончался от болезни император Юстин³; императором он пробыл 9 лет. После его смерти единственным императором остался Юстиниан с Феодорой.

Х. 1. Вот таким-то образом, как я рассказал, Феодора родилась, воспиталась и получила свое образование и, не встречая ниоткуда препятствий, достигла высокого звания императрицы. 2. Женившись на ней, Юстиниан даже не почувствовал всей оскорбительности своего положения, что он, который мог выбрать себе законной супругой из всей Римской империи женщину наиболее благородного происхождения, воспитанную в замкнутом⁴ кругу, исполненную чувства глубокой стыдливости и скромности, обладающую ясным и чистым разумом, кроме того—выдающуюся красотой и девической нежностью, бывшей поистине «прямогрудой» (с полными, пышными и прямыми грудями), 3. он почел для себя наиболее достойным сделать своей собственной женой отверженную женщину, общую скверну всех людей, не стыдясь ничего, что было раньше сказано о ней, и сойтись с женщиной, запятнанной помимо других грязных дел еще многими детоубийствами, так как ведь она добровольно производила выкидыши. Мне кажется, что, говоря о характере и нравах этого человека, нечего указывать на что-либо другое. 4. Этот столь достойный брак в достаточной мере характеризует его душевные качества, являясь истолкователем и свидетелем его характера и служа летописью его жизни. 5. Ведь для человека, поставившего ни во что стыд за свои позорные поступки

¹ Феофан (I, 164, 31); Феодор Лектор (стр. 565); Виктор Гоннененский под 518 г.; Зонара (III, 266); Кедрен (I, 637, 1).

² Феофан (I, 173, 13); Эвагрий (IV, 9); Кедрен (I, 641, 23); Марцелин—Хроника, под 527 г.; Виктор Гоннененский под 525 г.

³ Малала (424, 14); «Пасхальная хроника» (617, 6).

⁴ Другое чтение: «в самом высоком».

и не считающего для себя позором в глазах всех окружающих казаться отвратительным и бесстыжим, — для такого человека нет такого скользкого пути нарушения закона, на который бы он ни вступил; нося у себя на лице печать бесстыдства, он очень легко и без всяких угрызений совести решается совершать самые гнусные поступки. 6. Но вот что действительно нужно отметить: никто и из сенаторов, видя тот позор, которым покрывалось государство, не решился высказать свое порицание и воспротивиться этому: все готовы были хоть сейчас поклоняться Феодоре, как божеству. 7. Больше того: ни один из церковнослужителей открыто и громко не протестовал, и беспрекословно они все готовы были провозглашать ее владычицей. 8. И тот народ, который прежде был зрителем ее выступлений в театре, немедленно и до неприличия просто считал справедливым стать ее рабом и, воздевая с мольбой кверху руки, поклоняться ей. 9. Ни один воин не почувствовал гнева, что, подвергаясь опасностям военной жизни, ему придется сражаться за интересы Феодоры, и никто из всех людей не выступил каким-нибудь другим образом с протестом, но все, думаю, преклоняясь перед сознанием, что так это предназначено свыше, старались содействовать этому осквернению. Как будто судьба хотела показать свое могущество; она, господствуя над всеми человеческими делами, меньше всего заботится, чтобы то, что совершается, казалось вполне естественным или чтобы оно происходило согласно с человеческими расчетами. 10. В самом деле, она внезапно поднимает кого-либо на предельную высоту по своему произволу, без всякого на это основания, и для того, перед кем, казалось, сплелось так много препятствий, ничто уже не стоит у него на пути во всех его делах, но все идет под ее руководством с полной планомерностью туда, куда это предназначено судьбой, причем все добровольно отходят и уступают дорогу двигающейся вперед судьбе. Но пусть обо всем этом говорят и пусть оно и будет так, как угодно богу. 11. Феодора была красива лицом¹ и в общем изящна, но невысокого роста: кожа ее была не совсем белой, а скорее матового оттенка; ее взгляд был ясный, пронизательный и быстрый. 12. Если бы кто захотел рассказать все то, что она проделала в своей жизни на сцене, то ему нехватило бы целого века, но и того немногого, что мною рассказано выше, вполне достаточно для того, чтобы дать полное представление потомству о характере и нравах этой женщины. 13. Теперь я считаю необходимым вкратце рассказать о делах ее, а вместе и ее мужа, так как в течение всей жизни они ничего не делали один без другого. 14. Долгое время всем казалось, что и в образе мыслей, и в образе действий они всегда противоположны друг другу; впоследствии, однако, стало понятным, что такое представление сознательно ими было создано для того, чтобы их подданные, видя их единомыслие, не восстали против них, но чтобы у всех не было твердо установившегося о них мнения. 15. Прежде всего натравив христиан друг на друга и в религиозных спорах сделав вид², что оба они (и Юстиниан и Феодора) идут противоположными путями, они так разделили всех на группы и партии, как я об этом скажу немного позже³. Затем они разъединили и стасиотов (этот крайний и мятежный элемент партий). 16. Феодора делала вид, что она всеми силами покровительствует венецам («голубым») и широко предоставила им возможность действовать против их противников, не считаясь

¹ Ср. «О постройках» (кн. I, гл. II).

² Эвагри (IV, 10); Никифор Каллист (XVII, 7).

³ Эдва ли это глава XXVII, как считают некоторые комментаторы. Вероятнее, что это одно из «невыполненных обещаний» Прокопия.

ни с каким правом, и совершать насилия самые нетерпимые. 17. Юстиниан делал вид, будто он на это негодует и исполнен гнева, но что в данный момент¹ он не в состоянии противиться² жене; часто, переменявшись ролями, они действовали так, что создавалось впечатление обратного влияния. 18. Юстиниан считал нужным наказывать венетов («голубых») за их великие прегрешения, Феодора же, на словах выказывая недовольство, делала вид, будто негодует, что против своей воли она должна уступить мужу. 19. Как я уже сказал, стасиоты венетов («голубых») стали, повидимому, самыми благоразумными: они совсем не позволяли себе проявлять насилие над своими согражданами в той мере, в которой они могли. Но в судебных процессах казалось, что каждый из них защищает интересы одного из тяжущихся, а выходило обязательно так, что побеждал из них тот, кто выступал на защиту несправедливых претензий: таким образом они грабили большую часть имущества судящихся. 20. Многих из них этот самодержец заносил в число своих приближенных и давал им полную возможность (легально) производить насилия и совершать всякие правонарушения в государственной жизни, какие они только хотели; но как только они являлись обладателями огромных богатств, тотчас же, поссорившись с Феодорой, они становились ему врагами. 21. Относительно тех, кого вначале он не считал недостойным для себя привлечь на свою сторону, проявляя всякое к этому старание, он потом, лишив всякого расположения, внезапно забывал все свои прежние отношения к этим людям. 22. И Феодора начинала тогда действовать против них самым безбожным образом, а Юстиниан, конечно, не замечал, что совершается против них, и, бесстыдно завладев их состоянием, наслаждался им. 23. И вот всегда, при помощи таких махинаций на основе взаимной договоренности, наружно показывая вид несогласий, они могли держать разобщенными своих подданных и тем свою тиранию делать наиболее прочной.

XI. 1. Получив императорскую власть, Юстиниан тотчас же сумел все привести в расстройство. Все то, что прежде было запрещено законом, он ввел в государственную жизнь; все то, что существовало раньше и было обычным, он уничтожил, как будто для того он был облечен и украшен императорской порфирой, чтобы все изменилось и пришло в другой вид. 2. Бывшие прежде государственные должности он уничтожил, установил новые для ведения государственных дел под новыми названиями; то же самое он сделал с законами и с регулярной армией, не в силу законной необходимости, руководясь не понятием полезности, но для того, чтобы все было по-новому и носило его имя. А чего в данный момент он не мог переменить, на это он все-таки накладывал печать своего имени. 3. Никогда не мог он насытиться и почувствовать пресыщение от грабежа богатств или от избиения людей. Завладев состоянием очень многих богатых людей, он устремлялся к новым грабежам, тотчас же раздав прежнее тем или другим из варваров или истратив богатства прежней своей добычи на безумное строительство. 4. Предав смерти без всякого основания десятки тысяч, он тотчас начинал злоумышлять против большего еще числа. 5. Тогда, когда римляне пользовались миром со всеми соседними народами, он, не претерпевая такого положения и побуждаемый жаждой убийства, стал натравливать одни племена варваров на другие и, без всякого осно-

¹ Конъектура Хаури.

² Конъектура Крашенинникова: «приказаниям».

вания вызывая к себе вождей гуннов, он раздавал им с безумной расточительностью большие суммы денег, конечно, заявляя на словах, что он делает эти подарки для укрепления дружбы; это, как было сказано, он делал еще со времени правления императора Юстина. 6. Они же, увезя с собою деньги, подсылали других из своих сотоварищей по власти вместе с их отрядами, советуя делать набеги на земли императора, чтобы и они могли получить плату за мир от того, кто хотел его покупать столь бессмысленно. 7. И вот они грабили и забирали в плен людей в пределах Римской империи и, тем не менее, получали плату от императора. А следом за ними шли тотчас другие, чтобы грабить несчастных римлян и после этого грабежа они получали, как бы в награду за свое вторжение, щедрые подарки от императора. 8. Говоря кратко, таким образом они одни за другими безостановочно грабили и опустошали все подряд. 9. Таких объединений **ВОЖДЕЙ** у этих варваров было много, война же эта началась по вине безумной щедрости императора и положить ей конец было никак невозможно, но вечно она начиналась все сызнова. 10. Поэтому в данное время не было какого-либо места в Римской империи, горы ли, пещеры ли или чего-либо другого, которое осталось бы неразграбленным, а во многих местах страна подвергалась разграблению по пяти и больше раз. 11. Все то, что пришлось перенести от мидян, сарацин, славян, антов и других варваров, я рассказал в прежних своих книгах; здесь же, как я обещал в начале этого своего произведения, я считаю нужным изложить причины таких бедствий. 12. Заплатив Хозрою¹ за мир огромное количество фунтов золота, по собственной воле, без всякого повода, он оказался сам главным виновником того, что мирный договор был нарушен, так как он упорно старался привлечь на свою сторону Аламундара и гуннов², бывших в союзных отношениях с персами; в своих книгах, касающихся этих обстоятельств, мне кажется, я рассказал об этом довольно ясно. 13. В то время как он навлекал всякие беды на римлян, возбуждая все эти восстания и войны, думая только об одном: всякими способами наполнить землю человеческой кровью и грабить возможно больше денег, он замыслил следующим образом другое жестокое и кровавое избиение своих подданных. 14. Во всей Римской империи было много превратных учений, которые обычно называются ересями: учения монтанистов, саббагианов и многие другие, в которых обычно заблуждаются мысли человеческие. 15. Им всем он велел отказаться³ от своего прежнего исповедания; тем, кто не послушается, он грозил многими карами; между прочим, он не разрешил им оставлять свое состояние по наследству детям и родственникам⁴. 16. Храмы этих так называемых еретиков и особенно тех, которые исповедывали арианство, имели невероятные богатства⁵. 17. Что касается богатств, то ни весь римский сенат, ни другая какая-либо самая большая часть Римской империи не могли даже приблизительно сравниться с богатствами этих храмов. 18. Там было собрано золотых и серебряных вещей и драгоценных камней несказанное и несметное количество; они владели множеством домов и селений, большим количеством земли во всех частях империи. У них было много всего, что у всех людей является и называется богатством, так как

¹ П р о к о п и й—Война с персами, кн. I, гл. 122, § 4.

² П р о к о п и й—Война с персами, кн. II, гл. I, § 12; гл. 3, § 47.

³ М а л а л а (478, 12); Ф е о ф а н (I, 176, 17). Ср. Новелла 109, 45; «Corpus iuris civilis», I, 5.

⁴ Новелла 115, 3, 14; Новелла 129; Введение к Новелле 132.

⁵ М а л а л а (479, 13); К е д р е н (I, 642, 18).

никто из предшествующих императоров их не беспокоил. 19. Очень много людей, и при этом православных, в силу своего ремесла работая у них, находили себе источники своего существования. 20. И вот, прежде всего конфисковав имущество этих храмов, император Юстиниан внезапно отнял у них все богатства. Вследствие этого для многих были закрыты все источники существования для дальнейшей жизни. 21. Затем тотчас же во все стороны было послано много лиц, которые, обходя страны, насильственно заставляли менять веру всех тех, кого они встречали отпавшими от веры отцов. 22. Так как это людям деревенского склада ума казалось нечестивым, то все они решили оказывать сопротивление тем, которые требовали от них этого. 23. Поэтому многие из них были избиты военными отрядами, многие сами на себя наложили руки, в своей глупости полагая, что таким образом они особенно проявляют свое благочестие. Но большинство из них толпами покидали отчие земли и бежали, а жившие во Фригии последователи Монтана, запершись в своих храмах, тотчас же подожгли эти храмы и в порыве безумия погибли вместе с ними. Таким образом с этого времени вся Римская империя была наполнена избиением и люди толпами бежали из нее. 24. Подобный же закон был вскоре издан и относительно самаритян и вызвал необычайное волнение. 25. Те, которые жили в моей Кесарии и в других городах, сочтя глупым принимать мучения из-за какого-то бессмысленного догмата, вместо бывшего у них имени, переименовав его, приняли имя христиан и под этой маской им удалось избежать опасности, которой им грозил закон. 26. Из них те, которые были людьми разумными и добропорядочными, не считали для себя недопустимым оставаться верными этой новой религии, большинство же, как люди раздраженные на то, что их заставили переменить религию отцов не добровольно, но силой закона, тотчас же уклонились в манихейство¹ или примкнули к так называемому многобожию (политеизму). 27. Жители же деревень, собравшись все вместе, решили поднять оружие² против императора и выбрали себе вождем одного из разбойников, по имени Юлиана, сына Сабара. 28. Вступив в открытый бой с отрядами войск императора, они некоторое время держались, но затем, побежденные в сражении, они погибли вместе со своим предводителем. 29. Говорят, что при этих тяжелых обстоятельствах погибло до 100 000 человек; и с этого времени эта часть страны, наиболее плодородная, стала пустынной и необработанной. 30. Для христиан же, которые владели этими землями, все это дело кончилось великим бедствием. Хотя они из этих земель не извлекали себе никаких доходов, им приходилось все время вносить императору ежегодный налог полностью, бывший иногда весьма значительным, так как (на такое взыскание) без всякой пощады было обращено все внимание. 31. Затем он обратил свое преследование против так называемых эллинов³, предавая тела их пыткам и конфискуя имущество. 32. Дело в том, что те из них, которые решили принять участие в исповедании и в имени христиан, конечно, на словах отвергнув то, которое было у них до сих пор, эти люди немного позднее по большей части были уличены в том, что совершают возлияния и жертвы (языческим богам) и другие нечестивые деяния. 33. То же, что он совершил по отно-

¹ М а л а л а (423, 16); К е д р е н (I, 639, 19); «Liber pontifical», ч. 1, стр. 130 (изд. Моммзена).

² М а л а л а (445, 19); Ф е о ф а н (I, 178, 22); Б а р-Г е б р (82); К е д р е н (I, 646, 22); Г е р м е с (VI, 376); И о а н н и з Н и к и у (518); З а х а р и я (177).

³ М а л а л а (449, 3); Ф е о ф а н (I, 180, 11); К е д р е н (I, 642, 16); К р а м е р — Анеcdota (II, 320).

шению к христианам, я расскажу потом в дальнейших книгах¹. 34. Затем он законом запретил педерастию², расследуя такие факты, обнаруженные не после опубликования этого закона, но арестуя и тех, кто был много раньше уличен в этой болезни. 35. Наказание их производилось без всякого внешнего благоприличия, так как следствие над ними производилось без всякого судоговорения и вполне точно установленным обвинением считалось заявление одного какого-нибудь мужчины или мальчика, при этом возможно и раба, иногда принужденного против воли давать показания против своего господина. 36. У тех, которые таким образом были уличены в преступлении, отрезали половые органы и вносили, выставив на позорище. Вначале такое жестокое наказание применялось не ко всем, но к тем, которые или считались принадлежащими к прасинам («зеленым»), или обладали крупным состоянием, или в чем-либо другом оказались враждебны правящим тиранам. 37. Сурово относились они и к звездочетам и астрологам. Поэтому этих людей, уже старых и в общем почтенных, которых нельзя было обвинить ни в чем другом, кроме того, что они захотели жить в данном городе, будучи учеными астрономами, этих людей магистраты, ведавшие наказанием воров, подвергали мучениям только за их науку и, стегая плетями по спине и плечам, посадив на верблюдов, возили для позора по всему городу. 38. Поэтому народ большими толпами убежал не только к варварам, но и к римлянам, живущим в далеких странах³, и в (каждой) области, в каждом городе можно было видеть все большее и большее число иноземцев. 39. Чтобы только скрыться из родной земли, каждый из них охотно менял ее на любую чужую землю, как будто бы их родина была захвачена врагами. 40. Такими-то способами, как я сказал, Юстиниан и Феодора ограбили и забрали себе богатство тех, которые в Византии и в других городах считались наиболее состоятельными, не принадлежа к сенаторскому сословию. 41. А каким образом они и у сенаторов смогли отобрать все их состояние, я сейчас расскажу.

ХII. 1. Был в Византии некто Зенон, внук того Анфимия, который был в прежние времена императором на Западе. Юстиниан и Феодора умышленно делали вид, что хотят направить его в Египет, назначив его наместником этой области. 2. Он приготовился к отплытию, погрузив на корабль самое ценное из своих богатств. У него было бесчисленное количество серебра и золотых вещей, украшенных жемчугом, смарагдами⁴ и другими подобными же драгоценными камнями. Тогда Юстиниан и Феодора подговорили некоторых из тех, кто считался самыми верными его слугами, вынести оттуда возможно скорее все богатства, а корабль поджечь, заявив Зенону, что пожар на корабле произошел сам собой и что во время его погибли все сокровища. 3. Спустя некоторое время Зенон внезапно умер, а они тотчас завладели всем его состоянием, как его наследники. 4. Они при этом предъявили его завещание, к которому он, как шла молва, был совсем непричастен. 5. Подобным же образом они сделали себя наследниками Татиана, Демосфена и Гилары, которые как во всем остальном, так и по своему положению в римском сенате считались первыми людьми. У некоторых других они отняли имущество, представив их (подложные)

¹ Прокопием обещание не исполнено.

² М а л а л а (436, 3); Ф е о ф а н (I, 177, 11); З о н а р а (III, 275); Новеллы 77 и 141; К р а м е р—Anecdota (II, 322); Н и к и ф о р К а л л и с т (XVII, 32).

³ По другому чтению: «но и к живущим далеко от римских пределов».

⁴ Наш аквамарин или берилл.

письма. 6. Таким образом они стали наследниками Дионисия, который жил в Либане, Иоанна, сына Василия, который из всех жителей Эдессы был самым знатным и богатым; Велизарий насильно дал его в заложники персам, против всякого его желания, как мной рассказано в прежних книгах¹. 7. Обвиняя римлян, что они обманули его и нарушили все те договорные условия, в залог выполнения которых Иоанн был дан ему Велизарием, Хозрой никак не хотел отпускать его и требовал, чтобы он был выкуплен, как обыкновенный военнопленный. 8. Тогда бабка Иоанна—она еще была у него жива,—собрала не меньше, чем 2 000 фунтов серебра, готова была, как все и ожидали, выкупить своего внука. 9. Но когда этот выкуп пришел в Дары, узнав об этом, император запретил выполнять этот договор, чтобы, по его словам, богатство римлян не переправлялось к варварам. 10. Немного спустя Иоанн захворал и скончался, начальник же города (Дар), подделав письмо, заявил, что незадолго перед тем Иоанн написал ему, как своему другу, будто ему хотелось бы, чтобы все его состояние перешло по наследству к императору. 11. Я не в состоянии был бы перечислить имена всех других, наследниками которых Юстиниан и Феодора самовольно сделали самих себя. 12. До восстания так называемого «Ника» они считали возможным забирать себе состояния богатых людей поодиночке; когда же оно произошло, как я об этом рассказывал в прежних книгах², тогда они, попросту говоря, конфисковали имущество почти всех членов сената, присвоили себе все их движимое имущество и из имений самые лучшие, где только хотели; из остальных земельных их владений, выбрав те, которые были обложены очень тяжелыми и несправедливыми налогами, они, под видом гуманности, отдали прежним их владельцам. 13. Поэтому-то, схваченные за горло сборщиками податей и мучимые все нарастающими каким-то образом процентами по своим обязательствам, они жаждали смерти, конца несчастной своей жизни, против воли влача свое жалкое существование. 14. Поэтому в моих глазах и глазах многих из моих (друзей того же сословия) они казались вовсе не людьми, а какими-то демонами, чумой и гибелью страны, или, как говорят поэты, «людей пожирателями», которые сообща задумали, как бы им возможно легче и скорее погубить всю жизнь и труды человеческого рода; они только носили на себе облик человеческий, а по существу, будучи человекоподобными демонами, они таким образом замутили и привели к гибели всю вселенную. 15. Это находит себе подтверждение наряду со многим другим также и в той огромности и силе преступлений, которые были ими совершены; и в ЭТОМ ГЛАВНАЯ сила и отличие деяний демонов от дел человеческих. 16. Конечно, и в прежние времена были люди, внушавшие великий к себе ужас, в силу ли своих природных извращений, или в силу сложившихся условий жизни, которые погубили враждебные им города, страны или что-либо подобное; но чтобы стать гибелью всех людей и несчастием для всей вселенной, этого никто не мог добиться, кроме этих людей. 17. Сама судьба как будто содействовала их планам в их стремлении погубить людей, помогая им землетрясениями, моровыми язвами и наводнениями; от всего этого в данное время погибло огромное количество населения, о чем я сейчас и поведу рассказ. Таким образом эти ужасы совершали они не силой человеческой, а какой-то иной. 18. Передают, что мать Юстиниана говорила некоторым из своих родственников, что он является сыном не от ее мужа Савватия и не от какого-либо

¹ Прокопий—Война с персами, кн. II, гл. 21, § 27;

² Прокопий—Война с персами, кн. I, гл. 24§!

человека. 19. Перед тем как она забеременела им, к ней не раз приходил какой-то невидимый демон, но дающий возможность ощутить себя, что он тут; а затем, сойдясь как муж с женой, он исчез, как сновидение. 20. Некоторые из приближенных Юстиниана, остававшиеся при нем до глубокой ночи, конечно, из числа несших служебные обязанности по дворцу, те, у которых душа была чистой, говорили, что вместо него видели какое-то необычайное привидение дьявольского вида. 21. Один из них рассказывал, что Юстиниан, внезапно вскочив с императорского трона, начал ходить по всему дворцу,—долго сидеть на одном месте он вообще не мог; и вдруг, говорил он, у него пропала голова Юстиниана, а остальное тело продолжало совершать эти долгие прогулки взад и вперед. Рассказывавший говорил, что при таком зрелище, не доверяя, что он видит это своими глазами, потрясенный и в полном смущении, он долгое время стоял на одном месте. 22. А затем голова вновь возвращалась к телу Юстиниана, и та часть тела, которая до этого времени казалась отсутствующей, сверх ожидания вновь появлялась и становилась на свое место. 23. Другой же рассказывал, что он стоял около Юстиниана, сидевшего на троне; и вдруг лицо Юстиниана стало похожим на простой кусок мяса, без бровей, без глаз на тех местах, на которых им полагалось быть, и вообще без всяких отличительных черт лица. По прошествии некоторого времени к нему вновь возвратился обычный вид. Это я пишу не как очевидец, но услышал я все это от тех, которые серьезно и настойчиво утверждали, что видели все это сами. 24. Говорят, что какой-то монах, наиболее угодный богу, убежденный теми, кто вместе с ним жил в пустыне, был отправлен в Византию, чтобы ходатайствовать за живших рядом с ним, так как они подвергались нестерпимым насилиям и обидам. Прибыв в Византию, он сейчас же получил разрешение явиться к императору. 25. Когда он собирался уже предстать перед ним и переступить уже порог, идя к нему, он внезапно повернулся и пошел назад. 26. Евнух, который заведывал приемами, и все присутствующие здесь усиленно предлагали ему итти на прием; он же, ничего им не отвечая, но, подобно пораженному ударом грома, ушел отсюда и скрылся в жилище, где он остановился. Когда сопровождавшие его стали спрашивать, почему он так поступает, говорят, он ответил им прямо, что он увидел во дворце восседающим на троне владыку демонов, беседовать с которым или просить у него чего-либо он не считал для себя возможным. 27. Да и как этот Юстиниан мог кому-нибудь не показаться демоном греха и осквернения, он, который никогда не мог получить удовлетворения от еды, питья и сна; едва пробовал он от стоящих перед ним блюд, а глубокою ночью бродил он по двору, хотя чувственным удовольствиям любви был он предан безумно. 28. Некоторые из любовников Феодоры, когда она была еще на сцене, рассказывают, что некий демон, ворвавшись к ним, выгнал их из дому, чтобы провести с нею ночь. В Антиохии в труппе театра венетов («голубых») была одна танцовщица, по имени Македония, приобретающая большое влияние. 29. Еще в то время, когда император Юстин был жив и царствовал, она, бывало, писала письма Юстиниану и без труда губила тех, кого хотела, из знатнейших и богатых лиц на Востоке, а их состояние давала возможность конфисковать для государственного казначейства. 30. Говорят, что эта Македония дружески встретилась с Феодорой, возвращающейся из Африки и Ливии¹. Когда она увидела, что Феодора негодует на те оскорбления, которые она полу-

¹ См. гл. IX, § 27.

чила от Гекебола, и огорчена потерей денег во время этого путешествия, она стала утешать и подбадривать ее, говоря, что счастье и вновь может предоставить ей возможность распоряжаться большими средствами. 31. Тогда, говорят, и Феодора сказала, что ей этой ночью во сне явилось видение и приказало не заботиться и не скорбеть об этих (потерянных) деньгах, 32. так как, прибыв в Византию, она возляжет на ложе владыки демонов и при помощи всяких своих ухищрений она станет его законной супругой, и тогда она будет властно распоряжаться всеми богатствами (империи).

ХIII. 1. Таково было мнение о ней у большинства, а Юстиниан, будучи по своему характеру и нравам таким, как я описал его, старался выставить себя легкодоступным и милостивым ко всем, кто к нему обращался; никому не был закрыт доступ к нему и он никогда не сердился даже на тех, кто стоял или говорил с ним не так, как полагается по этикету. 2. Мало того, если он собирался кого-либо погубить, он не выказывал перед ним смущения. Он никогда не проявлял наружно ни гнева, ни раздражения против лиц ему неприятных, но лицо у него было кротким, брови не сдвинуты; тихим и ровным голосом он приказывал избивать десятки тысяч ни в чем неповинных людей, разрушать города, конфисковать и забирать в государственное казначейство все деньги. 3. По такому его поведению иной мог бы подумать, что по кротости он—сухая овца, но если бы кто-нибудь попытался обратиться к нему со слезной мольбой, взывая о милости к потерпевшим, то в этом случае он исполнялся такого гнева и злобы, что даже у лиц, наиболее, казалось бы, к нему близких, не оставалось в дальнейшем надежды на выполнение им их просьбы. 4. В вере христианской он считал себя твердым, но и это (как и все) у него служило на погибель его подданных. Церковнослужителям он позволял с полной безнаказанностью совершать насилия над своими ближними, и если они грабили своих соседей, он неизменно выражал им свое сочувствие и оказывал поддержку, думая, что этим проявляет свое богопочтение. 5. Он считал, что действует благочестиво, если выносит такие решения, по которым кто-либо из церковнослужителей, под предлогом (интересов церкви) захватив насильственно что-либо из не принадлежавшего ему, уходил с суда, выиграв дело. Справедливость он полагал в том, чтобы церковнослужители оказывались всегда победителями своих противников. 6. И когда он сам захватывал незаконным образом состояние живых ли или умерших и тотчас жертвовал их какому-либо храму, он гордился этим, с одной стороны, прикрыв таким покровом будто бы благочестивого деяния свои преступления, а с другой стороны—для того, чтобы (отнятое) имущество не могло вновь вернуться в руки тех, кто подвергся такому насилию. 7. Из-за этого он совершил бесчисленное количество убийств. Стремясь к тому, чтобы заставить всех исповедывать одинаковым образом христианскую веру¹, он, не обращая внимания ни на что, губил людей инаковерующих, делая это под видом благочестия. Он считал, что не является убийством, если гибли от его руки и умирали люди, бывшие не одного с ним исповедания. 8. Таким образом, он был вечно охвачен заботой об истреблении рода человеческого, придумывая неустанно вместе со своей (достойной) супругой причины, которые могли бы повести к этому. 9. Оба они (и Юстиниан и Феодора) были преданы в полной мере одинаковым страстям, как родные брат с сестрою, а если чем они по характеру даже и отличались, то, будучи

¹ Малала (468, 1).

равно негодными, они старались показать особенно ярко эти свои расхождения и тем самым губили своих подданных. 10. По твердости своих убеждений Юстиниан был легче пыли и легко поддавался всякому, который мог вести его, куда хотел, если только дело не касалось человеколюбия или бескорыстия. Особенно он был падок на льстивые речи, 11. и льстящие ему легко могли его убедить, что он может подняться на воздух и даже быть вознесенным на небо. 12. Однажды сидевший вместе с ним Трибониан сказал, что он очень боится, как бы Юстиниан за его благочестие не был взят живым на небо. Такие похвалы, или, скорее (можно их назвать), насмешки, — он твердо хранил в своей памяти. 13. Если же случалось, что Юстиниан, удивленный доблестью, похвалил кого-нибудь, то немного спустя он начинал бранить его, как человека негодного. Подвергнув кого-нибудь из своих подданных позору и поношению, он вскоре затем на словах начинал его восхвалять, причем такая перемена не имела за собой никакого основания. 14. Мысли его зачастую были совершенно обратны тому, что он говорил или что хотел показать. 15. Каким он был в своих отношениях с друзьями и врагами, это я уже дал понять, опираясь на свидетельство очень многих поступков, совершенных Юстинианом. 16. Как враг он был неизменен и непреклонен; по отношению же к друзьям — крайне непостоянен. Из тех, которые были ему вполне преданы, он многих убил, а из числа тех, кого он когда-нибудь не взлюбил, он ни с кем не сделался другом. 17. Тех, которые казались наиболее близкими ему знакомыми и друзьями, он, в угоду своей супруге или желая сделать приятное кому-либо другому, не задумываясь предавал на гибель, хотя хорошо знал, что они умрут единственно из-за расположения и преданности к нему. 18. Он был человеком неверным и непостоянным во всем, исключая только бесчеловечности и корыстолюбия. Вот, чтобы он отказался от этих своих качеств, этого никто добиться не мог. 19. Если его жена не могла убедить его в чем-либо, она, указав ему, что есть надежды получить от этого большие деньги, могла вовлечь его в любое дело даже против его воли. 20. Из-за низкой выгоды он совершенно не стыдился и издавать законы, и вновь их отменять. 21. Судил он не на основании им же изданных законов, но его приговор зависел от того, где он видел для себя большие выгоды и где были обещаны ему ценные сокровища. 22. Он считал, что для него нет никакого стыда отнимать у своих подданных их имущество, воруя по мелочам, если нельзя было сразу отнять его под каким-нибудь предлогом, или выставив какое-нибудь невероятное обвинение, или под видом предьявления подложного завещания. 23. Когда он был владыкой римлян, не было по отношению к богу ни крепкой веры, ни исповедания, не было твердо установленных и неизменных законов, не было судебных решений, на которые можно было бы положиться, не было верности слову или договору. 24. Когда он посылал кого-нибудь из своих приближенных на какое-либо дело и если случалось, что они погубили многих из тех, с кем им приходилось сталкиваться, но зато награбили много денег, то эти люди им, императором, считались и именовались славнейшими, как совершившие в точности все, что им было поручено; если же они возвращались к нему, оказав пощаду и снисхождение людям, то после этого в дальнейшем они были у него в немилости и он считал их своими недругами, 25. и отвергнув их, как людей старого уклада, он уже больше не призывал их на службу. Поэтому многие старались показать себя в его глазах негодьями, хотя по своим привычкам и образу мыслей они и не были такими. 26. Часто, обещав кому-либо что-нибудь и подтвердив неизменность своего обещания

клятвою или письменным документом, он затем сознательно его забывал, полагая, что такой поступок приносит ему некую славу. 27. И такие вещи Юстиниан практиковал не только по отношению к подданным, но и по отношению ко многим из своих внешних врагов, о чем я говорил уже раньше. 28. Он больше, чем кто-либо, был способен не предаваться сну и никогда не позволял себе излишеств пресыщения в еде и питье, но, испробовав кушанья и притронувшись к ним, можно сказать, кончиками пальцев, он уже приказывал их убрать, 29. как будто все это казалось ему делом ничтожным, какой-то принудительной формой физических потребностей. Часто он оставался по два дня и ночи без пищи, особенно когда приходило время перед так называемым праздником пасхи. 30. В это время он часто оставался, как я сказал, не евши дня по два, поддерживая свои силы небольшим количеством воды и свежих овощей; спал он, если приходилось, час, а все остальное время проводил в движении. 31. И если бы все эти способности и время он хотел употребить на нечто хорошее, то дела государства пришли бы в великое благополучие. 32. Теперь же, обратив все силы своей природы во вред римлянам, он смог разрушить до основания их государственный строй. Его вечное бодрствование, заботы и труды были направлены только на то, чтобы всегда и во всем придумывать страдания своим подданным под покровом все более и более высокопарных и хвастливых слов. 33. Он был, как уже раньше сказано, удивительно остроумным на подобные выдумки и быстр на выполнение нечестивых дел, так что и самые дарования его природы, в конце концов, вели к гибели его подданных.

XIV. 1. В делах было большое расстройство; не осталось и следа от привычных прежних установлений. Об этом я упомяну лишь в немногих словах, все же остальное считаю нужным пройти молчанием, чтобы рассказ мой не затянулся до бесконечности. 2. Прежде всего, ничего, что свойственно достоинству императорского звания, у него не было; не считая нужным соблюдать это и в общественной жизни, он и по языку, и по внешнему виду, и по образу жизни уподоблялся варварам. 3. Если ему приходилось выносить решение в письменной форме по судебным делам, то формулировать его он не поручал, как было обычно, имевшему звание квестора, но считал нужным выносить его сам, хотя у него был такой (варварский) язык. На суде при нем состояла огромная толпа помощников-юристов, так что те лица, которые считали себя здесь обиженными, не знали, кого же им обвинять. 4. Так называемым секретарям он не поручал, как это было установлено издревле, ведать секретной перепиской императора, но он писал, можно сказать, все сам лично, особенно, если что нужно было приказать тем, кто были начальниками и судьями в провинциальных городах, как им надо истолковывать то или другое постановление. 5. Он не позволял никому в Римской империи самостоятельно выносить то или другое решение, но, произвольно присвоив это право себе, он с бессмысленным произволом сам подготавливал свои будущие решения, выслушав заявление одной из тяжущихся сторон, и на основании этого тотчас, не произведя расследования, не сделав юридически обоснованных выводов, он выносил свой приговор, руководствуясь не законом или справедливостью, но самым неприкрытым образом поддаваясь позорному корыстолюбию. 6. Император—он не стыдился брать взятки, так как ненасытная жадность уничтожила у него всякий стыд. 7. Часто бывало, что то, что постановлялось сенатом и затем поступало на утверждение императора, в конце концов, получало у него совершенно обратное решение. 8. Дело в том, что сенат

сидел, как какая-нибудь картинка лишь для украшения, не имея права ни самостоятельно вынести решение, ни выступить с достойным предложением; его собирали только для вида, для выполнения древнего закона, так как никому из созванных сюда не полагалось вообще даже голоса подавать, а постановление выносилось императором и его супругой, по большей части на основании совещания по спорным вопросам друг с другом, и побеждало все то, на чем они между собой порешили. 9. Если кому-либо казалось небезопасным, что он выиграл дело незаконным путем, то он, преподнеся этому императору еще новую сумму денег, добивался издания закона, идущего в разрез со всеми предшествующими. 10. Если же кто-либо другой начинал добиваться восстановления отмененного закона, то император вовсе не считал ниже своего достоинства отменить новый закон и восстановить старый. Не было никакой устойчивости власти, но вечно качались, склоняясь то на ту, то на другую сторону, весы законности, смотря по тому, на какую сторону заставлял склоняться их лежащий на их чашке большой груз золота. На глазах у всех, на площади, и притом от имени императорского дворца, шла торговля, как в какой-нибудь лавке, не только судебными решениями, но и самим законодательством. 11. Так называемые референдарии уже не довольствовались тем, что делали императору доклады о прошениях обращающихся к нему с различными мольбами, а властям только сообщали, как было обычно; какой ответ, по его мнению, надо дать просителю, но, подобрав отовсюду несправедливые основания, всякого рода крючкотворством и ложными толкованиями обманывали Юстиниана, который и сам, по своей природе, был склонен к такому образу действий. 12. И тотчас, выйдя от императора и скрыв от тяжущихся, какое ими вынесено решение, они с них, беззащитных, пока никто не мог их опровергнуть, вымогали деньги, сколько было для них возможно. 13. В свою очередь и преторианцы¹, которые несли стражу во дворце, явившись в дворцовый зал судебных заседаний к судьям, вооруженной рукой добивались судебного решения. 14. Все покинули, так сказать, тот пост, на который они были раньше поставлены, и по произволу стали итти дорогами, прежде бывшими для них недоступными и запретными. Все дела шли по неверным и ошибочным путям; ничто не сохранило своего собственного имени, и государственный строй уподобился царице, находящейся в руках шаловливых и развратных мальчишек. 15. Но, как я сказал вначале, я считаю нужным прекратить об этом дальнейший свой рассказ. Я хочу теперь рассказать о том человеке, который первый подкупил взятками этого императора, когда он производил суд. 16. Был некий Лев, родом киликиец, отличавшийся огромным корыстолюбием. Этот Лев оказался самым могущественным из всех льстецов и способным в души людей неопытных и неумных вкладывать свои мысли. 17. Он имел некоторый дар убеждения, которым он воздействовал на глупость тирана на гибель людей. Этот человек первый убедил Юстиниана продавать судебные решения за деньги. 18. И когда он сумел устроить себе вышеназванным способом возможность заниматься воровством, то уже не переставал действовать таким образом, и зло, распространяясь все дальше и дальше, достигло огромных размеров; всякий, кто хотел выиграть незаконный процесс против кого-либо из порядочных людей, тотчас же шел к Льву и, пообещав ему и тирану часть спорного имущества, тотчас же уходил из дворца, незаконно одержав верх. 19. Бла-

¹ Ср. Новелла 82, гл. 3.

годаря этому Лев смог накопить себе огромные богатства и оказался владельцем больших земельных участков, но был главнейшим виновником того, что государственный строй у римлян пришел в полный упадок. 20. Люди, договорившиеся о чем-либо, ни в чем не могли иметь никакой уверенности, ни в законе, ни в клятве, ни в письменном договоре, ни в назначенном за его нарушение наказании,—одним словом, ни в чем ином, кроме денег, если они даны, как взятка, Льву и императору. 21. Но даже и в этом случае точка зрения Льва не оставалась твердой; он не считал недостойным для себя заниматься вымогательством и от противной стороны. 22. Обиравая и ту и другую сторону, которые на него полагались, он оставлял их просьбы без внимания, и никогда у него не появлялось сознание стыда в том, что он действует против них. 23. Если только от этого ему получалась выгода, он даже и не думал, что для него будет позором подобное двурушничество.

XV. 1. Таков был Юстиниан. Что касается Феодоры, то душа и мысли ее закалились, как камень, в постоянной бесчеловечности. 2. Ее никогда нельзя было ни убедить, ни заставить сделать что-либо для другого, но со всей непреклонной настойчивостью она проводила то, что решила, причем никто не решался просить у нее милости для того, кто впал у нее в немилость. 3. Ни продолжительность времени, ни удовлетворение от приведенного в исполнение наказания, ни всякого рода мольбы, ни страх смерти,—а всякий может ждать, что она поразит его, как божья кара,—ничто не могло заставить ее укротить свой гнев. 4. И вообще никто не видал, чтобы Феодора примирилась с кем-либо, кто стал на ее пути, даже если он умер; даже сын умершего, как бы приняв по наследству от отца ненависть императрицы, передавал ее до третьего колена. 5. И насколько быстро дух ее воспламенялся гневом и всегда готова она была губить людей, настолько невозможно было для нее прекратить гнев и успокоиться. 6. За своим телом она ухаживала даже больше, чем это было нужно, но меньше, чем ей хотелось. 7. Тотчас после сна она шла в баню; очень долго пробыв там и омывшись, она закусывала, а закусив, отдыхала. 8. За завтраком и обедом она приказывала подавать кушанья и питье самые изысканные. Время сна у нее было всегда очень продолжительно, днем—до сумерек, ночью—до восхода солнца. 9. Предаваясь таким излишествам в своем образе жизни, небольшой остаток дня она считала для себя вполне достаточным для того, чтобы управлять всей Римской империей. 10. И если император посылал кого-либо для исполнения той или другой должности против ее желания, то дела этого человека приходили в такое положение, что немного спустя он отрешался от должности, подвергался великому поношению и погибал самой позорной смертью. 11. Вести всякое дело с Юстинианом было легко не только потому, что он был по характеру человеком легко поддающимся, но и потому, что спал он мало, как я сказал выше, и был очень доступен. 12. Для людей даже незнатных и совершенно неизвестных имелась полная возможность не только быть принятыми тираном, но и беседовать с ним и по секрету говорить с ним. 13. Но чтобы быть принятым императрицей, даже для людей, занимающих высшие должности, требовалось много времени и труда; постоянно должны были все они сидеть там в каком-то рабском ожидании, находясь все время в узком и душном помещении. Не быть здесь для любого из начальствующих лиц равнялось смертельной опасности. 14. Все время стояли они (в этом коридоре) на цыпочках, каждый стараясь вытя-

нуть шею и голову выше своих соседей, чтобы выходящие из внутренних покоев императрицы евнухи могли его видеть. 15. Приглашались из них только некоторые, и то с трудом и по прошествии многих дней ожидания, и, входя к ней с великим страхом, они уходили возможно скорее, только положив перед ней земной поклон и прикоснувшись краями губ подошвы ее ног. 16. Права говорить с ней или просить ее о чем-либо, если она сама не приказывала, им не предоставлялось. Таким образом вся политическая жизнь обратилась в сплошное холопство, а она была надсмотрщицей и дрессировщицей этих рабов. 17. Таким образом дела римлян приходили в упадок, как вследствие кажущейся легкой доступности и податливости деспота, так вследствие недоступности и высокомерия Феодоры. 18. В его доступности было нечто неустойчивое, ее высокомерие мешало выполнению дел. 19. Во всем этом выявлялось у них различие образа мыслей И ЖИЗНИ, но общим было для них корыстолюбие, жажда убийств и отсутствие всякой правдивости. 20. Оба они обладали поразительным искусством оболгать других, и если о ком-нибудь из числа враждебных Феодоре лиц начинали говорить, что он совершил правонарушение, хотя бы ничтожное, на которое не стоило даже обращать внимания, она тотчас же выдумывала и приписывала этому человеку такие вины, в которых он был совсем неповинен, и раздувала дело, как некое великое его преступление. 21. Выслушивалось бесконечное количество наветов, и уже готов был суд о низвержении существующего порядка¹; у нее собирались судьи и она сама выбирала таких, которые готовы были драться между собой из-за того, кто из них больше других способен понравиться императрице, подавая свое мнение, бесчеловечностью своего приговора. 22. Таким образом состояние человека, попавшего в такую беду, она тотчас конфисковала, а его самого, подвергнув самому позорному наказанию, хотя бы он с древних времен принадлежал к знатнейшим фамилиям, она считала вполне допустимым для себя или наказать изгнанием, или казнить. 23. Если же одному из тех, к кому она благоволила, приходилось попасться в незаконных убийствах или в каком-либо ином величайшем преступлении, то она то с угрозами, то с глумлением, насмехаясь над решимостью обвинителей, заставляла их против их воли молчать о происшествии. 24. Даже самые серьезные из дел, когда ей было это угодно, она могла превратить в комедию, как будто дело шло вроде представления на сцене (цирка) или театра. 25. Был некий патриций, человек престарелый и долгое время занимавший высшие должности. Имя его я хорошо знаю, но здесь не назову, чтобы не увековечить вместе с его именем нанесенную ему обиду. Он дал одному из приближенных Феодоры взаймы крупную сумму денег, но взыскать ее судом он никак не мог. Тогда он явился к императрице с тем, чтобы пожаловаться на человека, с которым ему пришлось столкнуться, и просить помочь ему в его справедливом деле. 26. Узнав вперед об этом его намерении, Феодора приказала евнухам, когда явится к ней этот патриций, чтобы они все окружили его и чтобы они слушали, что она будет говорить, подсказав им, что они должны будут ей отвечать. 27. Когда патриций был введен в покои императрицы (гинекей), он, преклонившись перед нею, как полагалось воздавать ей поклонение, голосом, дрожащим от слез, сказал ей: «О, владычица! Трудно для человека патрицианского

¹ Текст, повидимому, очень испорчен. Переведено по конъектуре Хаури. Возможен другой перевод: «тотчас же назначался суд относительно ограбления подданных». Об этом важном месте см. П а н ч е н к о, стр. 193, прим. 2, но его конъектура мне мало понятна.

звания нуждаться в деньгах. 28. То, что вызывает сочувствие и сожаление по отношению к другим, это по отношению к людям моего звания превращается в форму крайнего оскорбления. 29. Всякому другому, пришедшему в тяжелое положение, можно сказать об этом своим заимодавцам и тотчас же получить временное облегчение в своих затруднениях; патриций же, не имеющий возможности заплатить своим заимодавцам долги, прежде всего, очень стыдится сказать об этом; сказав же, он не сможет убедить их в справедливости своих слов, так как такое звание не совместимо с понятием бедности. 30. А если он и убедит, ему придется услышать за это самые позорные и оскорбительные слова. 31. Так вот, государыня, есть и у меня денежные обязательства; одни дали мне займы, другие от меня получили займы деньги. 32. Тех, которые дали мне займы и непрестанно мне надоедают, я не могу прогнать от себя из уважения к моему званию; те же, которые мне должны, не будучи патрициями, пользуются недостойными отговорками. 33. Прибегая к тебе, умоляю и прошу помочь мне в моем справедливом деле и избавить меня от гнетущих меня бед». 34. Так он сказал, а эта женщина звучным голосом ответила ему: «О, патриций (такой-то)», а хор евнухов подхватил ей в ответ: «Какая большая кила у тебя». 35. Вновь этот человек стал умолять ее и произнес речь, приблизительно такого же содержания, как я привел выше, но женщина ответила ему так же, как и раньше, и хор, как и раньше, подхватил ее слова, пока, наконец, этот несчастный, отказавшись от своего намерения, не совершил перед ней обычного поклона и не ушел домой. 36. Большую часть года она проводила в подгородных дворцах на берегу моря; больше всего она жила в так называемом Герее¹, и вследствие этого большое количество ее свиты испытывало сильные бедствия. 37. Они страдали от недостатка продовольствия и подвергались всяким морским опасностям, особенно, если, случалось, налетала буря или появлялось какое-либо морское чудовище². 38. Но они, Юстиниан и Феодора, ни во что не ставили несчастья всех других людей, только бы им самим можно было наслаждаться всякими удовольствиями. 39. Каков был образ действий Феодоры по отношению к своим недругам, я сейчас это расскажу, конечно, ограничившись немногими примерами, чтобы не показалось, что я взял на себя неисполнимый труд.

XVI. 1. Когда Амалазунта, желая избавиться от общения с готами, решила переменить свой образ жизни и задумывала переехать в Византию, о чем я рассказывал в предшествующих книгах³, то Феодору взяло раздумье: Амалазунта была женщиной знатного рода и царственного происхождения, по внешности исключительно красива и умела очень решительно проводить свои планы; ее величественный вид и исключительно мужественный склад ума делали ее подозрительной в глазах Феодоры, которая боялась легкомыслия своего мужа. Свою ревность Феодора проявила не в каких-нибудь мелких поступках, но стала строить козни против Амалазунты вплоть до ее убийства. 2. Тотчас она убедила своего мужа, чтобы он в качестве посла отправил в Италию одного Петра. 3. При отправлении император дал ему же поручения, которые я привел в соответствен-

¹ М ю л л е р, FHG (IV, 385). Об этом месте много упоминаний у современных византийских поэтов. Не его ли описывает Ф и л о с т р а т в «Картинах», стр. 36—37 русского перевода?

² См. кн. VII (III) гл. 29, § 9; З о н а р а (III, 283, 3).

³ П р о к о п и й—Война с готами, кн. V, гл. 2, § 23.

ных местах своего рассказа¹, но где сообщить всю истину, как это произошло, мне не представлялось возможным из-за страха перед императрицей. 4. Сама же Феодора дала Петру только одно приказание: возможно скорее убрать Амалазунту из числа живых людей, поставив ему на вид надежду, что если он выполнит ее приказание, он будет осыпан великими милостями. 5. И вот, когда он прибыл в Италию (ясно, что природное чувство этого человека ничуть не возмущалось и не мучилось, готовя преступное убийство, в надежде на обещанные ему или высокую должность или большие богатства), не знаю, чем склонив Теодата, он убедил его убить Амалазунту. За это Петр получил звание магистра² и величайшую власть, но заслужил от всех и величайшую ненависть. 6. Таков был печальный конец Амалазунты. 7. Был у Юстиниана секретарь по имени Приск³, родом пафлагонец, очень крупный негодяй, вполне подходящий, чтобы по своему характеру понравиться своему повелителю, которого он очень любил; он мог думать, что с его стороны пользуется таким же расположением. Поэтому-то очень скоро он стал обладателем огромного, но незаконно приобретенного богатства. 8. Так как он держался с Феодорой гордо и пытался ей противодействовать, то Феодора оклеветала его перед мужем. 9. Вначале она не имела успеха, но немного спустя среди зимы она велела посадить его на корабль и, отправив туда, куда хотела, против его воли она постригла его и сделала церковнослужителем⁴. 10. Сам же Юстиниан, не показывая виду, что он что-либо знает о случившемся, не стал разыскивать, где находится Приск, и в дальнейшем даже и не вспоминал о нем; как будто пораженный беспамятством, он хранил о нем глубокое молчание, деньги же его (хотя у него осталось родственников немало)⁵, он ограбил все. 11. Когда против нее явилось подозрение, что (она влюблена)⁶ в одного из своих рабов, по имени Ареобинда, родом варвара, но очень красивого и юного, которого она назначила хранителем своих драгоценностей, то, желая снять с себя это обвинение, хотя говорили, что она безумно влюблена в этого юношу, решила подвергнуть его жесточайшему наказанию (плетью), а в дальнейшем мы вообще не узнали ничего об его судьбе, и доныне никто уже его не видал. 12. Если она хотела скрыть что-либо из того, что делалось по ее приказанию, то это для всех так и оставалось канувшим в воду, и всякий, кто принимал в этом деле даже самое близкое участие, не имел права ни сообщить об этом никому из самых близких ему людей, ни отвечать на вопрос, если кто его об этом настойчиво спрашивал. 13. С того времени как существуют люди, ни один тиран не внушал такого страха. Притом никому из ее противников невозможно было укрыться от нее. 14. Целая толпа шпионов докладывала

¹ Прокопий—Война с готами, кн. V, гл. 4, § 17.

² *Magister divinarum officiorum*. К этому Петру обращены две Новеллы Юстиниана, 123 и 137. Прокопий и Кассиодор считают его одним из красноречивейших ораторов. Свидетель сообщает, что он написал историю своего времени, отрывки из которой видел еще Алеманн в Ватиканской библиотеке. Теперь они, повидимому, исчезли. Ему посвящена эпиграмма Леонтия Схоластика в *Anthologia Palatina* (XVI, 37).

³ Мала (449, 12); Феофан (I, 186, 15); Гермес (VI, 376). О его пафлагонском происхождении см. *BZ* 9 (1900), S. 6764; Натмер—*Konstantinopel und Bosphorus* (I, 176 f.).

⁴ Дьяконом в Кизике.

⁵ Такова конъектура Хаури; обычный перевод: «деньги же его, оставив ему лишь немного, все ограбил».

⁶ Конъектура Хаури; обычный перевод: «когда у нее явилось подозрение в неверности одного из своих рабов».

ей все то, что делалось или говорилось, на площади или внутри домов. 15. Если же она не хотела, чтобы каким-либо образом обнаружилось, какому наказанию подвергся кто-либо с ее стороны, она поступала так: 16. вызвав к себе этого человека, если он был из числа знатных, она с глазу на глаз передав его ссылала в самые дальние места Римской империи. 17. Глубокой ночью этого человека, закутанного и связанного, получивший такое приказание сажал на корабль и ехал с ним туда, куда указано Феодорой; там он еще более тайно передавал его другому, вполне опытному в подобного рода службе, приказав сторожить этого человека самым тщательным образом и запретив кому бы то ни было говорить о нем. И он оставался там до тех пор, пока или императрица не сжалится над несчастным, или пока он не умирал долгое время спустя, после тяжких мучений, истощенный всеми постигшими его здесь несчастиями. 18. Вот еще пример: некий Басиан, принадлежащий к партии прасинов («зеленых»), юноша знатного рода, сильно поносил Феодору и тем вызвал ее гнев. Так как ему стало известно об ее гневе, то Басиан бежал в храм архангела (Михаила). 19. Но Феодора тотчас же приказала магистрату, поставленному для поддержания порядка среди народа¹, (арестовать его); она ни словом не обвиняла его в брани на себя, но выставяла против него обвинение в педерастии. 20. Названный магистрат удалил из храма этого человека и подверг его невыносимым мучениям, так что даже весь народ, видя подвергнутым таким страданиям его тело, тело человека знатного и в прежнее время воспитанного в холе, проникся к нему чувством сострадания и с плачем поднял крик чуть не до небес, прося пощадить юношу ради всех них. 21. Но Феодора велела подвергнуть его еще большему наказанию и, отсекая ему половые органы, без всякой его вины погубила его, а имущество его конфисковала. 22. Таким образом, когда эту бабу охватывал гнев, то ни храм не давал безопасного убежища, ни ясный запрет со стороны закона не мог спасти его; мольбы всего города не оказывались достаточными, чтобы вырвать из ее рук попавшего в столь несчастное положение; одним словом, все встречавшиеся препятствия на ее пути она сметала. 23. Равным образом против некоего Диогена, за то, что он принадлежал к партии прасинов («зеленых»), человека обходительного и любимого всеми, даже самым императором, она направила свой гнев. Но никаких других ложных обвинений, кроме мужеложства, против него при всем старании она выставить не могла. 24. Поэтому она подготовила двух его рабов и выставила их, как обвинителей и как свидетелей против их господина. 25. Но так как следствие и суд над ним шел не скрытно, не в полной тайне, как это обычно ею делалось, но всенародно, и так как, согласно с высоким положением Диогена, судьи были выбраны в большом количестве из очень известных лиц, то было ясно, что при тщательном расследовании со стороны судей речи рабов не могли быть признаны для суда достоверными, тем более что и рабы-то были очень юны, тогда Феодора арестовала одного из родственников Диогена, Феодора, и посадила его в обычную в таких случаях (свою) тюрьму. 26. Там, с одной стороны, многими заманчивыми предложениями, с другой—угрозами тяжких наказаний она старалась обойти и привлечь на свою сторону этого человека. Так как ей это не удавалось, она велела обвязать по лбу и ушам голову этого человека воловьей жилой и эту жилу закручивать и затягивать. 27. И хотя Феодор мог думать, что его глаза выскочат из орбит, покинув свои обычные места,

¹ Praetor plebis—префект полиции.

однако он даже в этом случае решил ничего не придумывать, чего никогда не было на самом деле. 28. Поэтому судьи освободили Диогена, считая обвинение бездоказательным, а весь город всенародно отпраздновал этот случай, как величайшее торжество.

XVII. 1. Таковы были эти дела. В начале этой книги я уже рассказал, как она поступила с Велизарием, Фотием и Бузой. 2. Расскажу следующий случай: двое стасиотов, принадлежавших к партии венетов («голубых»), родом киликийцы, с громким криком напали на начальника Второй Киликии Каллиника¹ и без всякого основания нанесли ему оскорбление действием, а его конюшего, который стоял рядом с ним и пытался защитить своего хозяина, они убили на глазах как самого этого начальника, так и всего народа. 3. Каллиник арестовал этих членов партии венетов («голубых»), уличенных в убийстве не только данного человека, но и многих других, и привлек к суду и совершенно законно казнил. Феодора, узнав об этом и стремясь показать, что она благоволит к венетам («голубым»), велела его, еще сохранявшего власть, посадить на кол на могиле этих убийц без всякого на то основания. 4. А император, выставляя на вид перед всеми, что он плачет и скорбит о его гибели, сидел у себя дома, похрюкивая от удовольствия; участникам этого дела он грозил многими наказаниями, но не сделал им ничего, забрать же деньги умершего он считал себя вполне подходящим. 5. Проявляла Феодора свою заботу и о наказании тех, которые прегрешали своим телом. Действительно, собрав больше чем 500 женщин легкого поведения, которые для скудного пропитания занимались открыто развратом по 3 оболы, за гроши, посредине площадей, она отправила их на противоположный берег моря в так называемый монастырь «Раскаяния»². Заключение их там, она хотела заставить их переменить прежнюю жизнь на новую. 6. Некоторые из них ночью кинулись вниз с высоты и этим избавили себя от этой принудительной и нежелательной для них перемены жизни. 7. Были в Византии две девушки-сестры, славные консульским званием не только отца и деда, но издревле считавшиеся в среде сенаторской аристократии первыми по знатности крови. 8. Они уже вышли замуж, но их мужьям суждено было погибнуть, и они остались вдовами. И вот Феодора приняла близко к сердцу, чтобы выдать их замуж, но выбрала им двух людей из самого низкого звания, бесстыжих и грубых, обвиняя этих женщин в том, что они ведут нестрогий образ жизни. 9. Боясь, как бы им не пришлось вступить в такой брак, они бежали в храм Софии и, войдя в священный баптистерий, крепко держались за купель. 10. Но императрица поставила их в такое безвыходное и несчастное положение, что им пришлось согласиться сменить на брак постигшие их беды. До такой степени для нее не существовало никакого места, столь священного и неприкосновенного, чтобы служить убежищем. 11. И вот они должны были выйти замуж против своей воли за людей нищих и ничего не стоящих, много низших по положению, чем они, хотя у них было много женихов из знатных фамилий. 12. И их мать, тоже вдова, не осмеливаясь плакать и рыдать над таким несчастием, присутствовала на этой свадьбе. 13. Впоследствии Феодора, желая загладить свой мерзкий поступок делом своего милосердия, решила утешить их за счет государственного несча-

¹ Эвагри (IV, 32); Никифор Каллист (XVII, 21).

² Прокопий—О постройках (I, 9, 2); Малала (440, 16); Новелла 14; Иоанн из Никиу (518); Гаммер (II, 307).

стия: 14. мужа и той и другой женщины она назначила важными чиновниками. Но и в этом молодым женщинам не было утешения: невыносимые и нестерпимые несчастья пришлось перенести почти всем подданным от этих людей, о чем я буду говорить впоследствии¹. 15. Феодора не обращала внимания ни на высокое положение, ни на святость государственных законов, ни на что другое, лишь бы только выполнить свою волю. 16. Когда Феодора была еще на сцене, случилось, что она забеременела от одного из своих любовников. Она поздно заметила это несчастье, и хотя делала все, как она это привыкла, чтобы произвести выкидыш, но уже никак не могла убить этого еще не оформившегося ребенка, так как он почти уже принял человеческий образ. 17. Так как все ее попытки оставались безрезультатными, она принуждена была родить. Отец родившегося ребенка, видя ее опечаленной, попавшей в затруднительное положение, так как, ставши матерью, она не могла уже зарабатывать попрежнему, торгуя своим телом, и так как он весьма основательно подозревал, что она изведет ребенка, то он отобрал его от Феодоры, и дав ему (при крещении) имя Иоанна, так как ребенок был мужского пола, увез его с собой в Аравию, куда он уже отправлялся и сам. 18. Когда этот человек был на пороге смерти, а Иоанн был уже юношей, то отец рассказал ему все, кто его мать. 19. После его смерти, совершив все обряды погребения, как полагается, спустя некоторое время юноша явился в Византию и рассказал все дело тем, которые ведали приемом у его матери. 20. Думая, что она не замыслит против него, что было бы противно человеческим чувствам, они объявляют матери, что прибыл ее сын Иоанн. 21. Эта женщина, испугавшись, что эти разговоры дойдут до мужа, велела им привести сына к ней. 22. Когда он явился, она поручила его одному из своих служителей, которому она обычно поручала дела подобного рода. 23. Каким образом этот несчастный исчез впоследствии из числа людей, этого сказать я не могу, и никто с тех пор не видел его, даже после смерти императрицы. 24. Вследствие всего этого нравы почти всех женщин были испорченными. Они нарушали верность своим мужьям с полной свободой, и эти поступки не грозили им никакой опасностью и не приносили никакого вреда, так как даже те, которые были захвачены на месте преступления и судимы за прелюбодеяние, оставались безнаказанными и не испытывали ничего плохого; в свою очередь, они, тотчас же прибегнув к покровительству императрицы, поднимали перед судом дело об отмене приговора, добивались совершенно другого решения и подавали иск на своих мужей. 25. И эти мужья без всякого следствия должны были в качестве штрафа платить двойную сумму приданого. По большей части, подвергнув бичеванию, их вводили в тюрьму, и вновь и вновь им приходилось видеть, как эти разукрашенные развратницы еще с большей распушенностью безбоязненно предавались постыдным радостям со своими любовниками. А многие из этих развратников за такие дела удостоились даже разных почестей. 26. Поэтому большинство мужей в дальнейшем терпело нечестивые деяния своих жен и с большим удовольствием молчало, чем рисковало подвергнуться бичеванию. Они предоставляли им полную свободу тем, что старались не быть свидетелями их скандального поведения на месте преступления. 27. Так Феодора считала себя вправе распоряжаться по произволу в государстве. Начальствующих лиц и священнослужителей она выбирала и, можно

¹ Хаури по конъектуре Браун'а, принимаемой и Панченко (стр. 41). Рукописи дают «говорил раньше». Прокопий нигде не говорит об этих людях.

сказать, рукополагала; она искала только одного и всегда опасалась, как бы такого высокого положения не получил какой-либо хороший и достойный человек, который отказался бы служить ей и выполнять ее приказания. 28. Все браки она устраивала по какому-то божьему наитию¹; до брака эти люди не были помолвлены по добровольному согласию. 29. Внезапно та или другая делалась женою кого-либо, не потому, что ему она нравилась, что обычно бывает даже у варваров, но потому, что так угодно Феодоре. 30. В свою очередь и тем, кто выходил замуж, приходилось переносить то же самое. Их заставляли соединяться браком с людьми, которые им совсем не были желательны. 31. Часто, насильно заставив невесту повернуть назад с порога брачной комнаты, она оставляла жениха без радости гименея, без всякого другого основания, лишь только потому, что это ей не нравится, как в сильном гневе говорила она. 32. Так поступила она со многими другими, в том числе и со Львом², который занимал почетную **ДОЛЖНОСТЬ** референдаря, и с Сатурнином, сыном Гермогена, бывшего магистром. За этого Сатурнина была просватана девушка, его двоюродная сестра, очень образованная, воспитанная и красивая; за него помолвил ее отец ее Кирилл, когда уже Гермоген умер. 33. Когда их брачный чертог был готов, Феодора арестовала жениха, и он был отведен на другое ложе; с плачем и стенаниями он должен был жениться на дочери Хрисомалло. 34. Эта Хрисомалло была в прежнее время танцовщицей и, само собой разумеется, гетерой; теперь же она с другой Хрисомалло и Индаро жила во дворце. 35. Вместо разговоров о мужских членах и театральных сплетнях, они устраивали здесь государственные дела. 36. Проведя ночь со своей молодой женой и найдя ее лишенной невинности, он сообщил кому-то из своих родных, что женился он не на невинной³. 37. Когда это дошло до Феодоры, она приказала слугителям поднять его на плечи («на воздуси»), как какого-нибудь мальчишку, ходящего в школу к учителю, и говоря, что ему нечего гордиться и чваниться, велела жестоко его выпороть и посоветовала ему в дальнейшем не распускать языка. 38. Что она сделала с Иоанном из Каппадокии, это рассказано мною в прежних книгах⁴. Все это было сделано ею в гневе на этого человека, но не за его ошибки в государственных делах (доказательством этому служит то, что с теми, кто впоследствии совершал ужаснейшие проступки по отношению к ее подданым, она ни с кем так не поступила), но за то, что он вообще осмелился пойти против нее, а, главным образом, за то, что доносил на нее императору, так что почти вызвал у Юстиниана к ней открыто враждебное отношение. 39. Мне нужно здесь, как я уже сказал вначале, привести самые истинные причины тех или иных ее поступков. 40. Когда она, как я уже раньше рассказывал, сослала его в Египет, подвергнув жестокому наказанию, она даже мучениями этого человека не насытила к нему своей злобы, но все время не переставала искать против него лжесвидетелей. 41. Спустя четыре года⁵, ей удалось найти двоих прасинов («зеленых») из числа тех, которые были в Кизике и, как говорят, участвовали в возмущении против епископа. 42. Частью льстивыми речами, частью угрозами она обошла

¹ Такое чтение рукописей и Хаури. Был предложен ряд конъектур: «устроивала чуждым для нас способом»—Рейске; «обычным для себя способом»—Алеманн; «каким-то непривычным образом»—Крашенинников.

² См. ниже, гл. 29, § 28.

³ Буквальный перевод: «что его жена—сосуд уже пробуравленный».

⁴ Прокопий—Войны с персами, кн. 1, гл. 25, § 13; «Тайная история», гл. 2, § 15.

⁵ М а л а л а (483, 17).

их, так что один из них, из страха или окрыленный великими надеждами, взял на себя это скверное дело, именно (обвинив в уголовном преступлении, довести до) убийства Иоанна. 43. Но другой не мог решиться пойти против истины, хотя он был так истерзан на пытке, что, казалось, вот-вот умрет. 44. Поэтому даже и при посредстве таких тайных ков она никак не могла устроить гибели Иоанну. Тогда она велела отрубить правые руки у обоих юношей; у одного за то, что он не захотел быть лжесвидетелем, у другого—для того, чтобы не оказался совершенно очевидным ее злой умысел. 45. И хотя все это делалось на глазах у всех среди бела дня, Юстиниан делал вид, что он решительно ничего не знает из того, что происходило.

XVIII. 1. Что Юстиниан был не человек, но некий демон¹, как я сказал, в образе человека, доказательство этого можно найти, если принять во внимание огромность бедствий, которые он причинил людям. 2. В чрезмерности содеянного выясняется и сила его совершившего. 3. Точное число тех, кто был уничтожен им, думаю я, мог бы сказать из всех только один господь бог. 4. Скорее, по моему мнению, можно было бы исчислить весь песок земной, чем тех, кого погубил этот император. Прикидывая в уме в общих чертах те области, которым по его воле суждено было обезлюдеть и обратиться в пустыни, я утверждаю, что погубил он сотни миллионов. 5. Ливия, столь огромная по своему пространству, была до такой степени разорена им, что, проезжая по ней долгое время, трудно было бы встретить там хоть одного человека, да и это казалось удивительным. 6. Ведь когда вандалы вначале взялись здесь за оружие, было их до 80 000 вооруженных², что же касается числа их жен, детей и рабов, то кто мог бы представить себе точное их количество? 7. Равным образом число тех жителей Ливии, которые обитали в прежнее время в городах, занимались возделыванием земли и вели морскую торговлю, чему я сам очень часто был очевидцем,—их количество кто из людей в состоянии исчислить? Еще больше, чем их, было там маврузиев, и всем им суждено было погибнуть со своими женами и со всем потомством. 8. Далее, многих римских воинов и многих из тех, которые последовали за ними из Византии, скрыла (в своих недрах) земля. Так что, если бы кто стал утверждать, что в Ливии погибло пятьсот мириад (5 000 000) людей, то, в сущности, я думаю, он назвал бы минимальное число. 9. Дело в том, что после победы над вандалами Юстиниан вовсе не заботился о том, чтобы закрепить власть над страной и вовсе не думал охраню собственности (новых) подданных заслужить неизменное их расположение; но он тотчас же без малейшего промедления отозвал к себе Велизария, возведя на него обвинение, будто он хочет захватить насильственно власть, что совершенно не соответствовало настроению Велизария³. Юстиниан хотел, устраивая здесь все по своему произволу, иметь возможность высосать все соки из Ливии и ограбить ее целиком. 10. Конечно, Юстиниан тотчас же послал земельных оценщиков и стал устанавливать непосильные налоги, которых прежде не было. Лучшие земли он присвоил себе, а арианам запретил исповедание их веры. 11. Он не соблюдал срока военных наборов и вообще для солдат жизнь прием была тяжелая. Происходившие вследствие этого

¹ См. выше, гл. 12, § 14.

² О численности вандалов в Африке см. статью H a u r y—Über die Stärke der Vandalen in Africa, BZ, 14 (1905), S. 527 f.

³ П р о к о п и й—Война с вандалами, кн. VI, гл. 8.

восстания кончались великой гибелью (человеческих жизней). 12. Он не в силах был сохранять раз установленные порядки, ему как бы на роду было написано все спутывать и мутить. 13. Италия, бывшая по меньшей мере раза в три обширнее Ливии, стала повсеместно безлюдной еще в большей степени, чем Ливия. А отсюда можно будет представить себе приблизительно и число погибших. 14. О причине постигших Италию несчастий я рассказывал раньше¹. Все ошибки и правонарушения, которые Юстиниан совершил в Ливии, были повторены им и здесь, в Италии. 15. Послав сюда так называемых логофетов, он все поставил вверх ногами и все погубил. 16. До этой войны власть готов простиралась от области галлов вплоть до пределов Дакии, там, где находится город Сирмий. 17. Когда же в Италию пришло войско римлян, то земли галлов и венетов в большей своей части были заняты германцами. 18. Сирмий и прилегавшую к нему область заняли гепиды, и вся эта страна, говоря кратко, стала совершенно безлюдной: 19. одних из них погубила война, других же—болезни и моровая язва, что всегда является спутником войны. 20. Что же касается Иллирии и всей Фракии, если считать от Ионийского залива вплоть до предместий Византии, в том числе и Элладу и область Херсонеса, то с того времени, как Юстиниан принял власть над Римской империей, гунны, славяне и анты, делая почти ежегодно набеги, творили над жителями этих областей нестерпимые вещи. 21. Я думаю, что при каждом набеге было убито здесь и взято в плен римлян по 200 000 человек, так что эта страна повсюду стала подобной скифской пустыне. 22. Вот что случилось в Ливии и в Европе за эту войну. На восточные же границы римлян, начиная от Египта вплоть до персидских границ, все это время непрерывно делали набеги сарацины² и так нещадно ее опустошали, что все эти местности оказались наиболее обезлюдевшими, и, думаю, что никогда ни один человек, как бы он ни исследовал, не подсчитает количества погибших там таким образом людей. 23. Точно так же и персы под начальством Хозроя четыре раза вторгались в остальную часть Римской империи, брали приступом города и тех людей, которых они забирали во взятых ими городах и в каждой захваченной ими области, одних они убивали, других уводили с собой; таким образом, землю, в которую им приходилось вторгаться, они обращали в безлюдную пустыню. 24. А с той поры, как они один за другим стали совершать походы в Колхиду, все это время вплоть до сегодняшнего дня приходилось погибать там и им самим, и лазам, и римлянам. 25. Однако и персам, и сарацинам, и гуннам, и всему славянскому племени, равно как и иным варварским народам, не удавалось уходить из римских пределов без тяжелых потерь. 26. Как во время вторжения, так еще больше во время осад и сражений им приходилось терпеть большие поражения и потери, и гибло их ничуть не меньше, чем римлян. 27. Так что не только римляне, но почти и все варвары³ утоляли все оскверняющую кровожадность Юстиниана. 28. Конечно, и Хозрой сам по себе по своему характеру был человеком дурным, но все поводы для войны, как это мною показано в надлежащих местах моего рассказа⁴, давал ему всегда Юстиниан. 29. Он не считал нужным согласовать свои предприятия с подходящим временем, но делал все не во-время. В течение мира или перемирий он неустанно готовил в своей коварной душе поводы для войны со своими

¹ Прокопий—Война с готами, кн. VII, гл. 1, § 23 сл.

² Ср. Аммиан Марцеллин (XIV, 4).

³ Ср. Агафий (332, 1).

⁴ Прокопий—Войны с персами, кн. I, гл. 23.

соседями, а во время самой войны, без всякого основания падая духом, вследствие корыстолюбия делал нужные для дела приготовления чересчур медленно. Вместо заботы о текущих делах он занимался вопросами высокоумными; весь уходя в рассуждения о природе божества, он не прекращал войны в силу своей кровожадности и любви к гнусным убийствам, а в то же время, не будучи в силах одолеть врагов, по своей мелочности занимался ненужными и вредными пустяками. 30. Потому-то во время его правления вся земля была залита человеческой кровью, широкой рекой лившейся как у римлян, так почти и у всех варваров. 31. Вот какие события, в кратких словах, произошли за это время в военных делах повсюду в пределах Римской империи. 32. Если же подсчитать тех, которые погибли во время восстания в Византии и в каждом отдельном городе, то, думаю, что здесь произошло избиение людей, ничуть не меньшее, чем на войне. 33. Так как справедливость совершенно не существовала и не было одинакового отношения к виновным, так как одна из партий проявляла всегда свою преданность императору (в отличие от другой), то сторонники и той, и другой совершенно не хотели оставаться спокойными; одни—вследствие того, что не пользовались любовью императора, другие—потому что не вполне были в ней уверены; они или впадали в отчаяние или охватывались безумной самоуверенностью; поэтому иногда и те, и другие, собравшись большими массами, шли друг против друга, иногда же сражались маленькими отрядами или устраивали засады, при случае и против отдельных лиц. В продолжение 32 лет не упуская ни одного момента, они совершали друг против друга нестерпимые насилия и многократно привлекались к уголовной ответственности со стороны начальника, поставленного над народом. 34. Наказание за нарушение порядка по большей части обращалось на прасинов («зеленых»), но не в меньшей степени усмирения самаритян и других так называемых еретиков наполнили Римскую империю кровью и убийствами. 35. Об этом я упоминаю теперь лишь в общих словах, так как немного раньше¹ я в достаточной мере рассказал об этом. 36. Вот что пришлось испытать всем людям от этого воплотившегося в человеческое тело демона; вина за это лежит на нем с того самого момента, как он стал императором. Каких бедствий был он причиной, совершив их таинственной своей силой и по демонской своей природе, я сейчас расскажу. 37. Когда он правил Римской империей, многие различные беды постигли ее; одни упорно приписывали их присутствию и злокозненности бывшего при нем злого духа, другие же говорили, что бог возненавидел дела его и отвратил свое лицо от Римской империи, отдав ее на погибель кровавым демонам следующим образом. 38. Так, река Скирт, разлившись, затопила Эдессу² и причинила ее обитателям бесчисленное количество бедствий, о чём я буду писать позднее³. 39. Нил, разлившись, как обыкновенно, не спал в установленное время и тем причинил многим из живших по его берегам ужасные бедствия, как я рассказывал⁴ об этом раньше. 40. Река Кидн, устремившись на Тарс, залила его почти весь в продолжение многих дней, и вода ушла не прежде, чем нанесла городу неисцелимые

¹ См. гл. II, § 14 сл.

² Малала (418, 8); Феофан (I, 171, 18); Эвагрий (IV, 8); Кедрен (I, 639, 21); Зонара (III, 268); Захария (154, 4); Михаил Сириец (180 сл.); «Хроника Эдессы» (стр. 129); Крамер—Anecdota (II, 319).

³ Прокопий—О постройках, кн. II, гл. 7, 2.

⁴ Прокопий—Война с готами, кн. VII, гл. 29. Ср. Иоанн из Никиу (513).

бедствия¹. 41. Землетрясения разрушили Антиохию², первый из городов на Востоке, соседнюю с ней Селевкию³ и самый знаменитый город в Киликии, Аназарб⁴. 42. Число погибших вместе с ними людей кто мог бы сосчитать? Сюда надо прибавить гибель Ибор, Амасей⁵, первого из городов у (Эвксинского) Понта, Полибота во Фригии и того города, который Писиды называют Филомедой; были разрушены, кроме того, Лихнид в области эпиротов и Коринф⁶, бывшие с древнейших времен самыми многолюдными городами. 43. Эти города все без исключения за это время были разрушены землетрясениями, а вместе с городами гибель постигла почти и всех живших в них. 44. Поразившая империю моровая язва, о которой я упоминал уже раньше⁷, унесла приблизительно половину оставшихся в живых людей. 45. Вот сколько народа погибло за то время, когда Юстиниан вначале стал управлять Римским государством, а затем явился самодержавным его императором.

ХІХ. 1. Я хочу теперь рассказать, как он начисто ограбил у всех их богатства, но предварительно я передам о том сновидении, которое в начале правления императора Юстиниана пришлось увидеть во время ночного покоя одному из знатнейших лиц. 2. Он рассказал, что ему снилось, будто он стоит в Византии на берегу моря, на том, который напротив Халкедона, и видит, что посередине пролива стоит Юстиниан. 3. И сначала он поглотил всю воду моря, так что можно было думать, что в дальнейшем он будет стоять на сухом материке, ввиду того что вода уже больше не поступала в пролив. Но затем сюда устремилась другая вода, полная грязи и нечистот, вытекающая обильно из канализационных труб с той и другой стороны; он поглотил и эту воду и вновь сделал сухим ложе пролива. 4. Это сновидение имело вот какое значение: когда дядя этого Юстиниана, Юстин, сделался императором, то он нашел государственное казначейство полным деньгами. 5. Император Анастасий был самым предусмотрительным и самым экономным из всех самодержцев; он боялся,—что и случилось,—как бы его преемник, чувствуя недостаток в деньгах, не стал, быть может, грабить подданных. Поэтому он, прежде чем окончить дни своей жизни, наполнил золотом до отказа все сокровищницы. 6. Все эти деньги Юстиниан очень быстро расточил, отчасти на бессмысленное морское строительство, отчасти благотворительствуя варварам. А ведь можно было бы думать, что для императора, даже очень любящего широко жить, этих денег хватило бы лет на сто. 7. Те, которые стояли во главе императорских сокровищ, и казначейства, и всех других императорских доходов, утверждали, что Анастасий после своего более чем 27-летнего правления оставил в государственной казне 320 000 фунтов золота. 8. Но еще тогда,

¹ Прокопий—О постройках, кн. V, гл. 5, § 14. Ср. Михаил Сириец, стр. 194; Бар-Гебр, 84.

² Малала (419, 5; 442, 18); Эвагрий (IV, 5); Никифор Каллист (XVII, 3); Крамер—Anecdota (II, 109, 320); Кедрен (I, 641, 1; 646, 6); Иоанн из Никиу (504 сл.); «Хроника Эдессы» (132); Иоанн, еп. Эфесский—Commentarii de beatis orientalibus (224 сл.); Захария (154, 31); Феофан (I, 172, 1, 10, 30; 177, 22).

³ Малала (421, 14); Иоанн из Никиу (505).

⁴ Малала (418, 6); Феофан (I, 171, 14); Эвагрий (IV, 8); Зонара (III, 268); Никифор Каллист (XVII, 3); Кедрен (I, 639, 20).

⁵ Малала (448, 3).

⁶ Малала (418, 4); Феофан (I, 168, 10); Кедрен (638, 15); Эвагрий (IV, 8).

⁷ Прокопий—Войны с персами, кн. II, гл. 22, § 1.

когда в продолжение девяти лет императором был Юстин, когда этот Юстиниан привел весь государственный строй в расстройство и беспорядок, (по их словам) было собрано во дворец всеми правдами и неправдами 400 000 фунтов золота, но и из них не осталось ничего¹. И еще при жизни Юстина этим человеком они были истрачены так, как я уже рассказывал² раньше. 9. А сколько денег он сам за все время своего правления сумел незаконно присвоить и истратить, нет никакой возможности ни рассказать об этом, ни сосчитать, ни указать их количество. 10. Как некая река, вечно текущая, он каждый день грабил и разорял своих подданных, но все награбленное тотчас же утекало к варварам (или на какое-либо морское строительство). 11. Истратив таким образом государственные богатства, Юстиниан обратил свой взор на своих подданных. И тотчас он у очень многих отнял их состояние: подверг их без всякого основания всякому насилию. При полном отсутствии всякой вины он осуждал тех, которые считались богатыми в Византии и во всяком другом городе, одних обвиняя в многобожии, других—в ересях и в неправом исповедании христианской веры, иных в педерастии или в любовных связях с монахинями или других каких-либо незаконных сожительствах, или в подготовке заговоров, или в приверженности к партии прасинов («зеленых»), или в оскорблении его личности, как императора, или приписывая им какое-либо другое слово или выражение, или вдруг оказываясь наследником умерших, а бывало иногда и еще живых, как будто бы усыновленный ими. 12. Это были славнейшие из его деяний. А как он, воспользовавшись бывшим против него восстанием, которое называли «Ника», тотчас же стал наследником всех сенаторов, и как до этого восстания он самолично, у каждого в отдельности, не у малого числа лиц отнял их состояние, об этом я только что рассказывал³. 13. Всех варваров, при всяком удобном случае, он одарял крупными суммами денег, восточных и западных, живущих на севере и на юге, вплоть до живущих в Британии,—одним словом, племена, живущие повсюду на земле, о которых раньше к нам даже не доходил слух и которых мы увидели раньше, чем узнали название их племени. 14. Они, осведомившись о характере этого человека, стали стекаться к нему в Византию со всех концов земли. 15. Он же, ничуть не задумываясь, но даже вследствие этого преисполненный радости и считая величайшим счастьем и удачей расточать богатства римлян, бросал их варварам или на морское строительство и, щедро одарив каждого из них, отправлял в его родную страну. 16. Благодаря этому все варвары стали полными хозяевами богатств Римской империи, или получая деньги от императора, или грабя пределы Римской державы, или получая их в виде выкупа за пленных, или заключая за деньги перемирие. Вот во что было суждено вылиться тому сновидению, о котором я только что рассказывал. 17. Юстиниан сумел придумать и другие хитрые способы ограбления своих подданных; насколько возможно кратко, я сейчас расскажу о них; благодаря им он имел возможность не сразу все, но постепенно ограбить у всех их имущество.

XX. 1. Прежде всего он назначил в Византии начальника над народом⁴ с весьма широкими полномочиями; его обязанностью было ежегодно

¹ По словам Марцелла Комеса под 521 г., Юстиниан, будучи консулом в этом году, истратил все эти деньги.

² См. гл. VIII, § 4.

³ См. гл. XII, § 12.

⁴ Род префекта полиции (Новелла 13, издан. 535 г.). См. эпиграмму Леонтия—Anthol. Palat. (XVI, 32). Бывший *praefectus vigiliarum*.

распределять налоги между теми, кто имел лавки, и тем давать им возможность продавать товары по любой цене. 2. И для граждан сложилось такое положение при покупке на рынке товаров и продовольствия, что хотя на них накидывали тройные цены, им некому было на это жаловаться. 3. И от этого население понесло великий убыток. Часть этих налогов поступала в пользу государства, но, главным образом, отсюда имели возможность богатеть поставленные наблюдать за этим делом чиновники. 4. В результате всего этого низшие служители этих властей, охваченные жадностью при такой позорной службе, и хозяева лавок, побуждаемые безнаказанностью при правонарушениях, проявляли нестерпимый произвол по отношению к принужденным покупать тогда товары; и они не только во много раз повышали стоимость товаров, но и неслыханным образом при помощи всяких хитростей фальсифицировали эти товары. 5. Затем Юстиниан установил много так называемых монополий и тем (незаметным образом) продал благосостояние своих подданных людям, которые сочли вполне достойным для себя изыскать отсюда свою выгоду. Получив взамен этого надлежащую оплату, сам император отстранялся от этого дела, а внесшим ему деньги он предоставлял устраивать все это дело, как они хотят. 6. Так же открыто он совершал правонарушения и во всех других отраслях управления. Уделив императору часть, обычно не очень большую, от своих награбленных доходов, начальники и их уполномоченные по каждому делу затем уже вполне безбоязненно грабили тех, кто попадал в их руки. 7. Как будто бы ему нехватало для этого издревле установленных магистратур, он придумал для управления государством еще две, хотя раньше все жалобы разбирал поставленный над народом магистрат. 8. Но чтобы впредь иметь для себя еще большее число доносчиков и чтобы можно было тем скорее и легче подвергать пыткам ни в чем неповинных людей, он решил установить эти две должности. 9. В ведение магистратов, получивших назначение на одну из этих должностей, входило ведать, конечно, только на словах, проступки по воровству; они получили название «преторов демов»¹. Ведавшим делами по другой магистратуре он приказал налагать наказания на педерастов и входивших в общение с женщинами противоестественным образом, и на тех, кто в исповедании веры не придерживался православной религии: этому магистрату он дал название квестора (следователя). 10. Если претор в числе ворованных вещей захватывал вещи очень ценные и заслуживающие большого внимания, он считал нужным относить их императору, говоря, что хозяев их нельзя найти нигде. 11. Таким образом на долю императора всегда доставались самые дорогие вещи. А так называемый квестор, обрабатывая и обирая попавших в его руки, что хотел—относил императору, но и сам противозаконным образом без зазрения совести также богател, грабя чужое добро. 12. Не требовалось перед носителями этих должностей выступать обвинителям или представлять свидетелей того, что сделано, но постоянно в течение всего этого времени обвиняемых без суда и следствия возможно секретнее лишали жизни и отбирали все их имущество. 13. Впоследствии этот запятанный кровью убийца поручил этим двум магистратам, а равно и поставленному над народом магистрату заниматься одинаково разбором жалоб, предложив им вступить в состязание между собой, кто из них будет в состоянии больше и скорее погубить людей. 14. Говорят, что один из них как-то

¹ М а л а л а (479, 19); И о а н н Л и д и е ц (265, 5); Новелла 13, гл. 1 и Новелла 80, гл. 1.

спросил Юстиниана: кто из них должен вести дело, если поступит донос на кого-нибудь сразу им троим? Он, не задумываясь, ответил ему: «Тот из них, кто сумеет предупредить других (быстротой решения)». 15. Звание так называемого квестора он лишил всякого нравственного значения; прежние императоры, можно сказать все, особенно заботились об этой магистратуре, чтобы ведали ею люди опытные и знающие во всех отношениях, а особенно в законах, и чтобы они отличались исключительной неподкупностью, считая, что принесет государству большой вред, если занимающие этот пост будут страдать неопытностью или ими будет руководить корыстолюбие. 16. Первым на это место император назначил Трибониана, о нравственных качествах которого достаточно сказано в первых книгах¹. 17. Когда же Трибониан окончил дни своего существования, император отобрал часть его состояния, хотя после его смерти у него остался сын и большое количество родственников. После него на эту должность император назначил Юнила, родом из Ливии, которому законы не были известны даже по слуху, так как он не принадлежал к числу «риторов», бывших образованными законооведами; латинский язык он знал, для изучения же эллинского он никогда не ходил даже в начальную школу, и язык его был неспособен произносить эллинские слова (не раз бывало, когда он пытался заговорить по-эллински, он вызывал смех у своих слуг). Но корыстолюбием он был одержим невероятным, настолько, что, ничуть не скрываясь, среди бела дня он торговал бумагами с подписью императора. 18. Он несколько не стыдился из-за одного золотого статера протягивать руку первому попавшемуся. 19. Не меньше семи лет² государство было принуждено подвергаться из-за него насмешкам. 20. Когда же и Юнил дошел до предела своей жизни, император возвел в это высокое звание Константина. Он был довольно сведущ в законах, но очень молод и не испытывал еще сил в юридических прениях, а грабительскими наклонностями и чванством он отличался больше всех. 21. К нему Юстиниан питал особенно нежные чувства и считал его самым близким своим другом. С его помощью император считал для себя вполне допустимым производить и свои постоянные грабежи и решать все судебные дела. 22. Поэтому за короткое время Константин собрал огромные богатства. Он проявлял такое сверхъестественное высокомерие, в своей спеси «головой в облака упираясь»³ и так презрительно обращаясь со всеми, что некоторые, желая привести свои дела к благополучному окончанию и для этого собираясь преподнести ему большую сумму денег, не могли этого сделать иначе, как передавая их наиболее доверенным его лицам. 23. Встретиться с ним или переговорить с ним не представлялось ни для кого никакой возможности, кроме того времени, когда он спешно шел к императору или возвращался от него, причем и здесь он не замедлял своего шага, но говорил с большой поспешностью и быстротой, чтобы просители не заняли его время разговорами без всякой выгоды для него.

XXI. 1. Вот что можно сказать об этом императоре. Помимо того, эпарх (префект) претория каждый год вносил в императорскую казну налогов больше чем на сумму 3 000 фунтов золота. 2. Эти деньги назывались «воз-

¹ Прокопий—Войны с персами, кн. I, гл. 24, § 16.

² «Тайная история» писалось в 550 г. Таким образом, Юнил не мог быть преемником Трибониана раньше 543 г. Но так как, по словам Прокопия, в момент составления этой книги пост этот занимал уже Константин, то, очевидно, Юнил вступил в исполнение этой должности на год, а может быть, и на несколько лет раньше 543 г. (Хаури).

³ Видимо, цитата из Аристофана—Облака (225).

душными» («с неба упавшими»)¹. Этим названием, я думаю, обозначалось то, что этот налог не был каким-нибудь установленным или обычным, но получался он случайно, как будто бы «с неба падал», а правильнее было бы называть его делом его подлости. 3. Пользуясь таким названием, поставленные в должности префекта претории тем безбоязненнее все время прибегали к грабежам подданных. 4. Они делали вид, что налог этот они собирают для нужд императора, но и сами без труда приобретали себе благодаря ему царские богатства. 5. Обычно вначале Юстиниан не считал нужным обращать на это внимание, выжидая благоприятного момента, чтобы, как только они соберут себе огромные богатства, выдвинув против них неопровержимые обвинения, он мог бы отобрать у них все их состояние. Так он поступил и с Иоанном из Каппадокии. 6. Действительно, все, которые за это время получали эту должность, внезапно становились богатыми сверх меры. Исключение нужно сделать для двоих: для Фоки², о котором я упоминал в прежних книгах³, как о человеке до щепетильности справедливым,—этот человек, занимая данную должность, остался чист от всякой корысти, и для Басса, который получил эту должность позднее. 7. Из них ни тот, ни другой не могли сохранить должности дольше году, но как люди неподходящие и совершенно не соответствующие времени через несколько месяцев должны были покинуть должность. 8. Чтобы мне не рассказывать о каждом (таком гнусном) случае в отдельности и не затянуть своего изложения до бесконечности, я замечу, что в Византии то же самое делалось также и в остальных магистратурах. 9. Юстиниан действовал так повсеместно во всей Римской империи. Отобрав себе самых негодных людей и назначив их на высшие должности за большие деньги, он отдавал им государство на разграбление. 10. Для человека разумного или обладающего хоть каплей здравого смысла не было никакого основания вперед вносить свои личные деньги с тем, чтобы потом грабить ничем неповинных. 11. Получив эти деньги от тех, кто с ним договорился, Юстиниан предоставлял им полную свободу всячески извлекать выгоду из своих подданных; они же, губя все эти области вместе с их населением, ставили себе лишь одну цель: в дальнейшем самим сделаться богатыми. 12. Те, которые получали должности в (провинциальных) городах, заняв деньги у ростовщиков за жестокие проценты и уплатив их тому, кто дал это назначение, когда они оказывались в полученных ими областях, проявляли против своих подданных все, какие только можно придумать, меры несправедливости, больше всего заботясь о том, чтобы уплатить своим кредиторам условленную сумму, а, кроме того, и самим попасть в число богатейших людей. 13. Такие действия не грозили им никакой опасностью или неприятностью, но скорее могли способствовать их славе, в зависимости от того, как велико было число тех, кто попадал в их руки, и кого они могли без всякого основания казнить и ограбить. 14. И самое имя убийцы и разбойника у них обыкновенно превращалось в имя энергичного человека. 15. Если же Юстиниан замечал, что кто-либо из этих власть имущих в провинциях приобрел себе крупное состояние, у них он под тем или иным предлогом, поймав как рыбу сеть, тотчас отбирал целиком все состояние. 16. Затем им был издан закон относительно лиц, вступающих

¹ Этому вопросу посвящена статья F o r n a r i t e s—'Ασπίχων—aerarium—fiscus в «Ἀρχαίων Ζωαγ. βιβλίον» 1929—1931. Выводы автора мало приемлемы.

² Он был сыном Кратера. См. И о а н н Л и д и е ц (267, 5); «Пасхальная хроника» (I, 621, 9); М а л а л а (449, 5); Ф е о ф а н (I, 180, 16).

³ П р о к о п и й—Войны с персами, кн. I, гл. 24. § 18.

в управление той или другой магистратурой или провинцией, который требовал, чтобы они приносили клятву¹: что они будут непричастны ко всякому грабежу и по своей должности не будут ничего ни давать, ни брать. 17. Он прибавил всякие проклятия, которые произносились по обычаю предков еще в древние времена, если кто нарушит эти постановления. 18. Но не прошло и года со времени издания этого закона, как он сам, пренебрегая всеми этими постановлениями и проклятиями, без стыда, не чувствуя никакой неловкости, стал брать плату за назначение на магистратуры и в Византии, и в провинции, негде-нибудь в закоулке, но открыто, на площади, при всем народе. 19. А те, которые купили себе должности, преступая все клятвы, еще больше, чем прежде, стали заниматься грабежом. 20. Впоследствии он придумал нечто такое, чему даже поверить трудно. Те магистратуры, которые он считал самыми важными в Византии и в других городах, он решил больше не отдавать на откуп, как раньше, но, специально выискавши людей, посылал их туда на определенное жалованье, требуя от них, чтобы они, получая жалованье, отдавали ему все, что они нагрябят. 21. Они же, получая жалованье, с тем большим бесстрашием обирали всю страну и тащили все себе; всюду свирепствовал этот наемный произвол под именем государственных чиновников, грабя подданных. 22. И здесь император с самой мелочной тщательностью все время назначал для заведывания этими должностями тех, которые поистине из всех были самыми негодными, и, всегда выискивая, как охотник зверя по следу, такое воплощение зла, он считал это большой своей удачей. 23. И вот, когда он этих поистине первых по подлости людей поставил во главе правления, и они, проявляя высший произвол своей власти, вынесли на свет всю свою нравственную испорченность, мы удивлялись, как только человеческая природа могла дать место такой преступности. 24. Когда же через некоторое время люди, сменившие их у власти, могли намного обогнать их своей грабительской деятельностью, то люди с недоумением спрашивали друг друга, каким образом те, которые раньше казались самыми негодными, могли быть превзойдены своими преемниками настолько, что нежданно-негаданно по своему образу действия оказались людьми прекрасными и добропорядочными. Затем явившиеся третьими (настолько же) по всякой своей низости одерживали верх над вторыми. Следовавшие за ними, благодаря тем необычайным и новым (формам насилия, проявленным ими и вызвавшим) нарекания на них, дали возможность своим предшественникам заслужить имя честных людей. 25. Когда эти бедствия продолжались все дальше и дальше, то всем на опыте пришлось убедиться, что нет предела испорченности человеческой природы; эта низость, выросшая на знании прежних преступлений и благодаря произволу и дерзости соблазненная возможностью мучить и вредить попавшим в ее руки, повидимому, достигает такой степени, измерить которую можно только сознанием тех, кто подвергся этим бедствиям. 26. Так обстояло дело у римлян со всеми магистратурами. Часто, когда отряды гуннов, сделав набег, забрав пленных и ограбив римскую область, уходили назад, римские военачальники во Фракии и Иллирии решали напасть на них, но они, встретив в этом препятствие, должны были воздерживаться, так как им предьявлялись письма императора Юстиниана, запрещающие нападать на варваров, под предлогом, что они являются для римлян нужными союзниками против готов или против каких-либо других врагов. 27. Поэтому

¹ Новелла 8, гл. 7.

эти варвары грабили и забирали в плен живущих здесь римлян, как враги, и со всей этой добычей и пленниками возвращались домой, как друзья и союзники римлян. 28. Часто земледельцы, живущие здесь, побуждаемые любовью к взятым в плен своим женам и детям, собравшись вместе, нападали на уходящих варваров и (бывало) многих убивали, отбирали у них всю добычу и овладевали их конями. Но за это им приходилось на себе испытывать весьма неприятные последствия. 29. Посланные к ним из Византии считали для себя дозволенным мучить и издеваться над ними и без всякого угрызения совести накладывать на них денежные штрафы, пока они не отдадут всех коней, которых отняли у варваров.

XXII. 1. Когда император и Феодора устранили Иоанна из Каппадокии, они хотели найти ему заместителя по этой должности; совместно испытывая мысли всех людей, они старательно отыскивали самого негодного человека, желая найти в нем служителя своей тирании, чтобы тем скорее иметь возможность погубить своих подданных. 2. Временно они вместо Иоанна назначили на эту должность Феодота, человека не очень хороших нравов, но такого, который им все же не мог очень нравиться. 3. Но в дальнейшем они продолжали всюду искать и высматривать. И вот сверх ожидания им попался некто по имени Петр¹, по профессии—меняла, родом сириец, прозвище которого было Барсима. Он издавна сидел на рынке у меняльного стола с медью и из этого занятия добывал себе позорнейшую выгоду, ловко устраивая кражу оболов и обсчитывая имеющих с ним дело благодаря быстроте пальцев. 4. Он умел ловко и бесстыдно украсть из денег тех лиц, которые обращались к нему; пойманный же на месте преступления—клялся и божился и ошибку рук покрывал дерзостью языка. 5. Зачисленный в отряд воинов ипархов, он дошел до такого негодяйства, что очень понравился Феодоре, и с легким сердцем на пути выполнения ее безбожных планов он делал невероятные вещи. 6. Поэтому они тотчас же сместили Феодота с той должности, которую он занимал после Иоанна Каппадокийского, и назначили на нее Петра, который сумел все сделать согласно с желанием их обоих. 7. Несущих военную службу он лишил всякого жалования и всякого содержания, не боясь и не стыдясь ничего; торговать должностями он стал еще позорнее, чем прежде, и сделав их еще более бесславными, он продавал их тем, которые не колебались совершать такую безбожную покупку, предоставив безоговорочно на полный произвол тем, кто купил эти должности, и души и имущество подданных. 8. Тем самым и ему и внесшему плату за должность предоставлялась полная возможность красть и всячески грабить. 9. Из столицы² государства шла продажа душ человеческих, издавались предписания, губительные для городов; в верховных судебных инстанциях и в народном суде на площади ходил узаконенный разбойник, дающий имя своему делу—сбор денег, внесенных, как цена за его должность. И не было у потерпевших никакой надежды на возмездие за те преступления, жертвами которых они стали³. 10. И из числа тех, кто был обслуживающим персоналом при его

¹ М а л л а (491, 6); Г е о р г и й—О зданиях (114, 9). См. статью Х а у р и:—*Petros Patricios Magister und Petros Patrikios Barsymas*, BZ, XIV, S. 529 f.

² Так толкует это место Хаури; другие, как, например, Рейске, переводя это место «от главы государства», подразумевают здесь или императора или *praefectus praetorii*.

³ Весь текст этого параграфа является крайне испорченным и до сих пор не установленным и плохо истолкованным.

должности,—а их было много и из них многие очень почтенны,—Петр всегда привлекал к себе самых негодных. 11. Эти нарушения законов совершал не он один, но и все те, которые занимали эту должность до и после него. 12. Там же правонарушения совершались и у так называемого «магистра»¹, и у «палатинов» (начальников схол), которые обычно ведали государственными сокровищами и так называемыми «приватными» (личными), а также «патримонием» (удельными землями императора); совершалось это, говоря кратко, везде, во всех назначенных магистратурах, и в Византии и, по другим городам. 13. С того времени, как этот деспот взял управление в свои руки по каждой магистратуре у исполняющих ее полагающиеся им доходы без всякого основания отбирались то им самим, то префектом, а они, выполняя приказы вышестоящих своих властей, в крайней бедности в течение всего срока магистратуры должны были служить им, как самые настоящие рабы. 14. Когда в Византию было ввезено очень много хлеба, то большая часть его загнила; тогда Петр разослал его по городам Востока по определенным разверсткам, хотя хлеб этот уже был непригоден для питания людей; разослал продавать не по той цене, по которой обыкновенно продавался самый лучший хлеб, но по гораздо более высокой. Таким образом, покупатели должны были платить за него большие деньги по грубо повышенным ценам, а затем этот хлеб бросать в море или в канализационные канавы. 15. Но когда в Византии собралось много хлеба чистого и неиспорченного, он решил продавать его многим из городов, нуждающихся в хлебе. 16. Этим путем он получил двойную сумму сравнительно с той, которую государственное казначейство раньше выплатило за этот же хлеб тем, кто обязан был его поставлять. 17. Но когда на следующий год урожай был вовсе не так хорош, и хлебный караван, прибывший в Византию, был значительно меньше, чем это соответствовало потребностям города, поставленный таким положением в крайнее затруднение Петр велел скупить у жителей Вифинии, Фригии и Фракии огромное количество хлеба. 18. На жителей этих мест было возложено доставить этот груз с великим трудом до моря, с неменьшей опасностью доставить его в Византию и там получить от него соответственно бессмысленно скудную оплату; штрафы же на них устанавливались там такой величины, что всякий был доволен, если ему было дозволено этот хлеб даром отдать в государственные житницы и самому еще заплатить за него двойную цену. 19. Эти тяжкие² поставки обычно называли «синоной»—скупка хлеба³. Но когда даже при таких мерах в Византии не было достаточно хлеба, народ начинал обращаться с жалобами к императору. 20. Равным образом и воины, почти все, не получая полагающегося им жалованья, во всем городе производили великий шум и волнение. 21. Казалось даже, что император гневается на Петра; он хотел снять его с должности столько же по тем причинам, о которых только что сказано, сколько и потому, что он слышал, будто Петр утаил чудовищно огромные суммы, которые ему удалось украсть из государственных средств. 22. Это так и было на самом деле. Но Феодора не позволила мужу поступить, как он хотел. Она до крайности любила Барсиму, как мне по крайней мере кажется, за его негодяйство и за его исключительное уменье вредить подданным. 23. Сама она была в высшей степени кровожадна и до крайности исполнена бесчеловечности,

¹ Ср. К а с с и о д о р—Var. (VI, 6).

² Хаури предлагает читать: «проклинаемые всеми».

³ См. И о а н н Л и д и е ц (264, 7); ср. П а н ч е н к о—Прокопий, стр. 128—132.

и от служащих ей она требовала—возможно больше подходить к ее привычкам и характеру. 24. Носится слух, что она была заколдована Петром и против воли относилась к нему благосклонно. 25. Ко всякому колдовству и чернокнижию этот Барсима был очень расположен; он восхищался так называемыми манихеями и считал для себя вполне возможным открыто предстательствовать за них. 26. Хотя императрица слыхала о таком его отношении, тем не менее она не лишила его своего расположения, но еще больше из-за этого решила его охранять и любить. 27. Ведь она сама с самых юных лет имела общение с магами и колдунами, знающими всякие травы,—самый образ ее жизни приводил ее к этому; всю свою жизнь она прожила, веря этому и надеясь на это. 28. Говорят, что и Юстиниана она подчинила себе не столько своими нежностями и ласками, сколько демонской силой. 29. Конечно, Юстиниан не был человеком большого ума, справедливым или устойчивым в хороших намерениях, чтобы оказаться сильнее таких злоухищрений: он явно подчинялся своей жажде убийств и корыстолюбию и легко уступал тем, кто хотел его обманывать или умел ему льстить. 30. В делах для него особенно важных он без всякого основания был очень переменчив и вечно был он подобен легкой пыли. 31. Поэтому никто ни из его родных, ни из близких никогда не полагался на него; что касается образа действий, его мысли всегда подвергались крайним переменам. 32. Поэтому-то, как сказано выше, он был так доступен всяким кудесникам и без всякого труда оказался в руках Феодоры; потому-то императрица так сильно и любила Петра, как человека, ревностно занимавшегося всем этим. 33. С той должности, которую он занимал раньше¹, император с трудом снял его, но по настоянию Феодоры немного спустя назначил его заведующим казначейством, сняв с этой должности Иоанна, который занял ее немного месяцев тому назад. 34. Этот человек был родом из Палестины, очень мягкий и хороший; он не умел находить источники незаконных доходов и никогда не обидел никого на свете. 35. Конечно, весь народ питал к нему исключительную любовь, потому-то он никак не мог понравиться Юстиниану и его супруге; всякий раз, как они в числе своих помощников сверх своего ожидания видели какого-нибудь человека хорошего и достойного, они приходили в крайнее смущение и, исполненные крайнего недовольства, всячески старались возможно скорее избавиться от него. 36. Так вот этого-то Иоанна и сменил Петр, став во главе императорской сокровищницы, и вновь сделался главнейшим виновником великих бедствий для населения. 37. Те деньги, которые каждый год император издревле раздавал, как пособие, низшим классам, он урезал и, незаконным образом богатея от этих общественных сумм, часть из них уступал императору. 38. А лишившиеся этих денег сидели в великой печали, так как и золотую монету он счел нужным выпускать не такую, какая обычно была в ходу, но установил ее меньшего веса, чего никогда раньше не бывало². 39. Вот каковы были все магистратуры при этом императоре. А сейчас я расскажу, как он разорял повсеместно владельцев имений. 40. Достаточно будет нам напомнить о рассылаемых по разным городам чиновниках, о чем я говорил не так давно, и указать на страдания от этих людей. Прежде всего эти чиновники, применяя насилие, грабили землевладельцев и этим уже сказано все.

¹ Как *praefectus praetorii*.

² Ср. кн. VII(III), гл. 1, § 30. Кроме того, П а н ч е н к о, назв. раб., стр. 161, 162.

XXIII. 1. Прежде издавна был обычай, чтобы каждый, кто занимал престол Римской империи, не один раз, но многократно, прощал всем своим подданным недоимки по государственным налогам для того, чтобы у обедневших и не имеющих средств, откуда уплатить эти недоимки, не висела вечно эта петля на шее и чтобы не давать повода (для злоупотреблений) сборщикам податей, пытающимся придирааться к тем из плательщиков податей, которые ничего не должны по налогам. Этот же человек за 32 года своего правления ничего подобного не сделал для своих подданных. 2. Поэтому обедневшим было необходимо бежать без всякой надежды на возвращение. 3. А ябедники мучили всякими страхами честных людей, выставляя против них обвинения в том, что будто бы они неполностью заплатили подати за прежнее время из наложенного на их имение взноса. 4. И эти несчастные боялись не столько нового обложения налогами, сколько того, что они незаконно будут отягощены взысканиями в качестве недоимок за столь продолжительный срок. 5. Поэтому многие действительно отдавали свои имения этим ябедникам или государству и сами уходили. 6. А затем, несмотря на то, что большая часть Азии была опустошена мидянами и сарацинами, а вся Европа разграблена гуннами, славянами и антами, что из городов одни были разрушены до основания, другие дочиста обобраны благодаря денежным контрибуциям, несмотря на то, что варвары увели с собою в плен всех людей со всем их достоянием, что вследствие чуть ли не ежедневных их набегов все области стали безлюдными и необрабатываемыми,—несмотря на все это, он, тем не менее, не снял ни с кого налогов, исключая тех городов, которые были взяты приступом, да и то на один только год. 7. Даже если бы он сделал так, как император Анастасий, и на семь лет отменил¹ подати для взятых врагами городов, думаю, даже в этом случае он поступил бы не вполне соответственно с обстоятельствами времени: ведь Кабад ушел, нанеся огромные повреждения всем постройкам, а Хозрой вообще сжег дотла все, что захватил, причинив попавшим ему в руки еще большие бедствия. 8. И для этих людей, с которых он сложил такую смехотворную часть налогов, и для всех других, которым часто приходилось видеть в своих пределах войска мидян и, можно сказать, постоянно толпы гуннов и сарацин, ограбивших дотла земли Востока, когда и европейские варвары не в меньшей мере совершали всегда и повсеместно те же насилия над римлянами,—для них этот император был злом более тяжелым, чем все варвары. 9. По удалении неприятелей хозяева имений тотчас же попадали в сети императорских декретов о принудительной скупке хлеба (синоне), о так называемых переложениях платежей и доплатах. 10. Что это за декреты и какую цель они преследовали, я сейчас укажу². 11. Владельцев имений заставляли содержать римское войско пропорционально размерам наложенной на каждого подати, причем нормы этих поставок определялись не тем, какова потребность в продовольствии в данный момент, но тем, сколько вообще с них можно взять и какое количество постановлено взыскать, причем

¹ Прокопий—Войны с персами, I, 36, 10.

² По поводу всех этих трех видов обложений см. Панченко, стр. 128—149.

Специально этому вопросу посвящены работы: А. P i g a n i o l—L'impôt de capitation sous Bas-Empire Romain (1916) и O s t r o g o r s k y—Das Steuersystem im Byzantin. Altertum (1931). Более обширные работы: M o n n i e r—L'ἐπιβολή. Etudes de droit byzantin («Nouvelle revue hist. de droit franç. et étranger», 1892—1895); O s t r o g o r s k y—Die Steuergemeinde d. byzant. Reiches im X. Jahr., 1931; D ö l g e r—Beiträge zur Geschichte d. byzant. Finanzverwaltung (X—XI Jahr.) «Byzant. Archiv» IX (1927).

вовсе не спрашивалось, есть ли в данный момент в этой области нужные запасы¹. 12. И вот, эти несчастные были вынуждены доставлять солдатам и их коням нужное им продовольствие, покупая его целиком за большие деньги по очень повышенным ценам и при этом иногда в отдаленной области, привозить его туда, где в это время находилось войско, и сдавать его заведующим военным хозяйством не той мерой, как это полагается для всех людей, но как заблагорассудится этим приемщикам. 13. Таков порядок того, что называется «скупкой хлеба»—синоной, в результате которого у хозяев имений вытягивались все жилы. 14. В силу этого им по необходимости приходилось платить ежегодно налогов по крайней мере в десять раз больше, так как они должны были, как сказано выше, обслуживать не только войско, но на них, постигнутых уже такими бедами, часто сваливалась необходимость доставлять хлеб и в Византию. И не только один этот, именуемый Барсима, дерзал на такое нечестие и правонарушение, но и раньше его так поступал и Иоанн из Каппадокии, и позднее те, которые приняли от Барсимы высокое звание этой должности. 15. Так обстояло дело со скупкой хлеба. Что же касается «эпидемии», то это какая-то непредвиденная чума, внезапно поразившая владельцев имений и с корнем вырвавшая у них надежду на возможность жизни. 16. Дело в том, что налоги с поместий, или опустевших или запущенных, владельцам которых и колонам (земледельцам) пришлось или уже совсем погибнуть, или, покинув отчие земли, скрываться от постигших их из-за всего этого бедствий, эти налоги властители не сочли недостойным себя переложить на тех, которые еще не совсем были разорены. 17. Вот что обозначает слово «эпидемия», особенно распространившееся, как это и естественно, в это самое время. Что же касается «диаграммы», чтобы сказать в кратких словах и не задерживаться на этом, заключается она вот в чем. 18. Необходимость заставляла, особенно в эти печальные времена, налагать на города большие взыскания. Об условиях привлечения к ним и о способах их взысканий в данный момент я не буду говорить, чтобы рассказ мой не оказался бесконечным. 19. Эти суммы платили владельцы имений, прибавляя их пропорционально к наложенной на каждого из них подати. 20. Но на этом их бедствия не кончались; моровая язва, охватившая всю остальную землю, поразила также и Римскую империю и уничтожила большую часть колоннов (земледельцев); поэтому, как и естественно, имения обезлюдели, но Юстиниан не оказал никакой пощады их владельцам: 21. он неизменно взыскивал с них ежегодный налог и не только то, что было наложено на каждого из них, но и долю погибших их соседей. 22. сверх этого возлагалось на них еще многое другое, о чем я говорил несколько раньше, что всегда отягощало имевших несчастье быть владельцами имений. Кроме того, им приходилось обслуживать воинов, поселенных в самых лучших и роскошнейших помещениях, а самим все это время жить в самых плохих и заброшенных строениях. 23. Все это пришлось постоянно испытывать людям в течение правления Юстиниана и Феодоры, так как ни войны, ни другие величайшие бедствия за это время не прекращались. 24. И раз уже я упомянул о домах, я не считаю возможным обойти молчанием и то, что владельцы домов в Византии должны были поселить в них варваров, которых было в Византии около 70 000. Не говоря уже о том, что сами они не могли пользоваться удобствами и выгодами от своих владений, они подвергались и многим другим неприятностям.

¹ Ср. Новелла 130, гл. 2.

XXIV. 1. Не должно конечно, обойти молчанием и то, что было сделано Юстинианом по отношению воинов¹, во главе которых он поставил самых негодных людей², приказав им собирать и здесь возможно большее количество денег, причем они знали, что двенадцатая³ часть добытого будет принадлежать им. Этим людям было дано имя логофетов. 2. Они ежегодно употребляли следующий прием. Закон и обычай установили, чтобы воинское жалованье выплачивалось не всем одинаковое, но тем, которые были еще молоды и недавно стали совершать походы, жалованье было меньше, а для уже испытанных и находящихся в середине платежных списков, жалованье платилось выше. 3. Для ветеранов и собирающихся уйти в отставку из военной службы жалованье было еще более высокое, для того, чтобы они в дальнейшем, живя, как частные люди, имели достаточно средств на прожиток и, когда им придется пройти весь путь своей жизни, могли бы оставить своим домашним из личных средств некоторое утешение. 4. Таким образом, самое время, всегда повышая тех воинов, которые получали меньше и ставя их на места умерших или уходящих в отставку из военной службы, давало каждому из них по старшинству службы возможность получить более высокое жалованье из государственного казначейства. 5. Но так называемые логофеты не позволяли вычеркивать из списков имена умерших, хотя их погибало очень много помимо всего прочего, потому, что шли постоянные войны. Кроме того, они еще в течение продолжительного времени не пополняли войско новыми наборами. 6. Поэтому число воинов в государстве становилось все меньше и меньше⁴, а те, которым давно уже умершие не давали повышаться по спискам, продолжали оставаться, вопреки своим заслугам, в разрядах ниже оплачиваемых, получая жалованья меньше, чем полагающееся им по норме. Все же деньги, следовавшие воинам за все это время, благодаря этим логофетам, доставались на долю Юстиниана. 7. Кроме того, они заставляли страдать воинов и от многих других обид, специально связанных с их службой, как будто в возмещение за те опасности, которые они несли на войне. Одним бросалось обвинение в том, что они греки, как будто бы уже заранее было решено, что, будучи эллином, нельзя быть честным и храбрым человеком; другим—что они несут военную службу без разрешения от императора, хотя насчет этого они показывали бумагу с подписью императора, но логофеты без всякого колебания осмеливались признавать ее подложной; наконец, третьим ставилось на вид, что им пришлось на несколько дней уйти, покинув своих товарищей. 8. Кроме того, впоследствии некоторые из дворцовой охраны были разосланы по всей Римской империи, конечно, под тем предлогом, чтобы произвести ревизию регулярных войск и выявить, кто из них (будто бы) совершенно непригоден для военной службы, и у некоторых, как бесполезных или устаревших, они решались отнимать пояса. В дальнейшем эти несчастные должны были открыто на площади просить себе для пропитания милостыню у людей благочестивых, являясь для всех встречавшихся с ними поводом для слез и стенаний. Что касается других, то они, чтобы и им не испытать такого

¹ Ср. А г а ф и й (306, 21).

² Ср. кн. II, гл. 15, 9.

³ Ср. Новелла 130, гл. 1.

⁴ См. А г а ф и й (305, 16). Армия при Юстиниане была доведена до 150 000 вместо бывшей раньше в 640 000 (см. И о а н н А н т и о х и й с к и й, Mü l l e r, FHG, IV, 622), так что появление Зебергана с 7 000 гуннов под стенами Византии воспринималось, как ужасающее нашествие.

бедствия, платили (следователям) крупные суммы. Таким образом, вышло, что воины, как люди, из которых всякими способами вытянули жилы, оказались из всех в самом нищенском положении и не было уже у них охоты воевать. 9. Поэтому-то и в Италии дела римлян пришли в полный упадок. Дело в том, что логофет Александр¹, посланный в Италию, без всякого стыда решился проявить к солдатам такое обидное отношение, а с италийцев взыскивал их личные деньги, под предлогом наказания за их защиту установлений Теодориха и готов. 10. И не только обыкновенные воины были доведены до бедности и поставлены в безвыходное положение притеснениями логофетов, но и очень многие из сотрудников всех военачальников, которые в прежнее время пользовались большой славой, были теперь обречены на голод и крайнюю бедность. 11. У них не было уже ни средств, ни возможности, откуда бы они могли добывать себе нужное им пропитание. 12. Раз уже в своем рассказе о положении войска мне пришлось об этом заговорить, я добавлю еще следующее. В прежние времена римские императоры повсюду, по всем окраинам Римского государства, содержали очень большие отряды войск для охраны границ Римской империи, особенно в восточной ее части, отражая там набеги персов и сарацин. Эти войска так и назывались «пограничными». 13. К ним император Юстиниан с самого начала отнесся так невнимательно и небрежно, что те, кто должен был платить им жалованье, задерживали его за четыре и за пять лет; когда же у римлян и персов был заключен мир, эти несчастные, как будто бы и им предстоит пользоваться благами мира, были принуждаемы отказаться за указанное время от жалованья, которое им задолжали, в пользу государственной казны. А затем и самое наименование такой войсковой части было уничтожено без всякого основания. 14. Таким образом, на дальнейшее время границы Римской империи остались без охраны, а воины неожиданно для себя должны были смотреть в руки тем, кто привык заниматься благотворительностью, раздавая подаяние. 15. Другие воины, числом не меньше 3 500, с самого начала были назначены для охраны дворца; их называют схоляриями². 16. В прежние времена обычно они получали из государственного казначейства более высокое жалованье, чем все другие. Прежние государи, выбрав их по их доблести (и воинским заслугам) из числа армян, ставили на эту высокую должность. 17. Но с того времени, как Зенон принял императорскую власть, всем дано было право, даже трусам и людям совсем не воинственным, вступать в эту (пре-торианскую) гвардию. 18. С течением времени даже рабы, если они могли заплатить назначенную сумму, покупали себе это воинское звание. Когда же Юстин стал императором, этот Юстиниан многих возвел в это высокое звание, взяв с них большие суммы. 19. Когда он в дальнейшем увидел, что в этих списках нет уже ни одного лишнего места, он прибавил к ним других, до двух тысяч, которых стали называть сверхкомплектными. 20. Когда же он сам сделался императором, он очень скоро отстранил всех этих сверхкомплектных, не вернув им ничего из внесенных ими денег. 21. По отношению тех, которые были в числе схоляриев, он придумал следующее. Когда становилось известным, что войско будет послано в Ливию, в Италию или против персов, то давался приказ собираться схоляриям, якобы потому, что они должны будут принять участие в этом походе, хотя Юстиниан точно знал, что в военном отношении они ничего не стоят;

¹ Прокопий—Война с готами, кн. VII (III), гл. 1, § 28 сл.

² Агафий (310, 2).

а те, боясь этого, на известный срок отказывались от жалованья. И такие вещи схоляриям приходилось испытывать не раз. 22. Петр все то время, когда он нес должность так называемого магистра¹, чуть не ежедневно мучил их несказанными вымогательствами. 23. Правда, он был (с виду) очень мягким и никогда не позволял себе грубого обращения, но из всех людей он был наивеличайший вор, человек, исполненный самой позорной грязи. Об этом Петре я упоминал раньше, что он был виновником смерти Амалазунты, дочери Теодориха². 24. При дворце есть и другие, более высокие военные должности; им обычно идет тем более высокое казенное жалованье, чем выше та сумма, за которую они купили этот военный чин; они носят название домашних и протекторов. С давних времен это были люди совершенно неопытные в военных делах. 25. Они числились в списках императорского двора исключительно только ради церемониала и внешности. Одни из них издавна жили в Византии, другие—в области галатов и в разных других местах. 26. Запугивая всегда и их вышеуказанным способом, Юстиниан принуждал их отказаться от полагающегося им жалованья. 27. Я подведу вкратце итог. Был закон, чтобы каждые пять лет император одаривал каждого из воинов определенной суммой золота. 28. И каждые пять лет (специальные) посланные по всей Римской империи каждому воину передавали по пяти золотых статов. 29. И никак нельзя было не выполнить этот (вошедший в плоть и кровь) обычай. Но с того времени, как этот человек стал управлять государством, он ни разу не сделал, да и не собирался делать, ничего подобного, хотя с того времени прошло уже 32 года, так что люди почти что уже и забыли об этом случае. 30. Теперь я расскажу о другом способе грабежа подданных, который он придумал. Те, которые в Византии у императора или у магистратов несут военную службу или прилагают свою руку по письменной части, или служат как-нибудь иначе,—сначала помещаются в самом конце списка, с течением же времени они повышаются рангом, занимая всегда места тех, которые или умирают или уходят в отставку. Так каждый из них, поднимаясь по служебной лестнице, доходит до верхней ступени; этим он достигает предела своей почетной службы. 31. И вот тем, которые дошли до столь высокой должности, издревле выплачивалось такое количество золота, что каждый год это выражалось в сумме более 10 000 фунтов золота. Это давало им возможность безбедно проводить свою старость, и из других лиц многие вместе с ними получали отсюда большую пользу. Этим путем и государственные дела приходили к большому благополучию. 32. Но этот император, лишив их почти всего этого, принес огромный вред и им, и всем остальным людям. Бедность, поразившая сначала их самих, затем перешла и на других, на тех, которые прежде в некотором отношении были участниками их благосостояния. 33. И если кто подсчитает те денежные суммы, которых они лишились в течение тридцати двух лет, то найдет, какое огромное количество денег удалось ему похитить у них.

XXV. 1. Так обошелся этот тиран с несущими военную службу. А то, как он поступил с купцами, моряками, ремесленниками и рыночными торговцами, а через них и со всеми остальными людьми, я сейчас изложу. 2. По ту и другую сторону Византии есть два пролива, один—в Геллеспонте между Систом и Абидосом, другой—у устья так называемого

¹ Praefectus officiorum—начальник преторианской гвардии.

² См. гл. XVI, § 5.

Эвксинского Понта, где находится знаменитый храм (богородицы)¹. 3. В проливе Геллеспонта не было никакой государственной таможни, но в Абидосе находился начальник, посылаемый императором наблюдать за тем, чтобы корабль, везущий оружие в Византию, не мог доставить его туда без соизволения императора и чтобы никто не мог плыть в открытое море из Византии, не имея письменного разрешения за печатью тех лиц, которые ведают этим делом. Не полагалось плыть из Византии, не получив разрешения на выезд от лиц, являющихся помощниками по управлению так называемого магистра (magister officiorum). Он взыскивал с владельцев кораблей налог, о котором по его незначительности не стоило бы и говорить: считалось справедливым, чтобы этот чиновник получал некоторую мзду за свою работу. 4. А тот, кто посылался ко второму проливу, получая постоянное вознаграждение от императора, тщательно производил обыск кораблей и осмотр тех товаров, о которых я говорил, наблюдая, не везут ли к варварам, живущим по берегам Эвксинского Понта, чего-либо такого, чего не полагалось везти из земли римлян к варварам. Этому уполномоченному не полагалось ничего брать для себя от этих мореходов. 5. Но с тех пор, как Юстиниан взшел на императорский престол, и у того и у другого пролива были установлены государственные таможни и, отправляя сюда двух чиновников, которые получали определенное жалованье, он приказал им добывать отсюда всякими способами возможно большее количество денег. 6. Они же, стараясь показать свою преданность ему, ограбив за один раз плывущих на всю стоимость их грузов, затем отпускали их. 7. Вот что делалось у того и другого пролива. А в Византии он придумал следующее. Поставив во главе этого предприятия одного из близких себе лиц, по происхождению сирийца, по имени Аддея², он приказал ему доставлять для него какую-либо прибыль от кораблей, приходящих с моря в Византию. 8. И вот он все корабли, идущие с моря в Византию, пускал в гавань не иначе, как накладывая на мореходов взыскание, равное стоимости всего провоза на их собственных кораблях, или заставлял их везти товары в Ливию и в Италию. 9. Некоторые из них, не желая брать на себя издержки обратного провоза и вообще заниматься в дальнейшем морским делом, сжигали свои корабли и, довольные, тотчас же удалялись. 10. Те же, которым по необходимости приходилось добывать себе пропитание этим промыслом,—продолжали в дальнейшем перевозить товары, возложив на тех, кто нанимал их для провоза груза, тройную цену; а эти оптовики, ясно, могли покрыть свои убытки, только возложив их на мелкого потребителя их товаров; и таким образом для римского народа всячески готовилась голодная смерть. 11. Так обстояло дело в государстве с торговлей. А что этими государями было сделано с разменной монетой, думаю, не должно быть обойдено молчанием в моем рассказе. 12. Обычно раньше менялы за один золотой статер давали обращавшимся к ним 210 оболлов, которые они называли «фоллами» (обрезки кожи). Юстиниан же с Феодорой, изобретая всевозможные источники личного обогащения, постановили давать за статер 180 оболлов³. Этим от каждой золотой монеты они отрезали седьмую часть... всех людей. 13. Введя на большую часть товаров так называемые монополии и заставив желающих

¹ В тексте стоит просто hieron—храм; об этом месте см. А р р и а н—Перипл., гл. 12.

² Повидимому, тот же, о котором говорит Э в а г р и й (V, 3); Н и к и ф о р К а л и с т (XII, 34); ср. Ф е о ф а н (I, 242, 9).

³ М а л а л а (486, 19). Ср. П а н ч е н к о, стр. 162.

что-либо купить задыхаться каждый день в петле этих цен, эти правители оставили незакабаленной только одну торговлю—платьем, но и тут они придумали следующее. 14. Платья из коконов шелка-сырца издревле обычно делались в двух городах Финикии: в Берите и в Тире. 15. Крупные торговцы этим товаром, их представители и ремесленники-мастера со времен отцов и дедов жили здесь, и отсюда обычно после выработки эти товары распространялись по всей земле. 16. Когда же во время правления Юстиниана занимавшиеся этим делом в Византии и в других городах стали продавать эту одежду дороже, ссылаясь на то, что в настоящее время персы накупили цену на сырец значительно выше, чем она была в прежнее время, и что теперь десятинные сборы в Римской империи выше, чем прежде, то император, делая перед всеми вид, будто он негодует на это, законом запретил, чтобы цена на такую одежду была выше, чем восемь золотых за фунт шелка. 17. Тем, кто нарушит этот закон, грозило наказание в виде конфискации всего наличного состояния. Торговавших этим товаром такое постановление ставило в совершенно безвыходное и невозможное положение. Купцам, которые приобрели эти товары по более высоким ценам, нельзя было продавать их покупателям по более низкой цене. 18. Поэтому они не считали возможным продолжать с выгодой для себя эту торговлю, но понежнугу, украдкой, из-под полы, они стали продавать оставшиеся у них товары подобного рода, конечно, только кому-либо из знакомых, которым было приятно так наряжаться, тратя свое богатство, или которым по какой-либо иной причине это было необходимо. 19. Узнав об этом от своих наушников, не произведя никакого расследования по этим слухам, императрица отняла у этих людей все их товары, наложив на них сверх того штраф в 100 фунтов золота. Впоследствии эти государи не сочли недостойным себя самим заняться производством таких одежд из шелка в Византии¹. Во главе этого производства стоит заведующий царскими сокровищами. 20. Назначив Петра, по прозванию Барсима, на эту должность, немного времени спустя они разрешили ему совершить безбожные поступки. 21. По отношению к другим он считал нужным строго придерживаться закона, а заставляя рабочих-специалистов по этому производству работать только на одного себя, он продавал, вовсе не скрываясь, но открыто, на площади, унцию шелка, окрашенного в какую-нибудь краску, не меньше чем за 6 золотых, а шелк, окрашенный в царскую краску, которая называется «головером» (чистый пурпур), он продавал более чем за 24 золотых. 22. Он извлек отсюда для императора большие деньги, а сам, прикрываясь этим, тайно воровал еще большие суммы. Начиная с этого времени, такая система так и осталась на все времена. 23. Ибо он один и до моего времени открыто остается и поставщиком, и продавцом этого товара. 24. Те же поставщики, которые прежде занимались этим делом в Византии и во всех других городах, перевоза товары по морю и по суше, чувствовали, естественно, тяжелые последствия этого постановления. 25. В городах же, о которых я говорил выше, почти весь простой народ сразу стал нищим. Простые ремесленники, занятые прежде ручной работой, должны были, естественно, бороться с голодной смертью, прося подаяние; многие по той же причине перебрались к соседям и бежали в персидские пределы. 26. И один только хранитель императорских сокровищ, неизменно занимаясь этой выгодной для него выделкой товаров, часть доходов, получаемых отсюда, как сказано, считал возмож-

¹ Такую вставку предлагает сделать в этом месте Хаури.

ным доставлять императору, а сам, похищая большую часть, богател на общественных бедах. Но довольно об этом.

XXVI. 1. Каким образом он смог и в Византии, и в каждом другом городе уничтожить все, что составляло честь и славу государства и всякое благолепие, я сейчас расскажу. 2. Прежде всего он решил уничтожить почетное звание адвокатов¹. Он прежде всего отнял у них всякое право на гонорар, благодаря которому прежде, выступая с защитительными речами, они обычно получали средства для роскошной жизни и для своего внешнего блеска. Император приказал, чтобы обе стороны приносили присягу, и с этого времени адвокаты, поставленные в столь унижительное положение, были в большом унынии. 3. Когда же он отобрал имущество, как я об этом говорил выше, у членов сената и у всех тех, которые в Византии и во всей Римской империи считались богатыми, то в дальнейшем сословию адвокатов по своей профессии не оставалось ничего другого, как только сидеть сложа руки, 4. так как у людей, имеющих какое-либо положение, не оставалось уже ничего ценного, из-за чего бы они вступали друг с другом в споры. Таким образом, сословие адвокатов из многочисленного стало малочисленным, из уважаемого оно теперь повсюду стало испытывать крайне унижительное к себе отношение. И, естественно, они все находились в крайней бедности и жили, получая за свое дело одни насмешки и оскорбления. 5. Он заставил нуждаться в самом необходимом и врачей, и профессоров общеобразовательных предметов (права). То содержание, которое прежние императоры установили выплачивать им по этим профессиям из государственного казначейства, Юстиниан отнял все. 6. Больше того, все те средства, которые жители всех городов собирали между собой или для городских расходов или для устройства у себя зрелищ, он не побоялся перечислить и соединить их с государственными налогами². 7. И в дальнейшем не было уже никакого внимания ни к врачам, ни к профессорам; никто уже не мог заботиться о городском благоустройстве, не было уже освещения по городам на государственный счет, не было никаких других удовольствий для населения городов. 8. Театральные представления, скачки, охоту (на арене) с этого времени он почти все прекратил³, а ведь в этой обстановке его жена родилась, воспиталась и выросла. 9. Впоследствии он велел прекратить эти зрелища и в Византии, для того, чтобы не отпускать на это обычных средств из казначейства, благодаря которым находили себе пропитание очень многие, почти бесчисленное количество лиц. 10. И в частной жизни, и в общественной было одно горе и уныние, как будто какое-то несчастье свалилось на них с неба, и жизнь у всех стала безрадостной. 11. Сидя ли у себя дома или встречаясь на рынках и в храмах, люди не разговаривали ни о чем другом, как о своих бедах и несчастиях, о чудовищных размерах этого небывалого горя. 12. Таково было положение в городах. Теперь нужно сказать о том, о чем я еще не упомянул в своем рассказе. Каждый год в Римской империи выбирались два консула: один—в Риме, другой—в Византии. 13. Всякий, кто призывался на эту высокую должность, должен был за время своего управления истратить для государства больше чем 2 000 фунтов золота; небольшая часть этой суммы шла из его личных средств, а главный расход шел из средств

¹ М а л а л а (470, 19); ср. П а н ч е н к о, стр. 198.

² См. П а н ч е н к о, стр. 168—169.

³ М а л а л а (417, 2).

императора. 14. Эти деньги шли как на поддержку других, о чем я уже говорил, так, главным образом, тратились на тех, кто попал в тяжелые материальные условия и особенно на служителей сцены. Благодаря этому всегда получалась очень большая поддержка экономическому положению города. 15. Но с тех пор как Юстиниан принял императорскую власть, все это больше уже не делалось в установленное время. Сначала при нем консул у римлян оставался в своей должности долгое время¹, а, в конце концов, народ даже во сне перестал видеть новые избрания. Вследствие этого людям пришлось влачить в бедности беспросветно жалкое существование, так как (император) уже не отпускал своим подданным обычного (вспомоществования), напротив, даже и то, что у них было, всякими способами отнимал. 16. Как это ненасытное чудовище, поглотив все государственные средства, затем отобрало все имения и богатства сенаторов, и отдельно у каждого и у всех вместе, я думаю, об этом мною рассказано достаточно. 17. Полагаю, что более чем достаточно изложено мной и то, какими приемами ему удалось отнять достояние также у других, считавшихся богатыми, пуская против них в ход ябеды и доносы. Это относится и к воинам, и к служителям магистратов, и к несшим военную службу во дворце, к земледельцам—колонам и владельцам поместий, к служителям слова и к тем, кто своей профессией избрал науки юридические и общекультурного значения, а также к купцам, владельцам судов и морякам, к ремесленникам и рабочим, к торговцам на рынках и к тем, кто находил себе средства для жизни в сценической профессии. Можно сказать, не было никого, кого бы не поразил тот или иной ущерб, проистекающий по воле Юстиниана. 18. Как он поступил с людьми, живущими подаяниями, людьми маленькими и неимущими, находящимися в крайней нужде и унижении, я сейчас расскажу. А то, что он сделал по отношению к церковнослужителям, я расскажу в дальнейшем изложении². 19. Прежде всего, взяв в свое распоряжение все лавки и введя так называемые монополии на товары первой необходимости, он стал взysкивать со всех людей более чем тройную цену. 20. Если бы я хотел рассказать о других бесчисленных несправедливостях, проистекающих от этих монополий, то я не взял бы на себя смелость говорить о них даже в бесконечной речи; но самое горькое было то, что он всегда грабил покупавших хлеб, а не покупать его не могли ни ремесленники, ни бедняки, ни люди, находящиеся в крайнем унижении. 21. Каждый год он считал допустимым извлекать для себя отсюда 300 фунтов золота, а хлеб стал (дороже и) полон золы. Побуждаемый своим корыстолюбием, этот император не побоялся даже на это наложить свою нечестивую руку. 22. Пользуясь этим предложом, те, на кого была возложена столь почетная обязанность (портить продукты), искусными приемами извлекали личную выгоду и очень легко доходили до великого богатства. В самые урожайные годы они всегда, сверх ожидания, искусственно устраивали человеческими руками голод для неимущих, так как никому ни в коем случае не дозволялось ввозить зерно откуда бы то ни было, но по необходимости все должны были есть этот покупной хлеб. 23. Хотя бы эти императоры Юстиниан и Феодора видели, что город-

¹ М а л а л а (426, 21; 478, 20); Ф е о ф а н (I, 174, 16); «Пасхальная хроника» (I, 617; 18); К е д р е н (I, 642, 15); М а р ц е л л и н К о м е с под 452 (I) г.; Новелла 105, гл. 2.

² Прокопий не раз выражал намерение описать специально церковную политику Юстиниана; ср. гл. I, § 14.

ской водопровод развалился¹ и только незначительную часть воды пропускает в город, но не обращали на это внимания и не желали отпустить (на его исправление) ни гроша денег, хотя вокруг городских водоемов толпа чуть не душила друг друга и все бани были закрыты. А в то же время без всякого расчета бросались огромные суммы денег на приморское строительство и на другие бессмысленные сооружения; повсюду в подгородных имениях воздвигались великолепные дворцы, как будто им уже недоставало тех дворцов, в которых постоянно любили жить прежние императоры. 24. Так, не вследствие бережливости в деньгах, а ради гибели человеческой, он решил оставлять без внимания постройку водопровода, так как никто никогда не был готов более Юстиниана нечистыми путями присваивать себе чужие деньги и еще более скверным образом тотчас же их истратить. 25. Из двух вещей, которые остались для питания и питья людям, дошедшим до крайней нужды и нищеты, а именно вода и хлеб, даже в этих вещах император причинил им вред, как я рассказывал, сделав так, что воды у них недоставало, а хлеб стал гораздо дороже. 26. И не только в Византии поступил он так с бедными, но также и с живущими в других местах. О них и пойдет сейчас мой рассказ. 27. Захватив Италию, Теодорих оставил там тех, которые несли военные должности (преторианские) при римском дворце. Этим он хотел сохранить след старого государственного управления, оставив каждому небольшое ежедневное жалованье. Было их очень много. 28. В числе их были так называемые силенциарии, domestici и схолярии, у которых ничего военного больше не осталось, кроме звания да этого жалованья, едва хватавшего им на прожитие. Теодорих приказал передавать его их детям и их потомкам. 29. Нищим, которые жили около храма апостола Петра, он назначил ежегодно по 3 000 медимнов хлеба за счет государства. Эти выдачи и тем, и другим производились до тех пор, пока в Италию не прибыл Александр Псалидий («Ножницы»)². 30. Этот человек без малейшего колебания решил все это уничтожить. Узнав об этом, Юстиниан, римский император, нашел такие действия совершенно правильными и еще больше, чем прежде, держал Александра в чести. Во время этой командировки Александр сделал и с эллинами следующее: 31. Издревле заботу об охране Фермопильского прохода несли на себе земледельцы, возделывавшие здешние места и посменно охранявшие находящуюся здесь стену, когда ожидали нашествия каких-либо варваров, желавших прорваться в Пелопоннес. 32. Когда во время этой командировки Александр прибыл сюда, то, делая вид, будто он заботится об интересах жителей Пелопоннеса, он сказал, что нельзя поручать охрану этого прохода крестьянам. 33. Поэтому он поместил здесь отряд воинов, приблизительно в 2 000 человек, постановив, чтобы жалованье им шло не из императорской казны, а все деньги, предназначавшиеся на городское благоустройство и зрелища из всех эллинских городов³, под этим предлогом он перечислил в казначейство, с тем, чтобы на них содержать этот военный отряд. Вследствие этого в дальнейшем во всей Элладе, даже в самих Афинах, не производилось больше никакого ремонта зданий и не делалось ничего хорошего. 34. Однако Юстиниан без всякого колебания подтвердил все эти распоряжения Псалидия. 35. Вот что тогда произошло там. Теперь

¹ Феофан (I, 237, 8; 239, 24). Зонара (XIV, 63) рассказывает, что Юстиниан сам разрушил один из водопроводов, нуждаясь в свинцовых его трубах. Это было в 543 г., на 16-м году правления Юстиниана.

² Прокопий—Война с готами, кн. VII (III), гл. 1, § 30.

³ Ср. Панченко, стр. 164—169.

мне надо перейти к нищим в Александрии. Был там некто Гефест из числа адвокатов, который, сделавшись префектом Александрии, удержал народ от мятежа, нагнав страху на мятежников, и причинил крайние из крайних бед жителям этого города. 36. Обратив всю торговлю в городе в так называемую монополию, он не позволял ни одному купцу заниматься этим делом, но, став сам единственным торговцем, он продавал все товары, конечно, установив на них такие произвольные цены, на которые давало ему право его официальное положение. И вот весь город, все жители Александрии задыхались от недостатка предметов первой необходимости, которые в прежние время мог легко покупать даже крайне бедный люд. Особенно же они почувствовали утеснение в хлебе. 37. Дело в том, что хлеб в Египте имел право скупать только он один и никому другому не давалось разрешения купить ни единого медимна, поэтому и (качество) хлеба, и цены на него он устанавливал, как хотел. 38. В результате этого в скором времени он сам собрал сказочное богатство и удовлетворил жажду императора к деньгам. 39. Из-за страха перед Гефестом народ Александрии молча переносил постигшие его бедствия, а самодержец в уважение к постоянно доставляемым ему деньгам любил этого человека превыше всех. 40. Возмев намерение еще более заслужить расположение императора, этот Гефест придумал следующее. 41. Став римским императором, Диоклетиан постановил каждый год раздавать большое количество хлеба из государственных складов нуждающимся александрийцам. 42. С тех пор беднейшее население города, распределив между собой эти раздачи, по наследству передавало их своим потомкам вплоть до описываемого времени. 43. Но Гефест, отняв у людей, и без того уже нуждающихся в насущном пропитании, ежегодное количество хлеба в 2 000 000 медимнов, оставил их лежать в государственных кладовых, а императору написал, что эти люди получали до сих пор такие раздачи несправедливо и не соответственно пользе государства. 44. Поэтому император с большой охотой утвердил эту меру и почувствовал к нему еще большее расположение, а те из александрийцев, которые в этой раздаче видели единственную свою надежду на существование, почувствовали всю прелесть такой бесчеловечности, проявленной на том, что было самым необходимым для их существования.

XXVII. 1. Юстинианом совершено столько преступлений, что целого века нехватило бы, чтобы рассказать обо всех них. 2. Да будет дозволено мне выбрать несколько примеров из всей этой массы, рассказ о которых совершенно ясно обрисует всем будущим поколениям полностью весь его характер, показав, что был он двуличен и что ему не было никакого дела ни до бога, ни до священнослужителей, ни до законов, ни до того народа, о котором он должен был заботиться; что он не думал ни об уважении к кому бы то ни было, ни о пользе государства, ни о том, чтобы делом и словом послужить ему или чтобы под каким-нибудь предлогом постараться оправдать свои преступления. Ничто из этого ему не приходило на ум; его интересовало только одно: как бы ему ограбить деньги со всей земли. Я начну вот с чего¹. 3. Он сам назначил архиереем в Александрию некоего человека по имени Павла. Случилось, что в это время префектом Александрии был некто Родон, родом из Финикии. 4. Юстиниан поручил

¹ Дальнейший эпизод передает Л и б е р а т—Бревиарий, гл. 23. Ср. К и р и л л а С к и ф о п о л и т а—Житие Саввы; К е д р е н (I, 555, 22); Ф е о ф а н (I, 222, 18); К р а м е р—Anecdota (II, 110).

ему во всем содействовать Павлу со всяким старанием, с тем, чтобы ни одно из его, Павла, требований не осталось бы невыполненным. 5. Он думал, что таким образом ему удастся уговорить александрийских еретиков¹ присоединиться к исповеданию Халкедонского собора. 6. Был некий Арсений, родом из Палестины, который был принят императрицей Феодорой в число самих близких к ней лиц и поэтому получил большое влияние; он собрал огромное богатство, так что дошел до высокого звания сенатора, хотя был он самый грязный человек. 7. Был он самаритом, но, чтобы не потерять приобретенную им власть, он решил прикрыться именем христианина. 8. И вот, его отец и брат, полагаясь на его влияние, живя в Скифополе и скрывая свою отческую веру, с его согласия совершали невыносимые преступления против всех христиан. 9. Поэтому граждане, восстав против них, подвергли их обоих самой безжалостной смерти, а отсюда произошло много бед для жителей Палестины. 10. Тогда ни Юстиниан, ни императрица не сделали Арсению никакого зла, хотя именно он был главным виновником всех этих неприятных событий, но запретили ему впредь появляться во дворце, потому что из-за него они постоянно осаждались жалобами со стороны христиан. 11. Этот Арсений, думая, что он вновь заслужит расположение императора, немного спустя отравился вместе с Павлом в Александрию, чтобы во всем быть ему помощником и всеми силами содействовать в убеждении александрийцев. 12. За то время, когда он был лишен доступа во дворец, он усиленно показывал свою преданность ко всем христианским догматам. 13. Этим он вызвал неудовольствие Феодоры, так как в этих вопросах она придерживалась, как я указал в предыдущих рассказах², других взглядов, чем император. 14. Когда они прибыли в Александрию, то Павел передал на казнь Родону некоего Псоя, диакона, говоря, что он один мешает ему выполнить волю императора. 15. Руководясь письмами императора, частыми и очень настойчивыми, Родон решил казнить этого человека, и он, подвергнутый жестокой пытке, вскоре умирает. 16. Когда это известие дошло до императора, то он, под сильнейшим и настойчивым влиянием императрицы, возложил всю вину за это дело на Павла, Родона и Арсения, как будто забыв о всех данных им приказаниях этим людям. 17. Назначив Либерия, одного из патрициев города Рима, префектом Александрии, он послал туда нескольких чтимых иереев, с тем, чтобы они произвели расследование по этому делу; в числе их был и римский архидиакон Пелагий, являясь представителем от лица римского папы Вигилия, который возложил на него это поручение³. 18. Расследовав это дело об убийстве, они тотчас низложили Павла, лишив его архиерейства: бежавшему в Византию Родону император приказал отсечь голову, а его деньги конфисковал, хотя Родон предъявил 13 писем, которые ему написал император, неоднократно и со всей настойчивостью повелевая во всем подчиняться Павлу, если он прикажет что-либо сделать, и ни в чем не противодействовать ему, чтобы он мог относительно исповедания веры выполнить то, что было решено (на соборе). 19. Арсения, согласно решению Феодоры, Либерий посадил на кол, а император постановил конфисковать его имущество, хотя он не мог обвинить его в чем-либо, кроме совместного проживания с Павлом. 20. Правильно ли он тут поступил или нет, этого я сказать не могу, но сейчас покажу,

¹ Конъектура Хаури; другие конъектуры: «знатных» (А л е м а н н); «первых лиц» или «наибольшее число» (Р е й с к е); «священнослужителей» (И з а м б е р).

² П р о к о п и й, гл. X, § 15.

³ В качестве папского легата.

ради чего все это я рассказал. 21. Спустя некоторое время Павел прибыл в Византию и, преподнеся нашему императору 700 фунтов золота, просил его возратить ему епископский престол, говоря, что он был лишен его противозаконно. 22. Юстиниан милостиво принял деньги и держал этого человека в большой чести и обещал, что очень скоро он назначит его александрийским архиереем, хотя это место было занято уже другим: при этом Юстиниан делал вид, будто он ничего не знает, что тех, кто жил с ним и кто решил ему служить, он же сам велел казнить и их имущество конфисковал. 23. Августейший император усиленно и настойчиво старался выполнить это дело, и относительно Павла определенно считалось, что он непременно получит опять эту епископию. 24. Но (папа) Вигилий, находившийся тогда в Византии, несмотря на приказание императора, решил ни в каком случае не уступать ему и, ссылаясь на точку зрения Пелагия, говорил, что для него невозможно, раз теперь вновь поднимается вопрос об этом процессе, отказаться от высказанного от его имени Пелагием суждения. 25. Таким образом, ясно, что этот император не заботился ни о чем другом, кроме возможности грабить и отнимать деньги. Я хочу рассказать еще следующий случай. 26. Был некто Фаустин, родом из Палестины, бывший в прежнее время самаритом, но по необходимости, боясь закона, принявший имя христианина. 27. Этот Фаустин дошел до звания сенатора и получил власть (префекта) над этой областью. Вскоре он был отрешен от этой должности и когда вернулся в Византию, то некоторые из священнослужителей стали обвинять его, донеся, что будто бы он тайно принадлежит к секте самаритов и по отношению к христианам, жившим в Палестине, позволил себе совершить ряд поступков. 28. Юстиниан сделал вид, будто он исполнен гнева и возмущен тем, что в то время, как он занимает престол римского императора, подвергается с чьей бы то ни было стороны осмеянию христово имя. 29. Сенаторы, произведя расследование этого дела, наказали Фаустина изгнанием, под сильнейшим давлением императора. 30. Но получив от Фаустина столько денег, сколько хотел, император, тотчас же подвергнув это решение вторичному рассмотрению, признал его не имеющим силы. 31. Фаустин вновь получил прежнее (сенаторское) звание, был принят императором в число друзей и, назначенный заведующим (прокуратором) императорскими имениями в Палестине и в Финикии, еще с большей смелостью и безопасностью для себя стал делать все, что ему было угодно. 32. Так вот каким образом Юстиниан считал нужным сохранять христианское православие; хотя я привел не много примеров, но даже из этого краткого изложения можно вполне вывести надлежащее заключение. 33. А как он без зазрения совести изменял законы, раз за это ему были предложены деньги, я расскажу в самых коротких словах.

XXVIII. 1. Был в городе Эмесе некий Приск, который замечательно хорошо научился подделывать чужие подписи; он был удивительно искусный специалист в этом гнусном деле. 2. Много лет тому назад церковь Эмеса одним из виднейших граждан города была сделана наследницей его имущества. 3. Этот человек, по своему званию патриций, по имени Маммиан— человек славного рода и исключительно богатый. 4. В правление Юстиниана вышеупомянутый Приск получил поручение произвести обследование всех домов этого города; и вот, если он находил какой-нибудь дом, цветущий богатством и вполне подходящий, чтобы с него можно было взывать крупные суммы, то тщательным образом разузнавал о предках вла-

дельцев этого дома и, найдя их старинные письма, составлял как будто бы от их имени целый ряд документов, в которых они заявляли, что обязаны возратить крупные суммы денег Маммиану, как полученные ими от него в качестве ссуды под залог их имущества. 5. Этих обязательств по таким поддельным документам собралось не меньше, чем на 10 000 фунтов золота. 6. Затем, чудесным образом подделав подпись того человека, который тогда, когда был еще жив Маммиан,—человека, пользовавшегося большой славой за свою справедливость и за другие достоинства, который, сидя на площади, составлял все документы для граждан, закрепляя каждый из них собственноручной подписью,—римляне называют такого человека «табеллионом» (нотариусом),—так вот, подделав его подпись, Приск передал все документы заведывавшим делами церкви в Эмесе, договорившись с ними, что ему будет дана часть полученных таким образом денег. 7. Но на их пути стоял закон¹, который для всех других видов судебных дел устанавливал срок давности в 30 лет, а для некоторых немногих, в том числе так называемых закладных, этот срок удлинялся до 40 лет. Тогда они придумывают следующее. 8. Отправившись в Византию и преподнеся этому императору большую сумму денег, они просили его помочь им в выполнении этого дела: погубить граждан, которые никогда и никому не были должны. 9. Получив эти деньги, Юстиниан без всякого промедления издает закон, по которому для судебных дел церковей о принадлежащем им имуществе устанавливается новый срок давности, не тот, который был до сих пор предписан, но удлиняется до 100 лет, и что это постановление должно иметь законную силу не только в Эмесе, но и во всей Римской империи. 10. Провести в жизнь это дело в Эмесе император поручил некоему Лонгину², человеку энергичному и обладающему огромной физической силой, который впоследствии был в Византии начальником над народом. 11. Заведующие делами церкви, сначала предъявив иск на основании вышеназванных документов к кому-то из граждан, получили тотчас же право на взыскание 200 фунтов золота с этого человека, так как он ничего не мог противопоставить в свою защиту ввиду столь большой давности и неведения того, что тогда происходило. 12. В великой печали сидели все люди, особенно же самые знатные из жителей Эмеса, отданные на произвол доносчиков и клеветников. 13. Когда же это бедствие постигло уже очень многих из граждан, то по божьему промыслу суждено было случиться следующему. 14. Приску, творцу этого гнусного дела, Лонгин приказал принести все документы, а когда он стал отказываться сделать это, он изо всей силы дал ему по уху. 15. Не выдержав удара столь сильного человека, он упал навзничь; дрожа и будучи в крайнем страхе, подозревая, что Лонгин уже все это дело заметил, он во всем сознался ему. Таким образом вся эта гнусность была вынесена на свет и всей этой ябеде суждено было увидеть конец. 16. Юстиниан не только для римлян постоянно, чуть ли не каждый день, издавал все новые и новые законы, но этот император старался разрушить и те законы, которые почитали евреи. 17. Если случалось, что по времени праздник пасхи у них приходился раньше, чем у христиан³, он не позволял иудеям справлять его в установленное время, совершать в эти дни поклонение своему богу или выполнять свои священ-

¹ Новелла 9; см. Новелла 111.

² М а л а л а (482, 1). Вероятно, ему посвящена эпиграмма А р а б и я С х о л а с т и к а в «Anthol. Palat.» (XVI, 39).

³ По словам Ф е о ф а н а, от которого эти сведения заимствует И о а н н С и к у л, император Юстиниан не раз передвигал сроки празднования пасхи.

ные обряды. 18. И многих из них под предлогом, что они в это время вкушают мясо агнца, обвинив в нарушении государственных законов, поставленные на эту должность магистраты штрафовали на большие суммы. 19. Я знаю бесчисленное количество других подобного рода дел Юстиниана; я не стану их перечислять, так как нужно же положить конец рассказу. Ведь уж и из того, что сказано, достаточно ясно можно составить себе представление о характере этого человека.

XXIX. 1. Что был он притворщик и человек двуличный, я это сейчас покажу. Отрешив от занимаемой им должности того Либерия, о котором я недавно упоминал¹, на его место он поставил Иоанна, родом египтянина, по прозвищу Лаксариона. 2. Когда об этом узнал Пелагий, бывший очень большим другом Либерия, он спросил императора, справедлив ли слух относительно Лаксариона. 3. Юстиниан тотчас же отрекся, утверждая, что ничего подобного он не сделал; он вручил ему грамоты к Либерию, поручая ему очень крепко держаться за свою власть и никому никоим образом ее не передавать. 4. Он говорил, что в данный момент не желает его отрешать. Но в Византии у Иоанна был дядя, по имени Эвдемон; он достиг звания консула, был очень богат и до тех пор был заведующим (прокуратором) личным имуществом императора. 5. Этот Эвдемон, до которого дошли эти слухи, тоже с своей стороны спросил императора, твердо ли остается за его племянником это назначение на должность (префекта Александрии). 6! И вот, Юстиниан, отрицая то, что он написал Либерию, точно такое же письмо написал Иоанну, повелевая ему всеми силами сохранить за собой власть над провинцией. 7. Он утверждал, что по этому вопросу им не постановлено для него ничего нового. Полагаясь на эти письма, Иоанн потребовал, чтобы Либерий уходил из резиденции префекта, так как он снят с этой должности. 8. Либерий отвечал ему, что он вовсе не намерен его слушаться, само собой разумеется, тоже руководясь письмами императора. 9. И вот Иоанн, вооружив тех, кто составлял его свиту, пошел на Либерия, а Либерий со своими сторонниками решил сопротивляться. Произошла битва, в которой пало много народу, в том числе и сам Иоанн, получивший назначение в Александрию префектом. 10. Вследствие очень сильных и настойчивых просьб Эвдемона Либерий тотчас же был вызван в Византию, и сенат, произведя расследование всего этого дела, оправдал Либерия, так как не он нападал, но ему пришлось совершить это убийство, защищаясь. 11. А император подтвердил это решение сената только после того, как тайно оштрафовал его на крупную сумму. 12. Вот как Юстиниан умел говорить правду и действовать прямо. Как бы в дополнение к своему рассказу я считаю вполне уместным передать следующее. Немного спустя этот Эвдемон скончался, оставив после себя много родственников. Он не написал никакого завещания, не высказал своей воли никаким-либо иным способом. 13. Приблизительно в то же время умер Эвфрат², начальник дворцовых евнухов, оставив племянника, но тоже никак не распорядившись своим огромным состоянием. 14. Имущество того и другого император отобрал в свою пользу, по собственному произволу назначив себя их наследником, а из законных наследников никому не дал ни гроша. 15. С таким-то уважением относился этот император к законам и к родственникам близких к нему людей. 16. Точно так же и много раньше этого времени,

¹ Прокoпий, гл. XXVII, § 17.

² Прокoпий—Война с готами, кн. VIII (IV), гл. 3, § 19.

после смерти Иринейя, он отобрал все его состояние, не имея на это никакого права. 17. Приблизительно в то же время произошло вот какое событие, о чем я не хочу умолчать. Был некий Анатолий, занимавший в списке сенаторов Аскалона первое место. Его дочь взял замуж один из жителей Кесарии, по имени Мамилиан, происходящий из очень знатного рода. 18. Эта девушка была единственной наследницей, так как у Анатолия она была только одна. 19. Издревле было установлено законом, если сенатор какого-либо (провинциального) города окончит свои дни, не оставив детей мужского пола, то из оставленного им состояния четвертая часть поступает в распоряжение сената этого города, всем же остальным могут пользоваться наследники умершего. Но и здесь император показал обычные качества своего характера, чуть ли не накануне успев издать закон, изменявший все дело, а именно: если умирает сенатор, не оставляя после себя потомства мужского пола, то наследники получают четвертую часть его состояния, а все остальное переходит в собственность государственного казначейства и сената данного города¹. 20. Однако никогда еще, с того времени как существуют люди, ни казначейство, ни император не имели права на получение доли из имущества человека сенаторского звания. 21. И вот, когда был издан этот закон, а для Анатолия наступил последний день жизни, его дочь внесла полагающуюся часть наследства после него в государственное казначейство и в сенат (своего родного) города на основании изданного закона, и сам император и сенаторы города Аскалона дали ей письменные расписки, признавая в них полный расчет и прекращение всяких претензий к ней по этому делу, так как она правильно и точно внесла все им причитающееся. 22. Несколько времени спустя умер и Мамилиан, который был зятем Анатолия; у него осталась только одна дочь, которая, естественно, одна только и была наследницей своего отца. 23. Затем и она еще при жизни своей матери дошла до предела своей жизни, бив замужем за каким-то человеком знатного рода, не оставив потомства ни женского, ни мужского пола. 24. Тогда Юстиниан тотчас же наложил руку на все их богатства, высказав следующее удивительное положение: будто противно установлениям религии и благочестия, чтобы дочь Анатолия, бывшая уже старухой, обогащалась состоянием и мужа, и отца. 25. Но чтобы эта женщина не стала затем нищей, он постановил, чтобы она получала на прожитие каждый день, вплоть до своей смерти, по золотому статеру. Юстиниан внес это постановление в тот документ, по которому он ограбил все ее состояние, заявляя, что этот статер он назначает ей ради своего благочестия: «Свойственно мне, — как он выразился, — действовать благочестиво и богобоязненно». 26. Но довольно говорить об этом, чтобы рассказ мой не перешел все границы, так как ни один человек не может рассказать всех своих воспоминаний. 27. Но что он не обращал внимания и на венетов («голубых»), которые, казалось, были его сторонниками, раз он видел перед собою деньги, об этом я все-таки расскажу. 28. Был в Киликии некто Малфан² зять того Льва, который, как я упоминал раньше³, занимал должность референдаря (докладчика). 29. Юстиниан послал его в Киликию с приказанием подавить враждебные выступления. Взявшись за дело, под этим предлогом Малфан совер-

¹ Ср. Новелла 38, гл. I.

² Хаури в аппарате делает замечание, что в Новелле 142 упоминается некто Морфан, равно и в письме Юстиниана и в актах Мопсуестенского синода — Морфаний.

³ Прокопий, гл. XVII, § 32, гл. XV, § 16.

шил ряд ужасных преступлений по отношению к очень многим киликийцам, грабя их деньги и имущество; часть этих денег он отправлял тирану, а другую часть он считал правильным прибавить к своему богатству. 30. Все остальные молча сносили выпавшие на их долю беды, венеты же («голубые»), которые были в Тарсе, уверенные, что благодаря расположению к ним императора¹ они могут говорить, что хотят, публично на городской площади в отсутствие Малфана очень ругали его. 31. Малфан, узнав об этом, собрал отряд воинов, тотчас же ночью направился в Тарс и, разослав ранним утром воинов по домам, велел покончить с ними. 32. Венеты («голубые»), считая это за вражеское нападение, стали защищаться, как и чем позволяли им обстоятельство. В темноте произошло много разных преступлений; между прочим, пораженный стрелой, пал и Дамиан, бывший сенатором. 33. А этот Дамиан был главою здешней партии венетов («голубых»). Когда слух об этом деле дошел до Византии, охваченные негодованием венеты («голубые») наполнили весь город великим шумом; они сильно надоедали императору с этим делом, а Льва и Малфана они очень поносили и страшно грозили им. 34. Самодержец тоже не в меньшей степени делал вид, что очень раздражен тем, что произошло. Он тотчас издал указ, повелевая расследовать дело и наказать Малфана за все его политические проступки. 35. Но Лев, преподнеся ему большую сумму золотом, тотчас успокоил и его гнев против Малфана, и его любовь к венетам («голубым»). Дело осталось нерасследованным, а когда Малфан вернулся в Византию и явился к императору, то был принят весьма милостиво и ему был оказан большой почет. 36. Подстеревши его, когда он выходил от императора, венеты («голубые») напали на него и изранили его во дворце; они собирались убить его, если бы некоторые из них не помешали им в этом, а именно те, которые уже заранее тайно получили за это деньги от Льва. 37. И кто бы не назвал такой политический строй заслуживающим всякого сожаления, при котором император, получив взятку, оставил нерасследованными обвинения, а мятежники во дворце, в присутствии императора, без всякого опасения решились напасть на одного из высших магистратов и поднять на него незаконные руки?! 38. И, тем не менее, за все это не было никакого возмездия ни Малфану, ни тем, кто поднялся против него. Из этого всякий, кто хочет, пусть сделает свое заключение о характере и нравственных качествах императора Юстиниана:

XXX. 1. А обращал ли он какое-либо внимание на пользу государства, это может стать ясным для всякого из его мероприятий по отношению к почте и к разведчикам. 2. Бывшие раньше римские самодержцы очень заботились о том, чтобы все сообщалось им возможно скорее и доходило без всякого промедления: как то, что совершается врагами в той или другой области, так и происходящие по городом восстания или какое-либо иное неожиданное бедствие; одним словом, они хотели, чтобы им становилось быстро известным то, что происходит повсеместно во всей Римской империи со стороны ли магистратов или кого бы то ни было другого; наконец, чтобы те, кто пересылает им ежегодные доходы, могли делать это без всякого промедления и опасности². В заботах об этом императоры повсеместно

¹ Другие рукописи дают чтение: «императрицы».

² И о а н н Л и д и е ц, 254, 16.

организовали быстрое почтовое сообщение следующим образом. 3. На расстоянии однодневного пути, который может пройти человек налегке, они устроили станции, иногда восемь, иногда меньше, но обычно число их не было никогда меньше пяти. 4. На каждой такой стоянке содержалось до 40 лошадей; соответственно количеству коней на всех стоянках находились и конюхи. 5. Так как лошади были очень хорошие, то благодаря частым сменам едущие, на которых возлагались все те поручения, о которых я только что говорил, иной раз, бывало, в один день на таких перекладных совершали десятидневный путь. Притом и владельцы имений, расположенных всюду, даже в глубине страны, делались от этого очень зажиточными. 6. То продовольствие, которое оставалось у них от прошлого года, они ежегодно продавали государству на содержание лошадей и конюхов. За это они получали крупные суммы. 7. В результате этого государство всегда получало наложенные на каждого подати, и в свою очередь те, кто доставлял это продовольствие, сами тотчас же за него получали наличные деньги. И это давало возможность совершаться всему как следует к пользе государства. 8. Так шли дела прежде. Но этот властитель, прежде всего уничтожив почтовые станции от Халкедона до Дакибизы, заставил всех отправляющихся из Византии прямо вплоть до Гелленополя, чего они вовсе не хотели, плыть на кораблях. 9. А плыть им приходилось на таких маленьких суденышках, на каких обыкновенно здесь переезжают через пролив. И если, случалось, поднималась буря, им приходилось подвергаться большому опасностям. При неотложной необходимости торопиться им не было никакой возможности подстергать благоприятный момент или выждать, когда наступит спокойствие на море. 10. Затем почтовый тракт в прежнем виде он оставил только на дороге, которая вела к границам Персии, на всем же остальном Востоке вплоть до Египта, на дорогах длиною целого дневного пути, он оставил по одной только станции, да и то на них содержались не кони, а ослы в небольшом количестве. 11. Поэтому известия обо всем, что случалось в каждой области, приходили поздно и много времени спустя после нужного момента; а так как о событиях сообщали с опозданием, то делу, понятно, никак нельзя было помочь. Что же касается помещиков, то запасы продовольствия у них гнили или бесцельно лежали, и для хозяев от них не было никакой пользы. 12. Относительно разведчиков дело обстояло вот как. В прежнее время много людей, получая содержание от государства, шли в пределы врагов и проникали даже в самый дворец персидского царя, под видом ли торговли или под другим каким предлогом; они до точности расследовали все и, вернувшись в пределы Римской империи, могли сообщать начальникам тайные планы врагов. 13. Начальники же, предупрежденные, принимали свои меры и поэтому для них ничего не случалось непредвиденного. Такие же методы были применяемы издревле и мидянами. Как говорят, Хозрой, введя более высокую оплату работы разведчиков, пожал богатые плоды такой предусмотрительности. 14. От него ничего не было скрыто, что делается у римлян. Юстиниан же, не потратив на них ни единой монеты, даже самое имя разведчиков уничтожил в Римской империи, вследствие чего ему пришлось совершить много ошибок. Между прочим, из-за этого врагами была захвачена Лазика, так как римляне совершенно не были осведомлены, куда пойдет персидский царь со своим войском. 15. В прежние времена обычно на государственный счет содержалось очень много верблюдов, которые следовали за римским войском, если оно шло против врагов, и везли для него все необходимое. 16. Вследствие этого ни крестьянам не приходилось

в принудительном порядке возить эстафеты¹, ни у войска никогда не было недостатка во всем необходимом. Но Юстиниан уничтожил и их почти всех. Поэтому теперь, когда римское войско направляется против неприятелей, оказывается невозможным, чтобы у римского войска было все, что сейчас требуется. 17. Так относился он к тому, к чему он в интересах государства должен был бы прилагать особое усердие. Кстати будет вспомнить и об одной из его шуток. 18. В числе юристов в Кесарии был некий Эвангел, человек неглупый, который, воспользовавшись благоприятным для себя стечением обстоятельств, оказался обладателем всякого рода богатств, и, между прочим, стал крупным землевладельцем. 19. Впоследствии он купил приморскую деревню, называвшуюся «Порфиреоном»², за 300 фунтов золота. Узнав об этом, император Юстиниан тотчас отнял у него это имение, заплатив ему лишь малую часть его стоимости, причем произнес такую фразу, что Эвангелу³, будучи юристом, нет никакого блага в том, что он будет обладателем такой («порфиродостойной»)⁴ области. 20. Но будет говорить об этом: достаточно и того немногого, о чем я упомянул сейчас. 21. Из нововведений Юстиниана и Феодоры в придворной жизни надо отметить следующие. Издревле сенат, являясь к императору, обычно приветствовал его следующим образом. Кто был родом патриций, целовал его в правую часть груди, 22. а император, отпуская его, целовал его в голову; все же остальные уходили, преклонив перед императором правое колено. 23. Приветствовать и поклоняться императрице—такого обычая не было. При Юстиниане же и Феодоре все являвшиеся к ним на прием, не исключая и тех, которые носили высокое звание патрициев, падали перед ними ниц, вытянувши во всю длину руки и ноги, затем, облобызав и ту и другую ногу у обоих императоров, они поднимались⁵. 24. Таким образом, и Феодора не отказывалась от такого поклонения. Она считала вполне желательным для себя, чтобы к ней являлись послы персов и других варваров, и одаряла их ценными подарками, как будто бы она была носительницей власти в Римской империи,—дело, небывалое во все времена. 25. В прежнее время те, кто являлся во дворец, приветствовали самого государя именем императора, а его супругу—императрицей, а из остальных высших магистратов каждого они приветствовали именем той должности, какую он в данное время занимал. 26. Теперь же, если кто-нибудь в беседе с Юстинианом или Феодорой употреблял слово император или императрица, а не называл их владыкой и владычицей, магистратов же, какую бы высокую должность они ни занимали, не постарается назвать их рабами, то такого человека считали совершенно невоспитанным, дерзким и несдержанным на язык, и он уходил из дворца, как совершивший тягчайшее преступление (против этикета) и позволивший себе неслыханную и недопустимую дерзость. 27. В прежние времена не много и не часто люди бывали

¹ Некоторые рукописи дают чтение «возить с полей». Но это слово (*ἀγροφρεῖν*) не встречается в греческой литературе, тогда как *ἀγγοφρεῖν*—довольно известное выражение (вплоть до Эсхила).

² Это местечко было, вероятно, названо «Порфиреоном» потому, что здесь тирские моряки ловили «пурпурных» улиток.

³ «Благоговествующему», проповеднику евангельской бедности.

⁴ Это место было настолько значительно, что уже во времена Юстиниана считалось епископией.

⁵ Обычно было принято считать, что такой церемониал был введен в подражание персидскому двору. Alföldi в своем докладе на Международном конгрессе в Варшаве в 1933 г.—«Die Einführung des persischen Hofzeremoniells im Römerreiche»—доказывает, что это—традиция не персидская, а римско-эллинстическая.

во дворце. Но с того времени, как Юстиниан и Феодора приняли власть, магистраты и прочие (виднейшие) люди все должны были непрерывно пребывать во дворце. 28. Дело в том, что в старину магистраты имели право судить и совершать законные действия самостоятельно. 29. Поставленные начальники выполняли обычные обязанности, оставаясь в своих присутственных местах, а подчиненные, не видя и не слыша по отношению к себе никакого принуждения, понятно, не надоедали императору. 30. Эти же властители, захватывая на горе и гибель своих подданных все дела в свои руки, заставляли всех магистратов, как самых последних рабов, вечно сидеть возле себя. Почти каждый день можно было видеть суды по большей части безлюдными, а в приемной императора толпу, оскорбления, великую толкотню и вечное и сплошное раболепство. 31. Те, которые считались наиболее близкими лицами к Юстиниану и Феодоре, непрерывно целыми днями, иногда и большую часть ночи, простаивали там в приемной, без сна и без еды, и, нарушая все привычные сроки жизни, безвременно погибали. Вот во что обращалось у них их кажущееся счастье! 32. А те люди, которые были свободны от всех забот, вели между собою разные речи о том, куда девались богатства Римской империи. 33. Одни утверждали, что все перешло к варварам, другие говорили, что император держит их спрятанными во многих тайниках. 34. И вот, когда Юстиниан, если он человек, отойдет в другой мир, или если он, владыка демонов, освободится от этого брэнного тела, те, которые тогда еще случайно останутся в живых, узнают о нем всю правду.

ЦИТИРУЕМЫЕ АВТОРЫ

- А г а ф и й: «Agathiae historiarum libri quinque», ed. Neibuhrus. Bonnae 1828.
 Автор «О начале города Византии»: «Scriptores originum Constantinopolitanarum», rec. Th. Preger, Lips. 1901—1903.
 Б а р - Г е б р: «Gregorii Abulpharagii sive Bar-Hebraer. Chronicon Syriacum», ed. Bruns et Kirsch. Lips. 1789.
 «Chronica Minora», saeculi IV, V, VI, VII, ed. Th. Mommsen. Berolini 1892.
 «Chronicon Paschale», recens. L. Dindorfius. Bonnae 1832.
 «Хроника Эдессы»: L. Hallier—«Untersuchungen über die edessenische Chronik», Leipzig. 1892.
 З а х а р и й: «Die Sogenannte Kirchengeschichte des Zacharias Rhetor», herausg. Ahrens u. Krüger. 1899.
 З о н а р а: «Ioannes Zonarae epitome historiarum», ed. L. Dindorfius, Lips. 1870.
 И о а н н А н т и о х и й с к и й: «Ioannis Antiocheni fragmenta» (у Müller'a, FHG, IV, S. 535).
 И о а н н и з Н и к и ю: «Chronicon ex Aethiopico sermone in Franco-gallico versus ab. Zetengerb» («Notices et Extraits», t. XXIV).
 И о а н н Э ф е с с к и й: «Die Kirchengeschichte des Iohannes von Ephesus», aus dem syrischen übers. v. Schönfeld. München 1862.
 И о р д а н: «Iordanis Romana et Getica», recens. Th. Mommsen. Berolini 1882.
 К е д р е н: «Georgius Cedrenus», ed. Immanuel Bekker. Bonnae 1838.
 К р а м е р: С р а м е р—«Anecdota Parisina». Oxonii 1839. Lib. pontif. «Gestorum pontificum Romanorum». Berolini 1898.
 М а р ц е л л и н К о м е с: «Marcellini comitis Chronicon» (в «Chronica Minora», t. II).
 М а л а л а: «Ioannis Malalae Chronographia» ex recens. L. Dindorfii. Bonnae 1831.
 М и х а и л С и р и е ц: V. Sanglois—«Chronique de Michel le Grand». Venise 1868.

- Викт. Тонн: «Victoris Tonnennensis Chronica» (в «Chronica Minora», t. II).
Свида: Suidas—«Lexicon», ed. Gaisford. Охон. 1834 (выходит новое издание).
Никифор Каллист: «Nicephori Callisti ecclesiasticae historiae libri». XVIII.
Paris 1630.
Феодор Лектор: «Theodori Lectoris fragmenta» (у Сramer'a—«Anecdota»)-
Феофан: «Theophanis Chronographia», rec. C. de-Voor. Leip. 1883.
ЭвагриЙ: «The ecclesiastic history of Evagrius», ed. Bidez and Parmentier.
Lond. 1898.
Гаммер: Наммер—«Konstantinopel und Bosporus». 1822.

УКАЗАТЕЛЬ

- Абидос (с таможей) **25**, 2, 3.
 Августа (именуется госпожой) **30**, 25, 26.
 Аборт **10**, 3.
 Адвокатов (преследование) **25**, 1, 2.
 Аддей (сириец), любимец Юстиниана **25**, 7.
 Азия **23**, 6.
 Акакий (отец Феодоры) **9**, 2.
 Аламундор **11**, 12.
 Александр Форфикула, его издевательство над солдатами **24**, 9;
 — над римлянами и пелопоннесцами **26**, 27.
 Александрия **26**, 35; **27**, 3 сл.
 Амалазунта **16**, 1 сл.
 Амантий (евнух) **6**, 26.
 Амасея (разрушена землетрясением) **18**, 42.
 Аназарб (разрушен землетрясением) **18**, 41.
 Анастасий (император) **6**, 5, 11; **9**, 3; **19**, 5, 7—8; **23**, 7;
 — (внук императрицы Феодоры) **4**, 37; **5**, 21—23.
 Анастасия (сестра Феодоры) **9**, 3.
 Анатолий (из Аскалона) **29**, 17.
 Андрей (епископ Эфесский) **3**, 4.
 Антиохия **2**, 25; **12**, 28; **18**, 41.
 Антонина (жена Велизария) I (passim) **2**, 3, 4, 5.
 Анты **11**, 11; **18**, 20; **23**, 6.
 Ареобинд (слуга Феодоры) **16**, 11;
 — муж Преекты, внучки Юстиниана **5**, 31.
 Арефа (вождь сарацинов) **2**, 28.
 Ариане (их храмы ограблены) **11**, 16—20;
 — запрещено исповедание в Африке **18**, 10.
 Армяне (в преторианской гвардии) **24**, 16.
 Арсений **27**, 19.
 Аскалонский сенат **29**, 17, 21.
 Ассирия **2**, 25 см. Сирия.
 Астрологи **11**, 37.
 Афины **26**, 33.
 Африка (провинция) ее размеры—**18**, 13;
 ее бедствия—**5**, 28; **6**, 25; **18**, 7.
 Басиан (убит Феодорой) **16**, 18—21.
 Басс (префект претория) **21**, 6.
 Бедерина (родина Юстиниана) **6**, 2.
 Безграмотный **6**, 11.
 Берит (торговля шелком) **25**, 14.
 Бесчеловечность **8**, 18; **13**, 18; **15**, 1, 21; **22**, 23; **26**, 44.
 Блесхан(ес) (перс) **2**, 28.
 Браки (знати устраивает сама Феодора) **17**, 28—31.
 Буза (военачальник) **4**, 4—12; **17**, 1.
 Валериан **2**, 30.
 Вандалы **18**, 6.
 Варвары получают дары от Юстиниана **8**, 5; **19**, 13;
 — опустошают пределы империи **11**, 3; **18**, 20, 21; **22**, 26.
 Василий, богач из Эдессы **12**, 6.
 Велизарий **1**, 11, 15—16, 18, 20, 22, 26; **2**, 6—11, 18, 21, 23; **3**, 1, 4, 13; **4**, 13—14, 17, 22, 25, 30, 31, 33; **5**, 1—2, 5, 17, 26; **12**, 6; **18**, 9.
 Венеты (народ) **18**, 7.
 Венеты, Прасины см. «Голубые», «Зеленые».
 Веспасиан **8**, 13.
 (по) воздуху ходить **20**, 22; **13**, 11.
 Вигилий (папа римский) **27**, 24.
 Виталиан **6**, 27—28.
 Витигис **4**, 32, 34.
 Вифиния **22**, 17.
 Владыка (титул Юстиниана) **30**, 25, 26.
 Водопроводы не восстанавливаются Юстинианом **26**, 23.
 «Воздушный налог», придуманный Юстинианом **21**, 2.
 Воины **23**, 22 (обслуживание); **24**, 1—9 (издевательство над воинами).
 «Выходные» артистки **9**, 11.
 Галатия **24**, 25.
 Галлия **19**, 17.
 Гекебол (один из любовников Феодоры) **9**, 27; **12**, 30.
 Гелленополь **30**, 8.
 Геллеспонт (таможни) **25**, 2 сл.
 Гепиды **18**, 18.
 Герей (подгородное имение) **15**, 36 см. Гиерон.
 Герман (племянник Юстиниана) **5**, 8—10.
 Германцы **18**, 17.
 Гермоген (mag. offic.) **17**, 32.
 Геродиан (сдался готам) **5**, 5—6.
 Гефест, наместник Александрии, **26**, 35.

- Гиерон (мыс у Черного моря) 25, 2.
 Гилара (наследство) 12, 5.
 Гипатий 9, 35.
 «Голубые» 7, 1, 3, 6, 8, 15; 9, 7, 43; 10, 16; 12, 28; 17, 3; 18, 33; 29, 30, 36.
 Готы 18, 16; 24, 9.
 Гунны 2, 20; 7, 8—10; 8, 5—6; 11, 1, 2, 5—6; 18, 20, 21; 21, 26; 23, 6.
 Дакибиза 30, 8.
 Дакия (границы с областью готов) 18, 16.
 Дамиан (сенатор) 29, 32—33.
 Демосфен (патриций) 12, 5.
 Деревенское население 11, 22, 23.
 «Диаграфе» 23, 17.
 Диоген 16, 23.
 Диоклетиан 26, 41.
 Дионисий (из Эдессы) 12, 6.
 Дитибист (сотоварищ Юстина) 6, 2.
 Долгов государственных сложение 23, 1, 7, 21.
 Доместики 24, 24; 26, 28.
 Домициан 8, 13—21.
 Донативы 24, 27, 28.
 Дороговизна 22, 14; 23, 12; 25, 16; 26, 21, 25.
 Евгений (палач Антонины) 1, 27.
 Евномиане (секта) 1, 15.
 Евреи 28, 16.
 Европа 18, 20; 23, 8.
 Евфрата (наследство присвоено Юстинианом) 29, 13.
 Евфимия (жена Юстина) 9, 47, 48, 49.
 Египет 12, 1, 30; 17, 40; 18, 22; 26, 37; 29, 11; 30, 10.
 Ересь 11, 14, 16; 18, 34; 19, 11; (27, 5).
 Еретики 11, 14—31; 18, 29.
 Женщины 7, 37; 17, 5—15.
 Заберган 2, 32, 33.
 Захария 3, 27.
 Зеленые 7, 4, 26; 9, 2, 3, 5, 7; 11, 36; 16, 18, 23; 17, 41; 18, 34; 19, 11.
 Землетрясение 18, 41.
 Зенон (внук императора Анфимия) 12, 1—3; — (император) 24, 17.
 Зерно (сгнившее) 22, 14.
 Зимарх (сотоварищ Юстина) 6, 2.
 Злой демон 12, 27.
 Ибора (разрушена землетрясением) 18, 42.
 Игры (общественные уничтожены) 7, 13; 8, 2; 9, 2, 6; 26, 8.
 Иллирик (опустошен варварами) 6, 1; 18, 20; 21, 26.
 Императоры: чернилами какого цвета подписывались 6, 15—6; целование их ног 30, 23.
 Индара (советница Феодоры) 17, 3, 4.
 Иоанна (дочь Велизария) 4, 37; 5, 21—23.
 Иоанн (префект казначейства) 22, 33—36;
 — (архиепископ Византии) 6, 26;
 — (Каппадокиец) 2, 16; 3, 7; 4, 18; 17, 38, 40; 21, 5;
 — (из Эдессы) 12, 6;
 — (горбатый) 6, 4;
 — (расточитель) 4, 4;
 — Лаксарион (наместник Александрии) 29, 1;
 — (сын Сисиниола) 5, 31;
 — (сын Феодоры) 17, 16—23;
 — (внук Виталиана) 5, 8.
 Ионийский залив 18, 20.
 Ириней 29, 16.
 Исавран (укрепление) см. Сисавраны.
 Исавры 6, 4.
 Италия 18, 13.
 Кабад (царь персов) 23, 7.
 Каллигон (служитель Антонины) 3, 2; 5; 15; 5, 27.
 Каллиник (город) 3, 31;
 — (наместник Киликии) 17, 2.
 Квадрат (вестник Феодоры) 4, 24, 26, 29.
 Квестор 6, 13; 14, 3; 20, 15, 17, 20.
 Кесария (в Палестине) 11, 25; 29, 17.
 Кесарийский адвокат см. Эвангел.
 Кидн (река) 18, 40.
 Кизик 17, 41.
 Клятвы (присяги) 2, 13; 21, 16, 17.
 Колоны 26, 17.
 Колхида 2, 26; 18, 24 см. Лазика.
 Комито (сестра Феодоры) 9, 3, 9.
 Константин Комес 1, 28; 1, 24;
 — (квестор) 20, 20.
 Консулы 4, 8; 26, 12 сл.
 Корабельщиков (моряков) мучения 25, 7—10.
 Коринф (город) 2, 25.
 Купцов (разорение) 25, 6. 17—19.
 Лазика 2, 26, 29; 30, 14; 18, 24 см. Колхида.
 Латинский язык 20, 17.
 Левафы (мавры) 5, 28, 34.
 «Леги» 6, 15.
 Леон киликиец (референдарий) 14, 16; 17, 32; 29, 28.
 Леонтий (референдарий) см. Леон.
 Либерий (римский патриций) 27, 17, 19; 29, 6.
 Ливия см. Африка.
 Лихнид (город в Эпире, разрушен землетрясением) 18, 42.
 Логофеты 18, 5; 24, 1, 5, 6, 7, 9, 10.
 Лонгин (открывший подлог Приска) 28, 10.
 Луппицина, жена Юстина 6, 17 см. Евфимия.
 Мавров (гибель) 18, 7.
 Магистраты на жалованье 21, 20.
 Македония (раба Антонины) 1, 21.
 — (подруга Феодоры) 12, 28.
 Малфан (киликиец) 29, 28.
 Маммиан 28, 3.
 Маммилиан 29, 17.
 Манихеи 11, 21.
 Мартин 4, 13.
 Массагеты 7, 10.
 Медиков (преследует Юстиниан) 26, 5—7
 Многобожие 19, 11.
 Монастырь 17, 5.
 Монахи 1, 41; 3, 29; 12, 24.
 Монеты 22, 3, 4, 38; 25, 12.

- Монополии 20, 2, 4, 5; 25, 8—10; 26, 36.
Монтанисты 11, 14, 23.
Набеда (перс) 2, 28.
Наводнения 18, 38—40.
Налоги 23.
Наследство после сенаторов см. Анатолий из Аскалона.
Наук (свободных Юстиниан гонитель) 26, 17.
Недоимки 23, 4.
Неприкосновенный 3, 25.
Нечестие см. Преступление.
Низибис 2, 24.
Ника (восстание) 12, 12; 19, 12.
Нил (наводнение) 18, 36.
Нищие (в Риме у храма Петра) 26, 29; — (в Александрии) 26, 35, 36.
Нотариус 28, 6.
Павел (еп. Александрийский) 27, 3 сл.
Палатины 22, 12.
Палестина 11, 24; 22, 34; 27, 6, 26; 31; 28, 16.
Партии цирка см. «Голубые», «Зеленые».
Патриций (осмеянный Феодорой) 15, 25 сл.; — (звание) 3, 16; 9, 30; 27, 17; 28, 3; 30, 21, 23.
Пасха (праздник) 9, 53; 13, 29; 28, 17.
Пегасий 5, 33.
Педерасты 11, 34—36; 20, 9.
Пелагий (архидиакон) 27, 17—24; 29, 2.
Пелопоннесцы (подвергнутые мучениям) 26, 31, 32.
Переезд по морю 30, 8, 9.
Персы 2, 26, 28, 31, 36; 7, 9; 11, 12; 12, 6; 18, 23, 25; 24, 12, 13, 21; 25, 16; 30, 12, 14, 24.
Перусия (взята готами) 5, 7.
Петр Барсима 22, 6, 22, 33, 37; 25, 7, 17, 20, 22, 36; — (римский военачальник) 4, 4; — (tag. offic.) 16, 2; 24, 22, 23.
Писиды 18, 42.
Пластинка с 4 буквами 6, 15.
Пограничники 24, 12.
Полибот (разрушенный землетрясением) 18, 42.
Подарки через каждые 5 лет см. Донатива.
Положение государства при Юстиниане 18.
Порфирион (приморская область) 30, 19.
Посещение дворца 30, 27.
Почта 30, 1, 8, 10.
Право (и справедливость продается) 14, 18.
Прасины 7, 4, 26; 9, 2, 3, 5, 7; 11, 36; 16, 18, 23; 17, 41; 18, 34; 19, 11.
Президий 1, 28.
Преступление 1, 27; 5, 24; 10, 3; 20, 5; 22, 19; 23, 14.
Претор (plebis) 20, 9 сл.
Преторианцы 14, 13; 24, 8.
Префекты 9, 37; 20, 1; 21, 1; 22, 5.
Приветствия императора и императрицы 30, 23.
Приск (секретарь Юстиниана) 16, 7; — (из Эмесы подделыватель подписей) 28, 1.
Прокл (квестор) 6, 13; 9, 41.
Прокопий (введение) 4, 44—45; 10, 9—10 (о судьбе); 12, 14 (о ересях).
Протекторы 24, 24—25.
Псой (диакон) 27, 14.
Пятилетние дарственные деньги 24, 27—29.
Развалины городов 18, 41—43.
Референдарии 14, 11; 17, 32; 29, 28.
Рим, римляне 6, 23; 11, 10; 26, 12, 17, 27.
Риторы см. Адвокаты.
Родон (префект Александрии) 27, 3, 18.
Саббатяны 11, 14.
Саббатию (отец Юстиниана) 12, 18.
Сабар (отец Юлиана) 11, 27.
Самаритяне 11, 24 сл.; 27, 7, 26, 27.
Сарацины 18, 22; 23, 6.
Сарданапал 1, 9.
Сатурнин 17, 32.
Сборщики податей в Ливии 18, 10; — в Италии 18, 15; — в Византии 22, 6; 23.
Сверхкомплектные 24, 19.
Секретарь а secretis 14, 4.
Селевкия 18, 41.
Семирамида 1, 9.
Сенаторы 8, 13, 10, 6; 11, 17, 40; 12, 12, 14, 7; 17, 7; 19, 12; 26, 3, 16; 28, 10, 27, 29; 30, 21.
Сергий (сын Вакха) 5, 28, 32, 33.
Сест 25, 2, 3.
Силенциарии 26, 28.
Сильверий (папа римский) 1, 14, 27.
Синона 22, 19; 23, 9, 13, 15.
Сисавраны 2, 18, 24.
Сиракузы 1, 21.
Сирия 22, 3; 25, 7.
Сирмий 18, 18.
Сисиниол (отец Иоанна) 5, 31.
Скирт (река) 18, 38.
Скитополис 27, 8.
Скифы 18, 21.
Славяне 11, 11; 18, 20, 25; 23, 6.
Слухи 11, 16 (19, 13) 20, 17; 21, 20.
Соломон 5, 29; — (сын Вакха) 5, 33—38.
Софии (храм) 3, 24; 9, 35; 17, 9.
Сполеций 5, 6.
Срок давности (столетний) 28, 9.
Схолари 24, 15; 21, 26, 28.
Счастье (его значение) 4, 44, 45.
Таможня 25, 3.
Тарс 18, 40.
Татиан (патриций) 12, 5.
Теодорих 24, 23; 26, 27—28.
Тигр (река) 2, 23, 25, 28.
Тир 25, 14.
Тотила 5, 6.
Трибониан 20, 16, 17; 13, 12.
Тюрьма во дворце 3, 2.
Убежище (asylum) нарушено 3, 4, 23—25.

- Фаустин (обвинявшийся в ереси самаритской) 27, 26.
 Феодор (друг Диогена) 16, 25—27.
 Феодора *passim*.
 Феодосий (сенатор) 3, 9.
 Феодосий (любовник Антонины) 1, 15—16, 22, 33, 37, 31; 2, 14; 3, 5, 12, 15, 20.
 Феодот «Тыква» (префект претория) 9, 37.
 Феодот (префект претория) 22, 2, 6.
 Фермопилы 26, 31.
 Филомеда (город писидов) 18, 42.
 Фока (префект претория) 21, 6.
 Фоллы (оболы) 25, 12.
 Форфикула «Ножницы» см. Александр.
 Фотий (сын Антонины) 1, 31; 34; 2, 5, 13; 3, 2, 5, 12, 13; 23, 29, 32.
 Фракия 21, 26.
 Франки см. Германцы.
 Фригия 11, 23; 18, 42; 22, 17.
 Халкедон 19, 2; 27, 5; 30, 8.
 Херсонес 18, 20.
 Хлебный налог 22, 18, 19; 23, 3, 4, 11, 12.
 Хозрой (царь персов) 2, 31; 3, 31; 11, 12; 12, 7; 18, 28; 23, 7; 30, 13; 38, 23.
 Хрисомалло (подруга Феодоры) 17, 33, 34;
 — (другая гетера) 17, 34.
 Христиане 6, 27; 3, 24; 11, 25, 30, 32, 33; 19, 11; 27, 7, 8, 11, 12, 26, 27, 32; 28, 17.
 Целомудрие женщины 7, 37.
 Человекоподобный (демон) 12, 14; 18, 1.
 Чиновников жалование не выплачивается 22, 13;
 — их разорение 24, 32.
 Чудовище (морское) 15, 37.
 Чума (тиф) 18, 19, 44.
 Шелк (или шелковое производство) 25, 14 сл., 21, 24 сл.
 Шпионы (уничтожены Юстинианом) 30, 12—14.
 Эвангел (адвокат) 30, 18—20.
 Эвдемон 29, 4, 5.
 Эдесса (разрушение) 18, 38.
 Эллины 11, 31; 24, 7.
 Эмесская церковь 28, 2 сл.
 Эпиболе 23, 15.
 Эфес 3, 2, 3.
 Юлиан (тиран Самарии) 11, 27.
 Юнил (квестор) 20, 17, 20.
 Юстин 6, 2, 3, 11, 12, 15—16, 18; 9, 50, 51, 54.
 Юстина (дочь Германа) 5, 8.
 Юстиниан *passim*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В № 4(5) ВДИ

- AB—Amtliche Berichte.
AOF—«Archiv für Orientforschung».
APAW—Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften.
BGU—«Ägyptische Urkunden von den Königlichen Museen zu Berlin. Griechische Urkunden».
BZ—«Byzantinische Zeitschrift».
BzA—Beiträge zur Assyriologie.
СМН—Cambridge Medieval History.
ДАН—Доклады Академии наук.
ЕВ—Encyclopaedia Britannica.
JAs—«Journal asiatique».
JEA—«Journal of Egyptian Archaeology».
JRAS—«Journal of the Royal Asiatic Society».
HGM—Historici Graeci min res.
ЗВОРАО—«Записки Восточного отделения Российского археологического общества».
ЗКВ—Заметки коллегии востоковедов.
ИАК—«Известия Археологической комиссии».
ИАН—«Известия Академии наук».
ИГАИМК—«Известия Государственной Академии истории материальной культуры».
IG—Inscriptiones Graecae.
IPE (IosPE)—Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini.
KB—Keilinschriftliche Bibliothek.
KUB—Keilschrifturkunden aus Boghazköi.
NC—«Numismatic chronicle».
НС—Нумизматический сборник.
OGIS—W. Dittenberger—Orientis Graeci Inscriptiones Selectae.
OLZ—«Orientalistische Literaturzeitung».
PSI—Pubblicazione della società Italiana per la ricerca dei Papiri greci e latini in Egitto.
PhW—«Philologische Wochenschrift».
RAs—«Revue d'Assyriologie».
RE—Pauly—Wissowa—Kroll—Real Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft.
RN—«Revue numismatique».
SB—F. Preisigke u. F. Bilabel—Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten.
SEG—Supplementum Epigraphicum Graecum.
SHA—Scriptores historiae Augustae.
СМОПРК—Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
SPAW—«Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften».
Syll.—W. Dittenberger—Sylloge Inscriptionum Graecarum.
ZA—«Zeitschrift für Assyriologie».
ZAS—«Zeitschrift für Ägyptische Sprache».
ZDMG—«Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft».

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ,

помещенных в «Вестнике древней истории» за 1938 г.

	№ журн.	Стр.
<i>Проф. В. И. Авдиев</i> — Военная политика Египта в эпоху архаики и Древнего Царства	1	45
<i>А. И. Амيرانашвили</i> — Иберия и римская экспансия в Азии . . .	4	161
<i>Проф. С. В. Бахрушин</i> — «Держава Рюрикoviчей»	2	88
<i>М. В. Воеводский и М. П. Грязнов</i> — У-суньские могильники на территории Киргизской ССР (К истории у-суней)	3	162
<i>Проф. Б. Грязный</i> (Прага) — Об одной интересной «хеттской» иероглифической надписи	1	23
<i>Проф. Б. Грязный</i> (Прага) — Хеттские народы и языки	2	18
<i>Акад. С. А. Жебелев</i> — Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в советской науке	4	13
<i>Д. П. Калистрев</i> — Этюды из истории Боспора римского времени . .	4	174
<i>К. М. Колубова</i> — Из истории классовой борьбы на Родосе	2	80
<i>Е. И. Крупнов</i> — Галиатский могильник, как источник по истории алан-оссов	2	113
<i>М. В. Левченко</i> — Византия и славяне в VI—VII вв.	4	23
<i>Проф. И. М. Лурье</i> — Стоимость раба в древнем Египте	4	65
<i>Проф. С. Я. Лурье</i> — К организации нотариата в греческой метрополии	2	66
<i>Проф. С. Я. Лурье</i> — Новое папирусное свидетельство в борьбе за Сигей	3	88
<i>Н. А. Машкин</i> — Агонистики, или циркумцеллионы, в кодексе Феодосия	1	82
<i>З. Мишина</i> — Выступление Максимиана и позиция сената	3	133
<i>Проф. А. В. Мишулин</i> — Советская историография и задачи древней истории (передовая)	1	3
<i>Проф. А. В. Мишулин</i> — Миф об Антее у древних авторов	1	99
<i>Проф. А. В. Мишулин</i> — За передовую науку по древней истории (передовая)	2	5
<i>Проф. А. В. Мишулин</i> — Неоценимый вклад в марксистскую историческую науку (передовая)	3	17
<i>Проф. А. В. Мишулин</i> — О наследстве русской науки по древней истории	3	25
<i>Проф. А. В. Мишулин</i> — Утопический план аграрной Магнезии	3	92
<i>Проф. А. В. Мишулин</i> — Марксистско-ленинская теория исторического процесса (передовая)	4	3
<i>Ганс Мюлештейн</i> (Цюрих) — Историческое значение вопроса об этрусках	4	49
<i>Акад. Н. М. Никольский</i> — Проблемы критики библии в советской науке	1	30
<i>Акад. Н. М. Никольский</i> — Община в Древнем Двуречье	4	72
<i>Проф. Дитлеф Нильсен</i> (Копенгаген) — О древнеарабской культуре и религии	3	36
О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)». Постановление ЦК ВКП(б)	3	3
<i>Н. В. Пигулевская</i> — К истории социальных и экономических отношений в Месопотамии VI в.	3	149

<i>Г. П. Поляков</i> — Витрувий и Август	4	146
<i>А. А. Потапов</i> — Рельефы древней Согдианы, как исторический источник	2	127
Речь товарища Сталина на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 г.	2	3
<i>Проф. В. С. Сергеев</i> — Разложение рабовладельческой системы и начало колоната в Римской империи	3	117
<i>А. П. Смирнов</i> — О возникновении государства волжских болгар.	2	99
<i>Акад. В. В. Струве</i> — Изучение истории древнего Востока в СССР за период 1917—1937 гг.	1	13
<i>Акад. В. В. Струве</i> — Подлинная причина разрушения иудейского храма на Элефантине в 410 г. до н. э.	4	99
<i>С. П. Толстов</i> — К истории древнетюркской социальной терминологии	1	72
<i>С. П. Толстов</i> — Монеты шахов Древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит	4	120
<i>Проф. А. А. Фрейман</i> — Согдийский рукописный документ астрологического содержания (календарь)	2	34
<i>Проф. А. А. Фрейман</i> — К имени согдийского ихшида Гурека	3	147
<i>В. Н. Худатов</i> — Халды-урартийцы после падения Ванского царства	2	122
<i>М. А. Шангин</i> — Аттическая свинцовая табличка	1	101
<i>М. А. Шангин</i> — Некоторые надписи херсонесского музея	3	72
<i>Р. В. Шмидт</i> — Античное предание о дорийском переселении	2	50
<i>Л. И. Якунина</i> — Древняя иранская ткань из собрания Государственного Исторического музея	1	104

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Проф. В. И. Авдиев</i> — Г. Ранке, «Египетские личные имена»	1	123
<i>Проф. В. И. Авдиев</i> — Раскопки в Мари	2	158
<i>В. Д. Блаватский</i> — Помпеянские росписи	3	226
<i>Проф. М. А. Грмяцкий</i> — Аристотель, «О частях животных»	3	203
<i>Л. А. Ельницкий</i> — Раскопки в Дура-Эвропос	2	170
<i>Л. А. Ельницкий</i> — Аннотации иностранных журналов за 1937 год	4	229
Издания исторической редакции Союзгиза	2	190
<i>Т. Н. Книпович</i> — Л. М. Славин, «Ольвия»	3	224
<i>М. М. Кобылина</i> — В. Д. Блаватский, «Архитектура древнего Рима»	3	227
<i>С. П. Кондратьев</i> — Обзор журнала «Byzantion» за 1931—1937 гг.	4	184
<i>К. Я. Костко</i> — История древнего мира в журнале «Историк-марксист»	2	182
<i>К. Я. Костко</i> — Вопросы древней истории на страницах «Известий Академии наук СССР»	3	229
<i>К. К.</i> — История древнего мира в «Историческом журнале»	2	187
<i>К.</i> — История древности в «Советской этнографии»	3	233
<i>Акад. И. Крачковский</i> — Новое пособие в области южноарабских древностей	2	145
<i>Проф. Н. Кун</i> — М. С. Альтман, «Греческая мифология»	2	180
<i>И. Лурье</i> — И. Л. Снегирев, Ю. П. Францов, «Древний Египет»	3	220
<i>И. Лурье</i> — J. Cerny—Ostraca hieratiques	4	222
<i>Проф. С. Лурье</i> — Из истории математики в древности	3	193
<i>Н. А. Машкин</i> — Из литературы о принципате	1	116
<i>Н. А. Машкин</i> — Эдикты Августа из Киренаики	3	180
<i>Проф. А. Мишулин</i> — Открытие древнейшей цивилизации в долине Инда	1	121
<i>Проф. А. Мишулин</i> — «Peuples et civilisations»	4	218
<i>Н. М.</i> — Новая работа по истории религии	1	125
<i>Проф. Н. И. Навосадский</i> — Античная эпиграфика в СССР за 20 лет (1917—1937)	4	200
Обзор иностранных журналов	1	131
<i>Проф. В. А. Пархоменко</i> — Древняя история России в освещении Ключевского и Преснякова	3	199
<i>Т. С. Пассек</i> — О дилетантизме в науке	1	129

Г. П. Поляков — К истории витрувианства на Западе и у нас	2	138
А. Рачович — Из литературы о текстах Рас-Шамры	2	150
А. Ранвич — Allan Chester Johnson—Roman Egypt to the reign of Diocletian	4	225
А. Рачович — Papugi Osloenses	4	227
А. Ранович — В. С. Сергеев, «Очерки по истории древнего Рима»	4	213
Прф. Г. В. Сергеевский — Катон, Варрон, Колумелла, Плиний, «О сельском хозяйстве»	3	206
А. Смирнов — М. И. Артамонов, «Очерки древнейшей истории хазар»	3	218
С. Толстэв — Л. В. Баженов, «Средняя Азия в древний период»	2	177
И. И. Умняков — «История» Фахрэддина Мубаракшаха	1	108
И. И. Умняков — Hudud al-Alam	3	211

ХРОНИКА

А. М. — В Академии наук СССР и в московских вузах	2	238
Е. А. Байбуртян — Культурный очаг из раскопок Шингавитского поселения в 1936—1937 гг.	4	255
Г. Д. Белов — Новая херсонесская мозаика	3	238
В Институте антропологии МГУ	3	257
М. Воеводский — Остатки торфяного поселения Лужицкой культуры в Польше	2	224
В. В. Гольмстен — Обзор археологических работ в 1937 г.	3	242
Л. Ельницкий — Археологические раскопки в Греции и Восточном Средиземноморье за последние годы	2	194
Изучение древней истории в Институте востоковедения Академии наук СССР	3	255
С. Киселев — Саяно-алтайская археологическая экспедиция в 1937 г.	2	237
Е. И. Крупнов — К 50-летию юбилею научной деятельности проф. В. А. Городцова	3	236
На сессии ООН АН СССР	4	259
О плане работ редакции «Вестника древней истории» на 1939 год	4	265
В. В. Павлов — Египетская скульптурная модель № 2141 из собрания Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина	4	247
Т. С. Пассек — Трипольские модели жилища	4	235
Памяти А. И. Малеина	4	270
М. А. Шангин — Новый географический текст	4	252
Д. Н. Эдинг — Экспедиционная работа московских археологов в 1937 г.	1	138

ПРИЛОЖЕНИЯ

В. Д. Блаватский — Раскопки Харакса в 1931, 1932 и 1935 гг.	2	321
Л. А. Ельницкий — Из исторической географии древней Колхиды	2	307
Л. А. Ельницкий — «Кембриджская древняя история»	3	276
Акад. С. А. Жебелев — Народы Северного Причерноморья в античную эпоху	1	149
К. К. Зельин — О построении истории эллинизма в «Истории древнего мира» АН СССР	3	338
Проф. А. Н. Зограф — Реформа денежного обращения в Боспорском царстве при Савромате II	2	287
Д. П. Калистэв — Этюды из истории Боспора в римский период	2	276
С. В. Киселев — Советская археология Сибири периода металла	1	228
М. М. Кобылина — К изучению искусства древнегреческого города Фанагории	2	336
Под ред. акад. Н. М. Никольского — Проблемы древней истории Белоруссии	1	164
Акад. Н. М. Никольский — О построении истории древнего Востока	3	314
А. П. Окладников — Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья	1	244
Т. С. Пассек — Исследования Трипольской культуры в УССР за 20 лет	1	261
Г. П. Поляков — Древняя история в «Histoire Générale» Г. Глоца	3	261

<i>Прокопий Кесарийский</i> — Тайная история (пер. С. П. Кондратьева)	4	271
<i>С. И. Протопова</i> — История древнего мира в построении Эд. Мейера	3	298
<i>А. Ранович</i> — Религия и атеизм в «Истории древнего мира» АН СССР	3	351
<i>Проф. В. С. Сергеев</i> и <i>Н. А. Машкин</i> — О построении истории Рима в «Истории древнего мира» АН СССР	3	345
<u><i>Проф. Г. В. Сергиевский</i></u> — О построении истории древней Греции в «Истории древнего мира» АН СССР	3	333
<i>А. И. Терноожкин</i> — К историко-археологическому изучению Казахстана и Киргизии	1	204
<i>С. А. Токарев</i> — Из истории якутского народа	1	216
<i>С. П. Толстов</i> — Основные вопросы древней истории Средней Азии	1	176
<i>Акад. А. И. Тюменев</i> — Херсонесские этюды	2	245

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Марксистско-ленинская теория исторического процесса (передовая) — <i>А. Мишулин</i>	3
<i>Акад. С. А. Жебелев</i> — Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в советской науке	13
<i>М. В. Левченко</i> — Византия и славяне в VI—VII вв.	23
<i>Ганс Мюлештейн</i> — Историческое значение вопроса об этрусках	49
<i>Проф. И. М. Лурье</i> — Стоимость раба в древнем Египте	65
<i>Акад. Н. М. Никольский</i> — Община в Древнем Двуречье	72
<i>Акад. В. В. Струве</i> — Подлинная причина разрушения иудейского храма на Элефантине в 410 г. до н. э.	99
<i>С. П. Толстов</i> — Монеты шахов Древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит	120
<i>Г. П. Поляков</i> — Витрувий и Август	146
<i>А. И. Амиранашвили</i> — Иберия и римская экспансия в Азии	161
<i>Д. П. Калистов</i> — Этюды из истории Боспора римского времени	174

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>С. Кондратьев</i> — Обзор журнала «Byzantion» за 1931—1937 гг.	184
<i>Проф. Н. Новосадский</i> — Античная эпиграфика в СССР за 20 лет (1917—1937)	200
<i>А. Ранович</i> — В. С. Сергеев, Очерки по истории древнего Рима	213
<i>Проф. А. Мишулин</i> — «Peuples et civilisations»	218
<i>Проф. И. Лурье</i> — J. S e r n y — Ostraca hieratiques	222
<i>А. Ранович</i> — Allan Chester Johnson — Roman Egypt to the reign of Diocletian	225
<i>А. Ранович</i> — «Papyri Osloenses»	227
<i>Л. Ельницкий</i> — Аннотации иностранных журналов за 1937 г.	229

ХРОНИКА

<i>Т. Пассек</i> — Трипольские модели жилища	235
<i>В. Павлов</i> — Египетская скульптурная модель № 2141 из собрания Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина	247
<i>М. Шангин</i> — Новый географический текст	252
<i>Е. Байбуртян</i> — Культурный очаг из раскопок Шингавитского поселения в 1936—1937 гг.	255
На сессии ООН АН СССР	259
О плане работ редакции «Вестника древней истории» на 1939 г.	265
Памяти А. И. Малеина	270

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Пркопий Кесарийский</i> — Тайная история (пер. С. П. Кондратьева)	271
Перечень статей, помещенных в «Вестнике древней истории» за 1938 г.	362

SOMMAIRE

<i>A. Michouline</i> — La théorie de Marx-Lénine du procès historique (editorial) . . .	3
<i>S. A. Gebelev</i> — De l'Académie des Sciences de l'URSS — La Byzantologie russe, son passé et ses problèmes dans les recherches scientifiques en URSS	13
<i>M. V. Levtschenko</i> — La Byzance et les Slaves aux VI—VII siècles	23
<i>Hans Muhlestein</i> — L'importance historique de la question des Etrusques . . .	49
<i>Prof. I. M. Lourié</i> — Le prix de l'esclave en Ancienne Egypte	65
<i>N. M. Nikolsky</i> , de l'Académie des Sciences de l'URSS — La communauté en ancienne Assyro-Babylonie	72
<i>V. V. Strouvé</i> , de l'Académie des Sciences de l'URSS — La cause véritable de la ruine du temple juédaique de l'Elephantine en 410 avant notre ère . .	99
<i>S. P. Tolstov</i> — Les monnaies des Chahs de l'ancien Khorezme et l'ancien alphabet khorezmien	120
<i>G. P. Poliakov</i> — Vitruve et Auguste	146
<i>A. I. Amiranachvili</i> — L'Ibérie et l'expansion de Rome en Asie	161
<i>D. P. Kalistov</i> — Etudes de l'histoire du Bospore, période romaine	174

CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE

<i>S. Kondratieff</i> — «Byzantion», revue	184
<i>Prof. N. Novosadsky</i> — L'épigraphie ancienne en URSS pendant 20 ans (1917—1937)	200
<i>A. Ranovitch</i> — V. S. Sergeef «Précis de l'histoire de l'ancienne Rome» . .	213
<i>Prof. A. Michouline</i> — «Peuples et civilisations»	218
<i>Prof. I. Lourié</i> — J. Černý—Ostraca hieratiques	222
<i>A. Ranovitch</i> — Allan Chester Johnson—Roman Egypt to the reign of Diocletian	225
<i>A. Ranovitch</i> — «Papyri Osloenses»	227
<i>L. Elnitsky</i> — Revue des journaux étrangers	229

CHRONIQUE

<i>T. Passek</i> — Modèles de la demeure tripolienne	235
<i>V. Pavloff</i> — Modèle de sculpture du Musée des Arts plastiques	247
<i>M. Changuine</i> — Un nouveau texte géographique	252
<i>E. Baibourtian</i> — Foyer de culte des fouilles de la colonie de Chingaviste (1936—1937)	255
A la session de la Section des sciences sociales de l'Académie des Sciences de l'URSS	259
Plan des travaux de la rédaction de la «Revue d'Histoire Ancienne» pour 1939	265
A la mémoire de A. I. Malein	270

SUPPLEMENT

<i>Procopé de Césarié</i> — Histoire secrète (traduite par S. P. Kondratieff)	271
---	-----

И. О. ОТВЕТСТВЕННОГО РЕДАКТОРА
А. В. МИШУЛИН

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
*Москва, Красная площадь, здание
Совнаркома СССР, 3-й этаж*

*Тираж 16 000 экз. 23 печ. л.
70×108¹/₁₆. В 1 п. л. 57 024 зн.
Сдано в набор 7/X 1938 г. Под-
писано к печати 19/II 1939 г.
Соцэргиз № 84.
Заказ типографии № 1480.*

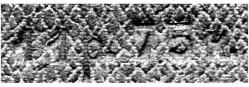
Технический редактор
С. Т о п а з

**Заставки и концовки худ. Люминар-
ского—Столярова**

*Уполномоч. Главлита № А-4816.
Отпечатано в 16-й типографии
Огиза РСФСР треста «Полиграф-
книга», Москва, Трехпрудный пер.,
д. 9*

Henker